

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2022

№ 75

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugrumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнк (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Алиева Э.А. Семантико-функциональный потенциал обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе	5
Калинин О.И. Новизна метафоры и воспринимаемая уместность: содержательная, лингвокультурная и социальная вариативность	27
Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Репрезентация семантического поля «болезнь человека» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия»	45
Молодыхенко Е.Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа?	67
Мусатаева М.Ш., Котлярова И.В. Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»	94
Нагорная А.В. Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре	120
Осипова К.В. Названия хлеба на Русском Севере: этнолингвистический аспект	148
Полова Л.В. Неформальная оценка незаконного обмана как этнокультурная черта русского юридического лингвосознания в ретроспективе	168
Киклевич А., Пшибышевский С. Прагматический статус эстетических речевых актов	183
Саркисян М.С., Зимина Е.В. Язык референдумов через призму британских газетных заголовков	199
Сквайре Е.Р. Синтактико-морфологические аспекты русского перевода нижненемецких фамилий из исторических документов Любека XIV–XVI вв.	221
Шашкова В.Н. Специфика проявлений модальных значений необходимости и возможности в профессиональном юридическом дискурсе	245

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Богданова О.В., Ван Ц. Синтетизм автобиографического повествования Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю»	263
Исаченко Т.А. Императорская коллекция / Альбом великой княжны Ольги Константиновны – «королевы эллинов»: литературный альманах или книга памяти? (экземпляр цесаревича Николая Александровича)	276
Ишимбаева Г.Г. «Шекспировский текст» в российском детективе начала XXI в.	295
Маслова Ж.Н. Профиль поэта-классика в социальной сети как форма присвоения и интерпретации литературного знания. Анализ цифровой личности Н.С. Гумилева	307
Яровикова Ю.В. Особенности функционирования медиальных включений в живописном экфрасисе	321

ЖУРНАЛИСТИКА

Беленко В.Е., Федотова А.А. Сайты Lenta.ru и Gazeta.ru в 1999–2019 гг.: трансформация представлений об удобном, красивом, приемлемом	345
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Егорова Л.В. В.Т. Шаламов: «Нет конца моему житию...» Рецензия на книгу: Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта)	366
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Aliyeva E.A. Semantic and functional features of words of address in the ornamental literary prose monologue	5
Kalinin O.I. Metaphor novelty and perceived aptness: Content, cultural and social variability	27
Maslova A.Yu., Mochalova T.I. Representation of the semantic field “human disease” in the <i>Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia</i>	45
Molodychenko E.N. Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era?	67
Mussatayeva M.Sh., Kotlyarova I.V. Modeling emotional concepts: Anguish, sadness, sorrow, grief	94
Nagornaya A.V. Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture	120
Osipova K.V. Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect	148
Popova L.V. Informal evaluation of unlawful deception as an ethno-cultural feature of the Russian legal language consciousness: A diachronic analysis	168
Kiklewicz A., Przybyszewski S. The pragmatic status of aesthetic speech acts	183
Sargsyan M.S., Zimina E.V. The language of referenda through the prism of British press headlines	199
Squires C.R. Family names in 14th–15th-century Lubeck: Syntactic and morphological aspects of translation into modern Russian	221
Shashkova V.N. Specific manifestations of modal meanings of necessity and ability in professional legal discourse	245

LITERATURE STUDIES

Bogdanova O.V., Wang J. The synthetism of Ruslan Kireev’s autobiographical narrative <i>Fifty Years in Paradise</i>	263
Isachenko T.A. The imperial collection / Album of Grand Duchess Olga Konstantinovna, Queen of the Hellenes: A literary almanac or a book of memory? (A copy of Tsarevich Nikolai Alexandrovich)	276
Ishimbaeva G.G. “Shakespearean text” in the Russian detective story of the early 21st century	295
Maslova Zh.N. Profile of a classical poet in the social network as a form of literary knowledge adoption and interpretation. Analysis of Nikolay Gumilyov’s digital personality	307
Yarovikova Yu.V. The peculiarities of medial elements’ functioning in a painting ekphrasis	321

JOURNALISM

Belenko V.E., Fedotova A.A. The websites of the internet-media Lenta.ru and Gazeta.ru in 1999–2019: Transformation of ideas about the appropriate, the beautiful, and the proper	345
---	-----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Egorova L.V. Varlam Shalamov: “My life-story has no end ...” Book Review: Shalamov, V.T. (2020) <i>Stikhotvoreniya i poemy</i> [Poems]. In 2 volumes. St. Petersburg: Izdatel’stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova	366
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/75/1

Семантико-функциональные особенности обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе

Эльвина Аметовна Алиева

*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан,
alieva.elvina@rambler.ru*

Аннотация. Впервые проведен комплексный анализ коммуникативно-прагматических особенностей обращений с учетом горизонтального и вертикального срезов произведений писателей-орнаменталистов – А. Белого, К. Федина, Ю. Тынянова, В. Набокова. Осуществлено сопоставление субъективных форм художественного повествования по характеру использования обращений, выявлены особенности индивидуально-авторского использования обращений в различных типах повествования, изменения семантико-функционального потенциала данной языковой единицы.

Ключевые слова: обращение, речевые формы устного диалога, экспрессивные формы синтаксиса, орнаментальная проза, монолог, субъективные типы повествования

Для цитирования: Алиева Э.А. Семантико-функциональные особенности обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 5–26. doi: 10.17223/19986645/75/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/1

Semantic and functional features of words of address in the ornamental literary prose monologue

Elvina A. Aliyeva

*National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan,
alieva.elvina@rambler.ru*

Abstract. The article reveals the structural, semantic and functional features of one of the regular speech forms of oral dialogue – words of address in the ornamental literary prose monologue. A review of the available works showed that the analysis of words of address is limited to determining their subject types and identifying their language functions in dialogical speech or in lyric poetry. Terms of addresses in the

literary prose monologue, in particular ornamental, have not been analyzed, which justifies the relevance of this study. The communicative features and the originality of the syntactic structure of the language of ornamentalists' works have remained practically unexplored; the semantic and functional potential of words of address used in the language of ornamental texts has not been comprehensively analyzed. This also determines and justifies the relevance of this topic. The aim of the study is to establish the semantic and functional status of words of address in the Russian monological ornamental artistic-prose speech of the first third of the twentieth century. The material of the study is the evidence obtained by continuous sampling from works of writers of the first third of the 20th century – the brightest representatives of ornamentalism – A. Bely's *Petersburg*, K. Fedin's *Cities and Years*, Yu. Tynyanov's *Death of Vazir-Mukhtar*, V. Nabokov's *Gift*. The objectives of the study are: 1) to identify subject types of address words in the ornamental literary prose monologue; 2) to describe the semantic and functional features of address words in the literary prose monologue in horizontal and vertical sections of the literary whole; 3) to determine the specifics of the individual author's use of address words in literary speech and to identify the general features of these words' functioning in the language of ornamental prose. The work used descriptive-analytical, distributive, syntagmatic research methods. The choice of these methods was determined by the object and focus of the study. The object of the research is address words in the linguistic structure of ornamental prose. The focus is the semantic and functional features of these words in the ornamental literary prose monologue. The scientific novelty of the study lies in the fact that the material of Russian fiction of the first third of the twentieth century, which has not yet been examined, is comprehensively analyzed to determine the communicative-pragmatic characteristics of address words, taking into account the horizontal and vertical sections of each investigated literary text. In addition, subjective forms of fiction have been compared according to the nature of the use of the language units in question. Peculiarities of individual authorial use of address words in various types of narration, changes and enrichment of the semantic and functional potential of the words are revealed, linguopoetic features of increments in the meaning and functions of address words focused on updating the means of language expressiveness are described.

Keywords: word of address, speech forms of oral dialogue, expressive forms of syntax, ornamental prose, monologue, subjective types of narration

For citation: Aliyeva, E.A. (2022) Semantic and functional features of words of address in the ornamental literary prose monologue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 5–26. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/1

В лингвистической науке большое количество работ посвящено изучению обращения. В основном обращение интерпретируется как синтаксическая категория и изучается на материале письменных и устных форм диалогической речи [1–5]. Многосторонний анализ сущности и функционирования обращения в русском языке впервые был представлен в трудах А.А. Шахматова [6] и А.М. Пешковского [7]. Однако интерес к данной речевой форме устного диалога со стороны лингвистов не угас. Лингвистами описаны способы выражения и распространения обращений в устной и письменной диалогической речи, место в высказывании, характер их интонирования в зависимости от лексического выражения и степени распространенности [8–17].

Т.Г. Лупашку отмечает три подхода изучения данной языковой единицы:

1) системно-структурный: с одной стороны, обращение причисляется к обособленным членам предложения, с другой – определяется как самостоятельное односоставное предложение;

2) функциональный и функционально-стилистический;

3) коммуникативно-прагматический, учитывающий фактор адресата и участие лексических парадигм в коммуникативной стратегии текста [18, 19].

Незначительное количество работ посвящено изучению обращения в монологической речи. Среди исследований в этой области наибольший интерес представляют статья Л.Ю. Максимова «Обращение в стихотворной речи» [20] и монография И.И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис» [21]. В трудах этих ученых содержатся наблюдения, касающиеся способов выражения, распространения и функционирования обращений в русской лирической поэзии XIX–XX в.

Л.Ю. Максимовым впервые поднята проблема об исключительных условиях функционирования этой единицы в поэтическом языке и намечены четыре основные функции обращений в стихотворной речи: собственно-звательная, фиктивно-звательная, условно-звательная, координационно-звательная, – на основе которых ученый выделяет функциональные типы обращений. Классификация обращений, предложенная Л.Ю. Максимовым, до сих пор находит отражение в работах современных лингвистов.

И.И. Ковтунова описала все выявленные ею предметные типы обращений в лирической поэзии и выделила три функциональных типа обращений: обращения-номинации, обращения-характеристики и обращения в форме фразовой номинации.

В последнее время предметом изучения оказываются обращения в лирической поэзии отдельных авторов в работах Т.С. Приходько [22], П.Н. Толстогузова [23], Т.Г. Лупашку [18, 19], Т.В. Коченковой [24]; Али Нажва Фуад [25], В.В. Забурдяевой [26, 27], П.А. Станковкина [28], А.К. Ульковой [29] и др.; или целых периодов литературы в работах И.Н. Наумовой [30], Н.В. Степиховой [31] и др.

Обзор существующих работ показал, что анализ обращения ограничивается определением их предметных типов, выявлением их языковых функций на материале диалогической речи или поэтических текстов. Анализ же обращений на материале художественно-прозаического монолога, в частности орнаментального, не проводился, что обосновывает **актуальность** нашего исследования.

Данная статья посвящена исследованию обращения с точки зрения его структурных, семантических и функциональных свойств в орнаментальном художественно-прозаическом монологе.

В начале XX в. русская проза испытала на себе сильное и разностороннее влияние стихотворной речи, в результате чего возникла так называемая «орнаментальная, поэтическая проза». Именно в орнаментальной прозе, как и в поэзии, отразилось «стремление не просто излагать результат по-

знания и восприятия мира, но образно представлять мысль, чувство как процесс, как поток сознания» [21. С. 12]. Это обусловило активное использование в данной прозе внутреннего диалога. В связи с этим резко возросла употребительность субъектно-экспрессивных форм синтаксиса. Одним из первых писателей, кто реализовал богатый семантико-функциональный потенциал субъектно-экспрессивных форм синтаксиса, был А. Белый. Его последователями в плане использования и развития в художественной речи разнообразных возможностей субъектно-экспрессивных форм синтаксиса были Ю. Тынянов, А. Ремизов, Л. Леонов, К. Федин, В. Набоков, М. Булгаков, М. Цветаева и др.

Творчество перечисленных писателей, их произведения не раз являлись предметом исследования литературоведов, языковые особенности идиостиля также привлекали внимание лингвистов. Однако практически не исследованными остались коммуникативные особенности и своеобразие синтаксического строя языка произведений орнаменталистов, не был подвергнут комплексному анализу семантико-функциональный потенциал обращений, использованных в языке орнаментальных текстов. Этим также определяется и обосновывается **актуальность** данной темы.

Исследование в выбранном направлении уже дало свои результаты при анализе семантико-функционального потенциала таких субъектно-экспрессивных форм синтаксиса, как вопрос и повеление [32, 33], и может быть продолжено путем выявления специфики функционирования других субъектно-экспрессивных форм синтаксиса в различных типах художественно-прозаического повествования.

Цель исследования – установление семантико-функционального статуса обращений в русской монологической орнаментальной художественно-прозаической речи первой трети XX в.

Намеченная цель подразумевает постановку и решение следующих **задач**:

- 1) выявление предметных типов обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе;
- 2) описание семантико-функциональных особенностей обращений в художественно-прозаическом монологе на горизонтальном и вертикальном срезах художественного целого;
- 3) определение специфики индивидуально-авторского использования обращений в художественной речи, а также выявление общих особенностей функционирования данных средств в языке орнаментальной прозы.

Материалом исследования послужили фактические данные, полученные методом сплошной выборки из произведений писателей первой трети XX в. – ярких представителей орнаментализма – А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар».

В привлеченных для анализа романах, характеризующихся взаимодействием различных повествовательных форм, наблюдается обыгрывание разнообразных видов коммуникативных ситуаций, типов субъектов и адресатов речи, схожих, с отмеченными И.И. Ковтуновой в лирической поэ-

зии [21], и ряд специфических типов коммуникативных контактов, не характерных для лирической поэзии [33]. В связи с этим речевая структура данных произведений характеризуется экспрессивностью и использованием большого количества обращений, отличающихся своеобразием функционального потенциала.

В работе использовались следующие **методы** исследования:

- описательно-аналитический метод с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, интерпретацией и типологизацией;
- дистрибутивный метод, в частности аналитическое описание функциональных особенностей обращений в художественных текстах;
- синтагматический анализ и контекстуальный.

Выбор перечисленных методов обусловлен объектом и предметом исследования.

Объектом исследования являются обращения в языковой структуре орнаментальной прозы.

Предмет анализа – семантико-функциональные особенности обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе.

Научная новизна исследования заключается в том, что на необследованном до сих пор материале русской художественной прозы первой трети XX в. впервые изучен коммуникативно-прагматический аспект обращений на горизонтальном и вертикальном срезах художественного целого. Кроме того, субъективные формы художественного повествования сопоставлены по характеру использования рассматриваемых языковых единиц. Выявлены особенности индивидуально-авторского использования обращений в различных типах повествования, а также описаны лингвопоэтические особенности приращений смысла и функций обращений, ориентированных на актуализацию средств языковой выразительности.

Предметные типы обращений в орнаментальном повествовании.

В орнаментальном художественно-прозаическом монологе произведений А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар» все разнообразие типов обращений, так же как и в лирической поэзии, можно разделить на две основные группы: **обращения к лицам** и **обращения не к лицам**.

Обращения к лицам подразделяются на обращения к *внешнему адресату* (читателю) и обращения к *внутреннему адресату* (героям произведений).

В субъективно-авторском и несобственно-авторском повествовании достаточно часто встречаются апелляции к *внешнему адресату, читателю*. В речевой ткани романа А. Белого часто встречаются обращения к *конкретному, индивидуализированному читателю*, с которым повествователь обращается попросту «запанибрата», например: *О, достойный читатель! Явили наружность носителя бриллиантовых знаков вы...* В этой ситуации явно проступает личность читателя, чему способствует обращение-характеризация и лексическое наполнение фразы. Аналогичный пример встречается в романе «Дар»: *Дай руку, дорогой читатель, и войдем со мной в*

лес. *Смотри: сначала...* Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Совместно с глаголом 2-го лица повелительного наклонения, призывающим внешнего адресата к совместному действию, со-творчеству, оно переносит читателя в романый мир, т.е. раскрывает перед ним возможность, которую в силах осуществить «волшебник» – автор.

В названных типах повествования обнаруживаются также обращения к *неопределенно-широкому адресату, читателю*: *Словом от постоянного присутствия бесстыдника было так тяжело (а какие мы строили планы!), что Чернышевский сам уговаривал жену пуститься в обратный путь, и 27-го августа она это и сделала, пробыв таким образом, после трехмесячного странствия, всего четыре дня – четыре дня, **читатель!** – у мужа, которого теперь покидала на семнадцать с лишним лет!* («Дар»). В этом отрывке обращение героя-рассказчика, выступающего здесь в качестве автора, к внешнему адресату, читателю, создает иллюзию присутствия последнего в момент речи, приближения субъекта к адресату, акцентирует внимание на смысле важного элемента основного сообщения.

Иногда наблюдаются случаи *осложнения адресата*, например: ***Ваши превосходительства, высокогордия, благородия, граждана!** Что есть русская Империя наша?..* («Петербург»). Данный фрагмент представляет собой стилизацию официальной ораторской речи, построенной от лица ограниченного петербургского чиновника. Адресат данной речи оказывается неоднозначным: с одной стороны, это широкая, социально разноликая группа лиц – современников повествователя, с другой – это и внешний адресат – читатель, который может быть как современником, так и человеком другого поколения и вовлекается авторской волей в речевой контакт с повествователем, образ мыслей которого он не может разделить, равно как и способ их выражения – одобрить.

В монологической ткани анализируемых произведений используются также обращения к *более широкому адресату*, например к определенной этнической группе: ***О, русские люди!*** («Петербург»), или к группе людей, характеризующейся возрастной категорией: ***Смотрите, дети, как они переливаются и трутся...*** («Дар»).

Обращения к более широкому адресату – к определенной социальной группе встречаются и в несобственно-прямой речи героев, например: ***Пойми, штукарь, пойми, арабесник...*** («Дар»). Подобные обращения встречаются и в романе «Смерть Вазир-Мухтара». Например, в минуты ощущения одиночества герой (Грибоедов) мысленно обращается к прохожим на улице: ***Случайные люди на улице, случайные спины прохожих, – благословение вам!*** или: ***Прощайте, добрые люди, прощайте, умные люди!***

В субъективно-авторском и несобственно-авторском повествованиях выявлены обращения к *внутренним адресатам – к героям произведений*, которыми могут быть как главные герои, так и второстепенные или эпизодические персонажи. Подобные обращения часто встречаются в романе «Города и годы» (к Андрею, Мари), реже в романах «Дар» (к Николаю) и «Смерть Вазир-Мухтара» (к Сашке-слуге). Например: ***Сними шляпу,***

Николя... *Волосы с рыжинкой, веснушки на лобике, в глазах ангельская ясность, свойственная близоруким детям* («Дар»). Перед читателем как бы разыгрывается спектакль. Создается эффект присутствия и внешнего адресата, читателя, в момент речи, и героя, с которым автор может в любой момент вступить в диалог. Эффект присутствия и непосредственного вступления в разговор с героем подчеркивается последующим контекстом. Автор дает описание внешности героя, которое не смог бы сделать, не снимая тот шляпу.

В речевой ткани романа «Города и годы» подобные обращения к героям встречаются также и в ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства: *...Только точно в восемь вечера по часам ратуши, Мари! Только точно, Мари!* или: *Этот человек другой породы, других костей, он недоступен и жесток. Опасность, Андрей, опасность!*

В группе **обращений не к лицам** в субъективно-авторском повествовании выделяются следующие разновидности: обращения к Родине: *Благодарю тебя, отчизна, за чистый...*, *Благодарю тебя, Россия, за чистый...* («Дар»), «Ты, **Россия**, как конь, **Русь! Русь!** («Петербург»); обращения к городам: **Петербург! Петербург!** («Петербург»), *Но, город! Прости, если неловкое слово заставило страдать твое самолюбие!*, *...Ты – скромный, безвестный Бишофсберг, прости...* («Города и годы»); обращения к определенным местностям, с которыми связаны исторические события: **Куликово поле, я жду тебя!** («Петербург»). Подобные обращения представляют собой как географическое пространство, которое населяет определенная этническая общность лиц, так и самих этих лиц по отношению к пространственным объектам, выступающим в качестве символа исторического бытия нации.

В субъективно-авторском повествовании романа «Города и годы» встречаются обращения повествователя к неодушевленному предмету – карусели. Но он интересен тем, что в обращении собственно адресат не назван, а перечислены характеризующие его признаки: *Радуйся, позументная, многоцветная, мишурная, разно-огненная, сочетавшая конный бег с плавным качанием лодок, навсегда покоренная голосами шарманки, в вечном кружении – радуйся!* Здесь цепь однородных обособленных членов, первые четыре из которых представлены согласованными определениями, пятый и шестой выражены причастным оборотом, седьмой – несогласованным определением, выражает необычную функцию наименования адресата с «оценочным или аддитивным значением» [12]. Подобные обращения в лирике И.И. Ковтунова определяла как обращения в форме фразовой номинации [21. С. 116]. Однако в поэзии такие обращения состоят из местоимения 2-го лица в единственном или множественном числе и следующим за ним придаточным определительным предложением. Однако в приведенном примере положение местоимения занимает глагол в повелительном наклонении 2-го лица единственного числа, повтор которого замыкает данное обращение.

В речевой ткани названных романов встречаются обращения к олицетворенным временным отрезкам или к этапам жизни человека, которым с

помощью глагольной метафоры приписывается способность к действиям, характерным для живых существ. Например: *О, благословенные времена, когда..., О, не смотри на меня, мое детство, этими большими, испуганными глазами* («Дар»), *О, кружитесь, о вейтесь, последние дни* («Петербург»).

В речевой ткани романа «Петербург» встречаются обращения к мировым сущностям, природным объектам, стихийным силам: *Встань, о, Солнце!, О, зеленые, кишацие бациллами воды! Еще миг, обернули б вы и меня в свою тень* («Петербург»).

В романе «Дар» используются обращения к проявлениям внутреннего мира человека, к Музе: *Что еще? Что еще? Подскажи мне, мое воображение, Русская проза, какие..., Муза Российская прозы, простишь навсегда..., а также к продуктам своего творчества: Прощай же, книга!*

При условии контакта субъекта речи с адресатами – не лицами последние приобретают статус «коммуникативной метафоры» [35. С. 401; 21. С. 90]. Подобная речевая связь служит знаком приближения повествователя к описываемому явлению, поэтического познания. Коммуникативный контакт с неллицом выступает одновременно и в качестве специфической для орнаментальной прозы, ориентированной на язык лирической поэзии, «формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение» [36. С. 75].

В несобственно-авторском повествовании и несобственно-прямой речи героев встречается также большое количество обращений не к лицам. Апелляция не к лицам определяется индивидуально-психологическими особенностями героев, кругом их профессиональных интересов. Так, например, в романе «Петербург» в несобственно-прямой речи сенатора А.А. Аблеухова встречаются обращения к символам, математическим обозначениям: *Вы, линии!*, в романе «Смерть Вазир-Мухтара» в несобственно-прямой речи Грибоедова находим обращения к абстрактным понятиям: *И тогда прощай, влияние английское, долго и упорно, как растение, привезенное из-за моря, насаждавшееся им*, к внутреннему состоянию: *О, дремота, перед отсроченным отъездом, когда завязли ноги во вчерашнем дне.*

Таковы предметные типы обращений, выявленные в художественной речи писателей-орнаменталистов.

Семантико-функциональный статус обращения. Являясь «слабым признаком диалога», обращение, как известно, не требует определенной реакции со стороны адресата. «Сообщения, адресованные второму лицу, предполагают внимание и понимание со стороны собеседника, но они не рассчитаны непосредственно на ответное действие» [21. С. 62]. В Грамматике-80 основная функция обращения определяется как «называние того, к кому адресована речь» [14. С. 164]. И.И. Ковтунова, анализируя семантический потенциал обращения в поэтической речи, отмечает: «...в поэтической речи картина осложняется тем, что в ней присутствуют две шкалы с

двумя семантическими полюсами. На одной расположены значения адресации и номинации, на другой значения адресации и характеристики. Значение адресации идет от семантической позиции обращения, оно связано с синтаксической формой. Значение характеристики определяется лексическим наполнением обращения – наличием в его составе слов с признаковой семантикой» [21. С. 106]. Изменение семантико-функционального статуса обращения происходит под влиянием определенных коммуникативных условий и специфического для орнаментальной прозы, ориентированной на поэтическую речь, контекста и имеет также свои коммуникативные нюансы и семантические особенности.

В ситуации, где речь повествователя обращена к внешнему адресату, читателю, представлено обращение, выраженное простым субстантивным словосочетанием, сопровождающееся частицей «о»: **О, достойный читатель, явили наружность бриллиантовых знаков без юмора мы: как она предстала бы всякому наблюдателю...** («Петербург»). Оно представляет собой обращение-характеризацию (по Ковтуновой), так как включает в себе квалификативные признаки адресата (обращение-отношение, по Формановской) и сигнализирует об отношении адресанта к адресату, сообщая последующему высказыванию дополнительную вежливость, в которой чувствуется авторская ирония. В то же время посредством обращения к читателю создается эффект присутствия, приближения адресанта к адресату.

Аналогичный пример: **Дай руку, дорогой читатель, и выйдем со мной в лес. Смотри: сначала – сквозистые листья, с островками чертополоха, крапивы или царского чая** («Дар»). Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Вместе с глаголом 2-го лица повелительного наклонения, призывающим внешнего адресата к совместному действию, к сотворчеству, обращение переносит читателя в романский мир, т.е. раскрывает перед ним возможности, доступные «волшебнику» автору.

В отрывке: **Словом, от постоянного присутствия бесстыдника было так тяжело (а какие мы строим планы!), что Чернышевский сам уговаривал жену пуститься в обратный путь, и 27-го августа она это и сделала, пробыв таким образом, после трехмесячного странствия, всего четыре дня – четыре дня, читатель!** – у мужа, которого теперь покидала на семнадцать с лишним лет – обращение героя-рассказчика, выступающего здесь в качестве автора, к внешнему адресату, читателю, помимо иллюзии присутствия последнего в момент речи и приближения субъекта к адресату, акцентирует внимание на смысле важного элемента основного сообщения. Будучи заключенным во вставку, оно передает эмоционально-оценочное отношение повествователя к основному сообщению, способствует смене ракурсов, субъективизации повествования.

Совмещение нескольких функций проявляется и в обращении повествователя к широкому адресату, определенной этнической группе, например: **От себя же мы скажем: о, русские люди, о, русские люди! Вы толпы теней с островов не пускайте! Через литейские воды уже перекинуты**

черные и сырые мосты. Разобрать бы их... («Петербург»). Отсутствие выражения характеристики в окружающем обращении контексте, а также преобладание высказываний, вводящих позицию говорящего (речь от 1-го лица: *от себя же мы скажем*, повеление и местоимение в форме 2-го лица), обнаружение в тексте его эмоционального отношения к предмету речи (повтор обращения, сопровождающегося частицей «о» и восклицательной интонацией) – усиливают в обращении функцию адресации.

В следующем примере, содержащем обращение к тому же адресату, наблюдаются заметные изменения: **О, русские люди!** *Становитесь вы теньями клуболетящих туманов: туманы летят искони из свинцовых пространств закипевшего Балта; в туманы установились пушки.* («Петербург»). В данном отрывке имеет место совмещение двух функций: адресации и номинации. Адресованность проявляется присутствием в последующем контексте глаголов и местоимений 2-го лица множественного числа, а также выражением эмоционального отношения субъекта речи к адресату. Функция номинации обусловлена последующей характеристикой предмета речи. Оформление же обращения в отдельное высказывание, т.е. освобождение его от зависимости по отношению к последующему тексту, актуализирует в нем аппеллятивную функцию. Итак, обращение из первого отрывка совмещает в себе, помимо первичной функции – аппеллятивной, эмотивную функцию, так как выражает отношение говорящего, его интеллектуально-эмоционально-волевое воздействие; во втором отрывке взаимодействуют функции адресации и номинации, которым сопутствует эмотивная функция. Повтор обращения: *О, русские люди!*, разделенный большим повествовательным пространством, помогает автору передать важнейшие проблемы описываемого времени, лежащие в основе произведения, и реализовать лейтмотив темы революции 1905 г. Этот лейтмотив темы разбушевавшейся народной стихии прослеживается на протяжении всего романа как в речи персонажей, так и в речи повествователя, становясь в последнем случае формой символического воплощения грядущих социальных катаклизмов. Он подчеркивается в обращениях к России: *Ты, **Россия**, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву – два задних; Или встав на дыбы, ты на долгие годы, **Россия**, задумалась перед грозной судьбою...*; к географическим пространствам, выступающим в качестве символа исторического бытия нации, к природным явлениям, символизирующим вневременное бытие: **Куликово поле**, я жду тебя! *Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. Если, **Солнце**, ты не взойдешь, то, о, **Солнце**, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега, и под этими берегами закурчавится пена... Встань, о, **Солнце!*** Последний отрывок интересен еще и использованием специфичных для орнаментальной прозы А. Белого способов включения в текст обращений. Здесь наблюдается дистантный повтор обращения *Солнц*» и *о, Солнце* в составе смежных предикативных частей одного сложного предложения. Повествователь – поэтически настроенный субъект. Обращение *о, Солнце*, передающее его чувство при-

частности к тому, о чем идет речь, сопровождается переходом от 3-го лица ко 2-му. Такой переход, когда в предшествующем контексте предмет речи выступает в 3-м лице, а затем занимает позицию 2-го лица, становится адресатом речи, создает его мгновенный перенос в другое пространство: из пространства внешнего мира предмет речи переходит в пространство внутреннего мира повествующего субъекта. Далее это же обращение повторяется в последнем предложении этого отрывка *Встань, о, Солнце!*, в котором присутствует «сильная» форма диалога: повеление, создающее эффект непосредственной апелляции к объекту, выражает побуждение в сочетании с эмоционально-окрашенным пожеланием. Оформление же и первой фразы и последней восклицательной интонацией привносит в текст особую поэтичность.

Похожее использование обращений наблюдаем и в речевой структуре романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Так, в минуты ощущения одиночества герой мысленно обращается к прохожим на улице: *Он вышел из полосы света. Двое шли перед ним и тихо разговаривали. Он не обогнал их. Медленно шел он за ними, благословляя человеческие спины, мягкого и сырого в полумраке цвета. **Случайные люди на улице, случайные спины прохожих**, – благословение вам!* В данных обращениях наблюдается совмещение двух функций: адресации и номинации. Адресация подчеркивается и присутствием в предложении местоимения 2-го лица множественного числа, а также выражением эмоционального отношения субъекта речи к адресату. Функция номинации обусловлена наличием характеристики предмета речи. Весь фрагмент представляет собой объективно-авторское повествование, а обращение и последующее пожелание представляет собой внутреннюю речь героя, Грибоедова. В следующем отрывке: *Тогда Грибоедов подошел к фортепьяно. Он нажал педали и оттолкнулся от берега. Вином и музыкой он сразу же отгородился от всех добрых людей. Прощайте, **добрые люди**, прощайте, умные люди* – в обращении совмещаются функция адресации (в связи с субъективизацией, переносом предмета речи из внешнего мира в пространство внутреннего мира субъекта речи) и функции номинации предмета речи, которая актуализируется наличием характеристики в контексте. Данные обращения раскрывают отношение главного героя, Грибоедова, к окружающим: в обращении используются эпитеты «добрые», «умные», но из предшествующего контекста мы узнаем, что Грибоедов стремится отгородиться от окружающих его людей, остаться в одиночестве. В связи с этим становится ясным, что обращение проникнуто иронией героя. Названное обращение также способствует развитию темы одиночества героя, поскольку представляет собой одно из звеньев этого лейтмотива.

В тексте рассматриваемых произведений встречаются и обращения героя к конкретному адресату. Так, например, в романе «Смерть Вазир-Мухтара» герой, Грибоедов, услышав объяснения слуги Сашки, восклицает про себя: *Я так полагаю, – сказал Сашка, не отрываясь от книжки и сдержанным голосом, – что здесь более говорится об английских машинах... Браво, **Сашка!*** В данном обращении преобладает функция адреса-

ции, так как вся конструкция выражает эмоционально-оценочную интенцию субъекта речи: добрую иронию Грибоедова. Прерывая прямую речь второстепенного героя, слуги Сашки, и воплощая внутреннюю речь главного героя, Грибоедова, это обращение также реализует субъектное расчленение повествования.

Приближение повествующего субъекта к герою может осуществляться с целью его дискредитации, уничтожения: *Ниссельрод жил в Петергофе. Вице-канцлер Великий визирь!* («Смерть Вазир-Мухтара»). В приведенном примере, как и в предшествующем, цепочка обращений является переходной структурой между обращениями и именной частью составного именного сказуемого в двусоставном неполном предложении. Здесь аппеллятивная функция существительного взаимодействует с предикативно-характеризующей. Однозначная квалификация (как обращения или двусоставного предложения с именной частью сказуемого) оказывается затруднительной. В этих случаях имеет место нейтрализация противопоставления аппеллятивной и квалификационно-характеризующих функций именительного падежа существительного. Следовательно, появление обращения служит знаком субъектного расчленения повествования. Данное обращение раскрывает внутреннее состояние героя в момент речи, а также способствует развитию темы одиночества героя.

В следующем отрывке: *Все это вздор, – отмахнулся Андрей и сдвинул брови. Поздно, Андрей! Не надо было слушать этого вздора, не допускать ни одного слова, не терять ни одной секунды. Тогда двое солдат не видели бы, как товарищ Старцов, которого знает весь Семидол, поутру, на пути в лагерь, стоял с каким-то пленным в изжеванной шинели...* («Города и годы»), поскольку воображаемая диалогическая ситуация (речь повествователя адресована герою) далека от реальной в обращении, возрастает степень условности. В связи с этим данный тип обращений приобретает функцию наименования предмета речи. Но характерная для обращения аппеллятивная функция не исчезает здесь полностью. Вступление в диалог с героем создает эффект присутствия и приближение говорящего к адресату. В то же время посредством обращения к герою автор обнаруживает свое волнение за него, указывает на бесполезность его действий. А оформление безличного предложения с обращением как восклицательного передает укор повествователя, что подтверждается в дальнейшем контексте, где указываются неправильные, по мнению автора, действия героя и их последствия. Монолог повествователя, адресованный герою, выполняет проспективную функцию, предупреждая о последствиях необдуманных действий героя. В данном отрывке обращение выполняет функцию наименования предмета речи, которая взаимодействует с аппеллятивной, эмотивной и проспективной функциями.

В ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства, обращение также не теряет первичную функцию аппелляции. Например: *Тогда Мари скользит по мутно-серым фасадам старых домов, слепыми улицами, бегущими от ратуши черной пятерней к беззвуч-*

ным променадам... в нее. Потом по лестнице – шестьдесят семь ступенек, если через одну – тридцать четыре шага. Если придешь точно – в восемь вечера по часам ратуши, – приоткрытый вход на четвертой площадке. В него. Через переднюю, прямо. Там. Только точно в восемь вечера по часам ратуши, **Мари!** Только точно, **Мари!** («Города и годы»). Присутствие в контексте глагола 2-го лица усиливает адресацию речи. На значение адресации, свойственное всему высказыванию «Только точно...», накладывается модальное значение, которое несет в себе контекст, содержащий диалогические формы: глагол во 2-м лице единственного числа, дейктические местоимения, неполные и эллиптические структуры, побудительные предложения. Они свидетельствуют о глубинной внутренней связи между адресантом и адресатом, создают иллюзию присутствия субъекта речи, одновременности его восприятия действительности и речи.

Аналогичный пример находим и в речевой структуре романа «Дар». Так, начиная свой роман о Чернышевском со знакомства читателя с героем, он обращается к последнему так: *Сними шляпу, **Николя...** Волосы с рыжинкой, веснушки на лобике, в глазах ангельская ясность, свойственная близоруким детям.* Перед читателем как бы разыгрывается спектакль. Создается эффект присутствия и внешнего адресата, читателя, в момент речи и героя, с которым автор может в любой момент вступить в диалог. Эффект присутствия и непосредственного вступления в разговор с героем подчеркивается последующим контекстом. Автор дает описание внешности героя, которое не смог бы сделать, не сними тот шляпу.

В речевой структуре анализируемых романов большое количество обращений не к лицам. Например: *Посредине двора были сложены отсыревшие сажени осиновых дров; и сквозь ворота был виден кусок семнадцатой линии, обсвистанной ветром. **Вы – линии!** В вас осталась память петровского Петербурга!* («Петербург») В данном примере наблюдается переход речи в 3-м лице в речь во 2-м лице (с объективно-авторского повествования в несобственно-прямую речь сенатора А.А. Аблеухова). Вступление в диалог с нелицом (в данном случае это математическое обозначение) говорит о внутренней причастности субъекта к тому, о чем идет речь. В приведенном обращении совмещаются функции адресации (последняя обладает наибольшей степенью условности в связи с субъективизацией внешних объективных впечатлений) и функции номинации предмета речи, которая актуализируется характеристикой в последующем контексте. Это же обращение повторяется в тексте романа через два абзаца в субъективно-авторском повествовании: *О, **линии!** Как они изменились: как и их изменили суровые дни!* Однако данная структура выступает уже в позиции именительного темы, выполняя функцию привлечения внимания к предмету последующей речи. Подчеркивая тему сообщения, обособленный сегмент подготавливает слушателя к восприятию наиболее важного элемента высказывания – ремы. Подобные сегментированные конструкции сообщают микротексту стилистическую окраску приподнятости. Следовательно, здесь наблюдается формальный переход обращения в сегментиро-

ванную конструкцию. Это обуславливает вытеснение в данной структуре функции адресации номинацией, то есть непосредственным названием темы последующего высказывания, сопровождающейся фатической и эмоциональной функциями.

Интересны случаи использования обращений, выраженных существительными, которые называют абстрактные понятия. Например: *И тогда прощай, влияние английское, долго и упорно, как растение, привезенное из-за моря, насаждавшееся им, либо русские сократят контрибуцию. А по всему видно, что именно так и будет. Но тогда – трижды – прощай, влияние английское* («Смерть Вазир-Мухтара»). В приведенном фрагменте несобственно-прямой речи героя (полковника Макдональда) обращение, выраженное нарицательным существительным, называющим абстрактное понятие и распространенное в первом случае согласованными одиночными определениями и причастным оборотом, во втором – согласованным определением, совмещает аппеллятивную функцию с характеристикой явления. Отсутствие реального собеседника и письменная форма речи исключают возможность понимания данного высказывания как форму побуждения. И обращения и повеление служат для живописания размышлений героя, для выражения его модально-эмоциональных оценок (сожаления, что придется отступить в дипломатической игре).

Обращения к абстрактным понятиям и обобщенным категориям могут совмещать в себе функции адресации и номинации. Это обычно такие типы обращений, в которых адресованность обладает наибольшей степенью условности. Например: *О, дремота перед отсроченным отъездом, когда спишь на чужой кровати, и в комнате как бы нет уже стен. И вещи сложены, а ноги завязли и руки связаны дремотой* («Смерть Вазир-Мухтара») При первичном употреблении обращение сближается с номинативным предложением. Значение адресованности оказывается здесь ослабленным. На первый план выступают функция утверждения бытия названного предмета речи и его характеристика. Признаки предмета речи – «дремота» – выражаются примыкающими к данной конструкции придаточными определительными предложениями. При вторичном употреблении данного обращения значение адресации обнаруживается сильнее благодаря наличию в контексте альтернативного ряда вопросов, оформленных как вставные конструкции и актуализирующих позицию повествующего субъекта, выражающих особенности его мировосприятия и эмоциональных оценок: *О, дремота, упавшая на тело российское! Копытится в дремоте безымянный Паскевич, увянул на заднем дворе – тегеранском? московском? – Чадаев, и нет никакого в воздухе, сером, как глаза Несельрода.* Вместе с тем конструкция *О, дремота, упавшая на тело российское!* имеет отчетливо выраженное значение номинации высказывания и может расцениваться как сегмент (именительный темы), соотносящийся с коррелятом «дремота» базовой части. Таким образом, при вторичном употреблении обращение функционально сближается с именительным темы.

Аналогичные случаи встречаются и в речевой структуре романа «Дар», например: *О, не смотри на меня, мое детство, этими большими, испуганными глазами.* Данное обращение воспринимается как апелляция к своему второму «я», т.е. с его помощью осуществляется диалогизация внутреннего монолога.

Интересны обращения автора к Музе, что часто встречается в лирике. Но если в лирике Муза выражает «alter ego» поэта, выступает «как принадлежность внутреннего мира, как творческое «я» поэта» [21. С. 70], то у В. Набокова значение Музы расширяется – она воплощает в себе все творчество вообще и выступает как внешняя сверхсила. Например: *В полдень послышался клюнувший ключ, и характерно трахнул замок: это с рынка домой Марианна пришла Николаевна; шаг ее тяжкий под томный шумок макинтоша отнес мимо двери на кухню пудовую сетку с продуктами. Муза Российския прозы, проснись навсегда с капустным гексаметром автора «Москвы»* – в предшествующем контексте В. Набоков пародирует стиль А. Белого. Обращение к Музе и содержание последующего побудительного предложения не оставляет сомнений в том, что предшествующий текст – стилизация. Обращение и повеление акцентируют внимание читателя на этом, следовательно, они выполняют метатекстовую функцию. Вместе с тем столь «пышное», приподнятое с устарелым книжным окончанием прилагательное «Российския» в обращении, контрастирующее с нейтральной тональностью текста, свидетельствует об иронической авторской оценке ритмизированной прозы Белого.

В то же время все обращения не к лицам, к заведомо некоммуникабельным объектам, выступают в роли «коммуникативной метафоры» [21. С. 90]. Подобные обращения используются в речевой ткани романов для воплощения акта коммуникации между разными внутренними сторонами речевого субъекта. Тексты, заключающие обращения не к лицам, могут не нести никакой информации, а воплощать духовные поиски или передавать душевное состояние субъекта речи. В обращении не к лицам значение адресации ослабевает, оно свидетельствует о близости, о глубоком внутреннем контакте субъекта речи с адресатом. Такие обращения, сопровождающиеся речью во 2-м лице, вклиниваются в объективно-авторское повествование, несобственно-прямую речь героев или прерывают диалог героев без какой-либо подготовки, т.е. внешне они не связаны с предшествующим контекстом, например: *Но город! Прости! Если неловкое слово заставило страдать твое самолюбие. Прости! Ты достоин воспеваний как всякий город, построенный человеческой рукой и возлюбленной человеческим сердцем. Ты прочен. В тебе живут люди. Ты верен ему... Ты – скромный, безвестный Бишофсберг. Прости...* («Города и годы»). Обращение *Но город!* выполняет функцию наименования предмета речи. Названная функция обусловлена тем, что последующие предложения выполняют по отношению вынесенному в начало сложно-синтаксического целого номинативную функцию характеристики. Но так как последующий контекст содержит глагол в форме повелительного наклонения «прости» – сильный

признак диалога, в обращении не утрачивается, а действует параллельно с функцией номинации адресация, хотя и является условной. Следовательно, сосуществуют две функции – наименования предмета речи и адресация. Последующий контекст, содержащий формы повеления и личные местоимения 2-го лица единственного числа, усиливает адресацию речи и снимает дистанцию между автором и адресатом. Обращенная к городу речь представляет собой авторское отступление и является композиционно-структурной формой когезии.

В отрывке: *Николай Аполлонович – шутки в сторону... Вы теперь – меня поняли?... Петербург, Петербург! Осаждаясь туманом, меня ты преследовал: мозговую игроу. Мучитель жестокосердный! И – непокойный призрак: когда на меня напал, бегал я на ужасных проспектах* («Петербург») – обращение указывает на процесс субъективизации внешних объективных впечатлений во внутренней речи повествователя. И здесь значение адресации, которое усиливается присутствием местоимения 2-го лица и речью от 1-го лица, оказывается ослабленным. Обращение приобретает условность и становится выражением эмоционального состояния субъекта. В то же время этому обращению не чужда функция номинации предмета речи, так как здесь адресованность обладает наибольшей степенью условности. В этом случае адресация отступает на задний план, а основной оказывается функция наименования предмета речи, так как последующие пространственные номинативы заключают в себе характеризующие признаки предмета речи. В данном случае контекст содержит противопоставленные признаки, одни из которых актуализируют в обращении адресованность, другие – наименование предмета речи, тем самым обуславливая двойственную функцию обращения.

В языковой структуре романа «Города и годы» представлен пример обращения повествователя к неодушевленному предмету, но он интересен тем, что в обращении собственно адресат не назван, а перечислены характеризующие его признаки: *Радуйся, позументная, многоцветная, мишурная, разно огненная, сочетавшая конный бег с плавным качанием лодок, навсегда покоренная голосами шарманки, в вечном кружении – радуйся!* («Города и годы») Здесь цепь характеристик выполняет необычную функцию наименования адресата с «оценочным или аддитивным» значением. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «при конкретном имени, выполняющим роль классифицирующего предиката, определение выражает оценочное или аддитивное значение. В последнем случае оно присоединяет дополнительные признаки к понятийному содержанию имени» [10. С. 345]. Так, в форме обращения могут выступать характеризующие признаки, выполняющие функцию наименования адресата с оценочным значением.

Проведенный анализ предметных типов обращения, включения в текст и семантико-функционального потенциала обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе романов «Петербург» А. Белого, «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова, «Дар» В. Набокова, «Города и годы» К. Федина позволяет сделать следующие выводы.

1. В речевой структуре привлеченных произведений используется большое разнообразие предметных типов обращений, среди которых выделяются обращения к не лицам. Сопоставление привлеченных для анализа произведений показало, что по набору предметных типов обращений наиболее яркими из них являются романы А. Белого «Петербург» и В. Набокова «Дар».

2. Анализ соотношения обращений с включающим их контекстом показал, что обращение и сопровождающая его речь во 2-м лице может вклиниваться в объективно-авторское, несобственно-авторское повествование, прерывать прямую речь героев, представляя собой лирическую вставку, внешне (формально) не связанную с предшествующим контекстом. Это приводит к переходу от 3-го лица ко 2-му, переносу предмета речи из внешнего во внутреннее лирическое пространство субъекта речи. При этом обращения с речью во 2-м лице представляют собой в прозаическом тексте лирические отступления.

3. Будучи использованными в необычных условиях, обращения усложняют первоначально присущие им функции и вместо «указателя адресата речи» становятся средством номинации и предикации, способны выполнять функцию *характеризации* и совмещать в себе функции *номинации* и *адресации*.

Обращения к неодушевленному предмету, использование повелительного наклонения и 2-го лица свидетельствует о стремлении субъекта речи вступить в тесный контакт с адресатом, ярче выразить *эмоционально-волевое отношение* к нему, создают ситуацию непосредственного общения.

Обращения в зависимости от того, в какой коммуникативной ситуации выступают, приобретают разнообразные значения и функции, не характерные для них в устном диалоге.

Часто они оказываются функционально многозначными, поскольку могут выполнять одновременно с первичной функцию наименования предмета речи или адресата, или функцию характеристики. В сочетании со 2-м лицом местоимений и глаголов обращения могут осложняться эмотивной, фатической, апеллятивно-вокативной, метатекстовой функциями.

Приобретая новые для них функции, обращения не утрачивают первичного назначения (апелляции к адресату), что приводит к частичной «асимметрии между формой и функцией – к асимметрии на фоне симметрии» [21. С. 167].

Кроме общеязыковых функций, обнаруживающихся в синтагматике речевой цепи, обращения выполняют и *художественные функции*:

- обращения не к лицам являются «коммуникативной метафорой»;
- порождают иллюзию присутствия, внутренней близости субъекта и адресата;
- способствуют субъективизации повествования;
- служат знаком субъектного расслоения повествования, смены типов повествования;
- могут служить композиционно-структурной формой когезии;

- акцентируют внимание читателя на содержании сообщения, повествования, форме подачи мысли;
- повтор обращений способствует созданию лейтмотивов, распространяющихся в тексте целого произведения;
- выполняют характерологическую функцию: заключают информацию об адресате;
- выполняют изобразительно-выразительную функцию, а именно опосредованно раскрывают состояние субъекта речи;
- передают модально-эмоциональное отношение адресанта;
- воплощают внутренний диалог героя со своим вторым «я»;
- приносят в текст особую поэтичность.

Таким образом, под влиянием необычного контекста, типов повествования и условий коммуникативных ситуаций в орнаментальном художественно-прозаическом монологе обращение полностью раскрывает весь свой богатый семантико-функциональный потенциал.

Источники примеров

- Белый А.* Петербург : роман. М. : Худож. лит., 1978. 389 с.
Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 3. 479 с.
Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара : роман. М. : Худож. лит., 1988. 447 с.
Федин К. Города и годы. М. : Правда, 1991. 461 с.

Список источников

1. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М. ; Л., 1952. 997 с.
2. *Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб., 1859. 417 с.
3. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка : в 2 ч. М., 1875.
4. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912. 358 с.
5. *Кручинина И.Н.* Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2002. С. 340–341.
6. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 1941. 620 с.
7. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Вып. 7. М., 1956. 512 с.
8. *Руднев А.Г.* Синтаксис осложненного предложения. М., 1959. 254 с.
9. *Проничев В.П.* Синтаксис обращения. Л., 1971. 88 с.
10. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976. 383 с.
11. *Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст (Номинация-обращение) // Языковая номинация. Виды номинаций. М., 1977. С. 304–357.
12. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 6–17.
13. *Бабайцева В.В.* Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979. 17 с.
14. *Русская грамматика* : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
15. *Дохова З.Р.* Функционирование обращения в тексте // Вестник Дагестанского государственного университета. 2007. № 26. С. 37–45.
16. *Федулова У.М.* Стилистические функции обращений // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 239–242.

17. Юй Исин. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 217–222.
18. Лупаику Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в поэзии и прозе А.С. Пушкина в коммуникативном аспекте // XI Пушкинские чтения: Русистика. Методика. Лингводидактика. Т. 2. СПб., 2006. С. 93–98.
19. Лупаику Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в прозе и поэзии А.С. Пушкина. СПб., 2007. 198 с.
20. Максимов Л.Ю. Обращение в стихотворной речи // Современный русский язык. М., 1965. С. 66–88. (Ученые записки МГПИ. Т. 236).
21. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. 208 с.
22. Приходько Т.С. «От странной лирики, где каждый шаг секрет»: Роль обращений в композиции стихотворений А. Ахматовой // Русская речь. 1997. № 4. С. 18–23.
23. Толстогозлов П.Н. Поэтика обращений в лирике Тютчева // Л.Н. Толстой и Ф.И. Тютчев в русском литературном процессе. М., 2004. С. 105–120.
24. Коченкова Т.В. Обращение в поэтическом тексте (на материале произведений А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского) // Филологические этюды. Вып. 8, ч. 3. Саратов, 2005. С. 188–122.
25. Али Нажва Фуад. Личные обращения в поэзии Булата Окуджавы // Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 36–39.
26. Забурдыева В.И. Коммуникативная структура стихотворений М. Цветаевой с обращениями к разным адресатам // VI Виноградовские чтения в Республике Узбекистан. Ташкент, 2010. С. 35–39.
27. Забурдыева В.И. Обращение-фразовые номинации в лирике М. Цветаевой // Русское слово сегодня: теория и практика филологического исследования. Ташкент, 2012. С. 49–54.
28. Становкин П.А. Обращение как регулятивная структура интертекстуального типа в лирике О.Э. Мандельштама // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1 (116). С. 249–254.
29. Улькова А.К. Функции обращений в поэзии С. Есенина // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). URL: <http://moluch.ru/111/28017>
30. Наумова И.М. Статус обращения в поэтической речи XIX в. (на материале текстов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Е.А. Баратынского). М., 2000. 465 с.
31. Степихова Н.В. Функциональные и контекстуальные особенности обращений в лирическом тексте: на материале русской поэзии первой трети XX века. СПб., 2009. 170 с.
32. Алиева Э.А. Семантико-функциональные особенности форм повелений в орнаментальной прозе // Вестник Национального университета Узбекистана. 2011. № 4/1. С. 82–88.
33. Алиева Э.А. Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века). Ташкент, 2016. 128 с.
34. Архипова М.В. К вопросу о взаимосвязи синтаксиса и стилистики английского языка // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/73069>
35. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. 648 с.
36. Забурдыева В.И. Речевые формы устного диалога в повести А. Ремизова «В плену» // Вопросы грамматической асимметрии : сб. науч. тр. Ташкент, 1989. С. 69–75.

Sources

- Belyy, A. (1978) *Peterburg. Roman* [Petersburg. A novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pravda.
- Tynyanov, Yu.N. (1988) *Smert' Vazir-Mukhtara. Roman* [Death of Vazir-Mukhtar. A novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Fedin, K.A. (1991) *Goroda i gody* [Cities and years]. Moscow: Pravda.

References

1. Lomonosov, M.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Vostokov, A.Kh. (1859) *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe Sokrashchennoy grammatiki, polnee izlozhennaya* [The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own Abridged Grammar, is more fully presented]. Saint Petersburg: Imperial Russian Academy.
3. Buslaev, F.I. (1875) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
4. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1912) *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. Saint Petersburg: Izd. I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoy.
5. Kruchinina, I.N. (2002) Obrashchenie [Addressing]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 340–341.
6. Shakhmatov, A.A. (1941) *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
7. Peshkovskiy, A.M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. 7th ed. Moscow: Uchpedgiz.
8. Rudnev, A.G. (1959) *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Compound Sentence Syntax]. Moscow: Gosuchpedgiz.
9. Pronichev, V.P. (1971) *Sintaksis obrashcheniya* [The Syntax of the Addressing]. Leningrad: Leningrad State University.
10. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical-semantic problems]. Moscow: Nauka.
11. Arutyunova, N.D. (1977) Nominatsiya i tekst (Nominatsiya-obrashchenie) [Nomination and text (Nomination-addressing)]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy nominatsiy* [Language nomination. Types of nominations]. Moscow: Nauka. pp. 304–357.
12. Arutyunova, N.D. (1981) Faktor adresata [Addressee factor]. *Izv. AN SSSR. Ser. Lit. i yaz.* 4 (40). pp. 6–17.
13. Babaytseva, V.V. (1979) *Russkiy yazyk: Sintaksis i punktuatsiya* [Russian Language: Syntax and punctuation]. Moscow: [s.n.].
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow: Nauka.
15. Dokhova, Z.R. (2007) Funktsionirovanie obrashcheniya v tekste [Functioning of addressing in the text]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Dagestan State University*. 26. pp. 37–45.
16. Fedulova, U.M. (2014) Stylistic functions of the address. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (1). pp. 239–242. (In Russian).
17. Yixing, Yu. (2017) Forms of address and vocative functions of common nouns in fiction. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 217–222. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-217-222

18. Lupashku, T.G. (2006) [Addressing and its text-forming functions in the poetry and prose of A.S. Pushkin in the communicative aspect]. *XI Pushkinskie chteniya: Rusistika. Metodika. Lingvodidaktika* [11th Pushkin Readings: Russian Studies. Methodology. Linguodidactics]. Proceedings of the 11th International Conference. Vol. 2. Saint Petersburg. 6 June 2006. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 93–98. (In Russian).
19. Lupashku, T.G. (2007) *Obrashchenie i ego tekstoobrazuyushchie funktsii v proze i poezii A.S. Pushkina* [Addressing and its text-forming functions in prose and poetry of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
20. Maksimov, L.Yu. (1965) *Obrashchenie v stikhotvornoy rechi* [Addressing in poetic speech]. *Sovremennyy russkiy yazyk. Uchenye zapiski MGPI*. 236. pp. 66–88.
21. Kovtunova, I.I. (1986) *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow: Nauka.
22. Prikhod'ko, T.S. (1997) “Ot strannoy liriki, gde kazhdyy shag sekret”. Rol' obrashcheniy v kompozitsii stikhotvorenii A. Akhmatovoy [“From strange lyrics where every step is a secret.” The role of addressing in the composition of poems by A. Akhmatova]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 4. pp. 18–23. (In Russian).
23. Tolstoguzov, P.N. (2004) *Poetika obrashcheniy v lirike Tyutcheva* [Poetics of addressing in Tyutchev's lyrics]. In: *L.N. Tolstoy i F.I. Tyutchev v russkom literaturnom protsesse* [L.N. Tolstoy and F.I. Tyutchev in the Russian literary process]. Moscow: Prometey. pp. 105–120.
24. Kochenkova, T.V. (2005) *Obrashchenie v poeticheskom tekste (na materiale proizvedeniy A.A. Akhmatovoy i I.F. Anenskogo)* [Addressing in a poetic text (based on the works of A.A. Akhmatova and I.F. Anensky)]. *Filologicheskie etudy*. 8-3. pp. 188–122.
25. Ali Nazhva Fuad. (2008) Personal address in the poetry of Bulat Okudzhava. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 3. pp. 36–39. (In Russian).
26. Zaburdyayeva, V.I. (2010) *Kommunikativnaya struktura stikhotvorenii M. Tsvetaevoy s obrashcheniyami k raznym adresatam* [The communicative structure of M. Tsvetaeva's poems with addressings to different addressees]. In: *VI Vinogradovskie chteniya v Respublike Uzbekistan* [6th Vinogradov Readings in the Republic of Uzbekistan]. Tashkent: [s.n.]. pp. 35–39.
27. Zaburdyayeva, V.I. (2012) [Addressing nominations in the lyrics of M. Tsvetaeva]. *Russkoe slovo segodnya: teoriya i praktika filologicheskogo issledovaniya* [Russian word today: theory and practice of philological research]. Proceedings of the Republican Conference. Tashkent. 1 February 2012. Tashkent: [s.n.]. pp. 49–54. (In Russian).
28. Stanovkin, P.A. (2012) Address as a regulative structure of intertextual type in O.E. Mandelshtam's lyrics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 1 (116). pp. 249–254. (In Russian).
29. Ulykova, A.K. (2016) Funktsii obrashcheniy v poezii S. Esenina [Functions of addressing in the poetry of S. Yesenin]. *Molodoy uchenyy*. 7 (111). [Online] Available from: <http://moluch.ru/111/28017>
30. Naumova, I.M. (2000) *Status obrashcheniya v poeticheskoy rechi XIX v. (na materiale tekstov A.S. Pushkina, M.Yu. Lermontova, F.A. Feta, F.I. Tyutcheva, E.A. Baratynskogo)* [Status of addressing in the poetic speech of the 19th century. (based on texts by A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.A. Fet, F.I. Tyutchev, E.A. Baratynsky)]. Moscow: [s.n.].
31. Stepikhova, N.V. (2009) *Funktsional'nye i kontekstual'nye osobennosti obrashcheniy v liricheskom tekste: na materiale russkoy poezii pervoy treti XX veka* [Functional and contextual features of addressing in a lyrical text: on the material of Russian poetry of the first third of the twentieth century]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
32. Alieva, E.A. (2011) *Semantiko-funktsional'nye osobennosti form poveleniy v ornamental'noy proze* [Semantic and functional features of command forms in ornamental prose]. *Vestnik NUUZ*. 4/1. pp. 82–88.

33. Alieva, E.A. (2016) *Semantiko-funksional'nye osobennosti voprosa v khudozhestvenno-prozaicheskom monologe (na materiale yazyka russkoy prozy pervoy trety XX veka)* [Semantic and functional features of the question in the artistic and prose monologue (based on the language of Russian prose in the first third of the twentieth century)]. Tashkent: [s.n.].

34. Arkhipova, M.V. (2016) The interrelation of syntax and stylistics in the English language. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii – Modern scientific researches and innovations*. 11. [Online] Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/73069>. (In Russian).

35. Veselovskiy, A.N. (1989) *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

36. Zaburdyaeva, V.I. (1989) Rechevye formy ustnogo dialoga v povesti A. Remizova “V plenu” [Speech forms of oral dialogue in A. Remizov’s story “In captivity”]. In: *Voprosy grammaticheskoy asimmetrii* [Issues of Grammatical Asymmetry]. Tashkent: Tashkent State University. pp. 69–75.

Информация об авторе:

Алиева Э.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: alieva.elvina@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Aliyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: alieva.elvina@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2020;
одобрена после рецензирования 09.07.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 13.01.2020;
approved after reviewing 09.07.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 81-139
doi: 10.17223/19986645/75/2

Новизна метафоры и воспринимаемая уместность: содержательная, лингвокультурная и социальная вариативность

Олег Игоревич Калинин^{1,2}

¹ Военный университет Министерства обороны, Москва, Россия

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
^{1,2} kallini4@yandex.ru, okalinin.lingua@gmail.com

Аннотация. Рассматривается широкий спектр теоретических и практических исследований относительно зависимости речевого воздействия от новизны используемых в речевом сообщении метафор. Теоретический анализ показал, что конвенциональные метафоры оказывают когнитивное воздействие на реципиента речевого сообщения, а новые метафоры – эмоциональное. Анализируется воспринимаемая уместность метафоры, которая понимается как соответствие метафорического переноса языковой норме реципиентов речевого сообщения. Практическое исследование доказывает, что уровень воспринимаемой уместности новых метафор ниже. При этом этот показатель зависит от содержания метафорической проекции и характеристик реципиента речевого сообщения, а именно его принадлежности к определенной лингвокультуре.

Ключевые слова: метафора конвенциональная, новая, персуазивность, воспринимаемая уместность, лингвокультурная вариативность метафоры

Для цитирования: Калинин О.И. Новизна метафоры и воспринимаемая уместность: содержательная, лингвокультурная и социальная вариативность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 27–44. doi: 10.17223/19986645/75/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/2

Metaphor novelty and perceived aptness: Content, cultural and social variability

Oleg I. Kalinin^{1,2}

¹ Military University, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
^{1,2} kallini4@yandex.ru, okalinin.lingua@gmail.com

Abstract. This article studies the interconnection between metaphor novelty and persuasiveness in communication, as well as contains a practical analysis of metaphor's perceived aptness and its relationship with metaphor novelty. Based on

modern cognitive metaphor theory, this research contains a detailed analysis of the relationship between metaphor novelty and speech impact. Conventional metaphors, which are based on the categorization, contribute to a more clear and simple cognitive text perception. Thus, conventional metaphors reduce cognitive stress and improve the quality of perceived arguments. Novel metaphors, being based on comparison, have a predominantly affective effect, increasing the emotional appeal of speech and arousing the recipient's imagination. In addition, it was found that despite the fact that most scholars recognize the special role of novel metaphors in enhancing persuasiveness, the phenomenon of the metaphor perceived aptness plays an important role in this process. In the case when aptness is low, a novel metaphor can have a high emotional impact, but this will create the effect of cognitive rejection, which leads to a decrease in persuasiveness. To verify the relationship between perceived aptness and novelty, a practical study was conducted. This empirical research was aimed to analyze the perception of both conventional and novel conceptual metaphors with the WAR source domain. We analyzed the dependence in the perception of different types of metaphor on the content of the source domain (content variability) and the characteristics of the message recipients, namely, culture (cultural variability) and the professional or life experience (social variability). As a result of the study, it was found that the basic level of perceived aptness is the correspondence of the metaphor to the linguistic norm and linguistic experience of the speech message recipient. The perceived aptness of conventional metaphors is always higher than that of novel metaphors, but the specific meaning of perceived aptness depends on content and cultural variability. The life experience and professional orientation had a lesser effect on the level of perceived aptness. Thus, due to the fact that the perceived aptness directly depends on the context, genre, subject of the speech message and the specific language experience, knowledge and beliefs of the recipient of the speech message, this parameter is difficult to calculate, it can be determined only for each speech message in relation to a certain category of recipients and a certain type of culture.

Keywords: metaphor, persuasiveness, perceived aptness, conventionality of metaphor

For citation: Kalinin, O.I. (2022) Metaphor novelty and perceived aptness: Content, cultural and social variability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 27–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/2

Метафора в современном языкознании понимается как способность структурировать и преобразовывать имеющееся и создавать новое знание, а также вызывать эмоции и оценки [1–4]. Кроме того, немало исследователей метафоры обращают внимание на специфическую роль метафоры в персуазивности речевого высказывания [5–8].

Эта особая роль, которую играет метафора, подтверждена в том числе на основании исследования нейрофизиологических процессов, происходящих в коре головного мозга при восприятии метафорических речевых сообщений. В исследовании Дж. Боттини и коллег на основании серии экспериментов с использованием анализа кровообращения головного мозга было выяснено, что при восприятии и интерпретации языковых сообщений задействовано множество отделов головного мозга в обоих полушариях, при этом правое полушарие играет особую роль в восприятии метафор

[9. Р. 1241]. Этот вывод был подтвержден и в последующих исследованиях, проведенных более современными методами, такими как ERP (Event-related brain potentials), фМРТ и др. [10–13].

К. Аринс с коллегами проанализировала метафоры на примере китайского языка, используя метод функциональной магнитно-резонансной томографии, и доказала разницу в нейронной обработке разных типов метафоры, которые задействуют разные каскады нейронов и синоптических связей в разных отделах головного мозга [14]. Эти выводы подтверждены результатами других нейролингвистических исследований [15, 16].

П. Сопори и С. ван Стее провели метаанализ работ, посвященных изучению персуазивности метафоры [17, 18], где количественно показана значимость персуазивности метафорических переносов в коммуникации. Например, С. ван Стее вычислила размер персуазивного эффекта по сравнению с буквальными выражениями, он составил $r = 0,09$ при $p < 0,001$, что свидетельствует о высокой точности полученных данных [7. Р. 545].

Так, вопрос о том, что метафора может оказывать персуазивный эффект, является доказанным в современном языкознании, при этом неясными остаются причины возникновения этого эффекта и механизмы персуазивности метафоры.

Пока не выяснено, что именно в употреблении метафоры в речевом общении оказывает большее влияние на персуазивность: количество метафор, позиция в речевом сообщении, формат (аудиальный, визуальный, текстовый).

Кроме того, в отечественном языкознании проблематика речевого воздействия метафоры и его причин остается в числе слабо изученных. В рамках российской лингвистической традиции много исследований посвящено прагматике отдельных метафор или метафорических моделей в рамках определенного дискурса, например политического [19] или художественного [20], однако анализ причин персуазивности метафоры, особенностей этого явления не проводился. В этой связи изучение вышеописанной проблемы с теоретической и практической точек зрения является важным и актуальным.

Целью данной работы стало изучение влияния новизны метафоры на персуазивность речевого сообщения. Данная цель предполагает решение двух последовательных задач:

1. Изучить имеющиеся теоретические исследования по проблеме персуазивности метафоры.
2. Провести эксперимент по выявлению зависимости между новизной и воспринимаемой уместностью метафоры.
3. Выявить связь воспринимаемой уместности от содержания метафорического переноса, принадлежности реципиента сообщения к определенной лингвокультуре и профессиональной группе.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что новизна метафорической проекции связана с воспринимаемой уместностью, а именно новые метафоры обладают более низким уровнем воспринимаемой

уместности. Под воспринимаемой уместностью обычно понимается соответствие языковой формы метафорической проекции контексту, жанру и стилю речевого сообщения, а также языковой норме. На наш взгляд, наиболее значимой частью воспринимаемой уместности является соответствие речевой реализации метафорической проекции языковой норме реципиента речевого сообщения, и именно этот аспект будет изучаться в данной работе.

Сопутствующая гипотеза состоит в том, что воспринимаемая уместность связана с содержанием метафорического оборота, а также с характеристиками адресата речевого сообщения, содержащего метафору, с его профессиональным и жизненным опытом и принадлежностью к определенной лингвокультуре.

Статья разделена на две части: теоретическую и практическую. В первой части рассмотрена история исследований конвенциональных и новых метафор, а также возможных отличий в воздействии которое они оказывают на реципиента речевого сообщения. Во второй части приведены результаты эмпирического исследования, где на примере восприятия метафорических моделей со сферой-целью ВОЙНА показана взаимосвязь воспринимаемой уместности и новизны метафоры.

1. Исследования, посвященные взаимосвязи новизны и персуазивности метафоры. Взаимосвязь новизны метафоры и речевого воздействия является вполне обоснованной в современном языкознании, так как многие ученые отмечали особую роль авторских метафор. Например, проведенные в этом направлении нейролингвистические исследования подтверждают тот факт, что при обработке конвенциональных и новых (аномальных) метафор задействованы разные отделы головного мозга. В уже упоминавшемся исследовании К. Аринс и коллег было обнаружено, что «обычные (конвенциональные) метафоры отличаются от буквальных (неметафорических) выражений небольшим количеством повышенной активации нейронов в правой латеральной височной извилине. Аномальные (новые) метафоры в сравнении с неметафорическими выражениями показали значительное увеличение активации в лобной и височной извилинах обоих полушарий» [14. Р. 163]. Данное исследование постулирует идею о том, что метафоры не являются однородным типом образного языка и что разграничение между различными типами метафор и их употреблением – это важная часть лингвистической теории метафоры.

Большой вклад в лингвистическое понимание отличий между конвенциональными и авторскими метафорами внесла теория «карьеры метафоры» Б. Боудла и Д. Гентнер. Данная теория утверждает, что, когда метафоры становятся конвенционализированными, происходит сдвиг в режиме их когнитивной обработки – от сравнения (новые метафоры) к категоризации (конвенциональные метафоры). Когда метафоры обрабатываются путем категоризации, их предполагаемое значение уже хранится в когнитивной памяти реципиента речевого сообщения, соответственно их обработка требует меньшего когнитивного напряжения [21].

Согласно проведенным исследованиям принято считать, что конвенциональные метафоры обеспечивают более традиционную основу для размышлений над сложными проблемами и могут сделать трудные вопросы более конкретными и легкими для понимания. Таким образом, традиционные (конвенциональные) метафоры могут положительно повлиять на когнитивное восприятие речевого сообщения, например, за счет повышения качества воспринимаемых аргументов [22] и снижения сложности воспринимаемого сообщения [23].

Когда реципиент речевого сообщения сталкивается с новой авторской метафорой, он должен сравнить два разных понятия, сравнение сферы-источника и сферы-цели всегда предшествуют когнитивной обработке. Метафора становится своего рода «маленькой головоломкой», которая после решения приводит к эмоциональному и когнитивному облегчению, так как сообщение позволяет реципиенту сообщения по-новому взглянуть на что-то знакомое [24, 25]. Новые метафоры могут положительно влиять на аффективное восприятие сообщения, например, они могут увеличить эмоциональную привлекательность сообщения [25] и возбудить воображение реципиента речевого сообщения [26].

Конвенциональные и новые метафоры основаны на разных механизмах, а именно на категоризации и сравнении соответственно, поэтому они по-разному воздействуют на реципиента речевого сообщения. Конвенциональные метафоры оказывают когнитивный эффект за счет снижения сложности сообщения и повышения качества аргументов, тогда как новые метафоры оказывают эмоциональное воздействие посредством увеличения эмоциональной привлекательности сообщения и влияния на воображение реципиента.

Традиционные метафоры могут сделать текст более конкретным, понятным и легким для понимания. Таким образом, такие метафоры могут направлять взгляды на проблему в соответствии с представленным метафорическим фреймом [27]. Эмпирическими исследованиями подтверждено, что метафорический фрейминг на основании конвенциональных метафор в новостных сюжетах помогает получателям информации понять и интерпретировать такие сложные вопросы, как колебания фондового рынка [28], угрозы банкротства [29] и борьба с вирусом [30].

Влияние традиционных метафор на тематическую точку зрения было признано и в других областях коммуникации, включая официально-деловую [31] и маркетинговую коммуникацию [23]. В рекламе традиционные метафоры снижают сложность понимания объекта рекламы, что приводило к более позитивному отношению к бренду [23].

Как и конвенциональные метафоры, новые метафоры могут оказывать речевое воздействие, делая текст более приятным и живым [32]. Было проведено несколько практических исследований касательно роли новых метафор в новостях. Например, экономические и политические новости, содержащие новые яркие метафоры, в отличие от новостей без использования образности воспринимаются как более изобретательные и легче формируют яркий эмоциональный образ описываемой проблемы [26, 33].

В рекламной коммуникации новые метафоры используются как целенаправленные отклонения от языковой нормы, которые положительно влияют на мнение участников о рекламируемом продукте [34, 35]. Высоко оценивается роль новых метафор в коммуникации в области здравоохранения, где новые метафоры содействуют более позитивному отношению к участию в клинических онкологических исследованиях и восприятию болезни в целом, что повышает шанс на выздоровление [36].

Отдельно стоит упомянуть исследование, проведенное в рамках *Metaphor Lab* (Amsterdam Vrije Universiteit), посвященное анализу влияния конвенциональных и новых метафор на точку зрения реципиентов новостных сообщений [37]. Исследователи выяснили, что конвенциональные метафоры больше влияют на когнитивное восприятие текста, в то время как новые метафоры оказывают воздействие на эмоциональное восприятие. Однако эти эффекты не обязательно приводят к изменению точки зрения на предмет речевого сообщения.

Кроме того, авторы сделали важное замечание: новизна метафоры должна быть связана с ее уместностью (*perceived aptness*). Исследователи указывают, что «новые метафоры работают через различные механизмы, вызванные двумя разными путями восприятия. С помощью первого механизма, а именно механизма воспринимаемой новизны (*perceived novelty route*), новые метафоры положительно влияют на восприятие текста (как аффективного, так и когнитивного). По второму механизму, механизму воспринимаемой уместности (*perceived aptness route*), новые метафоры отрицательно влияют на когнитивное восприятие текста [37. Р. 2874].

Несмотря на важные достижения в области исследования новизны метафор и ее взаимосвязи с персуазивностью, воспринимаемая уместность является мало исследованной. В отечественном языкознании данная тема остается без внимания, а в работах западных коллег этот параметр метафоричности детально не анализировался. В этой связи мы считаем актуальным проведение собственного практического исследования.

2. Практическое исследование взаимосвязи новизны и воспринимаемой уместности метафоры. Для проверки гипотезы взаимосвязи воспринимаемой уместности и новизны метафоры было проведено исследование, которое касалось восприятия метафор в зависимости от новизны метафорической проекции. На примере русского и китайского языков была исследована воспринимаемая уместность концептуальных метафор со сферой-целью ВОЙНА.

В данном случае под воспринимаемой уместностью понималось соответствие речевой реализации концептуальной метафоры языковой норме респондентов. Безусловно, воспринимаемая уместность подразумевает соответствие метафорической проекции контексту, в котором она употреблена, а также жанру и стилю речевого высказывания. Однако личное ощущение правильности и уместности метафоры в конкретном предложении, даже безотносительно контекста, является крайне важным, возможно, даже базисным показателем воспринимаемой уместности.

Чтобы исключить влияние на исследуемый эффект содержания метафорической проекции для одной сферы-цели, было подобрано шесть разных сфер-источников: ВОЙНА – это ИГРА (далее – Сф1), ВОЙНА – это ТЕАТР (далее – Сф2), ВОЙНА – это СОРЕВНОВАНИЕ (далее – Сф3), ВОЙНА – это АЗАРТНАЯ ИГРА (далее – Сф4), ВОЙНА – это УРОК (далее – Сф5), ВОЙНА – это СМЕРТЬ (далее – Сф6).

Чтобы исключить зависимость от личностного отношения к содержанию метафорической проекции, были подобраны участники эксперимента, которые имели разный по отношению к военной сфере личный и профессиональный опыт. Для эксперимента на русском языке респонденты были разделены на три группы: «Гражданские» – люди, которые никогда не служили в Вооруженных силах и не принимали участие в вооруженных конфликтах (Гр), «Военные» – люди, которые имеют опыт службы в армии от трех лет, но не принимали участие в вооруженных конфликтах (В), «Ветераны» – люди, которые участвовали в вооруженных конфликтах (ВБД). Из группы «Ветераны» мы выделили подгруппу «Профессионалы», боевой опыт которых превышает один год и приобретен в наиболее серьезных военных конфликтах – в Чечне, Афганистане, Грузии и т.д., это «профессиональные» военные, чья ключевая работа – участие в вооруженных конфликтах (П).

Для эксперимента на китайском языке респонденты были разделены на две группы: «Гражданские» – люди, которые никогда не служили в Вооруженных силах и не принимали участие в вооруженных конфликтах (Гр), «Военные» – люди, которые имеют опыт службы в армии от трех лет, но не принимали участие в вооруженных конфликтах (В).

Количество респондентов, которые приняли участие в нашем эксперименте, представлено в табл. 1 (общее число участников эксперимента – 305).

Т а б л и ц а 1

Распределение респондентов по профессиональным группам

Группа	Гражданские	Военные	Ветераны	Профессионалы	Итого
РФ	70	40	45	15 (также в числе «Ветераны»)	155
КНР	70	80	–	–	150
Итого	140	120	45	15	

Далее нами была разработана вербальная матрица, которая состояла из 24 предложений с метафорами, по 4 предложения на каждую сферу-цель. Из 4 предложений 2 содержало конвенциональную метафору, а 2 – новую. При составлении вербальной матрицы мы руководствовались методом метафорического картирования К. Аринс [38].

Этот метод включает в себя четыре этапа:

1) уточнение связи сферы-источника метафоры с окружающим миром при помощи вопросов для мозгового штурма: «Каковы реальные проявления названной сферы-источника? (например, ИГРА)», «Какие качества присущи названной сфере-источнику? (например, ТЕАТРУ)», «Что может делать / для чего используется сфера-источник? (например, УРОК)»;

2) создание конкретных предложений на основании заданной сферы-цели и сгенерированных на первом этапе сферах-источников;

3) уточнение связи метафорического моделирования с окружающим миром. То есть тот же список вопросов задается уже относительно сферы-цели: «Какие реальные проявления сферы-источника отражены в сфере-цели?», «Какие качества, присущие сфере-источнику, соотносятся со сферой-целью?», «Какие из использований сферы-источника могут проявляться в сфере-цели?»;

4) соотнесение результатов и уточнение содержания вербальной матрицы.

Эта работа проводилась экспертной группой в составе четырех человек: одного доктора педагогических наук (специалист в сфере лингвистики), двух кандидатов филологических наук, одного аспиранта в области лингвистики. Итоговым этапом перед утверждением матрицы стала проверка конвенциональности метафорических проекций посредством Национального корпуса русского языка. Если такая же или сходная метафора входит в корпус и имеет высокую частотность – более 25 вхождений, то она признавалась конвенциональной, если менее, то новой. Так, например, для концептуальной метафоры ВОЙНА – это ИГРА языковая форма «проиграть сражение» имеет 84 вхождения, а «перемещались по полю боя будто играли в казаки-разбойники» – ни одного.

Составленная нами вербальная матрица для практического эксперимента выглядела следующим образом (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Вербальная матрица для лингвокогнитивного эксперимента

Предложение	Сфера-источник / Тип метафоры
1) Мы проиграли это сражение, но выиграли войну	Сф1 / КМ
2) Это сражение разворачивалось не по задуманному сценарию	Сф2 / КМ
3) Нам с трудом удалось одержать победу в этой гонке вооружений	Сф3 / КМ
4) Мы так привыкли к сражениям, что не могли остановиться, война манила нас как лучшее казино	Сф4 / НМ
5) Противник задал нам сложное домашнее задание	Сф5 / НМ
6) Война стала братской могилой для всего нашего поколения	Сф6 / НМ
7) Использование химического оружия – это игра не по правилам	Сф1 / КМ
8) Театр военных действий охватил всю Европу	Сф2 / КМ
9) В результате напряженной борьбы нам удалось одержать верх в этом сражении	Сф3 / КМ
10) Мы сорвали джекпот, захватив склады с вооружением противника	Сф4 / НМ
11) Этот бой стал лучшим учителем для молодых бойцов	Сф5 / НМ
12) После боя мы смотрели друг на друга как на живых мертвецов	Сф6 / НМ
13) Войска перемещались по полю боя будто играли в казаки-разбойники	Сф1 / НМ
14) В этом бою мы были вынуждены играть роль москки, которая лает на слона	Сф2 / НМ
15) В бою было ощущение, что мы бежали наперегонки с противником, стремясь первыми занять высоту	Сф3 / НМ

Предложение	Сфера-источник / Тип метафоры
16) Ставки в этом сражении были слишком высоки	Сф4 / КМ
17) Тяжелые потери в ходе вчерашнего боя научили нас лучше готовиться к наступлению	Сф5 / КМ
18) Наше смертоносное оружие повергло противника в шок	Сф6 / КМ
19) Генералы переставляли полки и батальоны как шахматные фигурки	Сф1 / НМ
20) Во время войны матерям оставалось лишь быть зрителем в том жестоком спектакле, в котором играли их дети	Сф2 / НМ
21) Захваченная деревня переходила из рук в руки как мячик в волейболе	Сф3 / НМ
22) В этой битве мы все поставили на кон	Сф4 / КМ
23) Нам нужно было решить трудную задачу в этом бою	Сф5 / КМ
24) На поле боя стояла гробовая тишина	Сф6 / КМ

Вербальная матрица на китайском языке – это перевод русской матрицы, содержание которого уточнялось у двух носителей языка, специалистов в области перевода с русского языка. Конвенциональность метафор на китайском языке проверялась посредством Lancaster Corpus of Mandarin Chinese по тому же принципу, что и для предложений на русском языке.

Опрос респондентов проводился посредством анкетирования в режиме онлайн через сервис Google.Forms и методом анкетирования. Электронный опросник и бумажная анкета были идентичны по содержанию, поэтому результаты, полученные через оба канала, мы будем считать равнозначными.

В опроснике предлагалось задание, согласно которому респонденты должны были по шкале от 1 до 10 оценить адекватность разработанных нами предложений с точки зрения своего языкового опыта. Для участников опроса задание формулировалось так: «Оцените от 1 до 10, насколько вероятно, что Вы могли бы употребить в своей речи такое предложение, где 1 – никогда бы так не сказал, а 10 – я использовал такое же или очень похожее выражение».

На этом этапе мы проверяли уровень воспринимаемой уместности метафорического выражения. Отметим, что на данный момент в лингвистической науке не разработано какого-либо обоснованного метода подсчета или оценки уровня воспринимаемой уместности метафорического выражения. В этой связи мы используем простой, но математически логичный подход – вычисление среднего арифметического значений ответов респондентов. При этом, имея числовые показатели воспринимаемой уместности отдельно для конвенциональных и новых метафор, мы можем посчитать разницу в этих двух показателях и сравнить зависимость этой разницы от содержания метафоры, профессиональной ориентации и языковой принадлежности реципиентов.

Числовые показатели результатов исследования представлены в табл. 3.

Из табл. 3 следует, что разница в воспринимаемой уместности новых и конвенциональных метафор имеет место для обеих исследованных лингвокультур. При этом мы не можем не отметить весьма серьезную вариативность данной разницы по всем трем параметрам: содержание сферы-

источника, принадлежность респондентов к определенной лингвокультуре и к определенной социальной группе (профессиональная ориентация).

Т а б л и ц а 3

Воспринимаемая уместность конвенциональных (КМ) и новых (НМ) метафор

Ис- точ- ник	Игра			Театр			Соревнова- ние			Азарт			Урок			Смерть		
	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р	КМ	НМ	Р
Гр	7,3	5,2	2,1	6,2	4,9	1,3	6	4,7	1,3	7,3	3,8	3,5	7	4,1	2,9	6,6	5,7	0,9
В	6,6	3,7	2,9	5,8	3,1	2,7	6	3,3	2,7	6,1	3,5	2,6	7	3,3	3,7	5,9	4,2	1,7
ВБД	6,4	4,4	2	5	4,4	0,6	5,2	4,8	0,4	6,1	3,6	2,5	6,2	4,3	1,9	4,8	5	-0,2
П	5,9	4,4	1,5	5,3	4,5	0,8	5,3	5,3	0	5,8	3,5	2,3	6,6	5,6	1	4,2	5	-0,8
Ито- го (рус)	6,9	4,7	2,2	5,9	4,4	1,5	5,8	4,4	1,4	6,8	3,7	3,1	6,8	3,9	2,9	6,1	5,2	0,9
Гр	5,8	4,6	1,2	5,6	5,2	0,4	6	4,3	1,7	5,2	4,9	0,3	5,3	5,4	-0,1	6,3	5,2	1,1
В	5,5	4,1	1,4	4,5	5,1	-0,6	5,9	4,3	1,6	4,5	4,7	-0,2	4,7	5,4	-0,7	5,8	5	0,8
Ито- го (кит)	5,65	4,35	1,3	5,05	5,15	-0,1	5,95	4,3	1,65	4,85	4,8	0,05	5	5,4	-0,4	6,05	5,1	0,95
Ито- го	6,27	4,53	1,75	5,48	4,78	0,7	5,88	4,35	1,53	5,85	4,25	1,58	5,9	4,65	1,25	6,08	5,15	0,93

Так, говоря о вариативности, связанной со сферой-источником метафорического переноса, мы должны обратить внимание на то, что показатель разницы (Р) для русскоязычных респондентов варьируется от 0,9 для сферы-источника СМЕРТЬ до 3,1 для сферы-источника АЗАРТ. А для носителей китайской лингвокультуры вариативность также весьма ощутима: от -0,4 для сферы-источника УРОК до 1,65 для сферы-источника СОРЕВНОВАНИЕ.

Т а б л и ц а 4

Вариативность разницы воспринимаемой уместности конвенциональных и новых метафор в зависимости от сферы-источника

Источник	Игра	Театр	Соревнование	Азарт	Урок	Смерть
Рус	2,2	1,5	1,4	3,1	2,9	0,9
Кит	1,3	-0,1	1,65	0,05	-0,4	0,95
Итого	1,75	0,7	1,53	1,58	1,25	0,93

Как видим, даже усредненные показатели разницы воспринимаемой уместности для обоих языков отличаются весьма сильно. Наибольшая вариативность присуща весьма распространенной метафорической модели ВОЙНА – это ИГРА (1,75), тогда как менее популярные сферы-источники, такие как ТЕАТР и СМЕРТЬ, показали значительно меньшую разницу в воспринимаемой уместности: 0,7 и 0,93 соответственно.

Вариативность по принадлежности к лингвокультуре также весьма показательна. Например, для метафор со сферой-источником АЗАРТ разница воспринимаемой уместности двух типов метафор для русскоязычных ре-

спондентов составила 3,1, а для носителей китайского языка – 0,05, что меньше почти в шестьдесят два раза. Также очень сильно отличается воспринимаемая уместность метафор со сферой-источником УРОК, разница для респондентов-носителей русского языка составила 2,9, что почти в 2,5 раза больше показателя разницы для респондентов-носителей китайского языка (1,25).

Т а б л и ц а 5

Вариативность разницы воспринимаемой уместности конвенциональных и новых метафор в зависимости от лингвокультуры

Источник	Игра	Театр	Соревнование	Азарт	Урок	Смерть	Итого
Рус	2,2	1,5	1,4	3,1	2,9	0,9	2
Кит	1,3	-0,1	1,65	0,05	-0,4	0,95	0,575

В табл. 5 представлены итоговые средние показатели уровня воспринимаемой уместности для всех респондентов одной лингвокультуры. Для русскоязычных респондентов этот показатель составил 2, а для носителей китайского языка почти в 4 раза меньше – 0,575. Такая большая разница отчасти объясняется исходными данными нашего исследования, где вербальная матрица для эксперимента изначально составлялась на русском языке. Тем не менее, опираясь на значительное отличие в показателях для двух языков, мы полагаем, что языковая вариативность, которую также можно называть лингвокультурной вариативностью, должна учитываться при проведении анализа воспринимаемой уместности.

Вариативность по профессиональному признаку также четко проявляется. В рамках одного языкового коллектива мы наблюдаем весомую разницу в воспринимаемой уместности метафорических оборотов. Например, для русской лингвокультуры при анализе воспринимаемой уместности метафоры ВОЙНА – это УРОК разница в восприятии конвенциональных и новых метафор для гражданских – 2,9, для военных – 3,7, для ветеранов – 1,9, а для профессионалов военного дела – 1. Это говорит о том, что военные профессионалы более глубоко понимают суть войны и чаще воспринимают боевые действия как некий «урок».

Несмотря на вполне весомые отличия в рамках одной метафорической проекции, средние показатели разницы между воспринимаемой уместностью конвенциональных и новых метафор для разных профессиональных групп не столь значительны: средний показатель для всех военных – 1,55, а для всех гражданских – 1,38. В табл. 5 мы также видим, что лингвокультурная вариативность гораздо более весома.

В целом показатели воспринимаемой уместности метафор варьируются, демонстрируя меньшую разницу для китайского языка, тем не менее для всех групп респондентов присутствует разница в восприятии конвенциональных и новых метафор. В среднем все группы респондентов, вне зави-

симости от языка, сферы-источника и профессиональной принадлежности, воспринимают конвенциональные метафоры как более адекватные своему языковому опыту.

Т а б л и ц а 6

Вариативность разницы воспринимаемой уместности конвенциональных и новых метафор в зависимости от профессиональной ориентации

Рус военные	Кит военные	Рус гражданские	Кит гражданские
2,72	0,38	2	0,76
Среднее военные		Среднее гражданские	
1,55		1,38	

В табл. 6 мы видим, что для всех сфер-источников воспринимаемая уместность конвенциональных метафор выше, чем новых. При этом самые общие показатели демонстрируют уровень воспринимаемой уместности для конвенциональных метафор в 5,91, а для новых – 4,61.

Т а б л и ц а 7

Средние значения воспринимаемой уместности для каждой метафорической проекции в соответствии с типом метафоры

Тип метафоры	Игра	Театр	Соревнование	Азарт	Урок	Смерть	Итого
КМ	6,27	5,48	5,88	5,85	5,9	6,08	5,91
НМ	4,53	4,78	4,35	4,25	4,65	5,15	4,61

В целях проверки статистической значимости полученных результатов была проведена статистическая проверка гипотезы по методике расчёта t-критерия Стьюдента для независимых выборок, основанной на анализе средних значений в двух выборках.

Мы провели сравнительный анализ дважды:

- 1) на основе опроса группы Гр (Гражданские) и В (Военные);
- 2) на основе опроса группы Гр (Гражданские) и ВБД (Ветераны).

Критерий Стьюдента рассчитывался по каждой из сфер источников соответственно. После получения t и p по таблице значений критического значения коэффициента Стьюдента мы определяем доверительную вероятность. Мы пользовались доступными в интернете таблицами¹. Для гуманитарных наук допустимый уровень критического значения p составляет 5%, т.е. для нашей выборки t-критерий должен быть больше 1,969, тогда полученные результаты можно считать статистически значимыми.

Ниже представлены полученные результаты статистической проверки.

В 9 случаях из 12 полученное значение t-критерия выше необходимого для того, чтобы утверждать, что уровень критической статистической погрешности составляет меньше 5%. Вследствие этого мы приходим к выводу, что ре-

¹ См., например, [39].

зультаты проведенного нами эксперимента не являются статистически идеальными, но в целом относятся к разряду статистически значимых.

Т а б л и ц а 8

Значения t-критерия для исследуемых выборок

Группы	Сф1	Сф2	Сф3	Сф4	Сф5	Сф6
Гр/В	2,975438663	3,184792224	2,01135476	2,079258733	0,990018652	3,254099854
Гр/ВБД	2,164334686	2,338011305	2,338011305	1,673665673	0,735590995	3,400722994

Выводы

Таким образом, после теоретического осмысления проблемы новизны метафоры в ее взаимосвязи с персуазивностью речевого сообщения мы можем заключить:

1) конвенциональные метафоры базируются на категоризации, а новые – на сравнении, поэтому разные типы метафорических проекций по-разному воспринимаются реципиентами речевого сообщения;

2) конвенциональные метафоры связаны с когнитивным восприятием текста, они позволяют сделать сообщение более понятным и легким для восприятия из-за снижения сложности воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов;

3) новые метафоры могут усилить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение реципиента речевого сообщения, тем самым воздействуя на реципиента при эмоциональном восприятии речевого сообщения;

4) новые метафоры больше связаны с персуазивностью речевого сообщения, чем конвенциональные, однако для достижения этого эффекта должно быть соблюдено условие наличия адекватного уровня воспринимаемой уместности метафоры;

5) базовым уровнем воспринимаемой уместности является соответствие метафоры языковой норме и языковому опыту реципиента речевого сообщения, также уместность соотносится с контекстом и жанровыми особенностями сообщения.

Практическое исследование взаимосвязи новизны метафорической проекции и воспринимаемой уместности привело нас к следующим выводам:

1) воспринимаемая уместность конвенциональных метафор всегда выше, чем новых метафор;

2) воспринимаемая уместность связана с содержанием метафорической проекции, так как для метафор с одной сферой-целью и разными сферами-источниками наблюдается вариативность в разнице воспринимаемой уместности между конвенциональными и новыми метафорами. Данная зависимость может быть названа содержательной вариативностью воспринимаемой уместности;

3) воспринимаемая уместность связана с принадлежностью реципиента речевого сообщения, содержащего метафору, к определенной лингвокуль-

туре, так как наблюдается вариативность в разнице воспринимаемой уместности между конвенциональными и новыми метафорами участниками нашего исследования, принадлежащими к разным лингвокультурам. Данная зависимость может быть названа лингвокультурной вариативностью воспринимаемой уместности;

4) воспринимаемая уместность в меньшей степени связана с принадлежностью реципиента речевого сообщения, содержащего метафору, к определенной профессиональной группе, так как вариативность в разнице воспринимаемой уместности между конвенциональными и новыми метафорами участниками нашего исследования, имеющими разный профессиональный и жизненный опыт, незначительна. Данная зависимость может быть названа социальной вариативностью воспринимаемой уместности.

Таким образом, цель данного исследования достигнута. Наша основная гипотеза о том, что новизна метафорической проекции связана с воспринимаемой уместностью, доказана. Результаты практического исследования показали, что новые метафоры обладают более низким уровнем воспринимаемой уместности.

Сопутствующая гипотеза, которая состояла в том, что воспринимаемая уместность связана с содержанием метафорического оборота, а также с характеристиками адресата речевого сообщения, содержащего метафору, с его профессиональным и жизненным опытом и принадлежностью к определенной лингвокультуре, доказана частично. Мы выделили три типа вариативности воспринимаемой уместности: содержательную, лингвокультурную и социальную, а практическое исследование показало, что социальная вариативность не оказывает значимого влияния на воспринимаемую уместность, в отличие от содержательной и лингвокультурной.

Отдельно стоит отметить, что в силу того, что воспринимаемая уместность напрямую зависит от контекста, жанра, тематики речевого сообщения и конкретного языкового опыта, знаний и убеждений реципиента речевого сообщения, этот параметр трудно рассчитать, он может быть определен только для каждого речевого сообщения применительно к определенной категории реципиентов. Тем не менее мы полагаем, что проведение большого количества исследований текстов разных жанров и стилей может дать основания для определения среднего уровня уместной метафоричности для типовых контекстов, что будет способствовать улучшению качества использования метафор как в целях речевого воздействия, так и в целях украшения речевого сообщения.

Список источников

1. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 44–67.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelon. Berlin, 2000. P. 133–145.

5. *Graesser A.C., Mio J., Millis K.K.* Metaphors in persuasive communication // *Comprehension of literary discourse: Results and problems of interdisciplinary approaches* / ed. by D. Meutsch, R. Viehoff. Berlin : Walter de Gruyter, 1989. P. 131–154.
6. *Charteris-Black J.* Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor // *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Palgrave Macmillan, 2016. 252 p.
7. *Van Stee S.K. et al.* The Effects of Metaphor Use and Message Format on Cognitive Processing and Persuasive Outcomes of Condom Promotion Messages // *Commun. Stud.* 2018. Vol. 69, № 1. P. 23–41.
8. *Ottati V.C., Renstrom R.A.* Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach // *Soc. Personal. Psychol. Compass.* 2010. Vol. 4, № 9. P. 783–794.
9. *Bottini G. et al.* The role of the right hemisphere in the interpretation of figurative aspects of language A positron emission tomography activation study // *Brain.* 1994. Vol. 117, № 6. P. 1241–1253.
10. *Anaki D., Faust M., Kravetz S.* Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors. This research was part of the M.A. thesis of the first author at Bar-Ilan University under the supervision of the second author. // *Neuropsychologia.* 1998. Vol. 36, № 7. P. 691–700.
11. *Coulson S., Van Petten C.* Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study // *Mem. Cognit.* 2002. Vol. 30, № 6. P. 958–968.
12. *Pynte J. et al.* The Time-Course of Metaphor Comprehension: An Event-Related Potential Study // *Brain Lang.* 1996. Vol. 55, № 3. P. 293–316.
13. *Mashal N., Faust M., Hender T.* The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data // *Neuropsychologia.* 2005. Vol. 43, № 14. P. 2084–2100.
14. *Ahrens K. et al.* Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese // *Brain Lang.* 2007. Vol. 100, № 2. P. 163–171.
15. *Eviatar Z., Just M.A.* Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and conventional metaphor comprehension // *Neuropsychologia.* 2006. Vol. 44, Is. 12. P. 2348–2359.
16. *Stringaris A.K. et al.* Deriving meaning: Distinct neural mechanisms for metaphoric, literal, and non-meaningful sentences // *Brain Lang.* 2007. Vol. 100, № 2. P. 150–162.
17. *Sopory P.* Metaphor and Attitude Accessibility // *South. Commun. J.* 2006. Vol. 71, № 3. P. 251–272.
18. *Van Stee S.K.* Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs Literal Messages // *Commun. Stud.* 2018. Vol. 69, № 5. P. 545–566.
19. *Бондаренко И.В.* Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология.* 2019. Вып. 2. С. 52–60.
20. *Нагорный И.А., Чересюк П.А.* Прагматические функции метафоры в тексте (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2018. Т. 3, № 37. С. 355–368.
21. *Bowdle B.F., Gentner D.* The Career of Metaphor // *Psychol. Rev.* 2005. Vol. 112, № 1. P. 193–216.
22. *Hartman T.K.* Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality // *Polit. Commun.* 2012. Vol. 29, № 3. P. 278–298.
23. *Burgers C. et al.* Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising // *Int. J. Advert.* 2015. Vol. 34, № 3. P. 515–532.
24. *Giora R. et al.* Weapons of Mass Distraction: Optimal Innovation and Pleasure Ratings // *Metaphor Symb.* 2004. Vol. 19, № 2. P. 115–141.

25. Hoeken H. et al. Using Message Form to Stimulate Conversations: The Case of Tropes // *Commun. Theory*. 2009. Vol. 19, № 1. P. 49–65.
26. Read S.J. et al. When Is the Federal Budget Like a Baby? Metaphor in Political Rhetoric // *Metaphor Symb. Act.* 1990. Vol. 5, № 3. P. 125–149.
27. Robins S., Mayer R.E. The Metaphor Framing Effect: Metaphorical Reasoning About Text-Based Dilemmas // *Discourse Process*. 2000. Vol. 30, № 1. P. 57–86.
28. Morris M.W. et al. Metaphors and the market: Consequences and preconditions of agent and object metaphors in stock market commentary // *Organ. Behav. Hum. Decis. Process*. 2007. Vol. 102, № 2. P. 174–192.
29. Williams A.E., Davidson R., Yochim E.C. Who's to Blame When a Business Fails? How Journalistic Death Metaphors Influence Responsibility Attributions // *Journal. Mass Commun. Q.* 2011. Vol. 88, № 3. P. 541–561.
30. Kalinin O. Virus Image in the Chinese Media: Comparative Analysis of Coronavirus and Ebola Metaphoric Representation // *Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication*. Moscow : European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020. P. 331–337.
31. Cornelissen J.P., Holt R., Zundel M. The Role of Analogy and Metaphor in the Framing and Legitimization of Strategic Change // *Organ. Stud.* 2011. Vol. 32, № 12. P. 1701–1716.
32. Gibbs R.W., Colston H.L. *Interpreting Figurative Meaning*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 390 p.
33. Brantner C., Lobinger K., Wetzstein I. Effects of Visual Framing on Emotional Responses and Evaluations of News Stories about the Gaza Conflict 2009 // *Journal. Mass Commun. Q.* 2011. Vol. 88, № 3. P. 523–540.
34. Ang S.H., Lim E.A.C. The Influence of Metaphors and Product Type on Brand Personality Perceptions and Attitudes // *J. Advert.* 2006. Vol. 35, № 2. P. 39–53.
35. Phillips B.J., McQuarrie E.F. Impact of Advertising Metaphor on Consumer Belief: Delineating the Contribution of Comparison Versus Deviation Factors // *J. Advert.* 2009. Vol. 38, № 1. P. 49–62.
36. Krieger J.L., Parrott R.L., Nussbaum J.F. Metaphor Use and Health Literacy: A Pilot Study of Strategies to Explain Randomization in Cancer Clinical Trials // *J. Health Commun.* 2010. Vol. 16, № 1. P. 3–16.
37. Boeynaems A. et al. The impact of conventional and novel metaphors in news on issue viewpoint // *International Journal of Communication*. 2017. Vol. 11. P. 2861–2879.
38. Ahrens K. Mapping principles for conceptual metaphors // *Researching and Applying Metaphor in the Real World* / ed. by G. Low et al. New York : John Benjamins Publishing, 2010. P. 185–208.
39. URL: <http://chemstat.com.ru/node/17>

References

1. Richards, A. (1990) *Filosofiya ritoriki* [Philosophy of rhetoric]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Nauka. pp. 44–67.
2. Black, M. (1990) *Metafora* [Metaphor]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Nauka. pp. 153–172.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafora, Kotorym My Zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
4. Turner, M. & Fauconnier, G. (2000) *Metaphor, Metonymy, and Binding*. In: Barcelon, A. (ed.) *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Berlin; NY: Mouton de Gruyter. pp. 133–145.
5. Graesser, A.C., Mio, J. & Millis, K.K. (1989) *Metaphors in persuasive communication*. In: Meutsch, D. & Viehoff, R. (eds) *Comprehension of literary discourse: Results and problems of interdisciplinary approaches*. Berlin: Walter de Gruyter. pp. 131–154.

6. Charteris-Black, J. (2016) Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor. In: *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Palgrave Macmillan.

7. Van Stee, S.K. et al. (2018) The Effects of Metaphor Use and Message Format on Cognitive Processing and Persuasive Outcomes of Condom Promotion Messages. *Commun. Stud.* 69 (1). pp. 23–41.

8. Ottati, V.C. & Renstrom, R.A. (2010) Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach. *Soc. Personal. Psychol. Compass.* 4 (9). pp. 783–794.

9. Bottini, G. et al. (1994) The role of the right hemisphere in the interpretation of figurative aspects of language A positron emission tomography activation study. *Brain.* 117 (6). pp. 1241–1253.

10. Anaki, D., Faust, M. & Kravetz, S. (1998) Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors. This research was part of the M.A. thesis of the first author at Bar-Ilan University under the supervision of the second author. *Neuropsychologia.* 36 (7). pp. 691–700.

11. Coulson, S. & Van Petten, C. (2002) Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study. *Mem. Cognit.* 30 (6). pp. 958–968.

12. Pynte, J. et al. (1996) The Time-Course of Metaphor Comprehension: An Event-Related Potential Study. *Brain Lang.* 55 (3). pp. 293–316.

13. Mashal, N., Faust, M. & Hendler, T. (2005) The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data. *Neuropsychologia.* 43 (14). pp. 2084–2100.

14. Ahrens, K. et al. (2007) Functional MRI of conventional and anomalous metaphors in Mandarin Chinese. *Brain Lang.* 100 (2). pp. 163–171.

15. Eviatar, Z. & Just, M.A. (2006) Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and conventional metaphor comprehension. *Neuropsychologia.* 44 (12). pp. 2348–2359.

16. Stringaris, A.K. et al. (2007) Deriving meaning: Distinct neural mechanisms for metaphoric, literal, and non-meaningful sentences. *Brain Lang.* 100 (2). pp. 150–162.

17. Sopory, P. (2006) Metaphor and Attitude Accessibility. *South. Commun. J.* 71 (3). pp. 251–272.

18. Van Stee, S.K. (2018) Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Commun. Stud.* 69 (5). pp. 545–566.

19. Bondarenko, I.V. (2019) Linguistic and Pragmatic Potential of Metaphors in Political Discourse. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya Filologiya, pedagogika, psikhologiya – IKBFU's Vestnik.* 2. pp. 52–60. (In Russian).

20. Nagorny, I.A. & Cheresyuk, P.A. (2018) Pragmatic Functions of Metaphors in the Text (Based on the Novel by L.N. Tolstoy “Anna Karenina”). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 3 (37). pp. 355–368.

21. Bowdle, B.F. & Gentner, D. (2005) The Career of Metaphor. *Psychol. Rev.* 112 (1). pp. 193–216.

22. Hartman, T.K. (2012) Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality. *Polit. Commun.* 29 (3). pp. 278–298.

23. Burgers, C. et al. (2015) Making ads less complex, yet more creative and persuasive: the effects of conventional metaphors and irony in print advertising. *Int. J. Advert.* 34 (3). pp. 515–532.

24. Giora, R. et al. (2004) Weapons of Mass Distraction: Optimal Innovation and Pleasure Ratings. *Metaphor Symb.* 19 (2). pp. 115–141.

25. Hoeken, H. et al. (2009) Using Message Form to Stimulate Conversations: The Case of Tropes. *Commun. Theory.* 19 (1). pp. 49–65.

26. Read, S.J. et al. (1990) When Is the Federal Budget Like a Baby? Metaphor in Political Rhetoric. *Metaphor Symb. Act.* 5 (3). pp. 125–149.

27. Robins, S. & Mayer, R.E. (2000) The Metaphor Framing Effect: Metaphorical Reasoning About Text-Based Dilemmas. *Discourse Process*. 30 (1). pp. 57–86.
28. Morris, M.W. et al. (2007) Metaphors and the market: Consequences and preconditions of agent and object metaphors in stock market commentary. *Organ. Behav. Hum. Decis. Process*. 102 (2). pp. 174–192.
29. Williams, A.E., Davidson, R. & Yochim, E.C. (2011) Who's to Blame When a Business Fails? How Journalistic Death Metaphors Influence Responsibility Attributions. *Journal. Mass Commun. Q.* 88 (3). pp. 541–561.
30. Kalinin, O. (2020) Virus Image in the Chinese Media: Comparative Analysis of Coronavirus and Ebola Metaphoric Representation. *Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication*. Moscow: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. pp. 331–337.
31. Cornelissen, J.P., Holt, R. & Zundel, M. (2011) The Role of Analogy and Metaphor in the Framing and Legitimization of Strategic Change. *Organ. Stud.* 32 (12). pp. 1701–1716.
32. Gibbs, R.W. & Colston, H.L. (2012) *Interpreting Figurative Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Brantner, C., Lobinger, K. & Wetzstein, I. (2011) Effects of Visual Framing on Emotional Responses and Evaluations of News Stories about the Gaza Conflict 2009. *Journal. Mass Commun. Q.* 88 (3). pp. 523–540.
34. Ang, S.H. & Lim, E.A.C. (2006) The Influence of Metaphors and Product Type on Brand Personality Perceptions and Attitudes. *J. Advert.* 35 (2). pp. 39–53.
35. Phillips, B.J. & McQuarrie, E.F. (2009) Impact of Advertising Metaphor on Consumer Belief: Delineating the Contribution of Comparison Versus Deviation Factors. *J. Advert.* 38 (1). pp. 49–62.
36. Krieger, J.L., Parrott, R.L. & Nussbaum, J.F. (2010) Metaphor Use and Health Literacy: A Pilot Study of Strategies to Explain Randomization in Cancer Clinical Trials. *J. Health Commun.* 16 (1). pp. 3–16.
37. Boeynaems, A. et al. (2017) The impact of conventional and novel metaphors in news on issue viewpoint. *International Journal of Communication*. 11. pp. 2861–2879.
38. Ahrens, K. (2010) Mapping principles for conceptual metaphors. In: Low, G. et al. (eds) *Researching and Applying Metaphor in the Real World*. New York: John Benjamins Publishing. pp. 185–208.
39. *Student's t-test*. [Online] Available from: <http://chemstat.com.ru/node/17> (In Russian).

Информация об авторе:

Калинин О.И. – канд. филол. наук, докторант Военного университета Министерства обороны (Москва, Россия), доцент кафедры китайского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: kallini4@yandex.ru, okalinin.lingua@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.I. Kalinin, Cand. Sci. (Philology), doctoral student, Military University (Moscow, Russian Federation); associate professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: okalinin.lingua@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2020;
одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 21.05.2020;
approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 81'342.41:811.161.1(470.345)
doi: 10.17223/19986645/75/3

Репрезентация семантического поля «болезнь человека» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия»

Алина Юрьевна Маслова¹, Татьяна Ивановна Мочалова²

^{1,2} *Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия*
¹ *al_mas@mail.ru*
² *mochalova2014@rambler.ru*

Аннотация. Лексикографическая интерпретация семантического поля «болезнь человека» в русских говорах Республики Мордовия вносит определенный вклад в постижение народной ментальности, специфики национальной языковой картины мира. В работе охарактеризованы номинативные обозначения болезней человека, симптоматики, изменений во внешнем облике, эмоциональном состоянии; адъективная лексика, отражающая различную степень проявления болезненного состояния; вербативы, передающие разные стадии протекания заболевания.

Ключевые слова: русский язык, система языка, лексикография, диалект, болезнь, номинация, семантическое поле, семантика

Для цитирования: Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Репрезентация семантического поля «болезнь человека» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 45–66. doi: 10.17223/19986645/75/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/3

Representation of the semantic field “human disease” in the *Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia*

Alina Yu. Maslova¹, Tatiana I. Mochalova²

^{1,2} *National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation*
¹ *al_mas@mail.ru*
² *mochalova2014@rambler.ru*

Abstract. The article focuses on the analysis of the semantic field “human disease”, the identification of the peculiarities of the national language world picture reflected in Russian folk dialects. The research was carried out on the material of the *Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia*. Various

methods were used in the work: descriptive analysis to represent the material extracted as a result of continuous sampling from the dictionary; comparative and component analysis of the lexical units in order to establish their systemic hierarchical relationships and identify paradigmatic relations between them; contextual analysis to determine the content plan of the considered language units. In addition, the method of linguistic and cultural interpretation was used, based on the analysis of language material with the involvement of information on the history, culture, social organization of the analyzed community. Based on lexicographic data, linguistic units representing the semantic field of human disease were characterized in the structural-semantic aspect. The studied units were classified according to their part-of-speech belonging and to the presence in their semantic structure of integral and differential components. Such language units form an essential part of the regional vocabulary and express various meanings. A complex analysis of dictionary materials shows that the studied dialects have numerous names of human diseases, symptoms, changes in appearance and emotional states that arise as a result of a malady. Verbs characterizing various stages of diseases, painful states of a human body or certain organs are also observed. Dialect names are usually derived from nation-wide bases, the internal form of the word reflects the symptoms of the disease, especially of disease manifestations. In the *Dictionary*, the semantic field “human disease” is characterized by a variety of paradigmatic relations linking language units: synonymy is widely developed; polysemy, homonymy, antonymy are also presented in this semantic field; an abundance of doublet synonyms generally typical to dialects is observed. Thus, in the *Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia*, the semantic field “human disease” is represented by the richest variety of lexical and idiomatic units, formed as a reflection of human life in the linguistic world picture. The overall study of this material contributes to the comprehension of the national mentality and the specification of features of the national language world picture.

Keywords: Russian language, language system, lexicography, dialect, disease, nomination, semantic field, semantics

For citation: Maslova, A.Yu. & Mochalova, T.I. (2022) Representation of the semantic field “human disease” in the *Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 45–66. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/3

С позиции антропоцентризма человек интерпретируется не только как носитель языка, но и как хранитель языковых традиций, культуры, материальных и духовных ценностей своего народа. Антропоцентрическая парадигма позволяет рассматривать связь языка с этнической принадлежностью человека, способом представления действительности. Одной из актуальных задач для ученых является изучение трансляции картины мира человека через языковые единицы. Поэтому исследование лексем и фразеологизмов на диалектном материале через призму антропоцентризма предполагает не просто изучение значения единиц, их функционирования, но и анализ информации, которую эти единицы могут дать о носителях диалектов. Е.В. Иванцова отмечает, что в диалектном идиолексиконе в большей степени отражается конкретность мировидения, что проявляется в асимметрии конкретной и абстрактной лексики, номинаций физических и пси-

хических характеристик человека: «Преимущественная опора на личный чувственный опыт обуславливает такую ментальную особенность диалектной языковой личности, как конкретность восприятия действительности» [1. С. 32]. Это объясняет тот факт, что объемными семантическими полями с большой степенью детализации представлена сфера физических действий и состояний, в частности поля «физические потребности человека» и «болезнь».

Лингвистическое изучение и интерпретация наименований болезней, способов их лечения осуществлялись на материале различных языков, в том числе и в сопоставительном аспекте ([2–5] и др.). Представления о здоровье и болезни в речи жителей территориально замкнутого социума, лексика народной медицины неоднократно становились предметом изучения исследователей, обращавшихся к разноаспектной характеристике говоров ([6–13] и др.). В то же время не вызывает сомнения, что «системное описание диалектной лексики еще требует серьезного научного осмысления и представляется сегодня весьма актуальным, ведь лексические системы говоров невероятно широки, находятся в сложном взаимодействии с кодифицированным языком, любое лексическое образование способно к саморазвитию и саморегуляции» [14]. Семантическое поле «болезнь человека» выделяется в количественном отношении среди других полей, имеет разветвленную структуру и представляет собой важный фрагмент внеязыковой действительности. Об этом свидетельствует обилие материала для исследований, что подчеркивает существенность данной семантической сферы для носителей диалекта, а следовательно, актуальность ее рассмотрения и на материале русских говоров Республики Мордовия. В составе рассматриваемого семантического поля выделяются тематические группы – совокупности слов разных частей речи, обозначающих близкие или непосредственно связанные понятия на основании соотношения объектов в реальной действительности или в сознании говорящего:

1. Наименования болезней человека и болезненных проявлений.
2. Наименования различных этапов протекания болезни.
3. Наименования больного человека.

Остановимся на рассмотрении обозначенных тематических групп.

Наименования болезней человека и болезненных проявлений

Нездоровье, болезнь носителями диалекта осознаются как негативные явления и активно номинируются в диалектном языке. Номинации, прямо или семантически опосредованно имеющие отношение к болезни человека, репрезентируются в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (далее – СРГРМ) [15] словами разных частей речи. Ядро рассматриваемого семантического поля представляет тематическая группа, номинирующая как сами болезни, так и проявление болезненного состояния у человека.

Наименования болезней человека (обобщенные и по нозологиям). Разнообразна в семантическом плане подгруппа со значением «названия

болезни», включающая имена существительные. Так, в исследуемых говорах зафиксированы языковые единицы с обобщенным значением ‘болезнь’: *бо’лесть*, *лихома’нка* в 1-м знач., *немогота’*, *плохота’* во 2-м знач., *спа’йка*, *си’рта*, *хворо’ба*.

Примыкают к группе слов с обобщенным значением ‘болезнь’ наименования, в смысловой структуре которых присутствуют дифференциальные семы. Так, зафиксированы лексемы *паска’ль*, *плани’да*, *пове’тря* со значением ‘эпидемия’: *Как какая планидь прошла, фсей деревний фсе п’валились, индь жуть берёт* (Суподеевка, Ардатовский район); лексемы *лихома’нка* во 2-м знач., *комо’ха* в 1-м знач. характеризуют болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом, – лихорадку: *Лихаманкь, ана и в жар, и ф холът брасат* (Саловка, Лямбирский район). Внезапную болезнь, припадок, вызванные испугом, обозначает образование *при’тка*: *Приткь – этъ упал чъовек, испужалси, ёму чово-тъ поприччылсь – вот и приткь* (Суподеевка, Ардатовский район).

Наименования собственно болезней объединяются в подгруппы по нозологическому принципу. *Внутренние болезни* представлены лексическими единицами, характеризующими заболевания внутренних органов: *парали’ч*, *ревмати’зма*, *невстани’ха* – ‘болезнь радикулит’, *колю’ха* – ‘тяжелый, сухой кашель’, *паде’ние* (желудка) – ‘опущение желудка’. Две лексемы обозначают неврологическое заболевание эпилепсию: *не’мочь*, или *чёрная не’мочь*, когда метафорически переосмысливаются физиологические проявления припадка и полная беспомощность человека. Две номинации представляют *инфекционные болезни*: *лету’чка* во 2-м знач. – ‘болезнь ветряная оспа’ – метафорически актуализирует в наименовании способ распространения инфекции воздушным путем и *опёнок* в 1-м знач. – ‘болезнь грипп’.

Наиболее представительна подгруппа с названиями *кожных болезней*. Это обобщенное название болезни кожи – *волосни’*; наименования конкретных болезней: *крани’вка* – ‘экзема’; *чёс*, *очёс*, *чухно’* – ‘чесотка’; простудные заболевания, которые проявляются в виде сыпи на теле, – *звар*, в виде сыпи, гнойных ранок на губах – *комоха’* (*кумоха’*) во 2-м знач. Фразеологическая единица (далее – ФЕ) *кумоха’ окида’ла* – ‘о появлении сыпи, гнойных ранок на губах в результате простуды’; наименования внешних проявлений кожных заболеваний: *лапты’* – ‘красные пятна и полосы на лице и теле’; *ма’лежень* – ‘пятно, выступившее на лице, теле’, *плоть* – ‘перхоть’, *шалу’шка*, *ше’лудь* – ‘язвочка, болячка’, *ще’дринка* – ‘остина’ (более подробно о названиях болезней в русских говорах Республики Мордовия см.: [16, 17]). Отметим, что семантика наименований болезней демонстрирует омонимичные отношения в диалектной лексике, например: ¹*крани’вка* – ‘кожная болезнь экзема’ – ²*крани’вка* – ‘растение *Veronica longifolia* L.; вероника длинно-листная’; ¹*лету’чка* – ‘грузовая машина с крытым брезентовым кузовом’ – ²*лету’чка* – ‘болезнь ветряная оспа’ – ³*лету’чка* – ‘растение *Trifolium arvense* L.; клевер пашенный’ и др.

Наименования болезненных проявлений. Отдельную подгруппу составляют лексика различной частеречной принадлежности и фраземика, фиксирующие болезненные проявления организма человека.

Отглагольные существительные характеризуют ощущение холода, вызывающее дрожь в теле, озноб (**зно́бь**), или ощущение ритмических колебаний кровеносной системы, напоминающих стук (**то́канье**): *Прастыль фчярась, знопъ пъ фсиму телу* (Тепловка, Кочкуровский район). *Уш как ф поли пъработъю, так токънья и нъчинацъ, и патом на весь день* (Лада, Ичалковский район).

Единичное наречие **невсуге'рпъ** служит для выражения нестерпимой, невыносимой боли. Как показывает иллюстративный материал, подобные ощущения могут быть обусловлены как проявлением болезни, так и воздействием внешних факторов, ср.: *Жыво́т вот ръзбалелси нифсугтерпъ, типерь нимногъ атпустилъ* (Каймар, Краснослободский район) – *Ех и ветир ныни жыгун, абжыгат, как агонъ, прямъ нифсугтерпъ* (Муравлянка, Ельниковский район).

Для передачи болезненных проявлений и (или) ощущений часто служат слова категории состояния (**хизно'** – 'о болезненном или тяжелом душевном состоянии; плохо', **невыно'сно** – 'нестерпимо, невыносимо'), а также глаголы, допускающие безличное употребление (**каля'бить** – 'о болезненном ощущении ломоты', **разгаси'ть** – 'о сильном жаре у больного, вызывающем болезненный румянец', **погло́та'ть** – 'о болезненном ощущении жжения в груди, горле'). Для таких языковых единиц характерно безлично-предикативное употребление, что подтверждается контекстуально: *Меня с утра што-тъ калябит* (Рождествено, Ичалковский район). *С той пары и хизно мне сталь* (Владимировка, Лямбирский район). *Дъ ръзгасилъ ёво што-тъ, фчара, навернь, пръстудили* (Говорово, Старошайговский район). *Ана из вагонъ удабрения ръзгужалъ, и ей фсе́ нутро пълглаталъ* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Для обозначения болезненных проявлений употребляются и ФЕ, которые могут включать глаголы негативного физического воздействия **драть**, **резать**, **ломать**, что позволяет образно представить характер воздействия болезни на организм человека: **драть дёркой**, **как ножом (ножам)** **рэзать** – 'о сильной боли', **младёнская ломает** – 'о приступе эпилепсии у детей'. Заметим, что в данном случае отсутствует закрепление болезненных проявлений за какой-либо частью тела или одним органом: *Весь день зуп дирёт дёркъй* (Нижняя Вязера, Инсарский район). *Палиц дёркъй дирёт, нърывают он* (Атемар, Лямбирский район). Нарушение нормальной жизнедеятельности организма, болезни различных органов или частей тела репрезентируют такие ФЕ, как **кумоха́ окидала** – 'о появлении сыпи, гнойных ранок на губах в результате простуды', **мельтуши'ться (мельтюши'ться) в глаза́х** – 'об ощущении дурноты, слабости', **зно́бь берёт** – 'знобит'; **роди'мец бьёт** – 'кто-либо начинает биться в судорогах', **щеть вы'ступила** – об ощущении озноба', **нутро́ лу'ковицей выла́зит** – кто-либо изнемогает от крика, плача (обычно о детях)', **не влада́ть** –

‘*быть парализованным, отняться*’, *роди'мец уби'л* – ‘кто-либо разбит параличом’.

Конкретные симптомы болезненного состояния того или иного органа человека отражаются в соматических диалектных фразеологизмах. Например, утрату голоса вследствие простуды фиксирует ФЕ *глотку завали'ло*; начало насморка – *засмыгáть нóсом*; болезненное ощущение тяжести в носу передается ФЕ *нос заклáло*; болезненное ощущение в ушах – *ушáм тéсно*; в руках – *ру'ки расхвátáются*, т.е. натрудаются, придут в болезненное состояние; в ногах (руках) – *навихáть нóги (ру'ки)*. ФЕ *ру'ки (нóги) не владáют* передает симптом онемения – ‘*руки (ноги) онемели, потеряли чувствительность от холода*’. Значение расстройства желудка имеет ФЕ *живóт завязáлся*; семантически с ним связан фразеологизм, не содержащий соматизма: *слонёнка (слонёночка) роди'ть* – ‘*извергать (извергнуть) содержимое желудка, стоя на четвереньках*’.

Наиболее представительны группы фразеологизмов, фиксирующих проявление симптома болезни в голове или груди. Симптоматику сильной головной боли отражает синонимический ряд ФЕ: *головá развáливается, головá растеря'лась, головá скáтывается* – ‘*о сильной головной боли*’; проявление головокружения выражено синонимическими ФЕ, одна из которых не является соматической: *головá перемётывается* и *кры'ша трóнулась*. Очевидно, что перенос значения *голова* – *крыша* осуществляется по признаку места нахождения части объекта: *верхняя часть* тела человека – *верхняя часть* строения. Травма головы выражается посредством метонимического переноса *голова* – *мозги* во ФЕ *разби'ть мозги* – ‘*травмировать голову*’.

Проявление боли в груди представлено группой фразеологизмов, в которой лишь одна ФЕ содержит соматизм: *грудь заклáло* – ‘*о болезненном ощущении тяжести в груди*’. Такое же значение имеют фразеологизмы – синонимы *дух захвати'ло, дыхáнье завáливает*. Последняя ФЕ другим своим значением – ‘*об одышке*’ – входит в семантическую подгруппу, акцентирующую сему затрудненного дыхания: *ды'ху нет, и'нда дых не ды'шит* – ‘*трудно дышать*’; *как конь зáгнанный* – ‘*тяжело, прерывисто (дышать)*’.

Общими проявлениями болезни являются слабость и недомогание. Это состояние обозначается и синонимичными ФЕ: *ду'ху нет* и *как в мя'льцы (мя'лку) пропусти'ли кого* – ‘*кто-либо испытывает сильную усталость, слабость, недомогание*’. В градационных отношениях с этими фразеологизмами находятся глагольные ФЕ, фиксирующие состояние сильной боли или предсмертное состояние: *каткóм (кáтом, кóтом) катáться* – ‘*страдать от сильной боли*’; *вмертвé лежáть, в одну' ды'шку дышáть* – ‘*быть при смерти*’. Ощущение сильной, жгучей боли ассоциативно сравнивается носителями диалекта с воздействием огня – *как огнём пали'ть: Палиц нърыват, как агнём иво палит* (Протасово, Лямбирский район).

Болезнь меняет физическое и психологическое состояние человека. СРГРМ репрезентирует 11 синонимичных глаголов со значением ‘*сойти с ума*’: *окочу'риться, опуне'ть* в 1-м знач., *осумя'теть, попо'ртиться*,

ря'хнуться, ²*смеша'ться*, *страхну'ться*, *сиа'титься*, *сишиби'ться* во 2-м знач., *чи'кнуться*, *чири'кнуться*. Единичный глагол *ухални'ть* обозначает 'сделать ненормальным', то есть совершить действие, приводящее к лишению рассудка другого человека: *Он тады пьяный прииол, бил иё больнь, вот и ухалнил дифцонку-ть* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Утрата способности соображать, здраво рассуждать делает человека недееспособным, что также отражается средствами диалектной фразеологии: *кида'ть в чёрную нёмочь* – 'о тяжелом физическом и душевном состоянии'; показателен ряд ФЕ, фиксирующих проявление безумия: *умом побежа'ть*, *умом лиши'ться*, *как чу'шка стать*, *смеша'ться с разуму (разума)*, *с ума сбиться*: *Кады яму былъ десить гадох, яво мать умом пьбягла* (Веденяпино, Теньгушевский район). *Дедушкь ли Маклай был ни умный, ни разумный, а шас вон как чюшкь стал, куды чяво и дявальсь* (Кочелаево, Ковылкинский район).

Наименования различных этапов протекания болезни

Значительное количество глагольных лексем и фразеологизмов номинирует в СРГРМ различные этапы протекания болезни: *начать болеть – болеть – выздороветь*.

Начало болезни. Начальную стадию болезни обозначают глаголы совершенного вида *испо'ртиться*, *скля'пить*, *разла'диться*, *задряхле'ть*, *срази'ться* в 3-м знач. – 'стать больным, заболеть'. В смысловой структуре отдельных глаголов присутствуют дифференциальные семы, конкретизирующие особенности проявления болезни: серьезность заболевания (*расте'леться* – *заболеть серьезно*, *расхвораться*), *распе'риться* – 'начать сильно болеть, разболеться'), его длительность (*скопы'тнуть* в 1-м знач. – *заболеть серьезно, надолго*), причину возникновения (*разви'ться* – *заболеть от сильного физического напряжения, неловкого движения и т.п. (о руке)*), *охолони'ться*, *осопа'тить* – 'простудиться'), заболевание части тела (*подби'ться* – 'ослабеть, заболеть (о частях тела человека)'). В ряде случаев, как видим из приведенных словарных дефиниций, наблюдается комбинаторика сем: *скопы'тнуть* в 1-м знач. – 'заболеть' + 'серiously' + 'надолго'; *разви'ться* – 'заболеть' + причина – 'от сильного физического напряжения, неловкого движения и т.п.' + часть тела – 'о руке' и т.п.

В русском языке для обозначения начала действия употребляются, как правило, глаголы охарактеризованных способов действия, при этом аффиксы присоединяются к неопределённым глаголам различных семантических классов. Специализированными показателями начала действия при этом служат глагольные приставки *за-*, *по-*, *вз-*, *воз-*, *раз-*, постфикс *-ся*. На материале исследуемых говоров наблюдается соединение аффиксов с производящими глаголами, которые связаны с передачей различных психикофизиологических процессов, происходящих в человеческом организме. Наиболее частотны образования с приставкой *раз-* (*рас-*) и постфиксом *-ся*,

которые выражают действие, достигшее особой, иногда чрезмерной силы, активности, интенсивности: *разла'диться, растеле'житься, распе'риться, разви'ться*. Ты *ръстележылси, видать, надолгъ* (Редкодубье, Ардатовский район). Глаголы начинательного способа действия с приставкой *за-*, у которых начало представлено как приступание к дальнейшему действию, обладающему длительностью, непродуктивны, например *задряхле'ть*: *Цаво-ть здряхлель я, в бальницу надъ схадитъ* (Старая Фёдоровка, Старошайговский район).

Лексикографические данные представляют глагольную лексику, обозначающую переход в болезненное состояние, в частности синонимический ряд глаголов совершенного вида с доминантой *'стать хилым, чахлым'*: *заляде'ть, замере'ть, заплоша'ть, затоне'ть* во 2-м знач., *за-ча'вретъ* в 1-м знач. Данные лексемы выражают значение результативности действия, осуществление которого занимало длительный период: *Старый стал, зтанел сафсем, чуть што и балею* (Кулишейка, Рузаевский район). *Сначяль грипъм балель, патом в груть калоть сталь, сафсем к висне былъ змярла* (Усыкино, Инсарский район). Примечательно, что приведенные глаголы имеют, как правило, формальный показатель результативности: префикс *за-*: *ляде'ть – за/ляде'ть, тоне'ть – за/тоне'ть*.

В ряде случаев для обозначения наступления болезни употребляются глагольные ФЕ *здоровье не пости'гло – 'кто-либо заболел', как в'аром сварил'о* в 1-м знач. – *'кто-либо внезапно заболел', росой хвати'ло – 'кто-либо внезапно и серьезно заболел'*. Контекстное окружение также подтверждает тот факт, что начало болезни обычно воспринимается как воздействие извне, которое настигает человека: *Уддаваль им робёнкъ-ть, как хирувим был. Ф тот жъ, бат, день ёво как варъм свариль. Дорогый, бат, продуль – въспаления лёхких* (Суподеевка, Ардатовский район). *Она хорошь была, умнь жэшичынъ-ть, токъ вот её росой-ть хватиль: болезнь привязальсь* (Суподеевка, Ардатовский район).

Репрезентация болезненного состояния человека и протекания болезни. Многочисленны и разнообразны в семантическом плане языковые средства, характеризующие процесс протекания болезни, проявление различных сопутствующих факторов.

Процесс протекания болезни номинируют в СРГРМ такие глаголы несовершенного вида, как *жёлкнуть* во 2-м знач., *ки'снуть* во 2-м знач., *ляде'ть – 'болеть, быть больным'*; ²*скомле'ть – 'болеть, чахнуть', ханжи'ть* в 1-м знач., *хи'знуть – 'болеть, недомогать'*. Они обозначают длительное действие, не направленное на достижение результата: *Раньше и знать ни знали, как балеют, а таперь такии м'ладыи киснут и киснут* (Старая Фёдоровка, Старошайговский район).

Семантически коррелирует с данными языковыми единицами глагол несовершенного вида *квеле'ть*, который характеризует длительный процесс, не доведенное до результата, продолжающееся действие, состояние – *'слабеть, становиться хилым'*, ср.: *Штой-ть ранъ ты квилеть начил, вить ты равесник мне* (Кулишейка, Рузаевский район).

В СРГРМ зафиксированы глагольные лексемы, имеющие ограничительные смысловые компоненты. Так, для характеристики болезненного состояния какого-либо органа или части тела человека могут употребляться лексемы *мозжа'ть* в 1-м знач., *отзыка'ться*, *натя'живать* во 2-м знач. – *болеть, ныть*, *тоскова'ть* – *болеть, ныть (о руках)*, *тушева'ться* во 2-м знач. – *болеть, сжиматься (о сердце)*. Например: *Фчярась цэльный день мажжалъ ноги* (Куликово, Теньгушевский район). *У миня што-ть пъясниць натягъвът, видать, прастыль* (Покаасы, Зубово-Полянский район). *Дочинькъ мая фсё балет. Как гляну нъ ниё, аш серць тушуициць* (Силеевский Майдан, Инсарский район). Глагол *то'кать* обозначает процесс, ограниченный по времени проявления, ср.: *Третивъ дня так гълава токълъ, и вот, нажалста, пагодъ испортильсь* (Трофимовщина, Ромодановский район). Действие, ограниченное сравнительно небольшим отрезком времени, обозначает глагол ограничительно-го способа действия *похи'кать* – *поболеть, почахнуть* с приставкой *по-*. В дефиниции слова *измога'ться* содержится указание на необходимость восполняющего семантического компонента – *болеть, страдать чем-либо*: *Мужык у миня больнь измагаиць язвѣй* (Старый Ковыляй, Темниковский район). Отметим, что слово *измога'ться* может употребляться в качестве пожелания болеющему человеку бороться с болезнью: *Ты как-нибудь уш измагаици, чай, скорь вясна, тады луччы будит* (Аксёл, Темниковский район).

Глаголы называют также различные действия, сопровождающие течение конкретной болезни, раскрывающие особенности ее возникновения и типичные проявления. Так, исследуемый лексикографический источник содержит большое количество примеров, связанных с обозначением процесса получения раны, травмы (*ре'заться* в 1-м знач. – *ранить*, *защепить*, *нащепи'ть* – *занозить*, *изломи'ть* – *сломать (руку, ногу и т.п.)*, *раздребезжить*, *раскоро'жить* – *поранить, разбить какую-либо часть тела*, *раскрови'ть* – *поранив, вызвать кровотечение*, *сбеди'ть* в 1-м знач., *распори'ть*, *распази'ть* – *поранить чем-либо режущим*, *разби'ть мозги* – *травмировать голову*), возникших осложнений (*рди'ться* – *опухать и гноиться, нарывать*). Лексико-словообразовательный диалектизм *ра'нетый* характеризует человека, имеющего рану, получившего ранение: *Он в живот ранитый* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район). Зафиксированы и номинации действий, указывающие на поражение какого-либо органа (*оглазе'ть* в 1-м знач. – *ослепнуть*, *ослабене'ть* – *утратить способность хорошо видеть (о глазах)*, *ды'льгать*, *кодыля'ть* – *ходить, ковыляя; хромать*).

В СРГРМ представлены глагольные лексемы, обозначающие ухудшение состояния здоровья человека вследствие каких-либо внешних негативных факторов: *околева'ть* в 1-м знач., *упе'тываться* в 1-м знач. – *отравляться угаром*, *вы'ворожить*, *обезвечить* в 1-м знач. – *довести до полного изнеможения, истощения*. *Ф пляну-ть яво сафсем абизвечили* (Паньжа, Ковылкинский район).

Употребительными и разнообразными оказываются безличные конструкции с глаголами *¹изорва'ть* – ‘стоинить, вырвать’, *рассоши'ть* – ‘доставить до изнеможения (ломотой)’, *тро'нуть* – ‘парализовать’: *Фсю миня рьссаишьль* (Заречное, Краснослободский район). *Устю-ть тронуть, ни двигыцьц и замешывьцьц сталъ. Дъ и Маруську, можъ, тронит, балет ана* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район). *Мьлока нет, а я ничово ни могу, кромья нёво, меня изорвёт сразу* (Пичеуры, Чамзинский район).

Болезненное состояние с его конкретизацией представлено глагольной лексикой: *отмоде'ть* во 2-м знач., *остоме'ть* во 2-м знач. – ‘*утратить чувствительность, гибкость; онеметь*’, *нахолоди'ть* – ‘*дав озябнуть, простудить*’, *сда'ться* – ‘*постареть, похудеть*’, *помучне'ть* – ‘*побледнеть, побелеть*’, *¹томи'ться* – ‘*испытывать предсмертные муки*’, *опу'читься* во 2-м знач., *напоро'ть* в 3-м знач. – ‘*испражниться под себя, в одежду (о ребенке, больном)*’; различные реакции организма, возникающие в процессе болезни человека – осложнения, неконтролируемые побочные действия и т.п.: *дохатъ* – ‘*сильно кашлять*’, *теря'ться* в 1-м знач., *забуда'ться* – ‘*терять ясность сознания, забываться*’, *иссяка'ть* – ‘*худеть (от болезни, переживаний и т.п.)*’, *размали'неветъ*, *разгаси'ться* – ‘*раскраснеть от высокой температуры*’, *запре'ть* – ‘*покрыться потом, испариной*’, *растоны'риваться* – ‘*становиться болезненно вздутым, пухнуть*’ и др.

В СРГРМ представительна группа глаголов, обозначающих ухудшение состояния человека вследствие физических нагрузок, тяжелого труда. Ответственное отношение человека к труду, любому выполняемому делу, трудолюбие всегда являлись основополагающим аксиологическим принципом сельских жителей. В то же время постоянный тяжелый физический труд негативно сказывался на состоянии здоровья человека, подрывал его силы. Как отмечает В.Ю. Краева, «болезнь важна не сама по себе, а как препятствие, помеха, причина, по которой человек не может работать» [18. С. 15]. Отрицательное воздействие тяжелого труда на организм человека передают прежде всего глаголы совершенного вида интенсивного способа действия. Так, глаголы *напе'статься* – ‘*устать, почувствовать недомогание от переноски тяжестей*’, *нахрю'каться* в 1-м знач., *нахря'паться*, *нагвозды'каться* в 1-м знач. – ‘*устать от работы*’ с приставкой *на-* и постфиксом *-ся* обозначают действие, интенсивность и длительность которого вызывают состояние пресыщенности (*вволю*, *вдоволь*): *Нъ гароди нахрюкъсси, спину ни рьзагнѣи* (Паньжа, Ковылкинский район).

Глаголы *надго'рбиться*, *вы'тулиться*, *закорю'читься* в 1-м знач., *присуго'рбиться*, *скуко'житься* во 2-м знач., *ссугло'биться*, *ссуго'рбиться* обозначают ‘*ссутулиться, сгорбиться*’ и акцентируют негативные изменения внешнего облика человека под воздействием тяжелой работы: *Ат этъй работы можнь надгорбицьц. – Надгорбисси мишки-ть таскать* (Ташкино, Ичалковский район). Смысловая структура отдельных лексем обладает большей семантической емкостью и содержит указание на внешние проявления болезненного состояния, возникающие также в связи со старостью, под воздействием окружающей среды: *закорю'читься* в

1-м знач., **надгорбиться** – ‘согнуться от болезни, старости’, **курёжиться** в 1-м знач. – ‘ежиться (от холода, болезни и т. п.)’. Ср.: *Банкъ у нас сафсем зъкарючильсь, дъ уш ей двиность* (Тазино, Большеберезниковский район).

Глаголы **излома'ться** во 2-м знач., **сразиться** в 1-м знач. – ‘надорваться, нанести тяжёлый ущерб здоровью’ обозначают действие, которое вследствие его длительности и интенсивности доводит субъекта до состояния истощенности: *В вайну-ть тижало работъли, лес ва-лили, бочки таскали, и сё бабы. Вот и изламалъсь, нутрѣ балит. Дъ ривалуцъи фсяк мужык изламацъ бывалъчи нъ работи, и пьмирали ранъ* (Силино, Ардатовский район). Глаголы **уража'ться** – ‘надрывать, переутомляться’, **отдо'хнуть** в 3-м знач., **отмоде'ть** в 1-м знач., **прися'кнуть**, **притупи'ться** – ‘утомиться, обессилеть’ передают действие, которое вследствие своей интенсивности и длительности вызывает усталость, бессилие субъекта: *Притупель я за динь* (Ба-рахманы, Большеигнатовский район).

Отдельные глагольные лексемы содержат в смысловой структуре дифференциальные семы, указывающие на переутомление какой-либо конкретной части тела человека: **притупе'ть**, **отмоде'ть** в 1-м знач. – ‘устать (о ногах)’, **присяка'ть** – ‘уставать (о ногах, руках и т. п.)’. Значение интенсивности действия связано преимущественно с совершенным видом. Приводимые в СРГРМ формы несовершенного вида малоупотребительны. Например, зафиксированы соотносимые по виду глаголы **присяка'ть** – ‘уставать (о ногах, руках и т. п.)’ и **прися'кнуть** – ‘устать (о ногах, руках и т. п.)’, ср.: *У старых и ноги присякают, и спина присякат.* – *Талды вазили нъ себе, пьмаложъ были, таперь ноги присякнут* (Новый Ковыляй, Ельниковский район).

По характеру передаваемого значения к этой подгруппе примыкают ФЕ **и гу'бы и зу'бы (землѣй) обметало (изметало, заметало); и гу'бы и зу'бы (землѣй) измѣчет** в 1-м знач. – ‘о состоянии крайней усталости, изнеможения’: *У миня и губы и зубы зимлѣй измѣталъ, так усталъ* (Суподеевка, Ардатовский район), **на крѣчень (кри'чень, кры'чень, крѹ'чень, крест) сестъ** – ‘обессилеть от болезни, старости и т. п.; стать нетрудоспособным’. Зафиксирован фразеологический материал, также показывающий, что утрата здоровья (**си'лу порвѣть** – ‘потерять здоровье’) или его ухудшение (**брю'хо надорвѣть** в 1-м знач. – ‘повредить себе внутренние органы, поднимая тяжесть’, **спинá отвѣливается** – ‘спина болит, ноет’) были следствием тяжелого физического труда: *Смълада силу сваю парвѣш, а таперь фсе кости мажжат* (Куликово, Теньгушевский район). *Ни напрыжывъйси так, брюхъ нъдарвѣш* (Ключарёво, Рузаевский район). *Пъработъш цѣльный день нагнуткѣй, к вечеру спина атваливѣцъ* (Еремеево, Лямбирский район).

Процесс выздоровления. Особую подгруппу в СРГРМ представляют глаголы, характеризующие процесс выздоровления человека, восстановления организма после болезни. В зависимости от видовой принадлежности они составляют оппозицию ‘выздоровливать’ – ‘выздороветь’: глаголы

несовершенного вида *нала'живаться, отдыха'ть, ²куне'ть* обозначают длительный процесс – *'поправляться, выздоравливать'*, а соотносительные по семантике глаголы совершенного вида *расчили'каться, оклема'ться* в 1-м знач., *спра'виться* в 1-м знач., *оту'добеть* в 1-м знач., *оту'рбеть* указывают на результативность – *'оправиться от болезни, выздороветь'*, обозначают выздоровление словообразовательные синонимы *загу'нуть* в 3-м знач., *пригу'нуть* во 2-м знач., *угу'нуть* в 1-м знач. – *'перестать болеть'*.

Семантически близки к этой подгруппе глаголы, характеризующие также отдельные стадии выздоровления: *получиа'ть* во 2-м знач. – *'стать лучше (о здоровье)'*, *¹зайти'* – *'зарубцеваться, затянуться кожей'*. С улучшением состояния в сознании сельских жителей ассоциируется способность человека подняться с постели, что передает ФЕ *стащи'ться с постэли*: *Нигде ни бываю, токъ с постели стащильсь* (Лухменский Майдан, Инсарский район). Примыкают к этой группе ФЕ *взойти' в пámять* в 1-м знач., *взойти' (всходи'ть) в себя'* в 1-м знач., которые выражают *'очнуться после обморока'*.

На примере глагольной лексики данной тематической группы наблюдается способность диалектного слова развивать в системе говора прямые и переносные значения. У полисемантов рассматриваемой группы может быть от двух до семи значений. Так, у лексемы *затоне'ть* – *'стать тонким, слабым (о стеблях растений)'* на основе сравнения появляется новое переносное значение *'стать чахлым, хилым (о человеке)'*. Однокоренной глагол несовершенного вида *тоне'ть* имеет только одно значение – *'делаться тонким (о стеблях растений)'*. На основе общей стержневой семы *'лишить'* у глагола *обезве'чить* развивается три значения: *'довести до полного изнеможения, истощения'*, т.е. лишить сил; *'лишить чего-либо, оставить без чего-либо'*; *'обесчестить, лишить целомудрия'*.

Наименования больного человека

Человек с физическими недостатками. Болезнь, отдельные стадии ее протекания отражают нарушение правильной деятельности организма человека. Антропоцентричность диалектного представления мира демонстрирует довольно разветвленная система номинаций больного человека. Выделяются номинации человека с физическими недостатками, констатирующие факт наличия болезни без какой-либо конкретизации и называющие человека, страдающего от какого-либо определенного заболевания. Обобщенное определение неизлечимого человека в диалекте представлено лексико-словообразовательным диалектизмом по отношению к общенародному слову – *невозлечи'мый* (ср. лит. *неизлечимый*).

Лексема *непра'вый* со значением *'имеющий физический недостаток'*, формально являющаяся однокоренным антонимом и образованная при помощи приставки *не-*, в смысловом отношении не выражает полные антонимичные отношения с лексемой *пра'вый* – *'обладающий здоровьем'*. Акцентируется сема отклонения от нормы. В словарной статье содержится пояснение: *Не такой, какой должен быть, с отклонением от нормы (о*

частях человеческого тела). Сравним: *Мать миня ниправъй рѣдила* (Малый Азясь, Ковылкинский район). *У Митьки и нога-ть неправа, ты виши, как он ходит* (Говорово, Старошайговский район). Аналогично лексема **неспра'вный**, выступая синонимом к **неправый**, не актуализирует сему отсутствия полноты и не выступает полным антонимом лексеме **спра'вный**.

Словарь фиксирует ряд номинаций, представляющих отдельную подгруппу и обозначающих человека с тяжелыми физическими недугами, которые могут быть и врожденными, и приобретенными: слепоту, глухоту, немоту, слабоумие. Синонимы **полусве'тный**, **присле'пустый** в силу значения приставок выражают неполноту признака – ‘*плохо видящий, полуслепой, слепой на один глаз*’; лексема **неви'шный** обозначает слепого, незрячего человека. В своем втором значении слово совпадает с разговорной лексемой, сравним: **невидный** – разг. *некрасивый, невзрачный* [19. С. 614]. Синонимичные имена существительные **разногла'з** и **косыря'тник** называют человека с глазным заболеванием – косоглазием: *Есть рѣзнаглазы, но таковь первый рас вижу, аш ындѣ страшнѣ, как касит* (Кулишейка, Рузаевский район). Диалектная номинация глухого человека – **тупе'ц**, глухонемого – **немтя'й** и **нему'т**. Представителен ряд синонимических номинаций слабоумного человека: **оро'н**, **оря'ма**, **около'тень**, **орѣна**. В данных лексемах проявляется особенность диалектного существительного, которое не только называет человека, но и характеризует его по какому-либо признаку, в частности по проявлению особенностей болезни: **тупе'ц** – ‘*глухой человек*’.

Как писал Л.С. Выготский, «всякий телесный недостаток – будь то слепота, глухота или врожденное слабоумие – не только изменяет отношение человека к миру, но прежде всего сказывается на отношениях с людьми. Органический дефект, или порок, реализуется как социальная ненормальность поведения» [20]. Функционирование номинаций диалектоносителей, страдающих подобными физическими недугами, отражает их социальную маргинальность: *У няво сын-ть нямтяй: и ни гѣварит, и ни слышыт ничяво* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район). *Как бы чово ни случыльсь с этим орѣпъй-ть* (Редкодубье, Ардатовский район). *У нас ф силе жыл арямѣ, каторый каждую ночь пугал нас странными крикѣми* (Чеберчино, Дубѣнский район).

Единичные номинации отражают и другие физические недостатки человека: **хамзя'** – ‘*картавый человек*’; **щербак'к** – ‘*беззубый человек*’, в этом наименовании по сравнению с общенародным прилагательным **щербатый** признак выявляется в гиперболизированном виде. Если **щербатый** – это имеющий **щербину**, т.е. пустоту на месте выпавшего или сломанного зуба (в 3-м знач.) [19. С. 1510], то диал. **щербак** – тот, кто не имеет зубов: *Шшырбаком ты стал, ни аднаво зубѣ у тя ни асталъсь. Шшырбак он у миня, старик-ть, фсе зубы нѣ вайне аставил* (Лаврентьево, Темниковский район); **тру'хлый** – ‘*бесплодный*’, при этом закономерно провести семантическую параллель с разг. **труха** в значении ‘*о чем-либо, не имеющем ценности, никчемном, пустом, бесполезном*’ [19. С. 1349]). Человека с

приобретенными повреждениями, искалеченного называют **некулёпный**: *Мужык с вайны нукулёпный пришол, раниный весь, кантужэньный* (Слободские Дубровки, Краснослободский район).

Человек с внешними проявлениями болезненного состояния. Отдельная подгруппа представляет номинации человека с сопутствующими признаками проявления болезни или болезненного состояния (слабость, вялость, худоба и под.). Так, лексемы **ша'тлый**, **раскурёженный** имеют значение 'лишенный бодрости, вялый'. Это не является обозначением больного человека, однако указывает на предвестники болезни.

Имена прилагательные **хино'зный**, **чет'ушный** также актуализируют сему слабости, сопровождающей болезнь: *хилый*, *больной*. Однако прилагательное **чету'шный** употребляется только по отношению к животным: *Што-ть каровь чятушнэя сталь: ни ест ничяво* (Судосево, Большеберезниковский район). Ср. с общенародным словом *тщедушный* – 'хилый, слабосильный, щуплый', которое не характеризуется связным употреблением: *тщедушный паренек, тщедушное тело, тщедушный вид* ([Костя] был маленького роста, сложения тщедушного (И.С. Тургенев. Бежин луг); <...> по краю обрыва тщедушная лошадь тянет воз с какой-то поклажей <...> (Л. Павельчик. Графский веночек)). Согласно словарю **хино'зный** выступает синонимом к лексеме **негодный**. Однако имя прилагательное **негодный** не акцентирует внимание на слабосильности. В говорах это обозначение больного, пораженного болезнью. Такое же значение имеют словообразовательные варианты лексемы **него'дный**: **негодёвый** в 1-м знач., **негодёный** в 1-м знач., и лексема **никуды'шный**. Лексемы **него'дный** и **никуды'шный** семантически коррелируют со значением 'плохой, не соответствующий по качествам, свойствам' таких же лексем, функционирующих в общенародном языке. Семантическая связь довольно прозрачна, поскольку болезнь – это плохо, больной человек не соответствует нормам здоровья: *Сёстры у миня уш нигодны, адна в бальницы лжыт. Дь и я сама нигоднэ, ножыньки баят* (Марьяновка, Большеберезниковский район).

Более точно болезненное состояние человека передает лексический пласт, связанный с номинацией человека при каком-либо определенном заболевании, с обозначением нарушения нормального функционирования какого-либо органа или с проявлением симптоматики конкретной болезни. Так, адъективной лексикой в говорах представлены определения человека, страдающего от какого-либо конкретного недуга: **невладе'мый**, **невладя'щий** – 'неспособный двигаться', **уду'шливый** – 'страдающий одышкой'.

Внешне болезнь часто ассоциируется с худобой. Для больного худого человека существуют диалектные номинации **сухмён** (во 2-м знач.), **щепка**. Фразеологизированное выражение **сухмён сухмёнем** за счет лексического повтора в компонентном составе усиливает признак худобы: *Палекиш што ль Прасковыи? – Како там лекиш. Сухмень сухменим, адна кожь астальсь* (Смольково, Лямбирский район). Прием морфемного, в частности корневого, повтора использован и во ФЕ **вы'сохнуть наусо́х** –

‘*сильно исхудать*’. В отличие от сравнения в общенародном языке *худой*, как *щепка*, диалектная фразеологическая единица *высушить как щепку* не только констатирует внешнюю худобу человека, но и подчеркивает ее как следствие болезни или тяжелого душевного состояния: *Ни пиристаёт он иё мутозить-ть, как щепку высушил* (Тазино, Большеберезниковский район). *Горя яво как щепку высушилъ, ветрём шатат* (Новая Карьга, Краснослободский район).

Болезненное состояние человека, негативно отражающееся на его внешнем облике, передают и фразеосочетание *лицá не видно, лицá нет* – ‘*о резком изменении внешнего облика, вызванном сильным потрясением, болезнью и т.п.; лица нет*’. Контекстное окружение показывает, что подобные изменения могут произойти также вследствие сильных душевных переживаний: *Кума, што у тя стряслось-ть? Вить нь тебе лица ни виднь* (Смольково, Лямбирский район).

Человек, часто / легко подверженный заболеваниям. Подверженного заболеваниям, часто болеющего человека обозначают лексемы *пало'й* – ‘*болезненный, слабосильный*’ и *прикве'льный* – ‘*болезненный, слабый*’ (в 3-м знач.). Судя по толкованию, номинация *пало'й* актуализирует сему недостаточной физической силы, тогда как *прикве'льный* подчеркивает именно состояние ниже нормы, нездоровье. Синонимом к слову *пало'й* в СРГРМ указана лексема *боле'зный*. Интересно, что в общенародном языке она выступает и как обращение: простореч. ‘*милый, желанный*’ [21], нар.-разг. ‘*милый, любезный, дорогой*’ [19. С. 89]. Степень слабости, немощность обозначает имя прилагательное *немогутный* – ‘*слабый, немощный*’. Мотивирован именем существительным *немошь* целый ряд синонимов, представляющих собой фонетические и (или) словообразовательные трансформации. Ср. *безмо'чный, немо'хий, немо'щдый, немошно'й, несомощно'й*.

Психически больной или умственно неполноценный человек. Довольно представительна в количественном отношении подгруппа, обозначающая психически больных людей. Это вполне объяснимо, так как диалектная лексика фиксирует несоответствие норме одного из самых важных показателей физического здоровья человека – его умственных способностей, наличия рассудка.

При сопоставлении номинаций можно отметить, что они находятся в градационных отношениях. Легкую степень заболевания обозначают лексема *шо'ркнутый* – ‘*слабый, немощный*’ и фразеологизм *мешкóм шо'ркнутый (шугнутый)* – ‘*со странностями, придурковатый*’; психически неуравновешенного человека обозначают синонимы *подчуде'нный, чумово'й*, субстантивная номинация *полуси'на*. Однако и здесь, судя по данным словаря, имеются нюансы: *чумовой* относится также и к ненормальному человеку, т.е. обозначает более выраженный признак, а значение психически неуравновешенного человека для слова *полуси'на* является переносным (2-е знач.) и имеет помету *неодобрит*. Отдельная номинация существует для психически больной женщины – *разу'мница*, причем данная номинация выявлена только для женщин.

Психически ненормального человека номинирует целый ряд синонимов. Представительны синонимические ряды имен прилагательных с доминантой *'психически ненормальный, глуповатый'*. Ряд *недо'брый, непра'вдашный, неспра'вский* в 4-м знач., *польсну'тый, получё'кнутый, рахма'нный* во 2-м знач., *сая'кнутый, шиш'бленный, хва'ченный, чекалды'кнутый, чемуру'дный, чемуру'денький, шара'хнутый, шара'ховый* включает 14 синонимов. Однако, исходя из иллюстративного материала, нельзя утверждать, что все указанные определения обозначают человека с психическим заболеванием. Часто это определение человека, поступающего нелогично, неразумно в обыденных ситуациях. Сравним: *Ты што, саякнутый што ли? Такая гьварить!* (Алашеевка, Атяшевский район). *Неправд'шнъя она: ф триц'ць лет замуш ни идёт* (Куракино, Ардатовский район) и *Сё-т'ьки недобро'ый сын у ей: то молчит, то зьсмей'ць ни с тово ни с сёво* (Сосновое, Ардатовский район).

Высшая степень проявления психического заболевания – сумасшествие. Сумасшедшего в рассматриваемых говорах называют *шатоло'мный, ря'хнутый, споло'шный*. При функционировании этих определений также наблюдается диффузность семантики: *Есть у нас старух'ь одна ума ряхнут'я* (Русские Полянки, Краснослободский район). *Розбилси с м'то-цькльм-т'ь, вот и стал сполош'ным* (Куракино, Ардатовский район) – обозначение безумных людей; *Што ты носисси, как ш'тало'мный* (Мельцаны, Старошайговский район) – экспрессивная номинация поведения человека на основе сравнения.

Отметим, что корректное фиксирование в словаре семантических нюансов близких понятий представляет известную лексикографическую сложность, особенно в отношении экспрессивной лексики. Так, Т.В. Леонтьева отмечает, что «в диалектных словарях непоследовательно проводится дифференциация между обозначениями безумного, сумасшедшего, слабоумного, придурковатого, ненормального, дурного, глупого, бестолкового, несообразительного, непонятливого, неразвитого, странного человека. При анализе слов, в дефинициях которых соседствуют разные характеристики человека по интеллекту <...> невозможно решить вопрос о том, является ли «диффузность» этих понятий объективным свойством функционирования языковых единиц в говорах или она есть следствие несовершенства методик выявления и фиксирования семантики этих слов» [22. С. 61].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что ядерную зону семантического поля «болезнь человека» составляют тематические группы, репрезентирующие наименования болезней человека (обобщенные и конкретизированные по нозологиям) и болезненных проявлений, которые представлены преимущественно именами существительными и номинативными ФЕ; наименования различных этапов протекания болезни, перехода в болезненное состояние, выраженные глагольными лексемами и ФЕ; адъективные наименования физически и умственно неполноценного носителя диалекта; человека, находящегося в состоянии болезни или легко подверженного заболеваниям. Отметим, что диалектные наименования, как правило, являются

производными от общенародных основ, при этом внутренняя форма слова отражает симптоматику заболевания, особенности проявления недуга (*заплоша'ть* – ‘стать хилым, чахлым’, *плохота'* – ‘болезнь’, *колю'ха* – ‘тяжелый, сухой кашель’, *невстани'ха* – ‘болезнь радикулит’ и т.п.).

К периферийной зоне рассматриваемого семантического поля считаем возможным отнести отдельные лексемы и ФЕ, которые связаны с темой болезни, однако они единичны и не образуют самостоятельные тематические группы.

Так, в СРГРМ зафиксированы отдельные сохранившиеся ФЕ, отражающие суеверные представления носителей говора: *посади'ть килу'*, *насади'ть килу'* – ‘колдовством вызвать у кого-либо заболевание’, поскольку в сельской местности считалось, что болезни могут появляться не только вследствие физиологических процессов, происходящих в организме человека, но и в качестве наказания за неправильный образ жизни, как негативное воздействие со стороны недоброжелателей (сглаз, порча, наговоры и т.п.): *Фся их симья калдофскъ. Магли хъть нъ чилавекъ, хъть нъ скатину килу нъсадить. С кем ана ф ссори, таво баиццъ, килу уш никада ни насадит* (Ямщина, Инсарский район).

Семантическое поле «болезнь человека» перекрещивается с другими полями, составляющими макрополе «болезнь» и воссоздающими единый существенный для сельских жителей фрагмент диалектной картины мира. Так, к семантическому полю «исцеление от болезней» можно отнести названия лечебного заведения (¹*коло'ника* – ‘больница’), человека по профессии (*зуба'рь* – ‘врач, специалист по зубным болезням’) и его действий (¹*ла'дитъ* в 4-м знач. – ‘излечивать’).

Семантически опосредованно к номинации врача можно приблизить наименования людей, занимавшихся целительством: *ба'бушка*, *ба'бка*, *веща'* в 1-м знач., ²*шенпу'ха* в 1-м знач. – ‘знахарка’. С давних времен у сельских жителей активно практиковалась народная медицина, поэтому за помощью обращались к знахарям, лечили болезни заговорами, различными травами: *Фиршалох тады не былъ. Если кто зъбалет или кто нъпужаццъ, то г бабушкъм хадили. Раньшы бабушки сё личили* (Каймар, Краснослободский район). *Жыла ф силе баушкъ, к ней фсе и хадили личиццъ* (Усыкино, Инсарский район). *Этъ вить у тибя чырий здесь рдиццъ, схади г бапки и зъгъвари* (Русские Найманы, Большеберезниковский район). Иллюстративный материал, приводимый в СРГРМ к ФЕ *давать лёгкость* – ‘избавлять от болезни, исцелять’, также подтверждает, что лечение больных осуществлялось знахарками: *Рабёнък испугаццъ аль ищѐ чяво-нибуьт, то г бабушки нясут. Сносят, и правдѝй праходит. Ани, бабушки-ть, лѝхкъсть правдѝй давали* (Каймар, Краснослободский район). Примечательно, что для обозначения действия ‘лечить’ в исследуемых говорах употребляется глагол *ворожи'ть*: *Сын зъбалел, врац въражыл, въражыл яво* (Новая Фёдоровка, Старошайговский район).

Кроме того, семантически пересекается исследуемое семантическое поле «болезни человека» с самостоятельным немногочисленным полем «болезни

животных и растений». В частности, в СРГРМ зафиксированы названия болезни домашних животных, представленные лексическими единицами: **на-ре'с** – ‘воспаление вымени у коров’ и **ра'сне'рец** во 2-м знач. – ‘гнойник в межкопытной щели домашних животных’ и др. Семантически к ним примыкают единичные глагольные обозначения болезненных проявлений у растений и животных: **иззуби'ться** – ‘заболеть (о животных)’, **попло-ша'ть** – ‘стать хилым, чахлым (о растениях)’, **тоне'ть** – ‘делаться тонким (о стеблях растений)’.

Болезнь человека, разнообразное проявление его болезненных состояний противопоставляется физическому здоровью, поэтому рассматриваемое семантическое поле закономерно находится в оппозиционных отношениях с семантическим полем, объединяющим номинации здорового человека. В СРГРМ зафиксированы слова, относящиеся к разным частям речи, репрезентирующих диалектные номинации здорового человека. Так, в словаре представлены имена прилагательные, семантика которых констатирует наличие здоровья как такового: **пра'вый** – ‘обладающий здоровьем’; или ряд синонимов указывает на признак физической крепости: **твёрдый**, **толстопя'тый**, **смоцно'й**, **солуцо'й** (во 2-м знач.) – ‘крепкий физически, здоровый’; лексема **спра'вный** актуализирует сему полноты как показателя здоровья – ‘полный, здоровый’ (в словаре приводится сравнение с лексемой **лонуша'стый**, употребляемой по отношению к животным, то есть упитанный, откормленный: *Свинья справнь у меня, пудоф двёнаццть весит* (Студенец, Zubovo-Polyanskiy rayon)): по аналогии если человек хорошо ест, значит, он здоров. Обратим внимание на то, что в Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова лексема **справный** с пометой нар.-разг. приведена в значении «состоятельный, зажиточный» [19. С. 1252], что свидетельствует о появлении нового производного значения у общенародного слова.

Ряд фразеологизмов-синонимов также фиксируют значение физически здорового, крепкого, сильного человека: **как телепи'га, быку' лоб сшибёт, рысакóм не сомнёшь, соплёй не перешибёшь**: *Как телепига была, николи и ни хвораль, здоровь была. В ъдночасья тьмёрла* (Суподеевка, Ардатовский район). ФЕ **соплёй не перешибёшь**, употребляясь без отрицательной частицы, обозначает малорослого, слабосильного человека (в 1-м знач.): *Он нибольшой мужычышкь, невзрачный, ёво соплёй пиришыбёш* (Суподеевка, Ардатовский район).

В заключение отметим, в СРГРМ семантическое поле «болезнь человека» репрезентирует богатейший лексико-фразеологический фонд, сформировавшийся как отражение в языковой картине мира особенностей жизнедеятельности человека. В исследуемом лексикографическом источнике для отдельных тематических групп характерно разнообразие парадигматических отношений, связывающих языковые единицы. Широко развита синонимия, на материале данного семантического поля представлены полисемия, омонимия, антонимия. В СРГРМ отмечается обилие синонимов-дублетов, что характерно в целом для диалектного языка. Многочисленны наименования болезни человека, симптоматики, изменений во внешнем

облике и эмоциональном состоянии, которые возникают вследствие недомогания; распространена также глагольная лексика, характеризующая различные стадии протекания заболевания, болезненные состояния человека или определенных органов. Всестороннее изучение данного материала способствует постижению народной ментальности, выявлению специфики национальной языковой картины мира.

Список источников

1. *Иванцова Е.В.* Мировидение языковой личности в традиционной русской народноречевой культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 27–42.
2. *Абдулхамидова П.Ш.* Лексика народной медицины шугнанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2006. 20 с.
3. *Вельмезова Е.В.* Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских заговоров) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1999. № 4. С. 50–60.
4. *Пащикова Т.В.* Народные названия болезней в карельском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008. 19 с.
5. *Трафименкова Т.А.* Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 20 с.
6. *Архипова Н.Г.* Концепт «Болезнь» в наивной картине мира носителя диалекта // Вестник Амурского государственного университета. 2004. Вып. 16. С. 78–81.
7. *Архипова Н.Г.* Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. С. 169–176.
8. *Баденкова В.М.* Лексика традиционной народной медицины в украинских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Запорожье, 1999. 20 с.
9. *Ганцовская Н.С.* Народно-медицинская лексика в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров-1993 : материалы и исследования / ред. А.С. Герд, И.А. Попов. СПб., 1994. С. 77–81.
10. *Ильина Е.Н.* Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края // Севернорусские говоры. СПб., 2015. Вып. 14. С. 250–266.
11. *Лоскутова Д.Н.* Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010. 22 с.
12. *Меркулова В.А.* Народные названия болезней: (На материале русского языка) // Древнерусский язык: Лексикология и лексикография : сб. науч. ст. / отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1980. С. 168–185.
13. *Нечаева Л.С.* Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 12–20.
14. *Красовская Н.А.* Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов. URL: <http://cheloveknauka.com/organiztsiya-i-funktsionirovaniye-dialektnyh-antropo-tsentricheskikh-glagolov> (дата обращения: 12.11.2019).
15. *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия* / под ред. Р.В. Семенковой. Саранск, 1978–2006. Т. 1–8.
16. *Мочалова Т.И., Маслова А.Ю.* Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : труды и материалы. М., 2019. С. 40–41.

17. Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы международной конференции. М., 2018. С. 163–166.
18. Краева В.Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 23 с.
19. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред С.А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
20. Выготский Л.С. К психологии и педагогике детской дефективности. URL: http://dugward.ru/library/vygotskiy/vygotskiy_k_psihologii_i_pedagog.html (дата обращения: 12.11.2019).
21. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 1935–1940. Т. 1 / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков ; под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 21.12.2020).
22. Леонтьева Т.В. О дефинициях экспрессивной лексики в русских диалектных словарях // Славянская диалектная лексикография : материалы конференции / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, И.В. Бакланова. СПб., 2011. С. 61–62.

References

1. Ivantsova, E.V. (2014) Worldview of the language personality in the traditional Russian folk-speech culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (30). pp. 27–42. (In Russian).
2. Abdulkhamidova, P.Sh. (2006) *Leksika narodnoy meditsiny shugnanskogo yazyka* [Vocabulary of folk medicine in the Shugnan language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Dushanbe.
3. Vel'mezova, E.V. (1999) Semantika prostranstva lechebnogo zagovora: k tipologii formul otsylki bolezni (na primere vostochnoslavyanskikh, cheshskikh i frantsuzskikh zagovorov) [Semantics of the space of a healing conspiracy: to the typology of the formulas for sending the disease (on the example of East Slavic, Czech and French conspiracies)]. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 4. pp. 50–60.
4. Pashkova, T.B. (2008) *Narodnye nazvaniya bolezney v karel'skom yazyke* [Folk names of diseases in the Karelian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Petrozavodsk.
5. Trafimenkova, T.A. (2008) *Terminologiya bolezney kak ob'ekt onomasiologicheskogo, semantiko-paradigmacheskogo i leksikograficheskogo issledovaniya* [Terminology of diseases as an object of onomasiological, semantic-paradigmatic and lexicographic research]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
6. Arkhipova, N.G. (2004) Kontsept “Bolezn” v naivnoy kartine mira nositelya dialekta [The concept of “Disease” in the naive picture of the world of a native speaker]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16. pp. 78–81.
7. Arkhipova, N.G. (2001) Leksicheskie osobennosti naimenovaniy nedugov v russkikh govorakh Priamur'ya kak rezul'tat mezhdialektного vzaimodeystviya [Lexical features of the names of ailments in the Russian dialects of the Amur region as a result of inter-dialect interaction]. In: *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 169–176.
8. Badenkova, V.M. (1999) *Leksika traditsionnoy narodnoy meditsiny v ukrainskikh govorakh* [Vocabulary of traditional folk medicine in Ukrainian dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Zaporizhzhia.
9. Gantsovskaya, N.S. (1994) Narodno-meditsinskaya leksika v kostromskikh govorakh [Folk medical vocabulary in Kostroma dialects]. In: Gerd, A.S. & Popov, I.A. (eds) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov-1993* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects-1993]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of RAS. pp. 77–81.

10. Il'ina, E.N. (2015) Predstavleniya o zdorov'e i bolezni v rechi zhitel'ey Vologodskogo kraia [Ideas about health and disease in the speech of the inhabitants of the Vologda Territory]. In: Gerd, A.S. & Puritskaya, E.V. (eds) *Severnorrusskie govory* [Northern Russian Dialects]. Vol. 14. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 250–266.

11. Loskutova, D.N. (2010) *Leksika narodnoy meditsiny v govorkh Tambovskoy oblasti* [Vocabulary of folk medicine in the dialects of the Tambov region]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

12. Merkulova, V.A. (1980) Narodnye nazvaniya bolezney (Na materiale russkogo yazyka) [Folk names of diseases (On the material of the Russian language)]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Drevnerusskiy yazyk. Leksikologiya i leksikografiya* [Old Russian language. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 168–185.

13. Nechaeva, L.S. (2010) The concept “disease” in traditional culture (on the lexics of perm region spoken dialects). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian And Foreign Philology*. 1 (7). pp. 12–20. (In Russian).

14. Krasovskaya, N.A. (2013) *Organizatsiya i funktsionirovanie dialektnykh antropotsentricheskikh glagolov* [Organization and functioning of dialectal anthropocentric verbs]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tula. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/organizatsiya-i-funktsionirovanie-dialektnykh-antropotsentricheskikh-glagolov> (Accessed: 12.11.2019).

15. Semenkov, R.V. (ed.) (1978–2006) *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. Vol. 1–8. Saransk: N. P. Ogarev's Mordovia State University.

16. Mochalova, T.I. & Maslova, A.Yu. (2019) [Names of Person's ailment in Russian dialects in the territory of the Republic of Mordovia]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical fate and modernity]. Proceedings of the 6th International Congress of the Russian Language Researchers. Moscow. 20–23 March 2019. Moscow: Moscow State University. pp. 40–41. (In Russian).

17. Maslova, A.Yu. & Mochalova, T.I. (2018) [Representation of a person's morbid state in the phraseology of Russian dialects of the Republic of Mordovia]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Issues of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 26–28 October 2018. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 163–166. (In Russian).

18. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.

19. Vygotskiy, L.S. (1924) *K psikhologii i pedagogike detskoy defektivnosti* [On the psychology and pedagogy of children's disability]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/vygotskiy/vygotskiy_k_psikhologii_i_pedagog.html (Accessed: 12.11.2019).

20. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Accessed: 21.12.2020).

21. Kraeva, V.Yu. (2007) *Dialektnaya frazeologiya russkikh govorov Altaya (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Dialectal phraseology of Russian dialects of Altai (linguoculturological aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.

22. Leont'eva, T.V. (2011) [On the definitions of expressive vocabulary in Russian dialect dictionaries]. *Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya* [Slavic dialect lexicography]. Proceedings of the 1st International Conference. Saint Petersburg. 19–23 September 2011. Saint Petersburg: Nauka. pp. 61–62. (In Russian).

Информация об авторах:

Маслова А.Ю. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: al_mas@mail.ru

Мочалова Т.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: mochalova2014@rambler.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.Yu. Maslova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: al_mas@mail.ru

T.I. Mochalova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: mochalova2014@rambler.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.11.2019;
одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 28.11.2019;
approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 09.04.2022*

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/19986645/75/4

Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа?

Евгений Николаевич Молодыхенко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия, emolodychenko@hse.ru*

Аннотация. Анализируются метапрагматические дискурсы – дискурсы, генерируемые коммуникантами в ответ на исходный дискурс и обсуждающие различные аспекты прагматики последнего. Выявляются способы, подтипы и специфика «жанровых отсылок», используемых коммуникантами в таких дискурсах. Описывается отличие таких жанровых отсылок от любых других метапрагматических актов. Делаются выводы об особенностях функционирования жанров в реальных контекстуализированных коммуникативных событиях.

Ключевые слова: прагматика, метапрагматика, метапрагматическая модель, интернет-жанр, онлайн-медиа, дискурсивное сообщество, дискурс-анализ, лайфстайл-дискурс

Для цитирования: Молодыхенко Е.Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 67–93. doi: 10.17223/19986645/75/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/4

Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era?

Evgeni N. Molodychenko

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation, emolodychenko@hse.ru*

Abstract. The aim of this article is to (further) theoretically and analytically integrate metapragmatics into genre analysis. Metapragmatics broadly refers to any reflexive activity, reflexive awareness, and reflexive knowledge on the part of social actors as to how the language is/should be used, as well as to the study of such reflexive phenomena. One way such phenomena are manifested and become “visible” is through so-called metapragmatic discourse – discourses or discourse fragments referencing the pragmatics of other discourses or, in effect, of their own fragments. It is contended that at least part of what such discourses consistently do is reflect on

various generic properties of discourses they have as objects of their metasemiosis. Thus, from a more practical standpoint, the aim was to explore several instances of metapragmatic discourse vis-à-vis possible generic references used by the actors and to reveal what such usage can contribute to our understanding of genres and how they “work” in contextualized communicative events. With this end in mind, seven YouTube videos and their accompanying comments sections have been analyzed. The results indicate that a certain percentage of the exchanges the members of the community engage in is indeed related to the generic properties of the original discourse. This can vary from simply using a generic label to (metapragmatically) refer to the discourse in question (as a token of a certain type/genre) to actually discussing the generic characteristics of the genre it instantiates. Interestingly, many references to genres are evaluative, projecting a certain attitudinal stance of the actor(s). Another observation is that different wordings used by the discourse community to refer to generic models can be, as it were, “proper” generic labels, but they can also be words and phrases that would hardly qualify as proper names of genres from the standpoint of a genre analyst. This emphasizes the idea that to a “lay” actor using (proper) generic labels is but one way of regimenting discourses metapragmatically and that the borderline between these and “improper” ways of typifying discourse is not well defined. A third observation is that metapragmatic acts (whereby metapragmatic/generic labels are used) are also metasemiotic: actors routinely evoke elements of other semiotic modalities as indexing a certain genre (or a genre-like metapragmatic model discussed above). In a broader perspective, this research emphasizes yet again the social nature of genres and the increasing demand to explore contextualized discourses, with the “embeddedness” of the (original) discourse in comments produced by the discourse community being one of the possible angles on such contextualization.

Keywords: metapragmatics, digital genres, online media, discourse community, discourse analysis, lifestyle discourse

For citation: Molodychenko, E.N. (2022) Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 67–93. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/4

Введение

Жанровый подход сегодня остается одним из наиболее востребованных способов изучения речевых закономерностей уровня текста / дискурса. Однако, как известно, жанр не сводим только к речевой системности: жанры можно и нужно рассматривать и как социокультурные формы [1–9]. Изучение жанра перестает быть чисто лингвистической задачей и постольку, поскольку в современных исследованиях объектом изучения все чаще становится не изолированная речевая составляющая, а коммуникативная практика в ее неразрывной связи с прочими «моментами» социального [10–16].

Сегодня также (интуитивно) интенсифицировались два заявленных тренда. Во-первых, то, что еще в 2004 г. Дж. Суэйлз назвал жанрификацией. Под жанрификацией Суэйлз понимал рост количества и разнообразия жанров, усложнение жанровых систем, а также возросшую важность для дискурсивных сообществ отнесения явлений к определенному жанру [17. P. 4–6]. Во-вторых, как никогда актуален и процесс перемещения жан-

ров в Интернет [18, 19]: возможно, уже имеет смысл постулировать первичность изначально цифровых жанров [15, 20] по отношению к изначально нецифровым.

Акцент на дигитализации¹, помимо прочего, высвечивает два фактора существования и исследования жанров. Сложно отрицать необходимость включения коммуникативной технологии и сопутствующих модальностей в аналитический фокус даже мейнстримного жанроведческого проекта². Сложно также не обратить внимание и на появившуюся благодаря коммуникативным технологиям возможность участия широкой аудитории в опосредованном коммуникативном событии. Одним из продуктов такого участия являются и так называемые **метапрагматические дискурсы**, т.е. дискурсы, рефлексующие **прагматику** внешних по отношению к ним дискурсов [10. Р. 16–21; 23, 24].

Исследование механики новых жанров и трансформации старых в цифровой среде, конечно же, не остается без внимания жанроведов (см., например: [25–29]). Однако, насколько нам известно, исследования, обращающиеся непосредственно к рефлексиям, существующим в дискурсивных сообществах относительно используемых ими жанров, немногочисленны. При этом, утверждаем мы, такая рефлексия, или метапрагматика, является важным измерением существования и изучения жанра. В англоязычном жанроведении, опять же насколько нам известно, метапрагматика как аналитическое понятие не была интегрирована в жанровые исследования; в русскоязычном пространстве и само понятие является достаточно новым.

Такое положение дел определяет цель настоящей работы – аналитическое интегрирование метапрагматики в жанровое исследование.

С практической точки зрения целью является анализ одного популярного сегмента новых онлайн-медиа в разрезе его «жанрового пейзажа», того, как метапрагматика, циркулирующая в дискурсивном сообществе, может быть ключевым компонентом такого анализа, и того, какие выводы относительно «работы» метапрагматики можно сделать в результате анализа.

Рассмотрение жанра в подобном ключе позволяет акцентировать траектории работы с жанрами как явлениями гибридными и мультимодальными, а также важность и (одновременно) чрезвычайную сложность изучения контекстуализации дискурсов и контекстуализированных дискурсов.

¹ и медиатизации – см., например: [21].

² Специализированное исследование жанров как изначально мультимодальных феноменов остается чрезвычайно сложной задачей, а само направление, возглавляемое Дж. Бейтманом (см. обзор в: [22]), не имеет сегодня, как нам кажется, значительного влияния.

Метапрагматика и метапрагматические модели

От прагматики к метапрагматике

Майкл Сильверстин отмечал [30, 31], что традиционно существуют два общих представления о том, какую функцию выполняет речевая составляющая в комплексном коммуникативном событии. Согласно первому речь *кодирует содержание* и транслирует его от одного участника коммуникативного события другому. Комплементарным/альтернативным этому представлению является представление о том, что в акте коммуникации речь – один из инструментов *социального действия*. Последнее представление было, как известно, популяризировано в середине XIX в. прагматически ориентированными подходами. Однако сама идея такой инструментальности далеко не нова и существует, как отмечает Сильверстин, со времен классической риторики [31. Р. 23].

Сегодня одним из возможных способов отсылки к изучению речи в таком инструментальном режиме является использование термина «прагматика». В рамках данной статьи под прагматикой дискурса мы будем понимать рассмотрение речевой составляющей коммуникативного события под специфическим углом зрения. Рассмотрение под таким углом предполагает ответ на два общих вопроса: что «делает» коммуникант, используя дискурс (или определенный сегмент дискурса), и / или что «происходит» в данной социальной / коммуникативной ситуации в плане реализации социальных отношений между коммуникантами.

Упрощенная формула «делает/происходит» из предыдущего предложения может отсылать к широкому списку типов социальной активности и переменных социального контекста. Например, описание по линии «что сейчас делает коммуникант» может включать такие разнообразные метапрагматические характеристики, как «сообщает», «приказывает», «спрашивает», «оскорбляет», «шутит», «рассказывает анекдот», «говорит серьезно», «иронизирует», «подтрунивает», «издевается» и бесчисленное множество других *ярлыков*, рутинно и окказионально используемых как языковым сообществом, так и исследователями. Аналогична ситуация со второй линией прагматического описания.

Даже исходя из существования лишь двух (макро)функций – семантики и прагматики – при анализе лингвистических механизмов их реализации, мы будем вынуждены озадачиться одним не вполне тривиальным вопросом: как именно в линейной поверхностной структуре одновременно реализуются эти две функции. И далее: каким образом в этой же одномерной последовательной структуре реализуется все разнообразие прагматических значений? Одним из известных (простых) решений является постулирование реализации прагматической и семантической функции разными последовательными сегментами речевой цепочки (ср.: [10. Р. 55–61]). Однако, более предпочтительными видятся варианты теоретизирования в терминах *ламинированности*. В ламинированной поверхностной структуре один и тот же сегментируемый по какому-либо принципу элемент дискурса одновременно выпол-

няет семантическую и прагматическую функцию, «сигнализируя» в разных функциональных семиотических режимах.

Существует несколько вариантов теоретизирования ламинированности¹. В данной статье мы обращаемся к варианту теоретизирования, представленному в работах Майкла Сильверстина. По Сильверстину, семантическая функция реализуется языковыми знаками, «работающими» в режиме символов, в то время как прагматическая – знаками, сигнализирующими в режиме индексов. Сигнализируя в **индексном режиме**, знаки «указывают» на какой-либо параметр контекста [23, 30, 31, 35].

Лингвистический анализ функционирования отдельных элементов поверхностной структуры с точки зрения семантики, отмечает Сильверстин, продвинулся гораздо дальше, чем аналогичный анализ с точки зрения прагматики [30. Р. 14–15]. Прагматическая разбивка и анализ являются сложной задачей в силу ряда причин. В отличие от знаков-символов, индексы не обладают каким-либо конвенциональным содержанием: один и тот же сегментируемый элемент поверхностной структуры может индексировать совершенно разные переменные контекста в разных ситуациях, более того, одновременно может индексировать несколько различных переменных контекста (см., например: [36]). Понятно, что, когда мы имеем дело с комбинациями таких элементов в составе речевого произведения, задача усложняется многократно (см./ср.: [31. Р. 31–32]).

Типичный пример функционирования индексной модальности – так называемые референциальные индексы, т.е. языковые элементы, чей вклад в семантику дискурса невозможно вывести без фиксации определенной переменной контекста. Таковыми являются указательные местоимения или категории времени, обсуждаемые в рамках физического дейксиса [30, 37]. Вторая категория – средства социального дейксиса, которые помимо функционирования, как и референциальные индексы, в описанном выше смысле, также индексировать социальные отношения². При этом Сильверстин особо подчеркивает, что аналогичным образом – через индексный режим функционирования знака – актуализируются все возможные переменные контекста ситуации и контекста культуры [35. Р. 57].

Семантика отдельных элементов поверхностной структуры в (реальном контекстуализированном) акте коммуникации «собирается» в семантическое целое – «о чем *сообщается* в данном дискурсе». По аналогии набор прагматических элементов, индексировующих переменные контекста, «собирается» в более или менее целостное представление о том, что *происходит* в данном акте коммуникации. Такое представление можно назвать *метапрагматической моделью* данного акта. Термин «метапрагматика»,

¹ К самым известным следует отнести три метафункции в системной функциональной лингвистике [32, 33] и акциональные, репрезентативные и идентификационные текстовые измерения Нормана Фэрклафа [34]. Все три модели (т.е. две указанные здесь и модель М. Сильверстина) совместимы в принципиальных моментах, но не в деталях.

² Хрестоматийный пример здесь пара «ты / Вы» [10, 38, 39].

таким образом, отсылает к процессам, разворачивающимся на ином уровне, нежели те, что описываются термином «прагматика». Если термин «прагматика» описывает то, как отдельные знаки актуализируют смыслы, не связанные с семантикой [31. Р. 31; 35. Р. 57–58], метапрагматика описывает то, как на более высоком уровне обобщения такие смыслы «схватываются» комплексной (мета)моделью. Задачей такой модели, среди прочего, является упорядочивание сигналов первого уровня и их синтез в (более или менее) непротиворечивое целое (ср. также: [11. Р. 48]).

Рефлексивность, типизация и языковой коллектив

Как подчеркивает Асиф Ага, метапрагматический акт – это разновидность металингвистического акта и – еще шире – разновидность *рефлексивности*. Под металингвистическим актом понимается акт, направленный на *типизацию* некоторого аспекта языка [10. Р. 17]. Метасемантические акты рефлексии значения, кодируемые и передаваемые при помощи языковых средств; типичным примером является дефиниция слова. Метапрагматические акты направлены на типизацию речевых действий в описанном ранее понимании. Метапрагматические акты также часто являются метасемиотическими, так как в «зону охвата» типизации попадают смыслы, транслируемые сразу несколькими семиотическими системами. Ширина такого диапазона и типы знаков (точнее, объектов, функционирующих как знаки; см., например: [24]), охватываемые типизацией, могут значительно варьироваться [10, 40].

Как уже могло стать ясно из предшествующих рассуждений, метафеномены закорены в социальном мире в нескольких смыслах. Метапрагматическая модель коммуникативного эпизода формируется в конкретных (контекстуализированных) дискурсах для конкретных участников этих дискурсов. Джеф Вершюрен предлагает называть такие модели «метапрагматической осведомленностью», которую коммуниканты демонстрируют в актах коммуникации [41. Р. 445–446]. Однако и то, что мы бы назвали (в качестве разновидности «осведомленности») метапрагматическим знанием деконтекстуализированного и транситуативного характера, всегда существует и актуально для определенной фракции языкового коллектива. Поэтому одним из вариантов изучения такого знания является исследование метапрагматических актов, реализуемых более или менее конкретной группой субъектов, для которых рассматриваемое явление и процессы обладают социологической реальностью. Такая идея, в частности, лежит в основе исследований в лингвистической антропологии и современной социолингвистике (см., например: [10, 11, 36, 40, 42]; см. также анализ конкретных кейсов [24, 43]).

Аналитический акцент на закоренности метапрагматики в языковом коллективе позволяет выделить ряд интересных особенностей, из таковой вытекающих. Во-первых, диапазон явлений, охватываемых одним условным метапрагматическим актом (например, путем использования одного *метапрагматического ярлыка*), будет варьироваться для разных фракций языкового коллектива. Во-вторых, такой диапазон и специфика метапрагматиче-

ского акта не будут стабильными во времени (подробнее см.: [10, 40]). В-третьих, метапрагматические акты и метапрагматическое знание могут гипотетически являться «символическим ресурсом» демаркации границ социальных групп [44. Р. 102–147], играть какую-то роль в процессах формирования и проекции социальной идентичности [45], а также предсказуемо не быть оценочно нейтральными (см.: [43]¹).

Заякоренность метапрагматики в социальном указывает также и на то, что одним из методов ее исследования (как в форме метамоделей контекстуализированных коммуникативных эпизодов, так и транситуативного знания) должен быть этнографический. Однако такой проект возможно реализовать и с применением более простых методов лингвистического анализа. Как отмечает Дж. Вершюрен, возможность исследования метапрагматической осведомленности обусловлена тем, что она «оставляет идентифицируемые лингвистические следы» на поверхности текста [41. Р. 445]. Под следами понимается целый класс *языковых метапрагматических ресурсов* разной степени эксплицитности (см. возможную классификацию таких ресурсов: [41. Р. 446–450]).

Когда метапрагматика внешнего дискурса становится тематическим фокусом данного конкретного дискурса, его можно квалифицировать как метапрагматический [23. Р. 42–43; 24]. Простейшим примером метапрагматического дискурса может служить обсуждение какого-то внешнего дискурса в терминах метапрагматических ярлыков (МПЯ), приведенных ранее для описания по линии «делает»². Метапрагматические дискурсы обладают особой ценностью для лингвистического исследования: такие дискурсы являются источником материала для лингвистического описания того, какие метапрагматические модели формирует и формулирует некоторая реально существующая группа коммуникантов.

На этом этапе следует, однако, заметить, что язык вряд ли располагает запасом метапрагматических средств, способных (метапрагматически) отразить все тонкости прагматики разворачивающихся коммуникативных событий. Отметим также уже сейчас и то, что (а) никакой МПЯ, по нашему мнению, не способен без остатка «схватить» комплексную прагматику коммуникативного события, к которому он отсылает, и то, что (б) наличие и отсутствие метапрагматического ярлыка (как в самом речевом произведении, так и в ротации в языковом коллективе вообще) не обязательно будет влиять на функционирование знаков в индексном режиме и на формирование метапрагматической модели данного коммуникативного события. Как мы покажем в анализе, (не)доступность коммуникантам однозначного (жанрового) МПЯ для отсылки к внешнему дискурсу вряд ли способна

¹ Ср. в этой связи также практику лингвистической экспертизы, работающую с метапрагматическими актами и акцентирующую их групповую / идеологическую сторону [46].

² Дискурсы из серии: «я не спорил, я объяснял».

сильно повлиять на формирование ими метамоделей этого дискурса и на производство метапрагматических дискурсов, к нему отсылающих.

Метапрагматика и жанр

Метапрагматический ярлык: жанр vs речевой акт

Итак, мы исходим из того, что один из вариантов интерпретации комплексной прагматики дискурса – формирование представления (и его потенциальная вербализация) о том, что «делает» коммуникант, используя определенный дискурс (или его сегмент). Один из вариантов фиксирования / вербализации метапрагматических моделей известен достаточно давно. Мы, конечно же, имеем в виду речевые акты. Оставив в стороне (как это, в частности, предлагает Дж. Вершюрен) задачу формулирования универсальной классификации речевых актов и описания условий их успешности, будем считать, что номенклатура речевых актов представляет собой удобный инструмент анализа прагматики сегментируемых некоторым образом в общем потоке дискурса фрагментов при помощи набора МПЯ. Помимо специально предложенных исследователями ярлыков таковыми могут быть и слова, традиционно используемые языковым сообществом в той же самой (метапрагматической) функции, вроде «угрожать», «обещать» или «приказывать» [47. Р. 132–133].

Речевой акт фактически сближается с жанром¹ по крайней мере в одном специфическом аспекте: жанр также (часто) идентифицируется имеющимся в языковом сообществе метапрагматическим ярлыком (см./ср.: [8]). Такой ярлык, как мы уже отметили выше, «схватывает» наиболее очевидную / важную / релевантную сторону прагматики некоторого разворачивающегося дискурса. Иными словами, акцент на реализации дискурсом некоторого жанра только *один из вариантов* (метапрагматического) объяснения того, какое социальное действие реализуется, и/или того, что происходит в интерактивном измерении социальной ситуации².

Коммуникативная цель

Однако важность понятия / термина «метапрагматика» для исследований жанра не ограничивается указанием на «метапрагматичность» используемых жанровых ярлыков. В качестве примера в дальнейших рассуждениях мы будем использовать теорию и методологию одной из самых известных (в англоязычном академическом дискурсе) жанроведческих школ – изучение жанров в рамках направления «Английский для профессиональных целей» (АПЦ). Отличительным свойством жанроведения под маркой «АПЦ» является акцент на двух частях жанрового уравнения – на языковой форме и социальной функции [50. Р. 582 ff; 51; 52. Р. 45–46]. Оставляя практически без внимания первую часть уравнения, так как она не связана напрямую с нашими задачами в данной статье, далее сосредоточимся на второй.

¹ См./ср. также: [48, 49].

² Ср. подобную интерпретацию жанра в трехчастной модели Фэрклафа: [34. Р. 65 ff].

Вторая часть «жанрового уравнения» АПЦ-подходов локализуется в контексте и оперирует двумя взаимосвязанными переменными, которые в рабочем порядке можно охарактеризовать как социальную и когнитивную. Обе эти переменные, утверждаем мы, имеют непосредственное отношение к метапрагматике.

К когнитивной составляющей относится коммуникативная цель. В АПЦ-подходах коммуникативная цель является *решающим критерием* выделения жанра и разграничения формально похожих жанров [53; 54. Р. 19–20; 55. Р. 46]. Коммуникативная цель предопределяет ту модель, которая может / должна быть использована для наделения дискурса метапрагматикой на этапе его производства и «давать ключ» к интерпретации дискурса (т.е. к построению метамодели) в фазе его потребления; см./ср. также: [1, 3]. Как известно, при сходстве формальных признаков речевого оформления (и сопутствующих модальностей; ср.: [22. Р. 280]) дискурсы могут являться экземплярами разных жанров. Возможно, наиболее иллюстративным примером такого положения дел может быть обсуждаемый Дж. Суэйлзом случай «фейковой» научной работы, опубликованной в научном журнале в качестве первоапрельской шутки [55. Р. 48]. Используя терминологию данной статьи, можно сказать, что только для части реципиентов набор знаков в поверхностной структуре (и прочие модальности) однозначно и мгновенно сигнализировал нужную метапрагматическую модель – то, что это шутка / пародия.

Метапрагматичность коммуникативной цели подчеркивается также тем фактом, что одним из наиболее правильных / рекомендуемых в АПЦ-подходах вариантов ее идентификации является интервьюирование субъектов, использующих жанр (см., например: [53–57]). Данное положение позволяет перейти к обсуждению второй ключевой контекстуальной составляющей в АПЦ-подходах.

Дискурсивное сообщество

Значительную роль в изучении жанра (как, впрочем, и его существовании и функционировании, независимо от аналитических усилий жанроведов) играют субъекты, использующие этот жанр, или – в терминологии АПЦ-подходов – дискурсивное сообщество [55. Р. 24–32; 58. Р. 694–696]. Несколько модифицировав первоначальное определение Дж. Суэйлза, под дискурсивным сообществом будем понимать группу, которая определяется как группа в первую очередь благодаря и в процессе взаимодействия с жанром, а не некоторой предзаданной – «дожанровой» – социологической реальностью (см./ср. также: [59–62]).

Представление о дискурсивных сообществах имеет для АПЦ-подходов не только теоретическое, но и прикладное [53; 54. Р. 34–36; 56, 58] значение. В практике изучения жанров Дж. Суэйлзом, В. Батиа и их последователями используются в том числе и этнографические методы (различные примеры реализации таких методов см. в работах: [57, 63–65]). Очевидно, что изучение дискурсивного сообщества представляет собой обращение к процессам рефлексии, существующим в определенной группе, относительно используемых

ими (или другими группами) языковых форм, в данном случае жанровых. Однако, как мы уже отметили ранее, изучение метапрагматики (как частного случая рефлексии) не обязательно требует применения непосредственно этнографического метода: его аналогом выступает изучение метапрагматических дискурсов.

Новые медиаплатформы и интернет-жанры

Схемы участия и коллаборативный дискурс

Одним из основных факторов, могущих обусловить бóльшую¹ «заметность» метапрагматических актов и более активную циркуляцию метапрагматических знаний в случае с современными онлайн-жанрами, является изменившаяся схема участия (*participatory framework*) коммуникантов в технологически опосредованных коммуникативных событиях [62, 66, 67]. Такое изменение обусловлено функционалом онлайн-платформ, вроде YouTube, – возможностью публиковать комментарии под исходным (дискурсом) видео. В рабочем порядке будем называть такой порождаемый в комментариях дискурс коллаборативным.

Поверхностный контент-анализ коллаборативного дискурса показывает, что режимы, в которых пользователи взаимодействуют с исходным дискурсом, могут быть различными². Одним из таких режимов является выражение жанровой рефлексии и/или прочих метапрагматических смыслов. Естественно, до развития контент-платформ возможность такой формы коллаборации, как, впрочем, и любой формы взаимодействия с исходным дискурсом вообще, была ограниченной (ср.: [68. P. 154–172]).

Материал и метод

Основным материалом для анализа послужили семь видео, опубликованных на канале YouTube «alpha m.», и комментарии пользователей платформы к ним. Данный канал мы «локализуем» в лайфстайл-сегменте новых онлайн-медиа. Такой тип медиа направлен (преимущественно) на обсуждение различных каждодневных практик индивидов и предоставление рекомендаций относительно «надлежащего» способа их реализации [69–73]. Данный сегмент онлайн-медиа, по нашим наблюдениям, составляет достаточно большую долю всех возможных форматов современных популярных медиа. Одним из критериев, определяющих важность изучения таких медиа, является их (растущая) роль в процессах формирования и выражения идентичности [74]. Центральное место в данном процессе, по нашему мнению, занимают современные цифровые аналоги мужских и женских глянцевого журналов. В данной статье мы обращаемся к мужской разновидности этого сегмента.

¹ По сравнению с ситуацией, скажем, 10–15 лет назад.

² Например, коммуниканты могут поспорить или согласиться с автором, дополнить содержание видео по какой-то из (под)тем и т.п. Это одна из причин, почему мы предлагаем называть такой дискурс коллаборативным.

Выбор канала «alpha m.» как исходного **диапазона** для поиска иллюстративного материала предопределен его лидирующей позицией в названном сегменте на платформе YouTube. Как и многие другие подобные каналы для мужчин, канал «alpha m.» может быть рассмотрен в качестве «преемника» или аналога традиционных печатных журналов для мужчин, а также их современных цифровых версий (например, «Men's Health»), но не в качестве их цифровых «копий». Одно из отличий каналов данной разновидности от традиционных журналов – то, что они являются независимыми ресурсами, не связанными с глобальными медиа-корпорациями (см./ср.: [73]), и были основаны (чаще всего) одним «культурным посредником» нового формата в том числе и ввиду неудовлетворенности традиционными журналами¹. Основной контент канала представляют собой короткие видео, посвященные таким (уже типичным) темам, как одежда / стиль, уход за собой, этикет и отношения с противоположным полом. На момент написания статьи количество подписчиков канала «alpha m.» превышало 6 млн. Данный канал существует с 2008 г., что делает его одним из самых старых в данном формате на платформе YouTube. Такое положение вещей позволяет предположить, что канал является не только влиятельным источником информации, но и источником метаинформации – жанровых моделей для других (появившихся позже, но копирующих данный формат) каналов.

Для отслеживания примеров используется трехуровневая схема сквозной нумерации. Первая цифра указывает номер исходного видео в соответствии со следующим списком:

- (1) *alpha m.* / *7 Things about Girls I Wish I Knew Sooner!*²;
- (2) *alpha m.* / *A Day in The Life of Alpha M.*³;
- (3) *alpha m.* / *My New Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog!*⁴;
- (4) *alpha m.* / *Losing My Virginity (Brutally Honest Story)*⁵;
- (5) *alpha m.* / *Losing Everything!*⁶;
- (6) *alpha m.* / *I'm Done!*⁷;
- (7) *alpha m.* / *Dealing with Coronavirus (COVID-19)*¹.

¹ В частности, alpha m. говорит о подобной мотивации в интервью для Gentleman's Gazette. См.: URL: <https://www.gentlemansgazette.com/alpham-interview-aaron-marino> (дата обращения: 4.07.2020).

² URL: https://www.youtube.com/watch?v=ffVf0_bSAtk (дата обращения: 28.06.2020).

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nl-9cY13np8> (дата обращения: 28.06.2020).

⁴ URL: https://www.youtube.com/watch?v=nP4W_-Z89Hc (дата обращения: 28.06.2020).

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k9WlsqdWn0E> (дата обращения: 28.06.2020).

⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5abiF91LAM> (дата обращения: 28.06.2020).

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WUIpX6ZZ3P4> (дата обращения: 28.06.2020).

Вторая цифра при указании примера соотносится со сквозной нумерацией примеров из комментариев первого уровня к видео, обозначенному первой цифрой согласно списку выше. В некоторых случаях мы также рассматриваем комментарии второго уровня (т.е. ответы на комментарии). В этом случае порядковый номер примера обозначается третьей цифрой.

Анализ представляет собой версию контент-анализа, практикуемую в лингвистических работах; суть такого анализа как правило суммируется выражением «анализ контекстуально-обусловленной семантики языковых единиц». Поскольку одним из аспектов является анализ оценочных смыслов, используется теоретико-методологическая рамка дискурсивной семантики оценки «Appraisal Theory» [75–77]. В данном подходе дискурсивная семантика оценки рассматривается как комбинация трех подсистем – отношения (attitude), включения (engagement) и градуирования (graduation). Отношение распадается на три семантических области – аффект (affect), значимость (appreciation) и (о)суждение (judgement). Под включением подразумевается то, насколько безапелляционно формулируются утверждения, и то, насколько такие формулировки являются «диалогическими» (по М.М. Бахтину), т.е. открывают пространство (для) других мнений [78]. Под градуированием в первую очередь имеется в виду интенсификация и деинтенсификация оценки (подробнее см.: [76]).

«Какого черта я вам это рассказываю?» или Не/жанровая мета-прагматика

В рабочем порядке будем исходить из того, что лайфстайл-сегмент на YouTube (в рассматриваемой нами вариации) опирается на три ключевые инвариантные жанровые модели – «лайфстайл-инструкция», «влог»² и «обзор». К данному списку необходимо добавить и продвигающие жанры [82], в том числе рекламный жанр в его прототипической вариации [83]³.

Отталкиваясь от намеченного «жанрового пейзажа» как аксиомы, мы, тем не менее, дополнительно проанализировали жанровую принадлежность последних 100 видео (на момент написания этого фрагмента статьи), опубликованных на канале «alpha m.». В соответствии с нашими ожиданиями большая часть дискурсов апеллирует к жанровой модели лайфстайл-инструкции (87 из 100 видео). Четыре видео можно отнести к жанру, который в рабочем порядке предлагаем обозначить как «откровенный разговор», три видео апеллируют к жанровой модели «влог», два видео – к мо-

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FSMyVVw2nxw> (дата обращения: 28.06.2020).

² Под влогом мы понимаем не видеоблогинг вообще как явление или формат (ср.: [79]), а специфический жанр, который можно было бы также назвать повседневным влогом; см./ср.: [80. С. 58; 81. С. 110].

³ Вопрос «жанрового пейзажа» новых лайфстайл-медиа даже в рамках рассматриваемого нами сегмента является дискуссионным и требует отдельного рассмотрения (ср.: [69]). В данной статье ввиду разумных ограничений по объему и, прежде всего, ввиду иных исследовательских задач не преследуется цель обоснования центральности именно этих жанров и детального обсуждения их специфики.

дели «соревновательная закупка» (shopping challenge), одно видео к модели «тур по дому» (home tour), одно видео – к модели «формирование нового имиджа» (makeover).

Как видно из «контрольного среза», заявленные нами жанры «обзор» и «реклама» не представлены в диапазоне. Данный факт объясняется тем, что эти две жанровые модели на каналах подобного формата не реализуются в чистом виде, но присутствуют во многих жанрах / дискурсах как элементы гибридизации. Элементы обзора (см., например: [81. С. 109]) можно обнаружить, к примеру, в том случае, когда микротексты в составе лайфстайл-инструкции (см. ниже) посвящены обсуждению конкретных (групп) товаров; рекламный жанр представлен в «рекламных вставках», обнаруживаемых практически во всех видео на популярных каналах рассматриваемого типа¹.

Последнее видео на канале, апеллирующее к модели «лайфстайл-инструкция», на момент нашего контрольного среза – видео (1). При всей эфемерности, которой характеризуются современные онлайн-жанры [18–20, 69], тексты видео подобного типа в пределах последних трех-пяти лет демонстрируют, по нашим наблюдениям, примечательную стандартность и стабильность жанровой формы. С точки зрения композиции тексты в данном жанре характеризуются наличием вступления и нескольких пронумерованных фрагментов (как правило, от 5 до 10), оформляющих отдельные советы как микротексты (см./ср.: [84]). С точки зрения языкового оформления типичными лексико-грамматическими формами являются (а) так называемое недействительное *you* [85]; (б) формы повелительного наклонения; (в) общий безапелляционный «модус» подачи суждений (т.е. практически отсутствует «диалогичность» в терминах подсистемы «engagement» Мартина – Уайта); (г) разговорный регистр (см./ср.: [69. Р. 198–199; 72; 73. Р. 116–123]).

Несмотря на наличие такой стандартизированной жанровой формы (что является одной из причин оперирования ярлыком «лайфстайл-инструкция» в данной статье), по нашим наблюдениям, в реальном дискурсивном сообществе не используется специфицированный ярлык для ее именованя: в найденных нами примерах комментаторы оперируют неспецифическими ярлыками *advice* или *tips*². Также анализ комментариев показывает, что использование жанровых МПЯ и акцентированное обращение к жанровой метапрагматике для данного жанра не самое частое явление. Так, из первых 200 комментариев под данным видео³, проанализированных нами, первое использование МПЯ встретилось только в комментарии номер 92 (1.1) по по-

¹ Особенность реализации такой гибридизации / колонизации в лайфстайл-инструкциях также является сложной темой и требует отдельного рассмотрения.

² Заметим, что Т. ван Люэн и Д. Мейчин, описавшие «предтечу» данного онлайн-жанра на материале традиционных женских журналов, назвали его ненамного более специфицированным термином *hot tips* [73. Р. 116–123].

³ Из 1 318 имеющихся под видео на момент «контрольного среза».

ряду¹. В последующих 108 комментариях апелляция к метапрагматике встретила пять-шесть раз с использованием названных выше ярлыков: *advice* – для отсылки ко всем видео на канале в форме «лайфстайл-инструкции» (1.1; 1.4); *tips* – для отсылки к конкретным микротекстам в составе исходного дискурса (1.2; 1.3).

(1.1) *Uncle Alpha I appreciate **all the advice**; I wish you were around when I was a teenager <...>*²

(1.2) *Absolutely love these life **tips**!*

(1.3) *Call me weak, but the “cute but sassy” **tip** didn’t sit too well with me*

(1.4) *By the way, you are doing a terrific job giving valuable **advice** to young (and sometimes older) **guys**!!!*

Далее обратимся к рассмотрению жанровой формы, не вполне типичной для конкретного отдельно взятого канала. В такой ситуации было бы логичным предположить, что нетипичность будет рефлексироваться в коллаборативном дискурсе. Как показывает анализ комментариев под видео в жанре «влог», это действительно так. Например, один из комментариев для видео (2) имеет следующее содержание:

(2.1) *You would be a great **daily vlogger**.*

Данный комментарий на момент контрольного среза располагается 50-м по счету (из 3 373 при режиме сортировки по популярности) и имеет 1,5 тысячи лайков, что может являться одним из показателей популярности подобных смыслов в дискурсивном сообществе.

Рассмотрение данного комментария также позволяет сделать ряд наблюдений. Во-первых, комментатор использует вполне однозначный и не вызывающий сомнения МПЯ. Во-вторых, комментатор отмечает нетипичность данного жанра для канала (ср. использование сослагательного наклонения в *you would be*). В-третьих, комментарий не нейтрален в плане оценки: эксплицитные оценочные средства (*great*) реализуют положительную (+) оценку по линии (о)суждения. Как продемонстрируют приводимые далее в статье примеры, наличие оценки в ко-текстовом окружении МПЯ это частое явление, что мы считаем значимым наблюдением.

Так, указанный комментарий порождает цепочку комментариев второго уровня, в которых метапрагматические смыслы также формулируются в оценочном фрейме, ср.:

(2.1.1) *Would you like to **see the same things every video**? (значимость; –)*

(2.1.2) *This **vlogging** is the **stupidest idea** homo sapiens invented (значимость; –)*

(2.1.3) *Omg, I agree with you – **he would be amazing** (значимость; +).*

¹ При использовании стандартного метода сортировки комментариев по популярности. Подробнее об используемом на YouTube алгоритме для сортировки комментариев см.: URL: <https://stackoverflow.com/questions/27781751/what-is-youtube-comment-system-sorting-ranking-algorithm> (дата обращения: 4.07.2020).

² Здесь и далее комментарии приводятся с незначительно откорректированной орфографией, пунктуацией и форматированием.

Как видно из примеров, не все комментаторы однозначно положительно (+) оценивают жанр «влог» (ср. *vlogging is the stupidest idea* – явная оценка со знаком «→»). Также комментарии фиксируют рефлексии относительно специфики самой жанровой модели «влог»; ср.: *see the same things every video*, т.е. одна из жанровых особенностей влога, по мнению представителя дискурсивного сообщества, – показывать «одно и то же в каждом видео».

Жанровая рефлексия обнаруживается не только в коллаборативном дискурсе: авторы исходных дискурсов также используют МПЯ для типизации своих видео. Последнее на момент написания данного фрагмента статьи видео в жанре «влог», размещенное на канале (3), содержит соответствующий МПЯ в самом названии; ср.: *My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog*. Метапрагматический комментарий, однако без использования специфического МПЯ, есть и в самом тексте видео:

(3) <...> *this is gonna be a day-in-the-life type of video* <...>¹

Данное видео так же, как и ранее, сопровождается обсуждением жанровой метапрагматики в комбинации с оценкой. Ср. следующие комментарии:

(3.1) *This video was clever, especially when you showed those moments of you filming other videos and editing them. Amazing vlog, we definitely need more of these* (значимость; +)

(3.2) *I really like these kinds of vlogs. They show the life of an entrepreneur and a working man. The diet consistency is something I wish I could do but make it vegetarian, lol* (аффект; значимость; +).

Мы полагаем, что еще одной возможной причиной появления жанровой рефлексии в коллаборативном дискурсе может быть отклонение от жанрового прототипа и/или специфический способ жанровой гибридизации. Так, например, гибридизация «лайфстайл-инструкции» (*an advice/list style*; ср. с анализом примеров для (1)) и «влога» рефлексивируется следующим образом:

(i) *What I really love about these videos is the unique style. You have a vlog style, while also having an advice/list style video. <...> This is pretty unique as far as I've seen, and I really appreciate your approach*².

Как и ранее, комментарий включает метапрагматическую отсылку в связке с оценкой: *I really love* (аффект; +); *unique style* (значимость; +); *I really appreciate your approach* (значимость/(о)суждение; +).

Приведенные примеры хотя и акцентируют нетипичность жанровой формы для конкретного источника, тем не менее оперируют более или менее стандартными жанровыми ярлыками – *vlog, advice, tips*. Особый интерес с точки зрения жанровой рефлексии, однако, представляют жанры, нетипичные для источника и (предположительно) не имеющие на данный момент закрепившейся модели и/или жанрового МПЯ. К такому случаю мы бы отнесли дискурсы, апеллирующие к жанру, который мы обозначили

¹ Здесь и далее транскрипция наша. – Е.М.

² Комментарий к видео на лайфстайл-канале «HowToBeast». URL: <https://www.youtube.com/user/how2beast> (дата обращения: 23.06.2020).

как «откровенный разговор». Как показывают цифры, приведенные ранее, данный жанр не является типичным для канала¹. Сам автор предвещает одно из таких видео типизацией следующего содержания:

(4) *Today's video falls under the category of "why the hell am I telling you this?"*.

Подобная метапрагматическая неопределенность (ср.: «видео из серии "какого черта я вам это рассказываю?"») наблюдается и в дискурсивном сообществе: мы не обнаружили ни одного стандартизированного ярлыка для данного жанра в комментариях. В тех случаях, когда типологизирующая отсылка необходима (например, с целью реализации оценочного акта), используется слово «видео», которое можно отнести к МПЯ чисто условно. Однако все это не означает, что комментарии свободны от типизирующей рефлексии:

(4.1) *I love these videos. Sometimes we need to have these **conversations!***

(4.2) *Love the **story time**, alpha!*

(4.3) *The fact that he **speaks out about his life** has my full respect*

(5.1) *Aaron, you should do more of these **personal talks***

(5.2) *What do I need? I need more jokes or a **story time** from Alpha M.*

(6.1) *This sounds like an overheard **phone conversation** on the subway*

(6.2) *Loved this **lesson** my friend. Thank you*

(6.3) *Thank you for being open and **sharing your story***

(6.4) *Thanks for **reaching out**. I was relieved to see your video today.*

Как видно из примеров, используемые МПЯ (предположительно) подчеркивают типологическую близость жанра с бытовым разговором (5.1, 6.1, 4.1), автобиографическим нарративом (5.2, 6.3, 4.2, 4.3), советом (6.2) и откровением (6.4, 4.3).

Эти же примеры иллюстрируют и еще два положения, обозначенные в теоретической части. Во-первых, они заостряют внимание на том, что жанровая рефлексия является **разновидностью** метапрагматики / рефлексии вообще, а жанровые МПЯ используются дискурсивным сообществом точно так же, как и иные МПЯ, которые исследователи-жанроведы вряд ли отнесли бы к жанровым (ср.: *reaching out*; *speaks about his life*). Во-вторых, они подчеркивают то, что жанровая типизация является лишь **одним из вариантов** (мета)прагматической интерпретации того, что (а) делает автор, и/или того, что (б) происходит в межличностном измерении данного коммуникативного события.

Так, в комментариях к этим же видео можно обнаружить множество других рефлексий, которые мы бы отнесли к метапрагматическим, но не обязательно к жанровым. Типичным лейтмотивом таких рефлексий является то, что автор в данном коммуникативном эпизоде предстает как честный, открытый, искренний, прямолинейный, выражает неподдельные эмоции, не боится показаться уязвимым, показывает свою духовную сторону:

¹ Не является он типичным и для других каналов, работающих в этом же сегменте (по нашим наблюдениям).

(4.4) *This is my favorite video you've ever made; I really dig **the honesty*** (честность)

(4.5) *Dude, you're a **straight up** dude. Keep up this **genuine stuff**, man* (честность; прямолинейность; неподдельность)

(4.6) *<...> it was nice hearing you **open up*** (откровенность)

(5.3) *I've got to say these are my favorite videos you do, when it's just you **being yourself, being honest**. Sure, the ones where you are being "Alpha" teaching us to hit on girls or whatnot are entreating; these are the ones that are **truly Alpha*** (неподдельность; честность)

(5.4) *Appreciate your **realness** with this all, man <...>* (честность)

(5.5) *Love that this is **so real** man. Stay positive* (честность)

(6.5) *The guy can **share** his difficult emotions **openly** – an example of a true alpha* (откровенность)

(6.6) *<...> this **guy stands on his word**. He is not the guy who acts on camera, **he is who he is*** (неподдельность; искренность)

(6.7) *Wow, for the first time I feel like **he's being genuine*** (неподдельность)

(6.8) *This level of **authenticity** is so hard to come by. We appreciate you **being real** with us bro <...>* (неподдельность; честность)

(6.9) *I love these videos; they are so **honest and raw*** (честность; прямолинейность)

(7.1) *I love the **spiritual side** he brings out very smoothly* (духовность).

Какая-то часть комментаторов отмечает адвисивную составляющую данных видео, что предсказуемо, учитывая общую инструктивную направленность канала:

(6.10) ***Preach** it, brother* (наставление)

(6.11) *I loved **this lesson**, my friend* (урок)

(6.12) *This video and **advice** came at a great time in my life* (совет)

(7.2) *Amazing **tips and support!*** (совет; поддержка)

(7.3) *Great **motivation*** (мотивация)

(7.4) *What **wonderful advice** <...>* (совет).

При этом заметим, что само видео не обладает стандартными для лайфстайл-инструкции характеристиками, намеченными выше, и не является, по нашему мнению, экземпляром данного жанра, пусть даже с допустимыми вариациями.

Отдельно следует отметить рефлексии, одновременно подчеркивающие (а) мультимодальную природу жанра и, соответственно, (б) метасемиотический статус МПЯ. Под всеми четырьмя видео («откровенный разговор») можно найти комментарии с одним и тем же лейтмотивом: «Если автор сидит на фоне кирпичной стены, значит разговор будет серьезным». Иными словами, отнесенность данного видео к рассматриваемому жанру (даже при отсутствии однозначного МПЯ) индексируется определенным параметром физического контекста:

(5.6) *He's sitting in front of **the wall**, so it's **serious***

(5.7) *The **brick wall**... This is about to be **serious***

(7.5) *You know the topic is **important** if he's sitting in front of the **brick wall**.*

Аналогично может рефлексироваться и отсутствие типичных жанровых элементов – «интро» (стандартной заставки, используемой практически в каждом видео на канале) и рекламной интеграции, отсутствующей в трех (5–7) из четырех данных видео:

(7.6) *You know it's serious when there is no intro* (нет заставки)

(7.7) *You know it's serious when he didn't try to sell us anything!!!* (нет рекламной интеграции).

Обсуждение

Современные технологии во многом изменили то, как осуществляется коммуникация и используется язык. Одно из таких изменений связано с функционалом (относительно) новых онлайн-платформ: если раньше опосредованные дискурсы имели одностороннюю направленность (от автора к аудитории), то сегодня участие аудитории в опосредованном коммуникативном событии все больше становится нормой. Иллюстрацией такого положения вещей является платформа YouTube. Подобные изменения в коммуникативных практиках должны вести и к модернизации теоретико-методологического инвентаря дисциплин, их изучающих.

Акцент на рассмотрении дискурса, генерируемого пользователями платформ в виде комментариев, в очередной раз подкрепляет ряд положений, уже какое-то время обсуждающихся в коммуникативно-, прагматически, социо- и этнографически ориентированных лингвистических подходах. К релевантным для статьи положениям отнесем (а) представление о важности учета реальной контекстуализации дискурсов [11, 35, 86]; (б) представление о существовании и аналитической важности метапрагматического измерения коммуникации [10, 24, 41]; (в) представление о том, что и контекстуализация и метапрагматика должны обсуждаться в привязке к конкретным социальным группам коммуникантов [10, 40, 42].

Теоретизирование собственно жанровой типизации – одной из вариаций прагматической типизации и метапрагматического знания – в привязке к определенной фракции населения существует давно. Одним из примеров является жанроведение в школе «АПЦ» [17, 52, 54, 55]. Хотя, насколько нам известно, представители школы «АПЦ» и не оперируют термином «метапрагматика», операционализация категории «дискурсивное сообщество» автоматически ведет (среди прочего) к обращению к таковой. При операционализации понятия «дискурсивное сообщество» изучение жанра – это не только аналитические усилия жанроведа, направленные на изучение речевых особенностей жанровых экземпляров, но и активное обращение к метапрагматике, циркулирующей в этом дискурсивном сообществе.

Представленный в статье анализ указывает на то, что собственно жанровая метапрагматика в ее **рефлексирующем** аспекте переплетается с «околожанровой» и «нежанровой»: часто можно наблюдать ситуацию, когда в дополнение или совместно с жанровыми МПЯ дискурсивное сообщество в аналогичном режиме оперирует и МПЯ, которые вряд ли могли

бы претендовать на звание жанровых. Сопоставление же жанровых МПЯ с прочими разновидностями метапрагматических актов в их **типизирующем** аспекте подчеркивает их метасемиотичность: метапрагматика коммуникативного события «собирается» из множества различных индексов, часть которых находится за пределами собственно речевого компонента коммуникативной ситуации. Для «мейнстримных» исследований жанра это может означать, что на современном этапе серьезное внимание должно уделяться не только речевому оформлению, но и коммуникативной технологии и сопутствующим модальностям (ср.: [22, 87, 88]).

Список источников

1. *Briggs C.L., Bauman R.* Genre, intertextuality, and social power // *Journal of Linguistic Anthropology*. 1992. Vol. 2, № 2. P. 131–172.
2. *Günthner S., Knoblauch H.* Culturally patterned speaking practices – the analysis of communicative genres // *Pragmatics*. Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA). 1995. Vol. 5, № 1. P. 1–32.
3. *Hanks W.F.* Discourse genres in a theory of practice // *American Ethnologist*. 1987. Vol. 14, № 4. P. 668–692.
4. *Miller C.* Genre as social action // *Quarterly Journal of Speech*. 1984. Vol. 70, № 2. P. 151–167.
5. *Miller C.* Genre as social action (1984), revisited 30 years later (2014) // *Letras & Letras*. 2015. December. P. 56–72.
6. *Miller C., Shepherd D.* Questions for genre theory from the blogosphere // *Genres in the internet: Issues in the theory of genre*. 2009. P. 263–290.
7. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Литературно-критические статьи*. М., 1986. С. 428–472.
8. *Дементьев В.В.* Речежанровые заимствования // *Структуры и функции: исследования по русистике*. 2016. Т. 2, № 2. С. 53.
9. *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст) : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002.
10. *Agha A.* Language and social relations // *Studies in the social and cultural foundations of language*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
11. *Blommaert J.* Discourse: A critical introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
12. *Blommaert J.* Meaning as a nonlinear effect: The birth of cool // *AILA Review*. 2015. Vol. 28. P. 7–27.
13. *Chouliaraki L., Fairclough N.* Discourse in late modernity: Rethinking critical discourse analysis. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1999.
14. *Hodge R., Kress G.* Social semiotics. Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1988.
15. *Lüders M., Pröitz L., Rasmussen T.* Emerging personal media genres // *New Media & Society*. 2010. Vol. 12, № 6. P. 947–963.
16. *Scollon R., Scollon S.W.* Nexus analysis: Discourse and the emerging internet. London ; New York : Routledge, 2004. 198 p.
17. *Swales J.M.* Research genres: Explorations and applications. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
18. *Giltrow J., Stein D.* Genres in the Internet. Innovation, evolution, and genre theory // *Genres in the internet: Issues in the theory of genre* / ed. by J. Giltrow, D. Stein. John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 1–26.
19. *Xia S.A.* Genre Analysis in the Digital Era: Developments and Challenges. 2020. Vol. 8. P. 141–159.

20. *Askehave I., Nielsen A.E.* Digital genres: A challenge to traditional genre theory // Information technology and people / ed. by E.N. Anne, B.H. Kwaśnik, K. Crowston. 2005. Vol. 18, № 2. P. 120–141.
21. *Schulz W.* Reconstructing mediatization as an analytical concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19, № 1. P. 87–101.
22. *Hiippala T.* An overview of research within the Genre and Multimodality framework // Discourse, Context and Media. 2017. Vol. 20.
23. *Silverstein M.* Metapragmatic discourse and metapragmatic function // Reflexive language: Reported speech and metapragmatics / ed. by J. A. Lucy. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 33–58.
24. *Spitzmüller J.* Graphic variation and graphic ideologies: A metapragmatic approach // Social Semiotics. 2015. Vol. 25, № 2. P. 126–141.
25. *Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 300–313.
26. *Деметьев В.В.* Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические и речевые характеристики // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 62–78.
27. *Крылов Ю.В., Стеклова Т.И.* Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 53–61.
28. *Щипунина Л.Ю.* Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226.
29. *Щурина Ю.В.* Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной сети Instagram // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 155–165.
30. *Silverstein M.* Shifters, linguistic categories, and cultural description // Meaning in anthropology / ed. by K.H. Basso, H.A. Selby. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1976. P. 11–55.
31. *Silverstein M.* The Three Faces of “Function”: Preliminaries to a Psychology of Language // Social and functional approaches to language and thought / ed. by Maya Hickmann. Orlando : Academic Press, 1987. P. 17–38.
32. *Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M.* Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. London ; New York : Continuum, 1999.
33. *Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M.* An introduction to functional grammar. London : Hodder Education, 2004.
34. *Fairclough N.* Analysing discourse: Textual analysis for social research. London ; New York : Routledge, 2003.
35. *Silverstein M.* The indeterminacy of contextualization: When is enough enough? // The contextualization of language / eds. by Peter Auer, Aldo Di Luzio. John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 55–76.
36. *Eckert P.* Variation and the indexical field // Journal of Sociolinguistics. 2008. Vol. 12, № 4. P. 453–476.
37. *Levinson S. C.* Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1983.
38. *Brown R., Gilman A.* The Pronouns of Power and Solidarity // Style in Language / ed. by T.A. Sebeok. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1960. P. 253–276.
39. *Silverstein M.* Language structure and linguistic ideology // The elements: A parsession on linguistic units and levels / ed. by P.R. Clyne, W.F. Hanks, C.L. Hofbauer. Chicago : Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
40. *Agha A.* Voice, footing, enregisterment // Journal of Linguistic Anthropology. 2005. Vol. 15, № 1. P. 38–59.
41. *Verschueren J.* Notes on the role of metapragmatic awareness in language use // Pragmatics. 2000. Vol. 10, № 4. P. 439–456.
42. *Coupland N.* Style: Language variation and identity. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 209 p.

43. Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 1 (17). С. 135–147.

44. Jenkins R. Social identity. London ; New York : Routledge, 2004. 218 p.

45. Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour // Social Science Information/sur les sciences sociales. 1974. Vol. 13, № 2. P. 65–93.

46. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза информационного обеспечения выборов (на материале президентской кампании 2018 г.) // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 2. С. 148–163.

47. Verschueren J. Understanding pragmatics // Understanding pragmatics. London : Edward Arnold, 1999.

48. Ventola E. Problems of modelling and applied issues within the framework of genre // WORD. 1989. Vol. 40, № 1–2. P. 129–161.

49. Кожина М.Н. Речевой акт и речевой жанр (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов, 1999. С. 52–61.

50. Devitt A.J. Generalizing about Genre: New Conceptions of an Old Concept // College Composition and Communication. National Council of Teachers of English, 1993. Vol. 44, № 4. P. 573–586.

51. Devitt A.J. Re-fusing form in genre study // Genres in the internet: Issues in the theory of genre / ed. by J. Giltrow, D. Stein. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 27–48.

52. Devitt A.J. Genre performances: John Swales' Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies // Journal of English for Academic Purposes. 2015. Vol. 19. P. 44–51.

53. Askehave I., Swales J.M. Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution // Applied Linguistics. 2001. Vol. 22, № 2. P. 195–212.

54. Bhatia V.K. Analysing genre: Language use in professional settings. London ; New York : Longman, 1993.

55. Swales J.M. Genre analysis: English in academic and research settings. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.

56. Bhatia V.K. Critical genre analysis: Theoretical preliminaries // HERMES – Journal of Language and Communication in Business. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.

57. Moreno A.I., Swales J.M. Strengthening move analysis methodology towards bridging the function-form gap // English for Specific Purposes. 2018. Vol. 50. P. 40–63.

58. Swales J.M. Genre and engagement // Revue belge de philologie et d'histoire. 1993. Vol. 71, № 3. P. 687–698.

59. Blommaert J., Smits L., Yacoubi N. Context and its complications // Tilburg Papers in Culture Studies. Vol. 208. Tilburg : Tilburg University, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/325347012_Context_and_its_complications (accessed: 09.07.2020).

60. Martín P. Genre and discourse community // ES: Revista de filología inglesa. 2003. Vol. 25, № 25. P. 153–166.

61. Skalicky S. Was this analysis helpful? A genre analysis of the Amazon.com discourse community and its “most helpful” product reviews // Discourse, Context & Media. 2013. Vol. 2, № 2. P. 84–93.

62. Szabla M., Blommaert J. Does context really collapse in social media interaction? // Applied Linguistics Review. 2018. Vol. 9, № 2.

63. Hyland K. Persuasion, interaction and the construction of knowledge: Representing self and others in research writing // International Journal of English Studies. 2008. Vol. 8, № 2. P. 1–23.

64. Maswana S., Kanamaru T., Tajino A. Move analysis of research articles across five engineering fields: What they share and what they do not // Ampersand. 2015. Vol. 2. P. 1–11.

65. Swales J.M., Rogers P. Discourse and the projection of corporate culture: The mission statement // Discourse & Society. 1995. Vol. 6, № 2. P. 223–242.

66. *Boyd M.S.* (New) participatory framework on YouTube? Commenter interaction in US political speeches // *Journal of Pragmatics*. 2014. Vol. 72. P. 46–58.
67. *Lehti L. et al.* Linguistic analysis of online conflicts: A case study of flaming in Smokahontas comment thread in YouTube // *WiderScreen*. 2016. № 1–2. URL: <http://widerscreen.fi/numerot/2016-1-2/linguistic-anaead-on-youtube> (accessed: 09.07.2020).
68. *Talbot M.M.* Media discourse: Representation and interaction. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007.
69. *Andersen T.H., van Leeuwen T.J.* Genre crash: The case of online shopping // *Discourse, Context & Media*. 2017. Vol. 20. P. 191–203.
70. *Ordinary* lifestyles: Popular media, consumption and taste / ed. by D. Bell, J. Hollows. Maidenhead : Open University Press, 2005.
71. *Historicizing* lifestyle: Mediating taste, consumption and identity from the 1900s to 1970s / ed. by D. Bell, J. Hollows. London ; New York : Routledge, 2006.
72. *Machin D., van Leeuwen T.* Language style and lifestyle: The case of a global magazine // *Media, Culture & Society*. 2005. Vol. 27, № 4. P. 577–600.
73. *Machin D., van Leeuwen T.* Global media discourse: A critical introduction. London : Routledge, 2007.
74. *Raisborough J.* Lifestyle media and the formation of the self. Houndmills : Palgrave Macmillan UK, 2011.
75. *Martin J.R.* The Discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis // *RJL*. 2017. Vol. 21, № 1. P. 22–47.
76. *Martin J.R., White P.R. R.* The language of evaluation. London : Palgrave Macmillan UK, 2005.
77. *White P.R.R.* Exploring the axiological workings of ‘reporter voice’ news stories – Attribution and attitudinal positioning // *Discourse, Context & Media*. 2012. Vol. 1, № 2. P. 57–67.
78. *White P.R.R.* Taking Bakhtin Seriously: Dialogic effects in written, mass communicative discourse, *Japanese Journal of Pragmatics*, V.12 // *Japanese Journal of Pragmatics*. 2010. Vol. 12. P. 37–53.
79. *Wood M.K.* What makes a vlog a vlog? // *Diggit Magazine*. 2019. URL: <https://www.diggitmagazine.com/academic-papers/what-makes-vlog-vlog> (accessed: 05.07.2020).
80. *Луциков В.А., Терских М.В.* Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*. 2018. Т. 4, № 14. С. 57–75.
81. *Текутьева И.А.* Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // *Медиа среда*. 2016. № 11. С. 107–113.
82. *Bhatia V.K.* Generic patterns in promotional discourse // *Persuasion across genres: A linguistic approach* / ed. by H. Halmari, T. Virtanen. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 213–225.
83. *Cook G.* The discourse of advertising. 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2001.
84. *Дементьев В.В.* Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 63. С. 5–27.
85. *Serrano M.J., Aijyn O.M.Á.* Discourse objectivization, social variation and style of Spanish second-person singular tú. 2014. Vol. 48. P. 225.
86. *Bauman R., Briggs C.L.* Poetics and performance as critical perspectives on language and social life // *Annual Review of Anthropology*. 1990. Vol. 19. P. 59–88.
87. *Bateman J.A.* Triangulating transmediality: A multimodal semiotic framework relating media, modes and genres // *Discourse, Context & Media*. 2017. Vol. 20. P. 160–174.
88. *Купрещенко О.Ф.* Учебный лонгрид как мультимодальный текст: к вопросу о специфике жанра // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11, № 2. С. 69–77.

References

1. Briggs, C.L. & Bauman, R. (1992) Genre, intertextuality, and social power. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2 (2). pp. 131–172.
2. Günthner, S. & Knoblauch, H. (1995) Culturally patterned speaking practices – the analysis of communicative genres. *Pragmatics*. *Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA)*. 5 (1). pp. 1–32.
3. Hanks, W.F. (1987) Discourse genres in a theory of practice. *American Ethnologist*. 14 (4). pp. 668–692.
4. Miller, C. (1984) Genre as social action. *Quarterly Journal of Speech*. 70 (2). pp. 151–167.
5. Miller, C. (2015) Genre as social action (1984), revisited 30 years later (2014). *Letras & Letras*. December. pp. 56–72.
6. Miller, C. & Shepherd, D. (2009) Questions for genre theory from the blogosphere. In: Giltrow, J. & Stein, D. (eds) *Genres in the internet: Issues in the theory of genre*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co. pp. 263–290.
7. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 428–472.
8. Dement'ev, V.V. (2016) Rechezhanrovye zaimstvovaniya [Speech-genre borrowings]. *Struktury i funktsii: issledovaniya po rusistike*. II (2).
9. Salimovskiy, V.A. (2002) *Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (russkiy nauchnyy akademicheskiiy tekst)* [Genres of speech in functional and stylistic coverage (Russian scientific academic text)]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
10. Agha, A. (2007) Language and social relations. In: *Studies in the social and cultural foundations of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Blommaert, J. (2015) Meaning as a nonlinear effect: The birth of cool. *AILA Review*. 28. pp. 7–27.
13. Chouliaraki, L. & Fairclough, N. (1999) *Discourse in late modernity: Rethinking critical discourse analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
14. Hodge, R. & Kress, G. (1988) *Social semiotics*. Ithaca; New York: Cornell University Press.
15. Lüders, M., Prøitz, L. & Rasmussen, T. (2010) Emerging personal media genres. *New Media & Society*. 12 (6). pp. 947–963.
16. Scollon, R. & Scollon, S.W. (2004) *Nexus analysis: Discourse and the emerging internet*. London; New York: Routledge.
17. Swales, J.M. (2004) *Research genres: Explorations and applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Giltrow, J. & Stein, D. (2009) Genres in the Internet. Innovation, evolution, and genre theory. In: Giltrow, J. & Stein, D. (eds) *Genres in the internet: Issues in the theory of genre*. John Benjamins Publishing Company. pp. 1–26.
19. Xia, S.A. (2020) Genre Analysis in the Digital Era: Developments and Challenges. *ESP Today*. 8. pp. 141–159.
20. Askehave, I. & Nielsen, A.E. (2005) Digital genres: A challenge to traditional genre theory. In: Anne, E.N., Kwaśnik, B.H. & Crowston, K. (eds) *Information technology and people*. 18 (2). pp. 120–141.
21. Schulz, W. (2004) Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication*. 19 (1). pp. 87–101.
22. Hiippala, T. (2017) An overview of research within the Genre and Multimodality framework. *Discourse, Context and Media*. 20.

23. Silverstein, M. (1993) Metapragmatic discourse and metapragmatic function. In: Lucy, J.A. (ed.) *Reflexive language: Reported speech and metapragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 33–58.
24. Spitzmüller, J. (2015) Graphic variation and graphic ideologies: A metapragmatic approach. *Social Semiotics*. 25 (2). pp. 126–141.
25. Goroshko, E.I. & Polyakova, T.L. (2019) Instagram as Genre 2.0 (Political Communication Case). *Zhany rechii – Speech Genres*. 4 (24). pp. 300–313.
26. Dement'ev, V.V. (2020) Online Tests in the News Browser: Linguistic and Speech Genre Characteristics. *Zhany rechii – Speech Genres*. 1 (25). pp. 62–78. (In Russian).
27. Krylov, Yu.V. & Steksova, T.I. (2020) New Genres of Internet Communication (Based on Demotivators and Memes). *Zhany rechii – Speech Genres*. 1 (25). pp. 53–61. (In Russian).
28. Shchipitsina, L.Yu. (2019) Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Zhany rechii – Speech Genres*. 3 (23). pp. 215–226. (In Russian).
29. Shchurina, Yu.V. (2020) Speech Genres of the Russian Language Segment of Instagram Social Network. *Zhany rechii – Speech Genres*. 2 (26). pp. 155–165.
30. Silverstein, M. (1976) Shifters, linguistic categories, and cultural description. In: Basso, K.H. & Selby, H.A. (eds) *Meaning in anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press. pp. 11–55.
31. Silverstein, M. (1987) The Three Faces of “Function”: Preliminaries to a Psychology of Language. In: Hickmann, M. (ed.) *Social and functional approaches to language and thought*. Orlando: Academic Press. pp. 17–38.
32. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M.I.M. (1999) *Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition*. London; New York: Continuum.
33. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M.I.M. (2004) *An introduction to functional grammar*. London: Hodder Education.
34. Fairclough, N. (2003) *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London; New York: Routledge.
35. Silverstein, M. (1992) The indeterminacy of contextualization: When is enough enough? In: Auer, P. & Di Luzio, A. (eds) *The contextualization of language*. John Benjamins Publishing Company. pp. 55–76.
36. Eckert, P. (2008) Variation and the indexical field. *Journal of Sociolinguistics*. 12 (4). pp. 453–476.
37. Levinson, S.C. (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Brown, R. & Gilman, A. (1960) The Pronouns of Power and Solidarity. In: Sebeok, T.A. (ed.) *Style in Language*. Cambridge, Mass.: MIT Press. pp. 253–276.
39. Silverstein, M. (1979) Language structure and linguistic ideology. In: Clyne, P.R., Hanks, W.F. & Hofbauer, C.L. (eds) *The elements: A parasession on linguistic units and levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society. pp. 193–247.
40. Agha, A. (2005) Voice, footing, enregisterment. *Journal of Linguistic Anthropology*. 15 (1). pp. 38–59.
41. Verschueren, J. (2000) Notes on the role of metapragmatic awareness in language use. *Pragmatics*. 10 (4). pp. 439–456.
42. Coupland, N. (2007) *Style: Language variation and identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
43. Chernyavskaya, V.E. (2020) Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 1 (17). pp. 135–147. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
44. Jenkins, R. (2004) *Social identity*. London; New York: Routledge.
45. Tajfel, H. (1974) Social identity and intergroup behaviour. *Social Science Information / Sur les sciences sociales*. 13 (2). pp. 65–93.

46. Kara-Murza, E.S. (2019) Linguistic expertise of information support of elections (based on the presidential campaign of 2018). *Medialingvistika – Media Linguistics Journal*. 6 (2). pp. 148–163.
47. Verschueren, J. (1999) *Understanding pragmatics*. London: Edward Arnold.
48. Ventola, E. (1989) Problems of modelling and applied issues within the framework of genre. *WORD*. 40 (1–2). pp. 129–161.
49. Kozhina, M.N. (1999) Rechevoy akt i rechevoy zhanr (nekotorye aspekty problemy) [Speech act and speech genre (some aspects of the problem)]. In: Gol'din, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra “Kolledzh”. pp. 52–61.
50. Devitt, A.J. (1993) Generalizing about Genre: New Conceptions of an Old Concept. *College Composition and Communication*. 44 (4). pp. 573–586.
51. Devitt, A.J. (2009) Re-fusing form in genre study. In: Giltrow, J. & Stein, D. (eds) *Genres in the internet: Issues in the theory of genre*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 27–48.
52. Devitt, A.J. (2015) Genre performances: John Swales’ Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies. *Journal of English for Academic Purposes*. 19. pp. 44–51.
53. Askehave, I. & Swales, J.M. (2001) Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution. *Applied Linguistics*. 22 (2). pp. 195–212.
54. Bhatia, V.K. (1993) *Analysing genre: Language use in professional settings*. London; New York: Longman.
55. Swales, J.M. (1990) *Genre analysis: English in academic and research settings*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
56. Bhatia, V.K. (2015) Critical genre analysis: Theoretical preliminaries. *HERMES – Journal of Language and Communication in Business*. 27 (54). pp. 9–20.
57. Moreno, A.I. & Swales, J.M. (2018) Strengthening move analysis methodology towards bridging the function-form gap. *English for Specific Purposes*. 50. pp. 40–63.
58. Swales, J.M. (1993) Genre and engagement. *Revue belge de philologie et d’histoire*. 71 (3). pp. 687–698.
59. Blommaert, J., Smits, L. & Yacoubi, N. (2018) Context and its complications. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 208. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/325347012_Context_and_its_complications (Accessed: 09.07.2020).
60. Martín, P. (2003) Genre and discourse community. *ES: Revista de filología inglesa*. 25 (25). pp. 153–166.
61. Skalicky, S. (2013) Was this analysis helpful? A genre analysis of the Amazon.com discourse community and its “most helpful” product reviews. *Discourse, Context & Media*. 2 (2). pp. 84–93.
62. Szabla, M. & Blommaert, J. (2018) Does context really collapse in social media interaction? *Applied Linguistics Review*. 9 (2).
63. Hyland, K. (2008) Persuasion, interaction and the construction of knowledge: Representing self and others in research writing. *International Journal of English Studies*. 8 (2). pp. 1–23.
64. Maswana, S., Kanamaru, T. & Tajino, A. (2015) Move analysis of research articles across five engineering fields: What they share and what they do not. *Ampersand*. 2. pp. 1–11.
65. Swales, J.M. & Rogers, P. (1995) Discourse and the projection of corporate culture: The mission statement. *Discourse & Society*. 6 (2). pp. 223–242.
66. Boyd, M.S. (2014) (New) participatory framework on YouTube? Commenter interaction in US political speeches. *Journal of Pragmatics*. 72. pp. 46–58.
67. Lehti, L. et al. (2016) Linguistic analysis of online conflicts: A case study of flaming in Smokahontas comment thread in YouTube. *WiderScreen*. 1–2. [Online] Available from: <http://widerscreen.fi/numerot/2016-1-2/linguistic-anaead-on-youtube> (Accessed: 09.07.2020).

68. Talbot, M.M. (2007) *Media discourse: Representation and interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
69. Andersen, T.H. & van Leeuwen, T.J. (2017) Genre crash: The case of online shopping. *Discourse, Context & Media*. 20. pp. 191–203.
70. Bell, D. & Hollows, J. (eds) (2005) *Ordinary lifestyles: Popular media, consumption and taste*. Maidenhead: Open University Press.
71. Bell, D. & Hollows, J. (eds) (2006) *Historicizing lifestyle: Mediating taste, consumption and identity from the 1900s to 1970s*. London; New York: Routledge.
72. Machin, D. & van Leeuwen, T. (2005) Language style and lifestyle: The case of a global magazine. *Media, Culture & Society*. 27 (4). pp. 577–600.
73. Machin, D. & van Leeuwen, T. (2007) *Global media discourse: A critical introduction*. London: Routledge.
74. Raisborough, J. (2011) *Lifestyle media and the formation of the self*. Houndmills: Palgrave Macmillan UK.
75. Martin, J.R. (2017) The Discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis. *RJL*. 21 (1). pp. 22–47.
76. Martin, J.R. & White, P.R.R. (2005) *The language of evaluation*. London: Palgrave Macmillan UK.
77. White, P.R.R. (2012) Exploring the axiological workings of ‘reporter voice’ news stories – Attribution and attitudinal positioning. *Discourse, Context & Media*. 1 (2). pp. 57–67.
78. White, P.R.R. (2010) Taking Bakhtin Seriously: Dialogic effects in written, mass communicative discourse, Japanese Journal of Pragmatics, V.12. *Japanese Journal of Pragmatics*. 12. pp. 37–53.
79. Wood, M.K. (2019) What makes a vlog a vlog? *Diggit Magazine*. [Online] Available from: <https://www.diggitmagazine.com/academic-papers/what-makes-vlog-vlog> (Accessed: 05.07.2020).
80. Lushchikov, V.A. & Terskikh, M.V. (2018) Video Blogging Genre, Thematic and Linguistic Properties. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 4 (14). pp. 57–75. (In Russian).
81. Tekut’eva, I.A. (2016) Zhanrovo-tematicheskaya klassifikatsiya videobloginga [Genre-thematic classification of video blogging]. *Mediasreda*. 11. pp. 107–113.
82. Bhatia, V.K. (2005) Generic patterns in promotional discourse. In: Halmari, H. & Virtanen, T. (eds) *Persuasion across genres: A linguistic approach*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 213–225.
83. Cook, G. (2001) *The discourse of advertising*. 2nd ed. London; New York: Routledge.
84. Dement’ev, V.V. (2020) Headlines With Figures in the Media: A Structural and Functional Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 63. pp. 5–27. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/63/1
85. Serrano, M.J. & Aijun, O.M.Á. (2014) Discourse objectivization, social variation and style of Spanish second-person singular tú. *Folia Linguistica*. 48. DOI: 10.1515/flin.2014.007
86. Bauman, R. & Briggs, C.L. (1990) Poetics and performance as critical perspectives on language and social life. *Annual Review of Anthropology*. 19. pp. 59–88.
87. Bateman, J.A. (2017) Triangulating transmediality: A multimodal semiotic framework relating media, modes and genres. *Discourse, Context & Media*. 20. pp. 160–174.
88. Kupreshchenko, O.F. (2020) Educational Digital Longform Article as a Multimodal Text: On the Issue of the Genre Specifics. *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie – Society. Communication. Education*. 11 (2). pp. 69–77. (In Russian).

Информация об авторе:

Молодыхенко Е.Н. – канд. филол. наук, доцент Департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: emolodychenko@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Molodychenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: emolodychenko@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2020;
одобрена после рецензирования 10.07.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 20.09.2020;
approved after reviewing 10.07.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 81'371
doi: 10.17223/19986645/75/5

Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»

Манаткуль Шаяхметовна Мусатаева¹,
Ирина Васильевна Котлярова²

^{1,2} *Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан*
¹ *mussatayeva@mail.ru*
² *kotlyarova_1984@mail.ru*

Аннотация. Проводится реконструкция эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» на материале лексикографических источников, а также текстов Национального корпуса русского языка. Построены семантические константы концептов в виде условия, причины и цели. Показана динамика страдания человека: от типично русского переживания легкой грусти и печали, переходящей в тоску, до вселенского горя, причиной которого являются беда и несчастье, что отмечается в отличительных признаках и в истории слов.

Ключевые слова: концепт, концептум, концептуальный квадрат, сема, семантическая константа, семантический признак

Для цитирования: Мусатаева М.Ш., Котлярова И.В. Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 94–119. doi: 10.17223/19986645/75/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/5

Modeling emotional concepts: Anguish, sadness, sorrow, grief

Manatkul Sh. Mussatayeva¹, Irina V. Kotlyarova²

^{1,2} *Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan*
¹ *mussatayeva@mail.ru*
² *kotlyarova_1984@mail.ru*

Abstract. Despite the presence of a certain number of works on the emotional concepts of anguish, sadness, sorrow, and grief, they need further research since they are key concepts of culture that are nationally unique and culturally significant in the Russian language picture of the world. The constantly growing arsenal of methods of

linguistic research allows taking a new look and filling in the gaps in the study of this problem. The aim of the article is an attempt to reconstruct the concepts of anguish, sadness, sorrow, and grief on the basis of lexicographic sources of various typologies and texts extracted from the main and poetic subcorpora of the Russian National Corpus. The research methods were: conceptual analysis in modeling concepts based on semantic groups of attributes; semantic analysis at the stage of identifying the main seme and determining groups of attributes; comparative analysis of semantic relations; method of quantitative characteristics of data from the National Corpus of Russian, English, German and French Languages. At the first stage, the main semes are identified; the upper points of the concept square are determined (the concept of the cause and the image of the condition); the classification of semantic groups of attributes (typical, symbolic, deep, intense and long) is presented; the content of the concept, as well as its volume, has been recreated by considering adjectival attributes and predicates on the material of the *Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language* and the classical texts of the subcorpora of the Russian National Corpus. At the second stage, the semantic constants of the emotional concepts “anguish”, “sadness”, “sorrow”, “grief” are constructed as conditions, causes and purposes through the results of a network of semantic relations. At the third stage, using etymological research the conceptum is constructed (constant signs of concepts are identified): “anguish” – constraint of the spirit, excitement and anxiety; “sadness” – contrition, sorrow; “sorrow” – care, concern; “grief” – misfortune, unhappiness. A conclusion is made about the dynamics of manifestation of mental suffering of a Russian person, the degree, depth and nature of emotions. The description of emotional concepts demonstrates the successive development of emotion: from a typical Russian experience of mild sadness and sorrow, turning into anguish, to universal grief, the cause of which is misfortune and unhappiness, which is noted in the distinctive features and in the history of the development of words. It seems that the results of the study will contribute to a significant expansion of the traditional idea of emotional concepts and make a certain contribution to the study of the Russian conceptsphere.

Keywords: concept, conceptum, concept square, seme, semantic constant, semantic attribute

For citation: Mussatayeva, M.Sh. & Kotlyarova, I.V. (2022) Modeling emotional concepts: Anguish, sadness, sorrow, grief. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 94–119. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/5

На современном этапе развития лингвокогнитологии и лингвоконцептологии актуальными являются исследования внутреннего мира человека. «Тоска», «грусть», «печаль» и «горе» – концепты из класса психических (духовных) концептов эмоций, которые формируют концепты внутреннего мира человека. Выбор в качестве объекта исследования концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» обусловлен их культурологической значимостью в русской картине мира. Национальную уникальность концептов отмечают В.Н. Базылев [1. С. 161–171], Р.М. Валиева [2. С. 67–71], А.Ш. Василова [3. С. 48–50], А. Вежбицкая [4. С. 33–37], [5. С. 503–525], И.Ю. Вертелова [6. С. 228–236], И.А. Волостных [7. Т. 12. С. 534–537], Е.В. Димитрова [8. Т. 1. С. 268–273], И.Г. Заяц [9. С. 959–968], Д.В. Колесова [10. С. 75–85], Н.А. Красавский [11. С. 113–118], Л.В. Мальцева [12.

С. 260–270], В.А. Маслова [13. С. 237–241], Е.А. Пименов [14. С. 89–94], С.А. Старостина [15. С. 224–227], Ю.С. Степанов [16], Е.Е. Стефанский [17. С. 329–345], А.Л. Топорков [18. С. 114–120], Е.В. Урысон [19. С. 1165–1170], В.И. Шаховский [20], А.Д. Шмелев [21], [22. С. 25–36], К.В. Шмугурова [23. С. 216–222] и др. А. Вежбицкая противопоставляет эмоциональные концепты «печаль» и «грусть» по линии «объективированности – субъективности», «причинности – беспричинности», «оценочности» и «длительности» [5. С. 503–525]. Е.Е. Стефанский дополняет, подразделяя концепты на основе «идеи личностного и коллективного приоритета»: «тоска», «печаль» – социальное и коллективное, а «грусть» – личностное, субъективное чувство, которое характерно для русского человека [17. С. 329–345]. А.Д. Шмелев подтверждает, что «тоска» несет печать «бескрайних русских пространств», что связано с широтой русской души [22. С. 25–36].

В современной когнитивной лингвистике выделяются основные направления исследования концептов, которые имеют собственные методические установки и представляют научные школы концептуальных исследований:

- лингвокультурологическое – исследование концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями «от языка к культуре» (В.В. Воробьев [24], Ю.С. Степанов [16], С.Г. Воркачев [25] и др.);

- семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов «от семантики языка к концептосфере» (А. Вежбицкая [5. С. 503–525], Е.С. Кубрякова [26], Н.Н. Болдырев [27] и др.);

- психолингвистическое – исследование процессов и механизмов речевой деятельности в ее соотнесенности с системой языка (А.А. Залевская [28], В.В. Красных [29] и др.);

- лингвофилософское – направление, изучающее русскую ментальность не только типологически, но и логически, учитывая национальное мирозерцание, комплексно в единстве психологического и социокультурного на основе синтеза основных признаков концепта, который понимается как инвариант понятия, способный к развитию во времени «от языка к философии» (В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов [30, 31], В.В. Колесов [32. С. 723–729] и др.).

О принадлежности рассматриваемых концептов к универсальным, базовым, присущим носителям разных языков и культур свидетельствуют научные исследования: базовые человеческие эмоции «тоска», «грусть», «печаль», «гнев» на материале английского языка [5. С. 503–525]; константы русской культуры – от слова-вещи к познанию идеи как цели [16]; диахронический логико-концептуальный, лингвофилософский анализ русской ментальности [30, 31].

Изучение универсальных концептов, безусловно содержащих в каждом национальном языке культурный компонент, вызывает большой исследовательский интерес. Приведем ряд работ, подтверждающих актуальность

данной проблемы. В сопоставительном аспекте рассматриваются: концепты «радость», «горе», «страх» в русском и башкирском языках [2. С. 67–71]; концепт «тоска» в русском и французском языках [8. Т. 1. С. 268–273]; концепты «тоска», «грусть», «печаль» в русской, польской и чешской языковой картине мира [17. S. 329–345] и др.; в художественной картине мира – концепт «тоска»: в лирике М.И. Цветаевой [15. С. 224–227]; на материале произведений И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского [23. С. 216–222] и др.; в лингвокультурологическом аспекте – концепт «горе» в русской культуре [1. С. 161–171]; концепты «страх», «печаль» в русской и французской лингвокультуре [7. Т. 12. С. 534–537]; концепт «тоска» в татарской лингвокультуре [3. С. 48–50].

В данной статье делается попытка реконструкции семантических констант, конструирование концептумов – последовательное выявление специфики признаков каждого из эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», входящих в класс психических (духовных) концептов, связанных общностью эмоции переживания страдания в русском языковом сознании. Моделирование концептов осуществляется на материале лексикографических источников различной типологии, а также текстов, извлеченных из основного и поэтического подкорпусов Национального корпуса русского языка. Для достижения поставленной цели (реконструкции) реализуются такие задачи, как выявление основных сем на уровне концептуального квадрата; осуществление классификации семантических групп признаков (типичные, символические, глубинные, интенсивные и длительные); воссоздание содержания рассматриваемых концептов посредством анализа определений-прилагательных и предикатов на уровне текста; установление констант эмоциональных концептов (условия, причины и цели) с помощью сети семантических отношений.

Уровень концептуального квадрата

Материал толковых словарей позволяет выявить основные *семы* лексем *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*:

Лексема *тоска* имеет 7 сем: ‘стеснение’ – духовное (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385], ‘чувство’ – тяжелое гнетущее (внешний признак) [34. Т. 4. С. 389; 35. С. 1104], ‘томление’ – душевное (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385; 34. Т. 4. С. 389; 36. Т. 15. С. 705; 37. С. 3876], ‘тревога’ – душевная (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385; 34. Т. 4. С. 389; 35. С. 1104; 36. Т. 15. С. 705; 37. С. 3876; 38. С. 803], ‘грусть’ – мучительная (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385; 36. Т. 15. С. 705; 37. С. 3876], ‘скука’ – сильная (внешний признак) [33. Т. 4. С. 385; 34. Т. 4. С. 389; 37. С. 3876; 38. С. 803], ‘нойка’ – сердечная (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385].

Лексема *грусть* включает 2 семы: ‘уныние’ – легкое (внешний признак) [35. С. 197; 37. С. 768; 38. С. 151; 39. Т. 3. С. 447; 40. Т. 1. С. 353], ‘не-

чаль' – тоскливая (внутренний признак) [35. С. 197; 37. С. 768; 38. С. 151; 39. Т. 3. С. 447; 40. Т. 1. С. 353; 41. Т. 1. С. 355].

Лексема *печаль* содержит 3 семы: 'горечь' – душевная (внутренний признак) [38. С. 514; 42. Т. 9. С. 1128; 43. Т. 3. С. 117], 'боль' – душевная (внутренний признак) [44. Т. 3. С. 96], 'настроение' – скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое (внутренний признак) [35. С. 673; 37. С. 3682].

Лексема *горе* имеет в составе 2 семы: 'страдание' – душевное (внутренний признак) [39. Т. 3. С. 277], 'печаль' – глубокая (внешний признак) [37. С. 762; 38. С. 142; 39. Т. 3. С. 277; 41. Т. 1. С. 334].

Таким образом, лексема *тоска* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [33. Т. 4. С. 385] имеет наибольшее количество сем – 6, а в Словарях русского языка А.П. Евгеньевой [34. Т. 4. С. 389] и Д.Н. Ушакова [37. С. 3876] отмечается 4 семы, в Словаре современного русского литературного языка [36. Т. 15. С. 705] – 3 семы, в Словарях русского языка С.И. Ожегова [38. С. 803] и А.Н. Тихонова [35. С. 1104] – 2 семы.

Лексема *грусть* в Словаре современного русского литературного языка [39. Т. 3. С. 447] и Словарях русского языка А.П. Евгеньевой [40. Т. 1. С. 353], С.И. Ожегова [38. С. 151], А.Н. Тихонова [35. С. 197], Д.Н. Ушакова [37. С. 768] содержит 2 семы за исключением Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля [41. Т. 1. С. 355], в котором выделяется только 1 сема.

У лексем *печаль* в Словаре современного русского литературного языка [42. Т. 9. С. 1128] и Словарях русского языка В.И. Даля [44. Т. 3. С. 96], А.П. Евгеньевой [43. Т. 3. С. 117], С.И. Ожегова [38. С. 514], А.Н. Тихонова [35. С. 673], Д.Н. Ушакова [37. С. 3682] наблюдается по 1 семе.

Лексема *горе* в Словаре современного русского литературного языка [39. Т. 3. С. 277] имеет в составе 2 семы, а в Словарях русского языка В.И. Даля [41. Т. 1. С. 334], С.И. Ожегова [38. С. 142], Д.Н. Ушакова [37. С. 762] по 1 семе.

На основе выявленных сем эмоциональных концептов определяются верхние точки концептуального квадрата: *понятие причины* и *образ условия*. Так, *причинами тоски* выступает духовное стеснение, *грусти* – возникшее чувство, *печали* – то, что вызвало душевную боль и горечь, а *горя* – то, что обусловило душевное страдание и глубокую печаль. *Образами условиями* являются различные чувства и переживания: для *тоски* – душевное томление, тревога, мучительная грусть и сильная скука; для *грусти* – легкое уныние и тоскливая печаль; для *печали* – душевная горечь и боль; для *горя* – душевное страдание и глубокая печаль. Нижние точки концептуального квадрата: *символ цели* и *концептум основания* – будут представлены в процессе дальнейшего исследования.

Уровень текста

На данном этапе исследования опираемся на следующие работы [32, 45]. Как известно, в Словаре эпитетов русского литературного языка отмечается наибольшее количество эпитетов к лексеме *тоска* – 138 [45. С. 185], к лексеме *грусть* – 80 [45. С. 49–50], к лексеме *печаль* – 79 [45. С. 130–131], к лексеме *горе* – 55 [45. С. 48]. Приведенные эпитеты распределяются нами по пяти признакам согласно классификации [32. С. 723–729]. Так, **типичные признаки** – коренные признаки качества, способные образовывать именные сочетания, ср.: *горькая тоска* – *тоска горечи*, *сердечная грусть* – *грусть сердца*, *унылая печаль* – *печаль уныния*, *тоскливое горе* – *горе тоски* и др. **Глубинные признаки** – внешние признаки, которые даются «со стороны», ср.: *адская тоска*, *светлая грусть*, *глубокая печаль*, *великое горе* и др. **Символические признаки** выражают мифологические, религиозные и иные культурные понятия, закрепленные за словом, репрезентантом концепта: *зеленая тоска*, *желтая грусть*, *светлая печаль*, *темное горе*. **Интенсивные признаки** являются авторскими, метафорически выразительными, но неустойчивыми: *безбрежная тоска*, *сладкая грусть*, *беспросветная печаль*, *лютное горе* и др. **Длительные признаки** представлены определениями *бесконечная*, *вечная*, *долгая*. Последовательное распределение эпитетов позволяет выявить отличительные признаки каждого из эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе». Материал классических текстов подкорпусов Национального корпуса русского языка способствует воссозданию содержания рассматриваемых концептов посредством анализа определений-прилагательных и предикатов с последующим построением семантических констант.

Семантические признаки слова *тоска*

Типичные признаки (13): *горькая, душевная, жгучая, жестокая, ноющая, острая, сердечная, смертельная, смертная (разг.), томительная, тоскливая, тревожная, унылая.*

Символические признаки (4): *зеленая (разг.), серая, темная, черная.*

Глубинные признаки (30): *адская (разг.), бездонная, боязливая, вавилонская, великая, внутренняя, глубокая, глухая, гнетущая, громадная, давящая, затаенная, ледяная, мертвая, мрачная, мутная, немая, низменная, нутряная (разг.), себябуряющая, серая, слепая, суеверная, тайная, темная, тупая, угрюмая, хладная (устар.), холодная, черная.*

Интенсивные признаки (94): *адская (разг.), безбрежная, безвыходная, безграничная, беззвездная, безмерная, безмолвная, безнадежная, безотрадная, безотчетная, безрадостная, безумная, безутешная, безысходная, бесплодная, беспокойная, беспощадная, беспредельная, беспредметная, беспричинная, беспросветная, бессильная, бешенная, веселая, виолончельная, волоокая, волчья, волшебная, грызущая, дикая (разг.), дорожная, жгучая, железная, жестокая, животная, журавлиная, жуткая, застарелая, звериная, зеленая (разг.), злая, злобная, зловещая, канцелярская, коровья, лихорадочная, лютая, молчаливая, мучительная, мушинная, мятая*

(устар. поэт.), невыносимая, невыразимая, неизбывная, неизлечимая, неизъяснимая, неистребимая, необоримая, необъятная, неодолимая, неопределенная, неотвязная, непереносимая, непереносная (прост.), непрестанная, несказанная (разг.), нестерпимая, неукротимая, неутешная, неутолимая, неясная, отчаянная, пасмурная, пронзительная, ревнивая, свинцовая, сильная, сладкая, собачья (разг.), странная, страшная, счастливая, тихая, тяжелая, тяжкая, убийственная, удалая, цепенящая, чарующая, черная, чугунная, щемящая, ядовитая, язвительная (устар.).

Длительные признаки (5): бесконечная, вековая, вечная, вседневная (устар.), непроходящая.

Семантические признаки слова грусть.

Типичные признаки (7): горькая, острая, сердечная, томная, тоскливая, тревожная, унылая.

Символические признаки (3): желтая, светлая, темная.

Глубинные признаки (20): глубокая, глухая, гнетущая, горячая, желтая, задумчивая, затаенная, мечтательная, мрачная, немая, погребальная, робкая, светлая, смутная, сокровенная, сумрачная, тайная, темная, теплая, угрюмая.

Интенсивные признаки (50): безбрежная, безграничная, безмолвная, безнадежная, безотрадная, безумная, безутешная, безысходная, березовая, беспричинная, бессильная, едкая, живая, злая, золоторунная, легкая, лихоманная, мертвящая, молчаливая, неведомая, невыразимая, невысказанная, неизлечимая, неизъяснимая, необоримая, неопределенная, неотвязная, непонятная, непреодолимая, неутешная, отрадная, поэтическая, радостная, разъедающая, расплывчатая, ревнивая, серебряная, сладкая, соломенная, спокойная, старческая, стихийная, странная, суровая, счастливая, тихая, торжественная, тяжелая, щемящая, элегическая.

Длительные признаки (3): бесконечная, весенняя, вечерняя.

Семантические признаки слова печаль.

Типичные признаки (8): горькая, жгучая, жестокая, острая, сердечная, томная (устар.), тоскующая, унылая.

Символические признаки (2): светлая, черная (нар.-поэт.).

Глубинные признаки (19): большая, великая, глубокая, глухая, гнетущая, жаркая, затаенная, немая, подавленная, потаенная, светлая, святая, скрытая, таинственная, тайная, тусклая, угрюмая, холодная, черная (нар.-поэт.).

Интенсивные признаки (48): ангельская, безвыходная, беззаботная, беззащитная, безмолвная, безнадежная, безотрадная, безотчетная, безутешная, безысходная, беспредельная, беспросветная, болтливая, всесветная (устар. поэт.), едкая, злая, итальянская, кроткая, кукушечья, легкая, молчаливая, мужественная, невыносимая, неизбывная, неизлечимая, неизъяснимая, неотвязная, неутешная, отчаянная (разг.), плакучая (устар.), ревнивая (устар.), сильная, сиротская, сладкая, сладостная, спокойная, странная, страстная, страшная (разг.), суровая, тацитовская, терпкая, тихая, тяжелая, тяжкая (устар. поэт.), ужасная (разг.), укуряющая, щемящая.

Длительные признаки (4): бесконечная, бессменная, долгая, мгновенная.

Семантические признаки слова *горе*.

Типичные признаки (4): горькое (нар.-поэт.), жгучее, острое, тоскливое.

Символические признаки (1): темное.

Глубинные признаки (8): большое, великое, глубокое, глухое, гнетущее, огромное, темное, тупое.

Интенсивные признаки (39): безмерное, безнадежное, безутешное, безысходное, беспросветное, бессловесное, вселенское, дикое (разг.), едкое, живое, застарелое, зипунное, злое, крутое, людское, лютое (нар.-поэт.), народное, национальное, невыразимое, негаданное, нежданное, незаживающее, неизбывное, неизмеримое, неисходное (устар.), неожиданное, неумное, неумолимое, неусыльное, неутешное, отчаянное (устар.), сиротливое, сладкое, страшное, тяжелое, тяжкое, ужасное, человеческое, человечье.

Длительные признаки (4): будничное, вечное, ежедневное, непрерывное.

Сравнительный анализ семантических признаков слов *тоска*, *грусть*, *печаль*, *горе* позволяет заключить, что интенсивных признаков наблюдается больше всего, что указывает на их способность к развитию в тексте поэтов и писателей. Типичных и символических признаков установлено значительно меньше, чем глубинных, так как типичные и символические признаки исходят из самого отвлеченного предмета, раскрывают символ, выражают его свойства, а глубинные привносятся извне.

Проверим достоверность распределения признаков эмоциональных концептов посредством проведения сопоставительного анализа с английским, немецким и французским языками.

В английском языке *тоска* – *anguish*, *грусть*, *печаль* и *горе* не различаются, так как имеют общее наименование: *грусть*, *печаль* выступают как *sadness*, так и *sorrow*, а *печаль*, *горе* одновременно как *sorrow* и *grief*. *Тоска* – *anguish* является сильным, интенсивным и продолжительным чувством. *Грусть*, как *sadness*, возникает без видимой причины, поверхностна, вне времени, а *печаль*, как *sorrow* и *grief*, имеет причину, глубинна, отрицательно оценивается, продолжительна во времени. Глубокая печаль в связи с утратой называется *горем* [5. С. 503–525].

В немецком языке *тоска* определяется именем – *die Schwermut*, *грусть*, *печаль* одинаково как *die Traurigkeit*, а *горе* именами *der Gram*, *der Kummer*. Оттенки угнетенного душевного состояния тоски передают наименования: *die Sehnsucht* – тяга-тоска, *das Heimweh* – тоска по Родине, *Fernweh* – тоска по дали, *der Depression* – подавленное состояние. Степень проявления признака печали выражают номинанты: *der Trauer* – нейтральное состояние печали; *das Unglück* – интенсивное состояние печали, вызванное негативными событиями; *die Enttäuschung* – легкое состояние печали, вызванное не сбывшимися ожиданиями и не достигнутыми целями; *der Bedrucktheit* – длительное состояние глубокой печали; *die Sorge* – состояние печали, имеющее внешнюю выраженность. Наблюдается каузальность – закономерная связь причины и действия [11. С. 113–118; 14. S. 89–94].

Во французском языке эмотивные *смыслы тоски* раскрывают эквиваленты: *angoisse, anxiété (тоска)* – чувство беспокойства, тревоги, порождаемое ожиданием опасности; *nostalgie, mal du pays* – тоска по Родине; *nostalgie d'être chers* – тоска по любимым, близким; *tristesse (грусть, печаль)* – тяжелое и продолжительное состояние, переживание, которое не позволяет радоваться; *chagrin (печаль, горе)* – душевное переживание, огорчение, имеющее причину; *amertume, détresse – горе, горечь*; *regret* – сожаление об утраченном; *douleur* – страдание; *langueur, tourment* – томление; *abattement, mélancolie* – уныние; *spleen* – хандра; *ennui* – скука, неприятность, досада. Эквиваленты передают различные семантические признаки тоски: качество, интенсивность, оценку, причину, действие, следствие [7. Т. 12. С. 534–537; 8. Т. 1. С. 268–273].

Таким образом, сопоставительный анализ английского, немецкого и французского языков подтверждает распределение признаков эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль» и «горе». По данным Национальных корпусов русского, английского, немецкого и французского языков [46–49], частотность употребления имен анализируемых концептов можно представить следующим образом в таблице.

Так, для русской, английской и немецкой ментальности наиболее характерным является имя концепта *горе*, а для французской в равной степени *грусть, печаль*, имеющие общее название *tristesse*.

Частотность употребления имен концептов «тоска», «грусть», «печаль» и «горе» в русском, английском, немецком и французском языках

Языки	Имена концептов			
	Тоска/Anguish/ Schwermut/ Angoisse	Грусть/Sadness/ Traurigkeit/ Tristesse	Печаль/Sorrow/ Traurigkeit/ Tristesse	Gope/Grief/ Gram, Kummer/ Chagrin
Русский	8942	3717	5363	21846
Английский	399	346	654	730
Немецкий	141	216	216	679
Французский	229	235	235	110

Поскольку данная статья построена на материале русского языка, объем и содержание рассматриваемых концептов определяем на основании классических текстов подкорпусов Национального корпуса русского языка посредством анализа определений-прилагательных и предикатов [46]:

– слово *тоска* имеет 7 066 употреблений в основном подкорпусе: 804 – в XXI в., 4 342 – в XX в., 1 889 – в XIX в., 31 – в XVIII в.; в поэтическом подкорпусе – 1 876 употреблений: 3 – в XXI в., 1 279 – в XX в., 556 – в XIX в., 38 – в XVIII в.;

– слово *грусть* используется 2 497 раз в основном подкорпусе: 252 – в XXI в., 1 356 – в XX в., 863 – в XIX в., 26 – в XVIII в.; в поэтическом подкорпусе – 1 220 раз: 2 – в XXI в., 718 – в XX в., 417 – в XIX в., 83 – в XVIII в.;

– слово **печаль** имеет 3 333 обращений в основном подкорпусе: 425 – в XXI в., 1 855 – в XX в., 817 – в XIX в., 236 – в XVIII в.; в поэтическом подкорпусе – 2 030 обращений: 4 – в XXI в., 1 144 – в XX в., 729 – в XIX в., 153 – в XVIII в.;

– слово **горе** употребляется 18 232 раза в основном подкорпусе: 1 976 – в XXI в., 9 782 – в XX в., 6 190 – в XIX в., 275 – в XVIII в., 9 – в XVII в.; в поэтическом подкорпусе – 3 614 раз: 15 – в XXI в., 1 878 – в XX в., 1 610 – в XIX в., 111 – в XVIII в.

Сопоставительный анализ семантических признаков показывает, что только концепты «тоска» и «горе» отмечаются как **вечные**: **тоска вечная** – 25 употреблений в основном, 12 в поэтическом подкорпусе; **горе вечное** – 10 употреблений в основном, 11 в поэтическом подкорпусе, согласно Национальному корпусу русского языка [46]:

(1) **тоска вечная**: *Ты проходишь своей дорогою, И руки твоей я не трогаю. Но тоска во мне – слишком вечная, Чтоб была ты мне – первой встречною* (М.И. Цветаева. Подруга. 1915); *Под пеньем строф, под мыслью знающих Сереет Вечная Тоска* (С.Д. Кржижановский. Книжная закладка. 1911–1918); *Созерцаю ли звезды над бездной С человеческой вечной тоской...* (Н.М. Рубцов. Мачты. 1964); *Город, город! Мне уродства твои понятны, Сердце мое сжимается от вечной тоски* (В.И. Горянский. Лавочка сладостей. 1915);

(2) **горе вечное**: *Жизнь – не правда ли? – вечное горе!* (Л.Н. Трефолев. Пытка. 1866–1889); *Не замоет поток долгих лет мое вечное, тихое горе* (А. Белый. Багряница в терниях. 1903); *Дания! Помнит ли ныне твое вечно серое море Про всемирное, вечное горе, Про глухие страдания Принца печального, в черном берете, со шпагой?* (С.М. Соловьев. И.С. Щукину. 1906).

Только концепт «тоска» обладает двувекторным направлением: вверх – высший мир и вниз – в низший мир. Обращение к высшему миру – это **тоска по раю, волшебная, чарующая**:

(3) **Тоска по Раю** – это мечта человека не быть человеком (М. Кундера. Невыносимая легкость бытия. 1984); *Мою печаль ты пил в лучах полных, мой тайный лик провидел на кресте, искал в любви восторгов непорочных, служил невоплотимой красоте, ты был рожден (мои безумны дети!) с тоской волшебной по иной планете!* (Эллис (Л.Л. Кобылинский). Мария. 1905–1913); *Жизнь – обман с чарующей тоскою, Оттого так и сильна она, Что своею грубою рукою Роковые пишет письма* (С.А. Есенин. Жизнь – обман с чарующей тоскою... 1925).

Низший мир представлен **адской, мертвой тоской**:

(4) *Холод снега, Ад тоски, И красива, и могуча, Лира Ваша так печальна, Уводящая в пески* (Н.С. Гумилев. Акростих. 1909–1910); *Земец уехал в Петербург «освежиться», потолковать, узнать – «что же наконец?» – и вообще «нет ли чего новенького», так как там у них, на дне земской жизни, адская тоска, суета бессмысленная, мракобесие, хищничество и вообще «нечем дышать»* (Г.И. Успенский. Кой про что. 1885); *Белозубый рот его был оскален мучительно, как в агонии, в глазах светилась такая*

мертвая тоска, что у Григория сон будто рукой сняло. – Ты чего? – спросил он (М.А. Шолохов. Тихий Дон. 1928–1940).

Тоска описывается как сильная **физическая боль**:

(5) *О, вспомни боль тоски немой, Минут тяжелых испытанье, Покорность в ревности немой, В самом безумии страданья!* (М.А. Лохвицкая. Под звуки вальса. 1892); *Поднял голову немец, глянул на Сашку пустыми, неживыми уже глазами, и предсмертная тоска, шедшая из них, больно хлестнула по Сашкиному сердцу...* (В.Л. Кондратьев. Сашка. 1979).

На уровне текста разграничиваем две позиции слова: определение-прилагательное (содержание понятия) перед концептуальным именем и предикат (его объем) после слова. **Признаки физической боли-тоски** выступают в роли определения-прилагательного и предиката, согласно данным Национального корпуса русского языка [46]: **тоска давящая**, **давила** – по 9 употреблений в основном подкорпусе; **тоска давит** – 14 употреблений в основном, 3 в поэтическом подкорпусе; **тоска ноющая** – 14 употреблений в основном подкорпусе; **тоска ноет** – 3 употребления в основном, 4 в поэтическом подкорпусе; **тоска острая** – 65 употреблений в основном, 2 в поэтическом подкорпусе; **тоска тупая** – 26 употреблений в основном, 9 в поэтическом подкорпусе; **тоска щемящая** – 46 употреблений в основном, 9 в поэтическом подкорпусе; **тоска щемит**, **щемила** – по 4 употребления в основном, 1 в поэтическом подкорпусе:

(6) **давящая / давит, давила**: *Только изредка нападала на него тоска, невыносимая, давящая тоска и он отлучался из дома дня на три, на четыре* (А.К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят. 1871); *Разумеется, я не ожидал их встретить веселыми; но та особенная давящая тоска, с заботой и беспокойством, которую я прочел в их глазах, сразу поразила меня, и я мигом заключил, что «тут, верно, не один покойник причиною»* (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875); *Душу мне давит тоска нестерпимая, Хочется дальше от этих людей...* (А.Н. Апухтин. На бале. 1860–1869); *Одна тоска давит, вторая наваливается, третья душит, дышать не дает* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960); *Дышать было тяжело, точно тяжелая тоска давила грудь* (Ф.К. Сологуб. Королева Ортруда. 1909);

(7) **ноющая / ноет**: *Мной, например, все больше и больше овладевают какая-то ноющая тоска, равнодушие ко всему, безнадежность...* (Д.В. Григорович. Замшевые люди. (Заноза) 1891); *От горла к ногам струей опускалась ноющая тоска* (Н.Н. Никитин. Преступление Кирика Руденко. 1928); *Только изредка, оставаясь одна, Мария Сергеевна переставала видеть и слышать окружающее и с тихой ноющей тоской, смутно и печально представляла себе где-то далеко, там, неизвестно где одинокого брошенного человека* (М.П. Арцыбашев. Миллионы. 1912); *Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, те минуты, когда сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда в сердце живее вспыхивает страсть или сильнее ноет тоска, когда в жестокой душе невозмутимее и сильнее зреет зерно преступной мысли...* (И.А. Гончаров. Обломов. 1859); *Его ко груди прижимаю, А сердце ноет уж тоской!*

(А.Ф. Мерзляков. Разлука я любовь. 1812); *Как грудь моя ноет тоской безымянной, Мученье былым...* (А.Н. Апухтин. В полдень. 1859);

(8) **острая**: *Острая тоска и отчаянная, беспредметная злоба переполняли его душу...* (А.И. Куприн. Молох. 1896); «*А картина?*» – вдруг вспомнил он, и **острая тоска** сжала ему сердце, точно он уже знал, что не успеет окончить ее (М.П. Арцыбашев. У последней черты. 1910–1912); *Это была острая тоска, такая, что сразу заполнила его всего. Он никогда не поверил бы, что тоска может достигать степени почти физической боли* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. 1943–1958); *Ему стало душно и мерзко, острая тоска схватила его за сердце. – Ай-яй-яй! – пробормотал он, тягуче сплевывая* (Ю. Казаков. Вон бежит собака! 1961); *И с внезапной острой тоскою в сердце он понял, что не будет ему ни сна, ни покоя, ни радости, пока не пройдет этот проклятый, черный, выхваченный из циферблата час* (Л.Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных. 1908);

(9) **тупая**: *Тупая тоска, которую он испытывал в полуусыпленном состоянии, сначала только облегчала его как что-то новое, но потом она стала так же или еще более мучительна, чем откровенная боль* (Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича. 1886); *Возвращаясь в Дурновку, Кузьма чувствовал только одно – тупую тоску* (И.А. Бунин. Деревня. 1909–1910);

(10) **щемящая / щемит, щемила**: *Бывает час: тоска щемящая сжимает сердце... Мозг – в жару... Скорбит душа...* (Д. Бедный. Бывает час: тоска щемящая... 1909); *Сквозь годы скитанья опять зазвучавшие речи, Сквозь годы забвенья щемящая душу тоска...* (Д.Л. Андреев. Элегия. 1923–1929); *Кровь ударяет горячей волною в виски, Некуда скрыться от острой, щемящей тоски...* (С. Черный. Кровь ударяет горячей волною в виски... 1906); *Горько мне, горько завсегда, Сердце мое тоска щемит, С грусти без памяти бегу; Грудь по тебе моя болит...* (А.П. Сумароков. Где ни гуляю, ни хожу... 1765); *Он еще не мог освоиться с мыслью, что Петра не стало. Щемила тоска его сердце, и грустные думы шли в голову* (Н.Н. Алексеев. Татарский отпрыск. 1896); *Смертельная тоска щемила мне сердце. Я чувствовал, что потерял близкого человека* (В.К. Арсеньев. Дерсу Узала. 1923).

Тоска представлена и как **болезнь, недуг**:

(11) *Это предохранит тебя, – сказала она, – в дальних странах от лютейшей сердечной болезни – тоски по родине!* (Ф.Н. Глинка. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. 1819); *Изрыдается душа; ум засохнет, язык к гортани прилипнет: будут его от тоски-болезни лечить водами и в сумасшедшем-то он побывает доме, и в тюрьме; кончит же тем, что вернется к тебе, о русское поле!* (А. Белый. Серебряный голубь. 1909); *Я болен сладостным недугом – Осенней, рдяною тоской* (Н.А. Клюев. Александру Блоку. 1911).

Признаки тоски-болезни выступают в роли определения-прилагательного и предиката, согласно данным Национального корпуса

русского языка [46]: **тоска болезненная** – 13 употреблений в основном, 6 в поэтическом подкорпусе; **болеть тоской** – 2 употребления в основном, 3 в поэтическом подкорпусе; **болит тоской** – 1 употребление в основном подкорпусе; **тоска лихорадочная** – 2 употребления в основном, 1 в поэтическом подкорпусе; **тоска смертельная** – 155 употреблений в основном, 10 в поэтическом подкорпусе; **тоска смертная** – 202 употреблений в основном, 33 в поэтическом подкорпусе; **умереть с тоски** – 9 употреблений в основном, 1 в поэтическом подкорпусе; **умирать с тоски** – 18 употреблений в основном, 2 в поэтическом подкорпусе:

(12) **болезненная / болеть, болит**: *С умом расчетливым, с душой неверной, зыбкой, И с этой вечною, болезненной тоской, И с этой мертвою, скептической улыбкой, – Вот он, наш судья, читатель дорогой!..* (Д.С. Мережковский. Семейная идиллия. 1890); *Напрасно вглубь себя замкнуться я хочу, Вас, тени милые, ваш облик человечный С болезненной тоской везде кругом ищу, Ищу, зову, молю...* (П.Ф. Якубович. Ночные гости. 1892); *Любить одно, болеть тоской одних сомнений, Впадать в отчаянье и страстно верить вновь!* (П.Ф. Якубович. Памяти Шарля Бодлера. 1893); *Ходил во тьме и думал, что за ним точно следит кто-то, враг ему, и неощутимо толкает его туда, где хуже, скучнее, показывает ему только такое, от чего душа болит тоской и в сердце зарождается злоба* (М. Горький. Трое. 1901);

(13) **лихорадочная**: *Тише!.. Я вижу в тоске лихорадочной – Бледные лица встают, Шепчут и пляшут толпою загадочной, Длинные песни поют* (Э.И. Губер. Бессонница. 1842); *Его голые руки дрожали мелкой дрожью, в расширенных глазах стояли слезы. Но принесенное вино опять его успокоило, он стал читать стихи, ушел в них, присмирел, и неизвестно было, где для него настоящая правда – в этой лихорадочной тоске и беспредметной подозрительности или в лирической примиренности его стихов о новой, здоролееющей родине...* (В.С. Чернявский. Три эпохи встреч. 1926); *Отдышавшись, Жуков торопливо зашагал, с лихорадочной тоской соображая, как далеко ему еще идти, какая ночь и тьма кругом и что лес, на который загадочно намекнул ему Матвей, еще впереди* (Ю. Казаков. Кабиасы. 1961);

(14) **смертельная, смертная / умереть, умерать**: *Ночью, сквозь тревожный сон, меня то и дело томила смертельная тоска, чувство чего-то ужасного, преступного и постыдного, внезапно погубившего меня* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. 1927–1933); *И душу леденит смертельная тоска* (Г.В. Голохвастов. Наяву ль. 1903–1952); *В смутном страхе больной гонит призраки прочь, И, не в силах смертельной тоски превозмочь, С замирающим стоном к подушке приник...* (Ф.А. Червинский. Две доли. 1891); *Иван Ильич понимал, что она больна душевно. Погасшего электричества было достаточно, чтобы она приткнулась где-нибудь в углу, в кресле, закрыла голову шалью и затихла в смертельной тоске* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам. 1928); **Смертная тоска** – *вполне жизненное ощущение* (А. Подводный); **Страшная, смертная тоска** *охватила Василия Назарыча, и он, как сноп, с рыданиями повалился на землю* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. 1883); *Мне умереть с тоски вос-*

поминанья! (В.А. Жуковский. Воспоминание. 1816); *Я умирал от неслышанной, смертельной тоски в этом прелестном полуденном краю, заваленном полудночным снегом* (В.П. Катаев. Святой колодец. 1962–1965).

Грусть – это легкое чувство, свойственное русскому народу, в отличие от тяжелого чувства тоски, по данным (<http://www.rusocproga.ru>): *грусть задумчивая* – 14 употреблений в основном, 2 в поэтическом подкорпусе; *грусть мечтательная* – 12, *поэтическая* – 6, *элегическая* – 5 употреблений в основном подкорпусе:

(15) *задумчивая*: *Правилась красивая задумчивая грусть в начале и бурная радость в конце, доходящая до восторга, до гимна жизни и счастьем* (Н.Д. Телешов. Тень счастья. 1921); *О, как хорошо помню я эту задумчивую грусть, эту сладкую медленную тоску, от которой, как от вина, сжималось сердце и кружилась голова* (А.И. Куприн. Пустые дачи. 1904); *И вместе с тихой, задумчивой грустью в душе Ромашова рождались странные, смутные воспоминания и сожаления о никогда не бывшем счастье и о прошлых, еще более прекрасных веснах, а в сердце шевелилось неясное и сладкое предчувствие грядущей любви...* (А.И. Куприн. Поединок. 1905); *С задумчивою грустью загляделся Дмитрий Прокофьевич с вершины на расстилавшийся у ног его простой, но привлекательный сельский вид и не то про себя, не то обращаясь к окружающим заговорил так: – Много видов перевидел я на моем долгом веку, а милее, дороже этого вот нет моему сердцу!* (В.П. Авенариус. Гоголь-студент. 1898);

(16) *мечтательная*: *Мечтательная грусть засветилась в её широко раскрытых изумленных глазах; её черные выпуклые брови шевелились, как пиявки, полная грудь высоко и порывисто, вздымалась, звякая бусами* (А.Н. Будищев. Пастух. 1897); *Теперь это не было лицо того человека, что сидел на скамейке и разговаривал со сторожем: что-то мягкое, душевное появилось на нем и придало ему оттенок тихой, мечтательной грусти* (К.С. Баранцевич. Горсточка родной земли. 1909); *И Ромашов всегда подолгу с тихой, мечтательной грустью следил за красным фонариком, который плавно раскачивался сзади последнего вагона, уходя во мрак ночи и становясь едва заметной искоркой* (А.И. Куприн. Поединок. 1905);

(17) *поэтическая*: *Мне казалось, что вместе с этим ароматом вливалась в мою душу весенняя грусть, сладкая и нежная, исполненная беспокойных ожиданий и смутных предчувствий, – поэтическая грусть, делающая в ваших глазах всех женщин хорошенькими и всегда приправленная неопределенными сожалениями о прошлых вёснах* (А.И. Куприн. Олесья. 1896); *И вот его потянуло побывать в последний раз на прежних местах, оживить в памяти дорогие, мучительно нежные, обвеянные такой поэтической грустью воспоминания детства, растравить свою душу сладкой болью по ушедшей навеки, невозвратимой чистоте и яркости первых впечатлений жизни* (А.И. Куприн. Леночка. 1910);

(18) *элегическая*: – *Как поют! – восторгался склонный к элегической грусти поручик Григоришвили. – Во всех ротах слова кричат, а у вас – песню поют* (Б. Васильев. Были и небыли. 1988).

Концепты «грусть», «печаль» связаны с жизнью и описываются как **светлые**, согласно показателям (<http://www.ruscorpora.ru>): **грусть светлая** – 40 употреблений в основном, 6 в поэтическом подкорпусе; **печаль светлая** – 39 употреблений в основном, 11 в поэтическом подкорпусе; предикаты **светит**, **светится**, **светилась**, **светились** – по 1 употреблению в основном подкорпусе:

(19) **грусть светлая / светит, светилась**: *Со временем образ ее стерся в его памяти, но стоило представить себе далеко ушедший день, как в груди поднималась светлая грусть, сердце щемило, и это было удивительно, потому что ничего между ними не было, только единственный поцелуй* (Ю. Рытхэу. Время таяния снегов. 1967); *Ему хотелось опять говорить, изливать перед кем-нибудь эту светлую грусть, которая сладким ядом воспоминаний бередила раны его сердца* (Ф.Д. Крюков. В родных местах. 1903); *Радость? Но и печаль, светлую грусть в них чуял Илья, и была эта грусть прекрасна* (И.С. Шмелев. Непиваемая чаша. 1918); *Как часто я Вдруг чувствовал (с болью – и пусть), Что самое светлое счастье Похоже на светлую грусть* (И.В. Чиннов. И наше в ручье отражение... 1959); *А он... чем больше он глядел на нее, тем больше его сердце заволакивалось мягкой и светлой грустью – со-страдательной к себе, радостной к ней, к этой новой Леночке, и тихой благодарностью к прежней* (А.И. Куприн. Леночка. 1910); *Отчего это кажется, что затаенная грусть светит в глазах ее светлой сестры, а та, в свою очередь, розовым покрывалом надежды веет над печальным изгибом прекрасных девических плеч?* (И.А. Новиков. Золотые кресты. 1907); *То краска выступала на лицо, то в глазах светилась грусть, а в то же время в крови жар, в голове туман; прохладный воздух душен для него* (Н.Г. Помяловский. Мещанское счастье. 1860);

(20) **печаль светлая / светит, светится, светилась**: *Когда пьешь сакэ таким образом, полагается думать о мужах древности, а потом мысли эти должны постепенно перетечь в светлую печаль, которая рождается в вашем сердце, когда вы одновременно осознаете зыбкость этого мира и захвачены его красотой* (В. Пелевин. Чапаев и пустота. 1996); *Сердце Александра вдруг сжалось от светлой печали, от неловкого стыда, от тихого раскаяния...* (А.И. Куприн. Юнкера. 1932); *Всю ночь он думал о Ткачеве и Марье Николаевне, и душа его была полна светлой печалью* (М.П. Арцыбашев. Смерть Ланде. 1904); *Печаль светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днем, рождает думы о ближних, тоску по любви, мечты о чем-то неведомом, то ли о прошлом, всегда томительно сладком, то ли о заманчивом и от неясности пугающе притягательном будущем* (В. Астафьев. Царь-рыба. 1974); *Изредка он замечал, что в зеленоватых глазах ее светится печаль и недоумевающее ожидание* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1928); *Мудрая печаль светилась в ее больших глазах, невыносимая для земного человека, с рождения воспитанного для борьбы против страдания* (И.А. Ефремов. Час быка. 1968–1969).

Грусть и печаль обладают высокой температурой при жизни, по сведениям (<http://www.ruscorpora.ru>): **грусть горячая, теплая** – 2 и 5 употреблений в основном, по 1 в поэтическом подкорпусе; **печаль жаркая** – 2 употребления в основном подкорпусе; предикаты **теплишь, теплит, теплят** – по 1 употреблению в поэтическом подкорпусе:

(21) **грусть горячая, теплая / теплишь, теплит, теплят**: *А деревья в саду шептались у нее над головой, ночь разгоралась огнями в синем небе и разливалась по земле синюю тьмой, и, вместе с тем, в душу молодой женщины лилась горячая грусть от Иохимовых песен* (В.Г. Короленко. Слепой музыкант. 1886–1898); *И радость меж нею и мной родилась, Безмерна, светла, как бездонность; Со сладко-горячею грустью сплелась, И стало ей имя – влюбленность* (З.Н. Гиппиус. Баллада. 1903); *Они полны той мягкой, теплой грустью, которая окутывает душу, как облако окутывает солнце в час заката* (М. Горький. Дачники. 1904); *Она оживала при этих доказательствах его любви; румянец возвращался к ее щекам; принуждение и оцепенение тоски сменялись в ней теплою грустью, она заплакала...* (Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. 1851); *Серебристая дорога, Грусть ты или радость теплишь?* (С.А. Есенин. Серебристая дорога... 1917); *В три звезды березняк над прудом Теплит матери старой грусть* (С.А. Есенин. Я покинул родимый дом... 1918); *В небе звезды, словно свечи, Смутно теплят грусть свою* (А.А. Прокофьев. Я хожу, крушусь, радею –... 1933);

(22) **печаль жаркая**: *Боже! – думал я, глядя на него, – пять лет всеиспользующего времени – старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов, – и такая долгая, такая жаркая печаль!* (Н.В. Гоголь. Старосветские помещики. 1835–1841).

Концепты «печаль», «тоска» имеют низкую температуру и отмечаются как **холодные**: **печаль холодная** – 5 употреблений в основном, 3 в поэтическом подкорпусе; **тоска холодная** – 12 употреблений в основном, 8 в поэтическом подкорпусе; предикат **холодит** употребляется 2 раза в основном, 1 раз в поэтическом подкорпусе:

(23) **печаль холодная**: *Мне жаль всего, мой милый Друг, Всего и всех мне жаль, – Такая всюду разлита Холодная печаль* (Д.М. Ратгауз. Мне жаль всего. 1902); *Не долго, помню я, в печальной стороне Печаль холодную вливали в душу мне* (Е.А. Баратынский. Н.И. Гнедичу. 1823–1827); *Потом прислушалась к его дыханию, оглянулась, просидела несколько минут неподвижно, охваченная холодной печалью, и задремала* (М. Горький. Мать. 1906); *Евсей вздрогнул, стиснутый холодной печалью, шагнул к двери и вопросительно остановил круглые глаза на жёлтом лице хозяина* (М. Горький. Жизнь ненужного человека. 1908);

(24) **тоска холодная / холодит**: *И чувства мрут в груди, напрасно грудь волнует, И на душе холодная тоска: Богатство духа познаю я И бед-*

ность языка!.. (Н.Ф. Щербина. Музыка. 1844); **Холодная тоска** Со дна души встает, Как серый, злой туман В дни осени с болот (П.Ф. Якубович. Сны. 1907); **Любовин снял очки, отодвинул от себя тетрадь и глубоко задумался. Пот прошибал его, внутри его что-то тянуло, и холодная тоска** вползала в самое сердце (П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1922); **Потом с внешним спокойствием отложил записку в стору, почувствовал, что забнет и, охваченный новой волной мятущейся холодной тоски, понял, что в Лидино больше не поедет** (М. Барсуков. Нерассказанная любовь. 1928); **На роскошь изнеженной южной природы Глядел я с холодной тоской, И город богатства, тщеславья и моды** Кажался мне душной тюрьмой... (С.Я. Надсон. На могиле А.И. Герцена. 1885–1886); **И только дома он вспомнил о том, что обязан предать этих весёлых людей в руки жандармов, вспомнил и, охваченный холодной тоской, бессмысленно остановился среди комнаты** (М. Горький. Жизнь ненужного человека. 1908); **И большая тоска холодит сердечко бедной «снежной королевы»** (Л.А. Чарская. Два сочельника. 1912).

Сильная тяжелая печаль может переходить в тоску и быть **черной**: **печаль черная** – 9 употреблений в основном, 3 в поэтическом подкорпусе:

(25) **Черная печаль** омрачила прекрасные черты его, он не находил ни одного: не ехать по требованию суда – невозможно, особенно после Якубова предостережения; это могли приписать страху!.. (Н.А. Дурова. Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора. 1841); **Святая черная печаль** огромных глаз Марка заструилась вдруг почти ощутимой струей (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. 1935); **К. М. дышал с трудом, ощущая тяжелую черную печаль на сердце, и силился освободиться, вырваться, оттолкнуть** (И. Адамацкий. Утешитель. 2001).

Только концепты «печаль» и «горе» описываются как **всесветные** и **вселенские**, переживания, охватывающие весь мир, по данным (<http://www.ruscorgora.ru>): **печаль всесветная** – по 1 употреблению в основном и поэтическом подкорпусе; **горе вселенское** – 5 употреблений в основном, 1 в поэтическом подкорпусе:

(26) **печаль всесветная**: Болит моя головушка, Щемит в груди ретивое, **Печаль моя всесветная**, Пришла беда незваная (А.В. Кольцов. Пора любви. 1837); **И весь на опоздаках сохранившийся убор густо полетит-заметелит крупным пестряным сеевом, обнажая всесветную чуткую печаль** (В. Распутин. Видение. 1997);

(27) **горе вселенское**: Старость – это вселенское горе (Д.С. Самойлов. Что за жалкие эти уловки... 1980).

Горе овладевает всем человечеством, выступает как: **горе людское** – 75 употреблений в основном, 23 в поэтическом подкорпусе; **горе народное** – 83 употребления в основном, 9 в поэтическом подкорпусе; **горе человеческое** – 125 употреблений в основном, 8 в поэтическом подкорпусе:

(28) **людское**: **Горе людское** остановилось страданьем в серых озерах глаз (Д.А. Фурманов. Чапаев. 1923); **Я шла сквозь хмурое людское горе** –

пожарища, развалины, гробы... (О.Ф. Берггольц. Дорога на фронт. 1942); **Людское горе** в обнаженье, Без погремушек и прикрас, Последнее преображение, Однообразнейший рассказ (В.Т. Шаламов. Пусть я, взрослея и старея... 1937–1956); Мужа уводят, сына уводят В царство глухое, И на звериный рык переводят **Горе людское** (С.И. Липкин. Одна моя знакомая. 1960); Я мечтал Дробить **людское горе** на куски, Чтоб с каждой строчкой в небо улетал Хотя б осколок чьей-нибудь тоски (К.М. Симонов. Отец. 1966); Трудно нам живется, Трудно плавается По глухому морю, По **людскому горю** (Д.С. Самойлов. Марина, Марина... 1947);

(29) **народное**: Но с мирной природою в споре, Как грозного времени тень, Чернеет **народное горе** Спаленных войной деревень (И.П. Уткин. Пейзаж. 1943); Им было страшно глядеть в потемневшее лицо России – в последнюю минуту, перед тем как, перелившись из сердца в сжатые кулаки, станет революцией **народное горе** (Л.М. Леонов. Русский лес. 1950–1953);

(30) **человеческое**: Он знает тысячи историй Про **человеческое горе**, И по заборам стыннут зори, И тянут эту канитель (Б.Л. Пастернак. Земля. 1947); К тому времени я уже насмотрелся на **человеческое горе** и заметил, что люди почти всегда стараются смягчить его (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность. 1954); **Партия моя, скажи мне! Как ты вычерпаешь, комсомол, Бездну человеческого горя?** (М.А. Светлов. Трибунал. 1958); **Сейчас нет меры страдания в этом мире, – Витаркананда показал на хребет, заслонивший долину Инда, и сложил обе руки чашей, – если бы я зачерпнул чувства живущих в той долине людей, то поднял бы к небу полную чашу человеческого горя** (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы. 1959–1963).

Семантические константы и исходные концептумы

На основе описанных групп признаков выделим **семантические константы** рассмотренных эмоциональных концептов. Рис. 1 читается следующим образом: *Тоска – это тревога, беспокойство, чувство стеснения духа, связанное с жизнью или мечтой о вечности, и чувство удушья, которое нередко доводит до смерти.*

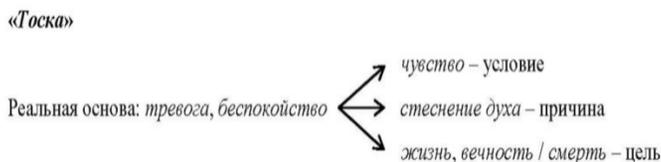

Рис. 1. Семантическая константа концепта «тоска»

Рис. 2 представляет: *Грусть – это легкое уныние, печаль, типично русское переживание, представляющее личное чувство в жизни, настоящем.*

Рис. 2. Семантическая константа концепта «грусть»

Рис. 3 декларирует: *Печаль – это забота души с переходом в тоску, сожаление души и сердца по поводу возникновения беды, несчастья в жизни, которые не приводят к смерти.*

Рис. 3. Семантическая константа концепта «печаль»

Рис. 4 прочитывается так: *Горе – это душевное страдание, вселенское переживание беды, несчастья, связанное с вечностью.*

Рис. 4. Семантическая константа концепта «горе»

Таким образом, *целью* эмоциональных концептов является признак времени: связь с жизнью отмечается у *грусти* и *печали*, а связь с вечностью – у *тоски* и *горя*. *Условие действия* – проявление различных чувств и переживаний. *Причинами* выступают как личное чувство у *грусти* и стеснение духа у *тоски*, так и беда, несчастье у *печали* и *горя*.

По этимологическому словарю И.И. Срезневского [50–52] определим последовательность сем каждого слова, для того чтобы выделить исходные концептумы.

Тоска: общесл. *тѣска* от индоевроп. основы 'осушать, опорожнять'; др.-рус. *тѣска* 'стеснение, притеснение; горе, печаль; волнение, беспокойство' (XII в.) [52. Т. 3. С. 1057].

Грусть: общесл. *грусть* 'отвращение, сокрушение' от *грудити* 'грызть, мучить'; др.-рус. *грустость* – 'горе, бедствие' (XI в.), *согруститися* – 'опечалиться' (XII в.), *грусткий* – 'печальный' (1377), *согрущатися* – 'печалиться, грустить' (XVI в.) [50. Т. 1. С. 600–601].

Печаль: общесл. *печаль* от *пеку*, *печи* из индоевроп. основы 'жарить, печь'; др.-рус. *печаль* 'огорчение, горе' (XI в.); 'забота' (XII в.), *печально-*

вати – ‘горевать, печалиться’ (XI в.), *печальный* – ‘огорченный, скорбящий; удрученный, досадующий; тревожный, беспокойный; неприятный, тягостный’ (XI в.), *печалити* – ‘огорчать, печалить’ (XI в.), *печаливый* – ‘унывающий, склонный к грусти’ (XI в.), *печаловати* – ‘быть печальным’ (XI в.); ‘заботиться’ (1340), *печаловатися* – ‘быть печальным, горевать, сокрушаться’ (1076); ‘заботиться’ (1390), *печалование* – ‘забота, попечение’ (1455), *печа* – ‘попечение’ (1493) [51. Т. 2. С. 921–924].

Горе: общесл. *горе* от *gorje* ‘беда, мука, печаль, скорбь’ (XI в.), *гореть* – ‘горе’ (XI в.); ‘горечь’ (XIV в.) [50. Т. 1. С. 554].

Семантические константы рассмотренных эмоциональных концептов, данные этимологического исследования позволили определить **исходные концептумы** – *постоянные признаки концептов*: «тоска» – стеснение духа, волнение и беспокойство; «грусть» – сокрушение, печаль; «печаль» – забота, попечение; «горе» – беда, несчастье. Таким образом, постоянными признаками эмоциональных концептов являются различная степень глубины, характера проявления душевного страдания человека, что сохраняется в признаках переносных значений и в истории развития слов.

Заключение

Использованная нами в данной статье методика Санкт-Петербургской школы концептуальных исследований В.В. Колесова позволила реконструировать семантические константы – выявить специфику признаков каждого из эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», входящих в класс психических (духовных) концептов, связанных общностью эмоции переживания страдания в русском языковом сознании.

На первом этапе выделены основные семы, определены верхние точки концептуального квадрата: понятие причины и образ условия; представлена классификация семантических групп признаков: типичные, символические, глубинные, интенсивные и длительные; воссоздано содержание понятия, его объем путем рассмотрения определений-прилагательных и предикатов на материале Словаря эпитетов русского литературного языка и классических текстов подкорпусов Национального корпуса русского языка.

На втором этапе построены семантические константы эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в виде условия, причины и цели посредством результатов сети семантических отношений:

Тоска – это тревога, беспокойство (реальная основа), чувство (условие) стеснения духа (причина), связанное с жизнью или мечтой о вечности, и чувство удушья, которое нередко доводит до смерти (цель).

Грусть – это легкое уныние, печаль (реальная основа), типично русское переживание (условие), представляющее личное чувство (причина) в жизни, настоящем (цель).

Печаль – это забота души с переходом в тоску (реальная основа), сожаление души и сердца (условие) по поводу возникновения беды, несчастья (причина) в жизни, которые не приводят к смерти (цель).

Горе – это душевное страдание (реальная основа), вселенское переживание (условие) беды, несчастья (причина), связанное с вечностью (цель).

На третьем этапе этимологическое исследование способствовало конструированию концептума – выделению постоянных признаков концептов: «тоска» – стеснение духа, волнение и беспокойство; «грусть» – сокрушение, печаль; «печаль» – забота, попечение; «горе» – беда, несчастье.

Данные исследования позволяют сделать вывод о динамике проявления душевного страдания русского человека, степени, глубине и характере эмоций. Описание эмоциональных концептов демонстрирует последовательное развитие эмоции: от типично русского переживания легкой грусти и печали, переходящей в тоску, до вселенского горя, причиной которого являются беда и несчастье, что отмечается в отличительных признаках и в истории развития слов.

Список источников

1. *Базылев В.Н.* Горе: к языковой форме концепта в русской культуре // Семантика и прагматика языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.В. Артюшкова. Уфа, 1999. С. 161–171.

2. *Валиева Р.М.* О репрезентации эмоциональных концептов в русском языке // Теория поля в современном языкознании : межвузовский научный сборник. Уфа, 2002. С. 67–71.

3. *Василова А.Ш.* Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в лексико-деривационных структурах татарского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 3. С. 48–50.

4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 33–37.

5. *Вежбицкая А.* «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999. С. 503–525.

6. *Вертелова И.Ю.* Семантические истоки идеи грусти, печали и кручины в русском языковом сознании // Слово в тексте, словаре и культуре: сборник статей / под ред. Н.Г. Бабенко. Калининград, 2004. С. 228–236.

7. *Волостных И.А.* Антропоморфная метафора как основной способ экспликации эмоциональных концептов «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12, № 2. С. 534–537.

8. *Димитрова Е.В.* Тоска // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 268–273.

9. *Заяц И.Г.* Особенности вербализации эмоционального концепта «горе» в средневерхненемецкий период // Исследовано в России : электрон. научн. журн. 2006. С. 959–968. URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2006/101.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).

10. *Колесова Д.В.* Грусть-тоска, или модель для сборки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4, № 1. С. 75–85.

11. *Красавский Н.А.* Русская и немецкая концептосферы эмоций // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 113–118.

12. *Мальцева Л.В.* Интерпретация концепта «горе» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.П. Магхановой. Новосибирск, 2004. С. 260–270.

13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 237–241.
14. Пименов Е.А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Anthropologie / ed. by E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau : Verlag Empirische Padagogik, 2004. S. 89–94.
15. Старостина С.А. Эмоциональный концепт «тоска» в современных филологических теориях // Проблемы дискурсивного анализа: сборник научных трудов молодых филологов / под ред. Р.П. Козлова, Н.Л. Потанина. Тамбов, 2008. С. 224–227.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
17. Стефанский Е.Е. Русские концепты «печаль», «грусть» и «тоска» на фоне польской и чешской лингвокультур // Przegląd Wschodnioeuropejski 2 / ed. by A. Kiklewicz. Olsztynie : Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, 2011. S. 329–345.
18. Топорков А.Л. «Лежит доска, на ней тоска»: тоска в любовных заговорах // Русская речь. 2015. № 3. С. 114–120.
19. Урысон Е.В. Тоска // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М., 2003. С. 1165–1170.
20. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : URSS, 2008. 208 с.
21. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
22. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей / под ред. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева. М., 2005. С. 25–36.
23. Шмугурова К.В. Концепт «тоска» в поэтической картине мира И.Ф. Анненского // Русская речевая культура и текст : материалы VI Международной научной конференции (25–27 марта 2010 г. / под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2010. С. 216–222.
24. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М. : РУДН, 1997. 331 с.
25. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград : ВолГУ, 2007. 400 с.
26. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
27. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
28. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 1999. 382 с.
29. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис, 2001. 270 с.
30. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. Т. 1–2. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.
31. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. Т. 1–2. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
32. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб. : Златоуст, 2019. С. 723–729.
33. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р–V. М., 1866. 680 с.
34. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. Т. 4: С–Я. М. : Русский язык, 1988. 800 с.
35. Тихонов А.Н. Комплексный словарь русского языка. М. : Русский язык : Медиа, 2005. 1228 с.
36. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. М. ; Л. : Наука, АН СССР, 1963. 1286 с.
37. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005. 4824 с.
38. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1989. 924 с.

39. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М. ; Л. : Наука, АН СССР, 1954. 1339 с.
40. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. Т. 1: А–Й. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
41. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. М., 1863. 627 с.
42. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. М. ; Л. : Наука, АН СССР, 1959. 1482 с.
43. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. Т. 3: П–Р. М. : Русский язык, 1987. 752 с.
44. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П. М., 1865. 508 с.
45. *Горбачевич К.С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб. : Норинт, 2002. 224 с.
46. *Национальный корпус русского языка.* URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 06.03.2020).
47. *National English Corpus.* URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html> (дата обращения: 31.01.2021).
48. *Deutscher National korpus.* URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> (дата обращения: 31.01.2021).
49. *Corpus national français.* URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-fr.html> (дата обращения: 31.01.2021).
50. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А–К. СПб., 1893. 1420 с.
51. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л–П. СПб. : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1902. 1802 с.
52. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я. СПб., 1912. 1684 с.

References

1. Bazylev, V.N. (1999) Gore: kazykovoy forme kontseptu v russkoy kul'ture [Grief: To the linguistic form of the concept in Russian culture]. In: Artyushkov, I.V. (ed.) *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits* [Semantics and Pragmatics of Language Units]. Ufa: Blagoveshchensk State Pedagogical Institute. pp. 161–171.
2. Valieva, R.M. (2002) O reprezentatsii emotsional'nykh kontseptov v russkom yazyke [On the representation of emotional concepts in the Russian language]. In: *Teoriya polya v sovremennoy yazykoznanii* [Field theory in modern linguistics]. Ufa: Bashkir State University. pp. 67–71.
3. Vasilova, A.Sh. (2007) Lingvokul'turnyy kontsept "sagysh" (toska) v leksiko-derivatsionnykh strukturakh tatarskogo yazyka [Linguistic and cultural concept "sagysh" (anguish) in the lexical-derivative structures of the Tatar language]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 3. pp. 48–50.
4. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. pp. 33–37.
5. Wierzbicka, A. (1999) "Grust" i "gnev" v russkom yazyke: neuniversal'nost' tak nazyvamykh "bazovykh chelovecheskikh emotsiy" ["Sadness" and "anger" in the Russian language: the non-universality of the so-called "basic human emotions"]. In: Bulygina, T.V. (ed.) *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 503–525.
6. Vertelova, I.Yu. (2004) Semanticheskie istoki idei grusti, pechali i kruchiny v russkom yazykovom soznanii [Semantic origins of the idea of sadness, sorrow and grief in the Russian linguistic consciousness]. In: Babenko, N.G. (ed.) *Slovo v tekste, slovare i kul'ture* [Word in the Text, Dictionary and culture]. Kaliningrad: Kaliningrad State University. pp. 228–236.
7. Volostnykh, I.A. (2006) Anthropomorphic metaphor as the main way of explication of emotional concepts "fear" and "sorrow" in Russian and French linguistic world pictures. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of TSTU*. 2 (12). pp. 534–537. (In Russian).

8. Dimitrova, E.V. (2005) Toska [Anguish]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 268–273.

9. Zayats, I.G. (2006) Osobennosti verbalizatsii emotsional'nogo kontsepta "gore" v sredneverkhnenemetskiy period [Features of the verbalization of the emotional concept "grief" in the Middle High German period]. *Issledovano v Rossii*. pp. 959–968. [Online] Available from: <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/2006/101.pdf> (Accessed: 28.11.2019).

10. Kolesova, D.V. (2007) Heartsinking and sorrow, or a model kit. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of St Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 4-1. pp. 75–85. (In Russian).

11. Krasavskiy, N.A. (2001) Russkaya i nemetskaya kontseptosfery emotsiy [Russian and German concept spheres of emotions]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 113–118.

12. Mal'tseva, L.V. (2004) Interpretatsiya kontsepta "gore" v russkoy yazykovoy kartine mira [Interpretation of the concept "grief" in the Russian language picture of the world]. In: Matkhanova, I.P. (ed.) *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: interpretatory i tipy interpretatsiy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of interpretative linguistics: interpreters and types of interpretations: interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 260–270.

13. Maslova, V.A. (2006) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 237–241.

14. Pimenov, E.A. (2004) Issledovanie kontsepta Trauer "pechal" posredstvom sinonimicheskogo ryada [Study of the Trauer concept "sadness" through a synonymic series]. In: Pimenov, E.A. & Pimenova, M.V. (eds) *Ethnohermeneutik und Antropologie*. Landau: Verlag Empirische Padagogik. pp. 89–94.

15. Starostina, S.A. (2008) Emotsional'nyy kontsept "toska" v sovremennykh filologicheskikh teoriyakh [The emotional concept "anguish" in modern philological theories]. In: Kozlov, R.P. & Potanina, N.L. (eds) *Problemy diskursivnogo analiza: sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov* [Problems of discursive analysis: a collection of scientific works of young philologists]. Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 224–227.

16. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. A Study]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

17. Stefanskiy, E.E. (2011) Russkie kontsepty "pechal", "grust" i "toska" na fone pol'skoy i cheshskoy lingvokul'tur [Russian concepts "sorrow", "sadness" and "anguish" on the background of Polish and Czech linguistic cultures]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*. 2. pp. 329–345.

18. Toporkov, A.L. (2015) "Lezhit doska, na ney toska": toska v lyubovnykh zagovorakh ["There is a board, anguish is on it": longing in love conspiracies]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 3. pp. 114–120.

19. Uryson, E.V. (2003) Toska [Anguish]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 1165–1170.

20. Shakhovskiy, V.I. (2008) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Moscow: URSS.

21. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian Language and Extralinguistic Reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

22. Shmelev, A.D. (2005) Leksicheskiy sostav russkogo yazyka kak otrazhenie "russkoy dushi" [The lexical composition of the Russian language as a reflection of the "Russian soul"]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (eds) *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 25–36.

23. Shmugurova, K.V. (2010) [The concept “anguish” in the poetic picture of the world I.F. Annensky]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian speech culture and text]. Proceedings of the 6th International Conference. Tomsk. 25–27 March 2010. Tomsk: TsNTI. pp. 216–222. (In Russian).
24. Vorob'ev, V.V. (1997) *Lingvokul'turologiya: teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow: RUDN.
25. Vorkachev, S.G. (2007) *Lingvokul'turnyy kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya* [Linguistic and Cultural Concept: Typology and areas of existence]. Volgograd: Volgograd State University.
26. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
27. Boldyrev, N.N. (2014) *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku* [Cognitive Semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov: Derzhavin Tambov State University.
28. Zalevskaya, A.A. (1999) *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
29. Krasnykh, V.V. (2001) *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow: Gnozis.
30. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoj mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Vol. 1. Saint Petersburg: Zlatoust.
31. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoj mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Vol. 2. Saint Petersburg: Zlatoust.
32. Kolesov, V.V. (2019) *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. Saint Petersburg: Zlatoust. pp. 723–729.
33. Dal', V.I. (1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley Rossiyskoj slovesnosti.
34. Evgen'eva, A.P. (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Tikhonov, A.N. (2005) *Kompleksnyy slovar' russkogo yazyka* [Complex Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk; Media.
36. Chernyshev, V.I. (ed.) (1963) *BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS – Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 15. Moscow; Leningrad: Nauka; USSR AS.
37. Ushakov, D.N. (2005) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Al'ta-Print.
38. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1989) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
39. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1954) *BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS – Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Nauka, USSR AS.
40. Evgen'eva, A.P. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
41. Dal', V.I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley Rossiyskoj slovesnosti.
42. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1959) *BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS – Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 9. Moscow; Leningrad: Nauka, USSR AS.

43. Evgen'eva, A.P. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

44. Dal', V.I. (1865) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti.

45. Gorbachevich, K.S. (2002) *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language]. Saint Petersburg: Norint.

46. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: www.ruscorpora.ru (Accessed: 06.03.2020). (In Russian).

47. *National English Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html> (Accessed: 31.01.2021).

48. *Deutscher Nationalkorps*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> (Accessed: 31.01.2021).

49. *Corpus national français*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-fr.html> (Accessed: 31.01.2021).

50. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.

51. Sreznevskiy, I.I. (1902) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.

52. Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 3. Saint Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.

Информация об авторах:

Мусатаева М.Ш. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан). E-mail: mussatayeva@mail.ru

Котлярова И.В. – докторант, PhD кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан). E-mail: kotlyarova_1984@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.Sh. Mussatayeva, Dr. Sci. (Philology), professor, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: mussatayeva@mail.ru

I.V. Kotlyarova, PhD (Philology), doctoral student, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: kotlyarova_1984@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2020;
одобрена после рецензирования 11.08.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 11.03.2020;
approved after reviewing 11.08.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 811.111-26
doi: 10.17223/19986645/75/6

Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре

Александра Викторовна Нагорная

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru*

Аннотация. На материале автобиографической прозы рассматриваются особенности метафорического осмысления опыта алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре. Определяется роль преднамеренных метафор и описываются механизмы их конструирования; обсуждается фреймирующая функция дискурсивных метафор и анализируются наиболее релевантные из них; выявляются метафоры, циркулирующие в нарративах алкоголизма, устанавливается степень их популярности и моделируется метафорический ландшафт алкогольной аддикции.

Ключевые слова: дискурсы алкогольной аддикции, drankalog, метафора, метафорический ландшафт, преднамеренная метафора, дискурсивная метафора, английский язык

Для цитирования: Нагорная А.В. Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 120–147. doi: 10.17223/19986645/75/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/6

Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture

Alexandra V. Nagornaya

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
anagornaya@hse.ru*

Abstract. The paper presents a systemic linguistic analysis of the subjective experience of alcohol addiction looking into the ways it is metaphorically described in English *drunkalogs* – personal memoirs of drinking and recovery. The research is carried out within the general paradigm of Conceptual Metaphor Theory. Of particular relevance are three main approaches. One is the Deliberate Metaphor Theory (G. Steen), which focuses on the mechanisms of metaphor construction when a new

source domain is being consciously introduced into a piece of discourse. The deliberate character of the metaphor is seen in the degree of detail with which the different aspects of the source domain are explicated, in the presence of special markers (*analogy / the way / similar to, etc.*) and extended metalinguistic comments (*to use a metaphor / it requires an analogy / how about a mixed metaphor?, etc.*), as well as in the structure of the context, where the addressee is being carefully prepared for the new metaphoric vision of the subject before the metaphor is finalized. The relevance of deliberate metaphors in discourses under study is accounted for by the highly idiosyncratic character of alcohol addiction, which necessitates original metaphorical mappings in order to convey the individual nuances of this experience. Another approach is the Discourse Metaphor Theory (J. Zinken), which focuses on the framing potential of metaphors deliberately introduced into discourse and negotiated within it. Metaphor becomes an efficient mechanism of discursive construal imposing a certain vision of the subject and regulating ways of describing it. Chief among the discourse metaphors of alcohol addiction is ADDICTION IS A DISEASE, which has replaced the earlier metaphor ADDICTION IS A SIN, morally legitimizing alcoholism and invalidating the idea of personal responsibility. The paper describes the phenomenon of metaphoric clustering: once alcoholism was classified as a disease, its discursive space was opened to all kinds of metaphors commonly used as means of conceptualizing the latter, including the dominant military metaphor. An alternative discourse metaphor is ADDICTION IS A JOURNEY, which is actively promoted by Alcoholics Anonymous and other sobriety activists. Both metaphors serve as active framing devices stabilizing the discourses of addiction and regulating metaphorical creativity within the discourse community. Most importantly, we use the Metaphoric Landscape Theory (J. Lawley, P. Tompkins) which enables us to systematically analyze addiction as a type of subjective experience in all its possible symbolic representations, considering both common (conventional) and idiosyncratic (creative) metaphors, and reveal general conceptual and discursive trends. The research is based on 25 drunkalogs, with the sample containing 498 units, 88 of which are analyzed in the paper. Among the groups of metaphors are ADDICTION IS PARTNERSHIP, ADDICTION IS A TRAP, ADDICTION IS INCARCERATION, ADDICTION IS MOVEMENT and others, all of them represented with a variety of verbal variants. Among idiosyncratic metaphors are ADDICTION IS PART OF THE BODY, ADDICTION IS A WEAPON, ADDICTION IS A PLANT and others.

Keywords: discourses of alcohol addiction, drunkalog, metaphor, metaphoric landscape, deliberate metaphor, discourse metaphor, English language

For citation: Nagornaya, A.V. (2022) Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 120–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/6

Алкогольная аддикция представляет собой чрезвычайно сложное явление, в котором тесно переплетены биолого-физиологические, индивидуально-психологические и социокультурные факторы. Эта многоаспектность позволяет подходить к ее изучению с принципиально разных позиций, выявляя как объективные механизмы ее возникновения, так и связанные с ней субъективные переживания.

Весомый вклад в исследование субъективной составляющей алкогольного опыта может внести современная метафорология, релевантность которой в этом исследовательском поле обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, дискурсы алкогольной аддикции буквально пронизаны метафорами. С одной стороны, метафора служит эффективным механизмом осмысления и описания собственного аддиктивного опыта, позволяя «упаковать» сложные идиосинкретические переживания в относительно простые концептуальные формы и донести их до потенциального слушателя. Заметим, что процесс проговаривания собственных ощущений составляет основу терапевтического лечения алкогольной аддикции в рамках известной программы «Анонимные алкоголики». Следуя общему шаблону «каким я был, что со мной произошло и каков я сейчас» [1. Р. XXI], человек входит в формат «катартического нарратива» [2. Р. XIV], буквально выстраивая себя заново посредством конструируемого им монолога, «разговором выводя себя из саморазрушающего пристрастия к новой идентичности» [2. Р. 3]. Как метко замечает Ш. О'Хэллоран, этот нарратив подобен двуликому римскому богу Янусу: он одновременно направлен и внутрь и вовне, действуя на границе между индивидуальным и общественным. «Именно через разговор мы проецируем образы себя внутрь, самим себе, и вовне, окружающему нас миру» [2. Р. 3]. Выбор слова «образ» (*image*) не случаен и отражает самую суть этого типа рефлексии: перед человеком не ставится задача объективной оценки ситуации, он предлагает собственную интерпретацию происходящего с ним и волен выбирать наиболее соответствующие своим переживаниям концептуальные и языковые средства. Сложный характер этих переживаний и желание придать им удопонятную форму вынуждают рассказчика прибегать к разнообразным аналогиям, метафорам и сравнениям.

С другой стороны, метафора активно используется психотерапевтами при работе с лицами, страдающими алкогольной зависимостью [3. Р. 9]. Описывая преимущества метафорического, или аллегорического, метода, Дж. Сандоз отмечает, что он помогает более эффективно общаться с пациентами, а самим пациентам и их семьям глубже понимать тонкую и сложную динамику проблемы. Метод помогает избегать чрезмерной интеллектуализации и позволяет применять визуальные и аффективные инструменты, с помощью которых достигается «трехмерность» в объяснении природы аддикции. Кроме того, динамика этого состояния описывается в таком нарративном формате, который является забавным и способен привлечь внимание пациента и пробудить его воображение [1. Р. XV].

Системный анализ метафор, циркулирующих в дискурсах алкогольной аддикции, позволит моделировать субъективную структуру этого опыта и послужит определенным вкладом в развитие самой метафорологии, заполнив одну из существующих тематических лакун.

Во-вторых, современная метафорология располагает необходимым методологическим и методическим инструментарием для исследования феномена алкогольной аддикции с целью моделирования связанных с ней психических процессов. Общий базис для научных изысканий в данной области составляет теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Гиббс, З. Кёвечеш, В. Эванс и др.), позволяющая «видеть»

в словесных репрезентациях познавательные процессы, которые необходимы человеку для осмысления того или иного явления – в данном случае это фрагмент собственного субъективного опыта.

В рамках этого общего методологического подхода можно выделить несколько концепций и теорий, которые обладают наибольшим эвристическим потенциалом для настоящего исследования.

К их числу относится *теория преднамеренной метафоры*, разрабатываемая Х. Стейном и его коллегами в Амстердамском университете. Преднамеренная метафора (*deliberate metaphor*) определяется как «сознательное использование метафоры в качестве метафоры» [4. Р. 67]. Ее функция заключается в том, чтобы добиться от адресата необходимого концептуального видения обсуждаемого предмета посредством сознательной фокусировки на области источника. Регулирование фокуса внимания адресата обеспечивается некоторыми особенностями структуры преднамеренной метафоры. Так, для нее свойственна подробная экспликация домена источника, часто предшествующая самой метафорической проекции. Ср.:

(1) *Trying to describe the process of becoming an alcoholic is like trying to describe air. It's too big and mysterious and pervasive to be defined. Alcohol is everywhere in your life, omnipresent, and you're both aware and unaware of it almost all the time; all you know is you'd die without it, and there is no simple reason why this happens, no single moment, no physiological event that pushes a heavy drinker across a concrete line into alcoholism* (С. Knapp¹).

Кроме того, могут использоваться особые металингвистические пометы, эксплицитно описывающие лингвокогнитивный статус предлагаемого выражения (*to use a metaphor; how about a metaphor?; if we compare..., etc.*). Ср.:

(2) *If you sip from the straw of support, taking small sips here and there, instead of loading on big gulps (how's that for mixing metaphors)* (В. Robertson).

Принципиальную важность для нас имеет то обстоятельство, что преднамеренная метафора трактуется как коммуникативный прием. По утверждению Х. Стейна, она является специфическим средством общения между носителями языка и реализует коммуникативное измерение метафоры [4. Р. 67]. Она подчеркнута интерактивна и приглашает собеседника к продуцированию ответных реплик типа «Почему вы использовали эту метафору?» или «Это удачный образ». Это свойство приобретает особую значимость в дискурсах алкогольной аддикции, значительную часть которых составляют исповедальные, катартические нарративы, конструируемые осознанно в попытке понять природу собственного переживания, донести ее до собеседника и получить интеллектуальный и эмоциональный отклик.

Значительную ценность представляет для нас и *теория дискурсивной метафоры*, разрабатываемая Й. Зинкеном. Он определяет дискурсивную метафору как «вербальное выражение, содержащее некоторую конструк-

¹ В тексте статьи указано лишь авторство drankалогов, их названия и выходные данные представлены в Списке источников примеров. Все цитируемые drankалогии доступны в электронной Kindle версии на сайте <https://www.amazon.com/>

цию, которая вызывает заранее согласованную (*negotiated*) в дискурсивном сообществе аналогию» [5]. Особое значение имеет здесь требование «согласования», которое выводит нас в плоскость дискурсивного конструирования. Метафорические обозначения того или иного явления не возникают спонтанно; они тщательно выстраиваются, выражая «нужные» (часто идеологически нагруженные) смыслы, и способны вызывать концептуальную перестройку соответствующего фрагмента общего дискурсивного пространства. Новая метафора может оказаться многозначной и допускать несколько, порой противоположных, интерпретаций [6], поэтому ее появление сопровождается периодом согласования, в ходе которого участники дискурсивного процесса заключают своего рода «концептуальный пакт» относительно ее значения [7]. Это согласование представляет собой сложный, нелинейный процесс, включающий многократное повторение метафоры, ее переформулирование, отвержение, повторное принятие и окончательную семантическую стабилизацию. Чрезвычайно важно то, что, обретя смысловую стабильность и укоренившись в коллективном когнитивном пространстве, дискурсивная метафора начинает выполнять «функцию ключевого средства фрейминга в рамках определенного дискурса в течение определенного периода» [8], задавая общий концептуальный формат для осмысления и вербализации некоторого круга явлений.

Следует отметить, что дискурсивное пространство алкогольной аддикции всегда было и остается концептуально подвижным и неустойчивым образованием, полем для разнообразных идеологических манипуляций. Часть из них может быть описана через систему смысловых оппозиций, представленных в работе Дж.Р. Гасфилда «Оспариваемые значения: Конструирование проблемы алкоголизма» [9. Р. 20–39]:

– **troubled person** (*человек с проблемой*) vs **troublesome person** (*проблемный человек*). Речь здесь идет о том, как следует воспринимать алкоголика: как лицо, нуждающееся в помощи и требующее человеческого участия, или же как источник проблем для общества.

– **abusive substance** (*вызывающее зависимость вещество*) vs **substance abuse** (*злоупотребление веществом*). В первом случае в качестве источника проблемы предстает сам алкоголь (его свойства и его повсеместная доступность как товара); во втором случае вина возлагается на человека, который неумеренно потребляет в целом безобидный продукт.

– **problematic drinker** (*проблемный потребитель алкогольной продукции*) vs **problematic drinking** (*проблемное потребление алкогольных напитков*). В данном случае алкоголизм предстает либо как индивидуальная, либо как социальная проблема.

– **drinking problems** vs **drinking problems**. В первом случае предлагается сфокусироваться на решении тех специфических проблем, которые связаны с неумеренным потреблением алкоголя (например, разработка специальных устройств, повышающих безопасность вождения либо блокирующих возможность управления транспортным средством в нетрезвом состо-

янии). Во втором же случае усилия должны быть направлены на борьбу с потреблением алкоголя вообще.

Однако главное, центральное противопоставление выглядит куда менее казуистически и обладает гораздо бóльшим метафорическим потенциалом: **sinful** (*грешный*) vs **sick** (*больной*).

На протяжении длительного времени в англоязычной культуре пьянство признавалось грехом, моральным падением, первопричиной многочисленных проблем: преступности, обнищания, безумия, разводов и многих других. При таком подходе пьяница однозначно подвергался общественному осуждению, а пьянство превращалось в социальную стигму (см., например: [10]). Однако в середине XX в. дискурсы алкоголизма подверглись глобальной перестройке под воздействием активно продвигаемой концепции алкогольной аддикции как болезни. Эта идея была впервые сформулирована Е.М. Еллинеком в 1960 г. [11] и популяризовалась благодаря деятельности общества «Анонимные алкоголики» и Йельского центра исследования алкоголизма.

Как подчеркивают многие исследователи, за этой идеей не стояло никакое серьезное научное открытие биологического или физиологического плана. Это «социальное достижение» совершенно иного типа, которое свершилось благодаря усилиям определенных акторов посредством масштабной дискурсивной интервенции. Как отмечает историк медицины Ш. Розенберг, «болезнь не существует до тех пор, пока мы не договариваемся о том, что она есть, воспринимая и фреймируя ее, а также реагируя на нее как на таковую». Определяя нечто как «болезнь», мы используем часть «поколенчески специфичного репертуара вербальных конструктов», в которых отражается «интеллектуальная и институциональная история медицины» [12. Р. 1–2]. В данном случае, однако, эта терминологическая инновация отражает и определенные сдвиги в общественном сознании, способствуя их дальнейшему закреплению.

Единодушно признавая «нозологическую» концепцию алкоголизма дискурсивным конструктом, специалисты в области медицинской антропологии квалифицируют «болезнь» как метафору, мотивируя такую позицию отсутствием соматического базиса (см., например: [10, 13]). «Концептуальный пакт», заключенный членами дискурсивного сообщества, состоит из ледующих пунктов: 1) алкоголизм «морально легитимен» [10]; он более не считается постыдным состоянием и не связывается с идеей грехопадения; 2) алкогольная аддикция признается патологическим состоянием, не подконтрольным человеку, а следовательно, не находящимся в зоне его ответственности [14. Р. 367]; 3) алкоголик нуждается в профессиональном лечении и реабилитации; 4) алкоголик достоин сочувственного отношения, подобно любому другому больному.

АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, которая стала ключевой дискурсивной метафорой алкоголизма в современной англоязычной культуре, сняв полемическую остроту перечисленных выше оппозиций и отчасти стабилизировав соответствующее дискурсивное пространство.

Наличие ключевой дискурсивной метафоры отнюдь не исключает возможности существования других метафор в пределах дискурсивного пространства алкогольной аддикции, задавая лишь общую концептуальную рамку. Сама природа этого опыта, его несводимость к единому стандарту способствует принципиальной множественности метафорических трактовок, каждая из которых обладает объяснительной силой и коммуникативным потенциалом. Именно поэтому важной методологической составляющей нашего исследования является *концепция метафорического ландшафта*, предложенная Дж. Лоули и П. Томпкинс в рамках их авторского психотерапевтического метода символического моделирования [15].

Метод символического моделирования в оригинальной его трактовке используется для изучения структуры субъективного опыта на основе так называемых аутогенных, т.е. порождаемых самим клиентом, метафор. В ходе сессии специалист-терапевт задает серию вопросов, поощряющих клиента к использованию тех образов, которые наилучшим образом отражают его внутренние переживания. Важным условием является использование терапевтом так называемого «чистого языка», свободного от каких бы то ни было образно-метафорических компонентов во избежание эффекта семантического прайминга. Метафоры, которыми оперирует клиент, могут иметь совершенно разный концептуальный генез, по-разному коррелировать друг с другом и образовывать любые комбинации. Терапевт лишь направляет метафорическую креативность клиента, помогая ему найти выход из реальной жизненной проблемы в условном символическом мире продуцируемых им форм. Совокупность этих форм образует уникальный метафорический ландшафт – «четырёхмерный психоактивный мир, который возникает внутри клиента и вокруг него» [16]. Метафорический ландшафт представляет собой подвижное, развивающееся, постоянно эволюционирующее образование: внутри него метафоры могут менять свое положение, набирая либо теряя концептуальный вес и, соответственно, перемещаясь в центр или на периферию; одни метафоры могут вытесняться другими; может производиться разворачивание определенных, наиболее продуктивных метафорических сценариев и сворачивание других и т.д. Выстраивая собственный метафорический ландшафт, человек меняет свое видение ситуации, отношение к ней и собственные поведенческие паттерны. По наблюдениям авторов метода, он помогает как в решении бытовых проблем, так и в разрешении сущностных экзистенциальных кризисов, к числу которых относятся поиск смысла жизни, внутренние конфликты, самоидентификация, определение духовных приоритетов и т.д. Заметим, что именно этот круг проблем составляет суть экзистенциальных исканий людей, стремящихся избавиться от алкогольной зависимости.

Несмотря на то, что концепция метафорического ландшафта первоначально разрабатывалась для моделирования индивидуального субъективного опыта, она может быть с успехом применена и при описании более крупных фрагментов психической реальности, в том числе и коллективно-когнитивного пространства. Ее основное преимущество заключается в

том, что она позволяет не ограничиваться анализом одной метафоры в дискурсе определенного тематического типа, а описывать тот или иной фрагмент субъективной реальности комплексно, во всей совокупности его возможных символических прочтений, учитывая как привычные, конвенциональные метафоры, так и индивидуальные способы метафорического осмысления того или иного явления и общие концептуально-дискурсивные тренды.

Материалом нашего исследования послужил специфический тип мемуарной прозы, для которого в английском языке существует компактное и семантически ёмкое название – *drunkalog*. Это автобиографическое описание опыта алкогольной аддикции и излечения от нее, автором которого может выступать как человек, профессионально работающий со словом (писатель, журналист), так и рядовой обыватель.

Дранкалог представляется весьма перспективным объектом исследования при изучении метафорического ландшафта алкогольной аддикции. Это повествование от первого лица, приближенное к устному монологу (но отнюдь не идентичное ему) и обладающее свойством реалистичности. Дранкалог отражает частный опыт переживания алкогольной аддикции, структурируя его и превращая из «истории, представляющей лишь частный интерес, в нечто значимое для незаинтересованного читателя» [17]. Он обладает некоторой эстетической ценностью, заполняя «серую зону» между романом и документальной прозой. Он удобен для анализа, поскольку является готовым текстовым продуктом, представленным в достаточном количестве и в относительно свободном доступе. Так, по некоторым подсчетам, электронный сервис *Amazon* предлагает 489 дранкалогов [18]. Настоящее исследование проведено на материале 25 из них, и корпус метафор набирался методом сплошной выборки. В корпусе текстов метафоры распределены неравномерно, отражая индивидуальные особенности концептуализации опыта алкогольной аддикции, и некоторые из прочитанных дранкалогов не представлены в выборке, поскольку они не содержат искомого материала. Общее количество пригодных для анализа контекстов составило 498 единиц, 88 из которых проанализированы в статье.

На основе анализа материала можно выделить ряд общих тенденций в конструировании метафорического ландшафта алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре.

Одна из них заключается в востребованности структур, соответствующих определению «преднамеренная метафора». В полной мере осознавая сложность передаваемых смыслов, авторы могут прибегать к пространной аналогии, эксплицитно маркируя ее как таковую. Так, в примере (3) автор предлагает развернутый сценарий, персонифицируя алкоголь и репрезентируя его как партнера по романтическим отношениям. Формирование зависимости предстает как период влюбленности, первая романтическая фаза длительного союза. Интересна структурная динамика контекста: предваряющий описание металингвистический комментарий (*analogy*) подготавливает читателя к переходу в пространство образов; сам же пере-

ход маркируется аппроксимирующим сравнением (*like falling in love*) (об аппроксимирующем сравнении см.: [19]), выстраивающим проекцию между двумя экспериенциальными областями (романтические отношения и алкоголизм). Установив эту концептуальную связь, автор изымает маркер сравнения из описания, переходя к собственно метафорическому формату.

(3) *Trying to explain alcoholism to someone unaffected requires analogies. A relatable scenario. Alcohol is like falling in love. The romance phase. When you think about her all day. Can't wait to see her. Taste her. You love the way she makes you feel when you're with her. Powerful. Creative. Handsome. And miss her when you wake up. She's gone. Until the coast is clear again* (Т. Коллинс).

Эксплицитно маркированная аналогия представлена и в примере (4), где образно описываются изменения, происходящие с человеком, который страдает алкогольной зависимостью. Этот процесс репрезентируется как превращение свежего огурца в соленый, причем внимание адресата фокусируется не на качественных характеристиках этого процесса, а на его односторонности и необратимости:

(4) *A lot of alcoholics use the cucumber-to-pickle analogy to describe that phenomenon: a true alcoholic is someone who's turned from a cucumber into a pickle; you can try to stop a cucumber from turning into a pickle, but there's no way you can turn a pickle back into a cucumber* (С. Кнапп).

Особый интерес представляют преднамеренные метафоры, снабженные развернутым металингвистическим комментарием. Его наличие говорит об осознанности выстраиваемой проекции, а содержание часто свидетельствует о развитой метафорической компетенции [20]. Так, в примере (5) автор не только маркирует используемую метафору, относя ее к разряду тропов, но и характеризует как «уставшую», утратившую образную силу и риторическую мощь:

(5) *I was wary of trotting out the tired tropes of the addictive spiral, and wary of the tedious architecture and tawdry self-congratulation of a redemption story* (L. Jamison).

В примере (6) автор предлагает собственную развернутую метафору и сопровождает ее критическим комментарием, оправдывая ее наличие в собственном репертуаре лингвокогнитивных средств особыми юмористическими свойствами:

(6) *If there was a Bermuda Triangle for alcoholics and addicts, my ship was heading for disaster (I know that's a horrible metaphor, but it makes me laugh, so I'm leaving it in)* (D. Foster).

Тот же автор усиливает метафору иронией, предлагая заведомо грубый, вульгарный образ и называя его «тонкой метафорой»:

(7) *Our ego is our worst enemy. We think we have all the answers until one day we realize that our lives have turned into a cesspool, and we're drowning in our own shit (how's that for a subtle metaphor?)* (D. Foster).

Разумеется, не все содержащиеся в текстах метафоры имеют столь выраженное «преднамеренное» оформление, однако само наличие подобных образований свидетельствует о высокой степени осознанности в употреб-

лении лингвоконцептуальных ресурсов, о понимании функции и роли метафор в нарративах алкогольной аддикции.

Перейдем к рассмотрению дискурсивных метафор, концептуально формирующих дискурсы алкогольной аддикции. Как было показано выше, важнейшей здесь оказывается метафора болезни. Собственно, само становление жанра «дранкалог» во многом обусловлено укоренением этой метафоры, морально легитимирующей алкогольную зависимость.

Авторы дранкалогов разнообразно и порой весьма креативно обыгрывают эту метафору. Так, К. Нэпп избирает этимологический путь, напоминая нам об изначальном смысле слова *disease* (dis-ease, отсутствие покоя, комфорта) и провозглашая алкоголизм болезнью в самом явном, чистом ее виде:

(8) *Seen in this light, alcoholism may be a disease in the purest sense: a physiological state producing a sense of overwhelming dis-ease* (С. Knapp).

В ряде случаев этой болезни приписываются определенные свойства, уточняется ее природа и симптоматика. Ср.:

(9) *Alcoholism, after all, is a progressive illness* (С. Knapp) / *But I've learned this is a progressive disease* (Т. Collins).

(10) *Alcoholism is a disease of relapse <...>* (С. Knapp).

(11) *A woman I know named Liz calls alcoholism "the disease of more," a reference to the greediness so many of us tend to feel around liquor, the grabbiness, the sense of impending deprivation and the certainty that we'll never have enough* (С. Knapp).

Примечательно, что многие называют алкоголизм «болезнью равных возможностей», которая, вопреки распространенному заблуждению, распространена среди представителей разных социальных слоев общества:

(12) *One thing that is certain about addiction; it doesn't discriminate across race, gender, class, or social status. It's an equal-opportunity disease that welcomes everyone into its home. Everyone is invited* (D. Foster).

Примечательно, что в попытке оправдать алкоголизм, придать ему статус соматической проблемы, возникновение и развитие которой неподконтрольно человеку, его часто эксплицитно сравнивают с раком. Выбор онкологического заболевания, очевидно, обусловлен ее общепризнанной тяжестью, длительностью лечения, исход которого непредсказуем, высокой летальностью. Ср.:

(13) *It's like with cancer," she says. "People don't say, 'Stop having cancer!' My mental illness is a disease. Your alcoholism is a disease. It doesn't define who we are as people." Her voice rises in intensity. "We can't stop. We need help. It's like that with you."* (Т. Collins).

(14) *Alcoholism will ruin your life and kill you as surely as a raging cancer if it is not properly treated and contained* (G. McGovern).

Особого внимания заслуживает пример (13), в котором очень четко сформулировано главное концептуальное преимущество метафоры АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ: она не затрагивает сущностной природы человека, не стигматизирует его как личность, будучи всего лишь атрибутом, внешним, преходящим признаком. Такое видение

закреплено и в современной дискурсивной тенденции избегать употребления слова *alcoholic*, заменяя его словосочетанием *a person with alcoholism / alcohol addiction* (см.: [21. С. 208]). Заметим, что терапевтический эффект «Анонимных алкоголиков» во многом строится именно на развенчании этого представления, поскольку человека принуждают отказаться от всех новомодных дискурсивных конструкций, напрямую объявив себя алкоголиком: *Hello, I am X and I am an alcoholic*.

Та же идея неподконтрольности прослеживается и в сравнении алкоголизма с аллергической реакцией, хотя автор и признает, что эта реакция имеет несколько иную природу:

(15) *An alcoholic's allergy is internal. Psychological. An abusive communication between the body and the brain you will never see or hear. But it is just as real as your peanut allergy friend twitching in the corner* (T. Collins).

Алкоголизм сравнивают и с безумием, приближаясь к более научно состоятельному его пониманию как болезни психического свойства:

(16) *What I could never accept, from the very beginning, was that there is an irrational, collective insanity that is alcoholism* (W. Porter).

(17) *But I left the clinic with the notion that alcohol was an escalating madness* (S. Nepola).

Подобные примеры многочисленны и не представляют особого исследовательского интереса вследствие изрядной «заезженности» метафоры болезни. Есть, однако, одно заслуживающее внимания явление, которое мы предлагаем условно назвать *эффектом метафорического кластеринга*. Представляя алкоголизм как болезнь, мы открываем его дискурсивное пространство для тех метафор, которые традиционно служат средством ее осмысления. Наиболее ярким примером здесь может послужить военная метафора, которая уже более ста лет пронизывает все англоязычные курсы болезни. Сетка метафорических проекций достаточно разветвлена, но наиболее существенные ее концептуальные узлы включают ПРОЦЕСС ЛЕЧЕНИЯ – ЭТО БИТВА, БОЛЬНОЙ – ЭТО ВОИН, ИЗЛЕЧЕНИЕ – ЭТО ПОБЕДА, ОТСУТСТВИЕ ПРОГРЕССА – ЭТО ОТСТУПЛЕНИЕ, СМЕРТЬ – ЭТО ПОРАЖЕНИЕ и т.д. Иллюстрацией могут стать следующие примеры из нашей выборки:

(18) *In AA, I was surrounded by others like me, all of us helping each other fight the battle of recovery* (D. Foster).

(19) *And I personally know self-proclaimed alcoholics who, rather than finding peace, fight a daily battle for sobriety* (A. Grace).

Весьма показательно название книги Дж. МакГоверна, влиятельного американского сенатора, дочь которого страдала алкогольной аддикцией, приведшей в конечном итоге к ее смерти: *Terry: My Daughter's Life-and-Death Struggle with Alcoholism*. Сквозной метафорой всего повествования стала *her lifetime battle with alcoholism*.

Примечателен и пример (20), в котором явственно ощущается жанровая переключка с некрологом, типичным для случаев, когда человек умирает от онкологического заболевания:

(20) *Today would have been my mother's 66th birthday. In June, she lost a 35-year battle with alcoholism* (Т. Collins).

Военная метафора пользуется особой популярностью при описании терапевтических сессий в «Анонимных алкоголиках», участники которых предстают как бойцы одного подразделения, прошедшие через сражения и понесшие потери:

(21) *Four pages and 22 questions later, the group takes turns giving feedback on everything they heard. The responses are unique based on personal experiences. They are similar in camaraderie. Platoon soldiers. Stuck in the same foxhole. Fighting the same war* (Т. Collins).

(22) *The bonds formed in the early days of recovery are often intense and long-lasting, similar to soldiers who fought in the same war. There is a shared understanding and honesty between the combatants that other people, outside the sacred circle, simply can't understand* (D. Foster).

(23) *All of us broken soldiers trying to pick up the pieces of their shattered lives together* (D. Foster).

Не зная тематическую принадлежность приведенных выше контекстов, их вполне можно было бы принять за классические нарративы тяжелых органических заболеваний.

Следует заметить, однако, что военная метафора в дискурсах алкогольной аддикции может использоваться и самостоятельно, вне связи с ключевой дискурсивной метафорой АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ. Она традиционно пользуется популярностью в прогибиционистской риторике. Одним из ярчайших примеров здесь служит речь британского премьер-министра Д.Л. Джорджа, произнесенная им в 1915 г.: *We are fighting Germany, Austria, and Drink, and as far as I can see, the greatest of these deadly foes is Drink* (цит. по: [22. P. 241]).

Военная метафора может выполнять прямо противоположную функцию, репрезентируя алкоголь как орудие борьбы с психологическими проблемами. Так, в примере (24) представлен целый военный сценарий, в котором рассказчик описывает свою депрессию как действие невидимых террористов, засевших в его голове, а алкоголь превращается в оружие, позволяющее вести сражение:

(24) *I have given myself free rein to drink with a vengeance while I am in Abu Dhabi, even though I take antidepressants. I need a full arsenal to combat the invisible terrorists in my head—which feel like a far greater threat to my existence than the ISIS rebels in nearby countries* (N.S. Bergaw).

Анализ материала, как и знакомство с теоретическими работами по проблеме, позволяет убедиться в релевантности еще одной метафоры, популярной в дискурсах болезни и весьма востребованной в дискурсах алкоголизма: АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Она также обладает свойствами дискурсивной метафоры, фреймируя нарративы аддикции. С ее помощью описывается как возникновение зависимости, так и излечение от нее. Ср.:

(25) *Somehow, we found each other and took the journey together into the realms of self-destruction and addiction* (D. Foster).

(26) *However, I have discovered that most people who are successful at getting sober and staying sober, travel a similar road to recovery* (D. Foster).

Основное концептуальное преимущество этой метафоры заключается в том, что она в наибольшей степени приспособлена для обозначения длительных процессов, причем сам процесс оказывается не менее, а порой и более значим, чем его результат. Ср.:

(27) *And remember, sometimes what you are searching for is in the journey rather than the destination* (A. Grace).

Эта метафора, в отличие, скажем, от военной, не «требует» скорейшего разрешения конфликта; она позволяет «путешественнику» перемещаться с комфортной для него скоростью, «поощряя» медленный прогресс. Ср.:

(28) *getting sober <...> was a series of small steps in the same direction. You say "I'll do this today," and then you say the same thing the next day, and you keep going, one foot in front of the other, until you make it out of the woods* (S. Hepola).

Кроме того, она предоставляет широкие возможности для «концептуального маневра», схватывая сложную, нелинейную динамику процесса: во время путешествия возможны незапланированные остановки, возникновение труднопреодолимых препятствий, долгие объезды, ошибки навигации, аварии и другие события, препятствующие достижению конечного пункта назначения. Ср.:

(29) *I thought about backing out. The mountain in front of me looked so big. So real* (T. Collins).

Метафорический фрейм ПУТЕШЕСТВИЕ позволяет использовать широкий спектр географических образов. Ср.: *that slippery slope of alcohol* (T. Collins); *to return to the land of excess, but also to cross yet another boundary* (T. Collins); *camping out on the road of good intentions* (T. Collins); *strange land of sobriety* (L. McKowen); *a plateau of cleverness* (S. Hepola).

Особенно примечателен в этом отношении пример (30), описывающий промежуточный этап излечения от алкогольной аддикции:

(30) *Not only do you feel better on Day 180 BUT you can look up, look around, see where you've come from AND where you're going. It's like arriving on a hill and having a fantastic clear view ahead* (B. Robertson).

Л.М. Фройлих устанавливает метафорический фрейминг в самом названии своего мемуара – «Дранкалог: Дорога к выздоровлению» – и описывает этапы избавления от алкогольной аддикции как «регионы», в которых ей пришлось побывать:

(31) *I would have to reside in various regions along the way to that better world; The first region was the region of total hopelessness and despair; The second region was a grey little world without any clear rewards; The last region in which I came to live was one of empowerment, where I have found new meaning and purpose for my life* (L.M. Froehlich).

В drankалогах других авторов подобные метафорические «регионы» могут получать более ёмкие и креативные названия: *languishing in Hangoverland*

(S. Hepola); *hibernate on Smirnoff Island* (Т. Collins); *Sobrietyville* (Т. Collins). Несмотря на их инновационный характер, они легко дешифруются адресатом, поскольку вписываются в привычную метафорическую канву.

Заметим, что метафора путешествия применима и к самому алкоголю, который интерпретируется как транспортное средство, перемещающее человека в область нездорового пристрастия. Ср.:

(32) *Alcohol is a vehicle, and I didn't care which vehicle I used to travel. When the fancy stuff was gone, I was content to drink boxed white. I didn't let a room-temperature light beer stop me* (В. Robertson).

Вариантом такой интерпретации является наделение алкоголя функцией водителя транспортного средства. В этом случае человеку, страдающему аддикцией, отводится пассивная роль пассажира, который не волен определять маршрут перемещения, его скорость и пункт назначения:

(33) *I had a clear vision of what I could do if alcohol wasn't always in the driver's seat. Determining and demanding the constricted parameters of what could realistically be accomplished* (Т. Collins).

Перемещение в кресло водителя означает обретение контроля над ситуацией и возможность метафорического движения в сторону выздоровления:

(34) *So here you are, sitting in your little sober car on the side of the road, ready to begin. You put your hands firmly on 10-and-2, and you have someone sitting beside you, pointing out the big speed bumps and helping to navigate your sober car into the correct lane* (В. Robertson).

Пример (34) интересен и тем, что он вписывает в сценарий путешествия на машине особенности рельефа местности, метафорически коррелирующие с трудностями избавления от зависимости, и наличие попутчика, помогающего проложить правильный маршрут и добраться до места назначения. Последний метафорически соотносится с так называемым «спонсором» – человеком, который в обязательном порядке назначается наставником каждому новообращенному «анонимному алкоголику».

В случае удачного «путешествия» и прибытия в «конечный пункт» полного избавления от зависимости алкоголь остается «далеко позади», попадая лишь «в зеркало заднего вида»:

(35) *Little did I understand that it would be more than a year before I was able to secure any meaningful sobriety, to put alcohol somewhat solidly in my rearview mirror* (А.Д. Johnston).

Путь к исцелению долг; он представляет собой «эпическое путешествие» (*epic journey* – D. Foster), требующее терпения и осторожности, учета множества внешних факторов и готовности к переменам. Оно далеко не всегда приятно и бывает особенно тяжелым в начале, но с приобретением «дорожного опыта» способно приносить удовольствие:

(36) *There is a certain amount of concentration that is required in the beginning that will ease off as you go along. Like learning to drive, you start with your senses on high alert and feel some unease because everything is new. Then eventually you are driving along, you have momentum, you can listen to the ra-*

dio. You slow down in bad weather, you put fuel in your sober car, and you keep going no matter what (B. Robertson).

Метафора путешествия может встречаться в нарративах аддикции и в принципиально ином формате, обозначая перемещение не в пространстве, а во времени. Такой вид «путешествия» происходит в том случае, если человек испытывает так называемый *blackout* – свойственный алкоголикам провал в памяти, часто упоминаемый в drankалогах и порой полностью дезориентирующий человека:

(37) *In my early 30s, I used to have brunch with a sardonic guy who actually bragged about his blackouts. He called it “time travel,” which sounded so nifty, like a supernatural power. He wasn’t drinking too many Long Island iced teas; he was punching a hole in the space-time continuum* (S. Nepola).

Еще более экзотической версией путешествия является выход за границы собственного Я. Ср.:

(38) *Without stating so explicitly, that image had to do with the places alcohol can take you. It had to do with transportation, with the very real—and, to alcoholics, enormously seductive—phenomenon of taking psychic flight, ingesting a simple substance and leaving yourself behind* (C. Knapp).

Этот «выход», описываемый в (38) как «психический полет», представляет собой, по сути, обретение новой идентичности. Многие авторы пишут о «трансформирующей» функции алкоголя, о его способности обращать их в некие «улучшенные версии» самих себя, свободные от комплексов, фобий, дурных мыслей и моральных ограничений. К. Нэпп, например, называет алкоголь «инструментом самотрансформации»: *...a simple tool of self-transformation – a way to relax and feel less inhibited, a way to be more sexual and open and light* (C. Knapp). Она же предлагает ряд уравнений, описывающих трансформационные возможности алкоголя: *Discomfort + Drink = No Discomfort; Fear + Drink = Bravery; Repression + Drink = Openness; Pain+Drink = Self-Obliteration*.

Наконец, метафора путешествия может использоваться и для обозначения генетической предрасположенности к алкоголю: *Alcohol travels through families* (C. Knapp); *I can say that alcohol traveled in my family* (C. Knapp).

Таким образом, метафора путешествия обширно и разнообразно манифестируется в дискурсах алкогольной аддикции. Как и в случае с метафорой болезни, ее популярность во многом объясняется тем, что она целенаправленно вводилась в дискурс, главным образом, активистами программ по излечению от алкогольной зависимости (прежде всего, «Анонимными алкоголиками»). Обретя статус и функции дискурсивной метафоры, она оказала формирующее влияние на коллективное и индивидуальное восприятие алкогольной аддикции и во многом предопределила выбор лингвокогнитивных ресурсов в ее нарративах.

Фреймируя дискурсы алкогольной аддикции, метафора путешествия создает благоприятные условия для лингвокогнитивных экспериментов с глаголами (и производными от них существительными) движения.

Наиболее значимыми характеристиками движения, релевантными для осмысления опыта аддикции, оказываются направление, траектория и скорость.

Направление становится салиентным признаком при описании процесса формирования аддикции и излечения от нее. В этом случае движение осуществляется преимущественно по вертикальной оси, где низ ассоциируется с состоянием зависимости, а верх – с трезвым образом жизни. Очевидно, это объясняется особенностями ориентационной метафоры в целом (ВЕРХ – ЭТО ХОРОШО / НИЗ – ЭТО ПЛОХО) и связанной с ней ментальной привычкой ассоциировать алкоголизм с моральным падением.

Признак «направление движения» может быть заложен в самом глаголе или производном от него существительном (*sink, dive, fall, descend / descent, climb, etc.*) либо передаваться сателлитом (*down, up*) [23]. Ср.:

(39) *My descent to rock bottom took years, and I'm grateful to have survived. But the day I went to my first meeting was only the beginning. I had a long way to go to climb out of the deep hole of addiction, which had left me spiritually and psychologically wounded* (D. Foster).

(40) *It was the true constant in my life, and I was now deep into an unhealthy relationship with alcohol and totally unaware I was heading down a dark and dangerous rabbit hole* (S. Chapple).

Особая изобретательность наблюдается при описании нисходящего движения, характер которого может уточняться с помощью дескрипторов, ср.: *a lifelong kamikaze dive* (L. Jamison).

Заметим, что одним из ключевых образов в дискурсах алкогольной аддикции является лифт, движущийся вниз, – архетипический образец идеально точного вертикального перемещения:

(41) *If alcohol is an elevator that only goes down, the goal is to step off, not to ride down any more. Stop drinking now. Start feeling better now* (B. Robertson).

Вектор движения может дополняться признаком траектории, позволяющим подчеркнуть нелинейный характер формирования аддикции и излечения от нее. Ср.:

(42) *My own descent had the feel of a swan dive, a long, slow curving arc, the outlines of which I was able to see only in retrospect* (С. Кнапп).

В наиболее компактной форме комбинация признаков «направление» и «траектория» содержится в метафоре *downward spiral*, являющейся одной из наиболее распространенных в англоязычных дискурсах алкогольной аддикции. То же нелинейное спиралеобразное движение может обозначаться и предикатом *spin*:

(43) *I began to spin downward at an accelerated rate of speed* (D. Foster).

Признак «скорость» манифестируется достаточно разнообразно, при этом общая тенденция в употреблении соответствующих лексических единиц отвечает официально рекомендуемым стратегиям выхода из алкогольной зависимости: не рассчитывать на быстрый результат, действовать медленно и поэтапно, перемещаясь «маленькими шажками». Ср.:

(44) <...> *getting sober wasn't some giant leap into sunlight. It was a series of small steps in the same direction* (S. Hepola).

(45) *I've spent the last decade inching closer to this day* (T. Collins).

Низкая скорость перемещения особенно интересно представлена в дранкалоге Т. Коллинз, которая использует метафору спотыкающегося шага (*stumble*), вынося ее в заглавие и делая ее, таким образом, концептуальным стержнем собственного повествования: *Stumbling Into Sobriety: And the Things I Learned on the Way Back Up*. Предикат *stumble* заслуживает особого внимания, поскольку обозначает движение, осуществляемое с нарушением кинетической нормы [24. С. 8], и отражает не только скорость перемещения, но и его характер. Ср.:

(46) *Stumbling. An unsteady walk. A misstep. When the right leg gives out, the left snaps to attention, pushing forward in an attempt to steady the whole body. Then the right jumps back in, follows through, and so on and so on until we are stable again* (T. Collins).

Обратим внимание еще на одно описание, уникальность которого заключается в том, что в фокусе оказываются не физические параметры движения (направление, траектория, скорость и т.д.), а те субъективные ощущения, которые с ним связаны. Экспериментальный характер устанавливаемой концептуальной проекции вынудил автора эксплицитно маркировать свое описание как аналогию, что позволяет охарактеризовать его как преднамеренную метафору:

(47) *There are a lot of similarities between running and being sober. On long runs, I often feel like a bag of shit for the first half, and I have now learned that that's normal for me. I know to keep going through the crappy part, and then I feel better. I have learned (the hard way) to never quit during the first part, just wait, it improves—and it always does. If I stop and have to start again, I beat myself up; it's easier to keep going* (B. Robertson).

При всем разнообразии описанных выше метафор реальный метафорический ландшафт алкогольной аддикции отнюдь не ограничивается ими, заключая в себе множество других концептуальных форм в разных словесных репрезентациях.

В нем широко и разнообразно представлена метафора АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО ПАРТНЕРСТВО. В ее основе лежит общая тенденция к персонификации алкоголя, свойственная людям, страдающим зависимостью. Алкоголь, как отмечает Б. Дж. Корер, начинает восприниматься как своего рода «значимый другой» (*significant other*) [25. Р. 1]. Этот «другой» описывается в дранкалогах либо как любовник, либо как друг.

Сценарий любовных отношений пронизан высокой романтикой. Так, первый опыт потребления алкогольных напитков сравнивается с первым поцелуем – самым волнующим моментом в развитии отношений:

(48) *I suppose we always remember the first time we got drunk, like the first kiss* (P.L. Brooks).

Алкоголь становится объектом страстного желания, поклонения и сексуального влечения, подавляя все другие чувства:

(49) *I sexualized alcohol, romanticized it, desiring it with deep longing (D. Foster).*

(50) *It's about passion, sensual pleasure, deep pulls, lust, fears, yearning hungers. It's about needs so strong they're crippling (C. Knapp).*

Примечательно, что в женских drankalogs ему часто приписывается подчеркнутая маскулинность; он представлен во множестве архетипических образов неотразимых красавцев. Ср.:

(51) *At first, alcohol is that elegant figure standing in the corner by the bar, the handsome one in the beautiful black tuxedo. Or maybe he's in black leather and jeans. It doesn't matter. You can't miss him (A.D. Johnston).*

Первая романтическая влюбленность постепенно перерастает в крепкое и глубокое чувство: *I think my relationship with alcohol began to deepen and shift around that time, my college years (C. Knapp); ...a deeply passionate, profoundly complex, twenty-year relationship with alcohol (C. Knapp). Аддикция – это неизменно долговременный и на удивление прочный союз, в котором партнеру многое прощается:*

(52) *It reminded me of what people said about the most difficult partners at law firms: "He may be an asshole, but he's our asshole." Addiction was my asshole and the devil I knew. After ten years of drinking like a full-blown drunk, I couldn't imagine life without it (L. Smith. Girl Walks Out of a Bar).*

Регулярное употребление алкоголя, бытовое пьянство часто описывается как совместное проживание с партнером, *cohabitation* (T. Collins):

(53) *Suddenly, you realize booze has moved in. He's in your kitchen. He's in your bedroom (A.D. Johnston).*

Со временем оно становится в тягость, и человек начинает осознавать нездоровый характер этих отношений – то, что обозначается сейчас модным словом «токсичность»:

(54) *In fact, he wants it all: room and board, all your money, your assets, your family—plus a lot of love on the side. Unconditional love (A.D. Johnston);*

(55) *It felt like a toxic relationship had come to an end, one that should have finished years ago (S. Chapple);*

(56) *Alcohol <...> is more like a toxic ex-boyfriend who says "It'll be different this time, I promise." (B. Robertson).*

У человека открываются глаза, он начинает замечать очевидные недостатки своего партнера:

(57) *Alcohol is not my true love. It is a liar. It is an abuser. And it is a cheater (T. Collins).*

Процесс избавления от аддикции массово метафоризируется как тяжелый, болезненный развод:

(58) *But I couldn't stop thinking about alcohol, no matter what! It was like going through a long, painful divorce; even though I knew the marriage had to end, I still had deep feelings for a wife who wanted to kill me (D. Foster).*

Этот процесс часто сопровождается ощущением невосполнимой утраты, тяжелой жертвы, а иногда – и предательства по отношению к «партнеру», который на протяжении долгих лет давал ощущение комфорта и стабильности:

(59) *I would sacrifice the greatest, most important relationship of my existence – here I am, universe, sinking a knife into my true love’s chest for you* (S. Hepola).

Трудности процесса выздоровления, ностальгия по алкоголю описываются как скорбь по потерянному возлюбленному:

(60) *That’s where I am with my lover, Alcohol. We are through. And I know it. And I am deep in the mourning process* (T. Collins).

Во избежание срывов человек старается избегать ситуаций, в которых он не сможет устоять перед соблазном выпить, и эта поведенческая стратегия метафорически описывается как опасность неприятной встречи с бывшим возлюбленным:

(61) *avoiding alcohol the way you’d avoid running into an ex-lover at a restaurant, steering clear of places I might see liquor, people I might see it with* (С. Кнапп).

Этот сценарий очень кратко, в предельно сжатой форме представлен в примере (62):

(62) *It happened this way: I fell in love and then, because the love was ruining everything I cared about, I had to fall out* (С. Кнапп).

Отметим некоторую непривычность конструкции *had to fall out of love*, которая представляет утрату романтического чувства как вынужденное действие, осуществляемое целенаправленно, благодаря определенному волевому усилию.

В этом корпусе метафор, формирующих центральную зону метафорического ландшафта алкогольной аддикции, встречаются необычные и оригинальные образы. Один из них представлен в примере (63), где в рамках общей метафоры романтических отношений употребление нескольких разных алкогольных напитков осмысливается как полигамия:

(63) *Alcohol is often a multiple partner: you have your true love, which is the drink you’re drawn to most often and most reliably, and then you have secondary loves, past loves, acquaintances, even (but not often) an enemy or two* (С. Кнапп).

Любопытен и пример (64), где воздействие разных алкогольных напитков описывается как разные типы сексуального поведения:

(64) *I liked the butterfly kisses of a light lager, which whisked me off into a carefully modulated oblivion, and bourbon was like being bent over a couch 20 minutes into your date* (S. Hepola).

Наконец, в примере (65) содержится интересное метафорическое противопоставление алкогольной зависимости и трезвости. Оно репрезентируется на вербальном уровне оппозицией *dating vs marriage*, где профилируется темпоральный аспект отношений и брак, в отличие от романтических свиданий, представлен как постоянный и незыблемый союз:

(65) *“The difference is I dated alcohol. I’m married to sobriety. People in a healthy marriage don’t wake up and ask themselves, ‘Let me think. Do I want to be married today?’ They get up another day and tend that beautiful garden to reap the benefits. This is how I treat sobriety. I water it. Feed it nutrients. Avoid situations I know to be temptation.”* (T. Collins).

Напомним, что алкогольная зависимость может метафорически осмысляться и как дружба. В этом случае в центре внимания будет «надежность» алкоголя как средства решения психологических проблем, его «готовность» постоянно присутствовать рядом и оказывать необходимую поддержку:

(66) *It [liquor] sits there on its refrigerator shelves or on the counter or in the cabinet like a real person, as present and reliable as a best friend* (С. Knapp).

(67) *Unless I was physically unable to lay my hands on my wine, I would drink. It was always there for me, like a faithful friend, never leaving my side* (S. Chapple).

Осознание патологического характера своего увлечения алкоголем в этом случае предстает как «предательство» друга, его лицемерие:

(68) *If you learn to drink excessively and the hard way, just as I did, you eventually learn alcohol is a cozy soothing friend... who turns on you. Eventually, you will no longer count on this friend, who becomes downright ugly* (P.L. Brooks).

(69) *I'm starting to be able to see alcohol for the false friend that it was, one of these toxic friends that you're better off without* (B. Robertson).

К домену ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ можно отнести и метафору союзничества, с помощью которой описывается как сам алкоголь, так и процесс его употребления. Вновь алкоголь репрезентируется как нечто, помогающее решить внутренние проблемы и достичь желаемого состояния:

(70) *When I was with men I loved, drinking felt like the most natural ally, the most reliable route to a kind of internal softening* (С. Knapp).

(71) *In ways, I acknowledged that my little stockpile of booze was an ally, just as Styron described it: a defense against my own subconscious, against the demons that threatened to swim up from wherever they hid inside* (С. Knapp).

Наконец, алкоголь может представлять в метафорическом облики партнера по танцам, а алкоголизм – танцевальной площадки:

(72) *I am consistently amazed to hear women talk about their multiple relationships with addictions, the way they combine two or three, the way they shift from one to another, so naturally and gracefully you might think they were changing partners in a dance* (С. Knapp).

(73) *Alcoholics and addicts may inhabit the center of the dance floor, but countless others, men and women, stand at the fringes, placing one toe over the line from time to time, then drawing it back to safety* (С. Knapp).

В метафорическом ландшафте алкогольной аддикции представлен внушительный блок «водных» образов, концептуальная и коммуникативная эффективность которых объясняется особенностями самого употребляемого вещества, которое представляет собой жидкость. Человек, страдающий зависимостью, описывается как «погружающийся» в алкоголь, «тонущий» в нем либо «топящий» в нем свои проблемы: *drowning in addiction and despair* (D. Foster); *desperately trying to drown sorrow and resentment in a river of booze* (D. Foster). Алкоголик может описываться и как «пловец». В этом случае он предстает как человек, осознающий происходящее и от-

части ответственный за него, поскольку плавание представляет собой активный, деятельный и целенаправленно осуществляемый процесс:

(74) *Cleaving my life in two—before and after—did not mean I had lost my desire to swim in alcoholic waters. And, in early sobriety, I could still see the liquor lapping at my feet, beseeching me to take one last dip* (S.Z. Scoblic).

Масштабность бедствия подчеркивается обширностью метафорического водного массива:

(75) *When I decided to start drinking again at 27, nothing could have convinced me to stay. No persuasive case could have been launched to keep me out of the churning ocean once I decided to swim in it again* (S. Hepola).

Несколько необычный подход предложен в примере (76), где алкоголизм представлен как пространство внутри человека, которое необходимо заполнить водой. Примечательно и само название drankалога, в котором задан общий метафорический фрейминг всему повествованию (Dryland: One Woman's Swim to Sobriety):

(76) *And what I want these days is alcohol, lots of it, to fill some sort of bottomless swimming pool inside of me* (N. S. Bergaw).

Примечательно, что вода может служить и источником метафорической проекции на область трезвости: *navigate the treacherous waters of sobriety* (D. Foster). Такое единое пространство образов способно передавать континуальность опыта аддикции, объединяя ее приобретение и избавление от нее в единое концептуальное поле.

Даже когда речь идет о функциях алкоголя, способах его воздействия на человека, во многих drankалогах делается упор на его «жидкостный» характер. Ср. *six or eight ounces of liquid relief* (C. Knapp); *Booze: the liquid security blanket* (C. Knapp); *liquid logic* (C. Knapp); *liquid courage* (D. Foster; L.M. Froehlich; P.L. Brooks), *liquid alchemy* (P. Hamill).

Будучи жидкостью, алкоголь способен «пропитывать» не только жизнь отдельного человека (*a hazy past drenched in booze* – S.Z. Scoblic; *alcohol-soaked time* – C. Knapp), но и целую культуру (*our alcohol-saturated culture* – A. Grace). Заметим, что практически во всех drankалогах отмечается роль алкоголя как своего рода культурного символа. Он является необходимым компонентом социализации, неотъемлемым атрибутом хорошего досуга, важнейшим средством достижения комфорта – состояния, рассматриваемого как единственно приемлемое для человека в современной консьюмеристской культуре (см., например, C. Knapp).

«Водным» является и образ волны, которая «накрывает» алкоголика:

(77) *Sometimes I went too far, because the beer was like a wave I wanted to keep crashing into* (S. Hepola).

К группе «водных» метафор примыкает и интересный образ *floating on the booze barge* (S. Hepola). Здесь, правда, водным массивом является вся человеческая жизнь, а алкогольная аддикция представлена лишь как способ перемещения по этому пространству.

Периферийную зону метафорического ландшафта алкогольной аддикции формируют менее популярные и единичные, индивидуально-авторские метафоры.

Среди них метафора АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО ЗАПАДНЯ:

(78) *alcohol was only dulling my senses and keeping me trapped rather than adding to my life* (A. Grace).

Вопреки ожиданиям, она оказалась не особо востребованной, несмотря на ее очевидные концептуальные достоинства: легкость попадания в западню, непреднамеренный характер этого процесса, лишение свободы действий, длительность заточения, сложность выхода из нее и т.д. Возможно, непопулярность этой метафоры в современных нарративах объясняется ее избитостью, банальностью.

Идея заточения и ограничения свободы реализуется и в метафоре АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

(79) *Millions of us once felt just like you, imprisoned by an addiction that some of us didn't realize we had* (D. Foster).

Единично представлена некогда популярная метафора АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО РАБСТВО:

(80) *In that way, sobriety is about freeing yourself from any behavior, relationship, or way of thinking that enslaves you and keeps you from being present to life* (L. McKowen).

Заметим, что сам общеупотребительный термин «аддикция», официально введенный в научный обиход в 1906 г. [26], исторически восходит к идее самопорабощения. В латыни термином *addict* обозначается раб или должник, кто-то, кто формально передан другому или имеет перед ним обязательства, часто связанные с выплатой денег [27. Р. 6]. В настоящее время метафора порабощения утратила концептуальную привлекательность и коммуникативный потенциал.

Единичны и случаи демонизации и зооморфизации алкоголизма, каждый из которых представлен лишь в одном drankалоге.

(81) *Terry was dealt a doubly cruel hand: the companion demons depression and alcoholism* (G. McGovern).

Зооморфная метафора является ключевой для Б. Робертсон, которая представляет алкоголь и алкоголизм как большого волка с черными глазами – образ, очевидно, навеянный сказкой о Красной Шапочке:

(82) *If you can picture booze like a Big Wolf With Black Eyes, he represents the voice in your head. Now you have to very calmly starve the wolf. Or better yet, you have to dehydrate him by not giving him anything to drink* (B. Robertson).

Общая тенденция к олицетворению алкоголя, о которой мы писали выше, способствует появлению в дискурсивном пространстве аддикции широкого спектра девербативов, описывающих способность алкоголя оказывать определенное воздействие на человека. Он предстает как обманщик (*trickster* – A.D. Johnston), разоблачитель (*the Great Revealer* – S. Hepola), освободитель (*an emancipator* – S. Hepola) и даже похититель тел (популярный мотив в фильмах ужасов) (*a body snatcher* – M. Grimes).

За пределами девербативной группы, но в границах общей стратегии к олицетворению обнаруживаются образы уличного торговца-мошенника (*one hell of a pitchman* – S. Hepola), вора (*a thief in the night* – G. McGovern), а также весьма оригинальный образ алкоголя как ростовщика, наживающегося на доверчивости людей:

(83) *Hang out in the brightly lit rooms of AA, or in coffee shops, talking to dozens of women who have given up drinking, and this is the conclusion you come to: for most, booze is a loan shark, someone they trusted for a while, came to count on, before it turned ugly* (A.D. Johnston).

К малочастотным относится фитоморфная метафора, которая представляет аддикцию как растение, произрастающее на плодородной почве человеческих слабостей:

(84) *Addiction is like a dark and gnarled tree that grows from the seed of fear* (D. Foster).

<...> *When addiction lives in you, it sprouts many vines* (S. Hepola).

Единичной оказалась орудийная метафора, описывающая деструктивный потенциал алкоголя:

(85) *Booze is a blunt instrument. It's like a hammer. Banging on our head Anaesthetizing* (B. Robertson).

В нашем корпусе примеров обнаружился лишь один мифологический образ (86), что несколько противоречит теоретическим выкладкам Дж. Сандоза [1] о продуктивности метафор такого типа. Заметим, правда, что Сандоз описывает дискурсы терапевтов, а не их пациентов:

(86) *Denial can make your drinking feel as elusive and changeable as the Hydra, many headed, capable of altering form in the blink of an eye. Every time an active alcoholic looks at his or her drinking, it's shifted into something else, something that makes it seem acceptable* (С. Кнапп).

Столь же уникален и пример (87), в котором отказ от употребления алкоголя концептуализируется как «ампутация», отсечение части собственного тела. Алкоголь здесь предстает не просто как атрибут или часть образа жизни, а как органическая часть самого человека.

(87) *It was the first time since I'd known him, the first time ever, that we'd passed an evening together without a drink and I felt exactly like Michael Keaton in Clean and Sober, anxious and restless and disoriented, as though I was trying to adjust to an amputation* (С. Кнапп).

Легко заметить, что в произведении одного и того же автора могут использоваться метафоры совершенно разного генеза (ср. примеры 1, 4, 8–11, 38, 42, 50, 61, 66, 70, 72, 86, 87). Иногда они совмещаются в пределах одного компактного контекста:

(88) *Alcohol became my liquid courage, my confidence, as well as my consoling partner* (L. Brooks).

Такой концептуальный разнобой свидетельствует об отсутствии единого стандарта в осмыслении аддикции, о приемлемости множественных интерпретаций и возможности лингвокогнитивного экспериментирования.

Переходя к выводам, можно отметить, что метафорический ландшафт алкогольной аддикции представляет собой весьма сложное, разнородное, подвижное и исторически изменчивое образование, формирующееся под воздействием множества социокультурных факторов и являющееся объектом разнообразных дискурсивных манипуляций. Центральную его зону составляют метафоры, которые сознательно конструируются и вбрасываются в дискурсы для формирования и продвижения определенного типа восприятия алкогольной аддикции. Старые метафоры, теряя концептуальную и коммуникативную ценность, тем не менее сохраняются в метафорическом ландшафте аддикции, отходя на его периферию и оставаясь понятными носителям соответствующей лингвокультуры. В ландшафте присутствуют идиосинкретические метафоры, фиксирующие индивидуальный опыт переживания аддикции. Вследствие открытости современного информационного пространства и широкого циркулирования нарративов аддикции эти метафоры могут заимствоваться другими членами дискурсивного сообщества, укрепляя свои позиции в метафорическом ландшафте и перемещаясь к его центру.

Перспективу дальнейшего исследования может составить следующий круг проблем: 1) более дробное структурирование алкогольной аддикции как вида субъективного опыта и точечное изучение метафор, используемых для осмысления отдельных его компонентов (возникновение аддикции, развитие аддикции, процесс осознания проблемы, выздоровление и т.д.); 2) изучение метафорического ландшафта аддикции на материале других типов нарратива (художественная проза, научная литература, устные интервью и т.д.); 3) сравнительно-сопоставительное изучение метафорики разных видов аддикций; 4) сравнительно-сопоставительное изучение метафорических ландшафтов алкогольной аддикции в разных лингвокультурах.

По мнению С.М. Зигер, читать об аддикциях – это «косвенно, через посредника флиртовать» (*vicarious flirtation*) [27. Р. 16] с физической опасностью, самоуничтожением и смертью, не подвергая себя при этом никакому риску. Мы надеемся, что в данном случае этот «дискурсивный флирт» способствовал получению теоретически значимого и практически ценного научного продукта.

Источники примеров

Bercaw N.S. Dryland: One woman's swim to sobriety. New York : Grand Harbor Press, 2017. 258 p.

Brooks P.L. Sick as my secrets: A memoir. Scottsdale : Brooks Goldmann Publishing, 2018. 326 p.

Chapple S. The sober survival guide: How to free yourself from alcohol forever – quit alcohol & start living! Toronto : Elevator Digital Ltd, 2019. 178 p.

Collins T. Stumbling into sobriety: And the things I learned on the way back up. Jacksonville : KENMAR Media, 2018. 262 p.

Foster D. Polluted! My sober journey: Alcohol, addiction and the 7 stages to getting clean. 2020. London : TSJ Publishing. 158 p.

Froehlich L.M. Drunkalogue: The road to recovery. Scots Valley : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 274 p.

Grace A. This naked mind: The myth-busting cult hit for anyone who wants to cut down their alcohol consumption. New York : Avery, 2018. 272 p.

Grimes M., Grimes K. Double double: A dual memoir of alcoholism. New York : Scribner, 2016. 256 p.

Hamill P. A Drinking life: A memoir. New York : Back Bay Books, 1995. 265 p.

Hepola S. Blackout: Remembering the things I drank to forget. London : Two Roads, 2015. 232 p.

Jamison L. The Recovering: Intoxication and its aftermath. New York : Back Bay Books, 2019. 544 p.

Johnston A.D. Drink: The intimate relationship between women and alcohol. New York : Harper Wave, 2014. 230 p.

Knapp C. Drinking: A love story. New York : Dial Press Trade, 1997. 304 p.

McGovern G. Terry: My daughter's life-and-death struggle with alcoholism. New York : Plume, 1997. 224 p.

McKowen L. We are the luckiest: The surprising magic of a sober life. Novato : New World Library, 2020. 248 p.

Porter W. Alcohol explained. Scots Valley : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 271 p.

Robertson B. Tired of thinking about drinking: Take my 100-day sober challenge. Saint John : Tower Road Press, 2019. 151 p.

Scoblic S. Z. Unwasted: My lush sobriety. New York : Citadel Press, 2011. 161 p.

Список источников

1. *Sandoz J.* Alcoholic Iliad / Recovery Odyssey: Utilizing myth as addiction metaphors in family therapy. USA : Brown Walker Press, 2009. 228 p.

2. *O'Halloran S.* Talking oneself sober: The discourse of Alcoholics Anonymous. New York : Cambria Press, 2008. 304 p.

3. *Peele S.* Visions of addiction: Major contemporary perspectives on addiction and alcoholism. New York : Lexington Books, 1998. 244 p.

4. *Steen G.J.* Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory // J. of pragmatics. 2015. Vol. 90. P. 67–72.

5. *Zinken J.* Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies // Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 18, Is. 3. P. 445–466. doi: <https://doi.org/10.1515/COG.2007.024>

6. *Hellsten I.* Dolly: Scientific breakthrough or Frankenstein's monster? Journalistic and scientific metaphors of cloning // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15, Is. 4. P. 213–221.

7. *Brennan S.E., Clark H.H.* Conceptual pacts and lexical choice in conversation // Journal of experimental psychology. Learning, memory, and cognition. 1996. Vol. 22, Is. 6. P. 1482–1493. doi: [10.1037//0278-7393.22.6.1482](https://doi.org/10.1037//0278-7393.22.6.1482)

8. *Zinken J., Hellsten I., Nerlich B.* Discourse metaphors. URL: https://www.researchgate.net/publication/288909625_Discourse_metaphors.

9. *Gusfield J.R.* Contested meanings: The construction of alcohol problems. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. 384 p.

10. Expanding Addiction: Critical essays / eds. by R. Granfield, C. Reinarman. New York : Routledge, 2014. 346 p.

11. *Jellinek E.M.* The disease concept of alcoholism. Eastford : Martino Fine Books, 2010. 258 p.

12. *Rosenberg C.* Disease in history: Frames and framers // The Milbank Quarterly. 1989. Vol. 67. Supplement 1. Framing Disease: The Creation and Negotiation of Explanatory Schemes. P. 1–15.

13. *Kurtz L.F.* Recovery groups: A guide to creating, leading, and working with groups for addictions and mental health conditions. Oxford : Oxford University Press, 2014. 224 p.

14. Van Wormer K., Davis D.R. *Addiction treatment*. Boston : Cengage Learning, 2017. 696 p.
15. Lawley J., Tompkins P. *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling*. London : Crown House Pub Ltd, 2000. 336 p.
16. Lawley J., Tompkins P. *Symbolic modelling: Emergent change through metaphor and clean language // Innovations in NLP: Innovations for Challenging Times*. URL: https://www.researchgate.net/publication/279541687_Symbolic_Modelling_Emergent_Change_though_Metaphor_and_Clean_Language
17. Gornick V. *A memoirist defends her words*. URL: http://www.salon.com/2003/08/12/memoir_writing/
18. Sutherland J. *Drunks' tall tales never quench our thirst; and incidentally*. URL: <https://www.questia.com/newspaper/1G1-157128292/drunks-tall-tales-never-quench-our-thirst-and-incidentally>
19. Harding J.R. *Similes, puns and counterfactuals in literary narrative: Visible figures*. New York : Routledge, 2017. 182 p.
20. Danesi M. *Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension // Georgetown University round table on languages and linguistics*. Washington D.C. : Georgetown University Press, 1992. P. 125–136.
21. Пинкер С. *Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу*. М. : Либроком, 2013. 560 с.
22. Philips R. *Alcohol: A history*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2014. 384 p.
23. Cardini F.-E. *Manner of motion saliency: An inquiry into Italian // Cognitive Linguistics*. 2008. № 19, Is. 4. P. 533–569.
24. Нагорная А.В. *Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 460 с.*
25. Korer B.J. *Adding addiction: "Written by the Addict, for the Addict"*. Aurora : WaveCloud Corporation, 2016. 196 p.
26. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/word/addiction>
27. Zieger S.M. *Inventing the addict: Drugs, race, and sexuality in nineteenth-century British and American literature*. Amherst : University of Massachusetts Press, 2008. 320 p.

Sources

- Bercaw, N.S. (2017) *Dryland: One woman's swim to sobriety*. New York: Grand Harbor Press.
- Brooks, P.L. (2018) *Sick as my secrets: A memoir*. Scottsdale: Brooks Goldmann Publishing.
- Chapple, S. (2019) *The sober survival guide: How to free yourself from alcohol forever – quit alcohol & start living!* Toronto: Elevator Digital Ltd.
- Collins, T. (2018) *Stumbling into sobriety: And the things I learned on the way back up*. Jacksonville: KENMAR Media.
- Foster, D. (2020) *Polluted! My sober journey: Alcohol, addiction and the 7 stages to getting clean*. 2020. London: TSJ Publishing.
- Froehlich, L.M. (2015) *Drunkalogue: The road to recovery*. Scots Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Grace, A. (2018) *This naked mind: The myth-busting cult hit for anyone who wants to cut down their alcohol consumption*. New York: Avery.
- Grimes, M. & Grimes, K. (2016) *Double double: A dual memoir of alcoholism*. New York: Scribner.
- Hamill, P. (1995) *A Drinking life: A memoir*. New York: Back Bay Books.
- Hepola, S. (2015) *Blackout: Remembering the things I drank to forget*. London: Two Roads.

- Jamison, L. (2019) *The Recovering: Intoxication and its aftermath*. New York: Back Bay Books.
- Johnston, A.D. (2014) *Drink: The intimate relationship between women and alcohol*. New York: Harper Wave.
- Knapp, C. (1997) *Drinking: A love story*. New York: Dial Press Trade.
- McGovern, G. (1997) *Terry: My daughter's life-and-death struggle with alcoholism*. New York: Plume.
- McKowen, L. (2020) *We are the luckiest: The surprising magic of a sober life*. Novato: New World Library.
- Porter, W. (2015) *Alcohol explained*. Scots Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Robertson, B. (2019) *Tired of thinking about drinking: Take my 100-day sober challenge*. Saint John: Tower Road Press.
- Scoblic, S.Z. (2011) *Unwasted: My lush sobriety*. New York: Citadel Press.

References

1. Sandoz, J. (2009) *Alcoholic Iliad/Recovery Odyssey: Utilizing myth as addiction metaphors in family therapy*. USA: Brown Walker Press.
2. O'Halloran, S. (2008) *Talking oneself sober: The discourse of Alcoholics Anonymous*. New York: Cambria Press.
3. Peele, S. (1998) *Visions of addiction: Major contemporary perspectives on addiction and alcoholism*. New York: Lexington Books.
4. Steen, G.J. (2015) Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory. *J. of Pragmatics*. 90. pp. 67–72.
5. Zinken, J. (2007) Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies. *Cognitive Linguistics*. 18 (3). pp. 445–466. DOI: <https://doi.org/10.1515/COG.2007.024>
6. Hellsten, I. (2000) Dolly: Scientific breakthrough or Frankenstein's monster? Journalistic and scientific metaphors of cloning. *Metaphor and Symbol*. 15 (4). pp. 213–221.
7. Brennan, S.E. & Clark, H.H. (1996) Conceptual pacts and lexical choice in conversation. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 22 (6). pp. 1482–1493. DOI: 10.1037//0278-7393.22.6.1482
8. Zinken, J., Hellsten, I. & Nerlich, B. (2008) *Discourse metaphors*. [Online] Available from: https://www.research-gate.net/publication/288909625_Discourse_metaphors
9. Gusfield, J.R. (1996) *Contested meanings: The construction of alcohol problems*. Madison: University of Wisconsin Press.
10. Granfield, R. & Reinarman, C. (eds) (2014) *Expanding Addiction: Critical essays*. New York: Routledge.
11. Jellinek, E.M. (2010) *The disease concept of alcoholism*. Eastford: Martino Fine Books.
12. Rosenberg, C. (1989) Disease in history: Frames and framers. *The Milbank Quarterly*. 67. Supplement 1. pp. 1–15.
13. Kurtz, L.F. (2014) *Recovery groups: A guide to creating, leading, and working with groups for addictions and mental health conditions*. Oxford: Oxford University Press.
14. Van Wormer, K. & Davis, D.R. (2017) *Addiction treatment*. Boston: Cengage Learning.
15. Lawley, J. & Tompkins, P. (2000) *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling*. London: Crown House Pub Ltd.
16. Lawley, J. & Tompkins, P. (2011) *Symbolic modelling: Emergent change through metaphor and clean language*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/279541687_Symbolic_Modelling_Emergent_Change_though_Metaphor_and_Clean_Language

17. Gornick, V. (2003) *A memoirist defends her words*. [Online] Available from: http://www.salon.com/2003/08/12/memoir_writing/
18. Sutherland, J. (n.d.) *Drunks' tall tales never quench our thirst; and incidentally*. [Online] Available from: <https://www.questia.com/newspaper/1G1-157128292/drunks-tall-tales-never-quench-our-thirst-and-incidentally>
19. Harding, J.R. (2017) *Similes, puns and counterfactuals in literary narrative: Visible figures*. New York: Routledge.
20. Danesi, M. (1992) Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension. In: *Georgetown University round table on languages and linguistics*. Washington D.C.: Georgetown University Press. pp. 125–136.
21. Pinker, S. (2013) *The Stuff of Thought: Language as a Window Into Human Nature*. Moscow: Librokom. (In Russian).
22. Philips, R. (2014) *Alcohol: A history*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
23. Cardini, F.-E. (2008) Manner of motion saliency: An inquiry into Italian. *Cognitive Linguistics*. 19 (4). pp. 533–569.
24. Nagornaya, A.V. (2015) *Verbal'naya reprezentatsiya interoseptivnykh oshchushcheniy v sovremennom angliyskom yazyke* [Verbal representation of interoceptive sensations in modern English]. Philology Dr. Diss. Moscow.
25. Korer, B.J. (2016) *Adding addiction: "Written by the Addict, for the Addict"*. Aurora: WaveCloud Corporation.
26. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/word/addiction>
27. Zieger, S.M. (2008) *Inventing the addict: Drugs, race, and sexuality in nineteenth-century British and American literature*. Amherst: University of Massachusetts Press.

Информация об авторе:

Нагорная А.В. – д-р филол. наук, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Nagornaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anagornaya@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2020;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 25.07.2020;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022*

Научная статья
УДК 81'282.2(470.1/2)
doi: 10.17223/19986645/75/7

Названия хлеба на Русском Севере: этнолингвистический аспект

Ксения Викторовна Осипова^{1,2}

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

² Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия
^{1,2} osipova.ks.v@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются наименования хлеба в говорах Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Привлекаются данные севернорусских диалектных словарей, а также сведения, собранные Топонимической экспедицией Уральского федерального университета. Материал рассматривается в семантико-мотивационном, этимологическом и лингвогеографическом аспектах. Выявляются единицы, характерные для общенародного языка, определяется специфически северная лексика, устанавливается ее происхождение, описываются связанные с хлебом узколокальные культурные традиции.

Ключевые слова: севернорусские говоры, лингвогеография, этимология, этнолингвистика, наименования хлеба

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Для цитирования: Осипова К.В. Названия хлеба на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 148–167. doi: 10.17223/19986645/75/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/7

Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect

Ksenia V. Osipova^{1,2}

¹ Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation)

² Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

^{1,2} osipova.ks.v@yandex.ru

Abstract. The article discusses the names of the most common types of bread, which formed the basis of the daily diet of peasants in Arkhangelsk, Vologda and Kostroma Oblasts. The material used is data from North Russian dictionaries, as well

as information collected by the Toponymic Expedition of the Ural Federal University on the territory of the Russian North, including the northeastern districts of Kostroma Oblast, which previously belonged to Vologda Province. The material is considered in the semantic-motivational, etymological and linguo-geographic aspects in order to identify the units characteristic of the common language, to determine the specifically northern vocabulary, its origin, as well as local traditions associated with bread. At the first stage of the study, the common language designations used in the Russian North (*khleb, karavay, bulka*, etc.) are considered. Further, the dialect lexemes common for northern and central Russian dialects (*kolob, kolobashek; karavashek*) are analyzed. The article concludes with a presentation with a specific northern vocabulary (*zhitnik, myakushek/myakonik, chelpan, yarushnik, yachnik*). The analysis shows that literary names acquire dialect specificity due to the specification of the type of flour used (rye or barley). The spread of their diminutive forms is due to the tradition of baking small breads often (not big ones more rarely) because barley flour was used to make bread and it quickly became stale. The specificity of Arkhangelsk vocabulary lies in the predominance of the names of bread made from barley flour (cf. the nickname *zhitniki* for the inhabitants of Arkhangelsk Oblast), while in Vologda and Kostroma vocabulary names of bread made from rye dominate. Everywhere, bread was prepared from a mixture of flour of several varieties (rye, barley, wheat or oatmeal). Often, flour surrogates were added to bread – grass, clover, flax heads, etc. (compare *kolobashek*). Wheat bread in the Russian North was a symbol of festive food, well-fed, rich life; barley bread symbolized a meager daily meal, hunger and need; their use contrasted the inhabitants of neighboring territories. The considered names of bread, due to the nutritional significance of the product itself, serve as a naive-linguistic marker of dialectal zones: lexical oppositions are revealed both in the dialects of the regions and in the districts and neighboring villages. In terms of origin, the designations of bread in the Northern Russian dialects are predominantly original, but borrowings are not uncommon: the article discusses the possible Finno-Ugric origin of dialectal *myakki (myakonek), chelpan* and *tupys*'.

Keywords: North Russian dialects, linguogeography, etymology, ethnolinguistics, names of bread

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223.

For citation: Osipova, K.V. (2022) Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 148–167. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/7

Из-за суровых климатических условий Русский Север относится к зоне рискованного земледелия. Крестьянам, издревле селившимся на этих землях, приходилось осваивать новые сельскохозяйственные культуры и способы их возделывания: так, в сравнении со среднерусской зоной на Севере существенно менялся набор возделываемых злаков. Если климат юга Вологодской области и севера Костромской позволял выращивать рожь, овес, а иногда и пшеницу, то в Архангельской области хорошие урожаи давал только ячмень, см., например, у А.А. Желтова [1. С. 47–51]. В результате именно ячменный и ржаной хлеб стали основой рациона северных крестьян: по свидетельствам из Холмогорского уезда бывшей Архангельской губ.,

«у жителей Челмохотского прихода домашняя пища в будни, более ячменный или пополам с ржаную мукою печеный хлеб, почти ежедневно приготавливаемый, из ячной крупы, муки, со сметаной или молоком щи» [2. С. 71]. Эта особенность рациона нашла отражение и в культурно-языковой традиции: большую часть севернорусской «хлебной» лексики составили названия ржаного и ячменного хлеба.

В статье мы обратимся к севернорусским наименованиям хлеба – мучных изделий без начинки и сдобы, выпекаемых на поду в печи. Все анализируемые названия записаны на территории Архангельской, Вологодской областей и северо-восточных районов Костромской области, ранее принадлежавших Вологодской губернии¹. Лексика хлебопечения и обозначения различных типов выпечки, степени ее готовности, отдельных частей хлеба достаточно последовательно и полно фиксируется «северными» словарями (см. материалы АОС [4], СВГ [5], СГРС [6] и др.), которые и послужили источником материала наряду с картотеками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета [7, 8], работавшей на территории Русского Севера. Поскольку в рамках одной статьи невозможно охватить весь объем собранных сведений, ограничимся названиями хлеба, широко распространенными на Русском Севере, т.е. записанными не единично, а в разных районах и в нескольких словообразовательных вариантах.

Этнография хлеба – один из «коньков» многих историко-филологических исследований как XIX, так и XX–XXI вв., см., например, работы С.В. Максимова [9], А.А. Желтова [1], Т.А. Ворониной [10] и др. На севернорусском диалектном материале написаны диссертации, монографии и статьи о лексике выпечных изделий, см. работы Н.Г. Ильинской [11, 12], П.П. Виноградовой [3; 13, 14, 15], Л.С. Кितिцной [16], Т.В. Парменовой [17], А.В. Фроловой [18] и др.; традиция употребления хлеба и его обрядовая роль на фоне общеславянской традиции рассмотрены Т.Е. Гревцовой [19, 20, 21], А.В. Гурой [22. С. 337–363], А.Б. Страховым [23] и др. Однако остаются и вопросы, последовательно не рассмотренные в работах по лексике хлебопечения. Так, помимо характеристики основных наименований севернорусского хлеба, необходимо выявить лексические единицы, характерные для общенародного языка, а также специфически северную лексику и связанные с ней узколокальные культурные практики, истоки которых обусловлены инокультурным, в частности финно-угорским, влиянием. Важно учесть и культурно-языковые традиции смежных зон – Республики Карелии, Республики Коми, Новгородской, Псковской областей и Поволжья: существующие исследования К.К. Логи-

¹ «Пищевая» лексика Костромской области имеет существенные отличия. Как показывают работы П.П. Виноградовой, «наименования выпечки, зафиксированные в западной части Костромской области, в основном характерны для говоров центра европейской части России, лексика на востоке области (за рекой Унжей) включает черты, свойственные более архаичным говорам Русского Севера» [3. С. 9].

нова [24], И.С. Лутовиновой [25], Ю.И. Бойко и Т.И. Чудовой [26, 27, 28] и др., посвященные пищевой традиции этих регионов, позволяют судить об уникальности или типичности севернорусской лексики и ее истоках.

В качестве наименований хлеба на Русском Севере могли использоваться общенародные обозначения, в том числе и *хлеб*. Нередко они выступали в более узком, видовом значении, называя изделие из конкретного вида муки, например костром. *булка* ‘пшеничный хлеб’ (В-Г¹, Мез, Шенк) [4. Т. 2. С. 172], арх. *буханка* ‘круглый подовый хлеб из ржаной муки’ (Онеж, Пин) [4. Т. 2. С. 190], арх., волог. *коврига* ‘черный хлеб’: «Ковриги всё прижимают к себе и к себе режут. Коврига – черный хлеб» (Тот); «Ржаной хлеб пекут только к храмовым праздникам, свадьбам под названием ковриг» (Холм) [2. С. 72], волог. *пирог* ‘круглый пшеничный хлеб’: «Из белой муки пирог, а из ржаной – каравай» (Ник; Тот, Гряз) [7; 5. Т. 7. С. 59], *хлебiна* ‘булка пшеничного хлеба’ (Окт) [8]. Общеупотребительные наименования оцениваются как новые, пришедшие взамен диалектных наименований, ср.: «Сейчас говорят *каравай*, а у нас – *мяконек*» (Окт) [8]; «Нынче хлеб *буханками* зовут, а раньше мы звали *мякушкам*» (Выт) [6. Т. 7. С. 387].

Среди слов, имеющих широкую географию, отметим общерусское *каравай (коровай)* ‘большой круглый хлеб’, которое на северной территории чаще всего встречается в более узком значении ‘большой круглый хлеб из ржаной муки’, ср. костром. *коровай* ‘ржаной хлеб’: «Ржаной – это *каравай*, а с белой мукой – это *мяконек*» (Вох) [8], волог., костром. ‘круглый квасный хлеб, испеченный на поду в печи’ (В-Важ; Ник), ‘большой ржаной хлеб’ (Шенк) [29. С. 2166–2167; 7]; на Пинеге, вероятно, по причине отсутствия ржаной муки, *короваем* называли ячменный хлеб [29. С. 2167]. «Преобразование» *каравая* в ржаной хлеб связано с тем, что пшеничную муку на Севере практически не употребляли, заменяя на ржаную даже в праздничной выпечке. В Вологодской губернии *коровай* также выступал как мера хлеба, равная 4–4,5 кг, ср. волог. *коровай* ‘целый хлеб’ (Бел), ‘мера печеного хлеба: фунтов 10 или 12’ (Бел, Череп, Шенк) [29. С. 2166–2167].

Самыми распространенными севернорусскими наименованиями хлеба были *каравашек, колобашика, житник, мяконек* и их словообразовательные дериваты. Они служили родовыми обозначениями небольшого хлеба, обыкновенно из ржаной муки², иногда с добавлением ячменной, пшеничной или гороховой муки, и противопоставлялись таким названиям большого хлеба, как *каравай, челпан*. Многие названия ржаного хлеба стали синонимами хлеба вообще, а для хлеба из ячменной или пшеничной муки существовали специальные наименования.

¹ Список сокращений в названиях районов приводится в конце статьи.

² Ср. наблюдения П.П. Виноградовой: «Так как в Костромском крае в употребление шла преимущественно ржаная мука, то разные виды хлебных изделий, в основу названия которых положены различные мотивировочные признаки – каравай, подовик, решетник, пресник, заварной хлеб и др. – были преимущественно ржаными» [3. С. 14].

Каравашек. Уменьшительная форма *каравáшек* (*коровáшек*), *каравáшка* (*коровáшка*) ‘небольшой круглый хлеб из ржаной, пшеничной или ячменной муки’, отсутствующая в литературном языке, на Русском Севере встречается чаще, чем *каравай*: арх., волог., костром. *коровáшек* (*каравáшек*), *коровáшка* ‘хлеб из ячменной муки с примесью ржаной’ (Холм), ‘ячменный хлебец’ (Шенк), ‘маленький хлебец’ (Заонежье, Карг), ‘пшеничный хлеб’ (Кир), ‘пирог без начинки’ (Кадниковский уезд) [29. С. 2171, 2172]; «Коровашки делали, у кого есь аржаная мука, а у кого нет, делали одножитные» (Вин; Вель, Вож, Кон, Межд; Вох, Окт, Пав) [5. Т. 3. С. 38–39; 6. Т. 5. С. 67; Т. 6. С. 48, 49; 7; 8].

Судя по данным СРЯ 1891–1930 гг., распространение уменьшительной формы *каравáшек* ‘небольшой хлебец’ характерно именно для севернорусских говоров, реже она встречается в среднерусских говорах – московских, самарских, тверских, ярославских [29. С. 2172; 30. Т. 13. С. 68]. Это может быть связано с тем, что в отличие от ржаного и пшеничного хлеба ячменный хлеб, выпекаемый на Русском Севере, быстро черствел, поэтому хозяйки предпочитали выпекать его часто, но небольшого размера, ср., например, в Холмогорском уезде «в простую пору хлеб пекут из ячменной муки с примесью ржаной — под названием каровашков. Каровашки пекутся ежедневно» [2. С. 72].

По количеству съедаемых хлебов-*каравашек* считали «аппетит» семьи: «Жалуясь на недостатку хлеба, многодетные крестьяне приводят поговорку: *всемеро ватажки вертят коровашки*, т.е. на ватагу из семерых ребят надо немало короваев хлеба» (волог.) [29. С. 2171]. В Каргопольском уезде «коровашки» использовались в качестве ритуального хлеба, который раздавали нищим в поминальные дни, а вслед за этим занятие нищих здесь называлось *коровáшество*, нищие – *коровáшицы*¹, ср.: «Коровашество составляет, кажется, промысел мехренцев²» (Карг) [29. С. 2171–2172].

Колоб, колобашка. В качестве наименования хлеба на Русском Севере употребляется общенародное *колоб*, *колобок*, *колобашка* (обл.) ‘небольшой круглый хлебец’ [31. Т. 5. С. 1168–1169]. Если в среднерусских говорах *колоба́шка* употребляется как наименование пшеничного хлеба (см., например: [29]), то на севернорусской территории «колобашки» пекли из овсяной или ячменной муки, лишь в Костромской области – из пшеничной [8]:

– арх., волог. шир. распр. *кóлоб*³: «Печём колобы, таки круглы пироги с толокна» (Выт) [6. Т. 5. С. 245]; в Онежском районе Архангельской области в тесто для *колоба* добавляли рыбью печень [6. Т. 5. С. 246], что могло быть финно-угорским кулинарным заимствованием;

¹ Контекст «В Устьмоше раздают нищим, при похоронах и поминках, так назыв. коровашки (хлебцы), отчего нищие, принимающие их, называются “коровашницами”» (Карг) [29. С. 2171] не позволяет точно восстановить начальную форму слова.

² Вероятно, жители бассейна р. Мехреньга.

³ *Колоб* в значении ‘жаренная в масле пшеничная лепешка; небольшая лепешка с начинкой’ в рамках данной статьи не рассматривается.

– волог. *колобан*: «Колобан хоть из какого теста – круглый коровайчик безо всякой начинки»; «Колобан – хлеб из черной муки» (Ник; К-Г) [7; 6. Т. 5. С. 247; 5. Т. 3. С. 84], арх. *колоба́ха* (Лен) [7]. Небольшой *колобан* противопоставляли большому *челтану* или ржаному *караваяу*: «Челтан большушший, а *колобан* длинноватенькой поменьше»; «Колобан белой, а этот аржаной *каравай*» (Ник) [6. Т. 5. С. 247];

– арх., волог., костром. шир. распр. *колоба́шек*, *колоба́шка*, *колоба́шечка*, *колобе́нька*, *колобо́чек*, *колобу́шка* и т.п.: «Большие ковриги, а маленьки – *колобашки*» (Выт); «Колобушки с собой брали на покос, там и ели» (Гряз) [6. Т. 5. С. 247–248, 250].

Еще одна особенность употребления севернорус. *колобашек* состояла в том, что на Русском Севере так называли хлеб, выпекаемый с добавлением суррогатов муки – травы, клевера, головок льна, прошлогоднего картофеля и пр., ср. костром. «Домой придёшь, поглядишь на эти *колобашки*, дак и есть неохота. Из травы-то напечёны *колобашки* в войну-то» (Вох); «Картошку найдёшь гляную, с трахмалом – *колобушек* напекошь»; «Ели кукольские *колобушки*»; «Надоели мне *бараки*, / *Надоели* мне *быки*, / *Ну а больше надоели / Колобушки без муки*» (Пыщ) [8]; волог. «Мать в войну *колобанов* настряпала из одной травы» (В-Уст) [6. Т. 5. С. 247]; волог. «Ранее пекли не хлеб, а *колобушки*, всячины там наложено»; «Из маковок *колобушки* всё пекли прежде» (Гряз); «Колобушки пекли, кто из клевера, кто из дудок» (Устюж) [6. Т. 5. С. 250]. Выбор основы *колоб-* для обозначения суррогатного хлеба обусловлен тем, что традиционно это были небольшие хлеба, которые, в отличие от хлебов большего размера, возможно было сформировать из теста с суррогатными добавками и выпекать чаще, чтобы есть в свежем виде, в котором такой хлеб был более «съедобным».

Мяконик. Судя по количеству фиксаций и словообразовательных вариантов, одним из самых распространенных названий хлеба, особенно в Вологодской области, было *мякка*, *мяккий*, *мяконик*, *мяхкий*, *мякушка*, *мяхкушка* ‘небольшой круглый хлеб, обычно из смеси ржаной и ячменной муки или ржаной муки с овсяной’: «Рожь да ячмень вместе смешивашь, печёшь *мякки*» (Котл) [6. Т. 7. С. 383–385, 396]; «Мяконики на поду пекли большие, круглые, больше из сутолоки» (К-Г, Ник) [7]; костром. *мяконец*, *мяконик*, *мяконька*: «Большой хлеб, так *каравай*, а поменьше, так *мяконец*, пышный такой»; «Каравай да *мяконьки* – *каравай* ржаные, *мяконьки* – рожь со пшеницей» (Вох, Окт, Пав) [8]. В центральных районах Вологодской области так называли и хлеб из белой муки: «Изо ржаного *коровай*, из пшенишной муки небольшие *мякушки*» (Вашк; Бел) [6. Т. 7. С. 387]. Чаще всего *мякушки* противопоставлялись большому *караваяу*, иногда – изделиям из более грубой муки: «*Мяконьки*, они невысокие, круглые, *каравай* высокий» (Вох) [8].

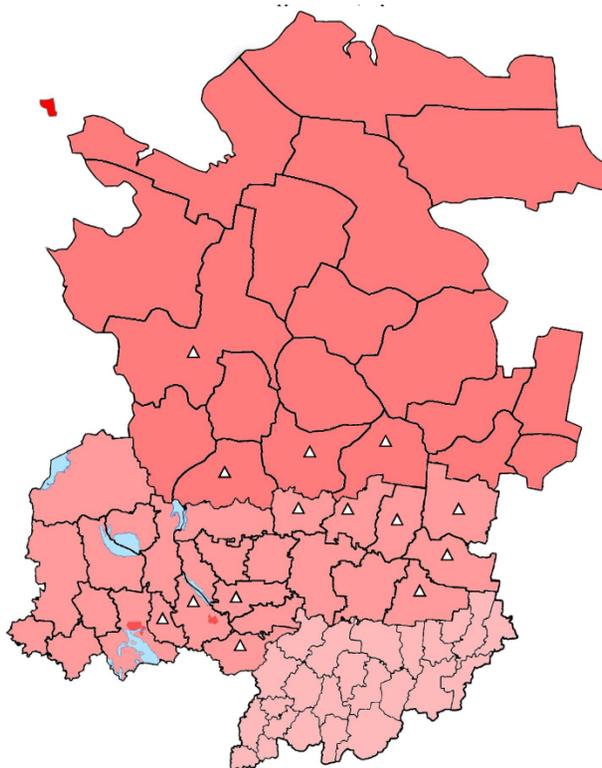
Основные свойства «мякоников» из ржаной и пшеничной муки – мягкость и пышность: «*Мякки* пекутся из житного теста и получаются очень *мягие*, если удачно» (В-Уст); «Хлеб любой *мяккий* *мякушкой* называем» (Череп) [6. Т. 7. С. 384, 387]. Мягкость особенно чувствова-

лась при сравнении ржаных «мякони́ков» с ячменным хлебом, который получался более плотным и грубым. Не случайно в архангельских говорах противопоставлялись *мякушки* и *житники* как названия ржаного и ячменного хлеба, ср. арх. «Из ячменя *житники*, из ржи – *мякушки*» (Прим; Онеж) [6. Т. 7. С. 387]. В Костромской обл. встречается шутовое наименование ржаных «мякони́ков» – *старушечий пирог*: «Мяконики-те звали старушечьи пироги, беззубые или» (Пав) [8]. Признак «мягкости, пышности» прослеживается и во вторичных значениях слов *мяконе́к*, *мякушка*, ср. костром. *мяконе́к* ‘о полном, невысоком человеке’: «Если парень маленький, сдобненький да потолще – мяконе́к он» (Вох) [8], волог. *мякушка* ‘пухлый, толстый ребенок’ (Бабуш) [6. Т. 7. С. 387].

Несмотря на это, сближение названий *мякки*, *мякони́к* и прил. *мягкий* следует считать результатом позднейшей контаминации двух форм – исконной (ср. литер. *мякиш* ‘о внутренней части хлеба’, противопоставление *мягкий* – *черствый* хлеб) и заимствованной. О.В. Востриков полагает, что «рассматриваемые слова связаны с русск. *мягкий*, во всяком случае, образование различных диалектных форм происходило под воздействием этого слова. Но источником могли послужить и прибалтийско-финские языки: ср. фин. *töykkä* “большой каравай”, карел. *töykkü* “(хлебный) комок, хлебный каравай” <...> Развитие форм шло, вероятно, следующим путем: *töykkä* > *мякки* > *мягкий* > *мякони́кий* > *мякони́к*. Возможен также путь *мягкий* (диал. *мяккой*) > *мякони́к*» [32. С. 11]. Действительно, морфологическое словообразовательный ряд севернорусских названий хлеба с корнем *мяк-/мяг-* представлен всеми перечисленными О.В. Востриковым переходными формами, а значение прибалтийско-финского этимона ‘хлебный каравай’ прослеживается и в семантике рус. *мякони́к*, называющего в том числе и целый, непочатый коровой хлеба, ср. костром. *мяконе́к* ‘хлеб круглой формы’: «Ещё мякони́ками называли – тоже такой круглый. Кто каравай называет, кто мяконе́к» (Окт) [8], арх. *мякушка* ‘каравай’ (Карг) [33. С. 162]. Версии о заимствованном происхождении диал. *мякки* ‘хлеб’ придерживается и А.Е. Аникин [34. С. 416–417].

Вероятно, свойство мягкости могло быть приписано «мякони́кам» отнюдь не недавно. Изначально же, как отмечал еще О.В. Востриков, *мякони́ки* обозначали достаточно грубый ячменный хлеб, который к тому же быстро черствел, ср. волог. «Хоть он век *чёрствой*, а *мяккой* звали, *мякки* на ночевочках накают из разных мук» (В-Уст) [6. Т. 7. С. 384]. Показательно, что *мякушкой* называли и хлеб с добавлением толченой соломы, сосновой коры, сушеной рыбы, картофеля (Выг) [35. С. 154], который заведомо не мог получиться мягким.

Подытоживая сказанное, согласимся с С.А. Мызниковым, что «в настоящее время не вызывает сомнения мотивация на исконной основе, при наличии сходных прибалтийско-финских данных» [36. С. 514]. В севернорусских говорах заимствование *мякони́к* полностью «переродилось» и, вместе с новыми генетическими связями, обрело «вторую жизнь».

Распространение лексемы *челтан, челпан, чёвпан, чулпан* 'круглый хлеб, каравай'

Таким образом, сущ. *колобашка, каравашек* и *мяконик* были универсальным обозначением хлеба и в зависимости от района могли называть хлеб из любого типа муки, однако «колобашки» чаще, чем другие хлеба, готовили из смешанной муки, а «каравашки» и «мяконики» – из ржаной и пшеничной. Согласно данным Словаря русских народных говоров название *колоб* и однокоренные ему лексемы были распространены в русских говорах практически повсеместно, тогда как сущ. *каравашек* употреблялось преимущественно на Русском Севере, в некоторых случаях проникало на более южные и западные территории – Кировской, Новгородской, Тверской и Ярославской областей [30. Т. 13. С. 68]; *мяконик* же являлся специфически севернорусским [30. Т. 19. С. 76–82].

Челтан. В центральных и северо-восточных районах Вологодской области, а также на юге Архангельской области в качестве обозначения всякого хлеба или хлеба из ржаной и пшеничной муки использовались слово *челтан* и его фонетико-словообразовательные варианты, имеющие значение:

– 'булка хлеба' – арх., волог. *чалпán, челпán, чулпán, челпáшек, чолпán* 'круглый хлеб, каравай' (Вель, Кон, Плес, Уст; В-Важ, Вологод, В-Уст, К-Г, Кир, Ник, Тарн, Шексн) [7; 5. Т. 12. С. 26; 37. С. 512]; «Хлеба-то чел-

пана два возьми» (В-Важ; К-Г) [5. Т. 12. С. 26]; «Раньше хлеб чалпаном пекли, а не буханками» (Шексн) [7];

– ‘ржаной хлеб’ – волог. *челпан* ‘подовый хлеб из ячневой или ржаной муки’: «К празднику я вам чеупанов напеку» (Сок) [5. Т. 12. С. 26], арх. *чѣпан* ‘ржаной хлеб круглой формы’ (Уст), волог. *чалпан* ‘хлеб или лепешка из ржаной муки’: «Продолговатые чалпаны пекли» (В-Важ; Сок, Тарн) [7]¹;

– ‘пшеничный хлеб’ – волог. *челпан* ‘каравай из пшеничной муки’: «Челпан белый простой пирог, безо всего»; «Больше челпаны, не в форме, хлеб печется в форме» (Вологод; Гряз, Сок, Шексн) [7; 5. Т. 12. С. 26];

– ‘овсяный или ячменный хлеб’ – волог. *челпан* ‘хлеб из овсяной муки’ (Тарн, В-Важ) [5. Т. 12. С. 26]; арх. *чеплянчик* ‘хлеб из ячменной муки’ (Уст) [7].

Главным отличительным признаком «челпана» была округлая форма, отличавшая его от формового хлеба.

Существует несколько версий происхождения слова *челпан*, учитывающих его другое, весьма распространенное значение – ‘горка, возвышенность’². Славянскую этимологию предложил М. Фасмер, сопоставив диал. *челпан* с рус. *чело*; ЭССЯ возводит слово к праслав. **сьлръ*, соотнося с чеш. стар. *člup* ‘холм, бугор’, *člupek* ‘подъем, дорога в гору’ и др. [39. Т. 4. С. 144]. Однако многие исследователи, учитывая северный ареал распространения слова, предполагают его заимствование из финно-угорских языков. По мнению И.С. Лутовиновой, слово «челпан попало в северо-западные говоры из финских, а затем вместе с колонизацией славянами северных территорий распространилось и на восток» [25. С. 92–93]. О.В. Востриков поддерживает версию А.К. Матеевеева, что «слово заимствовано из финно-угорского языка, близкого к саамскому языку», и сравнивает его с саамскими формами в значении ‘высокий клинообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’: «Возможно, *челпан*, *чолпан* представляют собой контаминацию исконного и заимствованного слова» [32. С. 25].

А.Е. Аникин согласен с саамским происхождением *чалпан* (1) ‘небольшая круглая возвышенность’ и *чалпан* (2) [34. С. 666–667], полагая, что *чалпан* (2) ‘ком масла; кожаный мешок для масла; каравай хлеба’ может быть метафорой к саамскому заимствованию *чалпан* (1) ‘возвышенность’ [34. С. 666–667]. Однако обратим внимание, что, следуя традиционной логике семантических переносов, наиболее типично для географической терминологии и топонимии развитие значения от ‘хлеб’ к ‘горка, возвышенность’. Именно круглый хлеб – *каравай*, *каравашек* и др. – принимается за эталон круглой формы в народной географической

¹ Ср. волог. *челпан* ‘выпеченная смесь из ржаной муки и толченой картошки, используемая для приготовления кваса или пива: «Кому неохота рожь растить, варивали и с чалпаном дома» (Нюкс) [7], ‘хлеб из ржаной муки и картофеля’ (Ник) [5. Т. 12. С. 26].

² Подробнее о географических значениях термина см., например: [36. С. 867–868; 38. С. 125–126].

терминологии (а не наоборот), ср. волог. *коровáй* ‘круглая горка’ (Ник) [6. Т. 6. С. 47], арх., волог., костром. *коровáшек* ‘небольшой холм, горка’: «Бегали на коровашек в лес. Он метров семь или восемь был. Никакого дерева не было. Бугор, дак коровашек» (Окт; Вох) [8], ‘поляна, окруженная лесом’: «Коровашек попал с цветам. Коровашек скосили какой» (Пав) [8]; «Один коровашик разъединят болото» (В-Важ; В-Т) [6. Т. 6. С. 48, 49], волог. ‘песчаный круглый остров на реке’: «На реке коровашки бывают, если круглый – то коровашек, песком наносок» (Сок) [6. Т. 6. С. 48]. Также возможно употребление хлебного образа как меры земли, ср. волог. *коврига* ‘участок земли’: «Коврига – по-теперешнему сотка, а раньше – коврига» (Ник) [7].

Образ хлебного каравая встречается как метафора самых разных предметов округлой формы, ср. волог. *челпáн* (*челпáшек*) ‘вынутые из посуды хлеб, масло, сохраняющие круглую форму’: «Хлеб вывалят, он смотрит челпаном, масло из кринки челпашек такой» (В-Уст) [7]; арх. *коровашек* ‘нарост на стволе дерева’: «Дерева-то с коровашком, как с большим животом» (Холм) [6. Т. 6. С. 48]; арх. *жítник*, *ярушник* ‘нарост, рубец’: «С Едьмы баба лежала, операцию сделала, экой лежал ярушник, россасывался. Тут лежал житник (рубец)» (Уст) [4. Т. 14. С. 156]; киров. *коровашек* ‘округлые корнеплоды’: «В землю блошкой, а из земли коровашком» (загадка: репа) [29. С. 2171]; арх. *коровáй*, *коровáтик* ‘гриб’: «Коровай – настоящий гриб, как белый, только шапочка коричнева» [6. Т. 6. С. 47]; арх. *каравáшка* ‘цветок ромашки’ (В-Т) [6. Т. 5. С. 68]; арх. *коровáй* ‘навозная лепешка’ (Леш) [6. Т. 6. С. 47]; волог. *ковры́га* ‘пласт земли’ (Ник) [7]; костром. *коровáшек* ‘то же’: «Земельки выкипел такой вот коровашек ли чего ли» (Окт) [8].

Если принять, что *челпан* (1) ‘горка, возвышенность’ заимствовано «из финно-угорского языка, близкого к саамскому» [40], то, учитывая особую сконцентрированность хлебных значений *челпана* на северо-восточных территориях Вологодской области, можно предположить, что *челпан* (2) ‘хлеб’ был заимствован из языка коми, где до сих пор регулярно употребляется¹. Как считают авторы этимологического словаря коми языка, русская форма восходит к коми *чөвпан* ‘круглый ржаной хлеб, коврига, каравай, булка’²; *чöлтон* ‘круглый ржаной хлеб, коврига, каравай, булка’: «Сложное слово, ср. *чөв* (*чöл*) вв. ‘лопатка для теста (муки)’ (соб.), *-пан* (<*роп, ср. сс. *Чöлтон*) ‘конец’, первоначально ‘конец лопатки (для теста)’, ‘хлеб (тесто) в количестве одной лопатки» [42. С. 310]. Иноязычное происхождение слова определяет вариативность его фонетического облика, ср. *челпан*, *чалпан*, *чолпан*, *чувпан*, *чөвпан*.

А.Е. Аникин полагает, что версия коми-заимствования не объясняет значения ‘пузырь для масла’ [34. С. 666–667], но выше обозначенные мо-

¹ Коми-версия объясняет и присутствие *челпáн* ‘круглый хлеб из ржаной муки, каравай’ в пермских говорах [41. Т. 2. С. 525].

² Об употреблении коми кислого ржаного хлеба *тупöсь* или *чöлпан* свидетельствуют этнографические наблюдения [27. С. 96].

дели семантических переносов, в том числе встречающиеся на Русском Севере ‘каравай хлеба’ > ‘предмет округлой формы: корнеплоды, грибы, ком масла и др.’, делают развитие значения от ‘каравай’ к ‘пузырь для масла’ вполне вероятным. Можно также предположить, что *челпан* (1) и (2) были заимствованы из разных финно-угорских языков и в разные исторические периоды. Это допущение находим и у А.К. Матвеева (хотя круг возможных языков он ограничивал саамскими): «приходится считаться с возможностью, что исследуемое слово восходит к различным родственным источникам (языкам или диалектам), близким к саамскому языку, и было заимствовано русскими говорами в ряде значений» [40].

В лексике севернорусских говоров примеры заимствования названий хлеба из пермских языков не единичны. Помимо сущ. *челпан*, к заимствованиям можно отнести *сор-* (*соричник*, *сорища* ‘мука из нескольких сортов зерна; хлеб из такой муки’ в сопоставлении с общеперм. **sör-* ‘размешивать, мешать’) [42. С. 261], а также волог. *тупысь*, *тупыски* ‘небольшой хлебец, коврижка из пшеничной или ржаной муки’: «Покушайте наших тупысков» (Яренский уезд), волог. *тупысь* ‘ситный хлебец’, коми (рус) ‘о толстом, полном человеке’ [30. Т. 45. С. 260]. Для последнего Я. Калимой предложена этимология из коми *тупось* ‘круглый ржаной хлеб, каравай, коврига’ [43. С. 116]. Как отмечают этнографические исследования, в зависимости от размера коми различали хлеб *тупось* ‘небольшой ржаной подовый хлеб’ и *чёлпан* ‘круглый ржаной хлеб большого размера’ [28. С. 63–64, 96, 105]. Наличие подобной системной оппозиции в языке коми делает возможным параллельное заимствование в севернорусские говоры форм *тупось* и *чёлпан* как наименований хлеба разного размера.

Хлеб из ячменной муки. Основу питания в Архангельской области составлял ячмень, который хорошо произрастал именно на северных территориях: «Ячмень вызревает за более короткий период, чем рожь, поэтому его выращивали, например, в Архангельской губернии, где короткое лето не позволяло использовать другие культуры» [1. С. 47]. По данным А.А. Желтова, в Архангельской области посевы ячменя составляли 90 и более процентов всех посевов, тогда как на юге Вологодской области – всего 2–3 процента с постепенным повышением к северу [1. С. 48].

Житник. Если в среднерусских и южнорусских говорах слова, восходящие к общенародному *жито*, обозначали всякий зерновой, немолотый хлеб (ср. вят., ряз. [44. Т. 1. С. 544]) или рожь (южн. [44. Т. 1. С. 544]), то на Русском Севере так называли ячмень, ячменную муку и изделия из нее. Хлеб и пироги из «жита» были самой привычной пищей – далеко не случайным кажется контекстное сопоставление слов *житное*, *житники* и *жить*: арх. «И всю жизнь ели *житно*, *житники* ели» (Прим) [4. Т. 14. С. 159]. Слово *житник* ‘небольшой круглый хлеб из ячменной муки’ встречается повсеместно в Архангельской области и в некоторых районах Вологодской области (В-Важ, Выт, Кир, Устюж): арх., олон. *житник* (*житничек*) ‘ячменный хлеб, наполовину с ржаной мукой’ (Выт), ‘хлеб из

ячменной муки' (Карг, В-Уст, Шенк) [29. С. 556–557]; «Раньше житники пекли, низкие, широконыки; их не ломали – резали» (В-Т) [6. Т. 3. С. 374].

Множество фонетических и словообразовательных вариантов наименования говорит о широком распространении ячменного хлеба: как показывают данные Архангельского областного словаря, наибольшая концентрация «житных» названий приходится на север и северо-восток Архангельской области, ср. *жидик* (Холм) [4. Т. 14. С. 72], *жидней хлеб*, *жидней ко́лоб* (Мез), *жидник* (Мез, Пин, Карг), *жидничек*: «С жидничком придут на суботку девушки» (Пин; Мез) [4. Т. 14. С. 77–78]¹, *житик* (Леш), *житень* (Плес), *житное* (Плес, В-Т, Вин, Прим), *житней ко́лоб*, *житней хлеб* (Онеж, Леш, Мез, Пин, Прим, Плес, Холм), *житной коровый* (*коровашек*, *коровашечек*) (Вин, Кон, Нянд, Холм, Шенк), *житной челпашек* (Плес) и др. [4. Т. 14. С. 152, 153, 155, 159, 161, 162]. Хлеб, который пекся из сочетания ячменного дрожжевого (верх) и недрожжевого (низ) теста, считался праздничным: «Житники только в праздники» (Плес, Карг, Нянд, Шенк) [4. Т. 14. С. 157]. По небольшому размеру *житники* противопоставлялись *короваю* и *мякушкам*: «*Каравай* большой, а *житница* – маленька булочка» (Вель) [6. Т. 3. С. 374, 375]; «Сядни *житники* пекли. *Мякушки*-то большие, а эти небольшие» (Онеж) [7].

Именно в Архангельской области записаны прозвища, отмечающие пристрастие ее жителей к *житникам*, ср. пинежское прозвище *житник сырой*, а также *Житники* 'неофициальное название сельсовета Ленского района' [4. Т. 14. С. 157], 'жители деревень вокруг г. Архангельска': «Прозвище, даваемое жителями Архангельска и Соломбалы обитателям подгорных деревень: "Не люблю я этих житников". "Ах, вы житники!"», ср. *житники* 'жители д. Шухтино Кирилловского района Вологодской области' [45. С. 117]. Житный хлеб считали символом бедности и скудости рациона, ср.: *Старый муж рад и годовалому житнику, троеденной каше; Уж я рад годовалый житник есть* [29. С. 556]. Н.И. Костомаров в работе о «севернорусских народоправствах» упоминает противопоставление бедных крестьян-*житников*, употреблявших ржаной хлеб, и богатых *пшеничников*: «По вековому обычаю поднимались бедные на богатых, житники на пшеничников; начались смуты и нестроения» [29. С. 556].

Ячник. В Вологодской области на смену архангельскому наименованию *житник* приходит *ячник* 'постная коврига, каравай из ячневой муки' (В-Уст, Тарн) [5. Т. 12. С. 139; 7]². Технология приготовления «ячников» отражает особую севернорусскую традицию выпекать мучные пироги из смеси двух сортов муки или с использованием двух типов теста. Они не имели начинки в классическом понимании, но представляли собой двухслойный пирог, в котором на нижний ржаной сочень наливали слой яч-

¹ Формы с *жид-*, вероятно, отражают результат регрессивной ассимиляции по звонкости под влиянием последующего суффикса *-н-*.

² К этому же гнезду можно отнести *ёшник* 'небольшой круглый хлебец из белой муки с примесью ячменной' (Вож) [6. Т. 3. С. 333].

менного теста, ср. волог. *я́ичник, ячень (ячмѣнник), ячнѣк* ‘постная коврига, каравай из ячневой муки’: «Сочни для яшника из ржаной муки делали, на них закладывали тесто из ячменной муки, сочни зашпыивают» (Кир) [5. Т. 12. С. 127, 139]. В Вологодской области употребление ячменных пирогов было знаком крайней бедности и нужды: «Коуды голод быу, яичники да гороховики пекли» (Кир); «Когда хлеба-то не было, так яшники пекли» (Сямж) [5. Т. 12. С. 139].

Ярушник. Словом *ярушник* называли небольшой ячменный хлеб в Вологодской области и в некоторых районах Архангельской области: «Челпан-от – ржаной хлеб, а ешшо ячменный пекли – так ярушники» (Уст); «Ярушники-то ничем не наливали, пустые были, а ярушники – потому что из яровой муки пекли» (М-Реч; В-Уст, К-Г, Ник; Лен) [7; 5. Т. 12. С. 136; 137], ср. также запись XVIII в. – *ярушник* «ячменной хлеб» (Устюж) [46. С. 447]. Слова *ярушник* и *ячник* как наименования ячменного хлеба распространены преимущественно на Севере: *ярушник* и/или однокоренные ему лексемы фиксируются исключительно в северных говорах – пермских, тобольских, русских коми-пермяцких и новгородских; *ячник* – в ярославских и пермских говорах.

Нередко наблюдается родовидовой сдвиг значения: так, в Кичменгско-Городецком и Никольском районах Вологодской области *ярушники* – это хлеб из нескольких сортов муки: «Ярошник – это яровой пирог, из ячменя, ржи да овса намешашь» [7]; на юго-востоке Архангельской области – из ржаной (Вил, Котл, К-Б, Уст) или пшеничной муки, иногда с добавлением ячменной («Ерушники по праздникам пѣкли» – Уст; В-Т, К-Б, Уст) [7; 6. Т. 3. С. 329]; в Костромской области – из овсяной или смешанной муки. Широкий семантический спектр позволяет восстановить более раннее значение слова *ярушник*, которым называли всякий хлеб, приготовленный из зерен яровых культур – к яровым же в зависимости от климата и сельскохозяйственной специфики региона относились пшеница, рожь, ячмень или овес.

Хлеб из пшеничной муки. Поскольку пшеница на Русском Севере практически не выращивалась и пшеничную муку крестьянам приходилось покупать, хлеб из нее появлялся на столе крайне редко, исключительно в праздничные дни, ср.: «К праздникам пшеничники надо испекчи, мяконьки, пшеничную мучку давали» (Вох) [8]. Пшеничный хлеб не пекли во время постов, считая его лакомством: арх. «Пшеничник пекли токо по праздникам у нас дома, а в говиньё нет, упаси Бог» (Вель); «Завтра масленица, дак сам Бог велел пшеничник спечь. В простые-то дни из пшеничной муки ничего не стряпаем» (В-Уст) [5. Т. 8. С. 114]. Хлеб из пшеницы был символом богатой, сытой жизни и противопоставлялся выпечке из растительных суррогатов, которую ели в голод, ср. костром. «Мы траву ели, а они – пшеничники. У них пшеница росла» (Окт) [8].

Как видно из приведенных контекстов, чаще всего такой хлеб называли *пшенѣчник* (арх.: Лен., Уст.; волог., костром. шир. распр.) [5. Т. 8. С. 114; 7; 8]. Другое распространенное название арх., волог. *белое* (Холм) [4. Т. 1. С. 157; 7] строилось на цветовом противопоставлении «белый –

черный» / «пшеничный – ржаной». На более южных территориях пшеничная мука называлась *крупчатка*, а хлеб из нее – *крупчатый*, *крупчатник* (Пав) [8]. Позднее появилось название *ситный хлеб*, *ситное*: «*Пшеничник* – раньше не было белого-то хлеба. Стали возить, так звали *ситное*, а я и не знала, что это такое *ситный хлеб*, а это белый хлеб, но у нас так не говорили, а *пшеничники*» (Вох) [8], арх., волог. *ситник*, *ситничек* [30. Т. 37. С. 354–355].

Выводы

1. Наименования хлеба на Русском Севере представлены: 1) общенародными словами (*хлеб*, *каравай*, *булка* и пр.), приобретающими севернорусскую специфику за счет конкретизации используемого типа муки (в основном ржаной и ячменной); 2) диалектными лексемами, общими для северных и среднерусских говоров (*колоб*, *колобашек*; *каравашек*), но заключающими в значении указание на размер или тип муки (в основном так назывались изделия из ржаной, ячменной, овсяной муки или их смеси); 3) специфически северной лексикой (*житник*, *мякушек* / *мяконик*, *челпан*, *ярушник*, *ячник*).

2. Наиболее многочисленны наименования небольшого ржаного и ячменного хлеба, который был частью повседневного рациона. Специфика архангельской лексики заключается в преобладании названий хлеба из ячменной муки, вологодской и костромской – из ржаной. Повсеместно готовили хлеб из смеси муки нескольких сортов (ржаной, ячменной, пшеничной или овсяной).

3. Наименования хлеба в севернорусских говорах являются преимущественно исконными, однако нередки и заимствования из финно-угорских языков, ср. *мякки* (*мяконек*), *челпан* и *тупысь*.

4. В лексике севернорусских говоров устойчиво прослеживается «хлебный» код, например в наименованиях природных объектов круглой формы: возвышенность, поляна в лесу, древесные наросты, грибы и пр.

5. Рассмотренные названия хлеба в силу его пищевой значимости служат наивнолингвистическим маркером диалектных зон: в контекстах выявляются лексические оппозиции, противопоставляющие формы, распространенные на смежных территориях. Различия наблюдаются как на уровне говора регионов (например, говора Вятки и пограничных территорий Костромской области), так и районов и соседних деревень. Среди подобных междиалектных синонимов отметим¹:

мяконьки (костромское) – *колобы* (вятское): «У нас называют вот стряпали, допустим, *мяконьки*, у их – *колобки*, *колобы*»; «Это они чувверкали: хлеб дак какой-то *колобяшкой* назовут, а мы уж *каравай* или *мяконек* – они всё шиворот-навыворот говорили <о приезжих с Вятки>»; «У них <ветчанят> слова как бы исковерканы: у нас *мяконек* – у них *колоб*, у нас *холодец* – у них *дрыганица*» (Вох) [8];

¹ На первом месте указывается название, которое диалектоноситель считает «своим».

короваики (Тотемский район) – *челпаны* (Вологодский район) – *пока-тушники* (Каду́йский район): «У нас *короваики*, в Вологодском районе *челпаны́*, а в Заозерье *пока-тушники*. Хохочем над имя» (Тот) [7];

короваики – *житники*: «Сѣдни напекла *короваиков*, а в Смольянице – *житников*» (Вель); «Здесь сами пекли хлеба, *житники*-то называли *короваики*» (Нянд) [б. Т. 6. С. 48, 49];

житники (Каргопольский район) – *ярушники*: «*Житники* пекли из ячменя, в других краях *житники ярушниками* звали» (Карг) [б. Т. 3. С. 374].

6. Пшеничный хлеб на Русском Севере был символом праздничной пищи, сытой, богатой жизни, ячменный – скудной ежедневной трапезы, голода и нужды. Их употребление противопоставляло жителей соседних территорий (ср. *житники* и *пшеничники*) и разного материального положения. Житниками называли преимущественно жителей Архангельской области.

Список сокращений

Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области; Бел – Белозерский район Вологодской области; Вашк – Вашкинский район Вологодской области; В-Важ – Верховажский район Вологодской области; Вель – Вельский район Архангельской области; Вин – Виноградовский район Архангельской области; Вож – Вожегодский район Вологодской области; Вологод – Вологодский район Вологодской области; Vox – Voxомский район Костромской области; В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области; В-Уст – Великоустюгский район Вологодской области; Выт – Вытегорский район Вологодской области; Гряз – Грязовецкий район Вологодской области; Карг – Каргопольский район Архангельской области; К-Б – Красноборский район Архангельской области; К-Г – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области; Кир – Кирилловский район Вологодской области; Кон – Коношский район Архангельской области; Котл – Котласский район Архангельской области; Лен – Ленский район Архангельской области; Леш – Лешуконский район Архангельской области; Межд – Междуреченский район Архангельской области; Мез – Мезенский район Архангельской области; Ник – Никольский район Вологодской области; Нюкс – Нюксенский район Вологодской области; Нянд – Няндомский район Архангельской области; Окт – Октябрьский район Костромской области; Онеж – Онежский район Архангельской области; Пав – Павинский район Костромской области; Пин – Пинежский район Архангельской области; Плес – Плесецкий район Архангельской области; Прим – Приморский район Вологодской области; Пыщ – Пыщугский район Костромской области; Сок – Сокольский район Вологодской области; Сямж – Сямженский район Вологодской области; Тарн – Тарновский район Вологодской области; Тот – Тотемский район Вологодской области; Уст – Устьянский район Архангельской области; Устюж – Устюженский район Вологодской области; Холм – Холмогорский район Архангельской области; Череп – Череповецкий район Вологодской области; Шенк – Шенкурский район Архангельской области.

Список источников

1. *Желтов А.А.* Историко-культурное развитие населения Верхней Ваги и средней Сухоны, XIX – начало XX вв. М., 2000. 329 с.
2. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. VII, 221 с.

3. *Виноградова П.П.* Лексика по теме «печёные изделия из муки» в костромских говорах: ономаσιологический, структурно-семантический и ареальный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013.
4. *Архангельский областной словарь* / под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–. М., 1980–.
5. *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
6. *Словарь говоров Русского Севера* / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
7. *Картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
8. *Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
9. *Максимов С.В.* Куль хлеба и его происхождения. СПб., 1873. 227 с.
10. *Воронина Т.А.* Пища и утварь // *Русский Север : этническая история и народная культура XII–XX века* / отв. ред. И.В. Власова. М., 2004. Гл. 7. С. 367–424.
11. *Ильинская Н.Г.* Лексика, обозначающая выпечные изделия (на материале архангельских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
12. *Ильинская Н.Г.* К проблеме системных отношений в лексике. Лексико-семантическая группа «Выпечные изделия» в архангельском диалекте. М., 1998. 320 с.
13. *Виноградова П.П.* Общие названия выпечных хлебных изделий в говорах Костромской области как материал для ЛАРНГ // *Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования)*. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2008. С. 268–275.
14. *Виноградова П.П.* Лексико-семантическое своеобразие наименований обрядовой хлебной выпечки костромского края // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. № 4. С. 178–181.
15. *Виноградова П.П.* Словарь костромских топонимов, связанных с названиями выпечных изделий, как раздел словаря хлебной лексики костромского края // *Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции*. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. : в 2 т. Кострома, 2020. С. 311–314.
16. *Китицына Л.С.* Хлеб : Из материалов по народному питанию Костромского края // *Труды Костромского научного общества по изучению местного края*. Вып. 41. Кострома, 1927. С. 92–102.
17. *Парменова Т.В.* Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // *Народная речь Вологодского края. Между прошлым и будущим*. Вологда, 2015. С. 55–74.
18. *Фролова А.В.* Хлеб в праздничной и обрядовой пище русских Архангельского Севера начала XX века // *Традиционная культура*. 2020. Т. 21, № 4. С. 149–157.
19. *Гревцова Т.Е.* Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) // *Научный диалог*. 2012. № 4. С. 110–123.
20. *Гревцова Т.Е.* Культурная терминология русской свадьбы на восточнославянском фоне: обрядовый хлеб : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2016. 26 с.
21. *Гревцова Т. Е.* Культурный термин «калач» в восточнославянском свадебном обряде // *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 1. С. 40–53.
22. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. 926 с.
23. *Страхов А. Б.* Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. Мюнхен, 1991. 244 с.
24. *Логинов К. К.* Хлеб, квашня, печь и печная утварь у русских Водлозерья // *Логинов К.К. Вещи. Экспедиции. Музеи: К 100-летию со дня рождения Т.В. Станюкович*. СПб., 2019. С. 201–226.
25. *Лутвинова И. С.* Слово о пище русской. СПб., 2005. 288 с.

26. *Бойко Ю. И.* Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX в.). Казань, 2018. 214 с.
27. *Бойко Ю.И., Чудова Т.И.* Локальная традиция питания летских коми // Традиционная культура : научный альманах. 2012. № 2. С. 95–104.
28. *Чудова Т.И.* Кухня коми (зырян) : этногр. слов. Сыктывкар, 2008. 156 с.
29. *Словарь русского языка* / сост. Вторым отделением Императорской Академии наук / под ред. Я.К. Грота, А.А. Шахматова, В.И. Чернышёва, Л.В. Щербы и др. СПб., 1891–1930.
30. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф.П. Сороколетова (вып. 23–42), С.А. Мызникова (вып. 43–50). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
31. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965.
32. *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 3–45.
33. *Светлов Я.* О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии) // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 156–164.
34. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири : Заимствования из урал., алт. и палеоазиат. яз. Новосибирск, 1997. 773 с.
35. *Митрошкина Н. А.* Вытегорская кухня : (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 гг.) // Вытегра : краевед. альм. Вып. 5. Вологда, 2015. С. 149–174.
36. *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб., 2019. 1076 с.
37. *Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы* : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. 623 с.
38. *Чайко Т.Н.* Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша // Вопросы ономастики / отв. ред. А.К. Матвеев. Свердловск, 1976. № 11 : Русская ономастика и ее взаимодействие с аппелятивной лексикой. С. 117–128.
39. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–.
40. *Матвеев А.К.* К этимологии русск. диал. челпан. // *Études Finno-Ougriennes*. Budapest, 1975. Т. 10. С. 21–31.
41. *Словарь пермских говоров*. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
42. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.
43. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
44. *Теуш О.А.* Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) // Урало-алтайские исследования. 2011. № 1 (4). С. 110–119.
45. *Воронцова Ю.Б.* Словарь коллективных прозвищ. М., 2011. 448 с.
46. *Симони П.К.* Два старинных областных словаря XVIII столетия // Живая старина. 1898. Вып. 3–4. С. 443–450.

References

1. Zheltov, A.A. (2000) *Istoriko-kul'turnoe razvitie naseleniya Verkhney Vagi i sredney Sukhony, XIX – nachalo XX vv.* [Historical and cultural development of the population of the Upper Vaga and the middle Sukhona, XIX – early XX centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Efimenko, P.S. (1877) *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of the Arkhangelsk Province]. Pt. 1. Moscow: Tip. F. B. Millera.

3. Vinogradova, P.P. (2013) *Leksika po teme "pechenye izdeliya iz muki" v kostromskikh govorakh: onomasiologicheskii, strukturno-semanticheskii i areal'nyi aspekty* [Vocabulary on the topic "baked flour products" in the Kostroma dialects: onomasiological, structural-semantic and areal aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Getsova, O.G. (ed.) (1980–cont.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vols 1–19. Moscow: Nauka.
5. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L.Yu. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute/University.
6. Matveev, A.K. (ed.) (2001 – cont.) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
7. Ural Federal University. (n.d.) *Kartoteka "Slovarya govorov Russkogo Severa" (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i rechevoy kommunikatsii Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ekaterinburg)* [Card Index "Dictionary of Dialects of the Russian North" (Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University, Yekaterinburg)].
8. Ural Federal University. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i rechevoy kommunikatsii Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ekaterinburg)* [Lexical Card Index of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University (Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University, Yekaterinburg)].
9. Maksimov, S.V. (1873) *Kul' khleba i ego pokhozheniya* [Sack of Bread and Its Adventures]. Saint Petersburg: Molodaya gvardiya.
10. Voronina, T.A. (2004) *Pishcha i utvar'* [Food and utensils]. In: Vlasov, I.V. (ed.) *Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX veka* [Russian North: ethnic history and folk culture of the 12th–20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 367–424.
11. Il'inskaya, N.G. (1986) *Leksika, oboznachayushchaya vypechnye izdeliya (na materiale arkhangel'skikh govorov)* [Vocabulary denoting baked goods (on the material of Arkhangelsk dialects)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Il'inskaya, N.G. (1998) *K probleme sistemnykh otnošeniy v leksike. Leksiko-semanticheskaya gruppy "Vypechnye izdeliya" v arkhangel'skom dialekte* [On the problem of systemic relations in vocabulary. Lexico-semantic group "Baked products" in the Arkhangelsk dialect]. Moscow: Dialog-MGU.
13. Vinogradova, P.P. (2008) *Obshchie nazvaniya vypechnykh khlebnnykh izdeliy v govorakh Kostromskoy oblasti kak material dlya LARNG* [Common names of baked bread products in the dialects of the Kostroma region as material for LARNG]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2008]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 268–275.
14. Vinogradova, P.P. (2018) *Lexico-semantic originality of appellation of ritual bread pastry of kostroma territory. Vestnik KGU – Vestnik of Kostroma State University*. 4. pp. 178–181. (In Russian).
15. Vinogradova, P.P. (2020) [Dictionary of Kostroma toponyms associated with the names of baked goods, as a section of the dictionary of bread vocabulary of the Kostroma region]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Proceedings of the 18th International Conference. Kostroma, 9–10 September 2020. Kostroma: Kostroma State University. pp. 311–314. (In Russian).
16. Kititsyna, L.S. (1927) *Khleb: Iz materialov po narodnomu pitaniyu Kostromskogo kraya* [Bread: From materials on the national nutrition of the Kostroma territory]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya*. 41. pp. 92–102.
17. Parmenova, T.V. (2015) *Leksika, svyazannaya s prigotovleniem vypechnykh izdeliy, v rezhskom govore* [Vocabulary related to the preparation of baked goods in the Rezh

dialect]. In: *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya. Mezhdú proshlym i budushchim* [Folk Speech of the Vologda Region. Between past and future]. Vologda: Legiya. pp. 55–74.

18. Frolova, A.V. (2020) Bread in the festive and ceremonial food of Russians of the Arkhangelsk north in the early 20th century. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4 (21). pp. 149–157. (In Russian). DOI: 10.26158/TK.2020.21.4.013

19. Grevtsova, T.E. (2012) Names of ritual bread as motivating basis of east slavic wedding terms (areal aspect). *Nauchnyy dialog*. 4. pp.110–123. (In Russian).

20. Grevtsova, T.E. (2016) *Kul'turnaya terminologiya russkoy svad'by na vostochnoslav'yanskom fone: obryadovyy khleb* [Cultural terminology of the Russian wedding on the East Slavic background: ritual bread]. Abstract of Philology Cand Diss. Rostov-on-Don.

21. Grevtsova, T.E. (2019) Cultural term “kalach” in the East Slavic wedding ritual. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/66/3

22. Gura, A.V. (2012) *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow: Indrik.

23. Strakhov, A.B. (1991) *Kul't khleba u vostochnykh slavyan. Opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya* [The Cult of the Bread among the Eastern Slavs]. München: Verlag Otto Sagner.

24. Loginov, K.K. (2019) *Veshchi. Ekspeditsii. Muzei. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya T.V. Stanyukovich* [Things. Expeditions. Museums. To the 100th anniversary of the birth of T.V. Stanyukovich]. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. pp. 201–226.

25. Lutovinova, I.S. (2005) *Slovo o pishche russkoy* [A Word about Russian Food]. Saint Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika.

26. Boyko, Yu.I. (2018) *Traditsionnaya kul'tura priluzskikh komi (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)* [Traditional Culture of the Priluz Komi (late 19th – first half of the 20th centuries)]. History Cand. Diss. Kazan.

27. Boyko, Yu.I. & Chudova, T.I. (2012) Lokal'naya traditsiya pitaniya letsikh komi [Local food tradition of the Letsky Komi]. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 2. pp. 95–104.

28. Chudova, T.I. (2008) *Kukhnya Komi (Zyryan): Etnograficheskiy slovar'* [Komi (Zyryan) Cuisine: Ethnographic Dictionary]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

29. Grot, Ya.K. et al. (eds) (1891–1930) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: USSR AS.

30. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikova, S.A. (eds) (1965 – cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.

31. Chernyshev, V.I. & Shakhmatov, A.A. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad: Nauka; USSR AS.

32. Vostrikov, O.V. (1981) Finno-ugorskie leksicheskie elementy v russkikh govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya [Finno-Ugric lexical elements in Russian dialects of the Volga-Dvina interfluv]. *Etimologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 3–45.

33. Svetlov, Ya. (1892) O govore zHITELEY Kargopol'skogo kraya (Olonetskoy gubernii) [About the dialect of the inhabitants of the Kargopol region (Olonets province)]. *Zhivaya starina*. 3. pp. 156–164.

34. Anikin, A.E. (1997) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural., alt. i paleoaziat. yaz.* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altaic, and Paleoasian languages]. Novosibirsk: SB RAS.

35. Mitroshkina, N.A. (2015) Vytegorskaya kukhnya: (po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy 1978–2010 gg.) [Vytegorsk cuisine: (based on expeditionary research in 1978–2010)]. *Vytegra: kraevedcheskiy al'manakh*. 5. pp. 149–174.

36. Myznikov, S.A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
37. Baranov, D.A. & Kononov, A.V. (eds) (2007) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrav: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Household. Morals: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 5. Part 1. Saint Petersburg: Delovaya poligrafiya.
38. Chayko, T.N. (1976) Zaimstvovannye geograficheskie terminy v russkikh starozhil'cheskikh govorakh po nizhnemu techeniyu Irtysha [Borrowed geographical terms in Russian old-timer dialects along the lower reaches of the Irtysh]. In: Matveev, A.K. (ed.) *Voprosy onomastiki* [Questions of Onomastics]. Vol. 11. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 117–128.
39. Trubachev, O.N. (ed.) (1974 – cont.) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.
40. Matveev, A.K. (1975) K etimologii russkogo dialektного chelpan [To the etymology of Russian dialectal chelpan]. *Études Finno-Ougriennes*. 10. pp. 21–31.
41. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm dialects]. Vols 1–2. Perm: Knizhnyy mir.
42. Lytkin, V.I. & Gulyaev, E.S. (1970) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka.
43. Dal', V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.
44. Teush, O.A. (2011) New material on the Komi borrowing in the dialects of the Russian north (Lensky district of Arkhangelsk region). *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (4). pp. 110–119. (In Russian).
45. Vorontsova, Yu.B. (2011) *Slovar' kollektivnykh prozvishch* [Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-PRESS-KNIGA.
46. Simoni, P.K. (1898) Dva starinnykh oblastnykh slovarya XVIII stoletiya [Two ancient regional dictionaries of the 18th century]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 443–450.

Информация об авторе:

Осипова К.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, ст. науч. сотр. Топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); науч. сотр. отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Osipova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, senior researcher, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); researcher, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2021;
одобрена после рецензирования 14.08.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 16.05.2021;
approved after reviewing 14.08.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 81'276.6:34:39
doi: 10.17223/19986645/75/8

Неформальная оценка незаконного обмана как этнокультурная черта русского юридического лингвосознания в ретроспективе

Людмила Викторовна Попова

*Миасский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
Миасс, Россия, mila_fil@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрено проявление этноспецифичной категории неопределенности в истории русского юридического лингвосознания на материале нормативно-правовых актов. Выявлены семантически диффузные неформальные номинации понятия «незаконный обман» с морально-религиозной коннотацией. Констатирована связь законодательных текстов как продуктов юридического лингвосознания с этнокультурной системой ценностей: детерминация неправомерного поведения аморальными качествами личности.

Ключевые слова: этнокультурный концепт «обман», юридический термин, категория неопределенности, неформальная номинация, юридическое лингвосознание

Для цитирования: Попова Л.В. Неформальная оценка незаконного обмана как этнокультурная черта русского юридического лингвосознания в ретроспективе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 168–182. doi: 10.17223/19986645/75/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/8

Informal evaluation of unlawful deception as an ethno-cultural feature of the Russian legal language consciousness: A diachronic analysis

Lyudmila V. Popova

*Miass Branch of Chelyabinsk State University, Miass, Russian Federation,
mila_fil@mail.ru*

Abstract. The article focuses on ethno-cultural patterns of the development of Russian legal language consciousness. The hypothesis about the comprehension of legal concepts through a prism of ethnical moral values by commonplace and official legal consciousness was tested. The uncertainty category, which is recognized as one of the key signs of Russian mentality, is chosen for verification of ethno-linguo-cultural specificity of the official legal consciousness. The research material was obtained from the basic legal acts, the validity period of which covers about four

centuries. Special attention is paid to the era of Europeanization of the state, during which the core of the legal language did not experience modernization, preserving ethno-cultural identity. The object of the study is informal nominations of the concept “unlawful deception”, which have a moral and religious connotation. In the research, a complex of linguistic methods was used: intent-analysis of the documents, contextual and valence analysis, definitional and component analysis, lingual and cognitive interpretation. Relationships of free variation and additionality between terminology and indirect nominations, as well as dominance of indirect nominations, have been revealed. Informal nomination, based on the uncertainty category, was characterized by a lack of direct connection to the concept “law” and was a traditional ethnic model of speech behavior. Semantic diffusion is related to the dialogue orientation of legislative documents within the framework of the ethno-cultural system of values and antivalues (truth/untruths, deception, lies, righteousness/unrighteousness, justice/injustice, good/evil, conscience, soul), according to which “lukavstvo”, “kovarstvo”, “dushevredstvo” are mutually agreed. The image of the subject of unlawful deception was modeled as an antipode to the standard of an honest person. The official cognitive structure “deception as an unlawful phenomenon” is not differentiated from the moral-religious cognitive structure “deception as an immoral phenomenon”. Ethno-culturally marked nominations reflect the tendency of the legal language consciousness to determine unlawful behavior by immoral qualities of the individual. The confirmed hypothesis allows correcting the concept of Russian legal nihilism. The results can be used in lexicographic, didactic and educational work, socio-cultural project activities.

Keywords: uncertainty category, unlawful deception, informal nomination, legal term, legal language consciousness, ethno-cultural concept “deception”

For citation: Popova, L.V. (2022) Informal evaluation of unlawful deception as an ethno-cultural feature of the Russian legal language consciousness: A diachronic analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 168–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/8

Введение

Одной из главных характеристик русской ментальности, проявленной в языке, считается осмысление мира как непредсказуемого, неструктурированного, нелогичного [1. С. 12; 2. С. 122]. Данная ментальная установка приводит к языковой неопределенности при характеристике частей мира [3. С. 793–873; 4. С. 409–422]. В лингвистических исследованиях по указанной проблеме обычно рассматриваются неофициальные сферы коммуникации, но категория неопределенности, по нашим сведениям, проявляется и в официальной сфере. Данный факт заслуживает особого внимания, поскольку позволяет прояснить соотношение обыденного и официального языкового сознания. Традиционной точкой зрения на это соотношение считается ментальная оппозиционность к государственной власти и устанавливаемой ей правовой системе. Фактически право выводится за рамки этнокультурной общности [5. С. 193], соответственно, изолированными считаются обыденное и официальное языковое правосознание: противоречие между народной моралью (ядерные концепты «правда», «справедли-

вость», «совесть») и государственной правовой системой («закон», «право») [6–9]. Следовательно, можно было бы считать русский юридический язык ментально «рафинированным», лишенным этнокультурных признаков, в том числе категории неопределенности, однако углубленное изучение его истории и современного состояния доказывает обратное.

Основным источником для изучения этнокультурной истории русского юридического языкового сознания должны служить продукты профессиональной речевой деятельности – памятники русского права, этнолингвокультурные особенности которых редко привлекают внимание лингвистов. Научно обоснованных сведений об этнокультурных закономерностях развития языкового правосознания явно недостаточно. Рассуждения и выводы представителей других гуманитарных наук (этнопсихологии, истории, правоведения) обычно не подтверждаются глубоким анализом правовых текстов или вообще лишены текстовых примеров, что снижает объективность, полноту, достоверность результатов. Так, например, известно мнение этнопсихолога о рубежности XVIII в. в окончательном разрыве ментальности и права, ориентированного на западные модели [5. С. 193]. Эта позиция находит подтверждение в историко-правовом исследовании, где одним из основных аргументов является заимствование европейской юридической лексики [10].

В ходе нашего предшествующего исследования отмечена малая доля заимствований (менее 7%) в терминологическом корпусе (около 1 000 выявленных терминов) русского права XVIII в. [11]. Заимствования были включены во все микротерминотерминологические системы права в разных пропорциях: 74% – «законность» (правовые акты, учреждения, мероприятия, должности), 17% – «юридическая ответственность» (наказания, субъекты юридической ответственности, карательные учреждения), 9% – «правонарушение» (противоправные деяния и их субъекты). К основным функциям заимствованных терминов мы отнесли номинацию новых реалий (*манифест, Сенат, коллегия Юстиции, полиция, полицмейстер, фискал, прокурор, адвокат, юрист* и др.) и дополнение, прежде всего дублирование, национальных терминов – признак языковой моды (*регламент – устав, Юстиция – правосудие, претензия – иск, сентенция – приговор, криминальный – преступный, аркибузировать – расстрелять*). Исследование убеждает, что попытки европеизации и формализации языка права не были последовательными и строго рациональными: намеренное соединение эквивалентных названий в одном контексте демонстрировало комплементарность и даже избыточность иноязычных терминов («Регламентъ, или Уставъ Главнаго Магистрата» 1721 г. [12. Т. 6. № 3708], «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ» 1716 г. [12. Т. 5. № 3006]), часть таких терминов впоследствии вышла из употребления. В ряде случаев модернизация действительно способствовала унификации и стандартизации терминологии: *фальшивый* вместо *лживый*, *воровской*, *конфискация* вместо *разорение*, *лишение / отнятие имени*, *штраф* – *денежное наказание*. Однако на основании приведенной статистики понятно, что влияние заимствований на юридическое языко-

вое сознание не было глубоким, а в микротерминсистеме «правонарушение» вообще минимальным – здесь в основном поддерживались традиции номинации и концептуализации предшествующих эпох.

Лексический пласт правовых актов точнее всего отражает когнитивные и коммуникативные установки юридической языковой личности. Многочисленные примеры из правовых актов, собранные нами, не позволяют констатировать активность юридического языкового сознания в переосмыслении и переименовании старых понятий. На наш взгляд, о европеизации государства и права можно говорить скорее в формальном аспекте, в то время как официальное языковое правосознание и в XVIII в., и в последующие периоды сохраняло этнокультурную самобытность, степень которой постепенно ослабевала. Изучение компонентов национального лексического фонда в составе русского юридического языка имеет особое значение как для реконструкции исторических категорий официального языкового правосознания, так и для анализа его современного состояния.

Исследование и результаты

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что осмысление правовых понятий через призму этноментальных моральных ценностей было характерно не только для обыденного языкового правосознания, но и для официального языкового правосознания. Одним из основных признаков этнокультурной идентичности был тип номинации, основанный на оперировании категорией неопределенности. Речь идет о включении в семантическое поле права морально и религиозно коннотированных культурно-маркированных номинативных единиц для обозначения основополагающих правовых понятий. Неопределенность изучаемых номинаций выявляется при их сопоставлении со специальными юридическими терминами, относительно которых коннотированные элементы юридической речи выполняли комплементарную или компенсаторную функцию. Лексическая адаптация коннотированных единиц в профессиональной речи вела к семантической многослойности и некоторой диффузности соответствующих юридических понятий. В юридическом контексте такие номинации, очевидно, продолжали транслировать этнокультурную семантику, выступая ключевыми репрезентантами этнокультурных концептов. Ведущую роль в семантико-когнитивной сфере права играли этнокультурные концепты: «(не)правда», «(не)праведность», «(не)справедливость», «добро» / «зло», «совесть», «душа».

Выбор номинативных единиц с первичным моральным и религиозным значением в качестве терминообозначений правовых понятий свидетельствует о долговременной актуальности вербализуемых этнокультурных концептов, выступающих ориентирами при формировании юридических концептов. Период функционирования изученных нами правовых актов охватывает около четырех веков. Например, опирающееся на законодательство прошлых столетий Уложение 1649 г. применялось до выхода Со-

брация законов Российской империи (30-е гг. XIX в.), нормативно-правовые акты Петра I сохраняли юридическую силу до принятия уложений и уставов по уголовному и процессуальному праву (40–60-е гг. XIX в.). При этом в языке разновременных документов достаточно высока степень преемственности при номинации юридических понятий. Указанный тип номинации, таким образом, был устойчивым и характеризовал номинативно-коммуникативную деятельность создателей правовых актов как членов русского этноязыкового коллектива. По нашему мнению, изучаемый феномен свидетельствует о тесной связи письменной и устной форм юридической речи, а также о диалогической направленности текстов юридических документов. Учет фактора адресата выражался в ориентации на общий этнокультурный фон, необходимый для интерпретации правовых актов, однако предполагаемый коммуникативно-прагматический эффект (осознание, принятие нормы) мог быть ослаблен вследствие неконкретности номинации, приводящей к диффузности юридических понятий, определенности которых препятствовала эксплицитная связь с моральной и религиозной сферами.

Основным критерием отбора материала для исследования служило отсутствие или ослабление эксплицитной связи профессионально значимых номинативных средств с концептосферой «закон – право». Примеры регулярной реализации категории неопределенности находим в кругу косвенных номинаций концепта «правонарушение». Неформальные номинации функционировали при юридической квалификации неправомерных действий в гражданском, процессуальном, административном и уголовном праве. Предмет исследования – косвенные номинации понятия «незаконный обман». Методологическую базу исследования составляет комплекс традиционных и современных методов и приемов: интен-анализ документов, выборка номинативных средств из текстов документов, контекстологический и валентностный анализ, дефиниционно-компонентный анализ, лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация.

Рассмотрим особенности неформальной оценки незаконного обмана в семантико-когнитивной сфере права. Язык законодательной регламентации судебных процессов в истории русского права содержал номинативные средства косвенного типа, находящиеся в дублетных отношениях: *лукавство, лукавец, лукавствовати; коварство; душевредство, душевредец*. Следует отметить невнимание историков права к особой функции рассмотренных номинаций, по-видимому, вследствие их семантической неопределенности [13. Вып. 6; 14]. Углубленный анализ правовых актов позволил выявить роль данных номинаций в терминологическом фонде русского юридического языка и в юридическом языковом сознании. В своде правовых норм Уложение 1649 г. [12. Т. 1. № 1], императорском указе «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ, о бытїи вмѣсто оныхъ расспросу и розыску, о свидѣтеляхъ, объ отводѣ оныхъ, о присягѣ, о наказанїи лжесвидѣтелей и о пошлинныхъ деньгахъ») 1697 г. [12. Т. 3. № 1572] и ряде других законодательных актов изучаемая группа номинаций функци-

онировала при юридической квалификации группы серьезных правонарушений – сообщения в суде ложных сведений: обращение в суд с неправомерным иском, основанным на сообщении ложной информации, использование ложной информации ответчиком для защиты своих прав, лжесвидетельство в пользу истца или ответчика. Высшей мерой наказания за введение в заблуждение суда была смертная казнь (п. 9, 10 указа № 1572 от 21 февраля 1697 г.). Вопреки ожидаемой строгости, определенности юридической номинации, наблюдаем отношения свободного варьирования и дополнительности между терминологией и косвенными контекстуально-профессиональными номинациями. В ряде случаев наблюдается доминирование неопределенных номинаций – замещение ими терминов. Формальное отличие между косвенными и собственно терминологическими номинациями заключалось в отсутствии или периферийности у первых смы «незаконный / неправомерный», т.е. прямой связи с концептом «закон».

Для сравнения поясним значения юридических терминов, коррелирующих в правовых актах с неформальными номинациями незаконного обмана: *неправда* ‘несправедливость, беззаконие, противозаконный поступок’, ‘ложь’ [14. Вып. 11. С. 238] (восходит к древнему термину *правда* ‘законоустановление’, ‘правовая норма’ [15. С. 82]); *воровство* ‘преступление, противозаконный поступок (мошенничество, кража, разбой, подлог, насилие и т. д.)’ [14. Вып. 3. С. 31]), *воровски* ‘незаконно, мошеннически’, *воровской* ‘незаконный, преступный, мошеннический’ [14. Вып. 3. С. 30], *вор* ‘мошенник, злодей, обманщик’ [14. Вып. 3. С. 28], следует отметить фиксацию семантической эквивалентности *вор* в обыденном значении и *лукавец* в словаре, изданном в XVIII в. [16. Ч. 1. С. 861]; *ябедник* ‘крючкотворец, сутяга; тот, кто ябедничеством, крючкотворством по тяжбыным делам промышляет; который ищет чужое отнять, присвоить кривым толком’ [16. Ч. 6. С. 1019]; *составщик / составник* ‘составитель, сочинитель ложных документов, клеветник’ [14. Вып. 26. С. 211], *составной* ‘поддельный, подложный’ [14. Вып. 26. С. 212]; *лжесвидетель* [14. Вып. 8. С. 227]; *нарядное дело* – от *наряд* ‘подлог, сфабрикованное (против кого-л.) дело, обвинение’ [14. Вып. 10. С. 230], *нарядный* ‘подложный, составленный ложно’ [14. Вып. 10. С. 233]; *поклепный иск* и *поклепное дело* восходят к *поклеп* ‘обвинение без приведения доказательств’, ‘ложное обвинение, клевета’ (известен по Русской Правде в списке XII, XIV вв.) [14. Вып. 16. С. 156–157]. Кроме того, в законодательных актах, кодексах 10–20-х гг. XVIII в. введены дополнительные специальные номинации, сфера применения которых расширялась от судебного процесса к должностным правонарушениям, уголовным преступлениям: *клятвopреступник*, *лгач*, субст. *безчестный*, *нечестные люди* (‘лжесвидетель, -и’), *лживая / фальшивая присяга*, *ложно свидетельствовать / доносить*, *обман* («Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбы» и Артикуль воинскій 1716 г. [12. Т. 5. № 3006]; Генеральный Регламентъ, или Уставъ 1720 г. [12. Т. 6. № 3534]; Регламентъ, или Уставъ Главнаго Магистрата 1721 г. [12. Т. 6. № 3708]). В более древнем законодательстве термином группы «судебный

обман», лексически и деривационно отнесенным к лексеме *ложь*, выражающей логическую оценку явления, был *солгать* в ситуации *бити челом* в Судебнике 1550 г. (ст. 8) [17. Т. 2]. В Уложении 1649 г. к данной группе отнесем: *бить челом ложно, ложное / лживое челобитье, ложные речи, оговорить ложно, лживый обыск, сказать не по правде*. Как видим, значения специальных номинаций конкретны, эксплицитно фиксируют вербальный или предметный обман.

Следует отметить, что не все ресурсы языка лексической группы «ложь, обман» были задействованы в языке права, хотя ряд из не вошедших в терминологическое употребление единиц вполне соответствует критериям специальной номинации. Так, например, лексическая группа «ложь» в древнерусском и старорусском языке содержала исчерпывающий набор номинаций действий, процессов, явлений, субъектов, признаков, относящихся к пропозиции антисоциальной и собственно антиправовой лжи: *лгати, лгание, лгатель / лгач, ложь / лжа, лжец, лжепослушествовати, лжепослушество, лжесвидетельствовати, лжесвидетельство, лжесвидетель, лжесоставник(-щик), лжесоставный, лжесшивание, лживити, лживый, ложный* [14. Вып. 8].

Итак, в активном профессиональном тезаурусе законодателя к XVII–XVIII вв. сложился набор специальных номинативных средств для юридической квалификации феномена судебного обмана. Однако в дополнение к описанному набору использовались неформальные коннотированные номинации. В Уложении 1649 г. *лукавство* – косвенная номинация неправомерного ложного иска, варьирующаяся с терминами *поклепный иск, нарядное / поклепное дело, ложное (лживое) челобитье*, а также с родовым *воровство* и его производными. Например, в п. 179 гл. X с помощью лексемы *лукавство* охарактеризованы неправомерные действия истца, который обращается в суд с малым иском, обвиняя невиновного в грабеже ответчика, а после вынужденного согласия ответчика выплатить компенсацию (во избежание судебных затруднений при тайном сговоре истца с лжесвидетелем и отсутствии своего свидетеля) подает крупный иск в его же адрес. Для номинации ложного иска дважды употреблены обороты с лексемой *лукавство*, в других случаях – термины *поклепный иск, нарядное дело, умыслить воровски*. В п. 182 гл. X оборот *умыслить лукавством* имеет то же значение и не варьируется с узкотерминологическими номинациями. Дублетность прослеживается не только на семантическом, но и на синтаксическом уровне текста: параллелизм конструкций *учинить нарядным делом – учинить лукавством, искать лукавством, умыслить воровски – умыслить лукавством*. Один из способов профессиональной адаптации – словообразовательная корреляция: *искать (лукавством) – иск (поклепный)*.

В императорском указе от 21 февраля 1697 г. «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ...» при регламентации судебных процессов *лукавством* и *коварством* названо неправомерное поведение истцов и ответчиков, умысленно представляющих недостоверные сведения в суде, в том числе использующих подставных свидетелей. При этом контекстуальное

окружение свидетельствует о комплементарной функции лексемы *лукавство* по отношению к собственно юридическим терминам *неправда*, *воровской / составной / ябеднический вымысел*: конструкции *неправда и лукавство*, *отвечать неправдою же составными вымыслы своими и лукавством*, *воровские и ябеднические и составные вымыслы и лукавство*. Такие конструкции отчасти плеонастичны, поскольку все координирующиеся с лексемой *лукавство* термины обозначают обман. Структура данных конструкций отражает универсальность семантики лексемы *лукавство*: родовое значение 'обман (как правонарушение)' и видовые значения 'ложный иск', 'клевета', 'ложная защита', 'лжесвидетельство'. В тексте указа реализована синонимия между *лукавство* и *коварство* (ср. конструкции: *для коварств и неправды нанимать ябедников и составщиков – от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство*). Аналогично введение в заблуждение суда истцами и ответчиками (*ябедниками*) обобщенно названо *коварством* в именном указе от 5 ноября 1723 г. «О формѣ суда» [12. Т. 7. № 4344]. Субъектной номинацией к *лукавство* в п. 9 указа от 21 февраля 1697 г. является *лукавец* как обобщенное обозначение истца и ответчика в случае повторного представления ими ложных показаний (*неправды*) под присягой – при крестном целовании в церкви. *Лукавец* в законодательном тексте не варьируется с узкотерминологическим обозначением указанного понятия и фактически компенсирует отсутствие возможных терминов: *клятвopеcтyпник*, *лжец*, *вор*. Сравним с помощью экспериментальной замены: «9. А буде кто къ крестному цѣлованію приступитъ въ неправдѣ, и про то същется, и такому лукавцу за лживое крестное цѣлованіе учинить казнь смертная» – такому клятвopеcтyпникy / лжецy / вору.

Наряду с парой *лукавство – лукавец* употреблялась дублирующая пара *душевредство – душевредец*. В указе 1697 г. использован оборот *ябедники и составщики же воры и душевредцы*, где *душевредец*, как и термин *вор*, – обобщенная номинация по отношению к терминам *ябедник* и *составщик* 'лжесвидетель' (находящийся в сговоре с истцом или ответчиком субъект), т.е. обнаруживается комплементарная функция лексемы *душевредец* при универсальности ее семантики. По нашему наблюдению, *душевредец* в законодательной речи – вариант к *лукавец*, поскольку обе номинации относились к субъектам ложных показаний. В этом случае уместными могли быть термины *лжесвидетель*, *лжесоставник(-щик)*, *клятвopеcтyпник*. Сравним с помощью экспериментальной замены: *воры и душевредцы – воры и лжесвидетели / клятвopеcтyпники*. *Душевредство* в п. 179 Уложения 1649 г. применялось для характеристики вынужденного поступка ответчика: отказ от *душевредства* – отказ от оспаривания ложного иска, в ходе которого неизбежна стратегия обмана (привлечение подставных свидетелей, взятки и т.п.). В суде XVII в. даже невиновному ответчику часто было выгоднее откупиться от вымогателя, чем доказывать свою правоту [13. Вып. 6. С. 156]. В этом контексте *душевредство*, как и *лукавство*, *коварство*, – неконкретная номинация обмана в суде, или *неправды*, *воров-*

ства. В п. 8 указа 1697 г. следует обратить внимание на антонимичную пару *правда* – *душевредство* и синонимичную пару *неправда* – *душевредство*, которые выражали правомерное и неправомерное поведение истца и ответчика при крестном целовании. Данная процедура использовалась при отсутствии у суда убедительных доказательств для вынесения приговора [13. Вып. 8. С. 577], т.е. *душевредство* – ‘клятвопреступление’, как и *лукавство*: далее, в п. 9 этого же указа, субъект «лживого крестного целования» обозначен лексемой *лукавец*. Именно в юридической регламентации церковной присяги отражено максимальное сближение правового понятия «судебный обман» и религиозного стереотипа «ложь как грех»: в п. 8 указа оборот *губить душу* метафорически определяет вред лжеприсяги как разрушение духовного мира личности. В национальном языковом сознании XVIII в. *губить душу* – «за преступление заповѣдей Божіихъ осуждену быти на мученіе» [16. Ч. 2. С. 420].

Сопоставление семантических структур *лукавство*, *коварство* и *душевредство*, а также деривационно-лексических коррелятов позволяет увидеть их тесную семантико-когнитивную связь, основанную на родовом семантическом признаке ‘злоумышленный обман’. Глагол *лукавствовать* в терминологическом значении ‘клеветать на кого-л.’ функционировал в древнерусском судебном языке (Русская Правда, список XII, XIV вв.), в старорусском судебном языке ‘мошенничать, плутовать’ (кормчая XVI в.) [14. Вып. 8. С. 300]. Комплексная семантическая структура глагола включала первичные морально и религиозно коннотированные значения обобщенного типа ‘поступать плохо’ и конкретного типа ‘хитрить, проявлять двуличие’, ‘поступать неправедно’ [14. Вып. 8. С. 300]. Лексема *лукавство* в лексикографии описана преимущественно как морально-религиозная – комплекс значений в целом соответствует проанализированному глаголу (‘коварство, зло’, ‘изворотливость, хитрость’, ‘склонность к обману, измене’, ‘неправедность’), выделен правовой оттенок (‘мошенничество, плутовство; обман’) [14. Вып. 8. С. 299]. Обратим внимание на обозначенную морально-религиозную коннотацию у *лукавство* и отсутствие прямой отсылки к правовой сфере в словарях XVIII–XIX вв., отразивших национальное языковое сознание в диахронии: ‘коварство, хитрость, пронырство’ [16. Ч. 3. С. 1328], ‘церк. коварство, хитрость’ [18. Т. 2. С. 267]. Лаконичная словарная характеристика субъектной лексемы *лукавец* воспроизводит более простую семантическую структуру, чем у *лукавство* и *лукавствовать*: ‘коварный человек, хитрец’ [14. Вып. 8. С. 297], ‘человек коварный, хитрый, неправдивый’ [16. Ч. 3. С. 1327], ‘коварный, хитрый человек’ [18. Т. 2. С. 267]. Таким образом, в отличие от именной (предметно-процессуальной) и глагольной лексем субъектная лексема, на первый взгляд лишена юридической семантики, однако в одном из словарей к дефиниции дана ссылка на законодательный документ (именной указ 1697 г. «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ...»). Синонимичными к лексической группе «лукавство» были соответствующие компоненты лексической группы «коварство», также имевшие морально-религиозную

коннотацию, например: *коварство* ‘лукавство, пронырство; хитрость’ [16. Ч. 3. С. 677]. Словарно-дефиниционный анализ лексемы *душевредство* показывает ее морально-религиозную коннотированность (‘нанесение душе вреда’), при этом одно из значений соотнесено с областью права (‘плутство, вероломство, ложная клятва’); субъектная лексема *душевредец* дефинирована в первую очередь в юридическом смысле (‘тот, кто дает ложные показания под присягой, лживо клянется, божится’) с приведением ссылки на тот же законодательный документ (указ 1697 г.), что и при дефиниции *лукавец* [14. Вып. 4. С. 388–389]. Ценная для понимания специфики русского языкового сознания в диахронии информация присутствует в словарях, изданных в XVIII–XIX вв.: *душевредство* – ‘вероломство, плутство; нарушение совести’ [16. Ч. 1. С. 919]; ‘нанесение душе вреда’, ‘нарушение совести; вероломство, обман’ [18. Т. 1. С. 380]; *душевредник* – ‘вероломец, нарушитель обязательства в порученном; тот, который против совести поступает’ [16. Ч. 1. С. 918]; ‘поступающий против совести, вероломец’ [18. Т. 1. С. 380].

Таким образом, косвенные морально и религиозно коннотированные номинации *лукавство*, *коварство*, *душевредство* были взаимообусловлены в законодательной речи и использовались для характеристики обмана как неправомерного поведения участников судебного процесса (истцов, ответчиков, подставных свидетелей). В формальном отношении коннотированные номинации избыточны, поскольку сопутствовали ряду юридических терминов с общим значением ‘незаконный обман’: судебный обман квалифицировался как по юридической шкале, так и по морально-религиозной. С одной стороны, немотивированность данного типа номинации маловероятна, поскольку спонтанность, необработанность не характерна для законодательного текста. С другой стороны, неформальная номинация, основанная на оперировании категорией неопределенности, по видимому, была не вполне осознаваемой – традиционной этнической моделью речевого поведения. Мы имеем дело не столько с рациональным приемом номинации, сколько с этнопсихологически обусловленным.

Контекстологический, валентностный анализ и интен-анализ дают основание утверждать, что функционирование неформальных номинаций было органичным в законодательных текстах, с позиции юридического языкового сознания. По нашему предположению, семантическая многослойность и диффузность юридических понятий связаны с диалогической направленностью текстов права: 1) апеллятивной (директивной) функцией – посредством дидактической аргументации в рамках привычной для обыденного языкового сознания этнокультурной системы ценностей; 2) возможностью адресата достраивать образ правового феномена путем его интеграции в неформальную регулятивную систему – национальный нравственный «кодекс». Таким образом, коммуникативным условием неконкретной юридической номинации была актуализация этнокультурного фона, способствующего продуцированию и интерпретации семантически многослойного текста. В этом, на наш взгляд, заключался механизм этно-

культурной самоидентификации юридического языкового сознания нескольких поколений законодателей и правоприменителей.

Лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация комплекса номинативных средств юридического понятия «обман» позволяет реконструировать ценностные приоритеты юридического языкового сознания как сегмента национального языкового сознания. Корреляция официальных и неофициальных номинаций отражает тенденцию оценивания не только внешней стороны незаконного обмана (обвинение невиновного, искажение фактов, подделка документов и других объектов, наем лгущих свидетелей, судебных представителей), но и психологических механизмов его возникновения и реализации. Номинативный комплекс *лукавство, лукавец, лукавствовати; коварство; душевредство, душевредец* запечатлел облигаторные признаки обмана как аморального поведения, представляющего социальную и правовую опасность. Посредством данных номинаций в правовую сферу вводился образ несправедливого человека, в сознании которого обесценен нравственный «кодекс» добра, правды, справедливости. Эгоистичный тип личности и отсутствие чувства совести лукавца / коварного человека, душевредца являлся одновременно причиной и последствием умышленного причинения вреда другим, а также желания и способности лицемерно формировать свой добропорядочный образ. Данный тип поведения, с позиции нравственного «кодекса», не только опасен для социума, но и разрушителен для самого субъекта, испытывающего духовную деградацию, утрачивающего статус полноценного члена коллектива. Актуальность реконструированного образа в семантико-когнитивной сфере права поддерживалась этнокультурным фоном. Коннотированные номинации играли роль этнокультурных маркеров, выступая вербализаторами этнокультурных концептов, ориентирующих адресата при интерпретации текстов, прежде всего: «(не)правда», «обман», «ложь», «(не)справедливость», «(не)справедливость», «добро» / «зло», «совесть», «душа» [1, 7, 19, 20].

В соответствии с данной этнокультурной парадигмой *лукавство, коварство, душевредство* взаимообусловлены в ряду антиценностей: *лукавство* – криводушие, уклонение от честного пути, нарушение веры, злонамеренность в помыслах и обман в делах, оправдание несправедливых дел и помыслов, в целом воплощение зла [20. Т. 1. С. 419]; *коварство / коварность* – «злонамеренная хитрость и лукавство, готовность на вероломные поступки и злой умысел, прикрытые показной доброжелательностью и дружеской расположенностью» [20. Т. 1. С. 370], *душевредство* как эксплициатор концепта «душа» (бессмертная внутренняя сила, придающая целостность личности в единстве с миром [20. Т. 1. С. 237–238]) предполагает нанесение душе вреда, нарушение совести [16. Ч. 1. С. 919; 18. Т. 1. С. 380]. В комплексе *лукавство, коварство, душевредство* формируют этноконцепт «обман» – «лукавое и нечестное деяние нечестивца, который ради своей выгоды коварно использует доверие ближних и заманивает в ловушку простецов» [20. Т. 1. С. 533] и противостоят этноконцепту «совесть» – «личное сознание, нравственно оценивающее все проявления

добра и зла в единстве чутья и чувства, души и духа, вызывая сочувствие и активное со-участие в общем деле», «прирожденное чувство справедливости, правды и чести» [20. Т. 2. С. 286]. Феномен лукавства как отрицательной черты русского национального характера рассмотрен на материале неофициальных сфер (русский перевод Библии, художественные и публицистические тексты «Национального корпуса русского языка»), сделан вывод о семантической трансформации от резко негативного смысла в истории до эвфемистичного в современном дискурсе [21]. На материале русской официальной коммуникации в ретроспективе мы видим соответствующее национальному образу мышления негативное восприятие лукавства и обмана в целом. Образ субъекта незаконного обмана, очевидно, в значительной степени моделировался как антипод к эталону честного человека, «который обладает благородством души, живет по законам совести и правды и не способен на подлость (как бесчестный человек)» [20. Т. 2. С. 488].

Заключение

Итак, этноспецифичные номинации юридического понятия «обман» выполняли апеллятивно-дидактическую функцию, связывая официальное и обыденное языковое правосознание, выступая посредником между ними. Косвенные номинации вносили оттенок неформальности в законодательную речь. Эксплицитная связь коннотированных номинативных средств с концептосферой «закон – право» отсутствовала. Официальная пропозиция «обман как незаконное явление» не была дифференцирована от морально-религиозной пропозиции «обман как аморальное явление» на протяжении длительного периода развития русского права. Этнокультурно маркированные номинации отражали тенденцию официального языкового правосознания детерминировать неправомерное поведение аморальными качествами личности. Семантико-когнитивная диффузность правовых и морально-религиозных понятий могла снижать определенность правовых норм в целом.

Выявленная устойчивая апелляция к этнокультурным концептам неофициальной регулятивной системы в юридической коммуникации подтверждает выдвинутую гипотезу о сходстве и связи официального и обыденного языкового правосознания в ретроспективе. Подтвержденная гипотеза позволяет скорректировать концепцию русского правового нигилизма: вместо антагонизма рассматривать эволюцию диалектических отношений официального и обыденного правосознания в парадигме этнической ментальности.

Исследование имеет перспективу в плане полной реконструкции и анализа динамики этнокультурного субстрата официального языкового правосознания. Результаты данной работы могут найти применение в нескольких направлениях: пополнение и уточнение научных сведений о русской ментальности и языковой картине мира в лингвокультурологии, этнопсихологии; лексикографическая работа по истории языка русского права в

этнокультурном аспекте; дидактико-просветительская работа – издание учебной и научно-популярной литературы по истории отечественного государства и права; социально-культурные проекты в целях развития исторической памяти, уважения к национальным правовым традициям и совершенствования правовой культуры современного общества.

Список источников

1. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 696 с.
2. *Мельникова А.А.* Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб. : Речь, 2003. 320 с.
3. *Арутюнова Н.Д.* Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 182–189.
4. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
5. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М. : Ин-т национальной модели экономики, 1994. 267 с.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М. : Академ. Проект, 2001. 990 с.
8. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006. 624 с.
9. *Воркачев С.Г.* Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград : Парадигма, 2009. 190 с.
10. *Акишин М.О.* Юридический язык Русского государства конца XV–XVII веков // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 168–187.
11. *Попова Л.В.* Роль заимствований в русском юридическом языке XVIII века // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы : в 3 ч. Ч. 3 С. 181–182.
12. *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года* : в 42 т. СПб., 1830.
13. *Памятники русского права* : в 8 вып. М. : Госюриздат, 1952–1961.
14. *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
15. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
16. *Словарь Академии Российской* : в 6 ч. СПб., 1789–1794.
17. *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984–1994.
18. *Словарь церковно-славянского и русского языка* : в 4 т. СПб., 1847.
19. *Кобякова Т.И.* Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь. Уфа, 2004 (Тип. ООО Штайм). 158 с.
20. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014.
21. *Воркачев С.Г.* The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 17–29.

References

1. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Mel'nikova, A.A. (2003) *Yazyk i natsional'nyy kharakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti* [Language and national character. The relationship between the structure of language and mentality]. Saint Petersburg: Rech'.
3. Arutyunova, N.D. (1995) Neopredelennost' priznaka v russkom diskurse [Uncertainty of a sign in Russian discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Ryabtseva, N.K. (eds) *Logicheskyy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language. Truth and truthness in culture and language]. Moscow: Nauka. pp. 182–189.
4. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Kas'yanova, K. (1994) *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian National Character]. Moscow: In-t natsional'noy modeli ekonomiki.
6. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskyy Proekt.
8. Kolesov, V.V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
9. Vorkachev, S.G. (2009) *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture* [Look for the Truth: The idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd: Paradigma.
10. Akishin, M.O. (2016) Yuridicheskyy yazyk Russkogo gosudarstva kontsa XV–XVII vekov [The legal language of the Russian state at the end of the 15th–17th centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 168–187.
11. Popova, L.V. (2007) Rol' zaimstvovaniy v russkom yuridicheskom yazyke XVIII veka [The role of borrowings in the Russian legal language of the 18th century]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 3. Part 3. pp. 181–182.
12. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii. Sobranie Pervoe. S" 1649 po 12 Dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection One. From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
13. Sofronenko, K.A. (ed.) (1952–1961) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
14. Isaev, M.A. (2001) *Tolkovyy slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiyey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From Treaties with Byzantium to Statutory Letters of the Moscow State]. Moscow: Spark.
15. Krivko, R.N. (ed.) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka.
16. Russian Academy. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. Chistyakova, O.I. (ed.) (1984–1994) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th centuries]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
18. Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
19. Kobyakova, T.I. (2004) *Kontsepty dukhovnosti v russkoy yazykovoy kartine mira. Lingvokul'turologicheskyy slovar'* [Concepts of Spirituality in the Russian Language picture of the world. Linguistic and cultural dictionary]. Ufa: Tip. OOO Shtaym.

20. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Saint Petersburg: Zlatoust.

21. Vorkachev, S.G. (2013) The kinds of lie: slyness. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (46). pp. 17–29. (In Russian).

Информация об авторе:

Попова Л.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Миасс, Россия). E-mail: mila_fil@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Popova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Miass Branch of Chelyabinsk State University (Miass, Russian Federation). E-mail: mila_fil@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.01.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 29.01.2021;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022*

Научная статья
УДК 811.161.1'42
doi: 10.17223/19986645/75/9

Прагматический статус эстетических речевых актов

Александр Киклевич¹, Себастьян Пшибышевский²

^{1,2} Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Ольштын, Польша
¹ aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl
² sebastian.przybyszewski@wp.pl

Аннотация. Предметом обсуждения является эстетический аспект речевой коммуникации. Авторы исходят из предпосылки, что эстетические характеристики коммуникативного поведения, которые традиционно исследуются с точки зрения функциональной стилистики, могут быть описаны с помощью понятийного аппарата прагмалингвистики. Рассматривается понятие эстетического речевого акта с учетом плана содержания и плана выражения. Эстетические речевые акты квалифицируются как косвенные стимулирующие, т.е. реализуемые преимущественно при отсутствии перформативного глагола в 1-м лице.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, иллюкутивная функция высказывания, эстетическая информация, эстетический речевой акт, косвенный речевой акт

Для цитирования: Киклевич А., Пшибышевский С. Прагматический статус эстетических речевых актов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 183–198. doi: 10.17223/19986645/75/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/9

The pragmatic status of aesthetic speech acts

Aleksander Kiklewicz¹, Sebastian Przybyszewski²

^{1,2} University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Olsztyn, Poland
¹ aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl
² sebastian.przybyszewski@wp.pl

Abstract. The article deals with the problem of pragmalinguistic description of aesthetic speech acts. The authors state that this problem is weakly developed in modern pragmatics. At the very origin of the speech act theory, the aesthetic aspect of utterances was not taken into consideration. Insightfully, J.L. Austin introduced the phenomenon of doing things with words, yet he was mostly focused on institutionalized speech acts and the way they change the social life of people using them. Even later, when following the original Austinian categorizations various classifications of speech acts were proposed, the aesthetic factor was still omitted.

Although the aesthetic function is typically and fully realized in works of art, the aesthetics regarding speech acts is not limited solely to the field of literary texts. Hence, the presented analysis is based on both literary and non-literary material. With reference to utility texts, the aesthetic function is discussed mostly on the material of advertising slogans. Aesthetic speech acts are a research object standing at the junction of several linguistic fields, the most important of which are pragmatics and stylistics. In the analysis, the methods of pragmatics and in particular the terms coined by the speech act theorists are used. The apparatus of stylistics is also applied. Methodologically, the analysis falls within the vast scope of so-called pragmatylistics. In the present study, aesthetic speech acts are understood as speech acts that are produced by the sender with an intention to make the receiver have an aesthetic experience, i.e. encounter beauty or ugliness. This kind of aesthetic intention is the core illocutionary force, according to which aesthetic speech acts are determined. As the authors demonstrate, no performative verbs can be ascribed to aesthetic speech acts hence they should be categorized as indirect stimulating affect-creating acts. The aesthetic intention is realized in the form of a separate (free) illocution mainly in literary texts, whereas in the majority of cases it is somehow connected with other illocutionary forces. Thus, the authors indicate three main ways through which the aesthetic intention of the sender may be communicated. Firstly, it can be verbalized as an autonomic act of pure art, entirely subordinated to the realization of aesthetic function. Secondly, the aesthetic impact may accompany some other prime illocutions (e.g. directive, informative). Lastly, there are speech acts that realize primarily the aesthetic function, yet they also contain a secondary, optional informative component.

Keywords: pragmatics, speech act, illocutionary force, aesthetic information, aesthetic speech act, indirect speech act

For citation: Kiklewicz, A. & Przybyszewski, S. (2022) The pragmatic status of aesthetic speech acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 183–198. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/9

Введение

Одной из форм коммуникативного действия как в сфере искусства, так и вне этой сферы (например, в журналистике и публик рилейшенз [1. S. 53]) является эстетическое воздействие на адресатов с помощью текстов, высказываний и отдельных лексем, что нашло отражение в терминологии, а именно в таких терминах, как *художественный (литературно-художественный, эстетический) жанр* [2–5] и *эстетический речевой акт* [6–10]. Несмотря на это, приходится констатировать, что эстетический аспект находится на периферии прагмалингвистической проблематики, в частности теории речевых актов (далее – РА) как основного модуля этого направления современного речеведения. Данное утверждение верно и по отношению к новым тенденциям в прагмалингвистике – таким как лингвистика дискурса, функциональная прагматика, критическая лингвистика, разговорный анализ. Рассматривая дискурсы как категории речевой деятельности высшего порядка, сторонники этих новых подходов обращают внимание на социально-проблемный контекст речевых действий, про-

блематика же эстетического воздействия (как мало существенная с социо-критической точки зрения) отходит в этих исследованиях на второй план.

В классификации В. Хайнеманна и Д. Вивегера [11] эстетическая функция отсутствует в регистре четырех основных функций текста (психической, контактной, информативной и регулирующей). Немецкие авторы объясняют это тем, что эстетическое воздействие имеет в коммуникации вторичный статус. С этим утверждением нельзя согласиться. Особенно в XX в. стала заметна тенденция к эстетизации сферы публичной коммуникации, к проникновению искусства в жизнь. Источником этого процесса можно считать широкое распространение культуры дизайна [12. S. 13].

Эстетические аспекты коммуникативного поведения рассматриваются в публикациях, которые выполнены на стыке прагматики и стилистики. Примером такого исследования является книга Э. Блэк [13], в которой стилистические и риторические категории (такие как художественная наррация, метафора, символизм) трактуются с прагматической точки зрения. Сфера интересов прагматилистики пересекается с так называемой литературной прагматикой, англ. *literary pragmatics* [14–16], которая в большей степени базируется на общем предмете исследования, чем на общем научном аппарате [17. S. 175].

Следует отметить, что прагматика художественного текста имеет специфический характер: этап создания и этап восприятия текста проходят вне реального взаимодействия автора и читателя (между автором и читателем находятся разного рода институты: издательства, дистрибьютеры, рекламные агентства, литературные критики и т.д.). Упомянутая опосредованность дает основание некоторым исследователям утверждать, что художественная литература выходит за рамки социальной коммуникации [18. С. 179; 19. С. 120; 20. С. 102].

Авторы данной статьи основываются на предпосылке, что эстетическое намерение (т.е. стремление произвести эстетическое впечатление на адресата) является одним из многих намерений (таких как информирование, получение информации, принуждение, приветствие и др.), реализуемых в языковых формах, поэтому речевые действия, направленные на то, чтобы вызвать (стимулировать) эстетический эффект, могут изучаться с применением традиционных инструментов прагмалингвистики (в частности, теории РА). Разумеется, по сравнению с другими актами они выделяются некоторыми характерными чертами, имеющими отношение к плану содержания и плану выражения. Эти особенности эстетических РА будут рассмотрены в следующих разделах.

Статус и прагматическая функция эстетических РА

Феномен искусства и эстетической деятельности содержит в себе противоречие: хотя выделение эстетических объектов обычно не вызывает трудностей, не существует единый, универсальный критерий определения искусства с семиотической точки зрения (подробнее см.: [20. S. 21;

21. S. 46 и др.]). Об этом свидетельствует история искусства, в которой сменяют друг друга парадигмы, основанные на диаметрально разных принципах эстетики, таких как приоритет формальных правил построения текста и приспособление к ним смыслового содержания в искусстве классицизма; приоритет смысловой информации (семантической репрезентации) в искусстве реализма; гиперупорядоченность текста и семантизация внутритекстовых отношений между знаками в искусстве модернизма; примат контекста и гипертекстуальность в искусстве постмодернизма. Кроме того, разные формы реализации эстетической функции сосуществуют в одной и той же эпохе, в рамках одной и той же культурной системы¹.

Отсюда следует, что определение искусства или художественного стиля на основе семиотических (формальных, «внутренних») критериев практически невозможно. В распоряжении исследователей остается прагматический критерий, который можно определить так: «на усмотрение». Его сущность точно выражена в книге М.А. Потоцкой: «К искусству относится то, что считается искусством» [20. S. 108]. Именно в таком духе интерпретирует современное искусство известный музыкант Андрей Макаревич: трактовка произведений искусства, по его мнению, имеет манипулятивный характер и в значительной степени подчинена соображениям коммерческого характера [23].

Использование специальных языковых средств (так называемых риторических фигур) кажется достаточным, чтобы отличить эстетические РА от других, например информирующих. Наличие или отсутствие специальных риторических «добавок» дает основание Дж. Моргану [8. P. 96 и др.] различать эстетические и обыденные ассерции (англ. *aesthetic vs ordinary assertion*). Действительно, многие эстетические РА имеют грамматическую форму, типичную для репрезентативов или экспозитивов, однако следует помнить, что форма выражения не определяет прагматическую функцию.

Эстетическая информация заключена в содержании разных типов речевых действий. К ним относятся упомянутые выше «эстетические ассерции», а также речевые действия, реализующие аффективные состояния субъекта, связанные с переживанием красивого или безобразного [8. С. 104]. Ни первые, ни вторые, однако, не представляют собой специфических речевых действий, употребление которых непосредственно связано с эстетическим воздействием как отличительным свойством произведений искусства. Эстетические ассерции – это оценочные интерпретации (как один из видов интерпретирующих РА). Выражение аффективных состояний говорящего (*Ах, какая красота!*) относится к области экспрессивных (и необязательно коммуникативных) РА.

Прототипом эстетических речевых действий являются произведения искусства, поэтому определение статуса эстетических РА должно опираться на их функциональные свойства. Важнейшей иллокутивной характери-

¹ Н.Б. Мечковская пишет, что художественный язык включает элементы всех функциональных стилей [22. С. 33].

стикой РА в этом случае является побуждающее действие субъекта, стимулирующее эстетическое переживание адресата (положительное или, реже, отрицательное). Здесь мы имеем дело с более широкой категорией РА, которая, как представляется, не нашла должного отражения в прагмалингвистической литературе. Эта категория объединяет детерминирующие РА, т.е. стимулирующие, аффектогенные (в польском языке существует соответствующий термин *afektotwórczy*), реализующие намерение речевого субъекта воздействовать на эмоциональную сферу адресата, т.е. вызывать у него такие эмоции и настроения, как страх, радость, разочарование, гнев и др. Эстетические РА выделяются в этой группе характером интенционального состояния субъекта – в этом случае речь идет об эстетическом впечатлении или переживании. М.А. Потоцкая [20. S. 163 и др.] трактует эстетическое переживание¹ как «стратегическое понятие традиционной эстетики», а также как категорию восприятия любых предметов, в которых заключена соответствующая стимулирующая интенция субъекта².

Локутивный аспект речевого акта при этом составляет языковое высказывание (его план содержания и план выражения), иллюкутивный аспект – реализуемое в языковой форме (в частности, с помощью специальных интерактивных операторов) прагматическое намерение речевого субъекта (стимулирование эстетического переживания), а перлокутивный аспект – переживаемое адресатом чувство красивого или безобразного.

Уже указывалось, что эстетические РА не получили в прагмалингвистике надлежащей интерпретации. Они, например, не соответствуют ни одному из типов РА в известных классификациях Дж. Серля [27], Д. Вундерлиха [28] или А.А. Романова [29]. Можно было бы относить их к директивам как апеллятивным РА (ср. выражения типа *Почувствуй красоту!*), однако директивы трактуются в прагмалингвистике как побуждения к действию. В этом случае речевой субъект непосредственно влияет на поведение адресата, учитывая его волевое и рефлексивное соучастие, тогда как во втором случае (когда осуществляется стимулирующее воздействие на эмоции или убеждения адресата) ментальные репрезентации (и ментальные реакции) имеют – согласно биологии познания [30] – автопоэтический характер: они не только не поддаются прямому внешнему влиянию, но и слабо контролируются самим субъектом. Не случайно Г.Х. Хобом [6. S. 548] пишет о неинструментальном использовании языка в художественном дискурсе.

С нашей точки зрения, эстетические РА относятся к макрокатегории детерминирующих РА (которые находятся в оппозиции к констатирующим, информирующим РА). В рамках этой категории они противопоставлены

¹ В.З. Демьянков пишет в связи с этим о «воспарении читателя» [24. С. 31]. При этом следует иметь в виду, что характер эстетического переживания варьируется в определенных границах, что Т. Адорно показал на примере разных типов отношения к музыке [25. С. 14 и др.].

² Например, О. Северская и Л. Селезнева пишут о красоте как одном из требований публичных выступлений в бизнес-коммуникации [26. С. 167].

директивам как актам прямого воздействия на поведение адресата. В свою очередь, стимулирующие РА делятся на разряды в зависимости от целевого состояния адресата (чувства, настроения, убеждения и др.). Эстетические РА имеют побуждающий (эксцитативный) характер и противопоставлены по этому признаку тормозящим (ингибитивным) РА¹.

Эстетические РА: план выражения

Характерная для эстетических РА стимулирующая, аффектогенная иллокуция определяет возможности ее реализации. В отличие от директивных РА (просьб, приказов, советов, предложений и т.п.) в данном случае целью речевого воздействия являются автопоэтические эмоциональные и ментальные состояния, которые, как было указано, не полностью контролируются субъектом. Если реакция на просьбу представляет собой волевое, осознанное решение субъекта, то подобным децидентным образом человек не может менять свои чувства или верования. Как гласит пословица: *Сердцу не прикажешь* (в польском языке: *Serce nie służy* «Сердце не слуга»). Тем более невозможно контролировать подобные состояния других людей. Этим объясняется тот факт, что употребление языковых форм, свойственных для директивных РА, например глаголов повелительного наклонения, в случае стимулирующих РА практически невозможно, ср.:

- (1) **Скучай!*
- (2) **Убедись, что ...*
- (3) **Получи удовольствие!*
- (4) **Расстройся!*

В речевой практике можно встретить примеры, которые, казалось бы, противоречат данному утверждению, ср.:

- (5) *Успокойся!*
- (6) *Радуйся, что не всё потерял.*
- (7) *Я вас разочарую: со мной – не как с любой...*

Представляется, однако, что в этих случаях употребление глагола повелительного или изъяяснительного наклонения связано с апелляцией к рассудку. В первом предложении речевой субъект побуждает адресата контролировать свои эмоции и тем самым удерживает его от нежелательных действий; во втором предложении содержится аргументация в пользу того, что адресат имеет основания радоваться; в третьем предложении глагол употреблен в форме будущего времени – тем самым сообщается о будущих событиях, которые, по предположению говорящего, вызовут разочарование адресата.

В случае аффектогенных (в том числе эстетических) РА не предусматривается рационально согласованная, регламентированная кооперация между собеседниками, т.е. прямая экспликация прагматической интенции отправителя сообщения и программирование соответствующей реакции

¹ Об оппозиции побуждающих и тормозящих РА см. в работе [31. S. 71].

получателя. Эту особенность искусства подчеркивал Т. Адорно: «То, что хочет сказать художник, он говорит <...> только посредством создания обр-азной формы, в то же время, однако, не давая ей сообщить об этом»¹ [2. P. 150] (см. также: [6. S. 548]). Этим объясняется преимущественно кос-венный характер эстетических РА, т.е. отсутствие специализированных интерактивных операторов, в частности перформативных глаголов. Пере-работка прагматической информации, заключенной в содержании таких операторов, требует активизации соответствующих аналитических моду-лей интеллектуальной системы получателя, что противоречит установке речевого субъекта, стремящегося воздействовать на его чувства.

То, как действует механизм косвенного эстетического воздействия, можно показать на примере рекламных слоганов. Многие из них основаны на риторических фигурах (таких как метафора, олицетворение, сравнение, парадокс, рифма и др.), которые призваны вызвать у адресатов ассоциацию с художественным стилем и словесным искусством², например:

(8) *Сиси – когда хочешь носи (реклама колготок).*

(9) *Управляй мечтой (Toyota).*

(10) *Пельмешки без спешки (Сам Самыч).*

(11) *Ваши ноги будут ходить, как швейцарские часы (реклама компрес-сионного белья).*

(12) *Твоя попа улыбается (Судокрем).*

(13) *Туалет – лицо хозяйки (Harpic).*

Побуждение эстетического переживания адресата («воспарения», по выражению В.З. Демьянкова), осуществляется в косвенной форме – за счет упомянутых языковых средств художественного стиля. Эстетическая ин-формация призвана усилить персуазивный эффект рекламного дискурса, что в целом соответствует механизму психологического воздействия, из-вестному как якорение [33]. Оно состоит в том, что стимулы (в данном случае индикаторы художественного стиля), полученные на первом этапе коммуникации, воздействуют на переработку последующих стимулов; все последующие реакции «привязываются» к первичным, якорным реакциям. Таким образом, эстетическое воздействие используется как инструмент формирования ментального образа объекта и соответствующей реакции / рефлексии адресата (подробнее об этом см. [34. S. 324]).

Косвенным способом реализации эстетические РА напоминают явле-ние, описанное З. Вендлером [35], а именно аберрационные речевые дей-ствия, реализация которых невозможна с использованием лексических маркеров интенции говорящего, т.е. перформативных глаголов в 1-м лице. Следует, однако, заметить, что в случае и аберрационных, и эстетических РА употребление перформативного глагола необязательно означает «илло-

¹ В оригинале: «...What artists can say they say only through the form <...>, not by let-ting that form deliver a message».

² По определению Б.Ю. Нормана [32. С. 7], языковая игра имеет эстетический ас-пект, т.е. связана с ощущением «красоты и изящности сказанного».

кутивное самоубийство»: в некоторых обстоятельствах наличие прагматического оператора не только возможно, но и желательно. Это касается сферы социальных отношений формального и институционального характера. Так, в художественной литературе (и вообще в искусстве) в качестве прагматических операторов широко употребляются названия жанров: *стихотворение, комедия, баллада, роман* и т.д. Разумеется, следует отдавать себе отчет в том, что функция этих, по выражению Т. Добжиньской [36. S. 52], «контекстуализирующих сигналов» отличается от функции типичных перформативных операторов (глагольных типа *прошу* или субстантивных типа *просьба*): названия жанров указывают на художественную конвенцию текста, а не на прагматическую интенцию автора по отношению к адресату (хотя с функциональной точки зрения обе функции – стилистическая и прагматическая – взаимосвязаны).

Прямая эстетическая апелляция возможна также в дискурсах, которые в той или иной степени имитируют искусство, например в рекламе или интернет-коммуникации. Так, в одном из постов, опубликованном в социальной сети Instagram¹, читаем:

(14) *Почувствуй красоту твоего города!*

В структуре этого РА можно выделить две части: перформативная часть включает глагол в форме повелительного наклонения, а точнее, глагольную группу *почувствуй красоту*. Выражение *твоего города* указывает на семантическую область референции действия: речевой субъект стимулирует эстетическое переживание адресата в связи с его рефлексией на тему города, в котором тот проживает.

В речевой практике, особенно в сферах коммуникации вне искусства, эстетические РА преимущественно реализуются в косвенной форме. Как следует из работы [37. С. 18 и др.], в качестве форм выражения стимулирующей интенции говорящего в случае эстетического воздействия употребляются: 1) семантические характеристики текста и отдельных знаков (устойчиво ассоциируемых с красивым или безобразным), а также специфический для художественной литературы тип представления семантической информации (например, гиперсубъективность); 2) специфическая формальная реализация (использование разного рода «поэтизмов») и структурная организация текста²; 3) контекст и конситуация; 4) особенности артикуляции и канализации текста.

¹ URL: https://www.instagram.com/ussur_city/

² Эстетическое воздействие осуществляется не только за счет соблюдения определенной жанровой (художественной) конвенции, но также в результате ее преднамеренного нарушения. В связи с этим Н.Л. Лейдерман [4. С. 155] пишет о феномене антижанра.

Эстетические РА: свободные и связанные

В классической теории прагматики РА рассматриваются как отдельные речевые действия безотносительно к структуре единиц большего формата (например, дискурса или диалога). Проблемой конфигурации РА (см. понятие *speech act set* в работе [38]) занялась функциональная прагматика, в частности конверсационный анализ. В публикациях И.М. Кобозевой [39, 40] было введено понятие сложных РА, включающих две и более взаимосвязанные иллокуции. Кроме того, языковеды изучают синкретические РА [41, 42], т.е. такие высказывания, которые одновременно реализуют несколько значений прагматической функции¹.

Что касается эстетических РА, можно различать три типа их контекстной конфигурации. К первому типу относится свободное, автономное функционирование эстетических РА, например в некоторых (особенно авангардных) формах «чистого» искусства, которые не отягощены дополнительными, в частности идеологическими, функциями. С этой точки зрения наиболее показательны тексты поэзии нонсенса, а также родственных жанров (хайку и др.). В качестве иллюстрации можно привести стихотворение немецкого поэта Хуго Балля (1886–1927) под названием *Totenklage*, состоящее из окказиональных квазилексем:

(15) *omula*
take
biti
solunkola
tabla tokta ta kabla
taka tak
tabubu
m'balam
tak tru-ü
wo-um
biba bimbel

К сфере «чистого» искусства можно отнести поэтики (например, футуризм или импрессионизм), которые Ю.С. Степанов определял как «формальные» [44. С. 182 и др.], т.е. ориентированные на операции со знаками как источник эстетического удовольствия независимо от семантической информации и контекста социальных отношений. В связи с этим можно напомнить о структуралистской концепции искусства как типа коммуникативного воздействия, в основе которого, по словам А. Моля, лежит избыток информации и фокусирование внимания на характере конфигурации знаков (конфигурации «разных уровней восприятия») в ущерб закодированной в знаках семантической информации [45. С. 158 и др.] (см. также: [46. С. 66 и др.]).

¹ При этом синкретизм в коммуникации понимается также по-другому – как использование (в одном и том же дискурсе) разных систем кодирования информации, см. [43].

Второй тип функционирования эстетических РА наблюдается в ситуациях, когда эстетическое воздействие имеет связанный и именно дополнительный статус: оно подчинено главному (информативному, директивному, этикетному и т.д.) акту. Эстетическая информация реализуется за счет употребления формальных, семантических, контекстных или презентационных средств. Рассмотрим в качестве примера высказывание:

(16) *Сегодня мы, образно выражаясь, справляем поминки по индустриальному знанию*¹.

Локутивное содержание ‘Сегодня мы справляем поминки...’ является областью референции главного, информирующего речевого акта. Деепричастный оборот *образно выражаясь* указывает на дополнительно реализуемую иллокуцию – презентацию речи: говорящий информирует адресата об особом языковом характере выражения, а именно о его образности как свойстве художественного стиля. Тем самым говорящий дает понять, что ожидает соответствующей реакции адресата – его эстетического впечатления. Этот третий РА представляет собой прагматическую импликацию – речевое действие, которое следует из акта презентации речи, а также из языковой формы главного информативного акта. Взаимодействие трех РА можно показать схематически:

локуция 1 → иллокуция 1 ‘информирование’
 [нереализованная позиция иллокутивного оператора – «нулевая» форма]
 локуция 1 → иллокуция 2 ‘презентация речи’
 [причастный оборот *образно выражаясь*]
 локуция 1 → иллокуция 3 ‘эстетическое стимулирование’
 [импликация: в качестве импликатуры – иллокуция 2
 и языковая форма локуции]

Эстетические РА функционируют как вспомогательные не только при информировании, но также и в случае детерминирующих речевых действий, в частности в разного рода ситуациях персуазивного воздействия. Во втором разделе уже была речь об эстетическом факторе рекламных текстов: намеренная эстетизация текста (или дискурса) служит побуждению удовольствия, которое функционирует в качестве вторичного стимула, склоняющего адресата к положительной оценке других свойств рекламируемого объекта (как первичного стимула)².

Можно выделить и третий тип контекстного взаимодействия эстетических РА, характерный для многих художественных текстов (особенно реалистических). При этом, как пишет Г.Х. Хобом [6. S. 548], эстетический компонент является главным, а информативный – дополнительным. Информирование в художественном тексте касается не только объективных (реальных или воображаемых) событий и положений вещей – ср. известное определение В.Г. Белинского «энциклопедия русской жизни», относящееся

¹ URL: <https://yeltsin.ru/news/Kirill-Martynov-Prepodavat-znachit-byt-interesnym/>

² Подобного рода вторичная стимуляция выступает также в процессе эстетотерапии.

к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», но и субъективных авторских суждений и оценок. Второй аспект содержания художественных текстов отражен в таких понятиях, как тенденциозность и народность.

Заключение

Эстетическое переживание имеет особый – интимный, сублимативный или, как было указано, автопоэтический характер, поэтому эстетическое воздействие принципиально отличается от РА, цель которых состоит в передаче (интерперсональных по своей природе) знаний. В связи с этим лексической номинации практически не поддаются не только эстетические переживания, но и речевые действия, которые их побуждают.

Источником эстетического наслаждения, как писал Я. Мукаржовский [47. С. 181] (см. также [24. С. 32 и др.]), является не только само произведение искусства, но и осознание его преднамеренности как целевой установки автора. Важность второго фактора, т.е. прагматического контекста, подтверждают новые, в частности концептуально-визуальные, направления в искусстве (перформанс, хеппинг и др.). Стимулирующая интенция автора выражается обычно косвенным образом, с использованием двух типов средств. К первому, интенциональному, типу относятся лексические знаки, которые отсылают к конвенции художественного текста, – это названия художественных жанров (*поэма, роман, баллада* и т.д.). Во втором, экстенциональном, типе эстетическое воздействие осуществляется за счет употребления специальных языковых знаков и их конструкций (т.е. посредством демонстрации или имитации художественного стиля), а также соответствующего окружения и способов презентации, которые ассоциируются с категориями прекрасного или безобразного.

Список источников

1. *Lisowska-Magdziarz M.* Znaki na uwięzi. Od semiologii do semiotyki mediów. Kraków : Księgarnia Akademicka, 2019. 457 s.
2. *Adorno T.W.* Aesthetic theory. London ; New York : The Athlone Press, 1997. 384 p.
3. *Schmitz-Emans A.* Der Roman und seine Konzeption in der deutschen Romantik // *Revue internationale de philosophie.* 2009. № 2 (248). S. 99–122.
4. *Лейдерман Н.Л.* Проблема жанра в модернизме и авангарде: (Испытание жанра или испытание жанром?) // *Studi Slavistici.* 2008. Vol. 5. С. 147–177.
5. *Ирхин Ю.В.* Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // *Вестник РГГУ.* 2014. № 1 (123). С. 13–25.
6. *Hobohm H.C.* Der ästhetische Text als Depositum von Weisheit // *Assman, A. (Hrsg.). Archäologie der literarischen Kommunikation III.* München : Wilhelm Fink Verlag, 1991. S. 547–554.
7. *Meister J.C.* Computing Action: A Narratological Approach. Berlin : Walter de Gruyter, 2008. 339 p.
8. *Morgan A.* Solving the Puzzle of Aesthetic Assertion // *Southwest Philosophy Review.* 2017. № 33 (1). P. 95–103.

9. Казанкова Е.А. Корреляции между составом персонажей и иллокутивной структурой их коммуникативных партий (на материале повестей Г. Щербаковой и Л. Улицкой) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2010. № 10. С. 19–26.
10. Zeller C. Ästhetik des Authentischen: Literatur und Kunst um 1970. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2010. 348 S.
11. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1991. 310 S.
12. Glutkowska-Polniak A. Dizajn w kontekście estetyki. Jego początki, przeobrażenia, konotacje. Katowice : Wydawnictwo UŚ, 2017. 182 S.
13. Black E. Pragmatic Stylistics. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 166 p.
14. Mey J.L. Literary Pragmatics // The handbook of discourse analysis / eds. by D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. London : Blackwell Publishers, 2001. P. 787–797.
15. Pilkington A. Literary pragmatics // The Pragmatics Encyclopedia / ed. by L. Cummings. Abingdon : Routledge, 2010. P. 251–253.
16. Literary Pragmatics / ed. by R.D. Sell. London : Routledge, 1991. 292 p.
17. Huang Y. The Oxford Dictionary of Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 2012. 336 p.
18. Сильман Т. Заметки о лирике. Л. : Советский писатель, 1977. 224 с.
19. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб. : Наука, 1994. 153 с.
20. Potocka M.A. Estetyka kontra sztuka. Kompromitacja założeń estetycznych w konfrontacji ze sztuką nowoczesną. Warszawa : Fundacja Aletheia, 2007. 254 s.
21. Kikiewicz A. Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej. Łask : Leksem, 2007. 453 s.
22. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. Минск : Аспект Пресс, 1996. 207 с.
23. Макаревич А. Что такое красота. 2014. URL: <http://openlecture.webflow.io/lectures/makarevichvoronezh>
24. Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7 (4). С. 29–35.
25. Адорно Т. Избранное: социология музыки. М. : Росспэн, 2008. 446 с.
26. Северская О., Селезнева Л. Эффективная бизнес-коммуникация: «Волшебные таблетки» для деловых людей. М. : Тотальный диктант, 2019. 210 с.
27. Searle J. A classification of illocutionary acts // Language in Society. 1976. № 5. P. 1–23.
28. Wunderlich D. Linguistische Pragmatik. Frankfurt am Main : Athenäum, 1972. 413 S.
29. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: пособие по теоретическим курсам. М. : Институт языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
30. Maturana H.R., Varela F.J. The tree of knowledge: the biological roots of human understanding. Boston : Shambhala, 1987. 269 p.
31. Legutko-Marszałek I. Das bilinguale mentale Lexikon und die sprachlichen Verarbeitungsprozesse // Studia Germanica Gedanensia. 2006. № 14. S. 65–81.
32. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта, 2006. 344 с.
33. Dutton K. Flipnosis. The Art. of Split-Second Persuasion. London : Heinemann, 2011. 392 p.
34. Kikiewicz A. Fenomeny komunikacji (normy i dewiacje w zachowaniach językowych), Olsztyn : Centrum Badań Europy Wschodniej, 2020. 500 s.
35. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / ред. Е.В. Падучева. М., 1985. С. 238–250.
36. Dobrzyńska T. Od niespójności do (super)koherencji. Rola metatekstu w utworze literackim // Semantyka tekstu artystycznego / red. A. Pajdzińska, R. Tokarski. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2001. S. 47–57.

37. Киклевич А. Эстетические аспекты воздействия СМИ (на примере журналистики и интернета) // Филологические науки. 2020. № 6. С. 16–24.
38. Murphy B., Neu J. My grade's too low: The speech act set of complaining // Speech acts across cultures: Challenges to communication in a second language / eds. by S.M. Gass, J. Neu. Berlin : Walter de Gruyter, 1996. P. 191–216.
39. Кобозева И.М. О критериях иллокутивной самостоятельности частей сложного предложения // Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1999. С. 133–137.
40. Kobozeva I.M. The problem of identification and syntactic representation of Russian complex sentences with illocutionary-independent subordinate clauses // Linguistische Arbeitsberichte 75. 3. Europäische Konferenz „Formale Beschreibung slavischer Sprachen“ / hrsg. G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich. Leipzig : Institut für Linguistik der Universität Leipzig, 2000. S. 67–79.
41. Bigunova N. Illocutionary aims and perlocutionary effect of praise and compliment speech acts in modern English literary discourse // Odessa Linguistics Journal. 2018. № 11. P. 12–20.
42. Smaglii V., Tykhonina S., Galiant G. Functional and semantic features of apology speech act (based on the English fictional discourse) // Advanced Education. 2018. № 10. P. 127–133.
43. Agnetta M. Ästhetische Polysemiotizität und Translation. Glucks „Orfeo ed Euridice“ (1762) im interkulturellen Transfer. Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2019. 572 S.
44. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : Наука, 1985. 336 с.
45. Моль А. Социодинамика культуры. М. : URSS, 2007. 406 с.
46. Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. Челябинск : Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2010. 232 с.
47. Мукаржовский Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Структурализм: «за» и «против» / ред. Е.Я. Басин, М.Я. Поляков. М. : Прогресс, 1975. С. 164–192.

References

1. Lisowska-Magdziarz, M. (2019) *Znaki na uwięzi. Od semiologii do semiotyki mediów* [Tethered signs. From semiology to semiotics of the media]. Kraków: Księgarnia Akademicka.
2. Adorno, T.W. (1997) *Aesthetic theory*. London; New York: The Athlone Press.
3. Schmitz-Emans, A. (2009) Der Roman und seine Konzeption in der deutschen Romantik. *Revue internationale de philosophie*. 2 (248). pp. 99–122.
4. Leyderman, N.L. (2008) Problema zhanra v modernizme i avangarde (Ispytanie zhanra ili ispytanie zhanrom?). [The problem of the genre in modernism and in the avant-garde (The test of the genre or the test with the genre)]. *Studi Slavistici*. V. pp. 147–177.
5. Irkhin, Yu.V. (2014) Postmodernistskaya metodologiya analiza i proyektirovaniya politiki [Postmodernist methodology of polics analyzing and designing]. *Vestnik RGGU – RGGU/RSUH Bulletin*. 1 (123). pp. 13–25.
6. Hobohm, H.-C. (1991) Der ästhetische Text als Depositum von Weisheit In: Assman, A. (ed.) *Archäologie der literarischen Kommunikation III* [The archeology of literary communication III]. München: Wilhelm Fink Verlag. pp. 547–554.
7. Meister, J.C. (2008) *Computing Action: A Narratological Approach*. Berlin: Walter de Gruyter.
8. Morgan, A. (2017) Solving the Puzzle of Aesthetic Assertion. *Southwest Philosophy Review*. 33 (1). pp. 95–103.

9. Kazankova, E.A. (2010) Korrelyatsii mezhdu sostavom personazhey i illokutivnoy strukturoy ikh kommunikativnykh partiy (na materiale povestey G. Shcherbakovoy i L. Ulitskoy) [Correlations between the characters and illocutionary structure of their communicative parties (on the material of G. Shcherbakova's and L. Ulitskaya's stories)]. *Uchenyye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova*. 10. pp. 19–26.
10. Zeller, C. (2010) *Ästhetik des Authentischen: Literatur und Kunst um 1970*. Berlin; Boston: de Gruyter.
11. Heinemann, W. & Viehweger, D. (1991) *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
12. Głutkowska-Polniak, A. (2017) *Dizajn w kontekście estetyki. Jego początki, przeobrażenia, konotacje*. Katowice: Wydawnictwo UŚ.
13. Black, E. (2006) *Pragmatic Stylistics*. Edinburg: Edinburgh University Press.
14. Mey, J.L. (2001) Literary Pragmatics. In: Schiffrin D., Tannen D. & Hamilton H.E. (eds.) *The handbook of discourse analysis*. London: Blackwell Publishers. pp. 787–797.
15. Pilkington, A. (2010) Literary pragmatics. In: Cummings L. (ed.) *The Pragmatics Encyclopedia*. Abingdon: Routledge. pp. 251–253.
16. Sell, R.D. (ed.) (1991) *Literary Pragmatics*. London: Routledge.
17. Huang, Y. (2012) *The Oxford Dictionary of Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
18. Sil'man, T. (1977) *Zametki o lirike* [Notes on lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
19. Admoni, V.G. (1994) Sistema form rechevogo vyskazyvaniya [The system of speech forms]. Sankt-Peterburg: Nauka.
20. Potocka, M.A. (2007) *Estetyka kontra sztuka. Kompromitacja założeń estetycznych w konfrontacji ze sztuką nowoczesną*. Warszawa: Fundacja Aletheia.
21. Kiklewicz, A. (2007) *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask: Leksem.
22. Mechkovskaya, N.B. (1996) *Sotsial'naya lingvistika* [Sociolinguistics]. Minsk: Aspekt Press.
23. Makarevich, A. (2014) *Chto takoye krasota* [What is beauty]. [Online] Available from: http://openlecture.webflow.io/lectures/maka_revichvoronezh
24. Dem'yankov, V.Z. (2016) Yazykovaya kreativnost' v khudozhestvennom tvorchestve [Linguistic creativity in art]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 7 (4). pp. 29–35.
25. Adorno, T. (2008) *Izbrannoye: sotsiologiya muzyki* [Selected works: sociology of music]. Moscow: Rosspen.
26. Severskaya, O. & Selezneva, L. (2019) *Effektivnaya biznes-kommunikatsiya. "Volshebnyye tabletki" dlya delovykh lyudey* [Effective business communication. "Magic pills" for business people]. Moscow: Total'nyy diktant.
27. Searle, J. (1976), A classification of illocutionary acts. *Language in Society*. 5. pp. 1–23.
28. Wunderlich, D. (1972) *Linguistische Pragmatik*. Frankfurt am Main: Athenäum.
29. Romanov, A.A. (1988) Sistemnyy analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obscheniya: posobiye po teoreticheskim kursam [System analysis of the regulatory means of dialogical communication: a guide to theoretical courses]. Moscow: USSR AS Institute of Linguistics.
30. Maturana, H.R. & Varela, F.J. (1987) *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding*. Boston: Shambhala.
31. Legutko-Marszałek, I. (2006) Das bilinguale mentale Lexikon und die sprachlichen Verarbeitungsprozesse. *Studia Germanica Gedanensia*. 14, pp. 65–81.
32. Norman, B.Yu. (2006) *Igra na granyakh yazyka* [A game at the boundaries of the language]. Moscow: Flinta.
33. Dutton, K. (2011) *Flipnosis. The Art. of Split-Second Persuasion*. London: Heinemann.

34. Kiklewicz, A. (2020) *Fenomeny komunikacji (normy i dewiacje w zachowaniach językowych)*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.
35. Vendler, Z. (1985) Illokutivnoye samoubiystvo [Illocutionary suicide]. In: Paducheva, E.V. (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. XVI. Moscow: Progress. pp. 238–250.
36. Dobrzyńska, T. (2001) Od niespójności do (super)koherencji. Rola metatekstu w utworze literackim. In: Pajdzińska, A. & Tokarski, R. (eds.) *Semantyka tekstu artystycznego*. Lublin: Wydawnictwo UMCS. pp. 47–57.
37. Kiklevich, A. (2020) Esteticheskiye aspekty vozdeystviya SMI (na primere zhurnalistiki i interneta) [Aesthetic aspects of the media impact (the case of journalism and Internet)]. *Filologicheskie nauki*. 6. pp. 16–24.
38. Murphy, B. & Neu, J. (1996) My grade's too low: The speech act set of complaining. In: Gass, S.M. & Neu, J. (eds.) *Speech acts across cultures: Challenges to communication in a second language*. Berlin: Walter de Gruyter. pp. 191–216.
39. Kobozeva, I.M. (1999) O kriteriyakh illokutivnoy samostoyatel'nosti chastey slozhnogo predlozheniya [On the criteria for illocutionary independence of a compound clause parts]. In: Narin'yani, A.S. (ed.) *Trudy mezhdunarodnogo seminara Dialog'99 po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the international seminar Dialogue'99 on computational linguistics and its applications]. Moscow: RosNII II Tarusa. pp. 133–137.
40. Kobozeva, I.M. (2000) The problem of identification and syntactic representation of Russian complex sentences with illocutionary-independent subordinate clauses. In: Zybatow, G., Junghanns, U., Mehlhorn, G. & Szucsich, L. (eds.) *Linguistische Arbeitsberichte* 75. 3. Europäische Konferenz „Formale Beschreibung slavischer Sprachen“. Leipzig: Institut für Linguistik der Universität Leipzig. pp. 67–79.
41. Bigunova, N. (2018) Illocutionary aims and perlocutionary effect of praise and compliment speech acts in modern english literary discourse. *Odessa Linguistics Journal*. 11. pp. 12–20.
42. Smaglii, V., Tykhonina, S. & Galiand, G. (2018) Functional and semantic features of apology speech act (based on the English fictional discourse). *Advanced Education*. 10. pp. 127–133.
43. Agneta, M. (2019) *Ästhetische Polysemiotizität und Translation. Glucks „Orfeo ed Euridice“ (1762) im interkulturellen Transfer*. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag.
44. Stepanov, Yu.S. (1985) *V trekhmernom prostranstve yazyka. Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional language space. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow: Nauka.
45. Mol', A. (2007) *Sotsiodinamika kul'tury* [The social dynamics of culture]. Moscow: URSS.
46. Ursul, A.D. (2010) *Priroda informatsii: filosofskiy ocherk* [The nature of information: a philosophical essay]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.
47. Mukarzhovskiy, Ya. (1975) Prednamerennoye i neprednamerennoye v iskusstve [Intentional and unintentional in art]. In: Basin, E.Ya. & Polyakov, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: pros and cons]. Moscow: Progress. pp. 164–192.

Информация об авторах:

Киклевич Александр (KIKLEWICZ Aleksander) – д-р филол. наук, профессор кафедры социальной коммуникации Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Ольштын, Польша) (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Katedra Komunikacji Społecznej). E-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Пшибышевский Себастьян (PRZYBYSZEWSKI Sebastian) – доктор PhD, адъюнкт, Институт языкознания Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Ольштын, Польша) (Uniwersytet Warmiński-Mazurski w Olsztynie, Instytut Językoznawstwa). E-mail: sebastian.przybyszewski@wp.pl

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A. Kiklewicz, Dr. Sci. (Philology), professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland). E-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

S. Przybyszewski, PhD, adjunct, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland). E-mail: sebastian.przybyszewski@wp.pl

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 09.02.2021;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022*

Научная статья
УДК 81'42; 070
doi: 10.17223/19986645/75/10

Язык референдумов через призму британских газетных заголовков

Мариана Самвеловна Саркисян¹, Евгения Витальевна Зиминая²

¹ *Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения, marianasargsyan@ysu.am; mariana.sargsyan80@gmail.com*

² *Костромской государственный университет, Кострома, Россия, ezimina@rambler.ru*

Аннотация. Референдумы о независимости Шотландии 2014 г. и о членстве Британии в ЕС 2016 г. сформировали нынешнюю политическую картину в стране. Заголовки в прессе Англии и Шотландии отражают сдвиг в языке и культуре медийного дискурса. Умеренный дискурс референдума 2014 г. сменился жёсткой риторикой Брексита. Сравнивая освещение этих событий в прессе Англии и Шотландии, авторы изучают взаимовлияние медийной культуры, языка и политики и отмечают сдвиг в языке к угрозам и манипуляциям. Мы исследуем роль прессы в переосмыслении политических взглядов, ценностей и убеждений британцев.

Ключевые слова: газетный дискурс, заголовок, Brexit, референдум о независимости Шотландии, новая лексика, языковое манипулирование, агрессивная риторика, влияние СМИ

Для цитирования: Саркисян М.С., Зиминая Е.В. Язык референдумов через призму британских газетных заголовков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 199–220. doi: 10.17223/19986645/75/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/10

The language of referenda through the prism of British press headlines

Mariana S. Sargsyan¹, Evgeniya V. Zimina²

¹ *Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia, marianasargsyan@ysu.am; mariana.sargsyan80@gmail.com*

² *Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, ezimina@rambler.ru*

Abstract. Shifts and transformations of social and political systems have always happened under the influence of a wide range of media techniques and means employed by newspapers to influence processes and shape public opinion. The paper considers the phenomenon on the example of the UK at the background of the recent political processes in the context of the Independence Referendum of 2014 and the

EU Membership Referendum in 2016 (Brexit). To study the language of the British press of the period and to observe in what ways newspapers with different political stance tried to achieve the desired impact on the reader, the paper suggests looking at the headlines of English and Scottish newspapers. The study employs linguistic analysis, supplemented by discourse analysis, as well as elements of content analysis. Headlines were selected according to the thematic principle (Politics, Referendum and Brexit) and classified by the political stance and the geographical location (England or Scotland). The choice of the object of the study is due to the specific nature of British newspaper headlines (works by H. Kniffka, A.M. Simon-Vandenberg, T.A. van Dijk, K. Schneider, J. Aitchison, E. Semino, A.Yu. Isaeva, and others). The chronological order of the data demonstrates the changes in the techniques used by journalists and politicians to reach to the readers and influence their opinion. In particular, the paper argues that the press coverage of the 2014 Referendum can be characterized as moderate, while the coverage in 2016 demonstrates a shift to manipulative techniques for which a wide range of linguistic tools were used by politicians and journalists to transform values, beliefs, and social and political attitudes. The paper argues that closer to the end of 2019, given the growing uncertainties about the future of the country, the press language grew harsher, with the domination of words with negative connotation and direct verbal abuse. As to manipulative rhetoric choices, most frequently press headlines employed metaphor, antithesis, lexical and syntactic repetition, parallelism, hyperbole, comparison and citation. The study of over 500 headlines demonstrates that the press culture has undergone significant changes which account for the qualitative transformations of the language of the British press, traditionally characterized by a reserved tone. On the other hand, the analysis of the headlines shows that the notions *unity*, *Britishness* and *identity* were frequently referred to. This enables to conclude that the press has given start to new interpretations of the mentioned notions the effect of which will be seen in the long-term perspective. In the course of the revision of the paper, based on the reviewers' comments, the title of the paper has been concretized, the methodology employed in the paper has been specified, and a more detailed account of the choice of the object of study has been presented.

Keywords: newspaper discourse, headline, referendum, new Brexit lexis, language manipulation, aggressive rhetoric

For citation: Sargsyan, M.S. & Zimina, E.V. (2022) The language of referenda through the prism of British press headlines. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 199–220. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/10

Введение

СМИ всегда играли важную роль в формировании общественного мнения. В наши дни на сайтах газет и на их страницах в социальных сетях имеется возможность читательского комментирования. Известно, что читатели могут выражать как свое мнение, так и мнение определенных политических, общественных и прочих групп. Это приводит к тому, что влияние СМИ на электорат усиливается многократно. Разумеется, печатные СМИ лишь один из многочисленных способов воздействия на публику. Однако мы рассмотрим именно печатные СМИ и их онлайн версии, которые благодаря интернет-технологиям стали одним их самых легкодоступ-

ных источников информации. В этой связи исследование в сфере политического медиадискурса является одним из наиболее актуальных направлений не только лингвистики, но и междисциплинарных исследований. Политический медиадискурс как средство реализации воздействия на массовую аудиторию изучается в работах Э.В. Будаева, О.Ф. Русаковой, Е.И. Шейгал, Ю.В. Ключева и других исследователей [1–4].

Вышеизложенное явление можно наблюдать на примере британских СМИ на фоне недавних политических событий, а именно в контексте референдума о независимости Шотландии в 2014 г. и референдума о членстве Великобритании в ЕС (Брекзит) в 2016 г., повлёкших за собой не только изменения в жизни Великобритании, но и предположения о втором референдуме о независимости Шотландии. Эти события широко освещались в британской прессе, влияние которой на результаты прошедших референдумов трудно переоценить.

Использование журналистами и политиками широкого лингвистического инструментария для достижения своих целей привело к качественным сдвигам не только в языковой культуре прессы, но и в системе ценностей, убеждений и социальной позиции в целом. Сами же политические процессы породили множество новых слов и терминов в английском языке. Количество таких слов настолько значительно, что можно говорить о целом корпусе референдумной лексики.

Цель данной статьи – исследовать язык прессы в период 2016–2019 гг. в тесной связи с социально-политической ситуацией в стране и проследить за качественными изменениями в заголовках. Хронологический порядок анализа позволяет проследить за эволюцией журналистских приёмов в попытках британской прессы сыграть свою роль во время политического кризиса в Соединённом Королевстве. Актуальность исследования определяется возрастающим воздействием СМИ на социальную и политическую жизнь. Объектом исследования стали заголовки статей в электронных версиях британских газет. В процессе исследования был проведён анализ более 500 заголовков статей по темам «Политика», «Референдум» и «Брекзит». Выбор объекта исследования не случаен.

В первую очередь нужно отметить, что существует достаточное количество работ как зарубежных, так и российских исследователей, посвящённых проблеме заголовков прессы, в частности англо-американской [5–11].

Особенности развития британской прессы наложили яркий отпечаток на заголовки газетных статей. Во-первых, специалисты отмечают, что количество слов в заголовках стало намного больше по сравнению с их количеством в XIX в. (в среднем менее 3 слов на заголовок в 1800 г. и более 7 слов в заголовке в 2000 г.) [8. P. 54]. Таким образом, заголовок стал более развёрнутым и представляет собой очень краткую аннотацию статьи.

Говоря о функциях заголовков, исследователи отмечают, что главная цель заголовков в англо-американской прессе – привлечь внимание читателя, заинтересовать, воздействовать и даже поразить его, и лишь во вторую очередь заголовку поручается информационно-разъяснительная функ-

ция – сообщение читателю краткого содержания данной статьи [9–10]. Вследствие этого в британской прессе выработался особый стиль газетного заголовка, характерной чертой которого является чрезвычайная экспрессивность. Современные британские заголовки пытаются резюмировать статью, одновременно реализуя функцию воздействия. Считается, что эффект таких заголовков потенциально длительный. Утверждается, что заголовки часто являются единственной информацией, которую можно прочитать или запомнить [7. Р. 189]. Развёрнутые заголовки экономят время читателя – они позволяют не читать всю статью целиком, но по-прежнему сообщают достаточное количество информации. Итак, можно отметить, что заголовки одновременно нацелены на привлечение внимания читателей и резюмирования информации. Выбор объекта настоящего исследования обусловлен именно упомянутыми особенностями заголовков британских газет.

Методологическую основу данного исследования составляет лингвистический анализ текста, который дополняется методами критической лингвистики и дискурсивного анализа, а также элементами контент-анализа. Совокупность применения этих методов позволяет рассмотреть характеристики языка заголовков для получения более объёмной картины. Заголовки отбирались по тематическому принципу («Политика», «Референдум» и «Брекзит»), а также классифицировались в соответствии с политической принадлежностью издания (проконсервативные или пролейбористские, а также либерально-демократические и независимые газеты) и географическим расположением редакции (Англия или Шотландия).

Заголовки статей цитируются в основном по электронным версиям газет.

Референдум о независимости Шотландии в британской прессе

Освещение референдумов 2014 и 2016 гг. в шотландской прессе с точки зрения выбранных журналистами языковых средств существенно различается. Начиная с 2016 г. язык прессы по отношению к Брекзиту и возможному второму референдуму о независимости стал более агрессивным в атмосфере неуверенности, страха и все более возрастающей важности вопросов национальной важности. Мы придаём особое значение динамике политической риторики по основным политическим событиям как в Англии, так и в Шотландии.

Заголовки статей в шотландской прессе за 2013–2014 гг. вряд ли можно описать как дискурс национальных ценностей и вопросов национальной самоидентификации [12. Р. 49]. Значительное число примеров, взятых из шотландской прессы, демонстрирует, что как сторонники, так и противники независимости в основном обсуждают вопросы экономических потерь и выгод, будущее экономики в составе Соединённого Королевства и преимущества членства в ЕС. Примеры также показывают, что шотландская пресса вне зависимости от интересов издателей не выражала определённых мнений относительно независимости, за исключением воскресного выпуска «Геральд» от 4 мая 2014 г. в поддержку сторонников отделения.

ШНП (Шотландская национальная партия) выстроила кампанию в поддержку независимости, апеллируя к уникальной возможности (a lifetime opportunity) Шотландии исполнить свои мечты (fulfil its hopes and dreams) [13]. Кампания не была агрессивной, а в плане языка весь процесс проходил спокойно, в нейтральном тоне. Наиболее распространённым журналистским приёмом было преуменьшение, с помощью которого сторонники членства в ЕС (Лучше вместе – Better Together) старались придать меньшую значимость взглядам ШНП на независимость. *Nessie is more real than SNP's economic claims* [14], *SNP independence vision a 'pale imitation of past'* [15], или *By 2070, Scots independence as likely as putting astronauts on Mars* [16], *Scots independence white paper 'just wish list'* [17], *SNP independence white paper 'a work of fiction'* [18]). Эти заголовки ставили своей целью показать нереалистичность кампании в поддержку независимости и близорукость ШНП. Такая речевая стратегия, выраженная посредством риторических фигур речи, была эффективной и достигла цели, принимая во внимание результаты референдума.

Другим аспектом референдума 2014 г. является понятие единства нации, эксплуатируемое противниками выхода Шотландии из состава Соединённого Королевства. Интересно, что заголовок *Patriotism not nationalism is the basis for independence* [19] отражает типичную стратегию противопоставления патриотизма национализму. Понятия «патриотизм» и «национализм», часто превращающиеся в понимании шотландских читателей в синонимы, на самом деле имеют разную коннотацию. Поскольку электронные версии газет предоставляют читателям возможность комментировать тексты, мнение читателей всегда очевидно выражено. В контексте референдума 2014 г. патриотизм подразумевает единство нации для всех, кто разделяет это чувство, а также стремление избирателей голосовать душой и сердцем. Национализм в том же контексте означал восприятие Шотландии как страны, чьё превосходство над другими частями Соединённого Королевства неоспоримо, из чего вытекала необходимость политической независимости, а также холодный экономический расчёт. Таким образом, сторонники и противники независимости апеллировали к разным чувствам избирателей. Заголовок подчёркивает «сепаратистскую» природу кампании и подрывает позиции ШНП.

Осознание себя как британцев, а не шотландцев стало ещё одним важным пунктом в кампании против независимости, что видно, например, из заголовка *Talk up benefits of Union* [20]. Лидер шотландских тори убедительно доказывал, что противники независимости должны донести до избирателя плюсы союза как для Шотландии, так и для всего Соединённого Королевства. Далее он обращается к шотландцам, напоминая об общем прошлом, о черных днях, которым Англия и Шотландия противостояли сообща, и подчёркивает силу союза по сравнению с простой политической сделкой. Эффект усиливается за счёт использования исторических отсылок, например к событиям Второй мировой войны.

Основываясь на вышеупомянутых заголовках, мы можем сделать вывод, что стратегия кампании «Лучше вместе» была сбалансированной и умерен-

ной, поэтому практически все шотландские газеты выступали в её поддержку. Однако несмотря на спокойное языковое оформление кампании и отсутствие вербальных дуэлей в шотландской прессе, газеты всё же способствовали усилению страха и неопределённости в обществе, представляя независимую Шотландию как малореалистичную идею. Роль прессы можно считать крайне важной, так как ни одна ведущая шотландская газета не высказалась в поддержку независимости.

Реакция английских газет на референдум в Шотландии варьировалась в зависимости от политических предпочтений редакций и времени, остающегося до дня референдума. Большинство английских СМИ отнеслись к идее референдума со значительной долей скептицизма и восприняли её как шутку. Однако с приближением дня голосования тон многих газетных материалов изменился. Некоторые газеты, несмотря на свои политические пристрастия, предостерегали Шотландию от проведения референдума. «Санди Таймс», «Телеграф», «Санди Миррор» подчёркивали славное общее прошлое (например, «Санди Таймс» переосмысливала лозунг «Битва за Британию», использовавшийся во время Второй мировой войны, для выражения своего отношения к референдуму).

«Стар», напротив, подчёркивала необходимость референдума как проявления демократии в стране и символа политического пробуждения Шотландии. Единственным исключением стала «Сан» с двумя разными редакторскими статьями – одна для английского издания, другая для шотландского. Английская версия характеризовалась долей скептицизма по отношению к референдуму, в то время как шотландская была более нейтральной. Однако мы можем с уверенностью сказать, что большинство английских газет поддержали слоган «Лучше вместе».

В целом можно сделать вывод о нейтральности языковых средств в освещении референдума 2014 г. На наш взгляд, умеренный тон и отсутствие ярко окрашенной лексики не только сгладили эффект от событий в поле СМИ, но и способствовали спокойному восприятию итогов референдума в реальной жизни.

Брекзит и его освещение в прессе

Референдум о независимости Шотландии, несмотря на сравнительно спокойное освещение в прессе, послужил стартовой точкой для последующих политических событий, которые изменили не только политику и экономику Соединённого Королевства, но и язык прессы и политики.

Кажущаяся относительно спокойной политическая жизнь страны после 2014 г. вскоре была прервана решением Джеймса Кэмерона провести референдум по вопросам членства страны в Евросоюзе. Чтобы прояснить определённые языковые нюансы дадим краткое описание самого процесса Брекзита.

Брекзит стал исключительно сложным политическим и экономическим процессом, который ухудшил отношения между группами населения, до этого относительно толерантно относящимися друг к другу.

Мы не ставим целью описать политические и социоэкономические причины Брекзита. Также слишком рано говорить о последствиях Брекзита, и это не входит в цели исследования. Однако можно с уверенностью сказать, что Брекзит стал для Соединённого Королевства одним из самых тяжёлых испытаний за последние годы. Например, он послужил причиной рассуждений о втором референдуме о независимости Шотландии (две трети населения Шотландии предпочли бы остаться в ЕС), а также вызвал проблемы, связанные со свободным перемещением между Северной Ирландией и Республикой Ирландия. Кроме того, некоторые решения, принятые нынешним премьер-министром страны, Борисом Джонсоном, уже вызвали раскол в Консервативной партии, казавшейся до этого монолитной и принимающей решения практически единогласно.

Неудивительно, что такой сложный и противоречивый процесс послужил причиной появления в английском языке целого пласта новой лексики и переосмысления значений уже существующих слов.

Во-первых, некоторые лексические единицы, описывающие процесс Брекзита, стали новыми лишь для широкой публики. Нейтральные по своей окраске, они до недавнего времени представляли интерес лишь для политических аналитиков и чиновников ЕС. Такие термины описывают различные механизмы функционирования ЕС и содержатся в документации ЕЭС/ЕС. Однако во время кампании по выходу из ЕС эти слова стали часто использоваться в прессе для объяснения процедуры выхода.

Примером могут стать *free market* (свободный рынок), *Article 50 of the Lisbon Treaty* (Статья 50 Лиссабонского договора), *Common Travel Area* (Зона свободного передвижения) [21], *Customs Union* (Таможенный союз), *the European Communities Act* (Закон о европейских сообществах), *the Four Freedoms* (четыре свободы ЕС/ЕАЭС), *hard/soft border* (строгая/мягкая граница, т.е. граница с пограничным контролем или без него), *member states* (страны-члены ЕС), *opt-outs* (исключения из Маастрихтского договора, которыми пользуются некоторые страны ЕС) и многие другие, характеризующие функционирование ЕС.

Слова с более яркой эмоциональной окраской описывают реалии, появившиеся во время Брекзит-кампании: *the Brexit bus* (агитационный автобус кампании в поддержку Брекзита), *Three Baskets* (Три корзины, т.е. три стратегии выхода из ЕС. Термин происходит от известного выражения «не класть все яйца в одну корзину»), *Brexchosis* (массовый психоз, вызванный Брекзитом) [21], *Europhobia* (Еврофобия), *Europhilia* (Еврофилия), *cakeism* (стремление получить несколько выгод сразу. Происходит от известного выражения *You cannot have the cake and eat it*, т.е. невозможно съесть пирожное так, чтобы оно у тебя осталось). Оксфордский словарь уже содержит собственно слово «Брекзит» и образованные от него лексические единицы *Bregret* (*Brexit+Regret*, сожаление о том, что голос был отдан за Брекзит), *Brexodus* (*Brexit+Exodus*, т.е. Исход Британии из ЕС), *Grexit* (*Greece+Exit*, т.е. выход Греции из ЕС), а также слова, образованные от лексических единиц, обозначающих реалии Брекзита: *retapias*

(*Remain + maniac*, т.е. человек, маниакально стремящийся остаться в ЕС), *Remoaner* (*Remain + moaner*, т.е. человек, который хочет, чтобы Британия осталась в ЕС, и постоянно говорит (ноет) на эту тему). Многие из таких слов имеют негативную коннотацию.

Некоторые общеизвестные слова за время Брекзит-кампании приобрели совершенно новые значения. Примерами могут служить *snowflake* (человек, который не воспринимает альтернативную точку зрения), *cherry-picking* (предвзятый выбор, выбор только удобных аргументов).

Британские СМИ всегда играли значительную роль в создании и распространении новых политических тенденций. Поскольку телевидение в Соединённом Королевстве традиционно считается наименее предвзятым СМИ [22], за влияние на публику и формирование общественного мнения по поводу Брекзита сражались в основном газеты и их электронные версии. Нейл Гэвин полагает, что именно британские печатные СМИ ответственны за манипулирование сознанием электората в ходе референдума 2016 г. [23]. Дейвид Леви, ссылаясь на отчёт, подготовленный агентством Рейтер, отмечает возросшее число негативных комментариев в британских газетах и полагает, что газеты имеют существенное влияние как на определившийся, так и неопределившийся электорат [24]. Роль социальных сетей также нельзя преуменьшать. Например, Скай Ньюз использовала YouTube для загрузки коротких роликов с интервью, в которых избиратели отвечали, как они будут голосовать. В роликах неизменно присутствовали активисты, раздающие листовки соответствующего содержания (в зависимости от ответов респондентов). С помощью стратегии KISS (*Keep it simple, stupid* (Будь проще и глупее)) сторонники выхода из ЕС успешно привлекли на свою сторону представителей рабочих профессий из провинции, создав у тех впечатление, что они могут взять ситуацию в свои руки и выиграть в сражении с либерально настроенными гражданами [25]. Ролики характеризуются очень простым языком и простой визуализацией.

Также сторонники выхода из ЕС применили стратегию KISS в формировании образа национального самоопределения. Найджел Фарадж, лидер Партии независимости Соединённого Королевства (позднее лидер партии Брекзит), завоевал популярность с помощью роликов YouTube с упоминаниями Второй мировой войны, Фолклендской кампании, изображениями королевской семьи, футбола, крикета, сельских пейзажей и т.д. По утверждению Ламберта, 60% сторонников выхода из ЕС считают себя англичанами, а не британцами или европейцами [26].

Английские газеты существенно повлияли на итоги референдума. Однако утверждение о том, что какая-либо газета отражает мнение определённой политической партии, как это было в начале кампании, было бы неверным. Анализируя заголовки начала кампании, т.е. за 2016 г., можно сказать, что наиболее яркими сторонниками Брекзита выступили «Дейли Экспресс» и «Сан», в то время как «Гардиан», «Индепендент» и «Файнэншл Таймс» занимали проевропейскую позицию. «Дейли Мейл»

оставалась нейтральной. Эти данные подтверждают наблюдения, сделанные Райтом [27]. В то же время очевидно, что обе стороны использовали сходные речевые стратегии для продвижения своей точки зрения. С самого начала кампании английские газеты провели чёткое разделение между «ними» и «нами», т.е. теми, кто высказывал противоположную и сходную точку зрения соответственно. В газетных заголовках использовались стратегии, которые не только подчёркивали правильность и жизнеспособность своей точки зрения, но и дискредитировали противоположную точку зрения. Можно выделить такие стратегии дискредитации, как оскорбление, сарказм, обвинение и угроза. Заголовки *NHS worker wipes the floor with Cameron in EU debate and orders him to do his part* [28] и *EU referendum live: Cameron warns of economic timebomb* [29] были типичны для обеих сторон процесса. На страницах газет прочное место заняли слова *threat* (угроза), *ban* (запрет), *accuse* (обвинять), *crime* (преступление), *risks* (риску), *limbo* (неопределённая ситуация, «завис»).

Обе стороны в одинаковой степени использовали прецедентные наименования (т.е. слова, отражающие культурные особенности страны и служащие разделителями между «ними» и «нами») [30]. Этот приём помогает провести параллели между политическими оппонентами и прецедентными наименованиями для нелицеприятных сравнений. *Want to know what real racism is? Ask Donald Trump, not Brexiteers* [31] или *Brexit campaign resonates with Catalan separatists* [32]. Во втором примере сравнение более негативно из-за событий, связанных с каталонским референдумом: власти Испании объявили его незаконным, а в 2017 г. в Испании проходили массовые аресты организаторов референдума в Каталонии.

Обвинение как приём воздействия на читателя широко использовали сторонники выхода из ЕС, говоря о мигрантах. Примером такого популистского заголовка может служить *Migrants take our jobs: Britons losing out to foreign workers* [33]. Авторы статей использовали контраст между «нами» и «ними», что привело к восприятию мигрантов как отчуждённой, враждебной группы населения.

После того как результаты референдума были обнародованы, а изначальная эмоциональная реакция утихла, фокус газетных материалов сместился на объяснение процедур, которым должны следовать Соединённое Королевство и Евросоюз для начала – и окончания! – процесса. Эмоциональная реакция наблюдалась не столько в самих материалах прессы, сколько в комментариях читателей, когда стало понятно, что Брекзит является новой неизбежной реальностью. Тон самих газет был слегка эмоциональным, например: *UK votes to leave EU after dramatic night divides nation* [34]. «Сан» и «Дейли Мейл» отреагировали на произошедшее с сарказмом и радостью: *See EU later!* [35] и *We're Out!* [36]. Тон «Файнэншл Таймс» был подчёркнуто деловым: *Tory Brexiters urge Cameron to stay regardless of vote results* [37]. Можно с уверенностью сказать, что беспокойство по поводу Брекзита выражали в основном газеты континентальной Европы. Однако есть и несколько исключений: *No second chance for Britain: Germany's*

threat to UK – You'll never be allowed back in EU [38]; *Don't mention the B-word!* [39] или *Pity the Brexpat!* [40]. В таких заголовках отмечаются ранее упомянутые стратегии. Однако необходимость информировать публику о происходящем вынудила многие газеты использовать спокойный тон, поэтому вскоре язык терминов, объясняющих процедуру выхода, заменил эмоции для того, чтобы подготовить нацию к ближайшим переменам.

По мере того как переговоры по Брекзиту стали менее продуктивными в отношении сделки с Евросоюзом по причине неспособности правительства Терезы Мэй предложить подходящее решение, тон большинства газет стал меняться. Наблюдавшаяся ранее политическая лояльность печатных СМИ сменилась желанием публиковать горячие новости, невзирая на партийную принадлежность лица, находящегося в центре новости. Язык самих политиков, а вслед за ними и журналистов, стал более агрессивным. В сентябре 2019 г. агрессия в высказываниях политиков достигла пика, а тиражирование агрессивных высказываний в печатных СМИ стало беспрецедентным. Премьер-министр Борис Джонсон использовал такую агрессивную лексику, как *surrender* (*сдаваться*), *traitor* (*предатель*), *attack* (*нападение*), а многократное повторение его слов в прессе привело к эскалации насилия не только на бумаге, но и в реальной жизни. Его упоминание миссис Кокс [41] стало причиной роста числа угроз в адрес женщин-политиков по всей стране. Многие газеты, как местные, так и национальные, отмечают рост насилия в стране, связанного с риторикой Джонсона, забыв упомянуть при этом собственную роль в тиражировании и муссировании агрессивных высказываний. Практически все печатные и электронные СМИ отметили использование Джонсоном слова *humbug* (*чепуха, вздор*), когда премьер-министра попросили прокомментировать ситуацию с угрозами в адрес женщин-депутатов парламента, хотя Джонсон и уверял, что его слова неправильно интерпретировали. Это стало ещё одной приметой времени: прессу часто упрекали в неправильной интерпретации многих высказываний, так как отдельные фразы были опубликованы без учёта контекста, а многие слова использованы не в тех значениях. Это привело к высокой степени предвзятости в печатных (и не только) СМИ и потере объективности.

Языковая ситуация в политике и печатных СМИ привела к решению парламента использовать более умеренный язык в публичных высказываниях. Однако ситуация продолжала накаляться, и 2 октября 2019 г. «Индепендент» написала, что ЕС «пристрелил» (*shot down*) планы Джонсона [42]. Пресса снова раздула эти случаи языковой агрессии, а читатели подхватили тенденцию, и количество агрессивных комментариев в соцсетях стало расти.

Газеты и их электронные версии начали публиковать заметки, которые лишь способствовали нагнетанию обстановки. *Brexit referendum triggered man's acute psychosis, doctor says.* [43]. На деловых страницах английских газет использовался более серьёзный (или менее сенсационный) тон, но выбор тематики и лексики оставался тревожащим. «Метро» опубликовала

список компаний, обанкротившихся или пострадавших по причине Брекзита [44].

Лавина статей подобного рода была спровоцирована крахом компании «Томас Кук». И хотя с самого начала было понятно, что банкротство компании было вызвано не одним лишь Брекзитом, именно «Томас Кук» упоминалась в статьях об экономических последствиях Брекзита. Ирония заключается в том, что именно «Томас Кук» начала использовать термины *Brexit-guaranteed* и *Brexit Price Guarantee* на странице клиентской поддержки.

Язык прессы становился все более оскорбительным и язвительным. *Brexit has infected British politics from top to bottom* [45]; *PM whipping up riot fears to avoid Brexit extension* [46]; *Civil war over Brexit* [47]. Не только заголовки, но и общий тон статей стал более тревожным. *Emergency meeting* (Экстренное заседание), *loom* (нависать, надвигаться, обычно об угрозе), *terrible week* (ужасная неделя), *terminal decline* (окончательный спад) – вот несколько примеров типичной лексики этого периода.

Комментарии читателей на страницах этих газет в «Фейсбуке» также отмечались ростом агрессивных высказываний. *Clowns, morons, die in the ditch* могут служить примерами того, как читатели выражали своё разочарование и недовольство происходящим.

Произошло переосмысление старых слоганов. Например, «Экономист» сопроводил слоган *Make Britain Great Again* рисунком, на котором Борис Джонсон на своём агитационном автобусе едет по американским горкам в никуда [48].

Тони Торн, лингвист-консультант в Кингз Колледж, Лондон, полагает, что британцы не успевали за развитием *Brexit-speak* (Брекзитязя). [49]. Аллюзия на известный роман Оруэлла демонстрирует ситуацию с политическим языком Соединенного Королевства в конце 2019 г. Торн называет её «токсичной терминологией популизма», за которой люди не успевают следить.

Брекзит и его последствия для Шотландии: освещение в прессе

Освещение Брекзита в шотландских печатных СМИ также претерпело существенные изменения. Меняющаяся реальность и перспектива выхода из ЕС привели к возобновлению разговоров о независимости Шотландии. В референдуме по Брекзиту большинство регионов Англии и Уэльса проголосовали за выход из ЕС, в то время как в Шотландии 62% голосов было отдано против выхода. 24 июня 2016 г. «Курьер» опубликовал материалы под заголовком *N. Sturgeon says new independence referendum now 'highly likely'* [50], тем самым проинформировав читателей, что вопрос о втором референдуме о независимости снова находится в повестке для ШНП. В этот раз в поддержку независимости выступили почти все шотландские газеты и их интернет-версии, в особенности «Нэшнл», новое издание, основанное после референдума 2014 г.

Большинство шотландских газет, выступивших против выхода из ЕС, сочли Брекзит угрозой социальному и экономическому благополучию

Шотландии, будущему страны как части европейского сообщества. Это видно из таких заголовков, как *Brexit 'poses risk' to higher education* [51]; *Remain Brexit would put Scotland in 'very, very difficult position' with no best scenario* [52]; *Remain campaigners warn of 'devastating' impact of Brexit* [53]. Во всех вышеперечисленных примерах основным языковым приёмом стала отсылка к прямой речи политиков, чьё мнение высказывается в статье. Таким образом, ссылка на авторитетное мнение подготавливала читателя к мысли о том, что нужно готовиться к худшему.

Брексит снова сделал реалистичными перспективы второго референдума о независимости. Некоторые заголовки указывают на желание ШНП воспользоваться тупиковой ситуацией, в которой оказалось британское правительство по причине Брексита, в особенности когда стало понятно, что Брексит без сделки является вполне реальным вариантом. Никола Стерджен заявила, что с каждым днём вопрос о независимости становится все насущнее: *Brexit deal has put Scottish Independence on the agenda again* [54].

Сценарий выхода из ЕС без сделки стал поворотным пунктом в шотландском обществе и изменил общественное мнение относительно референдума о независимости. В лагерь противников Брексита перешли даже те, кто проголосовал «нет» в первом референдуме о независимости Шотландии. Три опроса общественного мнения, проведённых в неделю референдума по Брекситу, показали, что приблизительно 50% шотландцев предпочли бы отделиться от Соединённого Королевства, а 9% не определились с мнением [55]. В последующие годы число сторонников независимости стало возрастать, что нашло отражение в таком заголовке, как *The reality is 'kicking in' – Brexit voters starting to feel 'Bregret'*, который свидетельствует о разочаровании и сожалениях тех, кто голосовал за Брексит [56].

Газетные заголовки 2016 г. отражают быстрое развитие событий и показывают желание шотландцев снова внести вопрос о независимости в повестку дня. В сравнении с 2013–2014 гг. наблюдалось увеличение напряжённости и эмоциональности по причине агрессивных сдвигов в языке, вызванных Брекситом. В прессе стали гораздо чаще встречаться слова *fight* (сражение), *blast* (взрыв, взрывная волна), *counterblast* (встречный удар), *gun fired* (выпущенный из ружья), *major push* (мощный импульс) и др. Каждое из этих слов постепенно подталкивало читателя к более агрессивной позиции по Брекситу и представляло текущую ситуацию как театр военных действий.

В отличие от первого референдума о независимости, вопросы национального самоопределения в период с 2015 по 2019 г. получили в прессе более широкое освещение. Акцент делался на желании шотландцев быть вместе с Европой и на самоидентификации шотландцев как европейцев. Депутат шотландского парламента Алан Смит произнёс в Европарламенте пламенную речь, что немедленно нашло отражение в заголовках шотландских газет от 28 июня 2016 г.: *Scotland did not let you down; do not let Scotland down* [57]. Через параллелизм в данном случае отражается преданность шотландцев европейской идентичности и надежда на совместное

будущее. Эта позиция сопровождалась большим числом заголовков и статей, посвящённых экономическим потерям, которые бы повлек за собой выход из ЕС.

Очевидно, что быть частью Европы для обеспечения не только социально-экономического равновесия, но и твёрдых оснований считаться носителями «европейских ценностей» важно для 40% шотландцев, которые считают себя шотландцами, а не британцами, и для 29% шотландцев, которые считают себя в большей степени шотландцами, чем британцами [58. P. 24]. Газетные заголовки с 2016 по 2017 г. («Пресс энд Джорнал», «Курьер» (Данди), «Геральд», «Скоттиш Сан», «Скотсмэн», «Скоттиш Экспресс») продемонстрировали негативный дискурс, полный взаимных обвинений в нечестности и безрассудстве, сарказма и угроз, которые чаще всего актуализированы при помощи метафор дуэли, игры и азартной игры: *The gloves are off: May v. Sturgeon* [59]; *Theresa May slams Nicola Sturgeon's 'tunnel vision' for a second independence referendum and warns her to stop 'playing politics' with the future of the country* [60]; *Sturgeon brands Brexit a 'reckless gamble' as PM begins EU divorce* [61]; *Sturgeon accused of "well-rehearsed game" as she makes case for second independence referendum* [62]; *Focus on priorities' May's brutal attack on Sturgeon for 'playing games & twisting truth'* [63].

Даже беглый взгляд на то, как британские и шотландские газеты освещали Брекзит с 2016 г., даёт ясно понять, что политкорректность давно забыта. Высказывания политиков и освещение в прессе свидетельствуют о том, что институциональный дискурс перешёл к сфере личных оскорблений, что является беспрецедентным явлением и вызывает озабоченность по поводу границ свободы слова и языка вражды.

При описании ситуации пресса пользуется более жёстким и агрессивным языком. После ухода Терезы Мэй с поста премьер-министра в шотландской прессе увеличилось число оскорблений, жёсткой риторики, негативно окрашенной лексики. Также наблюдался страх перед неопределённостью и стремление ШНП воспользоваться ситуацией и ускорить выход Шотландии из состава Соединённого Королевства. Эта же языковая ситуация наблюдалась и на страницах газет в Фейсбуке, где читатели не стеснялись в выражениях, оскорбляя политиков и друг друга.

Заключение

СМИ всегда играли важную роль в процессах трансформации социально-политических и идеологических систем, а также в формировании общественного мнения. Это явление можно наблюдать в медийном пространстве Великобритании на фоне политических процессов в контексте Референдума о независимости 2014 г. и недавно появившегося дискурса о втором референдуме о независимости. Проблема независимости Шотландии обострилась под влиянием референдума о членстве в ЕС в 2016 г. Процессы получили широкое освещение в прессе, влияние которой на исход референдумов неоспоримо. Не менее значительным является влияние прессы

на трансформации и новые интерпретации культурного и политического единства под эгидой британской идентичности.

Проводя параллели между освещением в английской и шотландской прессе различных политических взглядов, авторы показывают взаимовлияние медиакультуры и языка и политических процессов. В первую очередь референдумы повлекли за собой появление новых слов и терминов в английском языке, а также привели к расширению значений или коннотативного компонента многих слов. С другой стороны, широкий лингвистический инструментарий использовался политиками и обозревателями для манипулирования и повышения осведомлённости граждан с целью трансформировать систему ценностей, убеждений и социальных и политических взглядов. Среди наиболее часто используемых риторических приёмов можно назвать гиперболу, метафору, антитезу, синтаксический и лексический повтор, параллелизм, сравнение и цитирование. По мере того как переговоры по Брекзиту стали менее продуктивными в отношении сделки с Евросоюзом тон большинства газет стал меняться. Язык самих политиков, а вслед за ними и заголовков стал более агрессивным. Агрессия в языке заголовков достигла пика, что чаще всего достигалось словами с ярко выраженной негативной эмоциональной окраской и словесными оскорблениями. Все перечисленные явления говорят о качественных изменениях языка британской прессы, которая ещё некоторое время назад традиционно отличалась сдержанным тоном.

Список источников

1. Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 12–17.
2. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института филологии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. 14 (4). С. 65–77.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 367с.
4. Клюев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публично-политического взаимодействия. Москва ; Берлин : Директ Медия, 2016. 122 с.
5. Kniffka H. Soziolinguistik und empirische Textanalyse: Schlagzeilen- und Lead-Formulierung in amerikanischen Tageszeitungen. Tübingen : Niemeyer, 2016.
6. Simon-Vandenberg A.M. The grammar of headlines in "The Times", 1870–1970. Brussel : Paleis der Academien, 1981.
7. Dijk T.A. van News as Discourse. Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum, 1988.
8. Schneider K. The Emergence and Development of Headlines in British Newspapers. English media texts-past and present: language and textual structure / ed. by Friedrich Ungerer. John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 45–65.
9. Atchison J. Headlines and Deadlines: Changing Newspaper Language // Atti del XII Congresso Internazionale di Lessicografia / eds. by E. Corino, C. Marelllo, C. Onesti. Vol. 1. Torino : Euralex, 2006. P. 3–18.
10. Semino E. Language in Newspapers // English language: description, variation and context / eds. by J. Culpeper, F. Katamba, P. Kerswill, R. Wodak, T. McEnery. Basingstoke : Palgrave, 2009.
11. Исаева А.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка: на материале англоязычных интернет-изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

URL: <https://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmaticcheskie-osobennosti-gazetnogo-zagolovka-na-materiale-angloyazychnykh-read> (дата обращения: 10.03.2021).

12. *Dekavalla M.* The 2014 Referendum in the Scottish Press // *Scottish Affairs*. 2018. № 27 (1). P. 47–53.

13. *Kerry G.* SNP Spring Conference 2014: Alex Salmond – independence vote 'opportunity of a lifetime' // *The Scottish Express*. April 11. URL: <https://www.express.co.uk/scotland/469962/SNP-Spring-Conference-2014-Alex-Salmond-independence-vote-opportunity-of-a-lifetime> (дата обращения: 03.09.2019).

14. *Cameron B.* 'Nessie more real than SNP's economic claims' // *The Press and Journal*. 2014. May 1. URL: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/47964/nessie-more-real-than-snp-s-economic-claims/> (дата обращения: 03.09.2019).

15. *Evening Telegraph Reporter.* SNP independence vision a 'pale imitation of past' // *The Evening Telegraph*. 2013. July 31. URL: <https://www.eveningtelegraph.co.uk/2013/07/31/snp-independence-vision-a-pale-imitation-of-past/> (дата обращения: 03.09.2019).

16. *Poll: by 2070, Scots independence as likely as putting astronauts on Mars* // *The Herald*. 2013. August 2. URL: <https://www.heraldsotland.com/news/13116560.poll-by-2070-scots-independence-as-likely-as-putting-astronauts-on-mars/> (дата обращения: 05.09.2019).

17. *Evening Telegraph Reporter.* Welsh Secretary: Scots independence white paper 'just wish list.' // *The Evening Telegraph*. 2013. November 29. URL: <https://www.eveningtelegraph.co.uk/2013/11/29/page/2/> (дата обращения: 06.09.2019).

18. *Evening Telegraph Reporter.* Darling: SNP independence white paper a 'work of fiction' // *The Evening Telegraph*. 2013. November 26. URL: <https://www.eveningtelegraph.co.uk/2013/11/26/> (дата обращения: 06.09.2019).

19. *Murphy J.* Comment: Patriotism not nationalism is basis for independence No vote // *The Scottish Express*. 2014. April 20. URL: <https://www.express.co.uk/scotland/471450> (дата обращения: 08.09.2019).

20. *Reporter.* 'Talk up benefits of Union' // *The Press and Journal*. 2013. October 2. URL: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/21438> (дата обращения: 06.09.2019).

21. *O'Grady S.* Brexicon: A full dictionary of Brexit-related jargon // *The Independent*. 2018. February 21. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/brexit-hard-soft-boris-johnson-theresa-may-article-50-brexchosis-a8221566.html> (дата обращения: 03.09.2019).

22. *Обвинцева О.* Реализация речевой стратегии дискредитации в заголовках британских СМИ (в период кампании референдума о членстве Великобритании в Евросоюзе // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. Вып. 10 (175). С. 54–57.

23. *Gavin T.N.* Media definitely do matter: Brexit, immigration, climate change and beyond // *The British Journal on Politics and International Relations*. 2018. № 20 (4). P. 827–845. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1369148118799260#>

24. *Levy D.* UK Press Coverage of the EU Referendum. 2019. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/uk-press-coverage-eu-referendum>

25. *Berry M.* Understanding the Role of the Mass Media in the EU Referendum // *EU Referendum Analysis 2016: Media, Voters and the Campaign* / ed. by D. Jackson, E. Thorsen, D. Wring. Poole, England : The Centre for the Study of Journalism, Culture and Community, 2016. URL: <http://www.referendu-manalysis.eu/eu-referendum-analysis-2016/section-1-context/understanding-the-role-of-the-mass-media-in-the-eu-referendum> (дата обращения: 04.03.2020).

26. *Lambert H.* EU Referendum result: 7 graphs that explain how Brexit won // *The Independent*. 2016. June 24. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-referendum-result-7-graphs-that-explain-how-brexit-won-eu-explained-a7101676.html> (дата обращения: 04.03.2020).

27. *Wright O.* EU Referendum: Could the UK media swing it one way or another? // *The Independent*. 2016. June 11. URL: <https://www.independent.co.uk/news/media/press/eu-referendum-could-the-uk-media-swing-it-one-way-or-another-a7077006.html> (дата обращения: 04.03.2020).

28. *Peat Ch.* NHS worker WIPES THE FLOOR with Cameron in EU debate & ORDERS him to 'do his part' // The Daily Express. 2016. June 22. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/677841> (дата обращения: 04.03.2020).

29. *EU Referendum Live.* Cameron warns of economic timebomb // The Guardian. 2016. 2016. June 2. URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2016/jun/06/eu-referendum-live-cameron-harman-leave-campaign-con-trick> (дата обращения: 04.03.2020).

30. *Варзанова В.* Прецедентные феномены в заголовках британских медиатекстов как средство проявления национального культурного кода // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 10 (163). С. 9–14.

31. *Daley J.* Want to know what real racism is? Ask Donald Trump not Brexiteers // The Telegraph. 2016. June 11. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/11/want-to-know-what-real-racism-is-ask-donald-trump-not-brexiteers/> (дата обращения: 04.03.2020).

32. *Tremlett G.* Brexit campaign resonates with Catalan separatists // The Guardian. 2016. June 5 URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/06/catalan-president-keeps-keen-eye-on-britains-eu-referendum> (дата обращения: 04.03.2020).

33. *Dawar A.* Migrants DO take our jobs: Britons losing out to foreign workers, says official study // The Express. 2014. July 9. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/487645> (дата обращения: 04.03.2020).

34. *Asthana A., Quinn B., Mason R.* UK votes to leave EU after dramatic night divides nation // The Guardian. 2016. June 24. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/24/britain-votes-for-brexit-eu-referendum-david-cameron> (дата обращения: 04.03.2020).

35. *Tolhurst A.* SEE EU LATER! Britain votes to LEAVE the EU on a dramatic night as Nigel Farage declares 'victory for ordinary people.' // The Sun. 2016. June 23. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/1332742/> (дата обращения: 04.03.2020).

36. *Brexit Front Pages in Pictures.* We're out! // The Guardian. 2016. June 24. URL: <https://www.theguardian.com/media/gallery/2016/jun/25/brexit-front-pages-in-pictures/> (дата обращения: 04.03.2020).

37. *Brexit Front Pages in Pictures.* Tory Brexiteers urge Cameron to stay regardless of vote results // The Guardian. 2016. 25 June. URL: <https://www.theguardian.com/media/gallery/2016/jun/25/brexit-front-pages-in-pictures> (дата обращения: 04.03.2020).

38. *Perring R., Pallenberg M.* NO Second Chance for Britain: Germany's THREAT to UK – You'll NEVER be allowed back in EU // The Express. 2016. June 8. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/677632/Germany-EU-european-union-Brexit-Britain-EU> (дата обращения: 04.03.2020).

39. *Mansfield K.* Don't mention the B-WORD! Eurocrats BANNED from saying Brexit in EU referendum discussions // The Express. 2016. June 9. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/678277/Eurocrats-banned-using-Brexit-in-EU-referendum-discussions> (дата обращения: 04.03.2020).

40. *Bagehot.* Pity the Brexipats // The Economist. 2016. June 4. URL: <https://www.economist.com/britain/2016/06/04/pity-the-brexipats> (дата обращения: 04.03.2020).

41. *Mason R.* Boris Johnson refuses to say sorry for remarks about murdered MP Jo Cox // The Guardian. 2019. September 27. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/26/johnson-refuses-to-say-sorry-for-remarks-about-murdered-mp-jo-cox> (дата обращения: 04.03.2020).

42. *Rentoul J.* Boris Johnson's conference speech: what he said – and what he really meant // The Independent. 2019. October 2. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/boris-johnson-tory-conference-speech-brexit-translation-what-he-said-meant-a9129346.html> (дата обращения: 04.03.2020).

43. *Weston P.* Brexit referendum triggered man's acute psychosis, doctor says // The Independent. 2019. October 2. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/brexit-news-latest-referendum-psychosis-delusions-a9127841.html> (дата обращения: 04.03.2020).

44. *Mahmood B.* All the companies that have collapsed or moved abroad since Brexit // The Metro. 2019. September 23. URL: <https://metro.co.uk/2019/09/23/companies-collapsed-moved-abroad-since-brexit-10795029/?ito=cshare> (дата обращения: 04.03.2020).

45. *The Supreme Court.* Brexit has infected British politics from top to bottom // The Economist. 2019. September 26. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/09/26/brexit-has-infected-british-politics-from-top-to-bottom> (дата обращения: 04.03.2020).

46. *Helm T.* Boris Johnson 'whipping up riot fears to avoid Brexit extension' // The Guardian. 2019. September 28. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/28/boris-johnson-invoke-civil-emergency-powers-brexit-deal> (дата обращения: 04.03.2020).

47. *Dearden L.* British Army soldier under investigation after threatening MP with 'civil war' over Brexit // The Independent. 2019. September 27. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/daniel-goshawk-soldier-brexit-civil-war-mp-angela-rayner-a9123921.html> (дата обращения: 04.03.2020).

48. *Parkins D.* The Brexit rollercoaster // The Economist. 2019. July 26. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/07/27/to-stop-no-deal-tory-mps-must-be-ready-to-bring-down-boris-johnson> (дата обращения: 04.03.2020).

49. *Booth R.* 'Brexit speak' growing too fast for public to keep up, say experts // The Guardian. 2019. October 5. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/oct/05/brexit-speak-brexit-vocabulary-growing-too-fast-public-keep-up> (дата обращения: 04.03.2020).

50. *McPherson G.* Nicola Sturgeon says new independence referendum now "highly likely" // The Courier. 2016. June 24. URL: <https://www.thecourier.co.uk/fp/news/politics/scottish-politics/212851> (дата обращения: 04.10.2019).

51. *Russell G.* Brexit poses risk to higher education // The National. 2016. December 27. URL: <https://www.thenational.scot/news/14988339.brexit-poses-risk-to-higher-education/> (дата обращения: 04.10.2019).

52. *McConnell I.* Economist: Brexit would put Scotland in "very, very difficult position" with no best scenario // The Herald. 2016. June 16. URL: https://www.herald-scotland.com/business_hq/14559436.economist-brexit-would-put-scotland-in-very-very-difficult-position-with-no-best-scenario/ (дата обращения: 04.10.2019).

53. *Press Association.* Remain campaigners warn of 'devastating' impact of Brexit // The Courier. 2016. May 10. URL: <https://www.thecourier.co.uk/fp/news/politics/170155/remain-campaigner-warns-devastating-impact-brexit/> (дата обращения: 10.10.2019).

54. *Duffy R.* Indyref 2? The Brexit Deal Has Put Scottish Independence on the Agenda Again. 2019. URL: <https://www.thejournal.ie/scotland-brexit-vote-4343770-Nov/> (дата обращения: 10.10.2019).

55. *Post-Brexit Scottish Attitudes Poll.* Retrieved from Survation // Daily Record / Daily Mirror. 2016. June 25. URL: <https://survation.com/wp-content/uploads/2016/06/Post-Brexit-Scottish-Attitudes-Poll.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

56. *Press Association.* The reality is kicking in" – Brexit voters starting to feel "Bregret" // The Courier. 2016. June 25. URL: <https://www.thecourier.co.uk/fp/news/uk-world/213425/reality-kicking-brexit-voters-starting-feel-bregret/> (дата обращения: 10.10.2019).

57. *Smyth A.* Scotland Did Not Let You Down; Do Not Let Scotland Down. 2016. URL: https://www.alynsmith.eu/scotland_did_not_let_you_down_do_not_let_scotland_down (дата обращения: 12.10.2019).

58. *McCrone D.* Opinion Polls in Scotland: July 1998–June 1999 // Scottish Affairs. 1999. № 28. P. 32–43.

59. *Razaq L.* The gloves are off: May v. Sturgeon // The Press and Journal. 2017. March 17. URL: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/uk/1197223/the-gloves-are-off-may-v-sturgeon/> (дата обращения: 15.10.2019).

60. *Davidson L.* 'UNCERTAINTY AND DIVISION' Theresa May slams Nicola Sturgeon's 'tunnel vision' for a second independence referendum and warns her to stop 'playing politics' with the future of the country // The Scottish Sun. 2017. May 13. URL:

<https://www.thesun.co.uk/news/3079899/theresa-may-slams-nicola-sturgeons-tunnel-vision-for-a-second-independence-referendum/> (дата обращения: 15.10.2019).

61. Reporter. Nicola Sturgeon brands Brexit a “reckless gamble” as PM begins EU divorce // *The Press and Journal*. 2017. March 29. URL: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/politics/1208385/nicola-sturgeon-brands-brexit-reckless-gamble-pm-begins-eu-divorce/> (дата обращения: 15.10.2019).

62. Razaq L. Sturgeon accused of “well-rehearsed game” as she makes case for second independence referendum // *The Press and Journal*. 2017. March 22. URL: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/uk/1201567/sturgeon-accused-of-well-rehearsed-game-as-she-makes-case-for-second-independence-referendum/> (дата обращения: 15.10.2019).

63. Hall M., Martin T. 'Focus on priorities' May's brutal attack on Sturgeon for 'playing games & twisting truth'. 2017. March 3. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/774286/Theresa-May-attack-SNP-Glasgow-speech-Nicola-Sturgeon-Politics-not-game> (дата обращения: 15.10.2019).

References

1. Budaev, E.V. (2016) Critical Analysis of Political Discourse: Main Trends of Contemporary Foreign Research. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 6 (60). pp. 12–17. (In Russian).

2. Rusakova, O.F. & Gribov, E.G. (2014) Political Media Discourse and Mediatization of Politics as Concept of Political Communicativistics. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14 (4). pp. 65–77. (In Russian).

3. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.

4. Klyuev, Yu.V. (2016) *Politicheskiiy diskurs v massovoy kommunikatsii: analiz publichnogo-politicheskogo vzaimodeystviya* [Political discourse in mass communication: analysis of public-political interaction]. Moscow; Berlin: Direkt Mediya.

5. Kniffka, H. (2016) *Soziolinguistik und empirische Textanalyse: Schlagzeilen- und Lead-Formulierung in amerikanischen Tageszeitungen*. Tübingen: Niemeyer.

6. Simon-Vandenbergen A.M. The grammar of headlines in “The Times”, 1870–1970. Brussel: Paleis der Academien, 1981.

7. van Dijk, T.A. (1988) *News as Discourse*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum.

8. Schneider, K. (2000) The Emergence and Development of Headlines in British Newspapers. In: Ungerer, F. (ed.) *English media texts-past and present: language and textual structure*. John Benjamins Publishing Company. pp. 45–65.

9. Aitchison, J. (2006) Headlines and Deadlines: Changing Newspaper Language. In: Corino, E., Marell, C. & Onesti, C. (eds) *Atti del XII Congresso Internazionale di Lessicografia*. Vol. 1. Torino: Euralex. pp. 3–18.

10. Semino, E. (2009) Language in Newspapers. In: Culpeper, J. et al. (eds) *English language: description, variation and context*. Basingstoke: Palgrave.

11. Isaeva, A.Yu. (2017) *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti gazetnogo zagolovka: na materiale angloyazychnykh internet-izdaniy* [Communicative and pragmatic features of a newspaper headline: based on the material of English-language online publications]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <https://www.disscat.com/content/kommunikativno-pragmaticheskie-osobennosti-gazetnogo-zagolovka-na-materiale-angloyazychnykh-read> (Accessed: 10.03.2021).

12. Dekavalla, M. (2018) The 2014 Referendum in the Scottish Press. *Scottish Affairs*. 27 (1). pp. 47–53.

13. Kerry, G. (2014) SNP Spring Conference 2014: Alex Salmond – independence vote ‘opportunity of a lifetime.’ *The Scottish Express*. April 11. [Online] Available from:

<https://www.express.co.uk/scotland/469962/SNP-Spring-Conference-2014-Alex-Salmond-independence-vote-opportunity-of-a-lifetime> (Accessed: 03.09.2019).

14. Cameron, B. (2014) Nessie more real than SNP's economic claims. *The Press and Journal*. May 1. [Online] Available from: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/47964/nessie-more-real-than-snps-economic-claims/> (Accessed: 03.09.2019).

15. Evening Telegraph Reporter. (2013) SNP independence vision a 'pale imitation of past.' *The Evening Telegraph*. July 31. [Online] Available from: <https://www.eveningtelegraph.co.uk/2013/07/31/snp-independence-vision-a-pale-imitation-of-past/> (Accessed: 03.09.2019).

16. The Herald. (2013) Poll: by 2070, Scots independence as likely as putting astronauts on Mars. *The Herald*. August 2. [Online] Available from: <https://www.heraldscotland.com/news/13116560.poll-by-2070-scots-independence-as-likely-as-putting-astronauts-on-mars/> (Accessed: 05.09.2019).

17. Evening Telegraph Reporter. (2013) Welsh Secretary: Scots independence white paper 'just wish list.' *The Evening Telegraph*. November 29. [Online] Available from: <https://www.evening-telegraph.co.uk/2013/11/29/page/2/> (Accessed: 06.09.2019).

18. Evening Telegraph Reporter. (2013) Darling: SNP independence white paper a 'work of fiction.' *The Evening Telegraph*. November 26. [Online] Available from: <https://www.evening-telegraph.co.uk/2013/11/26/> (Accessed: 06.09.2019).

19. Murphy, J. (2014) Comment: Patriotism not nationalism is basis for independence No vote. *The Scottish Express*. April 20. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/scotland/471450> (Accessed: 08.09.2019).

20. Reporter. (2013) Talk up benefits of Union. *The Press and Journal*. October 2. [Online] Available from: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/21438> (Accessed: 06.09.2019).

21. O'Grady, S. (2018) Brexicon: A full dictionary of Brexit-related jargon. *The Independent*. February 21. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/brexit-hard-soft-boris-johnson-theresa-may-article-50-brexchosis-a8221566.html> (Accessed: 03.09.2019).

22. Obvintseva, O. (2016) Realizatsiya rechevoy strategii diskreditatsii v zagolovkakh britanskikh SMI (v period kampanii referendumo o chlenstve Velikobritanii v Evrosoyuzhe) [Implementation of the speech strategy of discrediting in the headlines of the British media (during the campaign for a referendum on UK membership in the European Union)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10 (175). pp. 54–57.

23. Gavin, T.N. (2018) Media definitely do matter: Brexit, immigration, climate change and beyond. *The British Journal on Politics and International Relations*. 20 (4). pp. 827–845. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1369148118799260#>

24. Levy, D. (2019) *UK Press Coverage of the EU Referendum*. [Online] Available from: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/uk-press-coverage-eu-referendum>

25. Berry, M. (2016) Understanding the Role of the Mass Media in the EU Referendum. In: Jackson, D., Thorsen, E. & Wring, D. (eds) *EU Referendum Analysis 2016: Media, Voters and the Campaign*. Poole, England: The Centre for the Study of Journalism, Culture and Community. [Online] Available from: <http://www.referendumanalysis.eu/eu-referendum-analysis-2016/section-1-context/understanding-the-role-of-the-mass-media-in-the-eu-referendum> (Accessed: 04.03.2020).

26. Lambert, H. (2016) EU Referendum result: 7 graphs that explain how Brexit won. *The Independent*. June 24. [Online] Available from: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-referendum-result-7-graphs-that-explain-how-brexit-won-eu-explained-a7101676.html> (Accessed: 04.03.2020).

27. Wright, O. (2016) EU Referendum: Could the UK media swing it one way or another? *The Independent*. June 11. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/media/press/eu-referendum-could-the-uk-media-swing-it-one-way-or-another-a7077006.html> (Accessed: 04.03.2020).

28. Peat, Ch. (2016) NHS worker WIPES THE FLOOR with Cameron in EU debate & ORDERS him to 'do his part'. *The Daily Express*. June 22. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/news/uk/677841> (Accessed: 04.03.2020).

29. The Guardian. (2016) EU Referendum Live. Cameron warns of economic timebomb. *The Guardian*. June 2. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/live/2016/jun/06/eu-referendum-live-cameron-harman-leave-campaign-con-trick> (Accessed: 04.03.2020).

30. Varzapova, V. (2015) Pretsedentnye fenomeny v zagolovkakh britanskikh mediatekstov kak sredstvo proyavleniya natsional'nogo kul'turnogo koda [Precedent phenomena in the headlines of British media texts as a means of manifesting the national cultural code]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10 (163). pp. 9–14.

31. Daley, J. (2016) Want to know what real racism is? Ask Donald Trump not Brexiteers. *The Telegraph*. June 11. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/11/want-to-know-what-real-racism-is-ask-donald-trump-not-brexiteers/> (Accessed: 04.03.2020).

32. Tremlett, G. (2016) Brexit campaign resonates with Catalan separatists. *The Guardian*. June 5 [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/06/catalan-president-keeps-keen-eye-on-britains-eu-referendum> (Accessed: 04.03.2020).

33. Dawar, A. (2014) Migrants DO take our jobs: Britons losing out to foreign workers, says official study. *The Express*. July 9. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/news/uk/487645> (Accessed: 04.03.2020).

34. Asthana, A., Quinn, B. & Mason, R. (2016) UK votes to leave EU after dramatic night divides nation. *The Guardian*. June 24. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/24/britain-votes-for-brexiteer-eu-referendum-david-cameron> (Accessed: 04.03.2020).

35. Tolhurst, A. (2016) SEE EU LATER! Britain votes to LEAVE the EU on a dramatic night as Nigel Farage declares 'victory for ordinary people.' *The Sun*. June 23. [Online] Available from: <https://www.thesun.co.uk/news/1332742/> (Accessed: 04.03.2020).

36. The Guardian. (2016) Brexit Front Pages in Pictures. We're out! *The Guardian*. June 24. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/media/gallery/2016/jun/25/brexit-front-pages-in-pictures/> (Accessed: 04.03.2020).

37. The Guardian. (2016) Brexit Front Pages in Pictures. Tory Brexiteers urge Cameron to stay regardless of vote results. *The Guardian*. 25 June. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/media/gallery/2016/jun/25/brexit-front-pages-in-pictures> (Accessed: 04.03.2020).

38. Perring, R. & Pallenberg, M. (2016) NO Second Chance for Britain: Germany's THREAT to UK – You'll NEVER be allowed back in EU. *The Express*. June 8. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/news/world/677632/Germany-EU-european-union-Brexit-Britain-EU> (Accessed: 04.03.2020).

39. Mansfield, K. (2016) Don't mention the B-WORD! Eurocrats BANNED from saying Brexit in EU referendum discussions. *The Express*. June 9. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/news/uk/678277/Eurocrats-banned-using-Brexit-in-EU-referendum-discussions> (Accessed: 04.03.2020).

40. Bagehot. (2016) Pity the Brexipats. *The Economist*. June 4. [Online] Available from: <https://www.economist.com/britain/2016/06/04/pity-the-brexipats> (Accessed: 04.03.2020).

41. Mason, R. (2019) Boris Johnson refuses to say sorry for remarks about murdered MP Jo Cox. *The Guardian*. September 27. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/26/johnson-refuses-to-say-sorry-for-remarks-about-murdered-mp-jo-cox> (Accessed: 04.03.2020).

42. Rentoul, J. (2019) Boris Johnson's conference speech: what he said – and what he really meant. *The Independent*. October 2. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/boris-johnson-tory-conference-speech-brexit-trans-lation-what-he-said-meant-a9129346.html> (Accessed: 04.03.2020).

43. Weston, P. (2019) Brexit referendum triggered man's acute psychosis, doctor says. *The Independent*. October 2. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/health/brexit-news-latest-referendum-psychosis-delusions-a9127841.html> (Accessed: 04.03.2020).
44. Mahmood, B. (2019) All the companies that have collapsed or moved abroad since Brexit. *The Metro*. September 23. [Online] Available from: <https://metro.co.uk/2019/09/23/companies-collapsed-moved-abroad-since-brexit-10795029/?ito=cbshare> (Accessed: 04.03.2020).
45. The Supreme Court. (2019) Brexit has infected British politics from top to bottom. *The Economist*. September 26. [Online] Available from: <https://www.economist.com/leaders/2019/09/26/brexit-has-infected-british-politics-from-top-to-bottom> (Accessed: 04.03.2020).
46. Helm, T. (2019) Boris Johnson 'whipping up riot fears to avoid Brexit extension'. *The Guardian*. September 28. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/28/boris-johnson-invoke-civil-emergency-powers-brexit-deal> (Accessed: 04.03.2020).
47. Dearden, L. (2019) British Army soldier under investigation after threatening MP with 'civil war' over Brexit. *The Independent*. September 27. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/daniel-goshawk-soldier-brexit-civil-war-mp-angela-rayner-a9123921.html> (Accessed: 04.03.2020).
48. Parkins, D. (2019) The Brexit rollercoaster. *The Economist*. July 26. [Online] Available from: <https://www.economist.com/leaders/2019/07/27/to-stop-no-deal-tory-mps-must-be-ready-to-bring-down-boris-johnson> (Accessed: 04.03.2020).
49. Booth, R. (2019) 'Brexit speak' growing too fast for public to keep up, say experts. *The Guardian*. October 5. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2019/oct/05/brexit-speak-brexit-vocabulary-growing-too-fast-public-keep-up> (Accessed: 04.03.2020).
50. McPherson, G. (2016) Nicola Sturgeon says new independence referendum now "highly likely". *The Courier*. June 24. [Online] Available from: <https://www.thecourier.co.uk/fp/news/politics/scottish-politics/212851> (Accessed: 04.10.2019).
51. Russell, G. (2016) Brexit poses risk to higher education. *The National*. December 27. [Online] Available from: <https://www.thenational.scot/news/14988339.brexit-poses-risk-to-higher-education/> (Accessed: 04.10.2019).
52. McConnell, I. (2016) Economist: Brexit would put Scotland in "very, very difficult position" with no best scenario. *The Herald*. June 16. [Online] Available from: https://www.herald-scotland.com/business_hq/14559436.economist-brexit-would-put-scotland-in-very-very-difficult-position-with-no-best-scenario/ (Accessed: 04.10.2019).
53. Press Association. (2016) Remain campaigners warn of 'devastating' impact of Brexit. *The Courier*. May 10. [Online] Available from: <https://www.thecourier.co.uk/fp/news/politics/170155/remain-campaigner-warns-devastating-impact-brexit/> (Accessed: 10.10.2019).
54. Duffy, R. (2019) *Indyref 2? The Brexit Deal Has Put Scottish Independence on the Agenda Again*. [Online] Available from: <https://www.thejournal.ie/scotland-brexit-vote-4343770-Nov/> (Accessed: 10.10.2019).
55. Daily Record / Daily Mirror. (2016) Post-Brexit Scottish Attitudes Poll. Retrieved from Survation. *Daily Record / Daily Mirror*. June 25. [Online] Available from: <https://survation.com/wp-content/uploads/2016/06/Post-Brexit-Scottish-Attitudes-Poll.pdf> (Accessed: 10.10.2019).
56. Press Association. (2016) The reality is kicking in – Brexit voters starting to feel "Bregret". *The Courier*. June 25. [Online] Available from: <https://www.thecourier.co.uk/fp/news/uk-world/213425/reality-kicking-brexit-voters-starting-feel-bregret/> (Accessed: 10.10.2019).
57. Smyth, A. (2016) *Scotland Did Not Let You Down; Do Not Let Scotland Down*. [Online] Available from: https://www.alynsmith.eu/scotland_did_not_let_you_down_do_not_let_scotland_down (Accessed: 12.10.2019).

58. McCrone, D. (1999) Opinion Polls in Scotland: July 1998–June 1999. *Scottish Affairs*. 28. pp. 32–43.

59. Razaq, L. (2017) The gloves are off: May v. Sturgeon. *The Press and Journal*. March 17. [Online] Available from: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/uk/1197223/the-gloves-are-off-may-v-sturgeon/> (Accessed: 15.10.2019).

60. Davidson, L. (2017) ‘UNCERTAINTY AND DIVISION’ Theresa May slams Nicola Sturgeon’s ‘tunnel vision’ for a second independence referendum and warns her to stop ‘playing politics’ with the future of the country. *The Scottish Sun*. May 13. [Online] Available from: <https://www.thesun.co.uk/news/3079899/theresa-may-slams-nicola-sturgeons-tunnel-vision-for-a-second-independence-referendum/> (Accessed: 15.10.2019).

61. Reporter. (2017) Nicola Sturgeon brands Brexit a “reckless gamble” as PM begins EU divorce. *The Press and Journal*. March 29. [Online] Available from: <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/politics/1208385/nicola-sturgeon-brands-brexit-reckless-gamble-pm-begins-eu-divorce/> (Accessed: 15.10.2019).

62. Razaq, L. (2017) Sturgeon accused of “well-rehearsed game” as she makes case for second independence referendum. *The Press and Journal*. [Online] Available from <https://www.pressandjournal.co.uk/fp/news/uk/1201567/sturgeon-accused-of-well-rehearsed-game-as-she-makes-case-for-second-independence-referendum/> (Accessed: 15.10.2019).

63. Hall, M. & Martin, T. (2017) ‘Focus on priorities’ May’s brutal attack on Sturgeon for ‘playing games & twisting truth’. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/news/politics/774286/Theresa-May-attack-SNP-Glasgow-speech-Nicola-Sturgeon-Politics-not-game> (Accessed: 15.10.2019).

Информация об авторах:

Саркисян М.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения). E-mail: mariana-sargsyan@ysu.am; mariana.sargsyan80@gmail.com

Зими́на Е.В. – канд. экон. наук, доцент кафедры романо-германских языков Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: ezimina@ Rambler.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.S. Sargsyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: marianasargsyan@ysu.am; mariana.sargsyan80@gmail.com

E.V. Zimina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: ezimina@ Rambler.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 31.03.2021;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 811.11-112
doi: 10.17223/19986645/75/11

Синтактико-морфологические аспекты русского перевода нижненемецких фамилий из исторических документов Любека XIV–XVI вв.

Екатерина Ричардовна Сквайрс

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
skvayrs@gmail.com*

Аннотация. Исследование позднесредневекового материала ономастики из Северной Германии направлено на разработку лингвистически обоснованных принципов передачи средненижненемецких фамилий для задач исторического и филологического изучения, научного перевода и публикации ценного рукописного источника. В центре исследования находятся морфологические и грамматические аспекты развития фамилий в Любеке в период 1318 г. – начало XVI в. и их передачи средствами современного русского языка.

Ключевые слова: Ганза, Любек, средненижненемецкий язык, фамилии, немецко-русский перевод, средневековые рукописи

Источник финансирования: работа выполнена в рамках проекта Новосибирского государственного университета, поддержанного РФФ (№ 17-78-20011: «Комплексное исследование коллекции западноевропейских средневековых рукописей в Томском государственном университете»), руководитель В.Л. Портных).

Для цитирования: Сквайрс Е.Р. Синтактико-морфологические аспекты русского перевода нижненемецких фамилий из исторических документов Любека XIV–XVI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 221–244. doi: 10.17223/19986645/75/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/11

Family names in 14th–15th-century Lubeck: Syntactic and morphological aspects of translation into modern Russian

Catherine R. Squires

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation,
skvayrs@gmail.com*

Abstract. The analysis of late medieval family names, originating from the Hanseatic cities of Germany, is carried out with the aim of developing linguistically sound methods of transcribing Middle Low German onomastic material for the tasks of historical and philological research. As an additional objective, the study is designed for practical application: to ensure correct translation into modern Russian

for the subsequent academic publication of a valuable historical document in the framework of a project supported by the Russian Science Foundation (RSF), currently running at Novosibirsk State University. The source of language material (an onomastic corpus of over 2000 lexemes) is the manuscript *Liber memorialis* of the city of Lubeck, containing administration records of the magistrate of the Hanseatic metropolis, covering a period between 1318 and the early 16th century. The original codex is held at the Tomsk University library (previously at the City Archive of Lubeck, Germany) and was made available for research by the project team. The family names under analysis belonged to magistrate members and other prominent historical personalia of the city; they sometimes run through several generations and are highly relevant for research, including Russian-Hanseatic relations. The rapidly growing amount of Russian studies concerning Hanseatic cities shows the need of useful and consequent rules of representing the onomastic material, contained in the medieval German texts, in modern Russian. The analysis focuses on morphological and grammatical aspects of the development of family names in 14th–15th-century Lubeck. Due to their secondary character (as semantic derivatives from names of professions, topo- and hydronyms, and personal nicknames) the analysed lexemes reach the status of family names in the course of changes, gradually taking place over a long period. Social and historical circumstances of these changes, their impact on the lexical units, and the possible criteria of establishing their accomplished onomastic status as family names are discussed and methods of overcoming the interfering effect of strong reduction and morphological homonymy, typical of the given language period, are elaborated. Thus, changes in gender, number, morphological type and syntactic behaviour of the analysed units are examined for the purpose of obtaining or verifying their nominative case forms. The resulting onomastic forms are then contrastively faced with the morphological models and declension types available in modern Russian. Recommendations for transcription are offered for every lexical group, while difficult or ambiguous cases are singled out and the possible options are proposed and argued.

Keywords: Hansa, Lubeck, Middle Low German, family names, German-Russian translation, medieval manuscripts

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 17-78-20011.

For citation: Squires, C.R. (2022) Family names in 14th–15th-century Lubeck: Syntactic and morphological aspects of translation into modern Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 221–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/11

Вводные замечания

Анализ проблем, касающихся передачи немецких средневековых фамилий в русском переводе, приобретает особую актуальность в связи с разработкой, публикацией и введением в научный и популярный культурный оборот большого массива исторических документов на средненижне-немецком языке, которые важны для изучения и понимания эпохи отношений между русскими землями и западом, в первую очередь между Новгородом и городами Ганзы¹.

¹ В последние десятилетия большой массив рукописных документов на средненижне-немецком языке, в том числе содержащий значительный корпус нижне-немецкого

С изучением и введением в научный дискурс российской историографии средневековых документов, происходящих из городов Ганзы и в целом из области нижненемецкого языка, исследователи столкнулись с большим числом имен исторических личностей, ранее неизвестных по русскоязычным источникам и потому ещё не имеющих традиционного эквивалента в русском языке. В связи с этим встает проблема научно обоснованных принципов перевода этого важного и актуального ономаσιологического материала для употребления в письменной и устной русской речи.

Между тем вопрос о способах русского перевода фамилий из материалов на средненижненемецком языке эпохи Ганзы до сих пор не получал систематического рассмотрения. В словаре-справочнике Б.О. Унбегуана «Русские фамилии» целая глава посвящена неславянским фамилиям России, в одном из ее разделов говорится и о фамилиях западноевропейского происхождения [8. С. 268–269]. В качестве источников немецкой ономастики в русском языке автор указывает процессы, имевшие место в XVIII в.: 1) иммиграции профессионалов в различных сферах науки и техники, а также купцов; 2) включение в состав империи прибалтийских областей с их немецким населением; 3) крестьянские поселения немцев на юге России [8. С. 268]. Корпус изученного русского именослова немецкого происхождения, таким образом, отделяется большим хронологическим разрывом от длительной эпохи контактов севернонемецкой Ганзы с Новгородской Русью, характеризующейся присутствием немцев из ганзейских городов в Новгороде и Пскове в XII–XVII вв. и наличием богатой письменной документации, содержащей многие сотни упоминаний купцов, дипломатов и городских должностных лиц, участвовавших в этих исторических событиях.

Правда, в научном дискурсе сложились определенные способы передачи средневековых имен Германии, часто противоречивые, местами стихийные, нередко встречается разнობой в реализации однотипных случаев¹. Обобщение

именослова XII–XVII в., оказался в поле внимания исследований по истории и филологии и стал предметом публикации и перевода в российских изданиях. Так, после 2000 г. появился ряд изданий по истории Новгорода на малоизученном западном материале [1–5]; также различными научными коллективами активно ведется работа по изданию рукописных нижненемецких источников, уже вышли в свет важные собрания источников, например [6, 7].

¹ Совершенно не имея намерений критиковать за это авторов, мы собрали примеры из русскоязычных научных монографий и изданий, высокий уровень и научный авторитет которых не вызывает сомнений. Напротив, некоторые из них являются основополагающими в своей области, в других впервые привлекался значительный новый материал. И те и другие поэтому в большой степени закладывают традиции передачи иностранной антропонимики, неизбежно оказываясь образцами для последующих работ. В этой связи анализ стратегий, принятых в этих исследованиях, и обобщение их положительного опыта или нерешенных трудностей представляется очень своевременным и важным для развития данной области историографии. Для выяснения основных проблем, с которыми сталкиваются русскоязычные исследователи и публикаторы, здесь были проанализированы транскрипции немецких фамилий из следующих трудов: [2, 4, 9, 10]. Поскольку целью привлечения этого материала является не критика отдельных

этого опыта позволило сделать вывод, что в целом в русскоязычной научной литературе преобладает тенденция к литературной нормализации немецких имен, при этом образцом нормы служат привычные приемы передачи общепотребительной европейской ономастики, например:

– формы с латинским окончанием *-us* лишаются этого окончания: *Laurencius* – Лаврентий;

– в формах номинатива восстанавливается исход основы по форме косвенного падежа: *Ebo* – Эбон;

– региональные варианты с окончанием *-e* в именительном падеже представляются в стандартной форме, без окончания: *Jacove* – Яков;

– фонетические регионализмы заменяются более привычными стандартными вариантами, например: нижненемецкое *-berch* – на соответствующую литературную форму *-berg*: *Ruggesberch* – Руггесберг.

В целом ряде подобных случаев транскрипции, встречающиеся в литературе, являются непоследовательными в отношении даже современных литературных форм немецких фамилий, поэтому неудивительно, что та же трудность проявляется и в передаче аналогичных средневековых имен, тем более региональных нижненемецких.

В данной работе предлагаются возможные решения для передачи в русском переводе фамилий из средневековых источников на средненижненемецком языке, происходящих из города Любека.

***Liber Memorialis* из Любека и материал исследования**

Основу корпуса исследования составляет книга административных записей города Любека: «Памятная книга» города Любека, известная в историографии как *Liber Memorialis* или *Memorialbuch*, XIV (1318 г.) – XVI в.¹ Надежность выбранного языкового материала обусловлена тем, что он относится к одному и тому же центру письменности (кодекс происходит из магистратской канцелярии Любека), профессионально записан писцами-носителями местного любекского городского койне, однороден в жанровом и хронологическом отношении (административные записи за определенный период жизни города). Важное преимущество этого источника для задач данной работы заключается в богатстве содержащейся в нем антропонимики (более 2 тыс. единиц), представленной в различных вариантах, как в нижненемецких, так и в латинских контекстах; нередки повторные

случаев, а составление общей картины немецкого именослова в русской передаче, указаний конкретных источников к отдельным примерам не требуется.

¹ Кодекс объемом 57 листов, происходящий из Архива ганзейского города Любека (*Archiv der Hansestadt Lübeck*), в настоящее время находится в собрании Научной библиотеки Томского государственного университета (шифр В-2900), ее изучение проводится в рамках проекта Новосибирского государственного университета, поддержанного РФФИ (№ 17-78-20011: «Комплексное исследование коллекции западноевропейских средневековых рукописей в Томском государственном университете»).

записи об одном и том же человеке или фиксация родственников и однофамильцев. Все это создает возможности для анализа, результаты которого нужны для успешного выполнения проектного исследования и последующей публикации материалов на русском языке.

Собранные фамилии принадлежат жителям центрального города Ганзы – Любека. Они в своем большинстве являются влиятельными горожанами, многие служат в магистрате или являются его членами и упоминаются в различной связи и в различных языковых контекстах:

– в списках избранных ратманов города – в форме сочетаний фамилий с крестильными именами и указанием времени избрания;

– в некроложных записях, содержащих краткий латинский текст с указанием даты смерти; для задач данной работы важно, что достаточное синтаксическое окружение позволяет установить надежные формы, в особенности важную форму именительного падежа;

– в различных записях о хозяйственных мероприятиях городских властей;

– в записях об исторических событиях; эти записи в жанровом отношении отличаются от остального материала книги: причины их включения в книгу не вполне ясны, а некоторые названные в них участники не являются любечанами.

Любекские фамилии: аспекты истории и теории

Признак номинации

Немецкие фамилии имеют, как правило, вторичное происхождение и в зависимости от первоисточника подразделяются на группы, самые большие из которых образуют производные:

– от топонимов, обозначающих родину носителя (город, деревню, местную реку, регион и т.п.);

– крестильных имен;

– названий профессий или вида занятий;

– особенностей внешности или личности (прозвища).

История развития немецких фамилий берет начало с XII в. [11. S. 47], а к XV в. этот процесс разворачивается уже в различных регионах Германии. Вместе с тем становление и закрепление фамилии как общего родового имени протекает неровно и характеризуется непоследовательностью и различиями в зависимости от принадлежности к конкретным сословиям и социальным группам. Городское население вольных купеческих городов, о котором в основном идет речь в связи с контактами Ганзы с Русью, занимало в этом процессе одно из лидирующих мест.

Необходимость фамилии, которая бы сочеталась с крестильным именем и уточняла идентичность человека независимо от его родины или профессии, особенно ясно осознавалась в городах. В условиях становления личного гражданского статуса жителей городов и вытекающей из него их пра-

новой самостоятельности фамилия развивалась как имя, которое не определяло бы человека через общность географического местожительства или родины предков либо профессиональной принадлежности, а, напротив, выделяло бы его из числа соседей-горожан, бывших односельчан или собратьев по ремеслу. Например, одна из знаменитых фамилий Любека – фон Бардевик – известна с 1188 г., когда первый из ее представителей упоминается в качестве любекского ратмана. Предположительно он был родом из небольшого городка с таким же названием (нем. Bardowick), откуда переселился в Любек в период его превращения в значительный торговый город. Однако далее в Любеке известно несколько поколений Бардевиков, в том числе ратманами были 14 членов семьи на протяжении 1188–1350 гг., для которых сохранявшееся за ними именование van Bardewik уже не обозначало связи с родиной предка. Оно стало независимым от топонима родовым именем, т.е. фамилией. Интересно, что в XVI в. в Любеке известны другие Бардевики, представители неродственной линии, которые происходили из Люнебурга [12].

На этом примере видно, что становление фамилий сопровождается десемантизацией первоначального признака номинации (в данном случае – город происхождения) и закреплением за генеалогической линией (а не за отдельной персоной). Для сравнения можно привести противоположный пример жившей в IX в. святой Марианы Бардовикской (Marian von Bardowick): в отличие от предыдущего примера, он иллюстрирует как персональный характер именованья, так и его актуальный географический смысл.

Следовательно, о становлении фамилии можно говорить, когда первоначальная семантика обозначения теряет актуальность. Процесс десемантизации может сопровождаться и другими лингвистическими признаками, свидетельствующими об отрыве фамилии от первоначального обозначения; в данном случае это различие в написании: фамилия любекских Бардевиков (Bardewik) пишется уже иначе, чем название города (Bardowick) и титул святой Марианы.

Другой пример десемантизации можно наблюдать, когда в документах Любека магистратский служащий назван Johannes Piscator. В этом случае ясно, что вторая часть имени («Рыбак») уже не могла в его время быть профессиональным обозначением, так как его обладатель не занимался рыбной ловлей, а значительную часть жизни (в 1289–1315 гг.) работал в городском совете [13. S. 29].

Подобные факты, собранные в источниках и в исследованиях по социальной и экономической истории Любека, свидетельствуют о становлении фамилий в этом городе уже около 1300 г. Этот – не только лингвистический, но и социально-исторический – факт истории Любека хронологически соответствует закреплению результатов иммиграции в XII–XIII вв. из Бардовика и окружающих земель [14. S. 38–39; 15. S. 243–244; 16. S. 250–258.]. Можно иными словами охарактеризовать этот процесс как период, когда выходцы из Бардовика становились любечанами и приезжие из Вестфалии переставали считать себя вестфальцами.

Структурные признаки фамилий

Эмансипация антропонимов, т.е. лингвистический отрыв фамилий от их источников – топонимов или гидронимов, профессиональных обозначений и прозвищ разного типа – представляет собой исторический процесс, занимающий длительный период, и в Любеке времени создания «Памятной книги» он не достиг еще полного завершения. Поэтому далеко не во всех случаях удастся четко отличить фамилии от их источников (прозвища, топонима, названия профессии) и получить конкретную рекомендацию для русского перевода.

Фонетическая и орфографическая дивергенция, о которой говорилось выше, позволяет отличить фамилию от источника обозначения на большой хронологической дистанции (в современном языке), но в отношении XV в. этот критерий не работает, так как обе формы еще находятся в процессе изменения и сильно колеблются.

Более информативны для установления формы фамилий отклонения в грамматических и синтаксических свойствах по сравнению с их источниками:

1. В качестве фамилии лексема может иметь форму множественного числа, тогда как для исходного топонима или гидронима плюралис невозможен.

2. Прозвища могут иметь основу среднего рода, а топонимы – женского, но в качестве фамилий у них меняется грамматический род (в данном материале – на мужской).

3. От исходных топонимов и гидронимов производные фамилии отличаются тем, что не всегда оформляются от их именительного падежа: нередко они восходят к целым синтаксическим конструкциям, описательным обозначениям типа «NN из Бардевика». Для таких фамилий необходимо установить их форму номинатива; она выясняется из синтаксиса тех контекстов, которые предоставляет источник. Например, в некроложном перечне книги все записи оформлены с глаголом *obiit* «скончался» и именем усопшего в качестве подлежащего: «Бруно Варендорп, который много лет был бургомистром»: *Bruno Warendorp de lange Jare borg(er)mester was (fol. 22r b, 48)*. По-русски формой номинатива будет Варендорп, изменяющаяся по мужскому согласному склонению. Но в такой же синтаксической конструкции назван *Pleszkouwe*; следовательно, форма номинатива этой фамилии Плескове, с конечным *-e*, которое является не показателем косвенного падежа, а частью основы. В русском переводе такая фамилия не склоняется.

4. В качестве фамилии нередко оформлены целые словосочетания, состоящие из падежных конструкций с предлогом и артиклем, например (*Hermanus*) *van Warendorpe*, (*Alfwin*) *vanne Huse*.

Десемантизация, а также грамматические и синтаксические признаки, названные в пунктах 2–4, помогут отличить фамилию от «нефамилии», однако, как уже отмечалось, не во всех случаях вопрос можно решить однозначно.

Задачи исследования

Решение проблем передачи немецких средневековых имен и фамилий средствами современного русского языка связано с конкретными задачами, лежащими в трех плоскостях:

1) подбор фонетически эквивалентных способов передачи звуков нижненемецкого языка XII–XVI вв. средствами фонетики и орфографии современного русского языка;

2) морфологическое и грамматическое толкование средневековых нижненемецких контекстов, содержащих имена и фамилии, для определения внутренней формы и грамматических свойств немецкого антропонима и его адекватного отображения средствами русской морфологии и грамматики;

3) синтаксический анализ с целью установления цельнооформленности антропонимов, отличающей их от исходного описательного словосочетания.

Все три аспекта важны для успешной исследовательской работы и публикации нижненемецких средневековых источников; все они связаны со значительными трудностями системного языкового решения. Однако лингвистические проблемы, возникающие конкретные задачи и пути их решения в перечисленных аспектах различны, поэтому каждому из них лучше посвятить отдельное исследование. Здесь внимание будет сосредоточено на морфологическом аспекте и частично на синтаксическом. Это значит, что задачей анализа является не рекомендация правил для русской фонетической транскрипции фамилий, а выяснение каждого нижненемецкого морфологического типа и той русской формы, которая ему соответствует и диктует его словоизменительные возможности в контексте русского перевода.

Конкретные аспекты анализа

Развившаяся в средненижненемецком языке редуция привела к значительной омонимии элементов конца слова. Это касается как флексий, так и основообразующих элементов. Для отображения этих частей слов в русском переводе важно прежде всего определить, является ли конкретный конечный элемент флексией данного слова или же составляет часть его основы. От этого будет зависеть, как должна быть представлена в русском эквиваленте основа слова и каковы будут его словоизменительные возможности. Упомянутая омонимия касается в основном трех групп единиц.

1. Омонимы -e:

– несколько различных по происхождению и грамматическим свойствам окончаний имеют вид -e;

– некоторые словообразовательные модели включают суффиксы различного происхождения, также в результате фонетических изменений имеющие в средненижненемецком один и тот же вид -e.

2. Омонимы -en:

– на конце слов может встречаться общая редуцированная форма -en, восходящая к нескольким различным падежным флексиям;

– такая же (омонимичная) конечная форма -en в некоторых фамилиях представляет собой флексию множественного числа;

– конечное -en может представлять собой редуцированный вариант нескольких основообразующих суффиксов.

3. Немецко-славянские омонимы -in и -ow/-owe: эти типы также объединяют омонимичные формы; в отличие от двух предыдущих групп речь идет об элементах различного – славянского или немецкого – происхождения и, соответственно, различного морфемного статуса в нижненемецком и различной реализации в русском переводе.

Правильная идентификация этих элементов в нижненемецком слове определяет в каждом отдельном случае передачу конечного элемента в русском переводе, она важна также для определения грамматических особенностей русского эквивалента: того, как должна изменяться данная конкретная фамилия в переводе средневекового текста на русский язык. Поскольку в исследуемом кодексе содержатся только обозначения мужского рода, то речь может идти о выборе между русским вторым (мужским согласным) склонением и несклоняемой формой. Трудность заключается в том, что представители всех перечисленных выше нижненемецких типов – с конечным -e или с конечным -en в исходной форме, а также с нефлектированным номинативом (с нулевой флексией) – могут в русском языке относиться к обоим словоизменительным типам. Без предварительного анализа невозможно правильное оформление русской формы и отнесение ее к типу склонения.

Подробности самого анализа языкового материала, содержащегося в любекском кодексе, можно (и даже разумнее) оставить за рамками статьи, здесь же целесообразно привести полученные результаты, уже сгруппированные по типам проблем и методам их решения. Таким образом читатель может получить и рекомендации по конкретным фамилиям, и общее руководство для самостоятельных решений в разнообразных трудных случаях, с которыми он встретится при работе с другими источниками.

С учетом конкретных аспектов и поставленных задач собранные фамилии из Любека будут ниже представлены по группам соответственно типу происхождения:

1. Фамилии, производные от топонимов и других географических обозначений. Внутри этой группы единицы исследования расположены в алфавитном порядке по основе, определяющей грамматический тип фамилии (у композитов – по второй основе). Это относится и к однокоренным вариантам типа -dorp и -dorpe: для удобства поиска им посвящены отдельные описания, расположенные по алфавиту.

2. Фамилии, производные от прозвищ или названий профессий:

а) фамилии от основ существительных;

б) фамилии от основ прозвищ-прилагательных.

3. Фамилии на -in и -ow.

Языковой материал: любекские фамилии

Фамилии, производные от топонимов и других географических обозначений

-beke

Варианты лексемы «небольшая река, речка», внем. *bach* м.р. (ср. современное слово *Bach*) и *bach* ж.р., в нижненемецком оформлены теми же основами, но с иным фонетическим развитием: *beke*, *becke* ж.р., *beek*, *beck* м.р. / ср.р. Из этих вариантов образовалась обобщенная форма *beke*: с -е, но по мужскому типу, ср. (из герм. **bakjaz*, откуда дсакс. *beki* м.р.) [17]. Отсюда ясно, что конечное -е в нижненемецких фамилиях на -*beke*, как и у самого этого существительного, принадлежит основе и не меняется при склонении. Эту особенность нижненемецкого, отличающую слова данного типа основы от верхненемецких (не сохраняющих конечного гласного германской *ja*-основы), можно проиллюстрировать на следующем примере из «Памятной книги»: в фамилии *va(n) medbeke* содержится название небольшой реки в Рейнской области; сегодня она известна под аналогичным, но уже верхненемецким названием *Mitbach*. В русской передаче такая фамилия по верхненемецкому типу склонялась бы (ср. *Бах*, у *Баха*), тогда как у нижненемецкой фамилии конечное -е является исходом ее основы и в русском переводе такая фамилия не склоняется, например: *Бернард Медбеке*, у *Бернарда Медбеке*.

В «Книге» такими примерами являются: *Bernardus va(n) medbeke*, *Hermen Sundesbeke*¹.

Поскольку -*beke* выступает как наиболее частотная составная часть композитных названий рек, то топонимы на -*beke* многочисленны [18. S. 193] и производные от них фамилии тоже встречаются часто.

-berg/-borg

Названия, содержащие вторую часть -*borg* или -*berg*, не поддаются четкому семантическому различению; топонимы на -*berg* (ср. существительное со значением «гора») встречаются у крепостей или поселений независимо от наличия поблизости горы, а корень -*burg* (букв. «крепость»), по всей видимости, обозначал защищенность обозначаемого места и мог относиться как к неприступному положению (на скале, возвышенности), так и к укрепительным сооружениям, защищающим его. По этой причине в средневековых источниках отмечается даже варьирование топонимов на -*berg* и -*burg* в отношении одного и того же места [18. S. 194]. Различаясь в грамматическом роде и типе склонения (соответственно мужской и женский), оба варианта сходны в том, что с древних времен имеют форму именительного падежа с нулевой флексией, поэтому конечный гласный может появляться в них только в косвенных падежах. Это относится ко всем фамилиям на снем. -*berch*/-*borch* без исклю-

¹ Последняя фамилия, как и *Медбеке*, имеет нижненемецкое происхождение: Герман *Сундесбеке* уроженец *Мюнстера*, жил в *Любеке*, где был купцом и ратманом.

чения (и к их фонетическим диалектным вариантам, как *-barch*, с переходом *er + согласный > ar + согласный*) [19. С. 43].

В кодексе из Любека встречаются примеры: *Henricus van Erteneborch*, *Joh(ann)es Clingenberch*, *Wedekindus klingenberch*, *B(er)nardus oldenborch*, *Johan Spangenbarch*.

При переводе на русский язык фамилии данного типа принимают окончания второго склонения мужского рода; в случаях (которые в анализируемом источнике, правда, не встречаются), если в контексте имеются в виду женщины, фамилии не должны склоняться.

Отдельный случай – титулы аристократов или священнослужителей, происходящие от топонимов нижненемецкого региона на *-berg/-borg*. По-русски они передаются формой прилагательного, причем, как правило, в верхненемецкой фонетической форме (т.е. без учета нижненемецкого конечного спиранта *ch < g* и понижения гласного *-o-* в *borch*), например *biscop to Rasseborch* «епископ Ратцебургский» (ср. титул русского аристократического рода «Ольденбургский» в отличие от имени любекского гражданина *B(er)nard oldenborch*).

Оверхненемечивание аристократических фамилий на *-berg*, *-burg* или, например, на *-stein* соответствует традиции, даже в случае их нижненемецкого происхождения (ср. *Гольштейн* в титуле *Гольштейн-Готторп-Романовы*, но снем. *Holsten*).

Пример в кодексе: *biscop to Rasseborch*.

-berge/-borge

В кодексе встретилась фамилия со второй основой *-berge*, восходящая к синтаксической конструкции датива с предлогом *vp* и артиклем *de*: в форме номинатива она имеет вид *Beringerus vp de Koberghe*. *Koberg* – населенный пункт в Шлезвиг-Гольштейне, т.е. на средневековой нижненемецкой территории.

В данном случае конечное *-e* (первоначально окончание дательного падежа) может в фамилии являться уже неизменяемой частью основы (ср. названия двух городов *Wittenberg* и *Wittenberge*). В русской передаче она в таком случае сохраняется (*Берингер уп де Коберге*), а фамилия не склоняется.

Учитывая единичность этого случая, можно было, очевидно, не выделять его в особую группу, однако ниже встретятся регулярные параллельные варианты фамилий – от формы номинатива и от формы косвенного падежа. Там эти варианты будут рассмотрены отдельно.

-dorp

В фамилиях на *-dorp* эта вторая часть восходит к существительному снем. *dorp* «деревня», которое относится к а-основам среднего рода и с самых древних письменных свидетельств имеет в номинативе нулевую флексию: ср. дсакс. *thorp* (IX в.), двн. *thorf* (с VIII в.) [18. S. 194–195]. Фамилии этого типа обозначают в кодексе из Любека мужчин и, несмотря на средний род исходного существительного, относятся к мужскому роду и также имеют номинатив с нулевой флексией.

В кодексе этот тип представлен примерами: nyendorp, Godfridus van Stodhorp, Gyselbertus van Warendorp, Bruno Warendorp, Hinrik Castorp, Hinricus Amendorp, Wedekindus de warendorp.

В русском переводе такая фамилия склоняется по русским мужским основам на индоевропейское -о (которым соответствуют германские а-основы), т.е. по второму склонению), например *Амендорп* – *Амендорпом* (если под фамилией указана женщина, то форма несклоняемая).

-dorpe

Наряду с формами на -dorp, в основе которых лежит номинатив с нулевой флексией (см. выше), часто встречаются варианты, для которых исходной является другая падежная форма. Характерно, что они часто выступают в сочетании с предлогом *van*, который требует дательного падежа; действительно, формы существительного dorp на -e соответствуют дательному падежу единственного числа. Эти варианты (например, Goschalcus van warendorpe) формально сохраняют синтаксическую структуру словосочетания «(NN) из Вarendорпа». Статус фамилии (а не описательного словосочетания) требует в таких случаях дополнительной проверки, в качестве которой могут служить контексты из некроложных записей, где эти варианты с -e, происходящие от датива, несомненно, являются подлежащими, т.е. формой номинатива: Goschalcus van warendorpe o(bit). В латинских контекстах им соответствует конструкция с *de*: Hinricus de Alendorpe, однако и без предлога здесь возможна форма на -e (например, bodendorpe); она, следовательно, уже не зависит от синтаксического управления со стороны предлога. Это означает, что и в латинских, и в немецких контекстах с *de* или *van*, как и без предлогов, варианты на -e функционируют в качестве номинатива фамилии.

В кодексе встречаются формы номинатива на -e: bodendorpe, stochghelstorpe, Nyendorpe, Goschalcus van warendorpe, H(er)manus van Warendorp, Gerwinus van Stadthorpe.

В русской передаче им соответствуют несклоняемые формы мужского рода на -e.

-feld

Это распространенный тип фамилий-обозначений по месту жительства. Старые контексты показывают описательную модель: в форме синтаксической конструкции с различными предлогами, ср. в упоминании некоего Балдевина *Baldewin an dem felde* («около поля») в 1345 г., *Petrus in dem felde* («в поле») из источника 1280 г., а также *Ticze vom felde* «Тице (краткое от Дитрих) с поля» в 1390 г. [20] Семантика этого именованья («около поля») показывает, что первоначально оно должно было обозначать крестьянина; однако в любекском кодексе их носители были потомственными горожанами, ратманами и другими известными в городе людьми. Следовательно, налицо десемантизация исходной конструкции, причем она сопровождается (как и у фамилий на -dorp) переходом из среднего рода (от снем. *felt*, ср.р.) в мужской.

К ним относятся примеры из кодекса: Paul Pomerfeldt, B(er)nardus Cosfelt, Marq(wa)rdus van Cosfelt.

В русском переводе эти формы с нулевой флексией номинатива склоняются как согласные мужские основы.

-felde

Несомненная десемантизация позволяет также считать фамилиями именованная на -felde. В этих вариантах окончание -e происходит из датива в цитированных выше локативных конструкциях «van / in / an + датив с артиклем» (см. -feld). Форма косвенного падежа на -e реализуется в латинском контексте с de. В обоих языках -e может сохраняться и в номинативе фамилии: очевидно, оно стало структурным элементом ее основы, ср. Johan nesfelde, Marq(wa)rdus van Cosfelde.

В кодексе оба варианта – на основе номинатива -feld и косвенного падежа -felde – могут встречаться в отношении одного и того же человека в записях, сделанных в близкое время, ср. Barnardus van Cusfelde, B(er)nardus de Cosfelde и B(er)nardus Cosfelt. Это ясно показывает, что употребление форм его фамилии еще не унифицировалось ко времени «Памятной книги», только десемантизация этого «крестьянского» обозначения говорит о том, что это все же фамилия.

Примеры в кодексе: Walkesvelde, Johan nesfelde, Marq(wa)rdus van Cosfelde, Barnardus van Cusfelde, B(er)nardus de Cosfelde.

В русском переводе вариант на -e не склоняется (тогда как вариант с нулевой флексией номинатива склоняется по мужским основам). Сам выбор варианта фамилии – типа Косфельд или Косфельде – принадлежит автору русского перевода в зависимости от конкретного оригинала; оба варианта в принципе допустимы.

-graven

Существительное мужского рода слабого склонения graven «ров, канава» имеет -en в основе, которое поэтому не является окончанием и сохраняется во всех формах.

Описательная дативная конструкция с предлогом bi- и артиклем стала основой для фамилии (Sibrandus) bij deme graue(n), букв. «(Сибранд) у Канавки».

В русском переводе фамилии на -гравен должны склоняться в мужском роде (фамилия женщины в этом случае не склоняется).

-hagen

Вторая часть -hagen – от существительного двн., дсакс. hagan, снем., свн. hagen, которое, в свою очередь, является производным от двн. hag, has, свн. hag «огораживание, огороженный участок, загон для скота; ограда из кустарника». Признак номинации (по освоенной и огороженной территории) лежит в основе соответствующих топонимов на -hagen (ср. Hagen, Klingenhagen и др.), далее он реализуется в фамилиях, со временем подвергаясь десемантизации.

Существительное слабого типа склонения hagen имеет во всех формах -en, которое не является окончанием (ср. в форме генетива с флексией -s: hagens). В соответствующей фамилии в русской передаче -en сохраняется во всех падежах: -хаген, -хагену и т.п.

-hagene

Встречается вариант этой фамилии по образцу нижненемецкой флектированной формы датива единственного числа с *van* (+ *deme*): *Gherardus va(n)me haghene*.

Такие случаи немногочисленны; по-видимому, можно при переводе на русский язык исходить из варианта на основе номинатива и склонять по мужскому типу фамилии на -хаген.

-hof

Фамилии этого типа происходят от топонимов на -hof и основаны на падежной форме существительного сннем. *hof*, *hoves*, обозначающего огороженное или окруженное постройками пространство, двор, сад, огород, а также сами эти постройки, жилище.

В фамилиях на -hof реализуется форма нижненемецкого номинатива без флексии и с глухим -f в исходе, например *Johan Wytinckhoff*.

В переводе такие фамилии следует употреблять в русском именительном падеже без флексии и склонять по мужскому согласному склонению.

-hove

Флектированные варианты на -hove, в основе которых лежит датив с гласной флексией и звонким [v], встретились в латинском контексте *Ninricus de Inghenhoue*, *Hermannus de Hove*. Однако, поскольку без предлога варианты на -e не обнаружены, их можно рассматривать как синтаксически все еще зависящие от падежного управления в конструкции, т.е. не окончательно утвердившиеся в статусе фамилий.

По этой причине по-русски правомерно исходить из формы нижненемецкого номинатива на -hof, употреблять его в русском именительном падеже без флексии и склонять по мужскому согласному склонению.

-hus/-huse

Те же закономерности действуют и в отношении фамилий на -hus. В основе номинации лежит существительное двн., дсакс., сннем., свн. *hûs* «дом».

Соответствующие фамилии выступают в форме, восходящей к конструкции датива с предлогом *van*, причем в кодексе они встречаются с артиклем (*vanme*, из полной формы *van deme*), в том числе как с сохранением окончания -e, так и без него, ср. *Aluinus va(n)me hus*, *Alfwin vanme Huse*, *Ludbertus vanme huse*.

Думается, что, исходя из актуально сохранной синтаксической связи в данной конструкции, можно на русском языке использовать единую форму номинатива *Хуз / Хус* и закономерные для мужского согласного склонения окончания.

-husen

Другой вариант фамилий с корнем -hus основан на плюралисе датива на -en. Древняя форма дсакс. *hûsun*, *hûson*, дат. пад. мн.ч. от *hûs* «дом», является основой номинации топонимов с данной второй частью, понимаемой как «около домов», «из домов» [20]. Производные фамилии могут сохранять от изначальной синтаксической конструкции предлог *van*.

В источнике встречаются: (с предлогом van) Henricus van Ludinchusen, Hermann van Dertighusen, Thidericus van Northusen, H(er)manus van de Vishusen, Bartoldus van Rekelinghusen и (без предлога) Hinrick Bellingshuse(n), Tydeman Efinghusen.

На русском языке за основу берется полная форма с конечным -ен и склоняется как сингулярис по второму мужскому склонению (для сравнения можно вспомнить, например, российского мореплавателя Фаддея Беллинсгаузена, происходящего из остзейского немецкого дворянского рода, и названного выше его однофамильца из Любека: Hinrick Bellingshusen).

orten/-orten

Очевидно, так же, как в случаях -hagen, -tunen (см. ниже), решается вопрос в отношении фамилии de Orten, которая, как можно предположить, образована от существительного ннем. ort, ord, свн., нем. Ort «место, населенный пункт». Оно имеет в нижненемецком несколько вариантов формы генетива ед.ч., среди них orden [17], к которой можно возвести данную фамилию (букв. «из местечка»).

В источнике встречается: Hennekinus de Orthen.

На русский такая форма может быть переведена как Ортен, де Ортен и отнесена к типу склонения мужского рода на согласный («у Ортена»).

-rod

Ряд фамилий происходит от топонимов, имеющих форму композитов со второй частью -rôt, чаще -rode (о втором варианте основы и о происхождении обоих существительных см. ниже: -rode).

Вариант на основе существительного rôt реализуется в фамилиях от нефлектированного номинатива, т.е. на -rod, -rad. В кодексе встречается: H(er)manus Blomenrod.

В русском переводе этот вариант склоняется по русскому мужскому типу (2-е склонение).

-rode

Эта вторая основа сложных фамилий соответствует существительному rôde, производному от глагола сннем. goden «корчевать или выжигать деревья, пни; расчищать землю от леса», в древности зафиксировано двн., свн. giuten [18. S. 197]. О другом производном существительном, сннем. rôt, сказано выше в разделе к -rod. Эта модель топонимов, обозначающих такие расчищенные участки, имеет интересную особенность: первая часть композита может, как и у других описанных типов, содержать название географического места (возможно, таким является Lipperode – букв. «расчищенная земля по реке Липпе»), но часто она является обозначением персоны (владельца раскорчеванного участка?). Например, топоним, от которого произведена фамилия Greverode, сохраняет ссылку на местного графа, инициировавшего расчистку земель [21. S. 11].

В кодексе встретились Alff Greverode, Hinrik Lypperode.

В русском переводе этот вариант сохраняет конечное -е и не склоняется (ср. фамилию российского канцлера Нессельроде, немца по происхождению).

-son/-sone

Фамилии со второй частью «сын» не многочисленны в кодексе. Обозначения персон через имя отца могут быть разного типа; среди них некоторые, возможно, еще не утратили связи с описательным оборотом «N, сын NN», например: B(er)tramus Joh(an)es stalbukessone «Бертрам, сын Иоганна Сталбука».

Есть, однако, и цельноформленные варианты, вполне вероятно являющиеся уже фамилиями: Hermanus Gherlandessche(n)son (ср. из других источников: Hermannus Gherlandesschensone и аналогичный пример Ghisteltrudesson) [22. S. 68, 103]. Такие формы должны склоняться как слово son, по мужскому роду с согласной основой, хотя в данном случае нельзя не признать, что в русском переводе формы получатся несколько громоздкими.

-tunen

Объяснения этой фамилии найти не удалось, однако можно предположить, что она производна от сущ. tun «ограда, забор», что вероятно, принимая во внимание аналогичные образования на -hagen, также обозначающего ограду (см. -hagen).

В кодексе встречается: Ludeke van Tunen.

По-русски можно передавать и склонять аналогично фамилиям на -hagen: по основе tunen-, как русские существительные мужского рода с основой на согласный.

Фамилии, производные от прозвищ или названий профессий

Поскольку прозвищами могут служить как существительные различных словообразовательных и грамматических типов, так и прилагательные, далее будут рассмотрены отдельно фамилии, образованные на основе существительных (как прозвищ, так и названий профессий), а далее – группа фамилий от прозвищ на основе прилагательных.

Фамилии от основ существительных. Фамилии, происходящие от названий профессий и от прозвищ, близки по своим морфологическим признакам и грамматике, поэтому их можно привести вместе. В отношении обоих типов важно удостовериться в том, что они уже имеют статус фамилий. Приведенный выше пример фамилии Piscator, утратившей значение «рыбак», иллюстрирует важный признак этого статуса: десемантизацию. Перечисленные ниже персоны, упомянутые в кодексе, занимали посты в городском магистрате, были официальными лицами города и тоже не занимались профессиями, названными в их именовании. Статус фамилий дополнительно подтверждается формальным грамматическим

признаком: они употреблены без артикля. Для сравнения можно привести пример, в котором человек представлен в своем «служебном качестве»: henricus, der stad scriuer является магистратским (городским)

писарем и данное обозначение *der stad scriuer* не является фамилией Генриха.

Фамилии обоих типов производны от существительных с различными основами, которые определяют их склонение.

Так, основы с исходом на согласный встречаются в обоих типах:

– в фамилиях, происходящих от названий профессий: *Godfridus Tolner* (букв. «сборщик пошлыны»), *Cord Moller* («мельник»), *Johan Gherwer* («кожевник»), *ffredericus sculteis* («сельский судья или судебный исполнитель»), *Hinrik Klockeman* («пономарь/кистер»), *Johes hogeman* (букв. «важный человек», «высокий чин»).

– в фамилиях – бывших прозвищах: *Johanes Woltvogel* (букв. «лесная птица»), *Gerhardus vryman* («свободный человек»), *Joh(ann)es keiser* (букв. «кесарь, император»).

Оба типа оформлены по модели существительных с исходом на согласный, с нулевой флексией; в транскрибированной форме их следует отнести к русскому второму (мужскому согласному) склонению. Например, *Woltvogel* – Вольтфогель, -фогеля и т.д., аналогично Тольнер, Моллер, Клокеман.

В зависимости от имени, лежащего в основе прозвища (или второй части композита), могут получиться и несклоняемые формы; например, встречаются фамилии обоих типов с исходом на -е: а) от названий профессий: *Hinricus rare* («священник»); б) на основе прозвищ-существительных: *Bere*, *Goldoghe* и др.

Фамилия *Bere* несет в себе основу существительного *bere*, которая представлена в нижненемецком четырьмя омонимами: в словах со значением «медведь», «кабан», «груша», «ягода» [17]. Все эти возможные источники данной фамилии (хотя автор считает наиболее вероятными первые две или даже в особенности первую) подходят по структурным признакам, в любом случае конечное -е сохраняется.

Goldoghe (букв. «Золотой глаз») – фамилия семи известных жителей Любека, из которых трое даже заседали в магистрате¹ [23. S. 751], – имеет номинатив на -е.

В кодексе встречаются: *Abraham bere*, *Lutke Bere*; *Gerhardus goldoghe*.

В русском переводе такие фамилии правильно передавать с -е на конце, т.е. в несклоняемой форме: Папе, Бере, Гольдоге.

Аналогично решается вопрос и для следующих фамилий: *Olricus Dume*, *Weringerus Dodo*, *Conradus Strale*: Думе, Додо и т.д.

С исходом на -e/-en встретилась фамилия *Grape* или *Grapen*.

¹ Относительно слова-источника для этой фамилии не удалось найти точную информацию: такого топонима, судя по проверенным материалам, не существует, есть лишь названия насекомого и рыбы. Первое – это маленькое летающее насекомое с яркими золотистыми глазами (*Goldauge*), оно является естественным врагом тли и в принципе могло быть хорошо знакомо средневековым ганзейцам. Рыба с тем же названием обитает около берегов Америки и вряд ли имеется в виду в этом обозначении.

Форма номинатива этой фамилии неоднозначна: возможен вариант на -е и на -en.

В образовании этой фамилии использовано существительное *Grare* («глиняный горшок с ножками для варки пищи на огне»), также возможное в форме номинатива *Grapen*. В Померании была известна фамилия *von Grare*, этот вариант является вообще наиболее распространенным, хотя бытует и форма *Grare* (без *von*).

В любекском кодексе единственный пример встречается в латинском контексте *De Alvini Grapen*, что не позволяет однозначно определить, является ли конечное -en частью основы или падежной флексией.

В зависимости от исходной формы фамилия склонялась бы по мужскому согласному склонению (*Грапен*, *Грапену*) или – в варианте *Грапе* – была бы несклоняемой.

Фамилии от основ прозвищ-прилагательных. Форму прилагательного имели прозвища, основанные на обозначении личного (часто внешнего) качества, например: «лохматый», в «Книге»: *Siffridus Struue*.

Прилагательное (от которого произошла распространенная фамилия *Struve*, *Struwe*) снем. *struve*, *strūf*, свн. *strūr* имеет значение «лохматый, взъерошенный» (от древних значений «негладкий, неприглаженный» из герм. **strūba-*, **strūbaz*) [17]. В Средней Германии распространен верхне-немецкий фонетический вариант *Straub*, *Straube* (современная форма), тогда как нижненемецким является вариант с интервокальным -v-, начальным s- и монофтонгом ū; фамилия *Струве* известна с XIII в. в Гамбурге и Штральзунде.

Наиболее прозрачны семантически фамилии на основе прозвищ по признакам:

– возраста или роста: «старый» в *Borwinus olde*, с формой сравнительной степени *Roleke de oldere*; «молодой» в *Albertus Junge*, «маленький» (малорослый?) в *Adolphus klene*;

– цвета (как полагают, волос): «белый» *Bertoldus Witte*, *Ludolfus Witte*, *Tidericus Witte*; «черный» в *Ethelerus Swarte*, *Guerhardus Swarte*;

– других личных качеств, например: «вялый, слабый, ленивый» в *Radolphus Brode*.

Варианты со сравнительной формой прилагательного *Roleke de oldere* и с его слабой определенной формой *Brun de Witte* несут семантику индивидуализирующего признака (выделяющего определяемый денотат, а не относящего его к какой-либо общности)¹. На основании этого грамматического факта приходится признать, что они сохраняют функцию прозвищ («тот, что старше», «тот, что русский») и не являются в данном источнике фамилиями. Кроме этих двух примеров, остальные, очевидно, можно рассматривать как фамилии.

¹ Об индивидуализирующей функции слабого прилагательного см., например: [24. 342–343; 25. 83–84].

Это важное синтактико-грамматическое и семантическое различие важно для правильной передачи в русском тексте: если прозвища передаются переводом прилагательных «Старший», «Белый / Русый», то фамилии не переводятся, а транскрибируются (Витте, Юнге, Клене) и должны в русской грамматике оставаться несклоняемыми формами.

Фамилии на -in и -ow. Особого внимания в связи с русской транскрипцией заслуживают фамилии на -in и -ow, так как они по большей части имеют славянское происхождение и напоминают русские формы, что требует особой осторожности при их отражении в современном русском переводе. В истории русского языка основой образования многих фамилий, имен, географических наименований на -ин/-ын, -ов/-ев являлись притяжательные прилагательные (ср. *Петров, Царицын* с базовой семантикой «принадлежащий Петру, царице»). В этой функции они склоняются как прилагательные (ср. *прокрустово ложе – на прокрустовом ложе, прокрустовым ложем*), тогда как производные названия городов субстантивируются и начинают склоняться как существительные: *Ростов – в Ростове, за Ростовом* так же, как *город, в городе, за городом*. В немецком языке отрыв топонимов и фамилий на -ow, -in от первоначальных славянских прилагательных еще явственнее и требует точного отражения при переводе.

Фамилии на -in имеют в нижненемецком материале двойное происхождение.

Они могут быть производными от (крестильного) имени в его уменьшительной форме. Сокращенные формы личных имен вообще встречаются в документах Ганзы этого времени очень часто. Такие формы, как *Godeke, Gotke*, могут быть вариантами имен с первой частью *God* – «Бог», как например, *Godfried, Godesmann, Godert*¹. От таких кратких форм могли происходить топонимы. Например, название географического пункта *Hermelin* производно от уменьшительной формы имени *Herman*, от него могла быть далее произведена фамилия *Hermelin*. Аналогичный случай, скорее всего, представляет фамилия *Constin* – от краткой формы имени Константин, причем данный персонаж, известный любекский купец и ратман, фигурирует в исторических источниках и как *Hinrich Constin*, и как *Heinrich Constantin*.

В кодексе встречаются: *Clawes Hermelin, Hinricus Constantin* (ум. в 1387 г., л. 23v b) и *Hinrik Constin, Hinricus Constyn* (ум. в 1483 г., л. 26r b).

Эти имена и фамилии на -in не имеют отношения к славянскому суффиксу -ин. Транскрипции *Констин, Константин* и подобные должны склоняться как существительные мужского рода согласного склонения: *Констину, Констанина*.

В отличие от этой первой группы другие фамилии на -in могут быть производными от топонимов славянского происхождения. Так, фамилия

¹ Проверка тождества различных форм одного и того же имени производилась в данном и других случаях по именным указателям в собрании грамот города Любека [24. S. 989].

Parkentin произведена от географического названия: поселение с этим обозначением известно с XII в. на современной территории Мекленбурга – Передней Померании (первоначально заселенной славянами), недалеко от Ростока и Доберана. Интересно, что упомянутый в кодексе ратцебургский епископ (см. выше) имел в миру имя Иоганн Паркентин (ум. 1511).

В «Книге» встречается: Johannes von Parkentin.

По-русски немецкие фамилии на -in склоняются по второму (мужскому согласному) склонению существительных. Грамматические свойства славянского / русского -ин не имеют влияния на склонение этой фамилии в русском переводе: Паркентином (а не Паркентиным).

Несколько слов можно добавить о кратких формах личных имен с уменьшительным суффиксом -kin, хотя они и не являются фамилиями. В нижненемецком именованье такие формы очень распространены, а сам суффикс является германским по происхождению (ср. верхненемецкий -chen в Paulchen «Павлуша, Пашечка») и не имеет отношения к славянскому форманту -in в топонимах типа Parkentin. Несмотря на это, отображение в русском переводе аналогичное: Godekin – Годекин, с Годекином.

Фамилии на -ow/-owe. Фамилия Plescouwe является немецкой, несмотря на сходство с названием русского города Пскова (в средневековых немецких документах Pleskouw, Plescow, в современном немецком Pleskow, Pleskau). По документам из городов Ганзы известно немало людей, носивших фамилию Plescouw, живших в различное время. В Любеке в период создания кодекса жили купцы братья Ганс, Готке и Вильгельм и их отец Годеке Плесков, любекский ратман [26. S. 98]. Семья Плесков на протяжении столетий давала ратманов и бургомистров городам Висбю (с 1205 г.) и Любеку (с 1299 г.).

Вместе с тем все найденные в кодексе фамилии на -ow, -owe все же имеют в конечном счете славянское происхождение, так как являются производными от названий городов и других поселений, основанных славянами на территориях, колонизованных выходцами из нижненемецких земель в XII–XIII вв. Фамилии этого типа произведены от таких славянских топонимов Мекленбурга, Померании, Голштинии, как Гюстров, Замков, Дарсов, Лютов, Потеров, Круков.

В кодексе встречаются формы номинатива: Joh(ann)es van Samekowe, Bernt Darssouwe, Hinricus Pleszcowe, Arnoldus plescowe, B(er)nardus Plescouwe, а также похожая на них (Thidericus) van herlow. Варианты на owe/-ouwe являются номинативами на -e, а не формами косвенного падежа, так как они подтверждаются синтаксическими контекстами в качестве подлежащего, как, например, в некроложной записи Hinricus Pleszcouwe p(ro)co(n)s(ul) obiit (л. 22r b, 49). По-русски им формально соответствует неизменяемое Дарсове, Плескове. Приходится, однако, признать, что в данном случае этот вывод нельзя считать ни однозначным, ни окончательным, учитывая большие колебания в формах на -ow и -owe у одних и тех же фамилий.

Последняя из перечисленных фамилий (van herlow) имеет исход на согласный и склоняется по мужскому склонению; кроме нее, так должны склоняться и варианты на -ow других фамилий. Грамматические свойства славянского -ow и его сходство с русским -ов не имеют влияния на склонение этих фамилий в русском переводе: *Потеров, с Потеровом* (не с *Потеровым*), ср. с аналогичным склонением немецкий топоним Güstrow *Гюстров – в Гюстрове*, так же как *в Ростове*.

Краткие итоги

Фамилии, содержащиеся в книге административных записей города Любека *Liber Memorialis*, принадлежат его жителям: членам магистрата, другим должностным лицам, купцам. События и стороны жизни центрального города Ганзы, в связи с которыми они упоминаются в источнике, представляют большой научный интерес. В то же время средневековые документы по истории русско-ганзейских отношений на нижненемецком языке лишь с недавнего времени активно привлекаются для исследований и публикации на русском языке, в связи с чем еще не выработана лингвистически обоснованная традиция передачи исторических имен собственными средствами современного русского языка.

Поскольку средневековые нижненемецкие фамилии имеют вторичное происхождение (от топонимов, прозвищ, названий профессий), важной задачей является подтверждение статуса фамилии и установление ее исходной формы (именительного падежа).

Исходная нижненемецкая форма фамилии определяется по контекстам источника; выяснилось, что она может значительно отличаться от номинатива исходной лексики семантически, грамматически (в роде и числе), морфологически (по типу основы).

Флексии и основообразовательные элементы в нижненемецком подверглись сильной редукции, в результате которой в нескольких омонимичных аффиксах (нулевой флексии, конечных -e и -en) совпали разнообразные показатели плюралиса, датива и генетива, суффикс слабого прилагательного и сравнительной степени.

В русском тексте переводные фамилии из Любека могут быть отнесены к двум основным словоизменительным типам: к мужскому согласному склонению и к несклоняемым существительным.

В ряде случаев однозначное решение невозможно в силу незавершенности языковых процессов в нижненемецком языке XV в.

Список источников

1. Коваленко Г. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX вв. Великий Новгород, 2002. 216 с.
2. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. 366 с.
3. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. 320 с.

4. Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014. 607 с.
5. Сквайрс Е.Р., Мальков А.В. Новгородская кра. Издание, перевод исследования. М., 2020. 216 с.
6. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова (1392–1409 гг.) / сост. П.В. Лукин, С.В. Полехов, Е.Р. Сквайрс. М. ; СПб. : Нестор-история, 202.
7. Portnykh V., Bessudnova M. Urkundliches Material zum hansisch-dänischen Krieg 1368–1370 aus dem Bestand «Pfundzollherren» des Archivs der Hansestadt Lübeck in der Staatlichen Universität Tomsk // Hansische Geschichtsblätter. 2020. Bd. 138. S. 111–156.
8. Унбегуан Б.О. Русские фамилии. М., 1989. 442 с. Гл. XIII «Фамилии нерусского происхождения: неславянские фамилии», разд. 3.2 «Фамилии немецкого происхождения».
9. Рыбина Е.А. Иноземные двory в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. 174 с.
10. Hammerich, L.L., Jakobson, R. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Vol. 2. Copenhagen, 1970. 566 p.
11. Deutsche Namenkunde: Unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung / hrg. M. Gottschald. Walter de Gruyter, 2020. 648 S.
12. Deutsche Biographie, “Bardewik”. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz2058.html>.
13. Haberland H. Lübecker Renten- und Immobilienmarkt in der Zeit von 1285–1315. Ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hansestadt. (Veröffentlichungen zur Geschichte der Hansestadt Lübeck, Reihe B, Band 1). Lübeck : Max Schmidt Verlag, 1974. 290 S.
14. Hoffmann E. Lübeck und die Erschließung des Ostseeraums // Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1998. S. 34–49.
15. Hammel-Kiesow R. Bevölkerungsentwicklung und städtische Topographie // Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1998. S. 242–247.
16. Gläser M., Hammel-Kiesow R., Scheffel M. Das Haupt der Hanse: Lübeck // Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1998. S. 248–268.
17. Köbler G. Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. Auflage. 2014. URL: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (дата обращения: 11.03.2021).
18. Klose B. Die Ortsnamen des Landkreises Osterode. Niedersächsisches Ortsnamenbuch. Hrg. Uwe Ohainski, Jürgen Udolph. Teil II. (Veröffentlichungen des Instituts für historische Landesforschung der Universität Göttingen. Bd. 40.). Bielefeld, 2000. 267 S.
19. Peters R. Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. Teil I // Robert Peters. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003, hrg. Robert Langhanke. Bielefeld, 2012. S. 39–64.
20. База данных немецких фамилий GenWiki. URL: <http://wiki-de.genealogy.net/>; <https://genwiki.genealogy.net> (дата обращения: 11.03.2021).
21. Blankertz W. Orts- und Flurnamen unserer Heimat. URL: <http://www.bgv-hueckeswagen.de/veroeffentlichungen/aufsatzblankertz/Orts-%20und%20Flurnamen.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
22. Deecke E. Von der ältesten Lübeckischen Rathlinie. Eine Jubelschrift im Namen des Catharineums zu Lübeck. Lübeck, 1842. 145 S.
23. Lübeckisches Urkundenbuch. Hrg. von dem Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck, 1843–1873. Bd. 9. Register. S. 751.
24. Кубрякова Е.С. Первичные и вторичные функции прилагательных, их семантика и вопрос о происхождении слабого типа склонения // Историко-типологическая морфология германских языков: Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / ред. М.М. Гухман. М., 1977. С. 339–343.
25. Sarauw Ch. Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache. Kopenhagen, 1924. 284 S.

26. Carsten J. Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute. Teil I: Text. Kiel, 2019. 273 S.

References

1. Kovalenko, G. (2002) *Velikiy Novgorod v inostrannykh sochineniyakh XV – nach. XX vv.* [Veliky Novgorod in foreign works 15th – early 20th centuries]. Velikiy Novgorod: Strategiya.
2. Squires, E.R. & Ferdinand, S.N. (2002) *Ganza i Novgorod: yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov* [Hansa and Novgorod: Linguistic aspects of historical contacts]. Moscow: Indrik.
3. Rybina, E.A. (2009) *Novgorod i Ganza* [Novgorod and Hansa]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
4. Lukin, P.V. (2014) *Novgorodskoe veche* [Novgorod Veche]. Moscow: Indrik.
5. Squires, E.R. & Mal'kov, A.V. (2020) *Novgorodskaya skra. Izdanie, perevod, issledovaniya* [Novgorod Skra. Publication, Translation, Study]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
6. Lukin, P.V., Polekhov, S.V. & Squires, E.R. (n.d.) *Ganzeyskie dokumenty po istorii Novgoroda i Pskova (1392–1409 gg.)* [Hanseatic Documents on the History of Novgorod and Pskov (1392–1409)]. (In print).
7. Portnykh, V. & Bessudnova, M. (2020) Urkundliches Material zum hansisch-dänischen Krieg 1368–1370 aus dem Bestand “Pfundzollherren” des Archivs der Hansestadt Lübeck in der Staatlichen Universität Tomsk. *Hansische Geschichtsblätter*. 138. pp. 111–156.
8. Unbegaun, B.O. (1989) *Russkie familii* [Russian Surnames]. Part 13. Moscow: Progress.
9. Rybina, E.A. (1986) *Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv.* [Foreign Courts in Novgorod in the 12th–17th Centuries]. Moscow: Moscow State University.
10. Hammerich, L.L. & Jakobson, R. (1970) *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Vol. 2. Copenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S.
11. Gottschald, M. (ed.) (2020) *Deutsche Namenkunde: Unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung*. Walter de Gruyter.
12. Deutsche Biographie. (1953) *Bardewik*. [Online] Available from: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz2058.html>.
13. Haberland, H. (1974) *Lübecker Renten- und Immobilienmarkt in der Zeit von 1285–1315. Ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hansestadt*. Lübeck: Max Schmidt Verlag.
14. Hoffmann, E. (1989) Lübeck und die Erschließung des Ostseeraums. In: Bracker, J. & Henn, V. (eds) *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Lübeck: Schmidt-Römhild. pp. 34–49.
15. Hammel-Kiesow, R. (1989) Bevölkerungsentwicklung und städtische Topographie. In: Bracker, J. & Henn, V. (eds) *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Lübeck: Schmidt-Römhild. pp. 242–247.
16. Gläser, M., Hammel-Kiesow, R., & Scheffel, M. (1989) Das Haupt der Hanse: Lübeck. In: Bracker, J. & Henn, V. (eds) *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Lübeck: Schmidt-Römhild. pp. 248–268.
17. Köbler, G. (2014) *Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. Auflage*. [Online] Available from: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (Accessed: 11.03.2021).
18. Klose, B. (2000) Die Ortsnamen des Landkreises Osterode. In: Ohainski, U. & Jürgen, U. (eds) *Niedersächsisches Ortsnamenbuch*. Part 2. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte.
19. Peters, R. (2012) Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. Teil 1. In: Langhanke, R. (ed.) *Robert Peters. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte. pp. 39–64.

20. GenWiki. (n.d.) [Online] Available from: <http://wiki-de.genealogy.net/> (Accessed: 11.03.2021).

21. Blankertz, W. (n.d.) *Orts- und Flurnamen unserer Heimat*. [Online] Available from: <http://www.bgv-hueckeswagen.de/veroeffentlichungen/aufsatzblankertz/Orts-%20und%20Flurnamen.pdf> (Accessed: 11.03.2021).

22. Deecke, E. (1842) *Von der ältesten Lübeckischen Rathlinie. Eine Jubelschrift im Namen des Catharineums zu Lübeck*. Lübeck: [s.n.].

23. Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. (1843–1873) *Lübeckisches Urkundenbuch*. Vol. 9. Lübeck: Friedr. Aschenfeldt. pp. 751.

24. Kubryakova, E.S. (1977) Pervichnye i vtorichnye funktsii prilagatel'nykh, ikh semantika i vopros o proiskhozhdenii slabogo tipa skloneniya [Primary and secondary functions of adjectives, their semantics and the question of the origin of the weak type of declension]. In: Gukhman, M.M. (ed.) *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov. Fonomorfologiya. Paradigmatika. Kategoriya imeni* [Historical and typological morphology of Germanic languages. Phonomorphology. Paradigmatics. Nominal category]. Moscow: Nauka. pp. 339–343.

25. Sarauw, Ch. (1924) *Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache*. Kopenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri.

26. Carsten, J. (2019) *Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute*. Part 1. Kiel: [s.n.].

Информация об авторе:

Сквейрс Е.Р. – д-р филол. наук, ст. науч. сотр. Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: skvayrs@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

C.R. Squires, Dr. Sci. (Philology), senior researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skvayrs@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 31.03.2021;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 81'44
doi: 10.17223/19986645/75/12

Специфика проявлений модальных значений необходимости и возможности в профессиональном юридическом дискурсе

Валентина Николаевна Шашкова

*Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
Орёл, Россия, valentina.shash@mail.ru*

Аннотация. Анализируются проявления модальных значений необходимости и возможности в двух разновидностях профессионального юридического дискурса: в текстах нормативных правовых актов, а также в командах и разъяснениях сотрудников органов внутренних дел. В качестве маркеров дискурса выявлены внешняя функциональная служебная необходимость, внешняя узуальная деонтическая возможность и субъективная возможность, которые типично коррелируют с интеллектуальными оценками, в частности с оценкой меры и степени.

Ключевые слова: модальность, потенциальность, необходимость, возможность, дискурс, дискурсивный маркер

Для цитирования: Шашкова В.Н. Специфика проявлений модальных значений необходимости и возможности в профессиональном юридическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 245–262. doi: 10.17223/19986645/75/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/12

Specific manifestations of modal meanings of necessity and ability in professional legal discourse

Valentina N. Shashkova

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russian Federation, valentina.shash@mail.ru

Abstract. The research is aimed at eliciting the tendencies of the expression pertinent to the modal meanings of necessity and ability in the texts of regulatory legal acts and in commands of police officers. The author concentrates on specifying the sub-meanings which manifest themselves in the analyzed texts, the correlations of the meanings of necessity and ability with other modal meanings, which are typical of legal discourse, and the functional-semantic types of utterances which express the meanings in question. The research is based on the language material from the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the Code

of the United States of America (Title 18), as well as the Federal Rules of Criminal Procedure of the United States of America. The sub-meanings of necessity and ability, which have been identified as regular from the point of view of actualization in legal discourse, include external functional service necessity and external conventional deontic ability. The author also considers it expedient to talk about conditional necessity in the texts of regulatory legal acts in both languages. Ability and necessity often correlate in the texts of regulatory legal acts. Another typical correlation of these meanings is with the meanings of intellectual evaluation, in particular, that of measure and degree. The means of expression for analogous commands implying an external functional service necessity in Russian and English differ in terms of general trends of expression. The most obvious tendency is to skip the verb stem of the command. In this case, nominal phrases or adverbs/adverbial phrases are typically used, clarifying the nature of the action performed. This trend is noted in both Russian and English. However, the analytical structure of the English language, which requires the overt expression of syntactic connections, in some cases makes the use of a command impossible without a verbal stem. The rights voiced by the police officer to the suspect, the offender and the witness are a typical environment for the actualization of ability, namely external conventional deontic ability. In the course of the research, the author also identified an additional typological marker of legal discourse, which is a high density of the use of the meaning of potentiality, which unites both the meaning of necessity and the meaning of ability, necessarily correlating with each of them. The main functional-semantic types of utterances that realize necessity and ability are the constative message and the directive. The general features that the research elicited are similar in Russian and English and thus can be regarded as discourse specific. They only differ in reference to the means of expression of the modal meanings, which are conditioned by the language structure.

Keywords: modality, potentiality, necessity, ability, professional legal discourse, regulatory legal acts, functional-semantic field, discourse marker

For citation: Shashkova, V.N. (2022) Specific manifestations of modal meanings of necessity and ability in professional legal discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 245–262. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/12

Несмотря на то, что интерес к языковой категории модальности остаётся актуальным уже более двухсот лет, многие фундаментальные вопросы, касающиеся содержания этой категории, её природы, особенностей функционирования, остаются открытыми. Научная парадигма априори задаёт те направления исследования, которые оказываются востребованными в определённый период развития научной мысли. В этом смысле функционально-дискурсивная парадигма открыла новые перспективы исследования модального компонента текста.

Текстовый подход к толкованию модальности требует уточнения ключевых понятий. С одной стороны, необходимо чёткое определение понятия «модальность» и обоснование его корреляции с понятием «текстовая модальность». С другой стороны, важно расставить исследовательские акценты в системе «текст» – «дискурс».

Модальность в данной работе трактуется в соответствии с теоретическими положениями петербургской школы функциональной грамматики (А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Н.С. Цейтлин и др.) как «комплекс функцио-

нально-семантических полей» [1. С. 62] с соответствующим семантическим или семантико-прагматическим содержанием, отражающим, с одной стороны, отношение содержания пропозиции к действительности в плане реальности / ирреальности с учётом потенциальности, и, с другой стороны, те модальные значения, которые накладываются на пропозитивную основу высказывания, выражая отношение коммуникативного субъекта к содержанию пропозиции. Притом функционально-семантические поля, соответствующие модальным значениям, рассматриваются в единстве со средствами их формального выражения в языке. Любое модальное значение, согласно А.В. Бондарко, – это шкала [1. С. 77]. Модальное значение – это общий семантический компонент, объединяющий ряд подзначений в диапазоне между знаками оценки «+» и «–». Таким образом, подзначения понимаются нами как частные случаи проявления модального значения. Модальное значение – это функционально-семантическое поле, подзначения в рамках любого модального значения – это микрополя, которые в пределах функционально-семантического поля могут пересекаться. Внутри оценочной шкалы подзначения отражают наличие или отсутствие семантического признака, разные степени его проявления, а также те семантические вариации реализации признака, которые обусловлены ситуативным контекстом. Так, модальное значение «оценка степени реальности» представлена подзначениями реальности, потенциальности и ирреальности [1. С. 72–79].

Текстовая модальность, или модальность текста, понимается нами как функционально-семантическая характеристика текста, напрямую зависящая от его коммуникативно-целевой направленности. Коммуникативно-целевая специфика текста, обусловленная сферой коммуникации, участниками общения, типом осуществляемой ими деятельности, а также их практическими задачами, предопределяет наличие определённых типов модальных значений, а также их корреляций, которые обнаруживают регулярную реализацию в текстах определённого дискурсивного профиля и определённого жанра в рамках дискурсивного профиля. Таким образом, мы не отрицаем замкнутость механизма выражения модальности на предложении. Текстовая модальность понимается как характеристика текста, определяемая следующими факторами: а) наиболее частотными модальными значениями (с учётом доминантных подзначений, которые могут отличаться в рамках разных жанров в текстах одной дискурсивной природы); б) тенденцией актуализации частотных значений в определённых типах коммуникативных актов; в) регулярными корреляциями модальных значений, которые проявляются в характерных для сферы общения типах коммуникативных актов и соответствующих композиционных фрагментах текстов.

И дискурс и текст допускают двустороннюю интерпретацию с точки зрения языка и речи: статическую и динамическую [2. С. 112]. Притом с позиции языковой системы термины демонстрируют родовидовые отношения. В этом смысле дискурс трактуется как корпус текстов, относящихся к определённой сфере общения и обслуживающих коммуникативные цели её представителей. Корпус текстов позволяет выявить для каждого

типа дискурса так называемые «текстотипы» (термин А.Г. Баранова [3. С. 29]), отражающие и одновременно задающие направление текстовой деятельности в рамках коммуникативной сферы. С другой стороны, дискурс допускает процессуальную интерпретацию, при которой он означает «текстовую деятельность коммуникантов в определённой сфере общения» [4. С. 22]. Аналогичным образом текст может рассматриваться как «сложный коммуникативный акт, или коммуникативный макроакт, состоящий из последовательности актов, функционально объединённых доминантной целью» [5. С. 145]. Такая трактовка позволяет рассмотреть текст в динамике «с позиций реализуемой в рамках сферы общения текстовой деятельности» [6. С. 8]. При статическом понимании текст – это результат текстовой деятельности, отражающий основные конвенции текстовой деятельности в определённой сфере общения, реализованные в коммуникативно-целевой специфике, композиционном строении, коммуникативном каркасе текста, а также избирательности языковых средств.

В рамках изложенного подхода можно говорить о том, что в пределах юридического дискурса в качестве различных вариаций выступают тексты нормативных правовых актов и регулятивные тексты команд сотрудников органов дел, адресованных сотрудникам, правонарушителям и пострадавшим. Мы не останавливаемся на перечислении типологических маркеров текста, свидетельствующих о его принадлежности определённому типу дискурса (см. [4. С. 57]). Важным положением нашего исследования является тезис о том, что отнесённость текста к той или иной сфере общения для исследователя имплицитно включает всю вариативность реализации типологических критериев, определённая совокупность которых позволяет идентифицировать не только дискурсивный тип текста, но и его жанр. В этом смысле одним из дискурсивных маркеров текста мы считаем избирательность используемых языковых средств и категорий, к которым относятся и модальность.

Гипотеза исследования состояла в том, что тип дискурса, к которому относится текст, предопределяет те модальные значения, которые получают регулярное выражение в ткани текста, а также те сочетания модальных значений, которые обладают высокой степенью частотности. Мы исходим из того, что тип дискурса, основным критерием для выделения которого служит сфера общественной коммуникации, предопределяет выраженность определённых семантических типов модальных значений независимо от языка, на котором написан текст.

Целью нашего исследования было выявление:

- а) номенклатуры подзначений необходимости и возможности, получающих регулярное выражение в текстах юридического дискурса;
- б) корреляций выявленных подзначений необходимости и возможности с другими модальными значениями, которые обладают высокой степенью частотности в текстах юридического дискурса на русском и английском языках;

в) функционально-семантических типов высказываний, которые служат средой актуализации рассматриваемых подзначений.

Материалом для выделения языковых средств выражения необходимости и возможности послужили Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [7], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [8], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [9], Кодекс Соединённых Штатов Америки (далее – USC) [10], а также Федеральные правила уголовного судопроизводства Соединённых Штатов Америки (далее – FRCP) [11]. Привлечение текстов законов разных стран объясняется основной гипотезой исследования: особенности модального плана, предопределённые экстралингвистическими факторами, в текстах одного дискурсивного профиля будут устойчиво проявляться независимо от языка, на котором эти тексты оформлены. Без сомнения, модальность как языковая категория предопределяется не только прагматическими факторами, но и факторами внутриязыковыми, которые обуславливают не только избирательность языковых средств, но и избирательность корреляций значений. Мы ни в коей мере не отрицаем языковую специфику выражения модальности. Притом по итогам исследования, проведённого на материале учебно-дидактических текстов педагогического дискурса [4], был сделан вывод об общих тенденциях проявления конкретных модальных значений в текстах одного дискурсивного типа, оформленных на русском и английском языках. Нормативные правовые акты, а также команды, предусмотренные Строевым уставом, на русском и английском языках были выбраны для подтверждения гипотезы применительно к двум типам модальных значений: модальности возможности и модальности необходимости.

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе установлено, что доминантными модальными значениями для юридического дискурса являются необходимость, возможность и потенциальность, относительная плотность которых в текстах юридического дискурса велика [12]. На этом же этапе была уточнена номенклатура подзначений необходимости и возможности, которые далее подлежали отслеживанию в текстах. Возможность и необходимость являются общими семантическими признаками в рамках соответствующих шкал возможности и необходимости. Так, в частности, среди факторов, обуславливающих подзначения необходимости, были выделены «внешняя / внутренняя необходимость; функциональная / нефункциональная; служебная / неслужебная; контролируемая / неконтролируемая; желательная / нежелательная» [13. С. 84]. Так как закон имеет внешнюю силу по отношению к гражданину, необходимость, предписанная законом, всегда является внешней и контролируемой, а для сотрудников органов внутренних дел еще и служебной. Эти три характеристики подзначения необходимости можно рассматривать как априори заданные сферой общения и ситуацией общения при соблюдении соотношения функциональных и коммуникативных ролей (сотрудник ОВД в качестве адресанта сообщения и отдельный или коллективный сотрудник ОВД в качестве адресата сообщения).

Подзначения модальных значений зависят от определяющего фактора. В ряде случаев таких факторов может быть несколько. Модальность возможности и модальность необходимости определяются целым комплексом показателей. Поэтому каждое подзначение представляет собой комплекс семантических признаков, среди которых возможность или необходимость являются ключевым значением, модифицируемым дополнительными семантическими компонентами. Подзначения возможности рассматривались нами как возможное пересечение четырех факторов: «внутренняя / внешняя возможность; приобретённая / неприобретённая; деонтическая / недеонтическая; актуальная / узуальная» [14. С. 123–126]. Модальность возможности в совокупности своих подзначений в нормативных правовых актах проявляется исключительно внешней возможностью, что автоматически исключает актуализацию подзначений по шкале «приобретённая / неприобретённая возможность». Возможность в анализируемом дискурсивном профиле текстов всегда узуальная: законы отражают ту возможность, которая является общепринятой в обществе и кодифицированной. Кроме того, применительно к нормативным правовым актам речь всегда идёт о деонтической возможности. Таким образом, по семантическому критерию типовым вариантом подзначения возможности, характерным для текстов нормативно-правовых актов, является *внешняя узуальная деонтическая возможность*.

Сразу внесём терминологическое уточнение. Мы не опираемся в исследовании на категории модальной логики, признавая при этом, что они имеют определённые точки пересечения со значениями, охваченными языковой категорией модальности. В этой связи термин «деонтическая» не используется по отношению к модальности необходимости, которая типично характеризует действие с точки зрения норм, законов и требований, т.е. с тех позиций, которые приняты в модальной логике. Вслед за Е.И. Беляевой используем этот термин для характеристики подзначения возможности, которая в случае выражения именно этого подзначения обусловлена нормами, принятыми в ситуации общения.

Кроме того, мы определили основные подходы, на которые опираемся в исследовании: *функционально-семантический подход* позволит рассмотреть поля необходимости и возможности с точки зрения семантики, т.е. подзначений, формирующих обе оценочные шкалы, а также с точки зрения языковых средств, используемых в юридическом дискурсе для выражения исследуемых значений; *текстовый подход* позволит рассмотреть функционирование модальности необходимости и модальности возможности с точки зрения выявления специфики их актуализации в ткани текста; *дискурсивный подход* позволит показать, что даже при реализации одинаковых подзначений в разных жанрах одного дискурсивного профиля тенденции выражения подзначений необходимости и возможности будут отличаться.

Сплошной анализ четырёх нормативных правовых актов: УК РФ, УПК РФ, USC и FRCP – позволил выявить два подзначения, которые можно однозначно отнести к маркерам юридического дискурса, представлен-

ного жанром нормативного правового акта, а именно: внешнюю функциональную служебную необходимость и внешнюю узуальную деонтическую возможность.

Обратимся к анализу примеров. *Назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить...* (ст. 196 УПК РФ) [8]. В приведённом примере мы отмечаем двойную актуализацию подзначения внешней функциональной служебной необходимости. Актуализация посредством краткого прилагательного «обязательно» в этом случае обусловлена необходимостью установить причины смерти и других обстоятельств дела, обозначенных в ст. 196 и выраженных словом категории состояния «необходимо».

The parent being relocated must agree in writing before being provided protection to abide by any ensuing court orders issued as a result of an action to modify (§ 3524 USC) [11] – *Родитель, в случае смены места пребывания¹, должен дать письменное согласие перед предоставлением защиты на выполнение любых последующих судебных постановлений, изданных в результате изменений.* В примере из Кодекса США необходимость выражена модальным глаголом «must». Она тоже является обусловленной. Синтаксически условие выражено формой причастия I (Participle I Indefinite Passive), поэтому при переводе мы используем оборот «в случае...».

Так как подобного рода обусловленность обстоятельствами – это частотный случай для нормативных правовых актов (79% всех выявленных случаев), целесообразно выделить обусловленную необходимость в качестве отдельного подзначения необходимости.

Семантико-синтаксические модели реализации подзначения внешней узуальной деонтической возможности разнятся в нормативных правовых актах на русском и английском языках. Например, в УК РФ и УПК РФ доминируют пассивные конструкции: *Штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса* (ст. 46.4 УК РФ) [7].

При неявке потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу (ст. 42.6 УПК РФ) [8]. В нормативных правовых актах на русском языке под воздействием требований законодательного подстиля официально-делового стиля пассивизация действия после модального оператора возможности «может» является типовым случаем.

В текстах нормативных правовых актов на английском языке страдательный залог встречается, при этом отмечена очевидная тенденция употребления глаголов в действительном залоге. *The judge may modify the complaint, warrant, or summons* (Rule 4.1.5 FRCP) [11. С. 5] – *Судья может изменить жалобу, ордер или повестку.* В этом примере пропозициональ-

¹ Речь идёт о родителе, находящемся под защитой правительства.

ный компонент содержания высказывания соотносится с синтаксической структурой: в случае страдательного залога на месте подлежащего оказывается семантический объект (*the deposition*), в случае действительного залога – актанта (*the judge*).

В ходе исследования выявлены также типовые корреляции модальных значений. В частности, сами значения возможности и необходимости части взаимодействуют в ткани текстов нормативных правовых актов. Обратимся к примерам:

В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель (ст. 124 УПК РФ) [8]. Модальность необходимости выражена предикативным наречием «необходимо», в то время как внешняя узуальная деонтическая возможность реализуется возвратным глаголом «допускается». По интенсивности выраженности ключевого признака значения глагол «допускается» значительно ближе к отрицательному полюсу шкалы внешней деонтической возможности, чем в случае нейтрального аналога «возможность».

If a defendant fails to appear in response to a summons, a judge may, and upon request of an attorney for the government must, issue a warrant (Rule 4 a FRCP) [11. С. 4] – *Если ответчик не появляется в ответ на вызов в суд, судья может и по требованию государственного адвоката должен выдать ордер*. Сочетание модальных модификаторов «may» и «must» является частотным для нормативных правовых актов в силу того, что они отражают права и обязанности уполномоченных лиц, а также участников уголовного или административного разбирательства.

Второй типичной корреляцией является корреляция интеллектуальных оценок (в понимании Н.Д. Арутюновой [15. С. 188–200]) и исследуемых значений необходимости и возможности. Например: *A finding with respect to any aggravating factor must be unanimous* (§ 3593 USC) [10]. – *Заключение в отношении любогоотягчающего обстоятельства должно быть единогласным*. Значение необходимости коррелирует с подзначением оценки меры и степени в рамках интеллектуальных оценок.

Смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ст. 59 УК РФ) [7]. Этот пример также иллюстрирует регулярный случай сочетания возможности и интеллектуальной оценки, точнее – оценки меры и степени, которая в этой статье актуализуется два раза.

Жанр нормативных правовых актов предопределяет один функционально-семантический тип высказываний, которые являются средой для актуализации исследуемых типов модальных значений. Ни утвердительные высказывания, ни вопросы с целью получения информации, ни директивы не актуализируются в этом жанре юридического дискурса. Средой реализации модальности необходимости и возможности является констатирующее сообщение.

На следующем этапе исследования были рассмотрены модальные значения необходимости и возможности, актуализируемых в командах, отдаваемых сотрудниками ОВД. Для этого мы провели классификацию команд по типам профессиональной деятельности, которые они обслуживают.

Анализ команд, подаваемых в строю (табл. 1), а также команд, адресованных подозреваемому при задержании (табл. 2), чётко показывает, что они являются типичной средой актуализации значения необходимости. Речь в этом случае всегда идёт о подзначении внешней функциональной служебной необходимости.

Т а б л и ц а 1

Команды, подаваемые в строю

Равняйся!	Dress! / Cover off!
Смирно!	Attention! / Shun!
Равнение направо / налево / на середину!	Dress right! / Dress left / Eyes front!
Шагом марш!	Forward march!
Налево шагом марш!	Left forward march! / Left face forward march!
Направо шагом марш!	Right forward march! / Right face forward march!
На месте!	Mark time march!
Стой!	Hold it right there!
Делай раз, делай два, делай три (Например, после команды «Головные уборы снять!»)	Hup one, hup two, hup three! (For example, after the command “Take off your hats!”)
Правое / Левое плечо вперёд!	Rights flank march! / Left flank march! By the right / left flank!
Прямо!	Forward march!
Налево!	Left flank, march! / Left face!
Направо!	Right flank, march! / Right face!
Кругом!	About face!
Разойдись!	Fall out! / Dismissed! / Break ranks! / Break away!
Выйти из строя!	Front and center! / Step forward!
Курсант (иное) ... для (причина, например, для награждения) ко мне!	Cadet ... step forward for the award!
Дистанция – 10 (иное) метров (расстояние между строевыми коробками)	The distance is 10 meters! (About the distance between the drill boxes)
Вольно!	At ease!

Т а б л и ц а 2

Команды, подаваемые при задержании подозреваемого

Стоять! / Не двигаться! / Стой, стрелять буду! Стоять, это полиция (Стоять, полиция)!	Halt! (<i>Brit.</i>) Freeze! (<i>Am.</i>) Hold it right there!
Руки вверх!	Hands up! / Hands in the air!
Руки за голову!	(Put) your hands behind your head!
Кругом!	Turn around!

К стене!	(Get) up against the wall!
На колени!	(Get down) on your knees!
Руки на стену, ладони наружу!	(Put) your hands on the wall, palms out! / (Put) your hands against the wall, palms out!
Голову налево / направо!	(Turn) your head to the left / to the right!
На живот, локти распрямить!	(Lie down) on your stomach, straighten your elbows!
Голову налево / направо!	(Turn) your head to the left / to the right!
На правый / левый бок!	On your right / left side!
Руки за голову, шагом марш!	Hands behind your head, step march!
Шагом марш!	Step march!
Вольно!	At ease!

Уточним, что команды для подозреваемого в этом случае являются выражением именно внешней служебной необходимости, так как вербальное поведение сотрудника ОВД, как и невербальное, регламентировано нормативными правовыми актами, в частности Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16]. Закон является нормативным основанием для отдаваемой команды, включая содержание и форму выражения, сотрудник полиции – лицом, в чьи обязанности входит обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности, т.е. гарантом реализации адресатом (подозреваемым) предписаний, отражённых командой.

При этом средства выражения команд-аналогов, служащих выражению внешней функциональной служебной необходимости, в русском и английском языках разнятся при наличии отдельных общих тенденций выражения. Чёткость и лаконичность, предопределённые средой коммуникации и её целями, обуславливают использование эллиптических конструкций в обоих языках. В частности, самая очевидная тенденция заключается в пропуске глагольной основы команды. В русском языке эта тенденция наиболее отчётлива, так как глагол проявляется лишь в командах «Равняйся!» «Стоять! / Не двигаться! / Стой, стрелять буду! Стоять, это полиция (Стоять, полиция)!». В остальных случаях используются именные фразы или наречия / наречные фразы, указывающие на направление движения, уточняющие характер выполняемого действия. В английском языке эта тенденция проявляется настолько, насколько строй языка позволяет контекстуально восстановить глагол. В ряде случаев мы приводили два варианта, например: «Your hands behind your head!» и «Put your hands behind your head!». При этом отмечено доминирование безглагольного употребления команд и для английского языка. Однако аналитический строй английского языка, требующий выраженности синтаксических связей, в ряде случаев делает безглагольное употребление команды невозможным: «Halt!», «Freeze!», «Fall out!», «Turn around!» и др.

Права подозреваемого

В соответствии с УПК РФ (ст. 46) подозреваемый вправе:	According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the suspect may:
1) «знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения» [8] (<i>Вы подозреваетесь в убийстве Иванова</i>)	1) know what he is suspected of, and get a copy of the decision to institute criminal proceedings, or a copy of the protocol of detention, or a copy of the decision to apply preventive measures against him (<i>You are suspected of killing Ivanov</i>)
2) «давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний...» [10] (<i>Вы можете давать показания по вашему делу либо отказаться от дачи объяснений и показаний, ваши показания могут быть использованы в качестве доказательства по данному делу</i>)	2) give explanations and testimony related to the suspicion regarding him or refuse to give explanations and testimony (<i>You can give explanations and testimony in your case, or refuse to give explanations and testimony, your testimony can be used as evidence in this case</i> (An analogy of the American phrase “Everything that you say can be used against you in court”))
3) «пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного пунктами 23.1 части третьей статьи 49 настоящего Кодекса, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого» [8] (<i>Вы имеете право пользоваться услугами защитника (адвоката)</i>)	3) use the assistance of a lawyer from the moment provided for in paragraphs 2 - 3.1 of part three of Article 49 of this Code, and have a meeting with him in private and confidentially until the first interrogation of the suspect (<i>You have the right to use the services of a defense lawyer</i>)
4) «представлять доказательства» [8]	4) provide evidence
5) «заявлять ходатайства и отводы» [8]	5) petition and challenge / to file petitions and objections
6) «давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет» [8]	6) testify and explain in his native language or the language he speaks
7) «пользоваться помощью переводчика бесплатно» [8]	7) use the help of an interpreter for free
8) «знакомиться с протоколами следственных действий, произведённых с его участием, и подавать на них замечания» [8]	8) get acquainted with the protocols of investigative actions carried out with his participation, and submit comments on them

При работе с языковым материалом, оформляющим права, которые сотрудник полиции озвучивает подозреваемому, правонарушителю или свидетелю, мы отталкиваемся от формулировок в нормативных правовых актах, поэтому модальные модификаторы «вправе» и «may» вынесены в титульную графу таблицы. Возможные случаи отклонения от текста собственно нормативного правового акта, если они возможны, представлены в скобках курсивом.

Таблицы, освещающие права, которые озвучивает сотрудник полиции подозреваемому (табл. 3), правонарушителю (табл. 4) и свидетелю (табл. 5), демонстрируют тенденции актуализации модального значения возможности и отдельные случаи проявления значения необходимости, которые также можно отнести к диагностирующим свойствам юридического дискурса.

Наше исследование подтвердило, что тексты профессионального дискурса, несмотря на жанровое разнообразие, являются типовой средой актуализации подзнания внешней узуальной деонтической возможности.

Т а б л и ц а 4

Права правонарушителя

В соответствии с КоАП РФ (ст. 25.1) правонарушитель может:	According to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation the offender may:
1) знать, за что он привлекается (<i>Вы совершили правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ</i>) [9]	1) know what he is involved in (<i>You have committed an offense under Part 1 of Article 20.1 of the Code of Administrative Offenses</i>)
2) «давать объяснения и показания по поводу данного дела, либо отказаться от дачи показаний» (ст. 25.1) [9] (<i>Вы имеете право давать объяснения и показания по поводу данного дела либо отказаться от дачи показаний</i>)	2) give explanations and testimony about this case, or to refuse to testify (<i>You have the right to give explanations and testimony about this case, or to refuse to testify</i>)
3) «пользоваться услугами защитника (адвоката)» [9] (<i>Вы имеете право пользоваться услугами защитника (адвоката)</i>)	3) use the services of a defence lawyer (<i>You have the right to use the services of a defence lawyer</i>)
4) давать объяснения и показания на родном языке [9] (<i>Вы имеете право давать объяснения и показания на родном языке</i>)	4) give explanations and testify in the native language (<i>You have the right to give explanations and testify in the native language</i>)
5) пользоваться помощью переводчика [9] (<i>Вы имеете право пользоваться помощью переводчика</i>)	5) use the help of an interpreter (<i>You have the right to use the help of an interpreter</i>)
6) «заявлять ходатайства и отводы» [9] (<i>Вы имеете право заявлять ходатайства и отводы</i>)	6) petition and challenge (<i>You have the right to petition and challenge</i>)

Т а б л и ц а 5

Права свидетеля

В соответствии с УПК РФ (ст. 56) свидетель может:	According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the witness may:
1) «отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. При согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний» [8]	1) refuse to testify against oneself, one's spouse and other close relatives. With the consent of the witness to testify, he must be warned that his testimony can be used as evidence in a criminal case, including in the event of his subsequent refusal of these testimonies
2) «давать показания на родном языке или языке, которым он владеет» [8]	2) testify in his native language or the language he speaks
3) «пользоваться помощью переводчика бесплатно» [8]	3) use the help of an interpreter for free
4) «заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе» [8]	4) challenge the interpreter involved in his / her interrogation

5) «заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда» [8]	5) file petitions and bring complaints about actions (inaction) and decisions of the inquiry officer, the head of the inquiry unit, the head of the inquiry body, the inquiry body, the investigator, the prosecutor and the court
6) «являться на допрос с адвокатом» [8]	6) appear for questioning with a lawyer
7) «ходатайствовать о применении мер безопасности» (право на защиту от посягательств) [8]	7) apply for security measures (right to protection against encroachments)
В соответствии с КоАП РФ (ст. 25.6) свидетель может:	According to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation the witness may:
1) не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников [9]	1) refuse to testify against oneself, one's spouse and close relatives
2) давать показания на родном языке или языке, которым владеет [9]	2) testify in his native language or the language he speaks
3) пользоваться бесплатной помощью переводчика [9]	3) use the help of an interpreter for free;
4) «делать замечания по поводу правильности занесения его показаний в протокол» [9]	4) make comments on the correctness of recording his testimony in the protocol
В соответствии с УПК РФ и КоАП РФ свидетелю также объясняются следующие вещи:	According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation the witness is explained the following things:
<i>За дачу заведомо ложных показаний Вы можете быть привлечены к ответственности</i>	<i>You may be held liable for knowingly giving false testimony</i>
<i>Вы будете обязаны явиться по вызову судьи, органа, должностного лица для дачи показаний</i>	<i>You will be required to appear at the call of the judge, body, official to testify</i>
<i>За отказ или уклонение от явки по вызову вышеперечисленных органов вы понесёте ответственность или будете подвергнуты приводу</i>	<i>For refusal or evasion of the appearance of the call of the above bodies you will be held liable or will be subjected to compulsory attendance</i>

Обращает на себя внимание тот факт, что среди аналогов используются только три номинативные единицы: два модальных глагола «*may*» и «*can*» и фраза «*to have the right (to do smth)*». Для юридического дискурса характерна ограниченность в употреблении средств выражения теми, которые чётко отражают критерии жанра и стиля. В этом смысле интересна семантическая трансформация, которую претерпевает модальный глагол «*can*». Подзначение внешней узуальной деонтической возможности, реализуемое в текстах юридического дискурса, требует выбора модификатора, который бы соответствовал не только по значению, но и по стилю. Использование модального глагола «*can*» обусловлено тем, что этот глагол выражает высокую степень уверенности коммуникативного субъекта в том, что возможность будет реализована указанным образом, потому что она обусловлена законом. Таким образом, среди подзначений возможности подзначение субъек-

тивной возможности, неразрывно связанное со значением вероятности, получает выражение в тех командах, которые были рассмотрены нами на материале русского языка с учётом функционально-семантических аналогов на английском языке.

Ещё одной особенностью проявления подзначения внешней узуальной деонтической возможности является его повторяющаяся корреляция со значением необходимости: *The witness **may** refuse to testify against oneself, one's spouse and other close relatives. With the consent of the witness to testify, he **must** be warned that his testimony can be used as evidence in a criminal case, including in the event of his subsequent refusal of these testimonies* [12. С. 8] – *Свидетель может отказаться давать показания против себя, супруга (-и) и других близких родственников. С согласия свидетеля на дачу показаний он должен быть предупреждён о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе в случае его последующего отказа от этих показаний.*

При этом **запрещается** совершение нотариальных действий в отношении имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые **может** быть наложен арест в случаях, предусмотренных УПК [8].

В ряде случаев возможность и необходимость сливаются настолько, что не подлежат дифференциации: *Вы **будете обязаны** явиться по вызову судьи, органа, должностного лица для дачи показаний* [8] – *You will be required to appear at the call of the judge, body, official to testify.* В этом случае лексема *обязаны* и её английский функционально-семантический аналог *to be required* выражают необходимость, будущее же время, выраженное формами с использованием глаголов *будете* и *will* передают высокую степень субъективной возможности, связанной с вероятностным прогнозированием с опорой на порядок процессуальных действий в ходе расследования правонарушения.

Типовой средой актуализации рассматриваемых подзначений необходимости и возможности в текстах команд, адресованных полицейским, правонарушителям, подозреваемым и свидетелям, являются два функционально-смысловых типа высказывания: констатирующее сообщение, как и в случае с нормативными правовыми актами, а также прямой директив, предполагающий реализацию команды в ближайшем будущем в качестве перлокутивного эффекта.

Модальность необходимости и модальность возможности являются характеристиками практического действия с точки зрения системы норм и отражают оценку говорящим способа существования связи между субъектом или объектом и его признаком. Основой ситуаций необходимости и возможности служит семантика потенциальности, т.е. в нашем случае речь идёт об обусловленности ситуации теми или иными факторами, которые требуют непрямого превращения потенциального в актуальное или с высокой степенью вероятности указывают на возможность превращения потенциального в актуальное. Таким образом, значение потенциальности всегда актуализируется совместно со значениями возможности и необхо-

димости (кроме отрицательных полюсов обеих шкал). Чем выше плотность употребления значений возможности и необходимости, тем больше удельный вес проявлений потенциальности в тексте.

К подзначениям необходимости и возможности, которые были выявлены в качестве регулярных с точки зрения актуализации в юридическом дискурсе, относятся внешняя функциональная служебная необходимость и внешняя узуальная деонтическая возможность. Анализ законодательства на русском и английском языках выявил частотность использования значения необходимости (67% от общего числа случаев актуализации различных подзначений необходимости в рассматриваемых текстах) в главном предложении в составе сложноподчинённого предложения с обстоятельственным придаточным условия, в простых предложениях со сложной пропозициональной структурой, в которых предложная именная фраза вводит условие, или в составе причастных фраз со значением условия (в английском языке). На этом основании мы считаем целесообразным говорить о регулярной актуализации подзначения *обусловленной* необходимости в текстах нормативных правовых актов на обоих языках.

Мы установили, что в текстах нормативных правовых актов возможность и необходимость часто сочетаются. Ещё одной типовой и частотной корреляцией этих значений являются интеллектуальные оценки, в частности оценка меры и степени.

В командах сотрудников ОВД, адресованных полицейским, правонарушителям, подозреваемым и свидетелям, самая очевидная тенденция в оформлении внешней функциональной служебной необходимости заключается в пропуске глагольной основы команды, кроме тех случаев в английском языке, когда команда в виде безглагольного предложения невозможна. Права, которые озвучивает сотрудник полиции подозреваемому, правонарушителю и свидетелю, демонстрируют тенденции актуализации модального значения возможности. Наше исследование подтвердило, что тексты профессионального дискурса, несмотря на жанровое разнообразие, являются типовой средой актуализации подзначения внешней узуальной деонтической возможности.

В ходе исследования мы также выделили дополнительный типологический маркер юридического дискурса, коим является высокая плотность употребления значения потенциальности, которая объединяет и значение необходимости, и значение возможности, обязательно коррелируя с каждым из них.

Полученные результаты определяют контуры дальнейшего исследования, которое, с одной стороны, может быть сосредоточено на анализе средств выражения в анализируемых языках для установления составляющих функционально-семантического поля модальности, реализующих в юридическом дискурсе с учётом специфики языкового строя, и которое, с другой стороны, позволит расширить номенклатуру жанров юридического дискурса и посмотреть на вариабельность реализации значений необходимости и модальности.

Список источников

1. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990. 263 с.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В.И. Герасимова. М., 1989. 312 с.
3. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1993. 50 с.
4. Шаикова В.Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера : дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2006. 224 с.
5. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения. Семантика. Прагматика. Поэтика. М., 2001. С. 90–167.
6. Шаикова В.Н. О разграничении понятий «дискурс», «текст» и «жанр» // Тексты нового века: материалы Межрегионального круглого стола, Орёл, 28 февр. 2019 г. / отв. ред. Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов, А.Ю. Титов. Орёл, 2019. С. 7–10.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.01.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
10. *The United States Code: Title 18 – Crimes and Criminal Procedure*. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>
11. *Federal Rules of Criminal Procedure of December 1, 2014*. Washington : US Government Printing Office, 2014. 87 p.
12. Шаикова В.Н. Модальные свойства текстов нормативно-правовых актов на русском и английском языках // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы III Международной научно-практической конференции, 18–19 октября 2018 г. Орёл, 2018. С. 308–312.
13. Беляева Е.И., Цейтлин С.Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 123–126.
14. Беляева Е.И. Возможность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 126–142.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 357 с.
16. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/

References

1. Bondarko, A.V. (1990) *Teoriya funkcional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional Grammar Theory: Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka.
2. Dijk, T.A. van. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress.
3. Baranov, A.G. (1993) *Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta* [Functional and pragmatic concept of the text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.

4. Shashkova, V.N. (2006) *Kommunikativno-tselevaya spetsifika i osobennosti modal'nogo plana tekstov uchebno-didakticheskogo kharaktera* [Communicative-target specificity and features of the modal plan of educational and didactic texts]. Philology Cand. Diss. Orel.
5. Dijk, T.A. van. (2001) *Voprosy pragmatiki teksta* [Questions of text pragmatics]. In: *Tekst: aspekty izucheniya. Semantika. Pragmatika. Poetika* [Text: Aspects of study. Semantics. Pragmatics. Poetics]. Translated from English. Moscow: URSS. pp. 90–167.
6. Shashkova, V.N. (2019) [On the question of differentiating the concepts of “discourse”, “text” and “genre”]. *Teksty novogo veka* [Texts of the New Century]. Proceedings of the International Round Table. Orel. 27–28 February 2019. Orel: Orel State Institute of Culture. pp. 7–10. (In Russian).
7. Consultant Plus. (2020) *Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 30, 2020)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (In Russian).
8. Consultant Plus. (2020) *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 8, 2020)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. (In Russian).
9. Consultant Plus. (2021) *Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 30, 2020) (as amended and supplemented, in force since January 15, 2021)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. (In Russian).
10. Legal Information Institute. (n.d.) *The United States Code: Title 18 – Crimes and Criminal Procedure*. [Online] Available from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>.
11. The US Government. (2014) *Federal Rules of Criminal Procedure of December 1, 2014*. Washington: US Government Printing Office.
12. Shashkova, V.N. (2018) [Modal properties of texts of legal acts in Russian and English]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie* [Language. Culture. Communication: Learning and teaching]. Proceedings of the 3rd International Conference. Orel. 18–19 October 2018. Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev. pp. 308–312. (In Russian).
13. Belyaeva, E.I. & Tseytlin, S.N. (1990) *Sootnoshenie znacheniy vozmozhnosti i neobkhodimosti v semanticheskoy sfere potentsial'nosti* [Correlation between the meanings of possibility and necessity in the semantic sphere of potentiality]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka. pp. 123–126.
14. Belyaeva, E.I. (1990) *Vozmozhnost'* [Possibility]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka. pp. 126–142.
15. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
16. Consultant Plus. (2011) *Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended on April 30, 2021)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/. (In Russian).

Информация об авторе:

Шашкова В.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (Орёл, Россия). E-mail: valentina.shash@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.N. Shashkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Orel, Russian Federation). E-mail: valentina.shash@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2021;
одобрена после рецензирования 10.07.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 25.01.2021;
approved after reviewing 10.07.2021; accepted for publication 09.04.2022*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/75/13

Синтетизм автобиографического повествования Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю»

Ольга Владимировна Богданова¹, Цзяо Ван²

^{1,2} *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*
¹ *olgabogdanova03@mail.ru*
² *tianran1987@yandex.ru*

Аннотация. На материале романа «Пятьдесят лет в раю» (2005–2007) выявляются особенности жанровых стратегий художественной автобиографии Руслана Киреева. Показано, что доминантой автобиографического текста Киреева становится документ (в его различных модификациях). Однако роль художественных тактик, связанных преимущественно с поэтической организацией текста, выводит роман на уровень не традиционной документализированной автобиографии, но позволяет квалифицировать текст как «синтетическую» филологическую прозу.

Ключевые слова: Р. Киреев, «Пятьдесят лет в раю», автобиография, документализм, хронотопы героя и автора

Для цитирования: Богданова О.В., Ван Ц. Синтетизм автобиографического повествования Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 263–275. doi: 10.17223/19986645/75/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/13

The synthetism of Ruslan Kireev's autobiographical narrative *Fifty Years in Paradise*

Olga V. Bogdanova¹, Jiao Wang²

^{1,2} *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation*
¹ *olgabogdanova03@mail.ru*
² *tianran1987@yandex.ru*

Abstract. The material is the autobiographical novel *Fifty Years in Paradise* by Ruslan Kireev, which has not previously been the subject of scientific and critical

reflection. The relevance of the work is due to the growing interest to the literature of retrospective biographical plan, to specific varieties of autobiographical prose, and due to the need to study theoretical aspects of biographical narration, in particular issues of the laws of the genre and the peculiarities of the genre synthesis, the correlation of truth and fiction in the autobiographical text, the nature of the interaction of central images (the hero and the author), the temporal organization of the autobiographical text (biographical and epic chronotopes). The aim of the research is to analyze the dominant strategies of Kireev's autobiographical narrative and to identify the type of contemporary literary autobiography that his narrative tends towards: autobiography as document, autobiography as fiction, literary autobiography, quasi-autobiography (pseudo-autobiography), or others. Attention to the chronotope of the novel by Kireev, in particular the identification of subjective (hero's) and objective (author's) chronotopes allows us to differentiate the strategies of the writer's worldview and to outline various tactics for using the document (diary, memoirs, notes, reviews, etc.) and its modifications. The main methods used in the research are historical-literary, typological and poetological in their unity and complementarity. The theoretical basis of the research was works on the problems of autobiographical prose (by D. Likhachev, M. Bakhtin, S. Averintsev, L. Ginzburg, N. Leiderman, M. Lipovetsky, T. Breeva, E. Boldyreva, E. Dobin, T. Kolyadich, N. Nikolina, S. Mashinsky, G. Romanova, V. Halizev, et al.). The attempt to qualify Kireev's text and reduce it to the traditional varieties of the autobiographical novel allows us to say that Kireev's narrative is adjacent to the basic modification that is most common in Russian (modern) literature and is defined as a synthesis of autobiographical prose with documentary (autobiography with a documentary basis) one. Such a definition, on the one hand, corresponds to the signs and features that were traced in the course of the analysis; on the other hand, it corresponds to the author's intention, which Kireev sought to implement in the novel *Fifty Years in Paradise*: to create an (auto)biographical document that reflects the truth of the person and the time. However, we should also supplement the definition "documentary narrative" with the property of "philological prose", the author's own literary narrative, in this case directly related to the theme of the writer's creative work and formation. The novel's composition, text division, "Close-up" (the writer's portrait) chapters, the author's digressions point to an "artistic" component of Kireev's documentalized narrative.

Keywords: Ruslan Kireev, *Fifty Years in Paradise*, autobiography, autopsychologism, chronotope of hero and author

For citation: Bogdanova, O.V. & Wang, J. (2022) The synthetism of Ruslan Kireev's autobiographical narrative *Fifty Years in Paradise*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 263–275. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/13

Введение

В последние десятилетия в современном отечественном литературоведении широко распространился термин «нон-фикшн» (англ. *non-fiction*; букв. «невывисел»), соответствующий традиционному термину «документальная проза». Как известно, документальная проза (*non-fiction*) представляет собой пласт литературы, связанный с изображением (отражением) прежде всего событий реальных, имевших место в действительности, и допускает лишь ограниченные, локальные вкрапления вымысла (*fiction*). Документальная проза, как правило, опирается либо на документ (согласно

названию), либо на воспоминания очевидцев, в любом случае ориентируя читателя на реальность изображаемого, происходящего в рамках воссоздаваемого художественного пространства.

Среди жанровых модификаций документальной (нефикционной) прозы традиционно выделяются такие ее разновидности, как литература дневниковая, мемуарная, исповедальная, эссеистическая, очерковая, научно-популярная и др. Автобиографическая проза занимает в этом ряду одну из самых весомых позиций, поскольку автобиография вбирает в себя (может вбирать) стратегии дневника, мемуара, исповеди, эссе, эпистолярная, т.е. художественно компилировать те тактики, которые используют иные нефикционные (под)жанры. Более других разновидности документальной прозы автобиография ориентирована на совмещение документальности и художественности, на использование приемов литературного (поэтического) мировосприятия, находящих отражение как в экспликации своеобразия (субъективности) авторской позиции, так и на уровне композиционного оформления (структурирования) осмысляемого материала.

В представлении современных специалистов (С. Аверинцев [1], М. Бахтин [2], Е. Болдырева [3], Т. Бреева [4], Л. Гинзбург [5], Е. Добин [6], Т. Коллянич [7], Н. Лейдерман и М. Липовецкий [8], Д. Лихачев [9], С. Машинский [10], Н. Николина [11], Г. Романова [12], В. Хализев [13] и др.), *художественная автобиография* – это произведение, напрямую связанное с изображением процесса духовно-нравственного развития личности героя (*alter ego* автора) и ориентированное на осмысление прошедшего с точки зрения настоящего, понимание «я-вчерашнего» с позиции «я-сегодняшнего», «последовательное описание человеком событий собственной жизни» [12. С. 15]. Хотя в современной автобиографии (наряду с традиционными формами) возникают и *квазиавтобиографии*, и *псевдоавтобиографии* (например «автобиографический» «Минус» Р. Сенчина), роман Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю» (2005–2007) выстраивается (во многом) как привычное воспоминание прошлого (= прошлого автобиографического героя и автора), запечатление этапов становления собственной судьбы, «самостоянье» и «самовызревание» автобиографического персонажа (одновременно равного и неравного автору).

Между тем на фоне других автобиографических повествований первостепенную и принципиальную особенность повествования Киреева составляет то обстоятельство, что он прослеживает путь становления не личности *человека-героя*, но *героя-писателя*. Принадлежность авторского персонажа к литературной среде – существенная и важнейшая грань выстраиваемого произведения. Стержневую проблемно-тематическую ось наррации формирует тема творчества, тема «звания» и призвания писателя, его места в литературном содружестве и значимости писательского наследия. Для автогероя Киреева литература, принадлежность к литературной среде, дар творческого созидания – это рай, словообраз которого оказывается вынесенным на титульную позицию художественного произведения.

Киреев берет за основу романного заглавия уже существующую формулу А.А. Игнатьева – «Пятьдесят лет в строю» [14], в собственном автобиографическом повествовании отталкивается от автобиографической прозы известного русского военного деятеля и советского дипломата, вероятно (и несомненно) произведшей некогда на него сильное впечатление. Сопоставление (я // Игнатьев, «...в строю» // «...в раю») важно Кирееву, чтобы изначально обозначить писательскую миссию как высокую и граждански ориентированную. Замена оборота «в строю → в раю» не вызывает разночтения, а словосочетание «вхождение в рай» обретает правомочность и метафорически выстраивает означенную параллель: литература // рай. Логике повествования Киреева формирует мысль о писательском предназначении, о причастности к литературе, об ответственной миссии нахождения в строю / раю. Этим намерением определяются временные рамки повествования: от первой публикации (1958 г.), до последней (2007 г.), пятьдесят лет. «Круглая цифра» – 50 – окольцовывает нарратив Киреева, подводя итог некоему периоду жизни писателя (семантический план), но одновременно предопределяет замкнутость композиционной структуры романа (формальный план). Документальный (в основе своей) жанр автобиографии Киреева дополняется чертами художественной прозы.

Писательская грань (дар) характера заставляет Киреева-автора означить для читателя особое поглавное членение романа: каждая глава романа описывает события «пятидесяти лет в раю» и включает литературный портрет того человека, который, с точки зрения автора, оказал сильное влияние на формирование героя в изображаемый период. По словам автора, такой портрет должен быть дан не «мимоходом», а «крупным планом» [15. С. 14]. Поглавное описание каждого изображаемого года (хронологически последовательно с 1958 по 2007 г.) совмещается с портретом писателя-современника «Крупным планом», тем самым документальная основа романа-автобиографии Киреева редуцируется: *объективно* документированная автобиография дополняется *субъективностью* fiction в портретировании другого человека.

«Двойной» хронотоп романа и средства его экспликации

Как утверждают специалисты (Е. Болдырева [3], Т. Бреева [4], С. Машинский [10], Н. Николина [11], Г. Романова [12], В. Хализев [13] и др.), традиционное автобиографическое повествование строится посредством реализации центральных (базовых) констант этотекста: *биографического времени / пространства* (хронотопа) автобиографического героя и *эпического времени / пространства* (хронотопа) повествователя-нарратора (см.: М. Бахтин [2]), самое существенное различие между которыми опосредуется *мерой объективности* личностного (со)знания персонажа.

В тексте Киреева реальная биография писателя составляет протосюжет жизни его литературного (авто)героя и, как следствие, опосредует (обеспечивает) документальный план повествования. Однако важно, насколько

глубоко подлинная реальность входит в художественный (по сути своей) текст Киреева? Каков вес fiction и nonfiction в романе Киреева? Какую долю в киреевской автобиографии составляют документы (дневники, письма, записи, цитация и др.)?

В поиске ответа на поставленные вопросы (в ходе жанровой квалификации автобиографии Киреева) на первое место выходит последовательная *датировка* текста, указание на «место и время» событий каждой главы – «Год первый. 1958», «Год второй. 1959», «Год третий. 1960» и т. д. Точная дата (= название) каждой главы формирует «романный» календарь, условный «документ», который позволяет проследить жизненный путь автогероя, становление писателя. *Подлинная* документальность (реальные документы, включенные в состав глав) дополняется *мнимой* документальностью (эмитацией «календарного» хода жизни персонажа); факт и фикция практически на равных работают на создание (поли)хронотопа.

Документальную основу каждой главы Киреев обеспечивает отбором важнейшего (по дороге в «рай») события, которое имело место в *этом* году, максимально точно и достоверно называя тот день (дни), который станет центром повествования главы-года. Так, начало главы «1958» связано с годом вступления автогероя в литературу. Начиная рассказ, герой-повествователь указывает *точную дату* рождения я-писателя («Мое вхождение в рай состоялось 12 октября 1958 года» [15. С. 5]), которая привязана к первой публикации сатирических четверостиший в симферопольской газете. Документализм текста усиливается: дата (вплоть до дня недели – *воскресный* выпуск газеты) может быть подтверждена архивом (личным и/или библиотечным). Документальная основа поддерживается и эксплицируется.

Использование в автобиографическом тексте точных указаний на события (12 октября, 1958 г., город Симферополь и др.) позволяет прозаику поэтапно (год за годом и день за днем) проследить становление автогероя-писателя, обна(ру)жить процесс самопознания эгоперсонажа. *Биографическое* время (*героя*) органично смыкается с *эпическим* временем (*повествователя*), давая возможность автору рассказать о молодом герое и его юношеских заблуждениях и одновременно продемонстрировать «взрослость» и мудрость нарратора, мнение / суждение которого предстает в романе окончательным и единственно верным (несомненно, верным в «двоичной системе» координат героя, юного и повзрослевшего). Любая дата в тексте обретает стереоскопию видения: вчера и сегодня, герой и автор, fiction и факт.

Метонимическим заместителем документированных дат и цифр в романе становятся *лингвистические маркеры* текста – наречные «тогда» и «теперь». Повествователь не называет точную дату событий, но обобщающие «прежде» («тогда») и «сегодня» («теперь») указывают на разность во времени, дифференцируют прошлое и настоящее, время я-героя и я-повествователя, особым образом маркируют (документируют) время биографическое и эпическое.

«...Рай... <...> Что подразумеваю я под этим словом? Не *тогда* подразумевал – тогда, в 58-м, я, учащийся симферопольского автодорожного

техникума, не употреблял его ни в патетическом смысле, ни даже в ироническом, как, догадывается читатель, делаю это *сейчас...*» (выделено нами. – О.Б., Ц.В.) [15. С. 12].

«*Сейчас* творческий конкурс в Литинституте начинается сразу после Нового года, а *тогда* работы принимали лишь с первого марта...» [15. С. 76].

Способом документализации романного текста Киреева становятся и те *литераторы*, которых прозаик портретирует «крупным планом». Среди них А. Малин, М. Шатров, Н. Рубцов, С. Михалков, Б. Балтер, И. Роднянская, И. Дедков, И. Грекова, А. Солженицын, В. Астафьев, М. Рошин, В. Розов, В. Лакшин, А. Немзер, П. Басинский и мн. др. Речь не только о том, *какими* (в аксиологическом плане) писатель выводит своих современников (= персонажей), но и *кого* из них. Сами имена становятся сигналом к распознаванию биографического времени (и места) героя, в котором оказался вступающий в литературный «рай» персонаж. Привлеченные к художественной рефлексии имена знаковых литераторов (прозаиков, поэтов, драматургов, литературных критиков и литературоведов, публицистов и очеркистов) в свою очередь через более детальное повествование (посредством их портретов) актуализируют черты времени – биографического для них, эпического для повествователя, исторического для юного героя. Важны не только даты жизни (рождения или смерти) того или иного персонажа, но сами вылепленные характеры, их внешний облик и внутренняя суть. В качестве примера можно вспомнить размышления автогероя Киреева о месте рождения И. Роднянской, о свойствах характера Ю. Додолева или Б. Балтера, о поведении Г. Баженова или Е. Дубровина, о хобби и увлечениях В. Маканина или А. Моралевича – за этими эпизодами-картинами встают эпоха, реальность, история. Для Киреева каждый из писателей, их жизнь и их произведения – вехи русской (советской) литературы XX (начала XXI) в., повод постижения законов творчества и предназначения литератора, осознания их и своего места в «раю».

Поддержанию объективности автобиографического повествования Киреева (того аспекта, который критикой относится к протодокументальной основе (см.: [12, 13])) служат *критические отзывы* литературоведов о его – собственно киреевском – творчестве, которые автор множественно включает в текст. Как демонстрирует произведение, терпимый к другим, Киреев-автор жесток и беспощаден к себе. Рефреном в тексте звучат обороты типа «я ему не чета» (как вариант «он мне не чета»), «...ощущение своей, по сравнению с ним, полной немощи...» [15. С. 112] и др., в которых Киреев всегда оказывается (ставит себя) в литературном плане ниже остальных. Если окружающими его литераторами повествователь, как правило, восхищается, то себя-героя неустанно критикует и принижает, собственное творчество неизменно воспринимает слабее творчества многих. Однако «восстановлению» справедливости (объективности) служат те цитаты из критических статей, которые документируют (подтверждают) значимую позицию Киреева в литературе, фактически «поднимают» самооценку киреевского персонажа. Не позволяя герою и повествователю оценивать (хва-

лить) себя, Киреев к этой роли привлекает других, точнее, цитаты из их критических публикаций, журнальных заметок и писем. Более того, эта тактика реализует возможность «двойного самопостижения» героя Киреева: с одной стороны, через самоанализ, через стремление понять себя посредством внутреннего «самокопания», с другой – постижение себя через людей, оказавшихся рядом, при взгляде на которых «пристально» (любимое слово Киреева-героя) автобиографическому персонажу становятся очевиднее его собственные достоинства и/или недостатки. Как и другие приемы, «крупный план» смыкает хронотоп героя и хронотоп автора, позволяет совместить время биографическое и эпическое, ярче акцентировать со- или противопоставление «тогда и теперь», «я и другие», «литература и жизнь», т.е. сформировать те конститутивные ракурсы, которые создают координатную сетку автобиографического повествования Киреева.

Помимо цитатного материала из газетных или журнальных рецензий для экспликации биографического / эпического хронотопа киреевский нарратор обращается к *дневниковым записям* (своим и чужим), которые в ряду других «документов» призваны объективировать повествование. Так, большой фрагмент текста отдан дневникам известного критика и очеркиста Игоря Дедкова (глава «Крупным планом» [15. С. 155–159]). Герой Киреева просматривает «восьмисотстраничный» [15. С. 156] «Дневник» И. Дедкова, опубликованный в «Новом мире» уже после смерти критика, и останавливается на цитатах-фрагментах, которые касаются киреевского творчества, встреч с ним, участия в совместных литературных мероприятиях. Киреев вводит в текст суждения Дедкова по поводу киреевских романов и повестей, важную грань этих цитат составляет нравственная и учительная позиция критика. Личность Дедкова служит Кирееву поводом задуматься о себе, о собственном творчестве. Не случайно повествователь воспроизводит в тексте слова, обращенные к нему во время одной из встреч с Дедковым: «Может быть, вам быть ближе к себе?» [15. С. 157]. Киреев-повествователь дает понять, что слова Дедкова были направлены к тому, чтобы видеть на страницах киреевских книг не героев-победителей (речь шла о романе «Победитель»), а самого автора, писать о том, «чем живет его собственная душа» [15. С. 157].

Средством документализации автобиографического повествования Киреева служит *«чужой текст»*, им оказываются не только письма, рецензии, дневники, но и цитаты из произведений, научных, публицистических или художественных. В качестве примера подобного научно-критического суждения можно указать на «слово» немецкого слависта В. Казака о Сергее Михалкове из его литературного словаря «Лексикон русской литературы XX века» [15. С. 76]. Способом документирования может быть и отсылка к хрестоматийным литературным образам и мотивам, к биографии писателя (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Монтескье, Эдгар По и др.). «Чужой (художественный) текст» присутствует в повествовании Киреева на уровне цитат, которые он приводит «попутно», но очевидно, что цитаты отобраны сознательно и чаще всего связаны с литературным творчеством. Чужая судьба писателя сопоставляется с его собственной судьбой, позволяет

взглянуть на себя «со стороны» и «издалека» понять, например, как отнесутся потомки к киреевским «писаниям» [15. С. 261]. Внеавтобиографический материал (и опыт) оказывается спроецированным с «другого» на себя, ориентирован на автора и его героя. Внешне посторонний факт вводится в текст «извне», но внутри автобиографического повествования обретает статус «внутренней автобиографии».

Фактом «документирования» автобиографической прозы Киреева становится обращение писателя к *собственным произведениям*, к цитатам из них, их сюжетам и образам. В каждой отдельной главе-годе Киреев рассказывает о том произведении, которое было создано им в этот год («Так сложилась жизнь» («Людмила Владимировна»), «Лестница», «Рая Шептунова и другие люди», «Искушение», «Победитель», «Пир в одиночку» и мн. др.). Нарратор размышляет об истоках замысла рассказа или повести, о характере главного героя (нередко воспроизводя его имя, портрет, манеру поведения, сюжетные ситуации), неизменно касается истории публикации произведения (в этом случае, как правило, рассказывает о редакторе, способствовавшем публикации рассказа или повести, например об А. Твардовском, «цепко ухватившем идею» еще не состоявшегося киреевского рассказа «Мать и дочь» [15. С. 181]), и др. Рассуждая о собственных произведениях, предлагая трактовку того или иного героя (совпадающую или не совпадающую с мнением критики), Киреев размышляет в первую очередь о самом себе, о своем alter ego. Так, в одной из глав («1969») повествователь признается, что он желал «ступенька за ступенькой пройти со своей юной героиней самый, быть может, решающий кусок ее жизни» [15. С. 87]. Желание «*пройти вместе*» со своим героем или героиней обнаруживается в каждом случае авторской саморефлексии: как в осмыслении его прежних произведений, так и по мере создания его автобиографии.

Приводимые цитаты из художественных произведений становятся как свидетельством вызревания героя-писателя (*время биографическое*), отмечают ступени его «лестницы в рай», так и поводом повествователю (в *эпическом времени*) задуматься о сущности писательского предназначения. Работая над текстом автобиографического романа в возрасте почти 80 лет и возвращаясь к своему раннему творчеству, к разговору о герое молодом, Киреев от пространства / времени осмысляемой им повести (или рассказа) свободно переходит к пространству / времени автобиографии, от я-героя к я-повествователю, дополняя и противопоставляя мысли юного героя сегодняшним («старческим») рассуждениям о жизни и судьбе. «Патриарший» [15. С. 48] возраст писателя в ходе автобиографического повествования вынуждает его все чаще обращаться к мысли о смерти (в том числе к теме смерти в его произведениях) и переоценивать те сентенции и умозаключения, которыми он наделял героя в ранних произведениях. Например, повесть «Так сложилась жизнь», в которой речь шла о матери автобиографического героя, побуждает нарратора задуматься о времени молодости и старости. «Знаю, сколь растяжимо это понятие [старость]. Когда в детстве смотришь, задрав голову, на уходящую в поднебесье пирамиду, то не осо-

бенно-то различаешь за толщей лет, кому шестьдесят, а кому восемьдесят. <...> Все одинаково далеко и одинаково скучно» [15. С. 149–150]. Следующий далее риторический вопрос: «Неужели, удивлялся я ребенком, и им тоже интересно жить?» [15. С. 150] – посредством уточняющего оборота «удивлялся ребенком» позволяет понять, что восьмидесятилетнему Кирееву (и его автобиографическому герою) по-прежнему интересно жить, несмотря (или благодаря) тому, что он многое знает о жизни и ее законах.

В «двойной» рефлексии автогероя – по поводу уже созданных произведений Киреева и романа-автобиографии, который «рождается на глазах», – осуществляется *разделение* прошлого и настоящего и одновременно – *соединение* времени биографического и эпического. Наметив временные границы, Киреев преодолевает их, сохраняя представление о разности сознания персонажа «тогда» и «теперь», указывая путь сближения неопытного героя с героем зрелым и мудрым (автором-писателем). Но свобода творческого вымысла (или домысла) ограничивается у Киреева реальностью существования его опубликованных (знакомых читателю, т.е. «задокументированных») художественных произведений.

Жанровые особенности романа Р. Киреева

В художественной автобиографии, создаваемой Киреевым, герой-нарратор (герой-литератор) задается вопросом специфики *жанра* биографического повествования. В споре с предшественниками, в частности с Д.С. Лихачевым, Киреев размышляет: «...я все-таки задумался: а зачем эти выдуманные события? Зачем вымышленный герой? Неужто и впрямь затем, что <...> читатель в такого подставного героя “поверит быстрее, чем в автора”. Сомневаюсь. Именно в беллетризации духовной автобиографии видится мне изначальный стратегический просчет автора. Мыслимо ли представить “Былое и думы”, написанное в форме романа, да еще от третьего лица? Мыслимо ли представить в таком виде гетевскую “Поэзию и правду”...» [15. С. 211]. На уровне публицистического высказывания Киреев демонстрирует собственную творческую установку, заявляет, что основу его автобиографии составили подлинные заметки, которые он вел все годы пребывания «в раю» – «в моих записях сохранилось...» [15. С. 14]. Факт наличия «Записок» (или «Дневника») поддерживает намерение Киреева-(авто)биографа быть правдивым и точным, создать «каноническую» автобиографию, основанную на документе (non-fiction).

Однако, как было замечено выше, в романе Киреева речь идет не о становлении юного героя (личности человека), но о вызревании творца (личности писателя). Не случайно заглавным образом Киреева становится метафора-сопоставление «жизнь – литература – рай», когда «пятьдесят лет в раю» – это жизнь и творчество в среде литературного сообщества. Тема становления автобиографического героя (традиционный аспект автобиографии) замещается (вытесняется) темой формирования художника слова, писателя.

Если на уровне публицистического высказывания Киреев отказывается от такой формы автобиографии, которая была бы связана с беллетризацией,

то на практике его романное повествование подчинено законам художественной прозы, что прежде всего связано с типом героя – героем-писателем, героем-литератором. Процесс становления киреевского автобиографического героя связан с творчеством – с его собственным производением и с произведениями художественными (и публицистическими) других авторов (поэтов, прозаиков, драматургов, литературных критиков и ученых). Особенности формирования творческого сознания героя-писателя влияют на характер и манеру повествования Киреева-нарратора, на выбор тех аспектов и проблем, которые оказываются в центре творческой рефлексии героя и, как следствие, привносят в автобиографическое произведение черты художественной прозы, романа, а не документа. Это и композиционная структура текста (композиционное кольцо), и цикличность повествования (главы-годы), и символическое цифровое оформление (50 лет, три дня, две части внутри главы и проч.), стиль повествования, который выдает в объективированном (нацеленном на объективность) нарраторе писателя-художника, обладающего самобытной стилизованной манерой, выразительной речью и словом, т. е. «авторской интонацией» [16. С. 88]. Доминантой автобиографического повествования Киреева (по законам жанра) остается (около)мемуарность и (около)документальность, «стабилизирующие» волю автора и не дающие ему отойти от канона традиционной биографии (автобиографии). Киреев «ограничивает» полет свободной фантазии нарратора, строго удерживает его в рамках (условной) «хроники», которая обеспечивается «календарной» датировкой глав, точным указанием на время и место происходящих событий, присутствием в пространстве романа тех персоналий, которые помогли центральному персонажу получить «билетик в рай». Творческое умение Киреева, сформированное годами работы над прозой, позволяет ему следить за соразмерностью частей, за художественной логикой, за сюжетно-фабульным развитием, казалось бы, вне прихоти автора развивающейся биографии. Четкость и стройность композиции киреевской автобиографии, отходящей от линейной (хронологической) последовательности и тяготеющей к циклической структуре, позволяет констатировать неизменное присутствие мастера-художника, наблюдающего за организацией цельности художественного текста.

В автобиографическом повествовании Киреев создает иллюзию следования за поворотами собственной памяти, однако в его тексте любое изображаемое событие, обстоятельство, факт, картинка, эпизод обеспечены не только «ненадежными» воспоминаниями героя, но и подтверждены объективными данными «извне»: указанием на реальные события, называнием точных «координат» (места и времени), отсылкой к историческому документу, который в тексте Киреева принимает форму и собственных «записочек», и чужого или своего «дневника», и цитаты из рецензии, опубликованной в журнале (например, Л. Анненского, И. Грековой, И. Роднянской и др.), и рукописи некоего отзыва, хранящегося в личном архиве писателя, и мн. др.

Литературный портрет (главы «Крупным планом»), который органично вмонтирован в автобиографический текст Киреева, не разрушает жанровую

природу художественной автобиографии, но дополняет и обогащает ее. Герои-литераторы, которые окружают центрального персонажа и портреты которых дает Киреев «крупным планом», создают атмосферу творческой жизни героя, оттеняют эволюцию его вызревания как художника и одновременно сами становятся вехами-знаками исторического времени, приметы которого закреплены за ними посредством известности их имен и знакомых читателю произведений (художественная находка Киреева).

Образ-метафора «пятьдесят лет в раю» вбирает в себя сущность киреевской концепции русской литературы (точнее – причастности к литературной жизни) второй половины XX в., представление о счастье *творчества*, о рае *писательства*, дарованном ему свыше.

Итоги и перспективы

Если суммировать квалификационные жанровые слагаемые текста Киреева и соотнести его с традиционными разновидностями автобиографического романа, то можно заключить, что киреевское повествование примыкает к той базовой – фундаментальной – модификации, которая наиболее распространена в русской (современной) литературе и определяется критикой как синтез автобиографической прозы с документалистикой (автобиография с документальной основой). Подобная дефиниция соответствует тем признакам и особенностям, которые были последовательно прослежены в ходе проведенного анализа, и отвечает (в своем генеральном векторе) тому «авторскому намерению», которое нацеливался осуществить (и осуществил) Руслан Киреев в романе «Пятьдесят лет в раю»: создать (авто)биографический документ, отражающий правду личности и времени, художника и эпохи. Однако к подобной дефиниции следует добавить признаки «филологической прозы», собственно художественного повествования, в данном случае напрямую связанного с темой творчества и становления личности писателя.

Проделанная работа заставляет наметить перспективы дальнейшего научного осмысления темы. Один из самых многоаспектных ракурсов романа Киреева – это рассмотрение (авто)биографического хронотопа и его подвидовых проявлений. Традиционно принятое в литературоведении противопоставление биографического хронотопа и эпического (как показал проведенный анализ) далеко не всегда оказывается в позиции *противопоставления*, нередко *сопоставления* и даже их взаимной корреляции и диффузии. Подвидовых вариантов выстраивания хронотопа в автобиографическом повествовании оказывается множество, в частности, им могут быть посвящены дальнейшие исследования романа Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю».

Список источников

1. Аверинцев С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Языки русской культуры, 1996. 447 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит-ра, 1975. 504 с.
3. Болдырева Е. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 34–44.
4. Бреева Т. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 14–17.
5. Гинзбург Л. О психологической прозе. М. : INTRADA, 1999. 413 с.
6. Добин Е. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л. : Сов. писатель, 1981. 431 с.
7. Колядич Т. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М. : Мегатрон, 1998. 276 с.
8. Лейдерман Н., Липовецкий М. Русская литература XX века (1950–1990-е годы). Т. 2: 1968–1990. М. : Академия, 2010. 688 с.
9. Лихачев Д. Исследования по древнерусской литературе. Л. : Наука, 1986. 406 с.
10. Машицкий С. О мемуарно-автобиографическом жанре // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 129–145.
11. Николина Н. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2002. 422 с.
12. Романова Г. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. кол.: М.Л. Гаспаров, С.И. Кормилови и др. М. : Интелвак, 2001. С. 15–17.
13. Хализев В. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2002. 437 с.
14. Игнатъев А. Пятьдесят лет в строю : в 2 т. М. : Госиздат, 1950. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 448 с.
15. Киреев Р. Пятьдесят лет в раю. М. : Время, 2008. 624 с.
16. Гусев В. Искусство прозы: Статьи о главном. М. : Изд. Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1999. 157 с.

References

1. Averintsev, S.S. (1996) *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Researches of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Boldyreva, E.M. (2018) Differentiation of factual and fictional genres of autobiographical literature of the end of the 20th – the beginning of the 21st century. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhskii Philological Bulletin*. 4 (15). pp. 34–44. (In Russian). DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10194
4. Breeva, T.N. (2012) “New biographism” in modern Russian literature. *Filologiya i kul'tura*. 4 (30). pp. 14–17. (In Russian).
5. Ginzburg, L.Ya (1999) *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow: INTRADA.
6. Dobin, E. (1981) *Syuzhet i deystvitel'nost'. Iskustvo detali* [Plot and reality. Art details]. Leningrad: Sov. pisatel'.
7. Kolyadich, T.M. (1998) *Vospominaniya pisateley: problemy poetiki zhanra* [Memoirs of Writers: Problems of Poetics of the Genre]. Moscow: Megatron.

8. Leyderman, N.L. & Lipovetskiy, M.N. (2010) *Russkaya literatura XX veka (1950–1990-e gody)* [Russian literature of the 20th century (1950-1990s)]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
9. Likhachev, D.S. (1986) *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Research on Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka.
10. Mashinskiy, S.I. (1960) O memuarно-avtobiograficheskom zhanre [On the memoir-autobiographical genre]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 129–145.
11. Nikolina, N.A. (2002) *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow: Flinta: Nauka.
12. Romanova, G. (2001) Avtobiografiya [Autobiography]. In: Gasparov, M.L. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak. pp. 15–17.
13. Khalizev, V.E. (2002) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Ignat'ev, A.A. (ed.) (1950) *Pyat' desyat let v stroyu* [Fifty years in the ranks]. Vols 1–2. Moscow: Gosizdat.
15. Kireev, R. (2008) *Pyat' desyat let v rayu* [Fifty Years in Paradise]. Moscow: Vremya.
16. Gusev, V.I. (1999) *Iskusstvo prozy. Stat'i o glavnom* [Art of Prose. Articles about the main thing]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute.

Информация об авторах:

Богданова О.В. – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. Научно-исследовательского института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Ван Ц. – соискатель кафедры русской литературы филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tianran1987@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Bogdanova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Jiao Wang, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tianran1987@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.02.2021;
одобрена после рецензирования 08.04.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 29.02.2021;
approved after reviewing 08.04.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 94(47)"1894/1917"(093)
doi: 10.17223/19986645/75/14

**Императорская коллекция / Альбом великой княжны
Ольги Константиновны – «королевы эллинов»:
литературный альманах или книга памяти?
(экземпляр цесаревича Николая Александровича)**

Татьяна Александровна Исаченко

*Российская государственная библиотека, Москва, Россия,
isachenko33@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется содержание поэтического альбома «Изо дня в день», подаренного цесаревичу Николаю Александровичу его составительницей, королевой эллинов Ольгой (1851–1926). Уникальность контента определяет присутствие в альбоме автографа королевы, заключающего строфу известного стихотворения К.Р. «Молитва», в момент выхода альбома еще не написанного. Анализируется феномен литературного альманаха, проливающего свет на литературные вкусы правящего дома Романовых, на поэтическую деятельность поэта К.Р. (Константин Романов).

Ключевые слова: королева эллинов Ольга, великий князь Константин Константинович (К.Р.), альманах «Изо дня в день»

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-09-41021 «Императорская коллекция в подносных экземплярах Великих княжон / По материалам российских, зарубежных библиотек и аукционных продаж».

Для цитирования: Исаченко Т.А. Императорская коллекция / Альбом великой княжны Ольги Константиновны – «королевы эллинов»: литературный альманах или книга памяти? (экземпляр цесаревича Николая Александровича) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 276–294. doi: 10.17223/19986645/75/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/75/14

**The imperial collection / Album of Grand Duchess
Olga Konstantinovna, Queen of the Hellenes:
A literary almanac or a book of memory?
(A copy of Tsarevich Nikolai Alexandrovich)**

Tatiana A. Isachenko

Russian State Library, Moscow, Russian Federation, isachenko33@yandex.ru

Abstract. The article discusses the prospects of studying the grand-ducal albums, now stored in the Russian State Library, that once belonged to the Palace libraries, personal collections of people of the House of Romanov, gifts to the closest circle of the Romanovs. At the first stage, the research task is seen in the description of two grand-ducal albums published almost simultaneously, with an interval of a year, in 1885 and 1886, stored in the specialized funds of the Russian State Library. One of them belonged to Grand Duchess-Martyr Anastasia, the entries and autographs made in it date back to 1912–1917. The other album was part of the personal library of Sovereign Emperor Nicholas Alexandrovich and was given to him by its compiler and close relative, the Greek Queen Olga (1851–1926) on his eighteenth birthday. The genre of calendar-almanac came to Russia from Western Europe at the beginning of the 16th century. The genre changed in Russia. It is an independent object of research for historical and philological sciences. The article describes in detail one of the first copies of the calendar-almanac *From Day to Day*, presented by Grand Duchess Olga Konstantinovna to her beloved nephew, Tsarevich Nicholas Alexandrovich in August 1886. The copy is kept in the Russian State Library and is included in the Imperial Collection, based on the sources received from the Imperial House of Romanov. The described source was compiled personally by Queen Olga. The source has not been studied before and is little known to researchers. The article analyzes the complex compositional system of one of the first copies of *From Day to Day* from the personal library of Emperor Nicholas II. The multi-level reading system of the literary almanac allows considering it as a “multi-level artifact” – an important factual source mentioning names, dates, and events. The relevance of understanding the grand-ducal albums is dictated by the commemorations, which include: the 100th anniversary of the Great Exodus, the 170th anniversary of the birth of Queen of the Hellenes Olga Konstantinovna, and the 120th anniversary of the birthday of Grand Duchess Anastasia Nikolaevna (05.06.1901), the royal owner of the same calendar-almanac *From Day to Day* retaining 114 of the autographs of the people from the inner circle of the royal family. The history of the records accompanying each of the eight surviving copies of the 1886 edition of the State Printing House reflects the attitudes of two eras, specific events in different periods of the life of Queen Olga.

Keywords: Olga, Queen of the Hellenes, Konstantin Konstantinovich (K. R.), almanac *From Day to Day*

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-09-41021.

For citation: Isachenko, T.A. (2022) The imperial collection / Album of Grand Duchess Olga Konstantinovna, Queen of the Hellenes: A literary almanac or a book of memory? (A copy of Tsarevich Nikolai Alexandrovich). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 276–294. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/14

Летом 2020 г., в разгар пандемии, на официальном сайте Российской государственной библиотеки была размещена виртуальная выставка «Книги императорского дома Романовых в РГБ и НЭБ» [1], на которой можно было видеть книги, представляющие интерес с точки зрения вкусов и предпочтений царствующей династии. Ранее, на юбилейной выставке, посвященной 400-летию Императорского дома Романовых (май 2013 г.)¹, в витринах выставочного зала были представлены весьма редкие экспонаты, мало известные исследователям памятники книжной культуры. Среди последних выделим два литературных альманаха, изданных с интервалом в год (1885 и 1886) и связанных с именами двоюродных сестер, внучек императора Николая I – светлейшей княжны Евгении Максимилиановны² и великой княжны Ольги Константиновны (с 1867 г. – греческая королева)³. Обе княжны являются составительницами упомянутых антологий, одна из которых, «Дума за думой», была подробно описана нами как альбом младшей дочери Николая II Анастасии⁴. Альманах, изданный под покровительством её императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, был подарен родителями юной княжне в 1912 г. на одиннадцатилетие, и Анастасия использовала книгу разнообразно: учила стихи, рассматривала картинки, играла, раскрашивала, наполняла автографами, по которым сегодня можно проследить круг общения на протяжении нескольких предреволюционных лет – с июня 1912 по ноябрь 1917 г. (всего 114 записей)⁵.

¹ Выставка «Книги из библиотек императорского дома Романовых в фондах Российской государственной библиотеки» проходила с 17 мая по 7 июня 2013 г. [1].

² Евгения Максимилиановна Романовская (1845–1925), герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская (с 1868 г.). В браке с Александром Петровичем Ольденбургским (1844–1932). Их единственный ребёнок вел. кн. Петр (1868–1924), первый супруг вел. кн. Ольги Александровны, сестры государя императора.

³ Великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), Королева Элливов (*Βασίλισσα των Ελλήνων*), внучка императора Николая I (1796–1855) и любимая тетка императора Николая II (1868–1918), супруга греческого короля Георга I.

⁴ Дума за думой: Памятная книга на каждый день. Издана под покровительством Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в пользу Дома милосердия. СПб., 1885. 449 с. (ОР РГБ. Ф.492. № 23) [2–5].

⁵ Светлейшая княжна, герцогиня Ольденбургская Евгения Максимилиановна некоторое время занимала пост председателя Императорского общества поощрения художеств, была президентом Минералогического общества, почётным членом Благотворительного общества призрения интеллигентных тружениц, созданного в 1901 г. для оказания помощи престарелым гувернанткам и учительницам, служившим в частных и общественных учреждениях, почётным членом Общества вспомощения калекам, обучающимся мастерству и ремёслам в Санкт-Петербурге (состоявшего под августейшим

Роскошный «ежедневник» для русской аристократии и представителей правящей династии поражает богатством и красотой оформления. Название, выбранное для издания, отсылает к стихотворению Ф.И. Тютчева «Дума за думой, волна за волной» (1851) и служит аллюзией для эпитафии «Дума за думой, лица за лицами;/ Милые тут имена;/ Книга настольная – жизни страницами, / Памятью сердца полна». Под покровительством принцессы Евгении в оформлении книги участвовали 12 художников, которые смогли создать изысканный и прекрасно иллюстрированный альбом. Среди них были живописцы Александров, Барсукова, Е. Жохова, М. Зволянская, Лаврова, Е. Лысенкова, Морозова, И. Окель, Поляков, Ронненкампф, Редковская, Л. Эндоурова. Орнаментальные рамки будних дней отпечатаны в технике тонолитографии, а праздничных – хромолитографии. На каждой календарной странице помещены отрывки из стихотворений лучших русских поэтов XIX в., объединенные по тематике и настроению, среди них А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, граф А.К. Толстой, А.С. Хомяков, А.Н. Апухтин, А. А. Голенищев-Кутузов и многие другие авторы. По сути, вся русская поэзия первой половины XIX в. представлена на страницах альбома «Дума за думой».

Вторая антология – литературный альманах «Изо дня в день», также исключительно популярный в великосветских кругах конца XIX – начала XX в., является книгой, лично составленной Ее Королевским величеством Ольгой, королевой эллинов. Оба издания, насколько нам известно, подносились составительницами по выбору и по случаю.

Имя королевы Ольги – великой княжны Ольги Константиновны – после октября 1917 г. в России было предано забвению и лишь через столетие возвращено русской истории благодаря разысканиям О.В. Соколовской [6–10] и ее последователей. В немалой степени этому способствовали восстановление Стрельнинского дворца – родового гнезда Константиновичей – и проводимые в его стенах научные конференции [11]¹. Они расширили наши знания о замечательном семействе великого князя Константина Николаевича (1827–1892), разносторонней одаренности его сына Константина и дочери Ольги, их глубокой любви к своему отечеству и замечательном духовном наследии. Благодаря воспоминаниям личного секретаря Ольги Константиновны, морского офицера М.Г. Гаршина (1937) до нас дошло жизнеописание Королевы, сохранившее ее светлый образ [13]. Надеемся, что редкое антикварное издание, составленное королевой Ольгой, дополнит повествование Гаршина новыми характеристиками.

покровительством великой княгини Ольги Александровны) и даже почетным членом Императорского Российского автомобильного общества (ИРАО), организованного в 1903 г. Всесторонняя одаренность Евгении Ольденбургской сказалась в ее активной общественной и творческой деятельности.

¹ Существует фильм «Королева эллинов Ольга Константиновна» (Queen Olga of Hellins; director V. Motsardo), посвященный светлой памяти Королевы Ольги, урожденной великой княгини Ольги Константиновны Романовой [12].

По воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны, младшей сестры Николая II и ее крестницы, Ольга Константиновна, пользовалась всеобщей любовью¹. Заключение в 1867 г. междинастического брака соединило русскую Великую княжну и второго сына короля Дании Кристиана IX². В 16 лет Ольга покинула Россию, продолжая хранить в душе острое чувство любви к своей родине, поэтому круг ее знакомств был неразрывно связан как с Европой, так и с Россией. В Греции молодая королева стала живым воплощением лучших традиций дома Романовых, пользовалась громадным уважением своих подданных: мать семерых детей, она была одновременно матерью всех эллинов, ежечасно являя пример беззаветного служения людям.

В своих мемуарах, опубликованных незадолго до смерти (1960), великая княгиня Ольга Александровна, сообщает о той атмосфере, которая царила в семье с приездами Ольги Константиновны в Россию: «Но самые интересные гости приезжали из Греции. Их называли “греческой компанией”. Компанию эту возглавляла Королева Эллинов Ольга Константиновна, любимая кузина Императора Александра III. Она обычно приезжала к матери, у которой в Стрельне был загородный дворец, но некоторые из ее сыновей ехали в Александрию, где их присутствие способствовало веселому летнему препровождению... Тетя Ольга походила на святую, и ее безмятежность и спокойствие благотворно действовали на нас. Она привозила с собой множество изысканных греческих вышивок с целью продать их в России и вырученные деньги употребить на благотворительные нужды в Греции. Ее энтузиазм был заразителен, хотя, боюсь, лишь из очень немногих ее начинаний выходило что-то путное» [14. С. 45].

Ольга Александровна вспоминает также, что именно в Петергофе завязалась тесная дружба между цесаревичем Николаем Александровичем и вторым сыном королевы эллинов Ольги греческим принцем Георгом (“Джорджи” греческим) [14. С. 45], который спас жизнь русскому наследнику в 1890 году во время визита в Японию.

Мы специально остановились на данном ответвлении нашей темы, поскольку из последующего изложения станет очевидна связь, существующая между той записью, которую оставила в альбоме будущего императора Ольга Константиновна, и частым пребыванием ее в России.

Отец греческой королевы – великий князь Константин Николаевич – был наречен византийским именем, которое для императора Николая I имело особое геополитическое значение. Правнук Екатерины Великой унаследовал имя, ранее небывалое в династии Романовых, впервые данное

¹ Королева Ольга до сих пор почитается в Греции, где на ее могиле в королевской резиденции (Татое, 27 км от Афин), установлен памятник. Несколько памятников установлено в Афинах. Именем королевы названы улицы и площади Греции.

² В 17-летнем возрасте 30 марта 1863 г. датский принц Христиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский был избран на греческий престол, а в 1867 г. вступил в брак с великой княжной Ольгой.

императрицей своему второму внуку в честь византийского императора и в дальнейшем передававшееся каждому поколению. Константинами были наречены брат королевы Ольги и ее племянник¹, а также сын-первенец самой Ольги (в семейной традиции – Тино), будущий король Греции². «Так великая царица облекала в греческие одежды свои внешнеполитические замыслы», – пишет В.Н. Виноградов [15]. В дневнике великого князя Константина (1858–1915), младшего брата Ольги Константиновны, можно найти запись: «Мои именины – у нас тройной праздник: именинники в трех поколениях: отец, сын, внук» (на день 21 мая 1879 г.)³. Вспоминается стихотворение князя императорской крови Олега Константиновича, племянника королевы Ольги, погибшего в 1914 г. под Вильно:

Остатки грозной Византии,
Постройки древних христиан,
Где пали гордые витии,
Где мудрый жил Юстиниан –
Вы здесь, свидетели былого,
Стоите в грозной тишине
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стене...
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвем у врагов,
И пусть царьградские христиане,
Разбив языческих богов,
Поднимут Крест Святой Софии,
И слава древней Византии
Да устрасит еретиков [17. С. 480].

Все сказанное важно учитывать при анализе текстов, выведших из-под пера королевы Ольги, временами соединенными с текстами ее брата Константина Константиновича (К.Р.).

Составленный греческой королевой Ольгой альманах имеет на титульном листе личную монограмму в виде перекрещенных букв ее имени «О» и «К», но о том, что составительницей его была сама великая княжна, мы узнаем случайно, из редкой записи малоизвестного экземпляра одной из недавних аукционных продаж, где на сохранившейся наклейке присутствует помета: «139 книга, составленная королевой Ольгой Константиновной» [18]. Из этой пометы следует, что тираж издания был, видимо, небольшим, поскольку запись сделана в 1926 г.

¹ Великий князь Константин Константинович старший (1858–1915), кадровый военный (генерал-адъютант, 1901; генерал от инфантерии, 1907), генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1889), поэт, переводчик, драматург, писавший под псевдонимом К. Р. Князь Константин Константинович младший (1890–1918), племянник королевы Ольги, принял мученическую кончину в шахте Алапаевска.

² Константин I (1868–1923), король эллинов в 1913–1917 и 1920–1922 гг.

³ Празднование памяти св. Константина и Елены (21.05 ст. ст. / 03.06 н.ст.) [16. С. 86].

«Изо дня в день» вобрала в себя извлечения почти из всех произведений Лермонтова, и «Ольгин альбом» в каком-то смысле можно было бы назвать «лермонтовской энциклопедией», поскольку на каждой его странице приведена цитата из произведений поэта – всего их 365, по числу дней в году¹. Тексты заполняют страницы, расположенные в последовательности годового круга, по месяцам и дням. Этот минейный принцип сочетается с особенностями литературного альманаха, дополненного «входящими» записями, которые вносились в разное время разными лицами. «На выходе» мы имеем несколько уровней прочтения, выстроенного по годовому кругу источника, в котором пересекаются имена, даты и события.

Книга «Изо дня в день» по-своему изысканна, она предназначена для подарка высокопоставленному лицу, правда, лишена того роскошного оформления, которое присуще альманаху «Дума за думой», вышедшему годом ранее. Скромное оформление лермонтовского сборника вполне отражает натуру Ольги Константиновны, свидетельствуя о ее вкусе и предпочтениях: цветом выделены лишь воскресные и праздничные дни. Можно допустить, что книга издавалась на личные средства королевы [19].

Как мы отмечали ранее, говоря об альбоме, принадлежавшем великой княжне Анастасии, строки поэзии XIX в. «накладываются» на личности венценосных особ, и решающая роль здесь отведена календарю – дням именин, рождений, свадеб и проч. Страница 27 июля² украшена присутствием текста Ф.И. Тютчева, посвященного императрице Марии Александровне: («Какъ неразгаданная тайна, Живая прелесть дышетъ въ ней / Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ На тихій свѣтъ ея очей. / Земное ль въ ней очарованье / Иль неземная благодать? Душа хотѣла бь ей молиться / А сердце рвется обожать...», 3 ноября 1864 г.), на день рождения императора Александра III помещены четверостишия Вяземского и Хомякова: <...> Народная любовь – сокровище Царей (П.А. Вяземский. 16 апреля 1866 г. [20. С. 254–256] <...> Наша сила, Русский крест! (А.С. Хомяков. «На перенесение Наполеонова праха»», 1840).

Тот же принцип наблюдаем в альманахе «Изо дня в день». На день 22 мая (смерть императрицы Марии Александровны), в подборке «извлечений» из Лермонтова читаем: «Душа прекрасная ее /, Приняв другое бытие / Теперь парит в стране святой»³.

На день рождения Александра III (26.02.1845) в альбом «Изо дня в день» княжной Ольгой включены следующие лермонтовские строки:

Мы повинемся покорно
И верим нашему царю!

¹ Издание не является собранием произведений многих авторов, оно включает лишь произведения М.Ю. Лермонтова.

² День рождения императрицы Марии Александровны – 27 июля 1824 г.

³ М.Ю. Лермонтов. Боярин Орша (1835–1836; год опубликования – 1842, посмертно).

И будем все стоять упорно
За честь его, как за свою¹.

«Отношение Ольги к Императору Александру III с годами все более походило на обожание, которое разделяли многие из приближенных», – пишет в одной из своих статей О.В. Соколовская [8. С. 438]. Впоследствии связи еще более упрочились, когда брат Александра III, великий князь Павел Александрович стал зятем Ольги Константиновны, женившись на ее дочери, принцессе Александре Георгиевне (1870–1891), а после гибели последней их дети, Мария и Дмитрий, стали воспитываться в семье великого князя Сергея Александровича.

Следует сказать, что альманах 1886 г. несет яркий отпечаток личных литературных и художественных предпочтений эпохи. Поэзия Лермонтова – не только увлечение самой королевы Ольги, но и близких ей лиц, включая брата Сашу, Императора Александра III, и брата Костю, великого князя Константина Константиновича. Чувства, которые пережил в двадцатилетнем возрасте великий князь Александр Николаевич, совпали с настроениями души юного Лермонтова, а полные горькой безысходности стихи поэта отразили эти страдания. Любовь цесаревича к княжне Марии Мещерской («итальянке») в 1861–1866 гг., подлунные беседы с которой на возвышенные темы напоминают нам «богословскую переписку», сопровождавшую период сватовства его сына, цесаревича Николая Александровича, к гессенской принцессе Алисе, – это история возвышенной любви, в плену которой оказалась душа юного Цесаревича Александра. Она запечатлена на страницах его дневника, а увлечение поэзией Лермонтова отразило этот душевный надлом.

Родственные узы и взаимная симпатия между Ольгой, принцессой Дагмар («Минни»), будущая императрица Мария Феодоровна) и кузенем Сашей (будущий император Александром III) со временем переросли в очень крепкую дружбу и сердечные отношения, которые распространились на всю императорскую семью². Эти чувства достаточно полно отражены в эпистолярном наследии королевы [8. С. 434–449].

Рождение королевского первенца, принца Константина Георгиевича (Тино), совпало по времени с рождением наследника российского престола, первого сына Александра III и Марии Феодоровны Николая. В мае 1868 г. семнадцатилетняя Ольга Константиновна направила императору Александру III поздравительное письмо по случаю рождения их первенца:

Мой милый Саша!

От всей души поздравляю тебя с сынком! Не могу выразить, как мы счастливы за вас и как ты благодаришь Бога, что все благополучно и хорошо кончилось с душкой моей Мини! Твоя депеша нас очень трону-

¹ Михаил Лермонтов. Опять, народные витии (1835) [21. С. 360–361].

² До нашего времени дошла милая фотографии, на которой королева Ольга и императрица Мария позируют в одинаковых платьях «в горошек».

ла, в которой ты нам желаешь тоже счастья! Пишу тебе, потому что я думаю, что еще слишком рано писать Мини, она, должно быть, не смеет ни читать, ни говорить!

Прощай, милый Саша, обними душку твою жену и сына, от незнакомой «тети» (как важно!). Willy кланяется.

Не забывай искренне любящую тебя Ольгу!

Кифиссия, 14 (26) мая 1868 [22].

Удивительное совпадение, заключающееся в появлении на свет почти одновременно двух наследников родственных по духу и крови монархов, связанных вековыми традициями держав – греческого королевского и русского царского домов, определило, вероятно, то чувство, которое не покидало королеву Ольгу всю ее жизнь, чувство материнской любви к племяннику цесаревичу. Это обстоятельство необходимо, как нам представляется, учитывать, вчитываясь в строки памятной записи, сделанной в альбоме, поднесенном Ольгой цесаревичу на восемнадцатилетие.

Экземпляр альманаха «Изо дня в день», представленный на выставке 2013 г. в РГБ, на обороте переплета имеет знак с изображением вензеля «НА» под императорской короной (синяя глянцева печатка на тонкой белой бумаге) – экслибрис «Собственной Его Императорского Величества библиотеки в Зимнем дворце», указывающий на то, что перед нами – личный экземпляр цесаревича Николая Александровича с дарственной королевы на титульном листе: «Почаще открывай, меня не забывай!». Помимо этого пожелания на день 22 августа рукой королевы Ольги вписана строфа из «Молитвы» К.Р.

В составленной Ольгой Константиновной литературной антологии на день 6 (18 мая нов. ст.) помещены строки Лермонтова из стихотворения «Ребенка милого рожденье» (1839): Да будет с ним благословенье / Всех ангелов небесных и земных!». Текст отпечатан, как другие произведения поэта, в виде выбранной составительницей строфы и не является автографом, однако его присутствие на календарной странице 6 мая сигнализирует заданное посвящение. Вот это лермонтовское стихотворение:

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
*Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!*
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в праве тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока,
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрёка,
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины,
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим! [21. С. 409].

Страница 6 мая в «Ольгином альбоме» как бы отдана наследнику, цесаревичу Николаю Александровичу, и лермонтовская строфа подчеркивает это обстоятельство, указывая на то, что альбом начал составляться королевой не ранее 1868 г., когда Ольге исполнилось 17 лет.

Если проследить за наполнением альманаха текстами, которые так или иначе несут двойной смысл, связывая поэзию с именами, персоналиями и датами, то, зная дни рождения, именин, обручений, кончин и т.д., можно угадать имена тех, кому королевой Ольгой предназначены лермонтовские строфы. Так, на день рождения великого князя Константина (10 августа 1858 г.) в «Ольгином альбоме» читается текст:

Я буду петь, пока поется,
Пока волненья позабыл,
Пока высоким сердце бьется,
Пока я жизнь не пережил...

Хорошо известен тот факт, что между братом и сестрой на протяжении всей жизни существовало «взаимное притяжение». Особая доверительность, именуемая на языке Церкви единомыслием, способствовала дружбе на протяжении многих лет. Ольга Константиновна, будучи старше Константина, «опекала» брата, обращала внимание на его духовный мир, способствуя формированию личности князя Константина. В одном из ранних писем княжна признавалась: «Я люблю, чтобы ты рассуждал в письмах, таким образом я знакоюсь с твоими мыслями и чувствами, одним словом с тобою...» [23]; «Дай Бог тебе иметь всегда внутренний мир, который происходит от непоколебимой веры в Бога, от живой совести и от сознания исполненного долга» [24]. Ольге принадлежит выдающаяся роль в становлении личности и формировании взглядов Константина Константиновича, подобно той, какую играла в становлении личностей его кузенов, великих князей Сергея Александровича и Александра Александровича (будущего императора) императрица Мария Александровна [25].

Далее мы подробно остановимся на совместном посвящении, которое брат и сестра Константиновичи оставили в альбоме юного племянника, цесаревича Николая Александровича летом 1886 г.

По мере того как дети подрастали¹, королева каждый год посещала Россию, проводя на родине по несколько месяцев. В июле 1886 г., как обычно, Ольга Константиновна, готовилась отметить день своей небесной покровительницы, св. равноап. княгини Ольги (11 июля по ст.ст.), 10 августа – день рождения брата Константина, а 22 августа семья отмечала день рождения самой Ольги. Думается, что именно к тридцатипятилетию королевы был выпущен альбом «Изо дня в день», один из первых экземпляров которого

¹ Годы появления на свет детей у королевской четы: 1868 г. – Константин, 1869 г. – Георг, 1870 г. – Александр, 1872 – Николай, 1876 – Мария, 1880 – Ольга, 1882–Андрей, 1888 – Христофор.

был поднесен юному цесаревичу Николаю Александровичу 23 августа. На странице с датой 22 августа (в дальнейшем обычай вносить пожелание одариваемому лицу на *свой* день будет продолжен) «тетя Ольга» сделала запись, которая сегодня воспринимается как текст промыслительный: «Всех, которых пришел искупить Ты Своею Пречистою Кровью, / Бескорыстной, великой любовью / Научи меня, Боже, любить!». Под стихотворными строками дата: «Петергоф. 23 авг. 1886 г. Ольга», а сбоку помета: «К.Р.».

На дату своего рождения королева Ольга вписала в альбом цесаревича заключительную строфу знаменитого текста, выражающего то религиозное чувство, которое слышится в строках великопостной молитвы Ефрема Сирина («Господи и Владыка живота моего»), в молитве св. Симеона Нового Богослова («Даждь ми дерзновенно глаголати, яже хочу, Христе мой, паче же и научи мя, что ми подобает творити и глаголати») просьбу любви и смирения – собственно, все то, что продемонстрировал всей своею земной жизнью и мученической кончиной последний император России.

Позже, когда стихотворение «Молитва» К.Р. было опубликовано (1889), эпитет *великой* был заменен на *глубокой*. Датой создания текста в литературоведении считается день 4 сентября 1886 г., поскольку в дневниках поэта этим числом документировано его окончание: «4 сентября, днем. Среда. 3. Сегодня я окончил еще два стихотворения: “Благословляй меня” и “Научи меня, Боже, любить”, уже давно начатые, с которыми я никак не мог сладить. Я чувствую себя в надлежащем настроении, чтобы писать стихи, и это меня удивляет: обыкновенно я в эту пору, т. е. осенью, переставал писать, а теперь только начинаю» [7. С. 112].

Молитва

Научи меня, Боже, любить,
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!¹

Мы склонны полагать, что дневниковые записи отражают внутреннее напряжение в период создания стихотворения. Можно предположить, что именно с этой завершающей строфы начинался замысел стихотворения.

¹ Сборник с публикацией текста, написанного в августе – сентябре 1886 г., выйдет в свет лишь спустя четыре года, в 1889 г. [26. С. 11].

Дружба К.Р. и его сестры Ольги продолжалась всю жизнь, ее подпитывали общность взглядов, традиционализм и устой большой семьи Константиновичей. Оба были преемниками так называемой «Великой идеи», завещанной им дедом. Идея византизма владела их душами, соединение двух христианских народов в некогда существовавшей величественной Империи. Заключительные строфы поэмы «Севастиан-мученик», одного из самых значительных произведений К.Р., прямо провозглашают эту идею:

XXII

Верю я! Уж время недалеко:
Зла и лжи с земли сбегает тень,
Небеса зарделися с востока,
Близок, близок правды яркий день!
Уж вдали стекаются дружины,
Юный вождь свою собирает рать,
И ничем его полет орлиный
Вы не можете сдержать.

XXIII

Константин – тот вождь непобедимый!
Он восстанет Божиим посланцем,
Он восстанет, Промыслом хранимый,
Укрепленный Господом Христом.
Вижу я: в руке его державной
Стяг, крестом увенчанный, горит,
И богов он ваших в битве славной
Этим стягом победит.

XXIV

Тьму неправды властно расторгая,
Словно солнце пламенной зарей,
Засияют истина святая
И любовь над грешною землей.
И тогда, в день радости и мира,
Оселятся знаменьем креста
И воспрянут все народы мира,
Славя Господа Христа!

Известное посвящение к этой поэме адресовано сестре, в нем присутствуют слова: «Ты мне внушила эти строки, / Они тобой вдохновлены»¹.

Королеве Эллинов Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;

¹ Посвящение сестре (*Королеве Эллинов Ольге Константиновне*. Павловск. 22 августа 1887 г.).

О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пусть же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь занает больно
Тоской по нашей стороне,
Пусть же тогда они неволью
Тебе напомнят обо мне.
И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может,
И чья душа полна тобой¹.

В связи с последним легко допустить, что королева Ольга была вдохновительницей К.Р. в написании им «Молитвы», заключительная строфа которой присутствует в альбоме цесаревича.

В дневниках великого князя Константина Константиновича присутствует еще несколько записей, относящихся к июлю 1886 г.: «Из Государственной типографии прислали два первых экземпляра моих стихотворений. Всю тысячу пришлют на днях». Эта запись сделана на день 26 июля в дневнике за 1886 г. Счастливая привычка документировать события позволяет указать дату выхода сборника стихов 1879–1885 гг. из печати [27]. Естественно предположить, что и тираж «Ольгиного альманаха» появился в конце июля.

Увлечение образованной молодежи середины – последней трети XIX в. поэзией Лермонтова, по-видимому, общее явление. Суровая муза поэта стала неизменной спутницей юных сердец – страдающих, одиноких, ищущих. Сборник Лермонтова, как известно, стоял и на письменном столике великого князя Константина.

«Лагерь. 23 августа, утром. Мыза Смерди.

Мой письменный столик стоит на том же месте, как в прошлом году; на нем в порядке расставлены вещи, которые я всюду вожу с собою; некоторые другие я нынче тоже взял с собою. Налево четыре книжки: стихотворения Лермонтова, Пушкина, «Жемчужины русской поэзии» и «Новый завет» [16. С. 108].

При участии Константина Константиновича, возглавлявшего Императорскую Академию наук, в 1912 г. в пользу государства был приобретен Домик Лермонтова в Пятигорске, предназначенный для устройства музея. О любви к поэту свидетельствуют дневниковые записи К.Р. [16. С. 15].

¹ Из цикла «Севастиан-мученик». Дата создания: 22 августа 1887 г. Первая публ.: [27].

Существует еще одна дарственная запись королевы в малоизвестном и детально не изученном пока экземпляре «Ольгиного альбома»¹, она сделана 27 июля того же 1886 г., т.е. ранее дня рождения Ольги Константиновны. Запись адресована брату: «Глубоко благодарная и любящая сестра Ольга. Петергоф 27 июля 1886». Автограф присутствует, как всегда, на странице 22 августа, полагаем, что перед нами – первый экземпляр тиража, поднесенный либо первому лицу, императору Александру III, брату Саше, либо, что требует дополнительной проверки, с учетом записей камер-фурьерских журналов, любимому брату Косте. Альбомы «Изо дня в день», подаренные Ольгой Константиновной разным лицам (включая последний ее 139-й экземпляр, поднесенный во Флоренции семейству Струковых в январе 1926 г.²), представляют для исследователей русской культуры уникальный объект, побуждающий к поискам и открытиям.

Вернемся, однако, к июлю 1886 г. Еще одна дневниковая запись великого князя Константина датируется 23 июля:

Среда. 23.

Мы с Олей сошлись в одном и том же впечатлении, нам обоим трудно было сознаться в нем вслух, и это произошло как-то случайно. Мы надеялись, что Тино ко дню совершеннолетия или в именины Императрицы получит Андреевский орден. Наш Цесаревич получил орден Спасителя из рук Оли в день своей присяги. Следовало бы и нам отплатить тем же; это произвело бы хорошее впечатление в Греции. Мы с Олей так дрожим над хорошими отношениями между Россией и Грецией. – Но всего этого не случилось, и нам это тем более грустно, что мы так горячо любим Государя и нам досадно, что он забывает о таких политических любезностях [7. С. 107].

В этой записи – свидетельство соединения двух важных событий 1886 г., совершеннолетия двух племянников, наследников греческого и российского престолов: королевича Константина и цесаревича Николая. Важно отметить, что в сознании великого князя Константина Константиновича эти события соединяются, перерастая рамки семейного праздника и приобретая масштаб вселенского единения на уровне междинастических связей. В своем дневнике князь упоминает о присяге цесаревича (май

¹ Экземпляр одной из российских аукционных продаж. Аукцион «В Никитском» (№ 12. Лот № 198, 2013 г.) «Шедевры русского книгопечатания и переплетного дела; редкие книги и автографы из частной коллекции». URL: <http://vnikitskom.ru/lot/?auction=12&lot=198> (15.07.2020).

² Упомянутый экземпляр принадлежал любимой фрейлине великой княгини Елисаветы Феодоровны Китги Козляниновой (в замужестве Екатерина Николаевна Струкова), он содержит дарственную на титуле, помеченную январем 1926 г., и помету Н.В. Струкова на наклейке форзаца: «139 книга, составленная королевой Ольгой Константиновн.», записи лиц ближайшего окружения великой княгини [18].

1884 г.)¹ в связи с вручением ему королевой Ольгой ордена Спасителя – высшей награды Греческой Республики². Комментируя это событие, великий князь выражает сожаление о невнимании к «политическим любезностям» в виде ответных шагов, способных послужить упрочению отношений между странами-союзницами, главы которых спаяны не только историческими, но и родственными узами. Эта упущенная возможность (в контексте «Великой идеи») углубления известного вектора внешней политики вызывает у князя Константина недоумение.

Альбом Ольги Константиновны, если обратить внимание на даты дарений известных нам экземпляров, связывает две эпохи. Первые экземпляры относятся к начальному, очень счастливому для королевы периоду жизни. Альбомы, отмеченные датами 1903, 1909, 1926 гг., включают записи до- и послереволюционных лет и представляют большой интерес как исторические источники. После убийства короля Георга (1913) королева Ольга покинула Грецию и вернулась на родину, где продолжала заниматься благотворительностью, была попечительницей возводимого на Псковщине храма в честь тезоименитой ей святой покровительницы, равноап. кн. Ольги. С началом войны королева занималась устройством госпиталей. Летом 1914 г. Ольга Константиновна поспешно выехала в Петербург, где подобно многим благотворителям России окунулась в дела, связанные с помощью фронту. После кончины брата (1915), в память о нем, в Павловке был открыт Лазарет для раненых им. вел. кн. Константина Константиновича. С момента своего приезда в Россию Ольга Константиновна сначала жила в Мраморном дворце, а позже – у брата, Дмитрия Константиновича на Песочной набережной. Здесь она встретила революцию, аресты и казни близких и родных, пережила расстрел императорской семьи.

В конце июля 1917 г. королева Ольга сумела добиться разрешения Временного правительства на прощание с царской семьей, отправлявшейся в ссылку. Она была в числе немногих, сумевших проститься с ними в овальном зале Александровского дворца. Спустя две недели после этого «прощания навсегда» Ольга сделала в дневнике известную запись: «Все это пройдет, как проходили и другие такие же испытания, и Россия выйдет из них возрожденной и закаленной. И кто знает, может быть, Господь помилует нашу родную землю из-за нескольких праведников, которых мы не знаем, а Он знает...» (12 августа 1917 г.) [13. С. 20–21; 7. С. 198].

Горячо любя Россию, великая княгиня Ольга пронесла через всю свою жизнь ощущение неразрывной связи с родиной, высокое понимание своего предназначения, глубокую религиозность и, как следствие, – жертвенность и милосердие. Эти прекрасные черты полностью отражены в текстах со-

¹ Гражданскую и воинскую присягу цесаревичи приносили в шестнадцатилетнем возрасте. «Это было очень значимое событие и в жизни присягавшего, и в жизни его родителей, и в жизни Императорского двора» [28. С. 105].

² Орден был учрежден 20 мая 1833 г. «в напоминание об освобождении Греции Божьей милостью».

ставленного ею альбома, где цитируемые на память строчки стихов, записанные рукой Ольги Константиновны, свидетельствуют о ее тонком вкусе, начитанности и великолепном образовании.

Существует мнение, высказанное английской исследовательницей Хелен Раппопорт, что «семья Романовых, как единое целое, вместе стремились превзойти силы неверия, которые разрушали Россию [29. Р. 165–167]. Изучая памятные записи и поступки королевы эллинов Ольги, русской великой княжны Ольги Константиновны, мы с благодарностью чтим ее память, 95-й год со дня ее кончины (18.06 1926), отмечая в своих сердцах также 170-й день ее рождения, 22 августа (4 сентября по нов. ст.).

Список источников

1. Национальная электронная библиотека. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/knigi-imperatorskogo-doma-romanovyh-v-rgb-i-neb> (дата обращения: 28.08.2020).
2. Исаченко Т.А. Редкие рукописи Царской семьи и великой княгини Елисаветы Федоровны в собрании Дворцовых библиотек Российской государственной библиотеки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 45–80.
3. Исаченко Т.А. Неизвестный альбом великой княжны Анастасии. 1912–1917 гг. // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 61–81.
4. Исаченко Т.А. Альбом-календарь Анастасии как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения памятных записей // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 34–50.
5. Исаченко Т.А. Личный альбом великой княжны Анастасии Николаевны: поэтическая антология или книга памяти? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 245–267.
6. Соколовская О.В. Греция в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг. М. : Наука, 1990. 207 с.
7. Соколовская О.В. Греческая королева Ольга – «Под молотом судьбы». М. : Ин-т славяноведения РАН, 2011. 212 с.
8. Соколовская О.В. Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг. : к 100-летию присоединения Крита к Греции. М. : ИСА РАН, 2013. 408 с.
9. Соколовская О.В. Письма греческой королевы Ольги к императору Александру III // Славянский альманах. 2013. С. 434–449. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisma-grecheskoy-korolevy-olgi-k-imperatoru-aleksandru-iii> (дата обращения: 20.07.2020).
10. Соколовская О.В. Русские моряки в Греции (1867–1913 гг.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2018. 459 с.
11. Россия и Европа: междинастические браки и их роль в истории : материалы научно-практической конференции, 21–22 ноября 2019 г. Гатчина : СП ГБУК «Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина», 2019.
12. Видеозапись / автор идеи и режиссер-постановщик В. Моцардо; сценарий Т. Уманская, В. Моцардо ; закадровый текст читают П. Конышев [и др.]. [Б.м.] : Слава, 2006. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=14902376824446626115&text=%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0%20> (дата обращения: 28.08.2020).
13. Гаршин М.Ю. Королева Эллинов Ольга Константиновна. Прага, 1927; [Нью-Йорк : б. и.], 195. 56 с.; Афины : KMG (Кесидис медиа груп), 2011. 60 с.
14. Мемуары великой княгини Ольги Александровны, продиктованные Великой княгиней г-ну Йену Ворресу незадолго до ее кончины 24 ноября 1960 года. Ольга Александровна: мемуары / [Запись И. Ворреса]. М. : Захаров, 2003. 271 с.

15. *Виноградов В. Н.* Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 4. 2001. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VINOCAT>. НТМ (дата обращения: 15.07.2020).
16. *Константин Константинович, великий князь: Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма* / К. Р. Вел. кн. Константин Романов ; подгот. Э. Матониной. М. : Искусство, 1998. 492 с.
17. *К. Р.* Времена года: избранное / вступ. ст., сост., коммент. А.Б. Муратова. СПб. : Северо-Запад, 1994. 515 с.
18. *Исаченко Т.А.* Альманах Королевы Ольги с автографами Белой эмиграции на аукционе в Монако 2018 г. // Вестник славянских культур. 2021 (в печати).
19. *Изо дня* в день: извлечение из сочинений Лермонтова на каждый день года / [О[льга] К[онстантиновна]]. [Санкт-Петербург], 1886. 397 с.
20. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений : в 12 т. Т. 11, ч. 3: Стихотворения. 1853–1862 г. СПб., 1887. 463 с.
21. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1: Стихотворения 1828–1841 гг. / [подгот. текста, коммент. Т.П. Головановой]. Л. : Наука, 1979. 655 с.
22. *ГАРФ.* Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–6. [На бумаге с монограммой]¹.
23. *ГАРФ.* Ф. 660. Оп. 2. Д. 204. Л. 20 об.²
24. *ГАРФ.* Ф. 660. Оп. 2. Д. 203. Л. 32 об.³
25. *Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы* / [сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.В. Плотнокова]. М. : Новоспас. монастырь, 2006. Кн. 5: 1895–1899. 2018. 751 с.
26. *Константин Константинович, великий князь.* Новые стихотворения К. Р. (1886–1888). СПб., 1889. 167 с.
27. *Константин Константинович; великий князь.* Стихотворения. СПб., 1886. 223+V с.
28. *Зимин И.В.* Царская работа. XIX – начало XX в. : Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М. : Центрполиграф; СПб. : Русская тройка-СПб, 2011. 638 с.
29. *Rappaport H.* Conspirator: Lenin in exile: [the making of a revolutionary]. London : Windmill books, 2010. 373 с.

References

1. Natsional'naya elektronnyaya biblioteka [National Electronic Library]. (2020) *Knigi imperatorskogo doma Romanovykh v RGB i NEB* [Books of the Imperial House of Romanov in the Russian State Library and National Electronic Library]. [Online] Available from: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/knigi-imperatorskogo-doma-romanovykh-v-rgb-i-neb> (Accessed: 28.08.2020).
2. Isachenko, T.A. (2018) Rare Manuscripts of Members of the Romanov Family in the Collection of the Palace Libraries of the Russian State Library. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii – Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2 (22). pp. 45–80. (In Russian).
3. Isachenko, T.A. (2018) The unknown album of Grand Duchess Anastasia. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 3. pp. 61–81. (In Russian).
4. Isachenko, T.A. (2018) Memorable recordings as megatext: experience of a multilevel reading album-calendar of Grand Duchess Anastasia. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 4. pp. 34–50. (In Russian).

¹ Оpubл.: [13. С. 439].

² Оpubл.: [13. С. 52].

³ Оpubл.: [13. С. 52].

5. Isachenko, T.A. (2020) The personal album of Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: a poetic anthology or a memoir book? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 245–267. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/13
6. Sokolovskaya, O.V. (1990) *Gretsiya v gody pervoy mirovoy voyny, 1914–1918 gg.* [Greece during the WWI, 1914–1918]. Moscow: Nauka.
7. Sokolovskaya, O.V. (2011) *Grecheskaya koroleva Ol'ga – “Pod molotom sud'by”* [Greek Queen Olga – “Under the hammer of fate”]. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS.
8. Sokolovskaya, O.V. (2013) *Velikiy ostrov Sredizemnomor'ya, Gretsiya i mirovorcheskaya Evropa. 1897–1909 gg.: k 100-letiyu prisoedineniya Krita k Gretsii* [The great island of the Mediterranean, Greece and peacekeeping Europe. 1897–1909: to the 100th anniversary of the accession of Crete to Greece]. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS.
9. Sokolovskaya, O.V. (2013) Letters by Greek Queen Olga to Emperor Alexander III (1866–1884). *Slavyanskiy al'manakh*. pp. 434–449. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisma-grecheskoy-korolevy-olgi-k-imperatoru-aleksandru-iii> (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).
10. Sokolovskaya, O.V. (2018) *Russkie moryaki v Gretsii (1867–1913 gg.)* [Russian sailors in Greece (1867–1913)]. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS.
11. *Rossiya i Evropa: mezhdinasticheskie braki i ikh rol' v istorii* [Russia and Europe: Dynastic marriages and their role in history]. (2019) Proceedings of the International Conference. Gatchina. 21–22 November 2019. Gatchina: SP GBUK “Gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy dvortsovo-parkovyy muzey-zapovednik “Gatchina”.
12. Motsardo, V. & Umanskaya, T. (2006) *Posvyashchaetsya svetloy pamyati korolevy ellinov, urozhdennoy Velikoy Knyagini Ol'gi Konstantinovny Romanovoy* [To the memory of the Queen of the Hellenes, nee Grand Duchess Olga Konstantinovna Romanova]. [Online Video]. Available from: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=14902376824446626115&text=%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0%20> (Accessed: 28.08.2020).
13. Garshin, M.Yu. (1927) *Koroleva Ellinov Ol'ga Konstantinovna* [Olga Konstantinovna, the Queen of the Hellenes]. Prague: [s.n.].
14. Vorres, I. (2003) *Memuary Velikoy Knyagini Ol'gi Aleksandrovny* [Memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna]. Translated from English. Moscow: Zakharov.
15. Vinogradov, V.N. (2001) *Diplomatiya Ekateriny Velikoy* [Diplomacy of Catherine the Great]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2001. 4. [Online] Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VINOCAT.HTM> (Accessed: 15.07.2020).
16. Matonina, E. (ed.) (1998) *Konstantin Konstantinovich, velikiy knyaz'. Dnevnik. Vospominaniya. Stikhi. Pis'ma* [Konstantin Konstantinovich, Grand Duke Diaries. Memories. Poems. Letters]. Moscow: Iskusstvo.
17. Muratov, A.B. (ed.) (1994) *K. R. Vremena goda: Izbrannoe* [K.R. Seasons: Selected works]. Saint Petersburg: Severo-Zapad.
18. Isachenko, T.A. (2021) Al'manakh Korolevy Ol'gi s avtografami Beloy emigratsii na auktsione v Monako 2018 g. [Almanac of Queen Olga with autographs of the White emigration at an auction in Monaco 2018]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. (In print).
19. Olga Konstantinovna of Russia. (1886) *Izo dnya v den': izvlechenie iz sochineniy Lermontova na kazhdyy den' goda* [From day to day: an extract from Lermontov's works for every day of the year]. Saint Petersburg: v Gosudarstvennoy tipografii.
20. Vyazemskiy, P.A. (1887) *Polnoe sobranie sochineniy knyazya P.A. Vyazemskogo* [Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky]. Vol. 11. Pt. 3. Saint Petersburg: Izd-e grafa S.D. Sheremeteva.

21. Lermontov, M.Yu. (1979) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 677. List 1. File 936. Pages 3–6. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 660. List 2. File 204. Page 20. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 660. List 2. File 203. Page 32. (In Russian).
25. Plotnikova, I.V. (ed.) (2018) *Velikiy Knyaz' Sergey Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy* [Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov: biographical materials]. Vol. 5. Moscow: Novospasskiy monastyr'.
26. Grand Duke Konstantin Konstantinovich of Russia. (1889) *Novye stikhotvoreniya K. R. (1886–1888)* [New Poems by K.R. (1886–1888)]. Saint Petersburg: [s.n.].
27. Grand Duke Konstantin Konstantinovich of Russia. (1886) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg: [s.n.].
28. Zimin, I.V. (2011) *Tsarskaya rabota. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo Imperatorskogo dvora* [Royal work. 19th – early 20th centuries Daily life of the Russian Imperial Court]. Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: Russkaya troika-SPb.
29. Rappaport, H. (2010) *Conspirator: Lenin in exile: [the making of a revolutionary]*. London: Windmill books.

Информация об авторе:

Исаченко Т.А. – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. сектора изучения особо ценных фондов Центра исследования проблем развития библиотек (ЦИПР) ФГБУ «Российская государственная библиотека» (Москва, Россия). E-mail: isachenko33@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Isachenko, Dr. Sci. (Philology), chief researcher, Russian State Library (Moscow, Russian Federation). E-mail: isachenko33@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2020;
одобрена после рецензирования 15.08.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 12.12.2020;
approved after reviewing 15.08.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 82-1/-9
doi: 10.17223/19986645/75/15

«Шекспировский текст» в российском детективе начала XXI в.

Галина Григорьевна Ишимбаева

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, galgrig7@list.ru

Аннотация. Исследуются способы актуализации «шекспировского текста» в российском детективе начала XX в. Доказывается, что контактная и необходимая связь романов В. Леман, А. Чиж и Н. Александровой с Шекспиром и его творчеством основана на конвергентном и дивергентном отношениях к важнейшим смысло- и структурообразующим единицам «шекспировского текста», повлиявшего на их жанровую и поэтологическую природу. Они приобрели качества филологической прозы, опробовав устойчивую модель детективной наррации в интертекстуальном поле Великого Барда.

Ключевые слова: Шекспир, шекспировский текст, детектив, формульная литература, В. Леман, А. Чиж, Н. Александрова

Для цитирования: Ишимбаева Г.Г. «Шекспировский текст» в российском детективе начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 295–306. doi: 10.17223/19986645/75/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/15

“Shakespearean text” in the Russian detective story of the early 21st century

Galina G. Ishimbaeva

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, galgrig7@list.ru

Abstract. The objectives of this article are (1) to find out how the Russian detective story, as a representative of “formula stories” (Cawelti), actualizes the “Shakespearean text”; 2) to determine the nature of the “evidential paradigm” (Ginzburg) and its connection with the “Shakespearean text” in the novels *Shakespeare Must Die* (2014) by Valeria Leman, *Prospero’s Maze* (2017) by Anton Chizh, and *Shakespeare’s Last Play* (2019) by Natalia Alexandrova. The analysis of the discursive practices of the three Russian writers is carried out using the methods of comparative studies and imagology, within the framework of which the traces of the “Shakespearean text” in modern Russian detective stories are investigated. The “Shakespearean text” in this work is considered widely – as a holistic thesaurus, including the artistic and aesthetic complex of Shakespeare’s ideas; his vision of the past, present and future; the system of the artistic world presented in the works of the

Great Bard; a set of endless interpretations of the life and work of Shakespeare, his philosophy and poetics. The article raises questions about how exactly the “Shakespearean text” is presented and what the ways of its functioning in the works selected for the analysis are. The conducted research allows inferring about some directions and methods of reception of the “Shakespearean text” by the authors of Russian detective stories of the early 21st century. In these works, composed according to the strict detective standard, the following components of the “Shakespearean text” turned out to be the most attractive: Shakespeare’s authorship question, Shakespeare’s sonnets, his metaphor of life as theater from the comedy *As You Like It* and his play *The Tempest*. In the analyzed detective stories, the “Shakespearean text” plays a plot-forming role, determines the nature of the concept sphere, in varying degrees of expression performs the function of “evidential paradigm”, determines the configuration of characters in the structure of the artistic world. The contact and necessary connection of the novels by Leman, Alexandrova, and Chizh with Shakespeare and his works is based on convergent and divergent relations to the most important semantic and structure-forming units of the “Shakespearean text”. Some plot motifs of the analyzed novels testify to the direct perception of Shakespeare’s biography and works, which, however, underwent transformation according to the laws of formulaic fiction and became evidence of the fruitfulness of the dialogue between mass and classical literature. The “Shakespearean text” influenced the genre and poetological nature of the early 21st-century Russian detectives, which acquired the qualities of philological prose by testing a stable model of detective narration in the intertextual field of the Great Bard. The deep subtext of Shakespeare’s works, which are ambiguous, problematic, amenable to various interpretations, is in tune with our time; therefore, the purely philological play with the “Shakespearean text” by Leman, Alexandrova, and Chizh gives their detectives the quality of intellectual reading. This happens even though the novels *Shakespeare Must Die*, *Shakespeare’s Last Play*, and *Prospero’s Maze*, due to their genre, use only certain elements of recognizable structures and do not claim to explain the value of Shakespeare’s legacy for the 21st century.

Keywords: Shakespeare, Shakespearean text, detective story, formula stories, Valeria Leman, Anton Chizh, Natalia Alexandrova

For citation: Ishimbaeva, G.G. (2022) “Shakespearean text” in the Russian detective story of the early 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 295–306. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/15

Один из самых популярных жанров массовой литературы, российский детектив XXI в. отличается разнообразием интеллектуальных субжанров: появились и бурно развиваются искусствоведческие детективы, артефакт-детективы, филологические детективы, литературоведческие детективы, ретродетективы. Их авторы строят повествования с использованием интертекста мировой литературы и культуры, продолжая в этом смысле линию развития детективного жанра, сложившуюся на Западе.

Семиотические детективы У. Эко («Имя розы», «Маятник Фуко») и Ю. Кристевой («Смерть в Византии»), искусствоведческие детективы Й. Пирса («Загадка Рафаэля», «Комитет Тициана», «Рука Джотто»), П. Демпфа («Тайна Иеронима Босха») и А. Перес-Реверте («Фламандская доска») интегрировали научный дискурс в художественное пространство и

стали предметом рефлексии филологической науки. Методологическим, поэтологическим, культурологическим аспектам детективной литературы посвящены ставшие заметным явлением литературоведения работы таких ученых, как Т. Кестхеи [1], Ц. Тодоров [2], У. Эко [3, 4], К. Гинзбург [5], Дж. Г. Кавелли [6].

В отечественной науке также есть серьезные исследования, посвященные детективному жанру. Выделим работы Ю.М. Лотмана [7], Ю.К. Щеглова [8], Е.В. Жаринова [9], а также сборник «Поэтика зарубежного классического детектива» (2019), изданный в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН [10]. Показательно, что последнее десятилетие ознаменовано появлением множества диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, посвященных жанру детектива. Это, например, «Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии» Н.Г. Бобковой (Улан-Уде, 2010) [11], «Конспирологический детектив как жанр постмодернистской литературы (Д. Браун, А. Ревазов, Ю. Кристева)» Т.Н. Амиряна (Москва, 2012) [12], «Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: игра в детектив и пародирование жанра» А.А. Нелюбина (Пермь, 2013) [13], «Эволюция детективного романа в американской литературе XX века» М.Г. Агеевой (Ижевск, 2014) [14], «Жанровый инвариант и генезис классического детектива» Н.Н. Кириленко (Москва, 2016) [15], «Шпионский роман-экшен в американской литературе середины XX – начала XXI веков» В.С. Любеева (Севастополь, 2018) [16], «Интертекстуальность в пейзажных описаниях современного британского детектива» В.А. Байко (Архангельск, 2019) [17].

Цели настоящей статьи: 1) выяснить, как российский детектив, представитель «формульной литературы» (Кавелли [6]), актуализирует «шекспировский текст»; 2) определить характер «уликовой парадигмы» (Гинзбург [5] и ее связь с «шекспировским текстом» в романах В. Леман «Шекспир должен умереть» (2014) [18], А. Чижа «Лабиринт Пропсpero» (2017) [19], Н. Александровой «Последняя драма Шекспира» (2019) [20].

Прежде чем приступить к исследованию дискурсивных практик трех российских писателей, определимся с термином «шекспировский текст». Мы рассматриваем его широко – как целостный тезаурус, включающий художественно-эстетический комплекс идей Шекспира; его видение прошлого, настоящего и будущего; систему художественного мира, представленного в произведениях Великого Барда; совокупность бесконечного множества интерпретаций жизни и творчества Шекспира, его философии и поэтики.

В ходе настоящего исследования предполагается ответить на вопросы о том, как именно представлен «шекспировский текст» и каковы способы его функционирования в выбранных для анализа произведениях.

Уже названия романов В. Леман, Н. Александровой и А. Чижа свидетельствуют о наличии в них «шекспировского текста» – в форме прямого

обращения к личности Барда, его творчеству или его герою. Рассмотрим, как в каждом случае происходит раскрытие «шекспировского текста».

Модель мира, созданная в процессе текстопорождения В. Леман («Шекспир должен умереть»), откровенно фикциональна: отпускной быт и нравы главных героев, Алена Муар-Петрухина и его подруги Сони Дижон, прилетевших в Англию, портрет университетского Уорвика и его жителей стандартизированы и насыщены множеством описательных клише. В романе используются культурные стереотипы (эксцентричный детектив и его дамы – стервозная красавица-брюнетка и бывшая подруга, рыжая бестия; чудаковатые английские профессора и их студенты; новорусские окологримиальные типы и т.д.), сюжетные формулы «каминного детектива» (дана череда таинственных убийств и круг подозреваемых; расследование, в ходе которого герой и глуповатый инспектор по имени Бонд отработывают разные версии преступления), словесные формулы («старушка Англия», «добрая старая Англия», «фраза для любителей детективных сериалов», «чисто британские убийства», «как Шерлок Холмс» и др.).

Устоявшаяся модель художественного воображения в романе «Шекспир должен умереть», однако, приобретает уникально своеобразное наполнение благодаря «шекспировскому тексту», который представляет собой ядро романа и индивидуализирует все формулы, о которых речь шла выше.

Действие разворачивается в университетской среде, где существует культ Шекспира, герои романа – участники театрального общества «Влюбленные в Шекспира» Уорвикского университета. Сюжет строится на расследовании череды покушений на профессора-шекспироведа Ната Хатвилла, которого трижды пытаются убить в течение нескольких дней и вместо которого гибнут другие люди.

Ответ на загадку причин преступления поначалу кажется связанным с «шекспировским вопросом»: далеко не все согласны с мнением антистратфордианца Хатвилла, который считает, что истинным автором произведений, вошедших в шекспировский канон, был Фалк Гревилл (1554–1628).

Однако в ходе расследования выясняется другая, но тоже шекспировская причинно-следственная связь всех событий. Ассистент профессора Хатвилла, влюбленный в его невесту и в Шекспира, Ларри Брайт начинает соотносить сложившуюся ситуацию с драматическими перипетиями любовного треугольника «Шекспировых сонетов» (недаром в романе часто цитируется сонет № 90 «Уж если ты разлюбишь...»). Он решается на убийство «соперника в честном рыцарском поединке, как в те далекие времена, когда именно так и разрешались споры за сердца прекрасных дам» [18. С. 285], но по стечению обстоятельств его жертвами каждый раз оказывались случайные люди.

Развязка детективной истории происходит в шекспировских декорациях и приурочена к Стратфорду-на-Эйвоне, куда незадачливый влюбленный увез похищенную им даму сердца.

Среди словесных формул детектива В. Леман также выделяются шекспировские. Это прежде всего «Вся наша жизнь – театр» и производные от

этой реплики из комедии Шекспира «Как вам это понравится» [18. С. 99, 100, 175, 252, 285]. В разряд словесных формул в романе попадают и слова Гамлета «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» [18. С. 254] и «Быть или не быть?» [18. С. 250], поскольку две эти фразы комментируют в целом все действие о преступлении и его раскрытии в Уорвике.

При этом все формульное повествование В. Леман пронизывает шекспировская образность. Словесные перепалки Алена Муар-Петрухина и Со-ни Дижон напоминают пикировку Бенедикта и Беатриче из комедии «Много шума из ничего». Один из диалогов профессора Хатвилла и его невесты аллегоричен по отношению к «Ромео и Джульетте» («Что значит Нат Хатвилл? Разве так зовут лицо и плечи, грудь и руки...») и т.д. [18. С. 247]). Сами убийства режиссируются как спектакли в духе трагедий Шекспира, а неудачи, преследующие Брайта, рисуются в контексте чехарды путаниц и недоразумений, характерных для комедий Шекспира.

Так благодаря «шекспировскому тексту» детектив В. Леман «Шекспир должен умереть» обретает герметичность и поэтологическую завершенность.

«Шекспировский текст» структурирует и сюжет романа Н. Александровой «Последняя драма Шекспира», в котором использованы формулы двух разновидностей детектива – «каминного» и «мистического». С одной стороны, речь идет об убийстве и узком круге подозреваемых, с другой – его раскрытию предшествуют таинственные подсказки карт Таро.

Двойная детективная модель романа соотнобразится с усложненностью канона: одно убийство, произошедшее в театре во время современной постановки «Отелло» Шекспира¹, косвенно связано с олигархической игрой, целью которой являются большие деньги, другое (закадровое) убийство – с погоней за рукописью Шекспира; действие разворачивается в двух пространственно-временных континуумах – современном и шекспировском.

При этом фабульной магистралью повествования оказывается шекспировская метафора, уподобляющая весь мир театру. С образа современного театра (перед спектаклем) роман начинается, в шекспировском театре (после спектакля) роман заканчивается. Почти все герои романа имеют отношение к театру и в жизни лицедействуют, примеряя на себя разные роли. Особенно показательна в этом отношении актриса Лиза Тверская, занявшаяся расследованием того, что произошло во время спектакля: во второй сцене пятого акта Дездемона была убита по-настоящему.

Кодовые слова, раскрывающие особенности структурирования текста: «театр», «театральность» и «спектакль» – получают дополнительные оттенки значения благодаря тому, что присутствуют в пространстве обоих хроно-топов романа. Наполненные философским смыслом в «шекспировской» ча-

¹ Выбор шекспировской пьесы – «Отелло», а не «Гамлет», к примеру, – обусловлен, на наш взгляд, ее очевидной сюжетной функцией, важной для развития детективной истории: показать на сцене сыгранное убийство героини, которое оборачивается реальным убийством актрисы, исполнявшей роль Дездемоны.

сти произведения, они обретают по преимуществу маскультное звучание в современной. Разность интерпретаций понятий проявляется даже в графическом строе текста, в котором сюжет елизаветинской эпохи набран курсивом.

С контрастными смыслами кодовых слов связано и то, что «шекспировский текст», обеспечивающий единство двух пластов повествования и выступающий в романе в роли сюжетной скрепы, актуализирует разные слои прочтений.

В гораздо меньшей по объему курсивной части романа пунктирно воспроизводятся два этапа жизни Уилла Шекспира – сначала подростка из Стратфорда-на-Эйвоне, затем актера, драматурга, пайщика лондонского театра. Стратфордский эпизод имеет мистическую составляющую, связанную с местной ведьмой Мегги и ее картами Таро, благодаря которым юный Уилл видит контуры своих будущих шедевров – «Гамлета», «Короля Лира», «Макбета»; лондонский представляет собой одну из вариаций на темы «шекспировского вопроса».

Н. Александрова дает здесь свою версию истории отношений гениального драматурга с Роджером Меннерсом, пятым графом Ратлендом, которого некоторые антистратфордианцы считают истинным автором шекспировских произведений. Согласно Н. Александровой Роджер Меннерс – хитрый политик и интриган, покупающий все авторские рукописи Шекспира, в которые вставляет несколько строк, чтобы потешить свое самолюбие и которые выдает за собственные сочинения. Движимый желанием «отомстить самоуверенному аристократу» [20. С. 313] и восстановить справедливость, Шекспир решает отправить зашифрованное послание потомкам – сочинить пьесу, в которой выведет себя и своего обидчика, и записать ее особыми чернилами на обороте карт Таро.

С дешифровкой карт Таро, которые в пространстве романа Н. Александровой обуславливают уликовую парадигму (от рубежа XVI–XVII до рубежа XX–XXI вв.), в современных главах связано, во-первых, раскрытие преступлений (убийства жены и актрисы во время шекспировского спектакля, совершенные Валентином Радунским, и убийство коллекционера, ученого Степановского костюмершей Надеждой Константиновной); во-вторых, детальное описание «шекспировского вопроса», которое принадлежит бывшему университетскому преподавателю, вынужденному уйти с кафедры и ставшему театральным реквизитором.

Сугубо литературоведческая проблема на страницах романа соседствует с режиссерскими концепциями отдельных произведений Шекспира и актерскими воплощениями на сцене его героев, что становится плотью повествования.

Таким образом, в романе Н. Александровой «Последняя драма Шекспира», где смонтировано несколько дискурсов и присутствует многовекторное развитие сюжета, «шекспировский текст» обуславливает компланарность повествования.

Энигматический роман А. Чижа «Лабиринт Просперо», в котором используется формула герметического детектива (герои отрезаны от мира

непогодой), раскрывает свои тайны и обнажает скрытые смыслы тоже благодаря «шекспировскому тексту». Герои романа имеют под рукой книги Шекспира, читают и цитируют его, вспоминают «Бурю» и «Сон в летнюю ночь», обращаются в мыслях к Дездемоне, Джульетте, Ромео, призраку отца Гамлета, Просперо.

Структура произведения А. Чижэ затейлива. Оно начинается как повествование о трех разных расследованиях, проводимых тремя разными сыщиками. Поэтому в тексте романа выделяются три уровня повествования: от имени рассказчика, посвященное следователю Ванзарову, а также рапорты жандармского ротмистра Францевича и записные книжки Геркулеса Пьюро, который адресует к писательнице по имени Агата. Последние повествовательные уровни отличаются игровым модусом изображения: текст Францевича воспроизводит модель пинкертоновских приключений, текст Пьюро отсылает к романам Агаты Кристи, образы обоих сыщиков-нарраторов выстроены как пародии на Ната Пинкертона и Эркюля Пуаро. Францевич и Пьюро контрастируют с главным героем романа А. Чижэ, истинным гением сыска Родионом Ванзаровым, раскрывающим клубок преступлений (примечательно, что главной уликой для него стало то, что подозреваемый не опознал цитату из пьесы «Буря»).

Используя интертекстуальный ключ уже в названии романа, отсылающем к волшебнику из «Бури», писатель в «Предуведомлении внимательному читателю» создает единое лексическое поле нескольких сюжетных линий, сообщая, что автор данного детектива жил на рубеже XIX–XX вв., писал криминальные очерки под псевдонимом Ариэль Г-нов и окончил дни в лечебнице для душевнобольных. Если последнее призвано объяснить кажущуюся на первый взгляд хаотичность сюжета, то имя шекспировского героя, духа воздуха из «Бури», концептуализирует слова «буря», «лабиринт», «волшебство», которые буквально пронизывают все уровни повествования. Они звучат в бытовом смысле, связанном с природными катаклизмами кануна Рождества 1901 г., когда разворачивается действие романа, и в эмблематическом, отсылая к трагикомедии Шекспира 1610–1611 гг.

Бытовыми и эмблематическими оказываются и паратекстовые единицы романа. Первые представлены всевозможными Материалами, Памятками, Блокнотами для «господ читателей», сопровождаемыми знаком ножниц (автор предлагает их «вырезать и сохранить отдельно от прочих» [19. С. 7]). Они не принадлежат полностью к основному художественному тексту (хотя связаны с развитием сюжета и являются разновидностью парабабы), в отличие от трех других, которые образуют с ним нерасторжимое целое: «Материалы для господ, желающих выступить в самостоятельном театре. Сценка из комедии “БУРЯ” Вильяма Шекспира» [19. С. 49], «Актерский материал (Из комедии “БУРЯ” Шекспира В.)» [19. С. 210], «Сценический материал. Из комедии “БУРЯ” Вильяма Шекспира» [19. С. 356].

Процитированные эпизоды из шекспировской пьесы – порабощение Ариэля магом Просперо, эксплуатация Калибана магом Просперо, интрига мага Просперо, задумавшего свести Фердинанда со своей дочерью Миран-

дой, – в контексте романа А. Чижга уточняют его общий замысел и приобретают дополнительные оттенки значения.

В пьесе Шекспира, посвященной истории мира как вечной борьбы за власть и как череды убийств, бунтов и насилия, разыгрывается спектакль по сценарию возмездия, срежиссированный Просперо. Волшебник, он помещает своих врагов, потерпевших кораблекрушение на его острове, в пограничные ситуации, доводит до безумия, заставляет вспомнить о лабиринте, из которого нет исхода. Но этот же лабиринт характеризует и амбивалентную натуру самого Просперо: пострадавший 12 лет тому назад от предательства своего брата, узурпировавшего его Миланское герцогство, он покушается на свободу Ариэля и Калибана, чей остров экспроприрует. Поэтому, добившись восстановления своих прав и устроив помолвку дочери с неаполитанским принцем Фердинандом, простив врагов, но не обретя утешения, он отрекается от волшебства, топит свои магические книги в море и думает о возвращении в Милан, чтобы готовиться к смерти.

В романе А. Чижга тоже разыгрывается театральное представление, режиссером которого является Петр Иванович Кторов. Вернувшийся в Россию из Америки, чтобы отомстить обидчикам и передать дочери Марго все свое состояние, он привлекает к участию в сестрорецком спектакле профессиональных актеров и троих сыщиков, сам выступает под маской провинциального актера Меркумова, которого нанял изображать себя. А. Чиж, таким образом, дает свою рецепцию глубинных философских вопросов шекспировской пьесы и актуализирует излюбленную Шекспиром метафору жизни как театра.

Три сцены из «Бури», приведенные в романе «Лабиринт Просперо», оказываются решающими, определяя рисунок образа Кторова – Просперо. Этот герой манипулирует людьми, которыми руководит, как кукловод марионетками, и которых с легкостью обрекает на смерть, и страстно любит свою дочь, чье счастье пытается обеспечить помолвкой с Ванзаровым. Однако шекспировская сюжетная схема наполняется в романе иным содержанием: Кторов – дегероизированный Просперо, карточный шулер, который, исполнив план мести, умирает; Марго – дегероизированная Миранда, девушка себе на уме, которая не имеет никаких иллюзий ни в отношении «дивного нового мира», ни в отношении себя и окружающих ее людей; Ванзаров же, захваченный в плен страстью к Марго, тем не менее отказывается от любви, от навязываемой ему роли Фердинанда и от подарка Кторова – Просперо.

Выступившая в качестве прецедентного текста, ставшая настоящим кодом, «Буря» Шекспира была радикально переосмыслена А. Чижом, который создал ее пародийный парафраз и предложил свою интерпретацию образов. В результате трансформации шекспировской «Бури», которая помогла выстроить сюжет и выявить основную проблематику «Лабиринта Просперо», прояснить его конфликты и способы создания образов, философская трагикомедия елизаветинского драматурга обернулась детективным повествованием.

Подведем итоги. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о некоторых направлениях и способах рецепции «шекспировского текста» авторами российских детективов начала XXI в. В рассмотренных произведениях, следующих строгому детективному стандарту, наиболее привлекательными оказались следующие компоненты «шекспировского текста»: «шекспировский вопрос», сонеты Шекспира, его метафора жизни как театра из комедии «Как вам это понравится» и его пьеса «Буря».

В проанализированных детективах «шекспировский текст» играет сюжетообразующую роль, обуславливает характер концептосферы, в разной степени выраженности выполняет функцию «уликовой парадигмы», определяет конфигурацию персонажей в структуре художественного мира.

Контактная и необходимая связь романов В. Леман, Н. Александровой и А. Чижы с Шекспиром и его творчеством основана на конвергентном и дивергентном отношениях к важнейшим смысло- и структурообразующим единицам «шекспировского текста». Некоторые сюжетные мотивы проанализированных романов свидетельствуют о непосредственном восприятии биографии и творчества Шекспира, которые, однако, подверглись трансформации по законам формульной литературы и стали свидетельством плодотворности диалога массовой и классической литературы. «Шекспировский текст» повлиял на жанровую и поэтологическую природу российских детективов начала XXI в., которые приобрели качества филологической прозы, опробовав устойчивую модель детективной наррации в интертекстуальном поле Великого Барда.

Издатели книги 1623 г. «Мастера Уильяма Шекспира Комедии, Хроники и Трагедии» поместили обращение «К самым разным читателям от наиболее ученых до тех, кто читает лишь по слогам». Смысл этого обращения не потерял актуальности и сегодня, когда к рецепции творчества Шекспира обращается и высокая и массовая литература. Постшекспировский мир переосмысляет театральное и поэтическое искусство Мастера, которое приобретает парадоксальные новые формы (назовем романы И. Макьюэна «В скорлупе», 2016 [21] и Ю Нёсбе «Макбет» 2018 [22]). Глубинный подтекст шекспировских произведений, неоднозначных, проблемных, поддающихся различным интерпретациям, оказался созвучным нашему времени. Поэтому сугубо филологическая игра В. Леман, Н. Александровой и А. Чижы с «шекспировским текстом» придает их детективам качества интеллектуального чтения. И это при том, что романы «Шекспир должен умереть», «Последняя драма Шекспира», «Лабиринт Просперо» – в силу их жанровой принадлежности – используют лишь отдельные элементы узнаваемых структур и не претендуют на объяснение ценности наследия Шекспира для XXI столетия.

Список источников

1. *Кестхейл Т.* Анатомия детектива. Следствие по делу о детективе / пер. с венг. Е. Тумаркиной. Будапешт : Корвина, 1989. 272 с.
2. *Тодоров Ц.* Типология детективной литературы. Cornell University Press, 1977. 352 с.

3. Эко У. Риторика и идеология в «Парижских тайнах» Эжена Сю // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. М. : АСТ : Corpus, 2016. С. 268–305.
4. Эко У. Повествовательные структуры в произведениях Иэна Флеминга // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. М. : АСТ : Corpus, 2016. С. 305–370.
5. Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история / пер. с итал. и послесл. С.Л. Козлова. М., 2004. С. 189–241.
6. Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение, 1996. № 22. С. 33–64.
7. Лотман Ю.М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. М., 1998. С. 650–669.
8. Щеглов Ю.К. К описанию структуры детективной новеллы // Щеглов Ю.К. Поэзия. Проза. Поэтика. М., 2012. С. 86–107.
9. Жаринов Е.В. «Массовая культура» как явление ноосферы // Жаринов Е.В. От Шекспира до Агаты Кристи: Как читать и понимать классику. М., 2018. С. 239–479.
10. Поэтика зарубежного классического детектива. М. : ИМЛИ РАН, 2019. 304 с.
11. Бобкова Н.Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Уде, 2010. 189 с.
12. Амирян Т.Н. Конспирологический детектив как жанр постмодернистской литературы (Д. Браун, А. Ревазов, Ю. Кристева) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 330 с.
13. Нелюбин А.А. Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: игра в детектив и пародирование жанра : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 166 с.
14. Агеева М.Г. Эволюция детективного романа в американской литературе XX века : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2014. 155 с.
15. Кириленко Н.Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 252 с.
16. Любеев В.С. Шпионский роман-экшен в американской литературе середины XX – начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2018. 207 с.
17. Байко В.А. Интертекстуальность в пейзажных описаниях современного британского детектива : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2019. 200 с.
18. Леман В. Шекспир должен умереть. М.: Эксмо, 2014. 320 с.
19. Чижев А. Лабиринт Просперо. М. : Э, 2017. 416 с.
20. Александрова Н. Последняя драма Шекспира. М. : Эксмо, 2019. 320 с.
21. Ишимбаева Г.Г. Трансформация шекспировского сюжета о Гамлете в романе И. Макьюэна «В скорлупе» // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 2. С. 133–141.
22. Ишимбаева Г.Г. Кавер-версия шекспировской пьесы: «Макбет» Ю Несбё // Вестник Башкирского государственного университета. 2020. Т. 25, № 2. С. 348–351.

References

1. Keszthelyi, T. (1989) *Anatomiya detektiva. Sledstvie po delu o detektive* [Anatomy of a Detective. Investigation in the case of a detective]. Translated from Hungarian by E. Tumarkina. Budapest: Corvina.
2. Todorov, Tz. (1977) *Tipologiya detektivnoy literatury* [Typology of detective literature]. Cornell University Press.
3. Eco, U. (2016) *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies in the semiotics of the text]. Translated from Italian by S. Serebryanyy. Moscow: AST: Corpus. pp. 268–305.

4. Eco, U. (2016) *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies in the semiotics of the text]. Translated from Italian by S. Serebryanyy. Moscow: AST: Corpus. pp. 305–370.
5. Ginzburg, K. (2004) *Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – emblems – signs: Morphology and history]. Translated from Italian by S.L. Kozlov. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 189–241.
6. Cawelti J.G. (1996) *Izuchenie literaturnykh Formul* [Study of Literary Formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 22. pp. 33–64.
7. Lotman, Yu.M. (1998) *Vykhod iz labirinta* [Exit from the labyrinth]. In: Eco, U. *Imya rozy* [The Name of the Rose]. Translated from Italian. Moscow: AST. pp. 650–669.
8. Shcheglov, Yu.K. (2012) *Poeziya. Proza. Poetika* [Poetry. Prose. Poetics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 86–107.
9. Zharinov, E.V. (2018) *Ot Shekspira do Agaty Kristi. Kak chitat' i ponimat' klassiku* [From Shakespeare to Agatha Christie. How to read and understand the classics]. Moscow: AST. pp. 239–479.
10. Chekalov, K.A. & Nenarokova, M.R. (eds) (2019) *Poetika zarubezhnogo klassicheskogo detektiva* [Poetics of the Classical Foreign Detective Story]. Moscow: Gorky Institute of World Literature of RAS.
11. Bobkova, N.G. (2010) *Funktsii postmodernistskogo diskursa v detektivnykh romanakh Borisa Akunina o Fandorine i Pelagii* [Functions of postmodern discourse in Boris Akunin's detective novels about Fandorin and Pelagia]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
12. Amiryany, T.N. (2012) *Konspirologicheskii detektiv kak zhanr postmodernistskoy literatury (D. Braun, A. Revazov, Yu. Kristeva)* [Conspiracy detective as a genre of postmodern literature (D. Brown, A. Revazov, Yu. Kristeva)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Nelyubin, A.A. (2013) *Dzhulian Barns pod maskoy Dena Kavaney: igra v detektiv i parodirovanie zhanra* [Julian Barnes in the Mask of Dan Kavanagh: Playing the Detective and Parodying the Genre]. Philology Cand. Diss. Perm.
14. Ageeva, M.G. (2014) *Evolutsiya detektivnogo romana v amerikanskoj literature XX veka* [The Evolution of the Detective Novel in American Literature of the 20th Century]. Philology Cand. Diss. Izhevsk.
15. Kirilenko, N.N. (2016) *Zhanrovyy invariant i genezis klassicheskogo detektiva* [Genre invariant and genesis of the classic detective story]. Philology Cand. Diss. Moscow.
16. Lyubeev, V.S. (2018) *Shpionskiy roman-ekshen v amerikanskoj literature serediny XX – nachala XXI vekov* [Spy action novel in American literature of the mid-20th – early 21st centuries]. Philology Cand. Diss. Simferopol.
17. Bayko, V.A. (2019) *Intertekstual'nost' v peyzazhnykh opisaniyakh sovremennogo britanskogo detektiva* [Intertextuality in landscape descriptions of the modern British detective story]. Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
18. Leman, V. (2014) *Shekspir dolzhen umeret'* [Shakespeare Must Die]. Moscow: Eksmo.
19. Chizh, A. (2017) *Labirint Prospero* [Prospero's Maze]. Moscow: E.
20. Aleksandrova, N. (2019) *Poslednyaya drama Shekspira* [Shakespeare's last play]. Moscow: Eksmo.
21. Ishimbaeva, G.G. (2020) Transformation of Shakespeare's Hamlet storyline in I. McEwan's novel "Nutshell". *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia*. 2 (9). pp. 133–141. (In Russian).
22. Ishimbaeva, G.G. (2020) Cover version of Shakespeare's play "Macbeth" by Jo Nesbø. *Vestnik BashGU*. 2 (25). pp. 348–351. (In Russian). DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.21

Информация об авторе:

Ишимбаева Г.Г. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). E-mail: galgrig7@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.G. Ishimbaeva, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian, Foreign Literature and Publishing, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: galgrig7@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2021;
одобрена после рецензирования 13.08.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 17.02.2021;
approved after reviewing 13.08.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/75/16

**Профиль поэта-классика в социальной сети
как форма присвоения и интерпретации литературного знания.
Анализ цифровой личности Н.С. Гумилева**

Жанна Николаевна Маслова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, maslovajeanna@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается феномен возникновения цифровых профилей в социальных сетях, и как следствие – виртуальных личностей, на основе биографий и творческого наследия представителей классической русской литературы. В рамках исследования изучены аккаунты, созданные от имени русского поэта Н.С. Гумилева в социальной сети Instagram¹. Статья содержит выводы о том, как восприятие авторов и текстов классической литературы трансформируется под влиянием коммуникационных и визуальных технологий.

Ключевые слова: русская литература, Н.С. Гумилев, поэзия, социальная сеть, виртуальная личность, цифровая личность

Для цитирования: Маслова Ж.Н. Профиль поэта-классика в социальной сети как форма присвоения и интерпретации литературного знания. Анализ цифровой личности Н.С. Гумилева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 307–320. doi: 10.17223/19986645/75/16

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/16

**Profile of a classical poet in the social network as a form of literary
knowledge adoption and interpretation. Analysis of Nikolay Gumilyov's
digital personality**

Zhanna N. Maslova

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
maslovajeanna@mail.ru*

Abstract. The aim of the research is to study the creation in social networks of digital profiles and, as a consequence, of virtual personalities based on the biographic material and legacy of representatives of classical Russian literature. Within the

¹ Деятельность Meta (соцсеть Instagram) запрещена в России как экстремистская с 21.03.2022 г.

framework of the research, two accounts created on behalf of the Russian poet Nikolay Gumilyov in the Instagram social network were analyzed using the method of comparative analysis. The hypothesis that the analyzed phenomena should be classified as a “digital/virtual personality” was confirmed during the study. The theoretical basis of this study are works investigating people’s behavior in virtual environment and digital/virtual personalities (E.V. Gorny, O.V. Lutovinova, D.A. Popova, R.I. Zekeryaev), as well as literary sources on the poet’s works (L. Ryzhkova, L.V. Selezneva, O.A. Ovcharenko, A.G. Gribkov) and biographical works (R. Dutli, A. Akhmatova). The originality of the work lies in the fact that the concept “digital personality” is applied to the literary material for the first time. In addition, the work raises the problem of transformation of the ways of adoption of cultural knowledge under the influence of technology. The selected accounts are investigated according to several parameters: what biographical material is selected for publications on Instagram, how Gumilyov’s poems are presented, what features of Gumilyov’s character are attractive to our contemporaries. The strategies of visualization of information about the poet are also analyzed. In the accounts, the information is mostly visual, biographical facts and poems are presented selectively and fragmentarily. The image of the warrior, romantic, poet and dandy, embodied in the image of Gumilyov, is attractive to our contemporaries. The article contains conclusions about how the perception of authors and texts of classical literature is transformed under the influence of communication and visual technologies. The main conclusions are the following: the analyzed profiles on Instagram are variants of subjective perceptions of Gumilyov; such projects create a wide field for interpretation. This is one of the ways of interaction between the reader and the poet, adoption of culture and knowledge, which is connected with the practice of mythologization of knowledge, various distortions and fragmentation. The development of technologies makes knowledge publicly available, but it negatively affects the quality of knowledge, its expert character. The digital personality, including the one created on the basis of the biography and work of the famous poet of classical Russian literature, acquires new qualities in the virtual space, simulates activity, and structures new social meanings. This trend differs from the traditional way of adoption and assimilation of cultural information and leads to the transformation of the relationship between culture and literature.

Keywords: Russian literature, Nikolay Gumilyov, poetry, social network, virtual personality, digital personality

For citation: Maslova, Zh.N. (2022) Profile of a classical poet in the social network as a form of literary knowledge adoption and interpretation. Analysis of Nikolay Gumilyov’s digital personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 307–321. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/16

В эпоху, когда знание существует «всегда под рукой», особую актуальность приобретает вопрос о необходимости присвоения знания. В силу того, что важной характеристикой знания является его субъективность, знание должно быть присвоено. Возможность получения инферентного знания возникает лишь тогда, когда информация усваивается, становится частью индивидуального сознания и личного опыта, встраивается в сеть индивидуальных представлений. Современная реальность такова, что репрезентация информации, передача, хранение знания осуществляются преимущественно технологическими путями. Это справедливо для культуры и литературы как ее части.

Развитие технологий отличается тем, что создается много инструментов для работы именно с визуальной информацией, визуализация сегодня играет важную роль в процессе восприятия. Кроме того, многое происходит в общем публичном виртуальном пространстве, что принципиально меняет позицию субъекта по отношению к воспринимаемой информации. Существенным является то, что данное виртуальное пространство, или среда, уже имеет более чем тридцатилетнюю историю и способно провоцировать появление ряда культурных феноменов, а также аккумулировать множество отдельных интерпретаций явлений культуры и литературы, делать их видимыми, публичными.

Новизна данного исследования состоит именно в попытке изучения цифровых объектов, возникающих на стыке литературы и технологий; представляющих собой результат субъективного восприятия культурной информации, усвоения и присвоения определенного знания. Объектом исследования служит цифровая личность, созданная на основе жизни и творчества реального человека. Материалом исследования стали цифровые аккаунты, созданные в сети Instagram от имени русского поэта Серебряного века Николая Степановича Гумилева.

В задачи исследования входит освещение трех вопросов:

1. Можно ли совокупность материалов, существующих в виртуальном пространстве в виде персональных профилей и идентифицируемых с фактами биографии Н.С. Гумилева, считать цифровой личностью?

2. Что в жизни и творчестве Н.С. Гумилева служит потенциалом для создания и развития цифровой личности?

3. Какие моральные ценности, эмоции, чувства актуализируются цифровой личностью и представляют интерес для наших современников?

Авторы существующего корпуса работ по изучению цифровой личности оперируют целым рядом близких по значению понятий: цифровая личность, виртуальная личность, сетевая идентичность, виртуальная идентичность, интернет-идентичность, онлайн-идентичность, интернет-личность. Согласно существующим определениям виртуальная личность представляет собой условный образ того или иного участника виртуального дискурса», «неразрывное соединение реальных и ассоциируемых характеристик личности» [1. С. 6]. Это особый тип личности, обусловленный ситуацией интернет-общения, которая влияет на изменение уровней структуры личности. Цифровая личность функционирует в условиях коммуникативного равенства, поэтому характеризуется перцептивной скрытостью, так как восприятие речи происходит через текст / дискурс. В силу того, что статус собеседников почти не учитывается, цифровая личность обладает глобальной, неопределенно-множественной адресацией [2. С. 88].

Основной особенностью дискурсивной идентичности цифровой личности является возможность конструирования множества идентичностей – точек зрения и, как результат, создаваемых образов. «Цифровая личность обладает также возможностью «экстензии», т.е. создает желаемый образ, придавая особую значимость отдельным фактам. Она получает право на эмоционально-психологическое самовыражение, «выплеск», создание соб-

ственного аттрактивного центра в дискурсивном коммуникативном пространстве» [3. С. 187].

Исследования цифровой идентичности проводятся в первую очередь на основе анализа поведения интернет-пользователей, но эти наблюдения могут быть экстраполированы на смоделированные аккаунты, потому что цифровая личность неизбежно дистанцируется от реального человека. «Виртуальная личность – это личностная самопрезентация интернет-пользователя в виртуальном пространстве в виде желаемого образа, представляющая собой симулякр со структурой, состоящей из личностных свойств, определяющих его социальную направленность и поведенческие паттерны. Виртуальный образ не имеет физического тела и представляется с помощью знаков. При этом он может сохранять свою анонимность, скрывать связь с реальным прототипом, приобретая абсолютно новые качества, и симулировать активность с помощью компьютерных технологий» [4. С. 257]. Это объект, обладающий свойствами и характеристиками субъекта, но при этом он имеет неопределенный статус существования. Данный «виртуальный образ состоит только из знаков-символов и действий, при этом может также наблюдаться иллюзия чувств, эмоций, мыслей, которые обычно присущи реальной личности» [4. С. 257].

Наряду с похожими характеристиками следует выделить важный момент – это особые возможности в общении с живыми людьми, возможности репрезентации разных смыслов: «Цифровая личность призвана занять особую позицию для выражения своей точки зрения. Она получает возможность реализовать постоянно сильную Я-позицию доминирующего здесь и сейчас автора оценочного суждения по отношению к целому миру... Тем самым цифровая личность может влиять на конструирование социальных смыслов, структурировать и транслировать сценарии возможного мира не только внутри интернет-пространства, но и за его пределами» [2. С. 89].

Анализ исследований позволяет выделить ряд существенных черт данного феномена. Цифровая / виртуальная личность – это симулякр, т.е. копия без оригинала. Цифровая личность является копией чисто технически, так как носит персональное имя и/или управляется человеком. По сути, это результат интерпретации выборочных субъективных событий, переживаний, комплексов. В рамках онлайн-среды цифровая личность – это совокупность гипертекстовых компонентов сетевого облика индивида. Если говорить о создании цифрового профиля на основе известной личности, в этом случае цифровой профиль служит источником знакомства с творчеством конкретного автора для других пользователей, он также является технологически репрезентированным результатом субъективного читательского восприятия. Кроме того, подобный профиль становится носителем характеристик и функций цифровой личности и может восприниматься как жанр искусства.

Идея о том, что виртуальную личность следует воспринимать как жанр искусства, была выдвинута Е.А. Горным в статье «Виртуальная личность как жанр творчества» [5], где автор рассматривает виртуальную личность

как личность, создаваемую человеком и порождающую семиотические артефакты.

Таким образом, технологии позволяют конструировать культурные феномены – виртуальные личности на основе разных личностей, известных людей в том числе. В этом случае творчество и биография конкретного лица являются необходимым субстратом. Целостность виртуальной личности создается за счет локализации ряда характеристик в виртуальном пространстве, например профиля в социальной сети. Особенность состоит в том, что факты творчества и жизни поэта получают субъективную интерпретацию, кроме того, в виртуальном пространстве фантазии разных людей могут взаимодействовать. При создании такого проекта автор цифровой личности выбирает привлекательный для него материал, этот эмоциональный нерв потом обеспечивает целостность цифровой личности.

Произвольность, субъективность и фрагментарность являются определяющими характеристиками того материала, который отбирается для создания цифрового профиля, из которого складывается цифровая личность. В связи с этим подобные проекты не могут считаться хранилищем данных или базой данных, потому что представленная в них информация не обладает полнотой и подтвержденной достоверностью. Кроме того, порядок заполнения профиля всегда является хаотичным, а четких взаимоотношений между частями информации внутри профиля не существует.

Век визуальных технологий способствует в первую очередь развитию визуальных образов репрезентации. Профиль в социальной сети позволяет начать разговор от первого лица, приблизить эпоху и человека.

Для изучения вопроса о том, как трансформируется процесс знакомства с литературой и читательское восприятие, были рассмотрены два аккаунта, созданные от имени Н.С. Гумилева в Instagram: [gumilev.nikolas](#), [gumilev_nikolai](#) (рис. 1).

Второй аккаунт – студенческий проект. В обоих случаях публикации посвящены знаковым фактам биографии, подкреплены фотографиями, воспоминаниями, стихами. Они представляют собой результат субъективного восприятия личности и творчества поэта в цифровую эпоху. Анализ профилей позволил сформулировать ответы на поставленные вопросы исследования: что в жизни и творчестве Н.С. Гумилева служит потенциалом для создания и развития цифровой личности; какие моральные ценности, эмоции, чувства актуализируются цифровой личностью и представляют интерес для наших современников?

А. Биография.

В одном случае ([gumilev.nikolas](#)) лента опирается на биографический подход и время организовано линейно. Основные периоды жизни Н.С. Гумилева и события, отраженные здесь: детство, Царскосельская гимназия, Юг (Тифлис), встреча и отношения с Анной Ахматовой, попытки самоубийства, брак с А. Ахматовой (1910 г.), рождение сына Льва (1912), экспедиция в Африку (Абиссиния, 1913 г.), начало Первой мировой войны (1914 г.), возвращение с фронта, развод с А. Ахматовой, брак с А. Энгель-

гарт, рождение дочери Елены (1920), воспоминания о Петрограде 1917–1921 гг., возрождение Цеха поэтов, убийство М.С. Урицкого поэтом Л. Каннегиссером, статья Н. Пунина «Попытка реставрации» в газете «Искусство коммуны», образование «Звучащей раковины» (1921), дело проф. Таганцева и Петроградской боевой организации, чекист Я.С. Агранов (1921) (рис. 2).

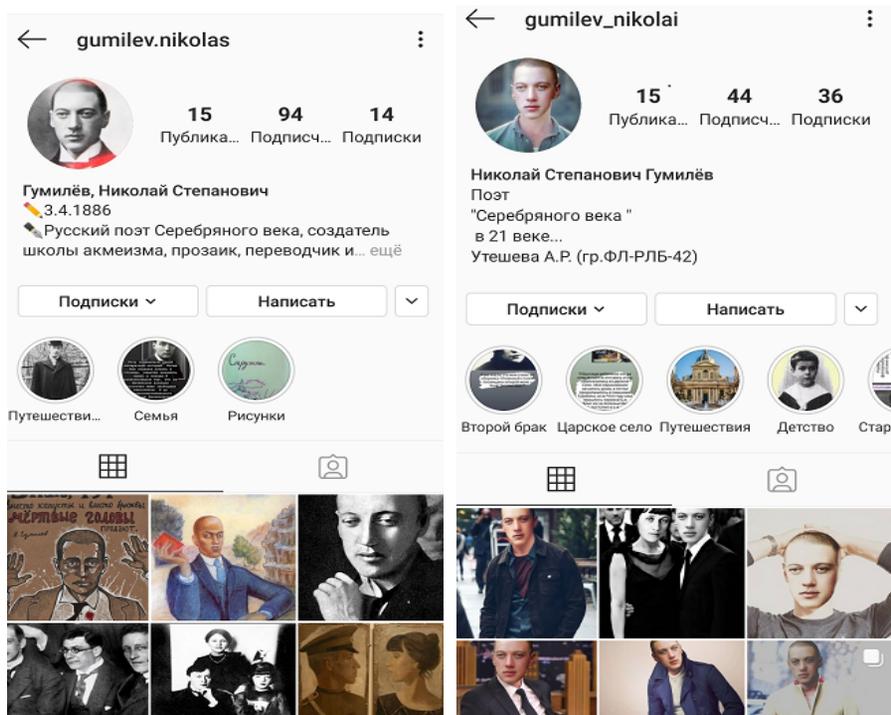

Рис. 1. Профили Н.С. Гумилева в социальных сетях

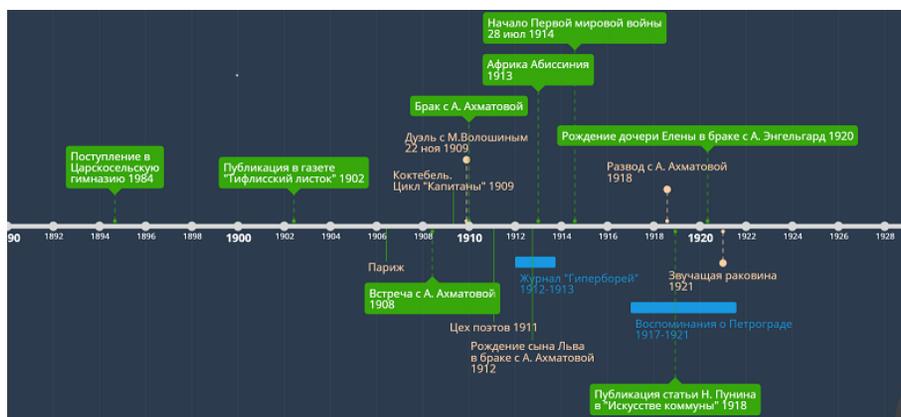

Рис. 2. Ленга событий, представленных в профилях Н.С. Гумилева

В рамках данного профиля линейность времени ограничивает возможные варианты, поэтому представлено последовательное упоминание и толкование отдельных эпизодов биографии поэта с определенной степенью документальности / мифологизированности. В качестве инструмента персонализации поэт наделяется прямой речью и возможностью высказывать свое мнение о событиях. Например, когда Н. Гумилев узнает, что А. Блок идет добровольцем на фронт, то сообщает: «...это все равно, что жарить соловьев».

Следует подчеркнуть ненаучный и субъективный формат подобной подачи информации. В частности, от лица поэта говорится, что он пошел добровольцем на фронт, хотя имел астигматизм, а «В. Маяковский, С. Есенин, О. Мандельштам предпочли остаться в тылу». Однако военная служба С. Есенина с момента призыва продолжалась почти год: с 25 марта 1916 г. по 20 марта 1917-го. Что касается О. Мандельштама, «освобожденный от военной службы «по слабости сердца», он отправляется 22 декабря 1914 г. в Варшаву, намереваясь добровольно пойти в санитары. Но предприятие заканчивается крахом... уже 5 января 1915 г. Мандельштам возвращается в Петроград... Сверхчувствительный Мандельштам оказался непригодным даже для санитарной службы... О своей поездке в Варшаву он никогда не станет распространяться» [6].

Личность поэта приближается к современному человеку через технологическую форму, иллюзию общения; воссоздание исторического контекста через личную оценку. Из-за того, что данный аккаунт имеет замкнутую композицию, т.е. основан на биографии поэта, он заканчивается постом о предчувствии смерти и далее не развивается.

Другой (студенческий) аккаунт (*gumilev_nikolai*) построен на осовременивании образа поэта. Здесь также присутствует отсылка к биографическим фактам: в опубликованных постах говорится об образовании Цеха поэтов в 1911 г., появлении акмеизма, журнале «Гиперборей», выходе из печати сборника Н. Гумилева «Чужое небо», Первой мировой войне, образовании «Звучащей раковины» как заключительном эпизоде. Автором аккаунта предпринята попытка перенести Н. Гумилева в современность и устроить ему встречу с читателями, однако эта стратегия общения с современным читателем носит единичный характер и не получает дальнейшего развития.

Отношения с А. Ахматовой выделены особо: Н. Гумилев сообщает о трех предложениях и двух попытках самоубийства (одна – в г. Турвиль, вторая – в Булонском лесу), мертвых дельфинах, которых Анна сочла дурным предзнаменованием; говорится о свадьбе и попытках развода. Любовный романтический пафос в этом профиле усилен большим вниманием к отношениям Гумилев – Ахматова, а также параллельной романтической линией: любовным треугольником Гумилев – Волошин – Дмитриева. Рассказывается о дуэли с М. Волошиным из-за Л. Дмитриевой 22 ноября 1909 г. как о дуэли Серебряного века. Оба соперника опоздали на встречу, но Н. Гумилев опоздал, потому что его автомобиль застрял в снегу, а М. Волошин долго искал потерянную в снегу калошу.

Данный аккаунт характерен попыткой оформления постов как дневниковых записей. Например, пост об А. Ахматовой от 03.11.2020 г. содержит пометку PS: «Отказ», 9 октября 1907 г. и комментарий о том, как они встретились в Царскосельской гимназии накануне Нового года, и Аня Горенко не обратила на Н. Гумилева внимания.

Этот профиль имеет более сложную композицию из-за наложения временных слоев. Дата отказа Ахматовой, стихотворение о ней в рамках одного поста взаимодействуют с актуальной датой публикации, комментариями пользователей, где Н. Гумилеву приходится отвечать на вопросы. При этом комментарии являются также попыткой других цифровых личностей (комментировать могут только зарегистрированные пользователи) вжиться в роль. В комментариях поэт переписывается с цифровыми В. Маяковским и А. Ахматовой.

Смешение хронологии и вписывание личности поэта в современность осуществляется за счет фотоколлажей, где Н. Гумилев представлен в образе современного молодого человека, наложения временных слоев. Например, «цифровой» поэт, публикуя стихотворение «Пропавший день» («Всю ночь говорил я с ночью..», 1917), утверждает, что этот текст был написан в 1917 г., далее продолжая и перенося действие в современность: «скоро вас ждет что-то интересное».

Пост от 26.09.2020 г. рассказывает о встрече с читателями, там же демонстрируется селфи (25.09.2020). Следует сказать, что два временных слоя одинаково условны, потому что исторические условия осени 2020 г., когда открытые встречи с читателями были фактически невозможны, не учтены.

В данном случае цифровая личность конструируется через речь от первого лица, фотоколлаж. Однако и этот «осовремененный» вариант подачи материала оказывается композиционно ограничен.

Б. Творчество.

В данных аккаунтах представлено небольшое количество поэтических текстов. Как начало творческой деятельности отмечается первое стихотворение, опубликованное 8 сентября 1902 г. в газете «Тифлисский листок» – «Я в лес бежал из городов...».

В совокупности текстов можно выделить тематическую направленность. Часть из размещенных в постах стихотворений – о природе. Это, например, отрывок из стихотворения «Абиссиния»: «Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы, / Слишком много здесь этой паленой травы... / Осторожнее! В ней притаились удавы, / притаились пантеры и рыжие львы». В этой группе присутствуют случаи размещения текста, как будто написанного по свежим впечатлениям (от пробежки): «Любите осень?». И далее: «По узкой тропинке / Я шел, упоенный мечтою своей...».

При таком минимальном наборе затруднительно составить впечатление о характере творчества Н. Гумилева. При этом ускользает вопрос и о глубине восприятия поэзии Н.Гумилева: в чем особенность изображения разных пейзажей, какое место в поэзии поэта занимает природа? Между тем

«природу поэт воспринимает как храм: «Промчится день, зажжет закат, природа будет храм...», созданный верховной волей, полный чудес и живущий по своим законам, но храм таинственный, что вполне традиционно для русской литературы. Все в природе целесообразно, все имеет свой смысл и назначение, в ней нет ничего случайного, невесть откуда взявшегося, она – живая и одухотворенная» [7]. Природа в творчестве Н.С. Гумилева – предмет его восхищения и восторга, обожания и любви. Она несказанно хороша, трогательна и элегична, а может быть диковинной, цветистой, экзотичной. Особенно это касается дальних стран. В «Африканском дневнике» Н.С. Гумилев описывал, например, дорогу в Харар (город в Эфиопии): «Дорога напоминала рай на хороших русских лубках: неестественно-зеленая трава, слишком раскидистые ветви деревьев, большие разноцветные птицы и стада коз по откосам гор. Воздух мягкий, прозрачный, словно пронизанный крупинками золота. Сильный и сладкий запах цветов. И только странно дисгармонируют со всем окружающим черные люди, словно грешники, гуляющие в раю, по какой-нибудь еще не созданной легенде» [8. С. 69]. Совсем другие слова поэт находит для описания русской природы: «В садах настурции и розы, / В прудах зацветших караси, – / Усадьбы старые разбросаны / По всей таинственной Руси». Кроме того, в представленном в цифровом профиле стихотворении «Осень» («По узкой тропинке...») реализуется один из важных мотивов поэзии Н. Гумилева – мотив Пути, апеллирующий к мифопоэтической модели мира, где странствие, т.е. жизнь, воспринимается как добровольный выбор.

Другой важной темой, нашедшей отражение в стихах, являются отношения поэта с А. Ахматовой. В частности, в аккаунте gumilev.nikolas размещено стихотворение «Жираф». Н. Гумилёв создал его в 1907 г., а в 1908 г. оно было впервые опубликовано в его стихотворном сборнике «Романтические цветы», изданном в Париже на средства автора и посвящённом Анне Андреевне Горенко. На момент написания стихотворения Гумилёв дважды делал Анне Андреевне предложение, хотя оба раза получал отказ. Другое выбранное стихотворение: «Царица – иль, может быть, только печальный ребенок, / Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем, / И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок, / Он тайно стремился навстречу серебряным взорам» (1907). Драма неразделенной любви поэта отразилась здесь во всех своих деталях. «Весной 1907-го Н. Гумилев ненадолго, проездом из Парижа в Царское Село, заезжал в Киев. Как видно из февральских за 1907 г. писем к С.В. Штейну, Анна очень ждала этой встречи, уже решив, что выйдет замуж за друга своей юности... Однако в последующие несколько месяцев в ее жизни что-то случилось. Впрочем, весной 1907-го отношений они, кажется, не выясняли, договорились, что встретятся осенью, в Крыму. Но и в Крыму они снова поссорились. Эта встреча у самого моря описана в стихотворении Гумилева «Отказ» (сентябрь 1907) [9. С. 10].

Развод с А. Ахматовой прокомментирован в Инстаграм фрагментом из стихотворения «Мои читатели»: «И когда женщина с прекрасным лицом, /

Единственно дорогим во вселенной, / Скажет «Я не люблю вас», / Я учу их, как улыбнуться, / И уйти, и не возвращаться больше». Хотя развод состоялся в 1918 г., а стихотворение «Мои читатели» было написано в 1921 г. Свободной волей автор аккаунта создает иллюстрацию к отношениям пары, переводя восприятие этой части текста в план личных отношений, где истинный значимый контекст оказывается скрыт. Между тем «Мои читатели» [10. С. 307] в «серьёзной» поэзии Гумилёва – единственное стихотворение, написанное верлибром, ставшее волею судьбы его поэтическим завещанием. Текст, датированный июлем 1921 г., замыкает лирическую часть последнего составленного самим поэтом сборника «Огненный столп». Начало двадцатых годов прошлого века – это «кульминационный момент в развитии русского свободного стиха» [11. С. 115].

«Писать стихи о высоком назначении своего поэтического труда без тени самоиронии всегда очень опасно... Выбор предельно раскрепощенной формы стиха в «Моих читателях» может быть мотивирован стремлением лишить текст внешних признаков «поэтичности», подчеркнув безыскусность, непринужденность, доверительную простоту монолога, и тем самым сгладить неловкость прямой высокой самооценки» [12].

Наряду с другими в профилях упоминается стихотворение «Капитаны». Сообщается, что цикл «Капитаны» был написан в 1909 г. когда поэт был у М. Волошина в Коктебеле вместе с Л. Дмитриевой. Цикл состоит из четырех стихотворений, где поэт в образах капитанов и моряков изобразил романтическую жизнь, полную приключений и опасностей.

Следует отметить, что «осовремененный» аккаунт максимально приближен к форме блога молодого поэта. «Цифровой» поэт упоминает сборник 1905 г. «Путь конквистадоров», изданный в Санкт-Петербурге, и приводит текст сонета «Я конквистадор в панцире железном...». Однако не упоминается, что этот сонет в творчестве поэта занял особое место. Отражённые в нём образы, темы и приёмы в сконцентрированном виде отражают дальнейшее творчество Н. Гумилёва: они будут развиваться и углубляться. Лирическим героем стихотворения выступает конквистадор, завоеватель, несущий идею активного отношения к жизни. Образ конквистадора-завоевателя будет развиваться в творчестве Н. Гумилёва до 1915 г., пока его не сменит воин-защитник [13].

Таким образом, представленные в аккаунтах тексты относятся в большинстве своем к раннему творчеству и выбраны, видимо, по принципу «романтическому» или принципу известности. Опубликованные стихотворения не оставляют целостного представления о творчестве поэта. Подборка данных текстов создает фрагментарное и поверхностное впечатление о творчестве Н. Гумилева. Между тем за каждым из них стоят обстоятельства, раскрывающие глубину уникальности данных стихотворений.

В. Качества. Эмоциональный фон.

Немаловажно, что современные технологии способствуют в первую очередь зрительному восприятию информации. Визуальный ряд аккаунтов Н. Гумилева в Инстаграм составляют главным образом портреты поэта

(старые подлинные фотографии, фотоколлажи, работы современных художников). Их совокупность репрезентирует образ «героя». Хотя данные подборки субъективны и интуитивны, они коррелируют с образом, запечатленным в поэзии, работах Н. Гумилева, документах, воспоминаниях современников. «Н.С. Гумилев был не только поэтом, но и отважным *воином* (он добровольцем воевал на фронтах Первой мировой войны, за проявленные воинские качества был определен в разведчики); *героем* (вспомним, что он был дважды награжден Георгиевским крестом); неутомимым *путешественником* (Европа, Египет, Судан, Эфиопия, Палестина, Турция – в списке стран, которые он посетил); *охотником* (на его счету подстреленные леопарды, гиены и др.)» [7].

Для наших современников Н. Гумилев предстает как поэт, красавец, офицер, путешественник. Вокруг его гибели в молодом возрасте, его расстрела, сформировался миф о его мужественном и спокойном поведении в последние минуты. Он также романтик, муж А. Ахматовой, что важно, потому что А. Ахматова сама является знаковой фигурой. «Вспоминая о Гумилеве, его самые близкие друзья и ученики единодушно отмечают, что этот поэт-романтик, ревностный христианин и отважный авантюрист в повседневной жизни был вполне практичным и даже скуповатым человеком, с юности привыкшим рассчитывать во всем только на самого себя. Столь же характерными для него чертами характера можно считать рыцарственную верность долгу, самодисциплину, удивительную работоспособность и педантичную добросовестность в любых, даже, на первый взгляд, незначительных делах... «В общественном нашем быту, ограниченном заседаниями редакции, – рассказывал о Гумилеве эмигрировавший на Запад А.Я. Левинсон, – он с чрезвычайной резкостью и бесстрашием отстаивал достоинство писателя... О политике почти не говорил: раз навсегда отвергнутый режим как бы не существовал для него (СС. Т. 1. С. XXXII)» [14. С. 81–82]. В рассмотренных аккаунтах Н. Гумилев вписан в политический, исторический контекст эпохи как имеющий отрицательное отношение к большевикам и жертва красного террора. Цифровой Н. Гумилев упоминает в публикации о 1921 г. как о годе запугивания интеллигенции и предчувствия смерти. Это напрямую связано с мифом, который возник вокруг ареста и расстрела поэта.

Трепетное отношение к внешности было свойственно Н. Гумилеву в большей степени, чем любому другому персонажу русской литературы. В воспоминаниях современников так или иначе возникают его цилиндр, фрак, холеные руки. О взглядах Н. Гумилева на «дендизм», ставший основой цехового этикета для поэтов акмеистической школы и модный в среде русских модернистов тех лет, дает представление предисловие Н. Гумилева к фацеции Тита Петрония Арбитра Матрона из Эфеса. «От Сарданапала через Алкивиада, Бозмунда Тарентского, Букингама вплоть до Джорджа Брюммеля – какая удивительная цепь людей-поэтов, не творцов, а произведений искусства. Сколько их, красивших себе рот, полировавших ногти, изучая в то же время недоступную смертным науку быть всегда естественно прекрасными» [15. С. 5–6].

Подводя итоги, следует сказать, что создание подобных цифровых личностей в соцсетях на основе биографий известных людей следует рассматривать как факт присвоения культуры, а также придания динамики статичным фигурам представителей классической русской литературы, встраивания их в современный культурный дискурс. Изложение от первого лица, воссоздание исторического контекста через личную оценку создает иллюзию общения с поэтом, провоцирует пользователя на «временный отказ от недоверия» (С. Кольридж).

Следует согласиться с Е.В. Горным, что подобные профили реализуют сразу несколько функций: моделирование – имитация длящейся жизни и сознания в отсутствие субъекта сознания и жизни; мифотворчество – вариант создания «мифа о себе», когда автор примеряет личину известного человека; реализация экзистенциальной потребности в лицедействе, желания «быть другим, а не собой»; игра. При этом «осовременивание» образа поэта через создание цифровой личности удастся лишь частично: главным образом, через создание фотоколлажей, где поэт помещен в современную обстановку. Это указывает скорее не на желание использовать биографический материал известного человека как основу для собственного творчества, а на стремление сделать другую жизнь и эпоху более близкими и понятными для собственного восприятия.

Появление таких феноменов, как цифровой профиль известной личности в социальной сети, помимо дидактических целей отчасти объясняется литературоцентричностью русской культуры, отчасти развитием технологических инструментов присвоения знаний и культуры. Проанализированные профили являются вариантами субъективного представления о Н. Гумилеве и представляют собой, прежде всего, интересный визуальный ряд. Однако без владения навыками анализа и чтения произведений, без теоретической подготовки знакомство с подобными проектами, как и их создание, не дают сколько-нибудь значимого развития читательского опыта. Следует сказать, что подобные проекты создают широкое поле для интерпретаций. Как уже было отмечено, в онлайн-пространстве связь цифровой личности с реальным прототипом относительна, цифровая личность может приобретать новые качества, симулировать активность, структурировать новые социальные смыслы, что справедливо и для цифровой личности, основанной на биографии известного лица.

Фактически сегодня это один из способов взаимодействия читателя и поэта, присвоения культуры, присвоения знания, связанный с практикой мифологизации знания, искажений за счет отсутствия верификации. В этом процессе присвоения и освоения литературы происходит распад целого на отдельные фрагменты, где все становится материалом для интерпретации и коллажа. Такая тенденция отличается от традиционного пути усвоения информации, когда библиотека была основным хранилищем и источником кодифицированной информации, и ведет к трансформации отношений между людьми, культурой и литературой.

Список источников

1. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 41 с.
2. Попова Д.А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 87–91.
3. Попова Д.А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария : дис. ... канд. филол. наук Улан-Удэ, 2017. 217 с.
4. Зекерьяев Р.И. Типы виртуальной личности интернет-пользователя // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 255–263.
5. Горный Е.В. Виртуальная личность как жанр творчества // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html> (дата обращения: 07.04.2021).
6. Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Манделштам. СПб. : Акад. проект, 2005. 431 с. URL: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/bio/dutli-vek-moj-zver-moj/rim-invnutrennyaya-svoboda.htm> (дата обращения: 02.04.2021).
7. Рыжкова Л. «Воля равновесья: Натурфилософия Н.С. Гумилева» // Литературно-публицистический просветительский журнал «Клаузура». URL: <https://klauzura.ru/2013/12/lyubov-ryzhkova-volya-ravnovesy-naturfilosofiya-n-s-gumileva/> (дата обращения: 29.03.2021).
8. Гумилев Н.С. В огненном столпе. М. : Сов. Россия, 1991. 416 с. (Русские дневники).
9. Ахматова А.А. Серебряная ива. М. : Эксмо, 1999. 477 с. URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=111881&p=6> (дата обращения: 26.03.2021).
10. Гумилёв Н.С. Сочинения : в 3 т. / [под ред. Н.А. Богомолова]. Т. 1: Стихотворения; Поэмы. М. : Худ. лит., 1991. 589 с.
11. Овчаренко О.А. Русский свободный стих. М. : Современник, 1984. 206 с.
12. Грибков А.Г. Семантика формы в стихотворениях Н.С. Гумилёва // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7308> (дата обращения: 05.04.2021).
13. Лапинская И. Первый сонет Николая Гумилева // Русская речь. 1997. № 6. С. 21–26.
14. Гумилевские чтения. Alle Bestellungen an WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Institut für Slawistik der Universität Wien, A-1010 Wien, Liebiggasse, 1984. № 5.
15. Тут Петроний Арбитр. Матрона из Эфеса / пер. с лат., послесл. и примеч. Г.И. Гидони, с предисл. Н.С. Гумилева и с 12 гравюрами на дереве Григория Гидони. Пг., 1923. 212 с.

References

1. Lutovinova, O.V. (2013) *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Language personality in virtual discourse]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
2. Popova, D.A. (2019) Digital personality as a central element of interpersonal internet discourse. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura – Vestnik of Buryat State University. Language. Literature. Culture*. 2. pp. 87–91. (In Russian).
3. Popova, D.A. (2017) *Sposoby reprezentatsii sub"ektivnosti tsifrovoy lichnosti v zhanre internet-kommentariya* [Methods of representation of the subjectivity of a digital personality in the genre of Internet commentary]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
4. Zeker'yaev, R.I. (2019) *Tipy virtual'noy lichnosti internet-pol'zovatelya* [Types of virtual personality of an Internet user]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*. 1 (49). pp. 255–263.

5. Gornyy, E.V. (2007) Virtual'naya lichnost' kak zhanr tvorchestva [Virtual personality as a genre of creativity]. *Setevaya slovesnost'*. [Online] Available from: <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html> (Accessed: 07.04.2021).

6. Dutli, R. (2005) *Vek moy, zver' moy. Osip Mandel'shtam* [My Age, My Beast. Osip Mandelstam]. Translated from German by K.M. Azadovskiy. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt. [Online] Available from: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/bio/dutli-vek-moj-zver-moj/rim-i-vnutrennyaya-svoboda.htm> (Accessed: 02.04.2021).

7. Ryzhkova, L. (2013) Volya ravnoves'ya. Naturfilosofiya N.S. Gumileva [The will of equilibrium. N.S. Gumilyov's natural philosophy]. *Klauzura*. [Online] Available from: <https://klauzura.ru/2013/12/lyubov-ryzhkova-volya-ravnovesya-naturfilosofiya-n-s-gumileva/> (Accessed: 29.03.2021).

8. Gumilev, N.S. (1991) *V ognennom stolpe* [In a pillar of fire]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

9. Akhmatova, A.A. (1999) *Serebryanaya iva* [Silver Willow]. Moscow: Eksmo. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=111881&p=6> (Accessed: 26.03.2021).

10. Gumilev, N.S. (1991) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

11. Ovcharenko, O.A. (1984) *Russkiy svobodnyy stikh* [Russian Free Verse]. Moscow: Sovremennik.

12. Gribkov, A.G. (2012) Formal semantics in the poems of N.S. Gumilyov. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. [Online] Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7308> (Accessed: 05.04.2021). (In Russian).

13. Lapinskaya, I. (1997) Pervyy sonet Nikolaya Gumileva [The first sonnet of Nikolay Gumilyov]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 6. pp. 21–26.

14. Hansen-Löve, A.A. (ed.) (1984) *Gumilevskie chteniya* [Gumilyov readings]. Wien: Offsetschnelldruck Anton Riegelnik.

15. Titus Petronius Arbitr. (1923) *Matrona iz Efesa* [The Widow of Ephesus]. Translated from Latin by G.I. Gidoni. Petrograd: [s.n.].

Информация об авторе:

Маслова Ж.Н. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: maslovajeanna@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zh.N. Maslova, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: maslovajeanna@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2021;
одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 21.04.2021;
approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 09.04.2022.*

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/19986645/75/17

Особенности функционирования медиальных включений в живописном экфрасисе

Юлия Владимировна Яровикова

*Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия,
yarovikovayuv@mgppu.ru*

Аннотация. Представлен комплексный анализ интермедиальных корреляций (литературно-живописных, литературно-музыкальных, литературно-танцевальных) в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец» («The Peasant Dance»). Выделены языковые средства реализации медиальных включений и особенности их функционирования как на отдельных уровнях организации экфрасиса (фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом), так и на уровне целого произведения. Материалом исследования послужило написанное в жанре экфрасиса стихотворение «The Dance» ведущего американского поэта XX в., лауреата Пулитцеровской премии Уильяма Карлоса Уильямса.

Ключевые слова: интермедиальность, медиальные включения, экфрасис, У.К. Уильямс, поэзия, живопись, музыка, танец

Для цитирования: Яровикова Ю.В. Особенности функционирования медиальных включений в живописном экфрасисе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 321–344. doi: 10.17223/19986645/75/17

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/17

The peculiarities of medial elements' functioning in a painting ekphrasis

Yulia V. Yarovikova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation,
yarovikovayuv@mgppu.ru*

Abstract. The paper seeks to fully analyze the intermedial correlations of poetry, painting, music, and dance in a literary description (aka ekphrasis) of Pieter Bruegel the Elder's picture *The Peasant Dance*. Ekphrasis, defined as a verbal description of an artwork in fiction and non-fiction, forms a large part of William Carlos Williams' creative legacy. W.C. Williams (1883–1963) is a great American poet, novelist, essayist, playwright with many renowned literary awards including the posthumous Pulitzer Prize for the poetic cycle *Pictures from Brueghel and Other Poems* (1963). The paper is based on the material of one of the cycle's poems "The Dance" (1944). The ekphrastic poem under analysis is an allusion to Pieter Bruegel the Elder's picture *The Peasant Dance*. The author follows A. Hansen-Löwe's typology of intermedial

correlations which is still being clarified and expanded due to linguists' continuing interest in the explication of intermedial correlations extending beyond those of literature and painting once introduced by Hansen-Löwe. The study draws on three common types of intermedial correlations among which are transposition, transfiguration, projection. The author establishes that the medial (painting, music, dance) elements are incorporated into the ekphrasis within transposition and transfiguration, and function on different language levels (phonetic, morphological, lexical-semantic, syntactic) as well as in the poem as a whole. The study reveals that such medial elements as ring composition clearly shaping the contours of the ekphrasis like a picture frame, allusions to Bruegel and his painting making up the plot of the poem, terms of music and dance and thematically related words are referred to as those which more explicitly demonstrate the dialogic relationship between the arts. The most complex intermedial correlations of the discursive nature lie on the content and figurative levels, and can be inferred from the analysis of epigrammatic ties and that of the trope system of the ekphrasis. The author assumes that the complex semiotic, semantic, and aesthetic mechanisms typical of the intermedial correlations of poetry, painting, music, and dance involve representations in different sensory modalities, contribute to imagery and expressiveness of the ekphrastic poem as well as create its overall tone and atmosphere which can be characterized as being carnival, grotesque and comic. The latter is represented by the medial elements serving compositional, plot-building, sense-forming and parody functions. On the basis of the results obtained the author concludes by arguing that it is a high degree of the incorporated medial elements that makes intermediality is both W.C. Williams' writing strategy and the artistic dominant of the entire ekphrasis.

Keywords: intermediality, medial elements, ekphrasis, William Carlos Williams, poetry, painting, music, dance

For citation: Yarovikova, Yu.V. (2022) The peculiarities of medial elements' functioning in a painting ekphrasis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 321–344. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/17

Введение

В современных реалиях все отчетливее прослеживается тенденция к синтезу искусств, их взаимопроникновению, диалогизации. Интегративные процессы коснулись музыки и живописи, скульптуры, архитектуры и танца, кино, театра и телевидения. Это обусловлено совокупностью факторов, среди которых, помимо прочих, можно выделить ускоренный темп жизни, бурно развивающийся научно-технический прогресс, интеграцию наук, широкое использование компьютерных технологий и человеческих ресурсов, заметно возросший интерес общества к искусству и др. В основе данной работы – одна из форм актуализации диалогических отношений между искусствами, для обозначения которой в современной научной парадигме оперируют термином *интермедийность*. В отличие от интертекстуальности, подчеркивающей исключительно межлитературные связи и, следовательно, отражающей взаимодействие в пределах одного вида искусства, интермедийность базируется на диалогическом взаимодействии в гетерогенном дискурсивном пространстве текста несловесных искусств и лежащих в их основе «формообразующих принципов, структурной доминан-

ты их художественного языка» [1. С. 293]. Для лингвистов данная проблематика представляет интерес на уровне интермедиальных корреляций литературы и музыки / живописи / скульптуры / архитектуры и т.п. В этой связи в последнее время заметно возрос исследовательский интерес к *экфрасису* (*экфразису*, *экфразе*).

Целью настоящего исследования является комплексный анализ интермедиальных отношений литературы и живописи / музыки / танца в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец» (*The Peasant Dance*).

Материалом исследования послужило стихотворение *The Dance*, принадлежащее перу одного из ведущих американских поэтов XX в., лауреата Пулитцеровской премии Уильяма Карлоса Уильямса (1883–1963).

Объект изучения составили медиальные включения – элементы живописной, музыкальной, танцевальной (темпоритмической) организации экфрасиса, а особенности их функционирования определены как предмет настоящего исследования.

Феномен интермедиальности в контексте современного гуманитарного знания

Под *медиа* в теории интермедиальности принято понимать: художественные формы (традиционно: виды искусства) как культурные институции [2]; каналы художественных коммуникаций между языками разных видов искусства [3]; в самом узком смысле – средства передачи информации, которые в каждом виде искусства организуются по своему своду правил – коду, представляющему собой специфический язык каждого искусства, будь то слова писателя, цвет, тень, и линия художника, звуки музыканта, организация объемов скульптором и архитектором и т.п. [4]. Исходя из широкого и узкого толкования медиа, в современных исследованиях, посвященных проблемам интермедиальности, можно выделить два основных подхода к пониманию данного феномена.

Интермедиальность в самом широком – *культурологическом* понимании – это создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры [3]. Представляется, что такое толкование вытекает, в частности, из положения М.С. Кагана об архитектурной организованности искусств, которое в той или иной мере соотносится с современным пониманием интермедиальности. Ср.: «...во всяком искусстве с наибольшей полнотой и определенностью выражено соответствующее эстетическое качество, сфера действия которого выходит, однако, далеко за пределы этого вида искусства (например, «музыкальность» свойственна не только музыке, «поэтичность» – не только поэзии, «живописность» – не только живописи и т.д.). Так и «архитектоничность» не является привилегией архитектуры. Своеобразные проявления этого формообразующего принципа мы встречаем во всех искусствах, вплоть до литературы и музыки, не говоря уже об изобразительных искусствах, где пространственная структура

образа необходимо несет ту или иную степень его архитектурной организованности» [1. С. 293]. Интермедиальность в таком разрезе – это не просто диалог искусств, а процесс, при котором «один художественный язык включается в систему выразительности другого языка, в результате чего рождается новое означаемое» [5].

Сказанное выше непосредственно подводит нас к более узкому пониманию феномена интермедиальности, связанному «с бытием художественного текста в семиотическом пространстве культуры» [6]. Такой подход, в основе которого, как представляется, лежит тезис Ю.М. Лотмана о том, что «текст есть одновременная манифестация нескольких языков» [7. С. 82], можно обозначить как *семиотический*. Обратимся в этой связи к некоторым наиболее релевантным для данной работы представлениям Ю.М. Лотмана о тексте как о семиотическом пространстве в общей системе культуры: «...текст представляет собой устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств. <...> Возникающая при этом в тексте смысловая игра, скольжение между структурными упорядоченностями разного рода придает тексту большие смысловые возможности, чем те, которыми располагает любой язык, взятый в отдельности. Следовательно, текст является не пассивным вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором. Сущность же процесса генерации – не только в развертывании, но и в значительной мере во взаимодействии структур. Их взаимодействие в замкнутом мире текста становится активным фактором культуры как работающей семиотической системы» [7. С. 64]. Таким образом, художественный текст как одна из форм существования культуры, подобно естественному языку, также оказывается универсальным – интермедиальным – кодом, сущность которого – «фазовый переход» от лингвокультуры («культуры в языке») к семиотике культуры (к культуре в любых семиотических кодах). Иначе художественный текст может говорить (во всяком случае пытаться сказать) о смыслах, которые несут жесты и мимика, запах и цвет, музыка и живопись, скульптура и архитектура и т.д., т.е. выступает как интерсемиотическое произведение [6].

Придерживаясь узкого понимания, интермедиальность определяют как особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии художественных кодов разных видов искусства. Можно сказать, что интермедиальность – это наличие в художественном произведении таких образных структур, которые заключают информацию о другом виде искусства. Например, описание картины переносит в литературный текст образный смысл цвета, колорита, формы, композиции и т.д. [3]. В узком смысле интермедиальность – это особый способ организации художественного текста посредством взаимодействия средств художественной выразительности различных видов искусства [8].

Диалогическая природа искусства, на которой в той или иной мере базируются представленные выше подходы к пониманию феномена интермедиальности, прослеживается также в работах некоторых крупнейших философов, писателей и критиков, внесших значительный вклад в развитие эстетики, системы взглядов на искусство в целом. Интерес к данной пробле-

матике, возможно, обусловлен тем, что «художественное произведение никогда не говорит прямо о реальных фактах действительности; в состав эстетического объекта входят лишь виртуальные, воображимые факты, смысл которых более глубок и емок, чем реальная значимость их аналогов в действительности. Это существенно объединяет художественную литературу с изобразительными (живопись, скульптура), музыкальными (инструментальная музыка, пение) и зрелищными (театр, кино) видами искусства» [9. С. 116]. Так, например, в одном из трудов Н.Г. Чернышевского по эстетике можно встретить такое выражение, как «поэтическая картина», в котором отражены художественные параллели и аналогии между живописью и поэзией, в той или иной мере перекликающиеся с содержанием уже более современных понятий «словесная живопись», «словесная наглядность» и т.п. Усматривавший значение искусства в воспроизведении действительности Чернышевский отмечал, что воспроизвести предмет со всеми подробностями под силу только живописи и скульптуре. В то же время способность к самому точному, достоверному, правдоподобному, в терминах теории интермедальности – «живописному», «наглядному», описанию он признавал за словесным искусством. Ср: «в поэзии слово яснее самого предмета»; оно – «живое и ясное указание на действительность»; «предмет в поэтическом произведении может быть удобопонятнее, нежели в самой действительности» [10. С. 164]. Проблема правдоподобного, «наглядного» описания поднималась и в трудах П.А. Флоренского: «...в иных случаях впечатление от поэзии настолько определенно разворачивается с характером изобразительности, что остается по прочтении книги почти непреодолимое убеждение, что сам видел описываемое там, или что книга была иллюстрирована» [11. С. 226]. В первой половине XX в. итальянец Бенедетто Кроче в своей известной работе «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1920) также обращался к вопросу о диалогических отношениях между искусствами, в частности указывая на неотделимость словесных выражений от несловесных, к которым причислял линии, цвета, звуки и т.п. «Удобопедаваемое выражение должно иметь форму. Поэту и художнику, которым недостает формы, недостает всего...» [12. С. 30].

Рассуждая о правдоподобном изображении, где правдоподобие, по Р. Барту, «имеет не референциальный, а открыто дискурсивный характер» [13. С. 395], многие сходятся во мнении, что живопись представляет собой язык, понятный всем. Однако нельзя не согласиться с тем, что в силу высокого потенциала языковых единиц к смыслопорождению, их большей информативности, в системе интермедальных отношений вербальный код зачастую превосходит визуальный (иконический). «Из всех видов искусства именно в литературе особенно сильны законы синестезии в силу особой природы слова-знака. Зримое и слышимое наличествует в литературе если и не в акте восприятия, то в воображении. Благодаря этому литература предстает универсальным, «полисенсорным» искусством» [14. С. 18], или медиальной доминантой в системе других медиа.

Применительно к исследованиям лингвистической направленности оговорим, что интермедиальность – это не только свойство текста, но также и индивидуальное устремление автора художественного произведения, эстетическая авторская стратегия, целью которой является художественная формализация взаимодействий медиа. Интермедиальность как свойство текста относится к «плану языка», не зависит от автора и определяется онтологией коммуникации. Интермедиальность как авторская стратегия разворачивается в «плане стиля», т.е. является авторским осмыслением текстового принципа интермедиальности, намеренно выраженным в материальной структуре произведения [15].

Обращаясь далее к вопросу о методологии интермедиального анализа, следует отметить, что данная проблематика не исчерпала своей актуальности. Как показывают многочисленные исследования, методология интермедиального анализа все еще находится в стадии становления и говорить о том, что она характеризуется отсутствием методологических лакун, пока не представляется возможным. Интермедиальность как авторская стратегия попала в фокус многочисленных работ, в основе которых заложен вектор, заданный О. Ханзенем-Лёве [2], обозначившим три типа интермедиальных взаимодействий словесного и изобразительного искусства: *транспозицию*, в результате которой создается текст-символ; *трансфигурацию*, в результате которой создается текст-икона; *проекцию*, в результате которой создается текст-индекс. Неослабевающий интерес лингвистов к проблеме языковой реализации интермедиальных отношений, выходящих далеко за пределы литературно-живописных корреляций, послужил мощным толчком для дальнейшего развития данной типологии, в частности для ее уточнения и дополнения. Экстраполированная в исследовательских целях на интермедиальные отношения литературы и музыки / танца / архитектуры, в настоящее время она имеет следующий обобщенный вид [8. С. 16–17]:

1. Интермедиальные корреляции по типу *транспозиции* отражают структурные параллели произведений литературы и других видов искусства. Транспозиция может выражаться:

а) в заимствовании формообразующих принципов искусства-источника (принцип фуги, рефрена, использующийся для повторения / чередования одной и той же темы или мотива; вербальная имитация формы, цвета, фактуры и др.);

б) воспроизведении техники композиции несловесных искусств (композиционный прием рамки, подчеркивающий аналогию с рамой картины; сонатная форма в поэзии; роман в манере сценария фильма; музыкализация текста путем воспроизведения в нем четко ощущаемого темпа, ритма, динамики и др.).

Отметим, что во многих работах подчеркивается сугубо условный характер транспозиции. В частности, речь идет о том, что «буквальное преобразование поэзии в скульптуру, музыку или живопись неосуществимо. Когда о поэзии говорят, что она «скульптурна», перед нами лишь неточная метафора, при помощи которой пытаются выразить известное сходство

впечатлений от такого рода поэзии и от греческой скульптуры: и там и здесь холодность, подчеркиваемая белым мрамором или гипсом, ощущение покоя и сосредоточенности, резкость и ясность линий. Но мы отдаем себе отчет в том, что холодность в поэзии – нечто иное, нежели осязаемая холодность мрамора и почти физически испытываемое сходное ощущение при виде сплошного белого цвета, да и покой в поэзии – не то, что покой в скульптуре. При этом не подразумевается никакого действительного родства с ваянием. Сходство будет определяться лишь тем, что ей присущ медленный, торжественный размер и лексика, благодаря которой внимание читателя задерживается на отдельных словах, почему и чтение оказывается неспешным» [16. С. 140]. Содержание музыки, предельно абстрактное, обобщенное и «не отделимое» от выражающих его звуков, не переводимо на язык слов. Его трудно передать словами: речь сразу делается не прямой, слова выступают не в своих обычных значениях, но в переносно-образных, метафорических [17. С. 332]. Сказанное означает, что «искусства связывают не отношения статичного «сходства», но сложный взаимообмен терминами и понятиями, которые при переходе из одного искусства в другое теряют свое «буквальное» значение и становятся метафорами, принадлежащими смысловому измерению текста» [9. С. 133].

В этом, как видится, заключается символичный характер транспозиции – переход, или транспонирование художественного кода искусства-источника в литературное произведение всегда иллюзорно. Структурные параллели и аналогии между языками различных видов искусства, системой их выразительности, на которых зиждется транспозиция, интерпретируются не буквально, но образно, метафорически, на основании общности лежащих в их основе формообразующих принципов и техники композиции. В результате интермедиальных корреляций такого типа возникает текст-символ (в терминах О. Ханзена-Лёве), акцентирующий дополнительное имплицитное содержание, для декодирования которого необходимы определенные когнитивные усилия, направленные на интерпретацию художественного текста как эстетически организованного целого.

2. Интермедиальные корреляции по типу *трансфигурации* могут быть представлены в литературном произведении в виде:

а) включений аллюзивных мотивов, сюжетов и образов других видов искусства;

б) упоминаний или обсуждений другого вида искусства, отсылок к именам художников, музыкантов и т.п. и их произведениям. Применительно к трансфигурации такие типы интермедиальных взаимодействий соответственно называют *инкорпорацией* и *референцией (интермедиальной тематизацией)*.

Иконический характер трансфигурации обусловлен особыми отношениями между означающим и означаемым иконического знака, в частности способностью формы замещать его денотат, сообщая информацию о свойствах представляемого им предмета, объекта, понятия. Иконический знак мотивирован – по его форме определяется и его содержание. Так, напри-

мер, имена композиторов и их произведений, наименования музыкальных инструментов и звукоподражательные слова, имитирующие их звучание, в литературном произведении являются иконическими знаками музыки, за которыми стоит весь ассоциативный ряд, связанный с этим искусством.

3. Интермедиальные корреляции по типу *проекции* основаны на подражании языка доминирующего искусства определенным характеристикам и структуре текста недоминирующего искусства, что предполагает сходство структуры и языка литературного текста с формой и языком произведения несловесного искусства. Неслучайно данный тип корреляций еще именуют *интермедиальной имитацией*, ярким примером которой может служить визуальная поэзия (фигурный стих, шрифтовой стих, лингвогобелен, люменоскрипт и др.). Обозначенное выше в полной мере согласуется с понятием О. Ханзена-Лёве о тексте-индексе, полноправным компонентом которого является изобразительный ряд. Индексальность предполагает здесь графическое воспроизведение, или имитацию посредством преднамеренного расположения букв, слов, строк и т.п. формы каких-либо легко узнаваемых фигур, предметов, объектов.

В многочисленных исследованиях транспозиция и трансфигурация получили общее наименование *трансформация*. Таким образом, в современной теории интермедиальности выделяют два основных типа интермедиальных корреляций: трансформацию и проекцию. Следует, однако, отметить, что существует ряд исследований [13–14, 18], в которых интермедиальность как авторская стратегия рассматривается с позиций не противоречащего предыдущим, но дополняющего подхода, построенного по принципу разноуровневой организации. В рамках такого подхода представляется, что для реализации интермедиальной стратегии автору необходимо изменить художественную структуру произведения на одном или нескольких уровнях одновременно. Содержание интермедиальных корреляций при этом соотносится с обозначенным выше. В качестве резюме представим схему, в которой Уровень формы – имитация средств художественной выразительности, техник и приемов другого вида искусства, т.е. его принципов образостроения (использование цветовой гаммы, присущей определенному направлению в искусстве, описание светотеневых эффектов, воссоздание вербальными средствами формы, цвета, фактуры изображаемых объектов); воспроизведение техники композиции, типовых форм другого вида искусства [14]; Уровень темы – аллюзии и реминисценции на произведения другого вида искусства; аллюзивное использование образов, мотивов и сюжетов другого искусства [14]; Уровень именования – упоминание в тексте названий произведений искусства и их авторов для создания эффекта присутствия художественного мира другого вида искусства; использование лексики, относящейся к сфере определенного искусства [14]; Уровень художественного образа – сближение искусств через художественный образ реализуется через упоминания в литературных произведениях произведений иных видов искусства [15].

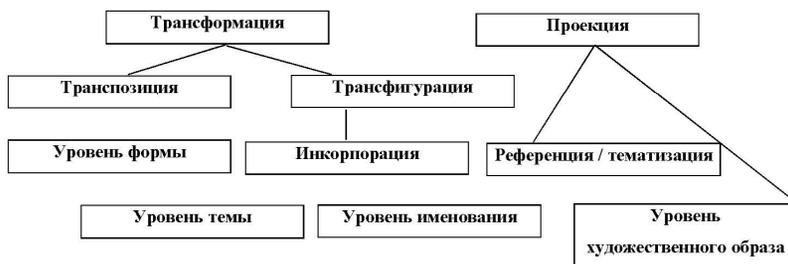

Рис. 1. Типы интермедийных корреляций

Экфрасис и его место в творчестве У.К. Уильямса

Экфрасис, под которым понимается вербальное описание произведения искусства в художественной и нехудожественной литературе, восходит к античному прогимнастму – риторическому упражнению, развивающему навыки ораторской речи посредством устных и письменных описаний. Позднее, когда описание становится неотъемлемой частью ораторской речи, экфрасис, отождествляясь с красноречием, яркой, живой, возвышенной речью, постепенно утрачивает дидактический статус прогимнастма и переходит в область литературы. Выделение экфрасиса в автономный жанр относят к периоду поздней Античности, в течение которого содержательная сторона экфрасиса претерпевает значительную трансформацию. На смену точному, формальному описанию, развивающему умение мастерики и доподлинно передавать в деталях максимальное количество фактической информации о референте, приходит описание изобразительное, в большей степени основанное на авторской рефлексии [19].

Ключ к пониманию сложной природы экфрасиса лежит, как видится, в известном тезисе Ю.М. Лотмана о том, что «искусство может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведение искусства – как текст на этом языке» [20. С. 22]. Однако было бы не совсем справедливо определить экфрасис как взаимодействие текстов разных семиотических систем (литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, танца и т.п.), не остановившись на вопросе, каким образом «несловесному тексту приписываются черты словесного» [7. С. 389]. Определяя далее экфрасис как сложное семиотическое явление, следует, прежде всего, поставить акцент на том, что экфрасис – это следствие интерсемиотического перевода одного художественного кода в другой. В данном контексте необходимо принимать во внимание семиотическую гетерогенность текста в общей системе культуры: «...сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста образуют его внутренний полиглолизм. Многоголосый материал получает дополнительное единство, пересказываясь на языке данного искусства. Многоструктурность сохраняется, однако она как бы упакована в моноструктурную оболочку сообщения на языке данного искусства» [7. С. 82–86]. Это значит, что информа-

ция, переведенная в иной код, рассматривается сквозь призму нового кода и, следовательно, обретает новый смысл, подчиняясь ведущему языку [5].

Применительно к экфрасису следует также отметить и то, что в системе интермедиальных отношений, как правило, сначала осуществляется перевод одного художественного кода в другой, а затем происходит взаимодействие, но не на семиотическом, а на смысловом уровне. Так, включение элементов других видов искусств в нехарактерный для них вербальный ряд значительно модифицирует сам принцип взаимодействия искусств. Например, описание картины переносит в литературный текст образный смысл цвета, колорита, формы, композиции и т.д. В то же время «транспонирование» «визуальных» элементов в вербальный ряд порождает особый художественный эффект: утрачивается свобода зрительных ассоциаций, как при восприятии живописного полотна, и возникает цепь ассоциаций смысловых [3]. Если эстетическая деятельность композитора состоит в том, чтобы в качестве виртуальной действительности «творить слышимую жизнь», а живописца и скульптора жизнь зримую, то писатель посредством вербализации своего воображения творит ментальную (мысленную) действительность. Читательское восприятие не сводится к актуализации значений слов внутренним зрением и актуализации звучания речи внутренним слухом, но осуществляется прежде всего как осмысление вторичной (художественной) значимости вербальных знаков [9. С. 116].

Экфрасис как одна из форм интермедиальных корреляций словесного и несловесных искусств занимает значительное место в творческом наследии Уильяма Карлоса Уильямса – крупнейшего американского поэта, прозаика, драматурга, критика, нашедшего себя в новаторском для того времени направлении художественного авангарда. Искусство тем не менее не мешало его успешной карьере врача-педиатра, практиковавшего во Франции, Германии и США, – Уильямс остался верен профессии до конца своих дней. В медицинской практике он черпал основной исходный материал, который позже ложился в основу его стихов, романов и очерков. Многие зарисовки к будущим произведениям (сюжет рассказа, отдельные стихотворные строчки, диалоги персонажей и др.) автор делал в промежутках между приемами пациентов, зачастую записывая свои мысли на рецептурных бланках [21. Р. 1564]. Однако большее признание получила не медицинская карьера Уильямса, а его творчество. Он – обладатель многих престижных наград в области литературы, включая Пулитцеровскую премию, которой был посмертно удостоен за цикл стихотворений *Pictures from Brueghel and Other Poems*, посвященный полотнам Питера Брейгеля Старшего. Как указывают биографы У.К. Уильямса, настоящая слава и признание пришли к нему только после смерти. Сегодня его имя увековечено на мемориальной доске, установленной на здании больницы, которую он возглавлял; его именем назван Центр в одном из городов штата Нью-Джерси; ему посвящен журнал; по мотивам его поэмы *Paterson* снят фильм; Американским обществом поэзии (*Poetry Society of America*) учреждена ежегодная премия его имени.

Интермедиаальная поэтика У.К. Уильямса – оригинальная и самобытная, пропитанная идеями имажизма и авангарда, – заслуживает отдельного внимания. Формулируя собственное представление о том, какой должна быть современная поэзия, У.К. Уильямс выдвинул четыре пункта. Во-первых, поэзии надлежало обратиться к будничному, черпая в нем темы и мотивы. Поэту следует писать о таких вещах, которые вызовут непосредственный отклик у людей. Поэт обязан говорить о реальных событиях и людях таким языком, который будет понятен всякому, и внимательно прислушиваться к речи обычных людей. Свой язык Уильямс называл «американской речью», многократно подчеркивая, что она отличается от английского языка. По его прозаическим произведениям видно, насколько он был увлечен речью обычных людей. Четвертый принцип поэтики Уильямса – писать о «локальном», так как целостная картина жизни открывается лишь тем, кто досконально изучил какой-то небольшой ее фрагмент [22].

В исследованиях, посвященных идиостилю У.К. Уильямса, зачастую подчеркивается роль имажизма, к которому он примыкал в юности. В частности, указывается, что большое влияние на поэтику Уильямса оказали взгляды имажистов относительно содержания и задач поэзии: «...прямое изображение «вещи», субъективное или объективное; ни одного лишнего слова, ненужного для представления «вещи»; в отношении ритма: сочинять, следуя принципу музыкальной фразы, а не принципу метронома» [23]¹.

Особое место в творческом наследии У.К. Уильямса занимает цикл «Картинки, по Брейгелю, и другие стихотворения» (*Pictures from Brueghel and Other Poems*), удостоенный, как упомянуто выше, Пулитцеровской премии за поэтическое произведение (1963). Именно в этом труде интермедиаальные корреляции словесного и несловесных искусств получили максимальную реализацию, придав поэтике Уильямса неповторимый, самобытный колорит. Высокая насыщенность цикла медиальными включениями позволяет говорить о том, что интермедиаальность у У.К. Уильямса не только авторская стратегия, но и художественная доминанта всего произведения. «Стихи «по мотивам» полотна Брейгеля – это не навеянные созерцанием Брейгеля «образы», а попытка рисовать словами по чужой канве. При этом Уильямс не описывает, а воссоздает – средствами языка – брейгелевский холст» [24].

В настоящем исследовании представлен комплексный анализ одного из стихотворений, входящего в цикл, обозначенный выше. Написанное в жанре экфрасиса стихотворение *The Dance* (1944) представляет собой прямую отсылку к картине Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец» (*The Peasant Dance*).

В статье предпринята попытка эксплицировать интермедиаальные корреляции (литературно-живописные, литературно-музыкальные, литератур-

¹ Цит. по: Guimond J. *The Art of William Carlos Williams. A Discovery of America*. Urbana ; Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 1968. P. 31.

но-танцевальные) и проанализировать особенности их функционирования в поэтическом тексте экфрасиса.

The Dance

In Brueghel's great picture, *The Kermess*, the dancers go round, they go round and around, the squeal and the blare and the tweedle of bagpipes, a bugle and fiddles tipping their bellies (round as the thick-sided glasses whose wash they impound) their hips and their bellies off balance to turn them. Kicking and rolling about the Fair Grounds, swinging their butts, those shanks must be sound to bear up under such rollicking measures, prance as they dance in Brueghel's great picture, *The Kermess*.

Рис. 2. Питер Брейгель Старший «Крестьянский танец» (1567)

Элементы живописной организации в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец» (*The Peasant Dance*)

Композиционный прием рамки, или формальное обозначение границ, является «общим структурным принципом внутренней организации художественного «текста» (в широком смысле этого слова)» [25. С. 207]. Обрамление текста (рама картины, откашливание актера перед арией, настройка инструментов оркестром, слова «итак, слушайте» при устном рассказе и т.п.) в текст не вводится. Оно играет роль предупредительных сигналов в начале текста, но само находится за его пределами. Стоит ввести рамку в текст, как центр внимания аудитории перемещается с сообщения на код. <...> Одновременно подчеркивается роль границ текста, как внешних, отделяющих его от не-текста, так и внутренних, разделяющих участки различной кодированности [7. С. 71–77].

Применительно к исследуемому экфрасису художественные аналогии с рамой картины заключаются в использовании кольцевой композиции – повтора одной и той же строки (*in Brueghel's great picture, The Kermess*) в начале и конце поэтического текста. Такая переключка между началом и концом произведения позволяет легко и естественно «закруглить» произведение, придать ему композиционную стройность [26. С. 85]. Данный элемент живописной организации, инкорпорированный в экфрасис по типу *транспозиции*, реализует функцию рамки на уровне всего произведения. Обрамление, направленное на четкое очерчивание границ экфрасиса, является не только *композиционным*, но и *сюжетобразующим* элементом. Сращение рамки с сюжетом достигается уже за счет такого типа интермедиальных корреляций, как *референция*. Включение в рамку отсылки к по-

лотну (*The Kermess*)¹ и его автору (*Brueghel*) функционирует как сюжето-образующее начало экфрасиса, организуя основное содержание всего произведения вокруг обозначенного живописного полотна.

Элементы музыкальной организации в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец» (*The Peasant Dance*)

В современной теории интермедийности выделяют две противоположные точки зрения на проблему литературно-музыкальных корреляций. Сторонники одной из них полагают, что литература и музыка состоят в отношениях онтологической интермедийности. В исследованиях такой направленности подчеркивается общность черт художественных языков этих искусств, их взаимопроникновение и диалогичность: и музыка, и литература, в частности поэзия, обладают такими общими свойствами, как темп, ритм, такт, мелодика, интонация, фактура и др. Согласно противоположной точке зрения «эффект музыкальности слова всегда остается в значительной степени иллюзорным, поскольку специфически музыкальные средства выразительности литературе недоступны. Аналогии между музыкой и словесным искусством фактически включают в себя: 1) отождествление музыки с некой умозрительной идеей или общеэстетическим принципом; 2) перенос этой идеи или принципа на словесное произведение; 3) отождествление словесного произведения с музыкой на основании общности лежащего в их основе принципа» [9. С. 131].

Как показывают многочисленные исследования, музыкальные принципы организации текста, как правило, охватываются звукоподражанием и различными видами повторов, аллитерацией в частности. Не исключением стал и анализируемый в работе экфрасис. Музыкализация произведения достигается здесь одновременно за счет *транспозиции* – переноса из искусства-источника его композиционной техники, архитектоники его художественного языка и *трансфигурации* – вербальной имитации звучания. Вкрапления в поэтический текст аллитерации и звукоподражания вызывают непосредственные музыкальные ассоциации, имитируют производимой музыкой эстетический эффект. Иными словами, в системе литературно-музыкальных корреляций «графические знаки становятся фоническими – они слышатся, воспринимаются «слуховым воображением», будят чувство, создают, пусть и не всегда четко определенный, звуковой образ, а также наме-

¹ *The Kermess* (от нидерл.) – храмовый праздник. Один из главных церковных праздников в честь святого, во имя которого освящён храм. Сопровождается народными гуляниями и широкими застольями с пением и танцами. Мировая культура знает немало мастеров, написавших свои полотна на сюжет кермеса. Храмовому празднику, к примеру, посвящена картина нидерландского живописца Давида Тенирса Младшего «Деревенский праздник в день святого Георгия» (*St. George's Kermess*, 1649). Кермесами также называют любые народные гуляния, массовые действия, благотворительные ярмарки и фестивали. Здесь замещает наименование брейгелевского полотна *The Peasant Dance*, изображающего веселящихся крестьян во время сельского праздника.

кают на некий смысл [27. С. 161]. Поэтому художественный текст нельзя просто пробегать глазами, фиксируя смысл; его надо хотя бы мысленно слышать – без этого теряется очень многое [26. С. 76]. Остановимся подробнее на медиальных включениях, которые, как представляется, носят здесь неслучайный характер, и выделим основные языковые средства их реализации, функционирующие на различных уровнях организации экфрасиса.

В первую очередь отметим значительную роль фонетического повтора согласных звуков / звукосочетаний в различном позиционном расположении. Весьма многочисленны случаи явной инициальной аллитерации: *Brueghel's, blare, bagpipes, bugle, bellies, balance, butts, bear; great, go, glasses, Grounds; round, rolling, rollicking; dancers, dance; Brueghel's, Grounds, great*. Обращают на себя внимание примеры неявной финальной аллитерации корня: *picture, kicking, rollicking; bagpipes, tipping, hips, impound; prance, dance, dancers; Brueghel's, bellies, balance, rolling, rollicking; tweedle, fiddles, bugle*. Выделим и фонетический повтор конечных согласных – *консонанс*. В данном конкретном случае аллитерирующие звуки образуют пары по звонкости–глухости. Ср.: [t]–[d]: *great, about, must / round, thick-sided, impound, sound*; [s]–[z]: *bagpipes, hips, butts, shanks, balance, prance, dance / Brueghel's, Kermess, Grounds, dancers, fiddles, bellies, glasses, measures, whose, those, as*. Не в меньшей степени представлен *ассонанс* – повтор гласных звуков / звукосочетаний: *picture, fiddles, bellies, hips, thick-sided, rolling, tipping, kicking, swinging, rollicking; shanks, prance, dance, dancers, glasses, balance; round, around, about, sound, impound, Grounds*.

Представляется, что такая преднамеренность приемов звуковой организации поэтического текста нацелена на имитацию композиционного построения музыкального произведения. Наиболее отчетливо литературно-музыкальные корреляции проявляются в *мелодике*. Причудливый «музыкальный рисунок звука» [28. С. 74] выстраивается за счет аллитерирующих гласных и согласных (глухих, звонких), соответственно отождествляемых здесь с разными по высоте звуками (высокими, низкими, средними)¹. *Интервал* – расстояние между звуками разной высоты – обозначен в тексте не только фонически, но и топологически – позиционное расположение аллитерирующих звуков (инициальное, срединное, финальное), а также их чередование (гласные–согласные; звонкие–глухие) способствуют зрительно-слуховому выхватыванию промежутков между звуками определенной высоты в общем мелодико-линейном потоке. Таким образом «тождественная часть как бы сводит разные слова в одну пространственно-временную точку. Повтор сигнализирует об общности слов, способствуя их «точечному»,

¹ В данной работе в основу такого отождествления положены особенности артикуляции звуков речи. В частности, причисление гласных звуков к высоким музыкальным звукам обусловлено здесь следующими факторами. При образовании гласных звуков струя выдыхаемого воздуха не встречает на своем пути шумообразующей преграды, что сопровождается колебанием голосовых связок. Частота таких колебаний, в свою очередь, определяет высоту звука.

отграниченному зрительному выделению из сложной и пестрой совокупности знаков текстового пространства» [27. С. 90]. Проследим вышесказанное в первой строке экфрасиса: *In Brueghel's great picture, The Kermess* <...>. Для облегчения зрительного восприятия фонетический повтор звуков [i], [z], [t] выделен полужирным шрифтом. Промежутки в полужирном начертании имитируют в данном случае музыкальный интервал. Равная степень представленности аллитерирующих звуков, отождествляемых здесь с разной степенью их высоты, позволяет говорить о том, что музыкальный строй всего произведения не ограничивается пределами одной октавы. К примеру, самые низкие звуки принадлежат субконтроктаве, самые высокие – четвертой октаве, средние – первой.

Музыкализации, или звуковой организации, экфрасиса способствует также употребление тематической лексики (наименований музыкальных инструментов: *a bugle, bagpipes, fiddles*) и имитирующих их звучание звукоподражательных слов (*squeal, blare, tweedle*), вызывающих непосредственные музыкальные ассоциации. Сопряженность литературно-музыкальных корреляций по типу транспозиции и трансфигурации воссоздает в поэтическом тексте эффект *многоголосия*. По замечанию Я.С. Коврижной, «имитация музыкальной полифонии, т.е. одновременного звучания нескольких голосов в условиях письменной формы литературного языка относительна, так как голоса вводятся в текст последовательно и синхронное их восприятие в принципе невозможно. Тем не менее эффект многоголосия выполняет свою функцию передачи какофонии звуков как формы проявления жизни» [14. С. 114]. В отношении анализируемого экфрасиса следует отметить, что неблагозвучие проявляется как во внешней, так и во внутренней форме слова. «Музыка слова рождается на стыке: она возникает, во-первых, из его связи со словами, непосредственно предшествующими и последующими, и, во-вторых, из отношения непосредственного значения слова в этом контексте» [28. С. 74]. Обозначенный тезис непосредственно подводит нас к *смыслообразующей* функции медиальных включений, способствующих музыкализации экфрасиса. Специфика функционирования словесно-музыкальных инкорпораций в данном случае заключается в том, что они эксплицируют смыслы, отсутствующие в изобразительном ряду, и главенствующую роль в этом процессе играет вербальный код. На полотне мы можем видеть музыкантов, но «слышать» музыку мы можем лишь благодаря тщательно подобранным языковым средствам, воссоздающим эффект присутствия музыки, способствующим «вчувствованию» и постижению архитектоники ее художественного языка. «Остается несомненным и неоспоримым, что чисто пространственное, статичное бытие картины, рисунка, скульптуры не позволяет моделировать процессы и действия с той свободой и полнотой, какие свойственны литературе или музыке» [1. С. 277].

В воспроизведении музыкальной полифонии, проявляющейся в какофонии звуков, немаловажная роль отведена, прежде всего, *корневой консонантной аллитерации*. «Повторы низших уровней заставляют нас обратить

внимание не столько на слово как целокупность, сколько на слово как собирающуюся и собирающуюся игрушку. Мы обращаем внимание прежде всего на форму слова, как внешнюю, так и внутреннюю. Осуществив такой ментальный анализ, отведя всем частям подобающее место, приписав им определенное значение, мы осознаем, что даже простой звук тоже может что-то означать, причем нечто иное, что превышает его дистинктивную, дифференцирующую функцию. И таким инозначимым, самоценным, «самовитым» его делает именно повтор» [27. С. 152]. В частности, фонетический повтор звуко сочетаний, в которых отсутствует связность, слаженность, созвучность (*Brueghel's, Grounds, great; tweedle, fiddles, bugle*), имитирует шумовые звуки, создавая эффект рева, рокота, грохота, треска и т.п. Следует также отметить, что контактное расположение сходно звучащих слов, которым дается общее место для диалога-встречи, намекает на их контекстуальную смысловую близость [29. С. 341]. Сказанное отчетливо прослеживается и в семантике звукоподражательных слов, объективирующих звучание волынки, скрипки, горна. Ср.: *squeal – a shrill sharp cry or noise; blare – a loud strident noise; tweedle – a sound of tweedling; to play negligently on a musical instrument* [31]. Как видно из приведенных выше дефиниций, какофония звуков (пронзительность, резкость, громкость, скрипучесть), продуцируемая этими музыкальными инструментами и умелой игрой сельских жителей, зафиксирована в словах с негативной оценочной коннотацией: *shrill, sharp, loud, strident, negligently*.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем преднамеренность языковых средств, объективирующих литературно-музыкальные корреляции в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец». Принципы звуковой организации произведения, инкорпорированные в экфрасис, – это тот пласт медиальных включений, в котором У.К. Уильямс эффективно реализует свою авторскую стратегию, в частности, нарушает основной закон композиции – гармонию. В музыке, как указывалось выше, это проявляется в неблагозвучии, какофонии звуков, или *диссонансе*, воссозданном Уильямсом при помощи тщательно подобранной лексики (звукоподражательных слов с негативной оценочной коннотацией и слов с несозвучными аллитерирующими звуками).

Элементы танцевальной (темпоритмической) организации в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец» (*The Peasant Dance*)

Танец, представляющий собой синкретизм музыки и ритмически организованных движений, находится в отношениях онтологической интермедальности не только с музыкой, но и поэзией. Пример тому – анализируемый экфрасис, подчеркивающий общность черт их художественных языков: ритм, темп, метр, такт. «Поэзия начинается с дикаря, бьющего в барабан в джунглях, и в дальнейшем она сохраняет эту основу – ударность и ритм, – пишет Т.С. Элиот. Поэт чувствует пульсацию глубинных жизнен-

ных ритмов и трансформирует ее в ритм создаваемого им поэтического произведения. Ритм является проявлением всеобщего первичного начала и первоосновой будущего стихотворения. Все остальные элементы произведения – идеи, образы – должны порождаться ритмом» [28. С. 8].

Как известно, ритмическая сторона произведения определяется метром и тактом. Метром в теории музыки обозначается чередование сильных и слабых долей в такте. Транспонирование этих элементов композиции отчетливо проявляется прежде всего в метрической системе стихотворения. Ср.: *In 'Brueghel's great 'picture, The 'Kermess* <...>. Чередование безударного и ударного слогов в трехсложной стопе с ударением (сильным местом) на втором слоге свойственно амфибрахическому метру (_ ' _ | _ ' _ | _ ' _). Проводя дальнейшие аналогии, выводимые из ритмического рисунка стиха, можно отметить, что такой схеме соответствует *трехдольный метр* в музыке, в котором одна сильная доля равномерно чередуется с двумя слабыми. Слабая доля, с которой начинается музыкальное произведение, называется *затактом*. Таким образом достигается полное взаимопроникновение художественных языков поэзии и музыки – определенная организация ударного и безударных слогов в стопе служит основанием для отождествления стихотворного размера стиха с метром и тактом в музыке.

Как уже указывалось выше, метрическая система обуславливает ритм произведения, что непосредственно подводит нас к рассмотрению иных медиальных включений, нацеленных на транспозицию этого композиционного элемента из художественного языка танца. Обратимся к разноуровневым языковым средствам реализации литературно-танцевальных корреляций, определяющих темпоритмическую организацию анализируемого экфрасиса. Языковые средства в данном случае преимущественно сосредоточены на вербальной имитации движения танцующих по кругу – эти вращения, кружения, повороты вокруг своей оси, отражающие динамику танца, составляют основу темпоритма, вскрывают в тексте его «ритмический импульс», который воздействует на выбор слов, на синтаксис и тем самым – на общий смысл стихотворения» [16. С. 186]. Р. Уэллек и О. Уоррен выделяют два основных элемента, выполняющих важную ритмическую функцию в английском языке: ударение и словесные окончания [16. С. 187]. Памятуя об организации сильного места в стопе амфибрахического метра, проследим необходимые акценты во второй и третьей строках стихотворения, в которых наречия *round / around* являются теми *ритмико-ударными элементами*, что объективируют динамический характер танца. Ср.: *the 'dancers go 'round, they go 'round and a'round* <...>. Еще одно продуктивное средство темпоритмической организации экфрасиса – *морфемный повтор*, динамический аспект которого проявляется в иллюзии движения, возникающей из восприятия слов. Объективной предпосылкой иллюзии является пространственная рядоположенность слов с повторяющейся морфемой, что вызывает поступательно-возвратное, круговое движение, совершаемое взглядом при созерцании замкнутой цепи слов [27. С. 72]. Примером вышесказанного служат слова с повторяющимся аффиксом,

расположенные в тексте в достаточной близости друг от друга: *tipping, kicking, rolling, swinging, rollicking*. Немаловажную роль в реализации литературно-танцевальных корреляций в живописном экфрасисе играет и синтаксический строй произведения, в частности когезия по типу последовательного сцепления и синтаксического параллелизма. Вербальная имитация кругового движения танца достигается за счет использования *много-союзия*, подчеркивающего однородность, соразмерность, упорядоченность перечисления внутри произведения (*and..., and..., and..., and...*), и *параллельных конструкций* (*the dancers go round, they go round and around*), в том числе образующих композиционное кольцо, обрамляющее экфрасис (*in Brueghel's great picture, The Kermess*). Ритмичность, динамичность танца отражены также на лексико-семантическом уровне организации произведения. Тематическая лексика, ориентированная на трансфигурацию различных танцевальных элементов, носит здесь неслучайный характер – семантика обозначенных ниже глаголов раскрывает их смысловую и эстетическую значимость в общем контексте. Ср.: *dance* – *to move one's body rhythmically usually to music; to move up and down or about in a quick or lively manner*; *kick* – *to strike suddenly and forcefully as if with the foot; to function with vitality and energy*; *roll* – *to impel forward by causing to turn over and over on a surface*; *swing* – *to cause to sway to and fro; to move in a circle or arc*; *prance* – *to walk or move in a spirited manner* [29].

Танец – неперенный атрибут карнавала. Как указывает М.М. Бахтин, «почти за всеми сценами и событиями реальной жизни, в большинстве случаев натуралистически изображенными, просвечивает более или менее отчетливо карнавальная площадь с ее специфической карнавальной логикой фамильярных контактов, мезальянсов, переодеваний и мистификаций, контрастных парных образов – по-карнавально динамичных, разнообразных и ярких» [30. Т. 6. С. 150]. «Крестьянский танец» – одна из выдающихся работ Брейгеля, в которой карнавал имеет жанрообразующее начало. Не нарушая жанровую основу произведения, У.К. Уильямс мастерски воссоздает атмосферу карнавальной жизни, инкорпорируя в экфрасис элементы танца, отсылающие к некоторым основополагающим элементам карнавала, речь о которых пойдет ниже.

Карнавал – это зрелище без рампы и без разделения на исполнителей и зрителей. В карнавале все активные участники, все причащаются карнавальному действу. Карнавал не созерцают и, строго говоря, даже и не разыгрывают, а живут в нем, живут по его законам, пока эти законы действуют, т.е. живут карнавальной жизнью. Карнавальная же жизнь – это жизнь, выведенная из своей обычной колеи, в какой-то мере «жизнь наизнанку», «мир наоборот». Законы, запреты и ограничения, определяющие строй и порядок обычной, внекарнавальной жизни, на время карнавала отменяются. Отменяется всякая дистанция между людьми. Они вступают в вольный фамильярный контакт на карнавальной площади. <...> Площадь была символом всенародности, ибо карнавал по идее своей всенароден и универсален, к фамильярному контакту должны быть причастны все. <...> Все образы карнавала двуедины: юность и старость, верх и низ, лицо

и зад, глупость и мудрость. Очень характерны для карнавального мышления парные образы, подобранные по контрасту (высокий – низкий, толстый – тонкий и т.п.) [30. Т. 6. С. 138–144].

Эксцентричность – центральная категория в символике карнавала – определяет особый характер организации массового действия и служит сюжетообразующим элементом в экфрасисе картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец». Изображая фамильярный контакт между танцующими крестьянами и их эксцентричные, гротескные образы, Уильямс «снижает, приземляет, фамильяризует героя» [30. Т. 6. С. 149], придавая экфрасису открыто пародийный характер. «В карнавале пародирование это была как бы целая система кривых зеркал – удлиняющих, уменьшающих, искривляющих в разных направлениях и в разной степени» [30. Т. 6. С. 143]. Особая авторская стратегия с опорой на тщательно подобранную лексику и художественные тропы позволяет доподлинно воссоздать неуместное, непристойное, вычурное поведение танцующих крестьян (*kicking, rolling, prance, tipping their bellies, swinging their butts*), а также гротескную телесность, проявляющуюся в деформации изображаемых тел (*bellies, hips, butts, shanks*). Натуралистическому изображению этого массового действия способствует упомянутый выше пласт тематической лексики в сочетании с синекдохическим изображением кружащихся в танце крестьян.

К особому проявлению карнавальной категории эксцентричности можно отнести довольно нестандартный сравнительный оборот, фиксирующий сниженный до непристойности контакт танцующих и намеренную гиперболизацию пропорций их тел. Соприкасаясь большими животами, словно чокаясь немытыми бокалами, они вступают в вольный фамильярный контакт на ярмарочной площади: *tipping their bellies (round as the thick-sided glasses whose wash they impound)*.

Таким образом, гротескная телесность сельских жителей, их вольные жесты и телодвижения, выходящие за рамки приличия, являются средствами воплощения центральной фигуры карнавального действия – *шута*. Вышеизложенное позволяет говорить о том, что элементы танцевальной организации, сопряженные с эстетикой карнавала, реализуют в экфрасисе *пародийную* функцию, нацеленную на смеховое осмысление изображаемой действительности. Индивидуальная авторская стратегия Уильямса в данном случае заключается в том, что широкий спектр медиальных включений с высокой смысловой и эстетической значимостью создает у читателя соответствующие зрительные образы, высвечивающие неидеальные пропорции тела и особую, вычурную манеру исполнения танца (см., к примеру, значение глагола *prance*, используемого для сравнения энергичных телодвижений танцующих крестьян с прыжком лошади, известным под названием *курбет*)¹.

¹ Курбетом называют прыжок лошади с поджатыми передними ногами. Русскому выражению *делать курбет* соответствует английский глагол *to prance – to spring from the hind legs or move by so doing* [29].

Заключение

Медиальные включения являются продуктивным источником обогащения поэтики У.К. Уильямса, примером чего служит экфрасис картины Питера Брейгеля Старшего «Крестьянский танец». Сложные механизмы (семиотические, смысловые, эстетические), свойственные интермедияльным корреляциям, актуализируют различные типы сенсорной модальности, определяют образность, экспрессивность и общую тональность произведения – карнавално-комическую, гротескную, смеховую. Индивидуальная авторская стратегия Уильямса позволяет эксплицировать смыслы, отсутствующие в изобразительном ряду, – «слышать» тот диссонанс, что вызван какофонией звуков, «видеть» те яркие образы танцующих крестьян, что напоминают шутов с ярмарочной площади, «ощущать» тот темп и ритм танца, что сравним с трюками лошадей. Вся эта атмосфера создается за счет медиальных включений – элементов живописной, музыкальной, танцевальной (темпоритмической) организации экфрасиса, реализующих в нем композиционную, сюжетообразующую, смыслообразующую и пародийную функции. Тщательно подобранный лингвистический «инструментарий», объективирующий литературно-живописные, литературно-музыкальные и литературно-танцевальные корреляции, задействован Уильямсом как на отдельных уровнях организации экфрасиса (фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом), так и на уровне целого произведения.

Кольцевая композиция, направленная на четкое очерчивание границ экфрасиса по аналогии с рамой картины, отсылки к Брейгелю и его живописному полотну, составляющие сюжет произведения, тематическая лексика, относящаяся к сфере музыки и танца, являются теми медиальными включениями, которые раскрывают наиболее очевидные проявления взаимопроникновения художественных языков этих искусств. Наиболее сложные диалогические взаимоотношения между различными типами медиа, носящие открыто дискурсивный характер, кроются в содержательном, образном уровне произведения и инферируются из анализа эпидигматических (ассоциативно-деривационных) отношений и тропеической системы произведения. Преднамеренность языковых средств – эстетическая стратегия автора, вовлекающая звуки, морфемы и слова в игру, в которой каждой единице задействованного уровня отведена своя роль, свое значение и место. Фонетические повторы, синтаксический параллелизм, линейно-развертываемое сцепление аллитерирующих звуков, морфем с повторяющимся аффиксом, слов с негативной оценочной коннотацией и др. намекают на некий смысл, будят воображение, создают многомерные, полимодальные образы. К примеру, фонетический повтор звуков / звукосочетаний в различном позиционном расположении может вызывать непосредственные музыкальные ассоциации, создавать атмосферу музыкальной полифонии, имитировать элементы композиции музыкального произведения (мелодику, интервал, октаву, диссонанс). Позиционное расположение ритми-

ко-ударных элементов в метрической системе стихотворения, как показано выше, имитирует темп, ритм, динамику танца; морфемный повтор, много-союзиe, кольцевая композиция создают иллюзию кругового движения. Массовый крестьянский танец, отождествляемый с феерией карнавального действия на ярмарочной площади, эксцентричность, комичность, причудливость – все, с чем ассоциируется карнавал, легло в основу картины Брейгеля, а позднее и стихотворения У.К. Уильямса, написанного в жанре экфрасиса. Вольный фамильярный контакт, вычурная манера танца, гротескная телесность – Уильямс мастерски передает эстетику карнавала, инкорпорируя в экфрасис элементы танца, объективированные художественными тропами (сравнение, синекдоха) и соответствующей тематической лексикой.

Высокая насыщенность экфрасиса медиальными включениями позволяет говорить о том, что интермедальность у У.К. Уильямса – это не только авторская стратегия, но и художественная доминанта всего произведения.

Список источников

1. *Каган М.С.* Морфология искусства: Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусства. Л., 1972. 440 с.
2. *Ханзен-Лёве О.А.* Интермедальность в русской культуре : от символизма к авангарду / пер. с нем. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого ; под ред. Д. Крафта, Р. Михайлова, И. Чубарова. М., 2016. 450 с.
3. *Тишунина Н.В.* Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : материалы междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 149.
4. *Ильин И.П.* Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. М., 1988. 28 с.
5. *Краулис Р.Г.* Музыка в философско-поэтическом мире О. Мандельштама : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 184 с.
6. *Волков В.В.* Интермедальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135–142.
7. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. 544 с.
8. *Каркавина О.В.* Языковая реализация интермедальных отношений в творчестве Тони Моррисон : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010. 194 с.
9. *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко.* М., 2008. 358 с.
10. *Чернышевский Н.Г.* Избранные эстетические произведения. 2-е изд. М., 1978. 560 с.
11. *Флоренский П.А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. 446 с.
12. *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 2000. 160 с.
13. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
14. *Коврижина Я.С.* Проза Вирджинии Вулф : интермедальный аспект : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 219 с.
15. *Тимаиков А.Ю.* Интермедальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012. 23 с.

16. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978. 325 с.
17. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. М., 2007. 432 с.
18. Яровикова Ю.В. Актуализация семиотической антиномии «покой – движение» в экфрасисе статуи // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 189–197.
19. Яровикова Ю.В. К вопросу о категориальном определении экфрасиса // Филология: Научные исследования. 2019. № 1. С. 144–151.
20. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000. 704 с.
21. DiYanni R. Literature: Approaches To Fiction, Poetry And Drama. Boston, 2008. 1592 p.
22. Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/UILYAMS_UILYAM_KARLOS.html (дата обращения: 08.05.2020).
23. Панова О.Ю. «Соединенноштатовец»: Уильям Карлос Уильямс в поисках «американской реальности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 2. С. 69–77.
24. Нестеров А. Уильям Карлос Уильямс: «смотреть» и «понимать». URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2014/3/uilyam-karlos-uilyams-smotret-i-ponimat.html> (дата обращения 11.05.2020).
25. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. 360 с.
26. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 3-е изд. М. : Наука, 2000. 248 с.
27. Карпухина Т.П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. Хабаровск, 2006. 392 с.
28. Элиот Т.С. Назначение поэзии: Статьи о литературе. Киев, 1996. 352 с.
29. Merriam-Webster Online Dictionary. URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.06.2020).
30. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1996. Т. 6. 799 с.

References

1. Kagan, M.S. (1972) *Morfologiya iskusstva: Istoriko-teoreticheskoe issledovanie vnutrennego stroeniya mira iskusstva* [Morphology of Art: A Historical and Theoretical Study of the Internal Structure of the Art World]. Leningrad: Iskusstvo.
2. Hansen-Löve, A.A. (2016) *Intermedial'nost' v russkoy kul'ture: ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture: from symbolism to the avant-garde]. Translated from German by B.M. Skuratov & E.Yu. Smotrisky. Moscow: Russian State University for the Humanities.
3. Tishunina, N.V. (2001) [Methodology of Intermedial Analysis in the Light of Interdisciplinary Research]. *Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka* [Methodology of Humanitarian Knowledge in the Perspective of the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 18 May 2001. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).
4. Il'in, I.P. (1988) *Nekotorye kontseptsii iskusstva postmodernizma v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh* [Some Concepts of Postmodern Art in Modern Foreign Studies]. Moscow: GBL.
5. Krauklis, R.G. (2005) *Muzyka v filosofsko-poeticheskom mire O. Mandel'shtama* [Music in the philosophical and poetic world of O. Mandelstam]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
6. Volkov, V.V. (2014) Intermediality as an attribute of artistry (lingvohermeneutics of the term). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2. pp. 135–142. (In Russian).

7. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt.

8. Karkavina, O.V. (2010) *Yazykovaya realizatsiya intermedial'nykh otноsheniy v tvorchestve Toni Morrison* [Linguistic Realization of Intermedial Relations in the Works of Toni Morrison]. Philology Cand. Diss. Barnaul.

9. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2008) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy; Intrada.

10. Chernyshevskiy, N.G. (1978) *Izbrannye estetieskie proizvedeniya* [Selected aesthetic works]. 2nd ed. Moscow: Iscusstvo.

11. Florenskiy, P.A. (2000) *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Articles and studies on the history and philosophy of art and archeology]. Moscow: Mysl'.

12. Kroche, B. (2000) *Estetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshchaya lingvistika* [Aesthetics as a science of expression and as general linguistics]. Moscow: Intrada.

13. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress.

14. Kovrizhina, Ya.S. (2016) *Proza Virzhinii Vulf: intermedial'nyy aspekt* [The Prose of Virginia Woolf: An Intermedial Aspect]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

15. Timashkov, A.Yu. (2012) *Intermedial'nost' kak avtorskaya strategiya v evropeyskoy khudozhestvennoy kul'ture rubezha XIX–XX vekov* [Intermediality as an author's strategy in European artistic culture at the turn of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

16. Wellek, R. & Warren, O. (1978) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Translated from English. Moscow: Progress.

17. Mechkovskaya, N.B. (2007) *Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics: Language. Nature. Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademiya.

18. Yarovikova, Yu.V. (2019) Actualization of semiotic antinomy “immobility – motion” in ekphrasis of a statue. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2. pp. 189–197. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29501

19. Yarovikova, Yu.V. (2019) On the question about the categorial definition of ekphrasis. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 1. pp. 144–151. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0749.2019.1.28507

20. Lotman, Yu.M. (2000) *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.

21. DiYanni, R. (2008) *Literature: Approaches To Fiction, Poetry And Drama*. Boston: McGraw Hill.

22. Universal'naya nauchno-populyarnaya entsiklopediya “Krugosvet” [Krugosvet. Universal popular science encyclopedia]. (n.d.) *Uil'yams, Uil'yam Karlos* [Williams, William Carlos]. [Online] Available from: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/UILYAMS_UILYAM_KARLOS.html (Accessed: 08.05.2020).

23. Panova, O.Yu. (2011) A united stateser: William Carlos Williams' quest for the American reality. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2. pp. 69–77. (In Russian).

24. Nesterov, A. (2014) *Uil'yam Karlos Uil'yams: “smotret” i “ponimat”* [William Carlos Williams: “look” and “understand”]. *Gor'kiy*. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/inostran/2014/3/uilyam-karlos-uilyams-smotret-i-ponimat.html> (Accessed: 11.05.2020).

25. Uspenskiy, B.A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.

26. Esin, A.B. (2000) *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya* [Principles and methods of analysis of a literary work]. 3rd ed. Moscow: Nauka.

27. Karpukhina, T.P. (2006) *Morfemnyy povtor v khudozhestvennom tekste v svete obshcheesteticheskoy teorii igry* [Morphemic repetition in a literary text in the light of the general aesthetic theory of play]. Khabarovsk: Far Eastern State University of Humanities.

28. Eliot, T.S. (1996) *Naznachenie poezii. Stat'i o literature* [Purpose of poetry. Articles about the literature]. Translated from English. Kyiv: Sovershenstvo.

29. *Merriam-Webster Online Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 10.06.2020).

30. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkoe slovo.

Информация об авторе:

Яровикова Ю.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Yarovikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.06.2020;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 23.06.2020;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 09.04.2022.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/19986645/75/18

Сайты Lenta.ru и Gazeta.ru в 1999–2019 гг.: трансформация представлений об удобном, красивом, приемлемом

Виктория Евгеньевна Беленко¹,
Анастасия Александровна Федотова²

^{1,2} *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

¹ *viktoria_belenko@mail.ru*

² *f0.618@yandex.ru*

Аннотация. На материалах архивных снапшотов российского интернета анализируется трансформация сайтов одних из самых популярных интернет-СМИ Рунета, Lenta.ru и Gazeta.ru со времен их создания в конце 1990-х гг. и до 2019 г. В работе прослеживается, как с течением времени менялись структура, функциональность и дизайн сайтов, в какой момент времени происходили те или иные принципиальные изменения, каким редиэйнам и когда подвергались эти СМИ и с чем это могло быть связано.

Ключевые слова: снапшот, веб-дизайн, интернет-СМИ, редиэй, юзабилити, история интернета, визуальный контент, графическая модель сайта

Для цитирования: Беленко В.Е., Федотова А.А. Сайты Lenta.ru и Gazeta.ru в 1999–2019 гг.: трансформация представлений об удобном, красивом, приемлемом // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 345–365. doi: 10.17223/19986645/75/18

Original article

doi: 10.17223/19986645/75/18

The websites of the internet-media Lenta.ru and Gazeta.ru in 1999–2019: Transformation of ideas about the appropriate, the beautiful, and the proper

Viktoria E. Belenko¹, Anastasia A. Fedotova²

^{1,2} *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *viktoria_belenko@mail.ru*

² *f0.618@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the transformation of the websites of the two most popular Internet media in Russian, Lenta.ru and Gazeta.ru, from their creation in the

late 1990s to 2019. It is based on the materials of archival snapshots of the Russian Internet. Snapshots are the archived copies saved on the Way Back Machine Internet archive server, a non-profit organization that creates a digital library. This copy includes all open and whole files, which allows researchers to view not only the appearance, but also the functionality of the site, as well as its program code. In total, the Internet archive server contains 17,133 Lenta.ru's snapshots (starting from November 27, 1999, to March 17, 2019) and 22,998 Gazeta.ru's snapshots (starting from December 3, 1998, to April 5, 2019). For this work, we considered at least one snapshot of each week of each month in the year. Fixing changes in the graphic models of the studied media allowed noting the structural, functional, and content (at the level of headings) transformations of the sites, identifying general trends in change and features of each of the analyzed Internet media. The results of the analysis show when these online media were redesigned, when they gradually changed certain visual components. The paper traces the main changes in the headings, the rejection of "paper-centric" designations of the main headings (such as "Today in the Issue"), the transition from HTML to HTML-5, the connection of the corresponding CSS libraries, the integration of elements using the JavaScript programming language into the page markup. The article also outlines the main stages and years of changes in graphic models (first for the screens of devices with different aspect ratios, then with adaptation to the screens of different devices), changes in the site models themselves: basic blocks, centering, color solutions. Special attention is paid to the opportunities for feedback that are gradually introduced into the sites, including those based on social networks. Special attention is paid to the "multimedia" turn in the visual content of websites (and later mobile applications), the gradual increase in the number of photos and videos, the adaptation of the model and layout of the sites to these new content presentation formats, the appearance of online broadcasts. In general, the presented analysis allows us to trace how the largest Internet media in Russia formed their ideas about what is acceptable and functional. Content forms do not change as a result of the creative request of producers or the audience. Technological aspects are usually the most serious reason for change: all content changes are the result of the bandwidth of communication channels, programmers, and the gadgets used for media consumption. We can assume that, in the near future, changes in the visual appearance of sites will be connected with their personalization due to the more active development of applications and neural networks. Since other editorial offices focus on the best of federal media and look for what is good for them, the article shows how, in principle, the standards of web design of mass media have changed in Russia, how ideas about the appropriate, the proper, the usable, and the beautiful in the Internet media have transformed over time.

Keywords: snapshot, web design, Internet media, redesign, usability, Internet history, visual content, graphic model of site

For citation: Belenko, V.E. & Fedotova, A.A. (2022) The websites of the internet-media Lenta.ru and Gazeta.ru in 1999–2019: Transformation of ideas about the appropriate, the beautiful, and the proper. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 345–365. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/18

В последние годы растет количество научных исследований, посвященных содержательным аспектам функционирования интернет-СМИ, смене производственных практик в медиа под влиянием глобальной цифровизации, появлению новых форматов представления журналистских материа-

лов. Однако существуют две серьезные лакуны, которые стремится восполнить представленное в этой статье исследование.

Первая лакуна связана с трудностями диахронного изучения интернет-СМИ, так называемой «историей» или даже «археологией» Интернета (см., например, [1, 2]). Несмотря на существующие технологические возможности работы медиаисследований в этом направлении, на данный момент достаточно мало кто в России занимается анализом таких архивных материалов.

Вторая лакуна обусловлена тем, что в России сравнительно немного исследований, посвященных визуальным аспектам медиапроизводства, структурным и графическим моделям интернет-изданий, юзабилити сайтов. Возможно, это связано со сложностями самих методик анализа визуального. Таким образом, рассмотрение структурных и визуальных трансформаций веб-сайтов в диахронном аспекте – сравнительно новый подход к пониманию того, какими средствами можно изучать интернет-СМИ.

В представленной статье описывается, как трансформировались с течением времени графическая модель, визуальные особенности и особенности юзабилити-интерфейса таких известных интернет-СМИ, как Gazeta.ru и Lenta.ru.

Данные издания выбраны не случайно. Во-первых, это одни из первых интернет-СМИ России. Во-вторых, их огромные аудитории и стабильное присутствие в рейтингах цитируемости говорят о том, что они являются одними из лучших и наиболее популярных СМИ нашей страны. В начале 2000-х на них начал работать «эффект первопроходца» [3], и со временем они стали бенчмарками [4] для других веб-СМИ, формирующими представления о том, что приемлемо и правильно, красиво и функционально для сайтов медиа. Проще говоря, на них ориентируются, а то, что они внедряют на своих веб-площадках, становится своего рода стандартом. То есть, рассматривая трансформацию их сайтов, мы изучаем смену представлений о правильном, удобном и красивом при организации интернет-СМИ.

Степень изученности и методика исследования

Работ, описывающих структурные и графические модели сайтов СМИ, сравнительно немного. Упомянем те, которые оказали наибольшее влияние на формирование подходов к методике анализа интересующих нас сайтов. Прежде всего, это учебное пособие «Веб-дизайн и оформление электронных СМИ» А.В. Якунина [5]. В пособии показано, как правильно размещать на сайте различные композиционные элементы, как различные графические средства помогают управлять вниманием. В статье М.И. Корзина, О.А. Костюченко, В.А. Лысенко [6] приводятся основные признаки правильно оформленного с эстетической точки зрения веб-ресурса, а в статье Л.В. Кошель [7] проводится анализ символики цвета в дизайне интернет-сайтов. Варианты стилей веб-дизайна представлены в работах Т.Ю. Китаевской [8] и Е.С. Ляшенко [9]. Что касается вопросов юзабилити,

то при анализе сайтов Gazeta.ru и Lenta.ru мы опирались на статью Д.С. Кушевой [10], в которой описываются основные принципы UI, и на статью А.А. Лайковой [11], в которой приводятся способы оценки и улучшения юзабилити интернет-сайта. Отдельно стоит отметить статью А.В. Якунина и С.С. Бодруновой, в которой описываются тенденции современного дизайна в проектировании интернет-СМИ [12].

Подробнее надо остановиться на методике и эмпирической базе исследования, результаты которого представлены в этой статье. В этом качестве использовались снапшоты Lenta.ru и Gazeta.ru. Снапшоты – это снимки архивных копий на сервере интернет-архивов «Way Back Machine» – некоммерческой организации, которая создает цифровую библиотеку. Архив собирается с 1996 г. [13]. Снапшот – сохраненные копии файлов и каталогов на определенном моменте [14]. В эту копию включены все открытые и цельные файлы, что позволяет просматривать не только внешний вид, но и функционал сайта, а также его код. По мере развития объема запоминающего устройства архива и мощности используемых сервисом процессоров увеличивалось и количество сохраняемого материала. Это объясняет разное количество имеющихся снапшотов, например за 1999 и 2008 гг. Из данных сайта веб-архивов, видно, что отчет архива Lenta.ru начинается с 1999 г., а копий Lenta.ru, Gazeta.ru – с 1998 г. Всего на сайте интернет-архивов содержится 17 133 (начиная с 27 ноября 1999 г. по 17 марта 2019 г.), в то время как копий издания Gazeta.ru – 22 998 (начиная с 3 декабря 1998 г. по 5 апреля 2019 г.). Для данной работы было рассмотрено минимум по снапшоту каждой недели каждого месяца в году.

Что касается методики, то мы фиксировали все изменения в графических моделях изучаемых СМИ, а также отмечали структурные, функциональные, содержательные (на уровне рубрик) трансформации их сайтов, отмечали общие тенденции в изменении и особенности каждого из проанализированных интернет-СМИ.

Сайты Lenta.ru и Gazeta.ru в начале своего существования

Напомним, что в период с 1993 по 1995 г. появляются первые публичные интернет-страницы. Ими были различные электронные библиотеки и веб-обозрения [15. С. 21], телеконференции (нюсы), из которых можно было узнать политические новости. Параллельно существовали интернет-рассылки журналов и газет (например, «Известия» стали распространять электронную версию печатной газеты в 1992 г.) [16]. В течение короткого промежутка времени многие СМИ начинают уделять внимание интернет-представительству своего издания. Чтобы издание появилось в Сети, назначался человек, который брал текущую версию газеты, с помощью визуального редактора переводил его в HTML и выкладывал на сайт [17. С. 51]. И если «традиционным» изданиям было трудно отойти от осмысления своего сайта как «версии» того, что создавалось для распространения и потребления офлайн, то интернет-СМИ, которые изначально создавались

для функционирования в этой новой среде, становились законодателями стиля и проводниками новых технологий.

В первые годы существования сайтов Lenta.ru и Gazeta.ru каждый их раздел открывался в новой вкладке браузера. Написаны сайты были только на языке разметки страницы (HTML), были адаптированы под 14-дюймовый экран с разрешением 640x480 пикселей. В это время нет внутритекстовых заголовков, текстовых врезок, выделения (цветом или курсивом) цитат или какой-то важной информации. Принципы контрастирования и балансировки [18. С. 15–37] почти не реализуются редакциями.

Структура Lenta.ru того времени: в «шапке» сайта – информация о рубриках («В России», «В мире», «Чечня», «Интернет», «Экономика», «О сервере», «Английская версия», а также календарь за текущий месяц), название издания, в «теле» – рубрики.

Визуально материалы строились по формуле: фото плюс заголовок с лид-абзацем. «Основа» сайта содержала гиф-рекламу и контактную информацию: имя дизайнера / дизайн-студии, создавшей сайт, электронную почту редакции.

В оформлении главной страницы Lenta.ru использовались три цвета: подложка (сам фон) был светлым серо-желтым, названия рубрик давались на красной подложке, а заголовки были синего цвета с гиперссылочным подчеркиванием. Материалы были монолитными: главные новости представляли собой новостные заметки в один абзац, которому предшествовали дата и время публикации в квадратных скобках.

Рис. 1. Lenta.ru в 1999 г.: графическая модель и пример сайта

Несмотря на отсутствие форм обратной связи, была доступна подписка на оперативную рассылку «главных новостей» на пейджеры (она исчезает из рубрики «О сервисе» в 2002 г.)

При сравнении визуального контента сайтов двух анализируемых СМИ видно, что соотношение фото: тексты у Lenta.ru примерно 1 : 4, в то время

как у Gazeta.ru 2 : 3. К тому же фотографии Gazeta.ru были по размеру больше фотографий с сайта Lenta.ru.

Gazeta.ru содержит некоторую попытку обратной связи с аудиторией: «опрос» и «чат». Сейчас невозможно отследить, как они функционировали в то время, мы можем видеть только, как они выглядели. Так, если 27 ноября 1999 г. зайти в рубрику «Политика», то справа над горячими новостями виден опрос «Кто такой Доренко?».

Что касается структуры сайта, то здесь читателям предлагали не одну актуальную тему, а три. В теле сайта по центру располагаются лид-абзацы основных новостей с прикрепленными к ним фотографиями и гиперссылками «подробнее». И уже ниже идут рубрики: «Политика», «Бизнес / финансы», «Спорт», «Архив».

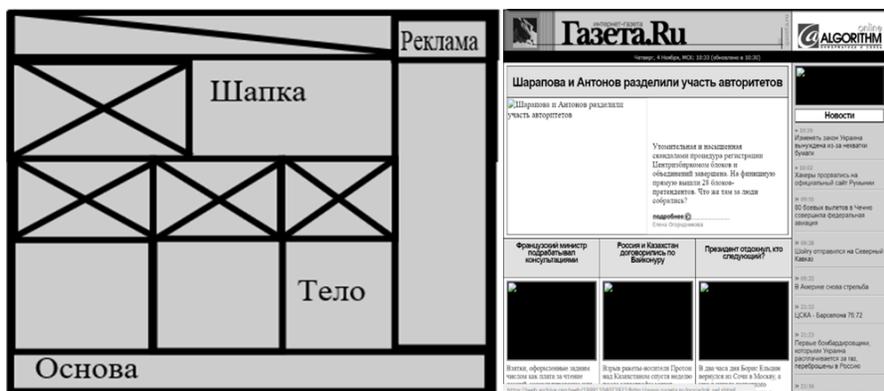

Рис. 2. Gazeta.ru в 1999 г.: графическая модель и пример сайта

Оформление этого интернет-СМИ полностью черно-белое, напоминающее черно-белую газету. Однако у рубрик и текста уже разный стиль шрифтов, что облегчает навигацию.

Рассмотрев, как выглядели сайты самых известных интернет-СМИ России сразу после своего возникновения, посмотрим, как они менялись со временем, как внедряли новые возможности, устанавливали новые стандарты юзабилити и дизайна.

С 2000 по 2004 г. Lenta.ru меняет рубрикатор. Появляются разделы культуры, спорта, медицины и автомобилей, далее появляется рубрика «Медиамоет» с переходом на другую страницу сайта, позиционирующего себя как приложение Lenta.ru совместно с «MEDMEDIA», также появляется рубрика «Прогресс», рассказывающая о технологических новинках. Видно, что, хотя редакция и продолжает следить за политическими новостями, но ее начинает интересовать более широкий спектр тем, чем в первые годы. А по появлению и исчезновению «региональных» рубрик можно судить о том, какие регионы страны и мира привлекали внимание журналистов (рубрики «Ирак», «Кавказ», «Чечня», «Ближний Восток»).

Первые серьезные изменения

Но серьезные изменения Lenta.ru претерпевает только в 2004 г., что связано с приходом Галины Тимченко как главного редактора [19. С. 12–14]. В 2004 г. в рубрике «О сервисе» в связи с изменением дизайна появляется обращение редакции к читателям. В нем говорится: «Пять лет наш сайт существовал практически без изменений <...> В ближайшие годы мы ожидаем дальнейшего роста численности аудитории Сети, равно как и читательских запросов. В наших планах – новые проекты, новые сервисы, новые форматы подачи информации. Все это также требует изменений дизайна»¹.

Снапшот за 13 сентября показывает, что сайт приобретает новый внешний вид. Прежде всего, меняется формат веб-страницы: ее адаптируют под новый размер мониторов (17-дюймов, соотношения сторон 16 : 9 и разрешение 1 024×768 пикселей), т.е. она становится ощутимо шире. Появляются ссылки по схожей теме после прочтения материала, тематический интерактив («голосование»). Все ссылки начинают открываться в одном окне, это уменьшает время ожидания загрузки страницы.

Именно после 2004 г. Lenta.ru перестает описывать свою работу в газетных и телевизионных терминах. Подписи «Сегодня в газете» / «Сегодня в выпуске» уходят с главной страницы сайта. После редизайна сайта, расширения формата редакция отказалась от обычного линейного прочтения страницы сверху вниз. Рубрики и основные новости начинают группироваться так, что их можно прочесть любым способом: сверху вниз, снизу вверх, слева направо и справа налево. Горизонтальное прочтение структуры тела сайта позволяет легко сориентироваться по тематикам: тема – главные новости по этой теме – комментарии / фотогалерея / сюжет по данной теме. Редакция Lenta.ru собирает всю собранную информацию по теме не в отдельные блоки, а в серии взаимосвязанных текстов.

В теле сайта появляется окно для подписки, возникает возможность поиска по материалам сайта, оно начинает делиться на три части. И теперь на первой странице можно увидеть в три раза больше новостей, появляются ссылки «Реклама», «О сервисе».

Текст начинает делиться на абзацы, внутри текста появляются гиперссылки, а после материала – «ссылки по теме» с возможностью перехода на другой материал сайта. Так удобнее просматривать материалы, а пользователь может мгновенно сориентироваться в интересующем его разделе за счет предлагаемых изданием ссылок на перекрёстные публикации. В оформлении сайта стало больше «воздуха».

В сентябре 2006 г. изданию Lenta.ru исполнилось семь лет. В честь этого в рубрике «О сервисе» появилось специальное письмо редакции, в котором говорилось о выпуске восьмиполосной бумажной версии Lenta.ru.

¹ <https://web.archive.org/web/20040915033830/http://lenta.ru/info/design.htm>

Важно, что редакция издания признавалась, что информации много и приходится чем-то жертвовать, а в процессе работы они «...выяснили, что бумажную газету делать намного сложнее, чем интернет-издание. Кроме того, окончательно поняли, что за интернетом будущее, поскольку его не надо забирать из типографии и развозить сквозь московские пробки по распространителям»¹.

Рис. 3. Lenta.ru после 2004 г.: графическая модель и пример сайта

Gazeta.ru раньше своего главного конкурента начала изменения. Старый дизайн с gif-рекламой и монолитными текстами исчезает уже к 2001 г. Тогда же сайт ориентируют по центру страницы. Рубрикация смещается в шапку сайта. В 2002 г. заметно увеличивается объем рекламы на стартовой странице и при переходе по рубрикам. Появление новых шрифтов, иконок разделов, подложек говорит об использовании библиотек CSS при создании сайта.

Начиная с 2002 г. каждый год происходят небольшие изменения в теле сайта, видно, что редакция экспериментирует с юзабилити и визуальным оформлением. Издание достаточно быстро переориентировалось на веб-формат. Формула «Сегодня в газете» исчезает уже к 2001 г., а в следую-

¹ URL: <https://web.archive.org/web/20061006090550/http://lenta.ru/info/seven.htm>

щем году появляются новые рубрики: «Онлайн интервью», «Интернет премия», тексты технического плана (например, рекомендации, как сделать Gazeta.ru домашней страницей). Определяются основные направления издания: политика, спорт, бизнес, авто, общество, культура.

Рис. 4. Gazeta.ru после 2004 г.: графическая модель и пример сайта

С 2004 г., как и в Lenta.ru, расширяется формат и появляются разделы «Комментарии» и специальные приложения к сайту. Примечательно, что редакция издания делает упор на обратной связи с читателем. Для этого на сайте есть соответствующий раздел с формой заполнения электронного письма и прилагающиеся инструкции, а также публикуются комментарии читателей. С 2004 г. «От редакции» заменяют «Новость часа» и «Ранее» (короткий лист с заголовками новостей) и «Темы дня».

С расширенным форматом страницы (2004 г.) тело делится на три части, первые две остаются такими же (во вторую часть добавляется хроника дня), а третья отводится под специальные приложения, комментарий, темы дня. Меняется шрифт, теперь рубрики – в одном стиле, текст материалов – в другом, текст лидов выделен. Тексты материалов больше не монолитны:

разделены внутритекстовыми заголовками. Увеличиваются количество фотографий и их размер.

Таким образом, к 2005 г. складываются определенные нормы того, как выглядят и что предлагают своей аудитории сайты интернет-СМИ: отказываются от узкой вертикальной ориентации страницы, заводят новые разделы, систематизируют рубрики, модернизируют свои поисковые возможности (Lenta.ru даже разработала свою серверную часть на языке PHP-поиска информации на сайте), интерактивные формы взаимодействия с аудиторией, увеличивают количество гиперссылок на другие материалы, работают над визуальной составляющей (увеличивают количество фотографий и дают больше «воздуха»).

Поиски удобства и акцент на мультимедийности

Следующий период развития интернет-СМИ связан с изменениями самой Сети и сменой ожиданий аудитории. Так, в 2006 г. появляется социальная сеть «ВКонтакте», к 2009 г. все большую популярность набирают сенсорные телефоны.

В 2005 г. видно, что Lenta.ru активно использует библиотеки CSS. Это способствует более плавным линиям в дизайне страницы. Шапка сайта в целом не изменяется, но постепенно меняется тело сайта: появляются разделы «Комментарии», «Спецпроекты», «Досье», письма читателей обрастают гиперссылками. В самих материалах добавляются врезки с цитатами из текста. Правда, пока текст врезки графически не выделен, не отличается от основного текста публикации, поэтому его контрастность и акцентность теряются. Что касается основы сайта, то там отображается контактная информация и плюсом идет раздел «Прием опечаток».

По сравнению с предыдущими годами к 2007 г. увеличивается количество фотоматериалов (1–2 картинки или фотографии в самих текстах публикаций, размером примерно 342×263 пикселей). Заметно, что издание использует свой единый формат заголовков, подзаголовков, самих текстов материалов. Визуально сайт с течением времени становится «легче» и функциональнее. Появляется больше пространства между абзацами и заголовками, а внутритекстовые врезки становятся визуально оформленными.

Gazeta.ru продолжает экспериментировать с дизайном главной страницы сайта без резких принципиальных изменений: меняет оттенки подложек и их расположение, перемещает рубрики и фотоматериалы.

Появление в 2006 г. подложек под текстовый материал расставляет акценты, направляет взгляд читателя.

В 2007 г. Gazeta.ru проводит серьезный редизайн: исчезает синий цвет рубрик, увеличиваются количество и размер фотографий: крупные фото с главной страницы от 2005–2006 г. – 228×150 пикселей, а фото с главной страницы после редизайна 2007 г. – 300×233 пикселей. Появляются конкретные «точки фокуса» – зоны интереса, акцента, то, что отличается от остальной композиции и удерживает внимание [20]. За счет этого возника-

ет ощущение увеличения пространства главной страницы, повышается ее сбалансированность.

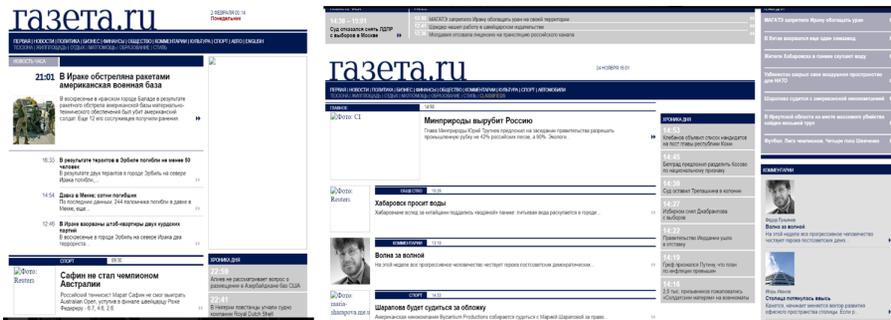

Рис. 5. Gazeta.ru в 2004 г. (слева) и в 2006 г. (справа)

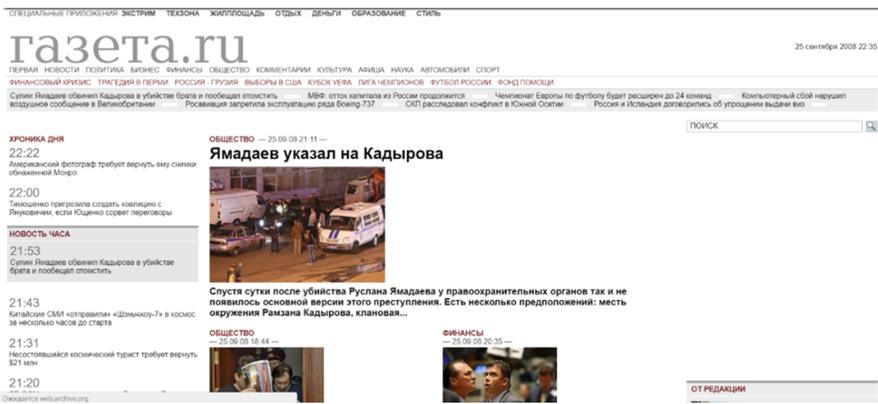

Рис. 6. Gazeta.ru после редизайна 2007 г.

Gazeta.ru добавляет кнопку поиска информации по сайту. При этом в отличие от Lenta.ru издание решило воспользоваться готовым решением: редакция использует форму, базирующуюся на поисковике Google (позже, в 2009 г., Gazeta.ru от отказалась от использования чужого сервера и перешла на свой).

Содержательно тело сайта меняется незначительно, однако отметим, что в этот год в ней появляется рубрика «Вакансия», где размещен короткий список требуемых должностей, видимо, так редакция пытается расширить штат сотрудников. Интересно, что до редизайна среди рубрик издания был раздел «Также в номере», где были размещены 1–3 дополнительных материала. Само название отводит нас к бумажной газете, но после 2007 г. «Также в номере» как отдельный раздел исчезает.

В конце 2008 г. у Gazeta.ru снова изменения. Рубрики «Фоторепортаж» и «Видео» теперь выводятся не просто как рубрики с гиперссылками, а

представлены мозаикой фото- и видеоматериала. Меняется внешний вид иконок погоды: сглаживаются углы, линии становятся более плавными.

В Lenta.ru мультимедийный контент также активно внедряется с 2008 г. Видеоматериалы, как правило, располагаются в разделах левой части тела сайта. В остальном же ее сайт не претерпевает особых визуальных изменений (однако некоторые рубрики исчезают, какие-то появляются), а с 2010 г. издание вводит новый формат. Помимо «Пресс-конференций», «Комментариев», появляется «Офтопик» – авторские заметки, сопровождающиеся иллюстрациями, выполненными в одной стилистике.

В обоих изданиях с 2010 г. появляются специальные символы-маркеры социальных сетей. Оба издания пытаются сгруппировать наиболее читаемую информацию «За сутки / за 24 часа», «За неделю» «За месяц» (Gazeta.ru) и «Темы дня», «Главное за день» (Lenta.ru). Начиная с этого же года и Lenta.ru, и Gazeta.ru используют в своем программном коде язык программирования JavaScript. Это означает, что при выборе той или иной рубрики она открывается теперь не в новой вкладке, а при обновлении главной страницы. Это уменьшает время ожидания пользователя, к тому же больше не нужно использовать функцию «Refresh» для обновления стартовой страницы: теперь процесс автообновления предусмотрен автоматически. А библиотеки CSS и JavaScript дают возможность использовать блоки с закругленными углами, тени, полупрозрачные элементы, вставку видео и крупных фотографий, а также автообновление. Минимизация flash-анимации повышает скорость загрузки сайтов [21. С. 650–652].

К 2010 г. у сайтов появляются специальные облегченные PDA-версии, которые удобно открывать на мобильных телефонах. Можно говорить о том, что в 2010 г. берет свое начало и процесс совмещения интернет-СМИ и социальных сетей, а также появляется кроссплатформенность как ориентация кода сайта под адаптацию для разных устройств: мобильные телефоны, планшеты и т.д. [5. С. 19–22].

В 2011 г. Lenta.ru меняет центрирование. Формат имеет отступ примерно $\frac{1}{4}$ от правого края экрана и выравнивание по левому краю, как начальные версии интернет-изданий. Интересно то, что Gazeta.ru чуть позже тоже приходит к такому решению, так как оно позволяет усилить концентрацию внимания пользователя, которому больше не нужно переходить взглядом от одного края монитора к другому. Однако если Gazeta.ru сохраняет выравнивание содержимого веб-страницы по центру, то Lenta.ru (даже в современной версии сайта) оставляет вариант выравнивания по левому краю.

Примечательно, что по результатам зарубежного исследования «How physical text layout affects reading from screen» оптимальное значение отношение ширины старницы сайта к ширине экрана монитора составляет примерно 55 %, что равно максимальному значению в 52 символа [22. Р. 390]. То есть наиболее комфортным для чтения был признан вариант, при котором текст занимает лишь 55 % ширины всего экрана. Именно к подобной компоновке пространства страницы и пришли анализируемые издания.

Новый редизайн: лаконизм, минимализм и подстройка под небольшие экраны

В начале 2013 г. сайт Lenta.ruеще раз серьезно меняется. Редакция – ещё до ухода Галины Тимченко – меняет разработчика дизайна: студию Артемия Лебедева на студию «Charmet». Решение было крайне удачным, внешне сайт приобрел свой единый стиль, с черно-белыми фотографиями в шапке, новыми шрифтами, однотонными подложками и более крупным черным рубрикато-ром. Вместо серого, красного, желтого и голубого на главной странице появи-лись белое пространство основной ленты, красные подзаголовки, черная под-ложка рубрикатора и серая под сами рубрики. Структура главной страницы стала лаконичнее, не такой объемной при ее скроллинге. Так, теперь на глав-ной странице находится поле некоторых новостей, взятых из рубрики «Глав-ное». Справа плашка «Главное за сутки» и «Фоторепортаж». Ниже идут руб-рики издания со ссылками «Все материалы». Чуть ранее, в 2012 г. заканчивает существование спецпроект «Лентопедия» – досье на известных ньюсмейкеров.

Новый сайт Lenta.ru эксперты организации Society for News Design (SND) признали одним из лучших в мире среди новостных сайтов¹.

Отдельно отметим, что в основе главной страницы с 2015 г. исчезает символ для перехода на PDA-версию сайта (Gazeta.ru убрала данную функ-цию еще с 2012 г.). Она была актуальна из-за низкой скорости интернет-соединения с мобильного устройства, и по мере того, как развивается высо-коскоростное подключение, остается только ориентация верстки под мо-бильные устройства, а необходимость в отдельной версии сайта отпадает.

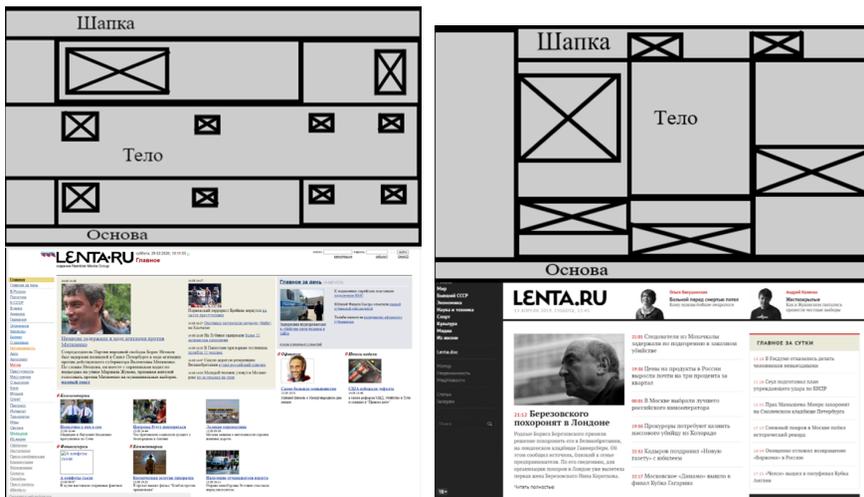

Рис. 7. Lenta.ru в 2011 г. (слева) и после редизайна 2013 г. (справа): графическая модель и оформление сайта

¹ URL: <https://www.snd.org/2013/03/meet-snds-2012-worlds-best-news-sites-and-apps-sb-nation-lenta-ru-and-the-guardian-and-observer-ipad-app/>

С 2014 по 2016 г. новая редакция Lenta.ru (после ухода Галины Тимченко) расширяет список рубрик: к стандартным «Статьям» и «Галерее» добавляются «Видео», «Инфографика», «Спецпроекты», «Библиотека». После 2015 г. рубрика со статьями – «Библиотека» – переместилась выше, к основным рубрикам. На ее месте появились «Мнения» – подборка различных аналитических статей.

Что касается Gazeta.ru, то к редизайну 2013 г. она подходит также с выровненным по центру макетом, особыми плашками-вставками, позволяющими пользователю пролистать встроенные вкладки.

Это сокращает объем занимаемого материалом пространства сайта и акцентирует внимание пользователя, предоставляя выбор в порядке просмотра материала: от самого текста новости до инфографики. С 2012 г. на главной странице сайта увеличивается количество видеоматериалов, фотоматериалов, которые отображаются на сайте издания в виде врезок с соответствующими заголовками. Изначально, с 2011 г., на сайте издания уже была отдельная плашка «Видео», но содержала только один материал вместо трех, появившихся в 2012 г.

В 2013 г. Gazeta.ru также проводит редизайн сайта. Трансформируется структура главной страницы: сначала идет лента главных новостей, вперемежку с колонкой из двух боковых колонок, где слева остаются новости дня и инфографика котировок из рубрики «Финансы», а справа – «Инфографика», «Фоторепортаж» и плашки «Самое читаемое» и «Самое обсуждаемое». После новостной ленты следует отдельный блок «Мультимедиа», в котором собраны фото- и видеоматериалы, а также инфографика. Далее – блок с актуальными темами из разных рубрик издания и перечень всех приложений и рубрик с активными гиперссылками.

Стиль издания, установленный тогда, сохранился до сих пор: основные цвета – черный и бордовый на светло-сером фоне. В новом дизайне исчезают темно-серые подложки плашек, уходит раздел «Блоги» с фотоврезками (вместо него отдельные плашки «Мнение»). Сайт становится более однородным в плане цветового решения, реализуется принцип повторения, что смотрится лаконичнее. С 2014 г. в шапке страницы появляется полоса прогноза погоды, в основной ленте добавляются плашки со спецпроектами.

Стоит отметить, что редизайн 2013 г. хорошо прижился в обоих изданиях, о чем говорят рейтинги популярности интернет-СМИ за 2013 г.¹ К примеру, по данным мониторинга «Liveinternet»: в 2013 г. Gazeta.ru набрала в среднем 144 698 117 просмотров за месяц и 20 127 713 уникальных посетителей.

В 2014 г. издание начинает использовать новый формат подачи материалов: текстовую онлайн-трансляцию. Внедрение подобных жанров говорит о совершенно ином способе использования возможностей интернет-площадки.

¹ URL: https://web.archive.org/web/20140202125009/http://www.mlq.ru/ratings/federal_media/2759/2013/11/

Рис. 8. Gazeta.ru до редизайна 2013 г.: графическая модель и оформление сайта

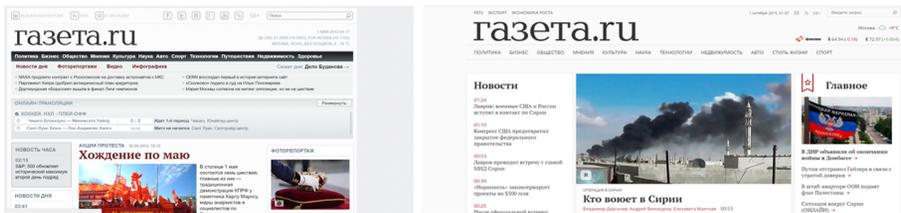

Рис. 9. Gazeta.ru после редизайна 2013 г. (слева) и в 2015 г. (справа)

Кроме этого, в 2014 г. Gazeta.ru модернизирует мобильную версию сайта, ее создают практически заново, ориентируясь именно на особенности мобильного медиапотребления на небольших экранах.

В последующие годы Gazeta.ru постоянно вносит в структуру сайта незначительные изменения, нацеленные в основном на упрощение его структуры. В 2015 г. сайт еще более упрощает структуру. Так, в теле сайта остаются только колонка «Новости дня», содержащая заголовки материалов, «Главное», «Самое читаемое» и плашка «Мультимедиа». Все остальные плашки, рубрики уходят внутрь сайта. За счет освобожденного места увеличиваются в размере фотографии, которые теперь являются гиперссылками на публикации и разделы. Теперь рядом с тем или иным материалом представлен значок и счетчик просмотров.

С 2016 г. над «Новостями дня» располагается «Новость часа» с вернувшимся на сайт горизонтальным скроллингом. Немаловажным введением является добавление значков социальных сетей (сделать репост / поделиться / твитнуть / рассказать друзьям) под главными материалами на первой странице сайта той или иной рубрики. Значки с округлыми краями, тех цветов, что соответствуют цветовому решению той или иной социальной сети соответственно. Там же мы можем увидеть символы фотокамеры, видеоплеера и диалогового облака, обозначающие количество имеющихся фото и видеоматериалов и комментариев пользователей.

Таким образом, к 2017 г. оба интернет-СМИ переосмыслили представление о центрировании, более узкую ориентацию с максимально упрощенной структурой подачи материалов: многие разделы и рубрики уходят внутрь сайта, а навигацию заменяют значки-символы. Вообще, минимализм приобрел огромную популярность в последние несколько лет [23]. Большой упор делается на иллюстративную часть сайта (принцип контрастирования), добавляются фотоврезки, увеличивается количество фотографий и видеоматериалов. Поэтому появляются отдельные разделы «Фоторепортаж», «Видео». Сами фотографии главных новостей данных изданий приобретают крупные размеры. Предпринимаются попытки объединения всего мультимедийного контента в единый блок и внедрения нового формата подачи материалов виде онлайн-трансляций. В этот период издания приходят к кроссплатформенности, ориентируют сайты под экраны разных устройств: разных моделей смартфонов, планшеты, а также «умных» часов.

С осени 2018 г. Lenta.ru добавила на сайт новую функцию «Лента добра». Это фильтр материалов, позволяющий отключить отображение публикаций, посвященных темам насилия, войн, нестабильной международной обстановки и политики. Отметим и появление возможности регистрации, чтобы адаптировать новостной сайт под свои предпочтения. Так, помимо «Ленты добра» издание предлагает завести свой кабинет с возможностью пометить закладками понравившиеся материалы. На сайте издания есть письмо редакции, где Lenta.ru пишет: «В верхнем левом углу (и в верхнем правом на мобильной версии) появился новый пункт меню – “Моя Лента”»¹.

У Gazeta.ru подобной функции нет, это интернет-СМИ реализует юзабилити в ином ключе: на некоторых новостных плашках присутствуют значки видео. При желании читатель сам может просмотреть видео контент, кликнув по ним. Также в шапке сайта, рядом с названием Gazeta.ru располагается небольшой (размер 64×36 пикселей) фрейм – кнопка с переходом на раздел сборки всех видеоматериалов издания.

Но для того чтобы все нововведения грамотно функционировали, необходимы мониторинг сайта, постоянная оценка количества проиндексиро-

¹ URL: <https://lenta.ru/articles/2016/11/02/mylenta1/>

ванных страниц, оценка трафика и степени необходимости оптимизировать главную страницу и т.д. Наблюдение за пользователями – наиболее очевидный метод в инструментарии проектировщика юзабилити. В отсутствие непосредственного доступа к пользователям наблюдение может производиться с помощью различных инструментов, которые предоставляют визуальное отображение визитов пользователей на сайт, карты кликов и т.д. [24]. В настоящий момент существует широкий спектр различных сервисов, предоставляющий данные услуги. Например, такие сервисы, как «Megaindex», «SpyWords», «GTmetrix», «PR-CY.RU» и др. Для анализа интересующих нас веб-изданий мы воспользовались сервисом «PR-CY.RU».

Сервис анализирует сайты по таким параметрам, как уровень оптимизации (внешняя, внутренняя, под мобильные устройства и оптимизация сервера), скорость загрузки сайта, сжатие HTML-страниц, сжатие CSS- и JS-файлов страниц (замена повторяющихся символов: табуляции, пробелов и т.п.), оптимизация сайтов для компьютеров и мобильных версий сайтов, тег viewport (если он есть, то страницы сайта правильно отображаются на всех мобильных телефонах и планшетах), сжатие изображений (адаптация по ширине), размеры элементов (все ли элементы достаточно велики в размере, чтобы на них можно было легко нажать, используя сенсорный телефон или планшет), размеры шрифтов (позволяют ли размер шрифта и высота строк удобно читать текстовый контент).

Результаты анализа с помощью упомянутого сервиса показали, что современные версии этих веб-изданий хорошо оптимизированы под любые мобильные устройства, имеют большую скорость загрузки главной страницы. У них крупные изображения и другие графические элементы (знаки-символы, кнопка прокрутки, возврата на «главную»), что позволяет пользователю легко и быстро сориентироваться на странице.

После 2017 г. каких-то значительных трансформаций сайтов Gazeta.ru и Lenta.ru не происходило. Главное достижение к этому времени: добавление функций, позволяющих отложить материал с возможностью возврата к нему на любом устройстве и в любое время, – сохраняется и по сей день.

Подытоживая проведенный анализ, обозначим основные этапы и предполагаемые причины для трансформаций визуального контента сайтов СМИ. В первой половине 2000-х гг. появление первых мобильных телефонов положило конец популярности пейджеров: изданиям пришлось отказаться от оперативной рассылки оповещений на них и искать новые способы привлечения аудитории. На протяжении 2005–2010 гг. издания стали центрировать сайты, вносили изменения в рубрикаторы, а также в организацию форм подачи материалов. К этому периоду относится наибольшее количество экспериментов с внешним видом главной веб-страницы. Увеличение скорости интернета, в том числе мобильного, модернизация программного кода (активное использование с 2007 г. программного кода JavaScript) позволили внедрять новые типы контента (видео-, онлайн-

трансляции, фотоматериалы с горизонтальным скроллингом). Уже в это время становится видна тенденция к минимализму в оформлении сайтов изданий.

Изменение скорости интернета и технических характеристик гаджетов привело к отсутствию необходимости у редакций обслуживать облегченную версию сайтов. Так, в начале 2010-х гг. исчезают PDA-версии сайтов: теперь сайты адаптируются под разные размеры экрана автоматически. После 2010 г. развитие социальных сетей трансформирует формы обратной связи с аудиторией. Появляется кроссплатформенность как ориентация сайтов изданий под экраны разных устройств: разных моделей смартфонов (с разными диагональю, формой площади экрана), планшетов, смарт-часов. Усиливается тенденция к минимализму во внешнем виде главной страницы сайта. С 2018 г. можно заметить появление политики персонализации информации (у Lenta.ru это функция «Лента добра»⁰).

Главное, что можно отметить: на изученной эмпирической базе становится хорошо понятна ставшая знаменитой фраза Г.М. Маклюэна: «Medium is the message». Формы контента меняются не в результате творческого запроса производителей или ожиданий аудитории. У этих аспектов в качестве катализатора и посредника выступают технологические аспекты, потому что все контентные изменения становятся результатом тех возможностей, которые могут предложить СМИ пропускные способности каналов связи, программисты, используемая для медиапотребления техника. Можно быть уверенными, что будет и следующий период экспериментов со структурой и дизайном. Основные направления, в которых будут происходить трансформации – это использование нейронных сетей для персонализации внешнего вида сайтов, их рубрикация и появление рубрик «оперативного контента», а также пристальное внимание СМИ к приложениям (что и началось пару лет назад), главное удобство которых – в их персонализации и возможности адресной работы с конкретным пользователем. И новый виток изменений сайтов крупнейших СМИ и формирования их редакциями представлений о том, что надо внедрить в условиях современного медиапотребления, опять немного сместит представления аудитории и более мелких редакций о том, как должен выглядеть их сайт, чтобы считаться стильным и современным.

Список источников

1. *Media archaeology: Approaches, applications, and implications* / ed. by E. Huhtamo, J. Parikka. Univ. of California Press, 2011.
2. *Thompson C., Wood M.A. A media archaeology of the creepshot // Feminist Media Studies*. 2018. Vol. 18, Is. 4. P. 560–574.
3. *Silverberg G., Dosi G., Orsenigo L. Innovation, diversity and diffusion: a self-organisation model // The Economic Journal*. 1988. Vol. 98, № 393. P. 1032–1054.
4. *Градобоев В.В. Бенчмаркинг в современной теории стратегического планирования // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2008. № 6. С. 81–90.
5. *Якунин А.В. Веб-дизайн и оформление электронных СМИ*. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. 90 с.

6. Корзина М.И., Костюченко О.А., Лысенко В.А., Лысенко А.А., Майоров И.С., Поташова М.А. Моделирование эстетического оформления веб-сайта // *Arctic Environmental Research*. 2013. № 1. С. 116–123.
7. Кошель Л.В. Символика цвета в веб-дизайне // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2010. № 1. С. 98–104.
8. Китаевская Т.Ю. Альтернативные стили в веб-дизайне // *Вестник российских университетов. Серия: Математика*. 2014. № 2. С. 569–570.
9. Ляшенко Е.С. Теоретические подходы к изучению веб-дизайна как языка интернет-культуры // *Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология*. 2012. № 3. С. 117–125.
10. Кушова Д.С. Важность соблюдения юзабилити-правил при создании и поддержке Интернет-ресурса // *Научные исследования*. 2017. № 2 (13). С. 10–13.
11. Лайкова А.А. Юзабилити сайта: принципы и методы оценки // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2016. № 12. С. 745–747.
12. Якунин А.В., Бодрунова С.С. Минимализм как современная тенденция в дизайн-проектировании: функциональный подход или эстетический принцип? // *Культура и цивилизация*. 2016. № 4. 14–24.
13. Кутюженко А. Интернет-летописцы: Сервисы кэширования веб-ресурсов // *Мир ПК*. 2011. № 6. С. 58–61.
14. Митрошин М. Bright Stor AR Cserve Backup – снапшотныетехнологии // *Storage News*. 2005. № 4. С. 25.
15. Машикова С.Г. Интернет-журналистика : учеб. пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 80 с.
16. Пак Е.М. Сетевые издания: истоки формирования и особенности функционирования // *Журналистский ежегодник*. 2012. № 1. С. 79–81.
17. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика: Теоретические основы. М. : Академия медиаиндустрии, 2018. 370 с.
18. Макнейл П. Веб-дизайн: Идеи, секреты, советы. СПб. : Питер, 2012. 272 с.
19. Тимченко Г.В. Дорогая редакция. М. : АСТ, 2015. 336 с.
20. Bradley S. Принципы дизайна: доминанция, точки фокуса, иерархия // *Planet Design*. 2016. URL: <https://planet-design.com.ua/2016/01/03/principy-dizajna-dominaciyatochki-fokusa-ierarhiya/> (дата обращения: 05.02.2020).
21. Сидоров А.А. Анализ современных тенденций организации пользовательской среды сайта // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2016. № 12. С. 650–652.
22. Dyson Mary C. How physical text layout affects reading from screen // *Behaviour & information technology*. UK : Taylor&Francis, 2004. 393 p.
23. Сиваков А.В. 7 трендов веб-дизайна в 2016 // *International scientific review*. 2016. № 8 (18). С. 117–118.
24. Тепляков В.А. Юзабилити сайта как фактор повышения конкурентоспособности компании // *Проблемы науки*. 2018. № 2 (26). С. 25–27.

References

1. Huhtamo, E. & Parikka, J. (eds) (2011) *Media archaeology: Approaches, applications, and implications*. University of California Press.
2. Thompson, C. & Wood, M.A. (2018) A media archaeology of the creepshot. *Feminist Media Studies*. 4 (18). pp. 560–574.
3. Silverberg, G., Dosi, G. & Orsenigo, L. (1988) Innovation, diversity and diffusion: a self-organisation model. *The Economic Journal*. 393 (98). pp. 1032–1054.
4. Gradoboev, V.V. (2008) Benchmarking in modern theory of strategic planning. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika – Moscow University Economics Bulletin*. 6. pp. 81–90. (In Russian).

5. Yakunin, A.V. (2013) *Veb-dizayn i oformlenie elektronnykh SMI* [Web Design and Design of Electronic Media]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
6. Korzina, M.I. et al. (2013) Modelirovanie esteticheskogo oformleniya veb-sayta [Modeling the aesthetic design of the website]. *Arctic Environmental Research*. 1. pp. 116–123.
7. Koshel', L.V. (2010) Simvolika tsveta v veb-dizayne [Symbolism of color in web design]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva – Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. 1. pp. 98–104.
8. Kitaevskaya, T.Yu. (2014) Alternative style in web design. *Vestnik Rossiyskikh universitetov. Seriya: Matematika*. 2. pp. 569–570. (In Russian).
9. Lyashenko, E.S. (2012) Theoretical approaches to the study of web design as a language of the internet culture. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya*. 3. pp. 117–125. (In Russian).
10. Kusheva, D.S. (2017) The importance of compliance with the rules of usability in the creation and support of internet resources. *Nauchnye issledovaniya*. 2 (13). pp. 10–13. (In Russian).
11. Laykova, A.A. (2016) Web usability: principles and evaluation methods. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*. 12. pp. 745–747. (In Russian).
12. Yakunin, A.V. & Bodrunova, S.S. (2016) Minimalism as a modern trend in design: a functional approach or an aesthetic principle? *Kul'tura i tsivilizatsiya – Culture and Civilization*. 4. pp. 14–24. (In Russian).
13. Kutovenko, A. (2011) Internet-letopistsy. Servisy keshirovaniya veb-resursov [Internet chroniclers. Web resource caching services]. *Mir PK*. 6. pp. 58–61.
14. Mitroshin, M. (2005) Bright Stor AR Cserve Backup – snapshotnye tekhnologii [Bright Stor AR Cserve Backup – snapshot technologies]. *Storage News*. 4. pp. 25.
15. Mashkova, S.G. (2006) *Internet-zhurnalistika* [Internet Journalism]. Tambov: Tambov State Technical University.
16. Pak, E.M. (2012) Setevye izdaniya: istoki formirovaniya i osobennosti funkcionirovaniya [Network publications: the origins of formation and features of functioning]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik – Journalist Yearbook*. 1. pp. 79–81.
17. Kalmykov, A.A. & Kokhanova, L.A. (2018) *Internet-zhurnalistika. Teoreticheskie osnovy* [Internet Journalism. Theoretical basis]. Moscow: Akademiya mediaindustrii.
18. McNeill, P. (2012) *Veb-dizayn. Idei, sekrety, sovety* [Web Design. Ideas, secrets, advice]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
19. Timchenko, G.V. (2015) *Dorogaya redaktsiya* [Dear Editor]. Moscow: AST.
20. Bradley, S. (2016) Printsipy dizayna: dominatsiya, tochki fokusa, ierarkhiya [Design principles: dominance, focus points, hierarchy]. Translated from English. *Planet Design*. [Online] Available from: <https://planet-design.com.ua/2016/01/03/principy-dizajna-dominatsiya-tochki-fokusa-ierarkhiya/> (Accessed: 05.02.2020).
21. Sidorov, A.A. (2016) Analysis of current trends of organizing user's environment of web-site. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*. 12. pp. 650–652. (In Russian).
22. Dyson, M.C. (2004) How physical text layout affects reading from screen. *Behaviour & Information Technology*. 6 (23). pp. 377–393. DOI: 10.1080/01449290410001715714
23. Sivakov, A.V. (2016) 7 trendov veb-dizayna v 2016 [7 web design trends in 2016]. *International Scientific Review*. 8 (18). pp. 117–118.
24. Teplyakov, V.A. (2018) Yuzabiliti sayta kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti kompanii [Website usability as a factor in increasing the company's competitiveness]. *Problemy nauki*. 2 (26). pp. 25–27.

Информация об авторах:

Беленко В.Е. – канд. филос. наук, зав. кафедрой массовых коммуникаций Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: viktoria_belenko@mail.ru

Федотова А.А. – магистрант направления подготовки 42.04.02 «Журналистика» Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: f0.618@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.E. Belenko, Cand. Sci. (Philosophy), head of the Department of Mass Communications, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: viktorija_belenko@mail.ru

A.A. Fedotova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: f0.618@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2021;
одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 11.01.2021;
approved after reviewing 28.01.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

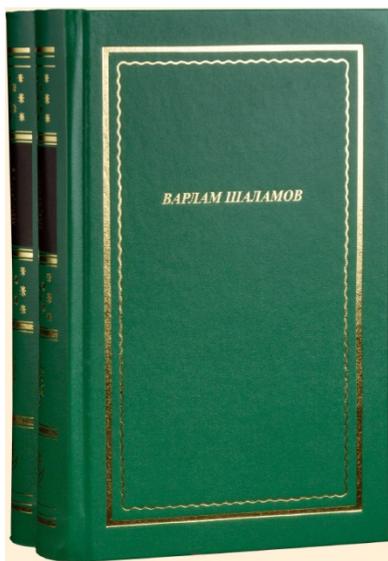
РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/75/19

В.Т. Шаламов: «Нет конца моему житию...»

Людмила Владимировна Егорова

*Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
lveg@yandex.ru*

Рецензия на книгу: Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта)

Варлам Шаламов считал себя прежде всего поэтом, но при жизни в свет вышла малая часть урезанных цензурой стихотворений (1957–1970-е гг.). Данное академическое издание впервые в максимально возможной полноте представило Шаламова-поэта. В двухтомнике – 1 280 стихотворений и поэм, при этом около 450 опубликованы не были. Издание подготовлено В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007),

«Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020).

Для цитирования: Егорова Л.В. В.Т. Шаламов: «Нет конца моему житию...»
Рецензия на книгу: Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. ст.,
сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома :
Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта) // Вестник Томского государственного
университета. Филология. 2022. № 75. С. 366–375. doi:
10.17223/19986645/75/19

Review

doi: 10.17223/19986645/75/19

**Varlam Shalamov: “My life-story has no end ...”
Book Review: Shalamov, V.T. (2020) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems].
In 2 volumes. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma;
Vita Nova**

Liudmila V. Egorova

Vologda State University, Vologda, Russian Federation, lveg@yandex.ru

Abstract. Varlam Shalamov valued his poetry above his prose, but during his lifetime only 300 poems were published, in their censored versions (1957–1970s). The two volumes under consideration include 1280 poems, 450 have never been published. This academic edition is the most complete collection of Shalamov's poetry to date. The poems are edited, introduced, commented by Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov in the Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: Articles and Other Studies* (2020).

For citation: Egorova, L.V. (2022) Varlam Shalamov: “My life-story has no end ...” Book Review: Shalamov, V.T. (2020) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 volumes. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 366–375. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/19

Трагизм жизненной и литературной судьбы Варлама Тихоновича Шаламова (5 (18) июня 1907 г., Вологда – 17 января 1982 г., Москва) не может не вызывать чувства глубокого сопереживания. С другой стороны, научное исследование требует контролирования эмоций и воссоздания объективной картины творческого пути художника во всех его трудностях и противоречиях. Тем более когда речь идет об академическом издании в серии «Новая Библиотека поэта», важнейшими качествами которого являются scrupulous выверенность авторских текстов, предельная точность комментариев и примечаний, методологическая и историко-литературная основательность концептуальных выводов. В рецензируемом издании найденный вариант сочетания этих начал представляется мне оптимальным.

Для многих представителей молодого поколения, привыкших видеть в Шаламове прозаика, автора всемирно известных «Колымских рассказов», его существование в ипостаси поэта может стать открытием. Однако сам Шаламов считал себя прежде всего поэтом, и в этом, по мнению В.В. Есипова, заключается особый драматизм литературной судьбы писателя и ее восприятия. О начале творчества в «Четвертой Вологде» Шаламов вспо-

минал так: «Я начинал со стихов: с мычания ритмического, шаманского покачивания»¹ [1. Т. 1. С. 7]. И со стихами он уходил из жизни. И.П. Сиротинская фиксировала с трудом им произносимое в Доме инвалидов: «Я на бреющем полете / Землю облетаю, / И тщиеты земной заботы / Я теперь не знаю». Последняя запись была сделана ею 30 декабря 1981 г.: «Вкруг дома ходят голуби, / Не птицы – пешеходы, / Уставшие от голода, / От пасмурной погоды. // И все же в миг опасности / Они взлетают в небо, / Где много больше ясности / И много меньше хлеба» (вариация стихотворения «Голуби» 1957 г.) [1. Т. 2. С. 550]. К этой своеобразной поэтической «закольцованности» жизни автора привлек внимание во вступительной статье В.В. Есипов, и она символична.

Ранние архивы Шаламова были уничтожены. Первый, сложившийся до ареста в 1929 г., – сестрой Г.Т. Шаламовой-Сорохотиной. Вторым – до ареста в 1937 г. – женой Г.И. Гудзь: в огонь пошли три тетради – более сотни стихотворений, предназначенных для подготовленного сборника. Утрата стихотворений 1920–1930-х гг. не позволяет проследить процесс поэтического становления Шаламова, но исследователь сделал все возможное для воссоздания максимально полной картины.

Главным своим поэтическим трудом Шаламов считал «Колымские тетради» – шесть сборников, созданных частично во время пребывания на Дальнем Севере, частично – после него. Данное издание впервые предоставляет возможность увидеть творческий путь Шаламова не только с этой вершины («Колымские тетради» закономерно открывают первый том), а начиная с более раннего времени. Во втором томе приведена пара сохранившихся юношеских стихотворений (в первом – явное подражание С. Есенину). Там же помещен первый сборник послелагерных стихов «Ключ Дусканья» (1949–1950). Стихи создавались во время работы Шаламова фельдшером лесозаготовительного участка на ключе (речке) Дусканья. В феврале 1952 г. тетради с секретной оказией были посланы Б. Пастернаку, и в декабре Шаламов получил строгий разбор стихов. В.В. Есипов произвел бережный отбор (115 стихотворений из 169) «...с целью представить наиболее полную картину первого послелагерного лирического “всплеска” Шаламова со всеми его достоинствами и слабостями, во всем его тематическом многообразии и с начальными трудностями в поиске формы» [1. Т. 1. С. 467]. Справедливо отмечена характерная для Шаламова философичность, опирающаяся «на предметную реальность – прежде всего на суровую северную природу и постоянный поиск в природе, в каждом ее проявлении, аналогий со своей судьбой и человеческой судьбой в целом» [1. Т. 2. С. 558].

Следующее большое открытие второго тома – произведения 1952–1953 гг. из так называемых «якутских тетрадех», относящихся к периоду жизни близ Оймякона. Именно здесь были написаны стихи «синей тетради»

¹ Здесь и далее цитирую по рецензируемому изданию.

ки», врученные Пастернаку при встрече в Москве 13 ноября 1953 г. и высоко им оцененные: «Я никогда не верну Вам синей тетрадки... Пусть лежит у меня рядом со вторым томиком алконостовского Блока» (цит. по: [1. Т. 1. С. 468]).

Из не вошедшего в «Колымские тетради» В. Есипов отобрал более 40 стихотворений, в том числе посвященные И. Анненскому, Б. Пастернаку, поэму «Вагонные стихи», написанную на пути из Иркутска в Москву в ноябре 1953 г. Удивительно, что столь глубокие стихи так долго оставались в рукописях. Например, это: *У меня судьба одна, / Знаю сам, / Что возьмет меня со дна / К небесам. // Если были бы пути / Не во мгле, / Не пришлось бы мне пройти / По земле* (№ 1206). Большой внутренней драмой поэта было ощущение себя, великана, в историческом времени: *...И потолки все низки, и тесны башмаки, / И душу ты не втиснешь / В журнальные стихи* (из № 1252). В рукописях остались не только «крамольные» с точки зрения цензуры стихи с лагерными мотивами, но и пронзительные лирические строки: *Нам лжет весенняя трава / И лжет апрельский лед. / И лгут мечты, и лгут слова, / И лжет любимый рот* (№ 1216).

Таким образом, мощные пласты вновь открытого поэтического дневника Шаламова представили предшествующий «Колымским тетрадям» этап его творчества.

О колымском периоде творчества было известно, но и здесь мы испытываем благодарность В. Есипову за описание архива Шаламова в ЦГАЛИ (РГАЛИ), приведенную хронологию публикаций. Первые стихи напечатали в 1957 г., когда Шаламову было 50 лет. При жизни вышло около 300 стихотворений – в периодике (прежде всего, в журнале «Юность») и в пяти книгах: «Огниво», 1961; «Шелест листьев», 1964; «Дорога и судьба», 1967; «Московские облака», 1972; «Точка кипения», 1977. Посмертно «Советский писатель» выпустил сборник «Стихотворения» (1988), куда вошел ряд стихов, отвергнутых в свое время издательством (В. Фогельсон, редактор-составитель, с 1961 г. занимался подготовкой всех сборников Шаламова). Тогда же, во второй половине 1980-х гг., стали печататься произведения Шаламова, хранившиеся в РГАЛИ (правонаследница Шаламова Сиротинская опубликовала ряд подборок стихов в «Новом мире», «Знамени», «Юности»), а также у частных владельцев рукописей и машинописных копий (библиография первопубликаций включена в состав примечаний).

В 1994 г. Сиротинская опубликовала полный текст «Колымских тетрадей» (465 стихотворений), включив в состав примечаний авторский комментарий. В 1998 г. ею подготовлен четырехтомное собрание сочинений Шаламова, где третий том – поэтический (683 стихотворения). Содержание третьего тома было сохранено в шеститомном (2006) и семитомном (2013) собраниях сочинений Шаламова. В дополнительный седьмой том (составители И. Сиротинская, В. Есипов, С. Соловьев) вошли еще 160 стихотворений. Тем не менее массив неопубликованных поэтических произведений в фонде Шаламова в РГАЛИ продолжал оставаться обширным.

Проделав колоссальный труд, В. Есипов представил в двухтомнике 1 280 стихотворений.

Работал исследователь и с магнитофонными записями авторского чтения стихов. Первая, от 16 июля 1961 г., была сделана на квартире друга детства Е.А. Алова в Ленинграде (7 стихотворений). Вторая записана в 1967 г. в Москве на квартире подруги Н.Я. Мандельштам Н.В. Кинд-Рожанской (около 100 стихотворений). Эта запись хранилась в Государственном литературном музее и была скопирована для музея Шаламова в Вологде. Среди сотни стихотворений, прочитанных поэтом, В. Есипов обнаружил 27 сочинений, рукописи которых не сохранились, а сами они ранее не публиковались.

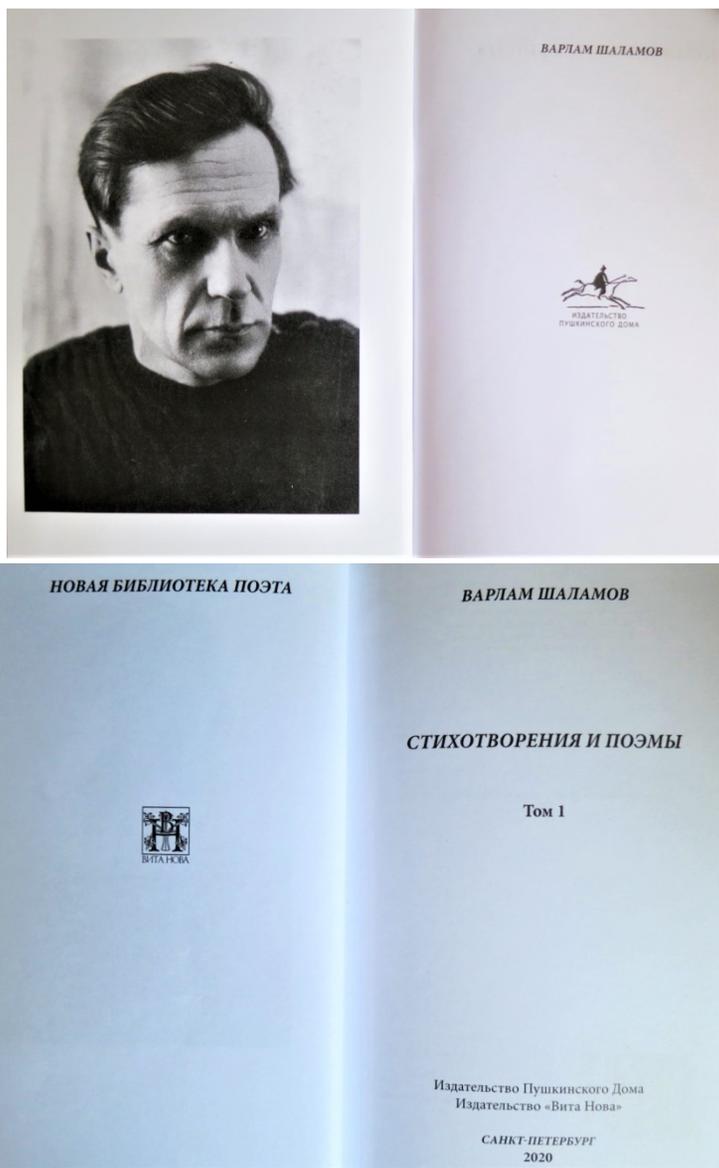
Именно в звуковых версиях 1967 г. оказались последние авторские редакции стихов. Изменений в записанные автором тексты Есипов не вносил – зафиксировал их в качестве вариантов. Шаламов считал, «что первый вариант самый лучший <...> Как бы квалифицированно ни отделялось стихотворение – первый вариант всегда остается самым искренним – и притом единственной формулой автора для времени создания стихотворения, отвечающей его настроению, миропониманию, философии...» [1. Т. 1. С. 459]. На практике мы видим множество примеров кардинальной переделки, отсюда и указания на двойные даты: год начала работы над стихотворением и год завершения.

Характеризует исследователь и машинописные копии стихов (содержащие иногда небольшую правку): наряду с беловыми автографами они являются источниками авторского текста. Именно так представлены в архиве «Колымские тетради». Исследователь обнажает символизм датировки подзаголовка книги «(Стихи 1937–1956 гг.)»: 1937-й – год «большого террора» в личной шаламовской и общей исторической памяти; 1956-й – год XX съезда и реабилитации Шаламова. Реальной начальной датой создания книги является 1949 г. Финал следует отодвинуть на 10 лет. В 1956 г. в рукописях были сформированы три первых сборника («Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно»), три следующих («Златые горы», «Кипрей», «Высокие широты») оставались в набросках, с другими вариантами названий (см.: [1. Т. 1. С. 460]). Окончательное завершение, учитывая текстуальные правки, перепечатку шести сборников в единую машинопись и ее сверку, приходится на 1965–1966 гг. [1. Т. 1. С. 461]. Исследователь напоминает, что в августе 1966 г. Шаламов пишет Вяч.Вс. Иванову о «приготовленном небольшом подарке» («Я переплел свои колымские стихи...») и подписывает переплетенный экземпляр машинописи Л.Е. Пинскому («Дорогому Леониду Ефимовичу с глубокой симпатией – эти колымские стихи, шесть тетрадей...») [1. Т. 1. С. 463].

С датировкой стихотворений Шаламов помог сам, когда летом 1969 г. приводил в порядок свое огромное поэтическое «хозяйство» [1. Т. 1. С. 463]. Осмысляя поэтический опыт в цикле эссе, важнейшее из которых – «Кое-что о моих стихах», он оставил авторский комментарий к стихам – опубликованным или предполагавшимся к публикации: даты, обстоятельства сочинения, пояснения о редакционно-цензурных изъятиях, размышления о поэтическом ис-

кусстве. Принципы и сложности датировки не охваченных автокомментарием стихотворений сформулированы В. Есиповым в примечаниях.

В первом томе рецензируемого издания кроме «Колымских тетрадей» представлены стихотворения 1940–1956 гг., туда не вошедшие. Второй том следует хронологии: стихотворения 1957–1959, 1960-х, 1970-х гг. и последние стихи (1980–1981). Кроме уже упомянутых юношеских стихотворений во второй том включены шуточные стихи и эпиграммы, переводы из Хаима Мальтинского, сделанные по подстрочнику с идиш.

«Другие редакции и варианты» сопровождают оба тома, при этом небольшие варианты отражены непосредственно в примечаниях к каждому стихотворению. Примечания начинаются с текстологических и библиографических пояснений (указание первой публикации с фиксацией редакционных изменений текста, архивного источника текста, беловых автографов). Дан реальный комментарий, пояснены реминисценции; например, у опубликованного впервые стихотворения под № 869 воспроизведены вычеркнутые Шаламовым первые две строфы: *Державинским примером / Когда-то увлечен, / Я был горяч не в меру / Все было ничем. // Но я не пел Фелицу, / Не пел ее, зане, / Другие были лица / В ужасном этом сне* [1. Т. 2. С. 514]. Стихотворение началось традиционной для исторической поэтики метафорой переплетения, при этом она и индивидуально-авторская, новаторская: характерно северная, интертекстуальная: *Поток словесной ткани, / Уток для прялки – льды, / Державинских исканий / Забытые следы...*

Указано, что в шаламовском списке стихотворение с заглавием «Державинским примером» отнесено к 1968 г. Дана смелая мысль из записной книжки 1966 г.: «Державин – отец акмеизма». Пояснены строки: *Он в пугачевском бунте / Судьбу свою искал...* – В 1773–1774 гг. Державин принимал участие в подавлении пугачевского восстания, карательных экспедициях и дознании по делу бунтовщиков. *Урал-река* – Шаламов имеет в виду свое пребывание на северном Урале, в Вишерском лагере. *Пушкинские были*. – Упоминание Пушкина связано с поездкой последнего по местам пугачевского восстания в 1833 г. для сбора материалов к «Истории Пугачева» [1. Т. 2. С. 514–515]. Аналогичным образом многие примечания несут открытия и могут стать началом следующих исследований.

Особо оговорю, что составитель впервые восстановил стихотворные циклы Шаламова, посвященные Пастернаку («Стихи к Пастернаку. На похоронах»), Цветаевой (цикл из стихотворений разных лет), Ахматовой. Отмечено и то, что обращение к ним не ограничилось циклами. Вспомним четверостишие 1973 г. (в сентябре 1972 г. Шаламов получил комнату неподалеку от посольства Чехословакии в СССР): *Чехи – колыбель славянского рода, / По-славянски мягка их природа. / Истеричный цветаевский крик / Не годится на чешский язык* (комментарий к стихотворению см.: [1. Т. 2. С. 533]).

Вступительная статья предельно информативна, отличается ясностью в понимании творческой индивидуальности, освещении проблем поэтического творчества, эпохи. В данном издании В. Есипова закономерно интересовало «первородство» поэзии Шаламова. Здесь нет превознесения героя – есть исследование: «...стихи (пусть даже отчасти несовершенные) раскрывают внутренний мир и душевные переживания человека, художника и мыслителя – а значит, и его судьбу – с наивысшей обнаженностью» [1. Т. 1. С. 11].

Исследователем продуктивно поставлена проблема рассмотрения «природного поэтического склада личности Шаламова», «поэтической первоосновы его творчества», принадлежности его к «универсальному типу художников – поэтов-прозаиков с поэтической доминантой» [1. Т. 1. С. 8].

В эссе «Поэт и проза» на рубеже 1950–1960-х гг. Шаламов отмечал единство пути поэта и – темы его жизни, высказываемой то в стихах, то в прозе: «Это не две параллельные дороги, а один путь. К тому отрезку пути, который пройден прозой, автор уже не вернется в стихах» [1. Т. 1. С. 8].

И в обширной вступительной статье (65 страниц), и в примечаниях (около 150 страниц) приведены отзывы современников (Б. Пастернака, Б. Слуцкого, Г. Адамовича (опубликовал рецензию на стихи в парижской «Русской мысли» в 1967 г.), Вяч.Вс. Иванова, С. Лесневского, И. Ростовцевой и др.), названы исследовательские работы. Обратим внимание на точную формулировку художественной особенности стихов Шаламова – «тихое новаторство» (из рецензии ленинградской поэтессы Е. Дунаевской в журнале «Звезда» за 1979 в № 2) [1. Т. 1. С. 42]. Это подтверждает проделанный исследователем анализ особенностей формы шаламовского стиха, его излюбленных размеров и тропов, со стремлением к максимальной плотности и с обязательным присутствием «звукового прищелкивания», без которого, по Шаламову, стихи не бывают стихами.

После первого «разрешенного» вечера памяти Шаламова в 1988 г. Ф. Искандер справедливо говорил об «удивительно спокойном тоне его классических стихов»: «Все переплавилось в высокое мудрое спокойствие, в тонкий графический рисунок, в суровое жизнепрятие, я бы сказал. Не отталкивание от жизни, не проклятие ей, а жизнепрятие во всей ее суровости...» [1. Т. 1. С. 69]. Стихи Шаламова, действительно, классичны. Он ориентировался на лучшие образцы пейзажно-философской лирики XIX в., на Баратынского, Тютчева, Фета – и в то же время считал себя наследником И. Анненского, Серебряного века. Почему Шаламова обошли стороной искания, скажем, Мандельштама, раннего Заболоцкого, обэриутов – можно догадываться: с тридцати почти до пятидесяти лет он был в неволе. Шаламов признавался с жестокой откровенностью: «Дальний Север <...> изуродовал и сузил мои поэтические интересы и возможности» [1. Т. 1. С. 10]. Надеюсь, мысль, что «застывшая» на колымских морозах приверженность классике, классическому стиху обернулась достоинством, не покажется кощунственной. «Художественное дитя 1920-х годов, он [Шаламов] был законсервирован почти на четверть века (с небольшим перерывом) в лагерной неволе и с новой силой восстал в другое время, где оказался не ко двору...» [2. С. 95].

Сопоставляя богатый язык Мандельштама со своим, Шаламов отмечал: «Мой язык обеднен и <не только> на целое двадцатилетие отстранен от живой поэтической мысли, но и самый мозг иссушен голодом. Я не знаю, какой язык нужен. Я пользуюсь тем языком, которым могу, а не выбираю, не отбираю, избегая, может быть, цветистости» [1. Т. 1. С. 10].

Его главные принципы: «Устраняется, выжигается огнем все, что может читателю напомнить стихи другого поэта»; «...я не вижу возможности усложнять свои стихи» [1. Т. 1. С. 27]. Ко второму он добавил: «Мне кажется, усложнение будет погрешкой для моей темы, слишком важной,

чтобы разменять ее на украшения. Звуковая опора моих стихов надежна» [1. Т. 1. С. 27].

Он точно запечатлел собственную специфику. *У меня чувствительность другая...* («Осязанье», № 566). И – колоссальный объем восприятия: *Чтоб сигналы всей планеты, / Все пространство, все века / Уловила рифма эта, / Зарожденная строка* («Некоторые свойства рифмы», № 580). Именно *укрепленная в поднебесье* рифма становится инструментом его метафизического поиска (№ 580). Когда Шаламов говорит о рифме как «поисковом инструменте», обращаешь внимание на то, что он избегает этого слова – «метафизический»: «В тот неизмеримо малый миг, когда мозг поэта ищет рифмы, с помощью этого рычага в мозгу поэта пролетают миллионы сочетаний – миры исторический, физический...» [1. Т. 1. С. 457–458].

Язык стихов для него – «язык универсума, где каждое явление природы, человеческой жизни находит возможность высказаться самым убедительным образом...» [1. Т. 2. С. 459]. «Возможно, любым стихотворением, которое пишется, можно из природы и больше получить – глубже, шире, тоньше найти ответы...» [1. Т. 2. С. 459]. Он находил свои намеки грубыми, аллегории – простыми (№ 598, 606), но его образность – метафизическая. *Я верю: при косноязычье природы / Обмолвками молний показаны мне / Зигзаги путей в высоту небосвода / В покойной и праздничной тишине. // И будто всегда меня уносила / В уверенный сказочный этот полет / Молений и молний взаимная сила, / Подвального свода сломав небосвод* (из № 711). (Отмечу сложность шаламовского отношения к Богу на материале поэзии – тему интереснейшего и масштабного исследования.)

Вслушиваясь в слова и строки, понимаешь, что их смыслы нередко начинают раздваиваться и даже утраиваться: *Наш спор – о свободе, / О праве дышать, / О воле Господней / Вязать и решать* (из № 263). В комментарии относительно последней пары глаголов приведен созвучный стих 18:18 из Евангелия от Матфея: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, будет разрешено на небе». Отвлекаясь от евангельского контекста, вспоминая судьбу писателя и представляя такое чтение вслух (большая буква в слове «Господней» становится неочевидной и допускается иное интонирование последней строки), осознаешь, что в глаголах «вязать и решать» проступают и другие смыслы – жаргонно-уголовные и политические. Анализируя перевод на английский Роберта Чандлера, Леона Токер расслышала в «решать» значение «порешить», связанное с убийством. Слушая ее доклад на конференции, Елена Толстая обратила внимание и на противоположное значение – решение отпустить заключенного [3. Р. 375]. В переводах Роберта Чандлера на английский метафизичность Шаламова усиливается.

Читая это издание, ощущаешь большой задел для многочисленных исследований по темам: Шаламов и Библия, Шаламов и русские поэты XIX в., Шаламов и поэты Серебряного века, Шаламов и советские поэты, Шаламов и зарубежная литература (Данте, Шекспир, Андерсен, Мелвилл, Джек Лондон, Кафка). В примечаниях остались «стихи-калеки», «стихи-

инвалиды», как называл Шаламов стихотворения, правленные редакторами-«лесорубами». Начинаешь надеяться, что досрочно сбудется столь понятное желание Варлама Тихоновича: «Я хотел бы даже работы по связи моих стихов с прозой, но такой работы в наших условиях придется ждать сто лет» (из письма А. Кременскому, 1971 г.) [4. С. 581]. Валерий Васильевич Есипов приблизил эту возможность.

Список источников

1. Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб. : Издательство Пушкинского Дома : Вита Нова, 2020. Т. 1. 591 с.; Т. 2. 640 с.
2. Есипов В. Шаламов. М. : Молодая гвардия, 2012. 346 с.
3. Toker Leona. On Robert Chandler's Translation of Varlam Shalamov's Poetry // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. P. 368–377.
4. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + 7 т. доп. М. : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 6. 603 с.

References

1. Shalamov, V.T. (2020) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 volumes. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova.
2. Esipov, V. (2012) *Shalamov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
3. Toker, L. (2014) On Robert Chandler's Translation of Varlam Shalamov's Poetry. *Toronto Slavic Quarterly*. 47. pp. 368–377.
4. Shalamov, V.T. (2013) *Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh + 7 tom dopolnitelnyy* [Collected works: in 6 vols + additional Vol. 7]. Vol. 6. Moscow: Terra: Knizhnyy Klub Knigovek.

Информация об авторе:

Егорова Л.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: lveg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Egorova, Dr. Sci. (Philology), professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: lveg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.01.2021;
одобрена после рецензирования 07.07.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 26.01.2021;
approved after reviewing 07.07.2021; accepted for publication 09.04.2022.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2022. № 75

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 30.12.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печ. л. 21,6; усл. печ. л. 28,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4988.

Дата выхода в свет 20.05.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru